

В.А.Шушкин

ВарАХША

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

В. А. Шишкин

Варахша

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1963

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК УССР
Я. Г. ГУЛЯМОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга — результат многолетней работы, проведенной большим коллективом археологов под руководством автора.

Несмотря на то, что Бухарский оазис играл большую роль в истории Средней Азии и занимает в историко-археологическом отношении выдающееся место, он еще мало исследован. Делая попытку восполнить этот пробел в археологической литературе, мы были вынуждены опираться почти исключительно на наши собственные исследования. Многие большие проблемы, которые здесь затрагиваются, нельзя, конечно, считать в достаточной мере разрешенными.

Многие из наших выводов и замечаний носят предварительный, а иногда и гипотетический характер. Такие сложные вопросы, как зарождение, развитие и динамика орошаемого земледелия — основы всей хозяйственной жизни страны, политическая история и в особенности социальная структура общества требуют еще углубленного исследования. Это относится в полной мере и к истории культуры, в частности к истории древнего искусства, для которой Варахша с ее дворцами бухар-худат дает, несомненно, исключительно важный материал.

Работая над материалами Варахши, автор встречался с трудностями, которые вытекали не только из слабой изученности археологии Бухарского оазиса, но и из новизны впервые тогда открытых в Средней Азии стенных росписей и алебастрового резного декора. Материал для сравнения отсутствовал, так как ни росписи Пианджикента, ни памятники искусства Топрак-калы тогда еще не были известны. Этим объясняются значительные ошибки в хронологическом определении раскапываемых объектов, имеющиеся в ряде статей, ранее опубликованных как автором, так и другими исследователями. Позднее, в результате длительных раскопок, по-

требовавших большого труда, была надежно установлена стратиграфия культурных наслоений городища. К этому времени стали известны аналогичные памятники в Хорезме и Таджикистане и была получена твердая основа, которая позволила критически пересмотреть наши предварительные датировки, а вместе с тем и историко-археологические построения и выводы. Некоторые из них потребовали существенных поправок.

Работы по исследованию городища Варахша велись, как уже отмечалось, большим коллективом сотрудников. Несмотря на изнуряющую жару, сменявшуюся пронизывающим холодом, на песчаные бураны и другие трудности, в лагере у колодца Варахши из года в год складывался дружный коллектив, с увлечением отдававшийся работе. Среди работников, выполнявших наиболее ответственные самостоятельные задания, считаю своим долгом с большой признательностью отметить постоянного, начиная с 1947 г., заместителя начальника экспедиции В. А. Нильсена, научного сотрудника Государственного Эрмитажа Н. В. Дьяконова, старших научных сотрудников Института истории и археологии АН УзССР В. Д. Жукова и С. К. Кабанова.

В качестве младших научных сотрудников работали Л. И. Альбаум, П. А. Гончарова, Ф. А. Заславская, Д. Г. Зильпер, А. С. Кахаров, В. А. Мешкерис и М. Х. Урманова; обязанности лаборантов-коллекторов выполняли Т. Агаамхожаев, Ф. Азадаев, М. К. Бабаева, С. С. Елохин, А. Заатомрезов, Г. Н. Катков, К. Мухаммедьярова, В. В. Угрюмова и В. А. Шевченко.

Калькирование и копирование в красках в натуральную величину стенных росписей выполняли художники Ю. П. Гремячинская, В. Н. Кедрин и Г. Н. Никитин, сделавший большую часть этой работы и подготовивший большинство цветных таблиц к настоящему изданию, а также В. А. Нильсен.

Ответственные работы по закреплению живописи и съемки со стен для музейного хранения

выполнены под руководством художника-реставратора Государственного Эрмитажа П. И. Кострова реставраторами И. Б. Бентович и Е. Г. Шейниной: первые опыты закрепления живописи были сделаны еще в 1939 г. реставратором П. А. Смеловым.

Фотографическая фиксация производилась автором и сотрудниками экспедиции, а также Л. И. Ремпелем и П. М. Кильдюшовым; камеральные фотографические работы — фотографами И. П. Завалиным и Е. Н. Юдицким.

Инструментальный план городища Варахша составлен топографом Н. Н. Сапожниковым.

Автор выражает благодарность пилотам А. Г. Антиповой и В. Д. Блажину, водителям автомашин Н. Д. Санникову, С. С. Петрову, Г. Ф. Комиссарову и другим лицам, содействовавшим в той или иной мере успеху экспедиции. Необходимо отметить прекрасную работу в 1938—1939 гг. бригады землекопов, возглавлявшейся погибшим в боях Великой Отечественной войны А. Я. Дирюшкиным, и рабочих из местных жителей. Многие из них, работая

с археологами в продолжении ряда лет, хорошо усвоили технику раскопок и оказывали большую помощь.

В организации экспедиции и работе над ее материалами автору содействовали многие ученые как в узбекистанских, так и в центральных научных учреждениях. Автор считает приятным долгом выразить свою особую благодарность за ценные консультации, советы и непосредственную помощь в работе К. В. Тревер, С. П. Толстову, Я. Г. Гулямову и ныне покойным академику И. А. Орбели, А. Ю. Якубовскому, Б. П. Денике, директору Узбекистанского музея искусств В. А. Афанасьеву и многим другим.

Представляя на суд читателей свой труд, автор выражает надежду, что советская историческая и археологическая наука уже в ближайшие десятилетия углубит и расширит наши познания о прошлом долины Зеравшана и Бухарского оазиса, и что наш опыт археологического описания части оазиса будет использован при дальнейших исследованиях.

Часть I

БУХАРСКИЙ ОАЗИС

НЕКОТОРЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Бухарский оазис может быть назван «даром Зеравшана» с таким же правом, как древние называли Египет «даром Нила». Но Зеравшан так же, как Нил, Инд или Хуанхэ, живительной влагой и плодородными наносами лишь обеспечил необходимые природные условия для человека, оплодотворившего землю своим трудом. Используя вначале естественно уважившиеся места для первых незамысловатых посевов, земледелец, накапливая опыт, научился задерживать воду в нужных местах земляными валиками, проводить канавки, а позднее стал использовать русла древних протоков и природные ложбины для постройки мощных оросительных каналов, создав силами многих поколений сложную ирригационную систему, оросившую сотни, тысячи гектаров плодородной земли. При этом даже почва изменялась в результате продолжительной деятельности человека: природные аллювиальные наносы оказались перекрытыми слоем так называемых агроирригационных отложений, достигающих местами мощности 1—1,5 и более метров¹. Так труд человека, человеческого коллектива, используя возможности, предоставленные ему природой, создал поля, виноградники и сады одного из обширнейших оазисов Средней Азии.

Бухарский оазис занимает часть древней дельты Зеравшана, теряющейся в пустыне Кызылкум. Местность обладает сухим, резко континентальным климатом, исключающим развитие земледелия без

искусственного орошения². Здесь невозможны посевы под дождь, так называемые богарные (правильнее бахорй), как это практикуется во многих местах соседних Самаркандской и Кашка-Дарьинской областей. В этом отношении условия земледелия Бухары приближаются к тем, которые существуют в оазисах низовьев Аму-Дарьи, с той, однако, существенной разницей, что несколько больший, чем в Хорезме, уклон местности³ позволяет производить полив культурных земель самотеком непосредственно из оросительных каналов, без водоподъемных колес — чигирей, широко применявшихся в прошлом в Хорезмском оазисе.

Оазис окружен со всех сторон пустынями и сухими степями: к северу от него простирается песчаная пустыня Ичкиликкум — окраина Кызылкума. Кызылкум, пересеченный кое-где незначительными по высоте и протяжению горными хребтами Кульджуктау, Сусызтау, Актау и др., тянется до низовьев Сыр-Дарьи. Пустыня не оживляется нигде зелеными оазисами, и только находки неолитических кремневых орудий, сделанные в разных местах⁴, говорят, что и здесь несколько тысячелетий тому назад у каких-то существовавших тогда водомов жили люди.

С востока к Бухарскому оазису подступает несколько возвышенная степь Чули-Малик с редкой растительностью. На востоке она опирается в Зерабулакские высоты, а на юге переходит в засоленную степь Карнаб-чуа, сливающуюся в свою очередь с обширной Каршинской степью. С запада оазис ограничен пустыней Кызылкум. Только с восточной стороны, узкой полосой вдоль Зеравшана, Бухарский оазис соединяется через местность

¹ «Узбекистан. Экономико-географическая характеристика», Ташкент, 1950, стр. 43.

² Количество осадков, по данным Каганской метеорологической станции, равняется в среднем всего 135 мм в год, распределяются они к тому же крайне неравномерно: все осадки выпадают зимой и весной. При этом испарения значительно превышают количество выпадающих осадков. См. «Материалы к проекту перепланировки Бухары» (Сантографированное издание). М., 1931, стр. 39; М. А. Шмидт. Географический и гидрогеологический очерк западной части

Зеравшанской котловины. — «Материалы по гидрогеологии и инженерной геологии УзССР», вып. V, Ташкент, стр. 28.

³ Продолжный уклон по пойме Зеравшана исчисляется в 0,0013 (см. «Материалы к проекту перепланировки Бухары», стр. 3).

⁴ В качестве примера укажем на находку у колодца Люхча к югу от хребта Кульджуктау неолитических каменных орудий и обломков керамики (А. И. Терсенов и др. Археологическая реконструкция в западной части Узбекистана. — ВДИ, 1947, № 2, стр. 189).

Хазара с оазисом Кермине, причислявшимся в средневековье к числу бухарских рустика (волоостей). На юго-западе как бы продолжением Бухарского оазиса является небольшой по площади Каракулийский район, заселенный позднее⁵.

Толща верхних наслоений, образующих поверхность современного Бухарского оазиса, сложена алювиальными отложениями. Интересно отметить, что достаточно ясное представление о роли Зеравшана в генезисе плодородной поверхности долины существовало еще в раннем средневековье. Смелую для того времени догадку об этом мы находим у автора несохранившегося труда «Хазанин алу-улум» Абу-л-Хасана Нишапури в фрагментах, включенных в дошедшую до нас краткую редакцию «История Наршахи»⁶: «Мухаммад, сын Джафара [Наршахи] в своей книге этого рассказа не передает: то место, где теперь находится Бухара, было водоёмом (انگير), часть которого представляла собою заросли камыша, а часть была занята деревьями и лужайками⁸. Некоторые места были такими, что никакое животное не могло [через них] пройти. По той причине, что в областях в стороне Самарканда в горах таял снег, там собиралась вода в виде большой реки. Большую реку в стороне Самарканда называют Масиф (ماسف)». В этой реке собиралось много воды, эта вода в своем течении размывала землю и уносила много глины (ل), так что вырыла углубления. Вследствие большого количества воды

и глин, которые достигали до Битика и Фараба и там задерживались¹⁰, то место, в котором теперь Бухара, понемногу заполнилось [землей] и выравнялось; образовалась большая река. Когда, а это заполненное место сделалось Бухарой. Сюда стали собираться люди со всех сторон, и место приняло цветущий вид. Пришли сюда люди со стороны Туркестана, [так как] здесь было много деревьев и мест для охоты. Им понравилась эта область и они здесь обосновались. Сначала люди строили шалаша и палатки, а потом, когда их стало больше, начали возводить здания».

Дальше в тексте «История Наршахи» следует сообщение о восстании Абура и о постройке туркским царевичем Шири-Кишваром, подавившим это восстание, Бухары и крупных селений в ее окрестностях.

Остроумная, основанная на большой наблюдательности догадка Абу-л-Хасана Нишапури не была единственной в то время: Ибн-Сина в трактате по минералогии излагала теорию образования пластов глин из продуктов разрушения гор¹¹, Бируни высказал мнение об аллювиальном происхождении поверхностных наслоений Хорезма¹².

Ошибка средневековых авторов была то, что они относили процессы образования речных долин и их почвенного слоя к близкому историческому прошлому. Это вполне естественно: у ученых средневековья не было даже приблизительного представления о масштабе длительности геологических процессов, которыми располагает современная наука. Археологические данные, как мы увидим дальше, не подтверждают указанного в «История Наршахи» времени основания Бухары и других селений.

Но вместе с тем в свете современных геологических знаний многое из предполагаемых средневековых авторов в общих чертах подтверждается. Поверхностные слои оазиса и окружающих равнин сложены третичными мергелями, которые перекрыты верхнетретичными и четвертичными наносами древних блуждающих потоков — предшественников современных рек. Территория Бухарского оазиса входит в широкую аллювиальную долину, которая в далекой древности была образована огромным потоком, стекавшим с Тянь-Шаня в сторону Каспийского моря, еще до образования Аральского бассейна. Позднее, вероятно, после поднятия Прикаспийской низменности и образования Аральской впадины, произошло изменение направления потоков,

⁵ Первые упоминания об оазисе Каракула в литературе встречаются, по-видимому, не раньше монгольского времени. У географов X в. говорится только о Баргини-Ферах — «Обширном водоеме», известном обитаме птиц и рыбы и соответствовавшим Каракулу (В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 124).

⁶ Перевожу этот отрывок по каганскому литографированному изданию: «История Наршахи», Каган, 1904, стр. 6—7. В соответствующем месте перевода Н. С. Лыкошина (Наршахи. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин, под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897, стр. 11—12), основанном на тексте, изданном Шефером («Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy», Paris, 1892; далее изд. Шефера), имеются некоторые расхождения с нашим переводом, отмечаемые ниже. См. также R. N. Frye. The History of Bukhara, translated from a Persian Abridgment of the Arabic Original by Narshakhi. Cambridge—Massachusetts, 1954.

⁷ Этот фрагмент в переводе Н. С. Лыкошина нет. Вместо нее: «Абу-л-Хасан Абул Рахман сын Мухаммада ан-Нишапури в книге „Хазанин-алу-улум“ говорит...». Очевидно, два переписчика пропустили здесь разные фразы и следуют их читать одну за другой: сначала — по тексту Шефера, а затем по тексту каганского издания.

⁸ Здесь у Н. С. Лыкошина, очевидно, ошибка: слово *موتياز* (ауг, лужайка; ср. авест. *магью*, согд. *magh*, яги. *magu*) и переведено «там было много птиц».

⁹ W. Tomaschek. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Sitzungsber. der phil.-hist. Classe der K.-K. Acad. der Wissenschaften, LXXXVII. Wien, 1877, 78. См. также В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 84; его же. К истории орошения Туркестана, стр. 103 В. В. Бартольд высказал предположение, что у Якуби (BGA, VII, 293) вместо *ماسف* и у Наршахи (изд. Шефера, стр. 5) вместо *ماسف* следует читать *قاب* (В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 84).

¹⁰ В переводе Лыкошина داشت دیگر باز داشت и переведено: «так что другие воды (т. е. болота.— В. Ш.) совсем пересохли», что неточно.

¹¹ А. Н. Бекасницкий. Геолого-минералогический трактат Ибн-Сины.— ИООН АН ТаджССР, вып. IV, 1952, стр. 50.

¹² И. Ю. Крачковский. Бируни и его роль в истории восточной географии.— Сб. «Бируни», М.—Л., 1950, стр. 63; С. Волли. К истории древнего Хорезма.— ВДИ. 1941, № 1, стр. 192—196; Я. Г. Гулямов. Бируни об исторической гидрографии низовьев Аму-Дарьи.— Сб. «Бируни—великий ученый средневековья», Ташкент, 1950, стр. 85—92.

древний аллювий был перекрыт более молодыми отложениями, обязанными своим происхождением современным Аму-Дарье и Зеравшану¹³. Образовавшаяся таким образом огромная равнина была покрыта затем островами сыпучих песков, что, по И. П. Герасимову и К. К. Маркову, является признаком относительно более молодых песчано-глинистых пустынь, находившихся в процессе развития¹⁴. Пески пустыни играли немаловажную роль в истории Бухарского оазиса, так как они легко переносились ветрами, засыпая окраинные части оазиса, особенно в те периоды, когда по тем или иным причинам исторического характера его население ослабляло борьбу за свои посевы и усадьбы. При господствующем северо-западном направлении ветров, переходящих нередко в сильные песчаные бури, от наступления песков страдали чаще всего северные и западные окраины оазиса.

По исследованиям советских геологов, третичные наслоения собраны в отлогие и слабо заметные антиклинальные складки, простирающиеся то с северо-востока, то с северо-запада. Между складками лежат неглубокие впадины. В одной из этих синклинальных впадин, по П. М. Васильевскому, течет Аму-Дарья, в другой находится Каракульский оазис с его бессточными озерами, принимающими излишки зеравшанской воды. Водоразделом со следующей синклиналью на западной стороне Бухарского оазиса служит урочище Кара-Янтас с буграми Уч-Баш. Дальше прослеживается впадина, проходящая через степь Карнаб-чул и продолжающаяся на западной стороне оазиса, возможно, в направлении течения Вабкент-Дарьи — древнего Хитфара, о котором будет сказано ниже. Синклинальным впадинам, имеющим направление с юго-востока на северо-запад, соответствуют, весьма возможно, проходящие к северу от оазиса ложины Ичкилик и Кенимехская¹⁵.

Зеравшан протекает поперек антиклиналей, «прорезая их в пониженных местах и растекаясь по синклинальным долинам между ними»¹⁶. Наличие таких синклинальных впадин и разделяющих их антиклинальных поднятий, если принять изложенную схему П. М. Васильевского, хорошо объясняет образование древней дельты Зеравшана, уже в глубокой древности терявшегося в пустыне и доходившего до Аму-Дарьи, возможно, всего лишь одним из протоков, остаток которого сохранился в виде редко наполняющегося русла Махан-Дарьи¹⁷.

Сделаем попытку гипотетически реконструировать эту древнюю дельту. Первым интересующим нас ответвлением Зеравшана вправо является современнейший Кенимехский арык, протекающий по так

называемой Кенимехской депрессии — обширной долине широтного направления, расширяющейся к западу и переходящей в пустынно-песчаные пространства Кызылкума¹⁸. Ниже по течению идет второе ответвление, которое можно усмотреть в лошине, отходящей вправо от поймы Зеравшана западнее селения Дульдудь, представляющей собою «мягко выраженную депрессию, постепенно расширяющуюся в западном направлении и переходящую непосредственно в Ичкиликские степи. По дну депрессии (в настоящее время) в небольших бессточных впадинах располагаются такыры»¹⁹. Не являлись ли эти ложины древними протоками зеравшанской дельты? В отношении первой из них такое предположение как будто подтверждается наличием сухого русла Дарья-сай, проходящего вдоль южных склонов хребта Кульдзуктау. Вопреки высказывавшемуся некоторыми исследователями мнению, что Дарья-сай является искусственным каналом, отсутствие на его берегах памятников исторического времени говорит скорее о том, что это естественный дельтовый проток, давно уже, видимо, высохший²⁰. Впрочем, вопрос о Дарья-сae еще не ясен и требует специальных исследований.

Более убедительные основания для предположения о естественном происхождении протока дает следующая ниже по течению долина — та, по которой протекает один из крупнейших магистральных каналов Бухарского оазиса — Вабкент-Дарья или Хитфар. В литературе можно найти указания на это обстоятельство. В дошедшем до нас варианте «Истории Наршахи» при перечислении главных каналов области Бухары говорится: «Так передают, что все каналы выкопаны людьми, кроме Хитфара, [который] прорыла сама река без труда людей»²¹.

Отметим, что среди населения Бухары мнение о естественном происхождении Хитфара распространено до сего времени. Об этом писал Н. Ханыков, конечно, на основании слышанных им рассказов и сообщений, что «как по быстроте течения, так и по ширине» Хитфар «скорее естественный проток, нежели искусственная канава»²². Такое же предание приводит Н. Ф. Ситняковский, дополняющий это сообщение замечанием, что «оконечность его (Хитфара) — В. Ш.) бывшего русла замечается в настоящее время в полосе песков, примыкающих к северо-западу к культурному пространству»²³.

В 1944 г. мы имели возможность осмотреть значительную часть этого канала от его головного сооружения на Зеравшане до разделения на две магистральные ветви — каналы Рамитан и Зандани. Канал, в отличие от других ирригационных магист-

¹³ И. П. Герасимов, К. К. Марков. Четвертичная геология. М., 1939, стр. 268—271.

¹⁴ Там же, стр. 274.

¹⁵ П. М. Васильевский. Река Зеравшан в Бухарском районе. — «Вестник ирригации», Ташкент, 1923, № 9, стр. 94—97.

¹⁶ Там же, стр. 96.

¹⁷ В. П. Дробов. Река Махан-Дарья. — ИСАГО, т. XX, Ташкент, 1932, стр. 1—11.

¹⁸ М. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 12—13; Н. Ф. Ситняковский. Заметки о Бухарской части долин Зеравшана. — ИТОРГО, т. 1, вып. II, Ташкент, 1900, стр. 129.

¹⁹ М. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 10.

²⁰ А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 188—189.

²¹ История Наршахи, стр. 40.

²² Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 32.

²³ Н. Ф. Ситняковский. Указ. соч., стр. 129.

ралей оазиса, даже таких мощных, как Шахруд, имеет ясно выраженную и достаточно широкую пойму. Местами можно проследить и речные террасы. Все это придает предположению о дельтовом происхождении Хитфара достаточную убедительность²⁴.

Мы уже упоминали о естественных протоках низовьев Зеравшана — Махан-Дарье, доходящей в отдельные годы еще в недавнее время до Аму-Дарьи, и расположенном южнее протоке Бужай-ли, кончающемся небольшим озером Заман-Баба²⁵.

Наконец, в Каракульском оазисе имеется несколько разветвлений русла реки, из которых самое значительное — Таир-кыр — доходит до бессточной впадины соленого озера Денгиз-куль. Ни один из этих протоков даже в глубокой древности до Аму-Дарьи, по-видимому, не доходил²⁶.

В среднем течении Зеравшана, после соединения Кара-Дарьи и Ак-Дарьи — двух рукавов, на которые река разделяется ниже Самарканда, он выходит из долины, ограниченной с обеих сторон возвышенностями, и протекает по равнинной местности. Здесь, между городом Кермине и восточной окраиной Бухарского оазиса, левый берег представляет собой плоскую возвышенность степи Махик, никогда не орошающуюся и покрытую скудной растительностью. При общем уклоне местности в сторону Аральского моря вполне естественно, что все указанные долины, в которых, по нашему мнению, были возможны дельтовые протоки Зеравшана, находятся на его правой стороне.

Зеравшан — река ледникового происхождения; уровень воды в нем подвергается значительным изменениям. Наибольшее количество воды бывает в нем летом, во время интенсивного таяния снегов и льда в горах. Тогда Зеравшан становится многоводным и с шумом катит свои желтые воды, несущие плодородную мусть, состоящую из глин, песка

²⁴ Против того, что Хитфар является естественным протоком, возражает Я. Г. Гулямов. По его мнению, «археологический материал, добытый в зоне командования этого канала, не свидетельствует об обводненности земель до рубежа нашей эры». Второе его соображение: голова канала расположена слишком высоко для естественного протока, вода в него поступает только при условии подпора поймой, перегородившей русло Зеравшана («Страницы из истории древнего орошения в Средней Азии» — Газета «Правда Востока», 22 мая 1957 г., № 120). Против первого соображения можно привести тот факт, что система Хитфара, простиравшаяся в древности далеко на запад, орошала такие районы заведомо древней культуры, как группа памятников Баш-тепе и участок около городища Кызыл-кыр. Что же касается второго соображения, то современная голова канала могла быть относительно позднего происхождения, а подпор реки поймой потребовался вследствие углубления ложа реки и заиливания протока.

Впрочем, вопрос об естественном или искусственном происхождении Хитфара при современном состоянии изучения Бухарского оазиса не может быть решен окончательно.

²⁵ Кроме цитированной работы В. П. Дробова, описание Махан-Дарьи преимущественно в ботаническом отношении, но дающее ряд сведений и о строении почвы, см.: Е. П. Корольков. Махан-Дарья. Геоботанический очерк. ИСАГО, т. XX, 1932, стр. 13—32; М. В. Кузьмина. К характеристике растительного покрова района, прилегающего к Махан-Дарье. — Там же, стр. 33—37.

²⁶ П. М. Васьковский. Указ. соч., стр. 96.

и органических веществ²⁷. По наблюдениям Н. Ф. Ситняковского, сделанным еще в прошлом столетии, Зеравшан, миновав упомянутые возвышенности, проявляет наклонность к разлитою в правую сторону по ровной местности, покатою на запад²⁸. В древности, до развития орошения в среднем течении реки, можно полагать, Зеравшан заполнял ряд ложин, теперь уже иногда слабо заметных. Часть образованных таким образом протоков заканчивалась бессточными впадинами — озерами, реликтами которых являются в наше время озера Денгиз-куль, Заман-Баба, Шур-куль в Кенимехской долине и др. Необходимо оговориться, что часть этих ложин, выше поднятых над уровнем реки, могла заполняться только до постройки больших магистральных оросительных каналов в верхней и средней части реки и использования для орошения значительной части воды. В таком случае существующие теперь в этих ложинах каналы (например канала Кенимеха) не должны рассматриваться как остатки естественных протоков; они следуют только их направлению, пользуясь уклоном местности.

В самом Бухарском оазисе, на всем протяжении, Зеравшан имеет характер степной реки, часто образующей небольшие песчаные или заболоченные острова, исчезающие под водой в период половодья. По наблюдениям М. А. Шмидта, современная долина Зеравшана, в общем мало углубленная, имеет в профиле террасовидные уступы в виде прерывистых полос по берегам реки. Нижние террасы превышают уровень реки в межень на 1—1,2 м, средние — на 3—4 м и верхние — на 6—7 м.

Бухарский оазис имеет очень сложную и разветвленную ирригационную сеть²⁹. Непосредственно из реки на правобережье выведены магистральные каналы Джилъван, Шапуркан, Султанабад, Пирмат, Калькан-руд (Харкан-руд, Нижняя Харкана), Мазаранган, Вабкент-Дарья (Хитфар, Гау-Хитфар) и Хайрабад, а с левой — Камн-Абумуслим³⁰, Джанавадар, Камн-Зармитан, Шахруд (Шахар-руд, Руди-Шахар), Янги-арык (Бехбуд-арин), Пайкент и Каракуль-Дарья (нижняя часть

²⁷ Н. Ф. Ситняковский. Указ. соч., стр. 129.

²⁸ Там же.

²⁹ Предлагаемое описание этой сети относится полностью ко времени до ее переустройства и реконструкции, проведенных в советское время и значительно изменивших общую картину. В основных чертах мы заимствуем описание арыков Бухары у Н. Ф. Ситняковского (указ. соч., стр. 135 и сл.), дополняя его собственными наблюдениями.

³⁰ М. Е. Массон («Загадочное городище Канка» — СОНАТ, 1934, № 10—11, стр. 19) приводит ошибочно термин «кам», входящий в названия многих каналов Бухары в форме «кан» (корень таджикско-персидского глагола «кандан» в значении «копать»). Произношение «кам» зафиксировано как в живой речи, так и в документах. См., например, упоминания каналов Камн-Абумуслим, Камн-Миг, Камн-Ханар и др. в документах XVI в., изданных П. П. Ивановым («Хозяйство джунгарских шейхов», М.—Л., 1954, стр. 299, 312, 317 и др.). Связывать это слово с терминами «канак» или «канг», как это, следуя за М. Е. Массоном, делает С. П. Т. Массон («Древний Хорезм», М., 1947, стр. 24, примечание), филологически неверно. Отмечу также, что слово «к» в доступных нам персидских словарях нет; возможно, это реликт древнего языка, сохранившийся, подобно хорезмийскому «яб», до наших дней.

Зеравшана с ее разветвлениями. Каждый из этих каналов разветвляется на более мелкие арыки, часть которых представляет собой еще достаточно крупные магистраль, орошающие обширные районы, как, например, каналы Зандани и Рамитан, на которые делится Вабкент-Дарья. Из больших каналов выведены мелкие арыки, орошающие, как правило, землю одного селения, а из этих последних — полевая сеть маленьких канавок-оросителей.

При большом количестве ила и песка, которые несет, особенно в половодье, Зеравшан, и при слабых уклонах ирригационных каналов, они подвержены сильному заилению и требуют систематической очистки. На берегах некоторых каналов вырастают мощные валы выброшенного песка, что резко отличается по виду каналы Бухары от каналов Ташкента, Самарканда и Ферганы. Через наиболее пониженные части равнины каналы проходят нередко в искусственном русле, образованном двумя насыпями-дамбами (например арык Хайрабад с его отводами). «Не нужно особенно вглядываться в канализационную систему, чтобы заметить крайнюю ее сложность», — говорит Н. Ф. Ситняковский, давший первое, но весьма обстоятельное описание бухарской оросительной сети, — «вся ирригационная система Зеравшана в бухарской его части представляет грандиозное сооружение, устроившееся постепенно в течение многих столетий и поглотившее много труда»³¹.

Добавим несколько дополнительных кратких замечаний о тех условиях, в которых должен был трудиться бухарский крестьянин. Недостаток осадков и общая сухость климата, как уже было сказано в начале главы, делают невозможным неорошаемое земледелие. Поэтому земледельцы затрачивали много труда не только на прорытие каналов, но и на их поддержание, на постоянный ремонт часто разрушавшихся примитивных плотин, головных заборных сооружений, вододелителей и мостов.

Аллювиальные почвы Бухары достаточно плодородны, но слабый уклон поверхности осложняет технику ирригации, приводит к засолению земель, затрудняя промывку почв. Устройство же сложной дренажной системы — «зауров» или «захакшей» (сбросовых канав), по-видимому, совершенно неизвестно в древности и в недостаточных размерах практиковавшееся в средневековье, оказалось воз-

можным в полной мере только при современной технике ирригации и при социалистической системе хозяйства. В старину же в низких местах вода застаивалась, образуя иногда довольно обширные болота и небольшие заросшие камышом озера, служившие рассадником малярии, свирепствовавшей в этих районах еще два десятилетия тому назад.

Вообще можно констатировать, что при медленно совершенствовавшейся технике обработки земли и ирригации условия земледелия на протяжении веков не улучшались, а постепенно непрерывно ухудшались, тем более что правители, эксплуатировавшие труд земледельца, далеко не всегда выполняли одну из обязательнейших для них функций — заботу о поддержании в порядке ирригационных систем и о развитии сельского хозяйства.

Бухарский оазис, как мы уже видели, окружен со всех сторон пустынями и полупустынями. Достаточно сказать, что в современной Бухарской области только 1,6% земли занято пашнями³². Остальная площадь, да и то в незначительной части, пригодна только под пастбища.

Для полноты характеристики географических условий Бухарского оазиса необходимо упомянуть о тех путях, которыми он был связан с другими областями и странами. Здесь прежде всего следует отметить положение Бухары на знаменитом «шелковом пути», связывавшем, начиная с рубежа нашей эры, множество стран и народов от Тихого океана до Средиземного моря. Жители Бухарского оазиса, наряду с согдийцами Самарканда, играли, несомненно, активную роль в международном обмене в качестве торговцев, каравановожатых и пр., а сама Бухара, а также, по-видимому, Пайкент, были в числе важнейших складочных пунктов и местом остановок караванов. Степными караванными дорогами Бухара была связана, кроме того, с оазисами Хорезма, Несефа (Карши) и с городами в низовьях Сыр-Дарьи, а через них — с Приуральем и Сибирью. Центральное положение Бухары среди областей Средней Азии с оседлым населением создавало, вместе с другими факторами, предпосылки большой экономической и политической роли Бухары, являвшейся на протяжении многих столетий столицей среднеазиатского Междуречья и лишь временами уступавшей эту роль Самарканду.

³¹ Н. Ф. Ситняковский. Указ. соч., стр. 143.

³² «Узбекистан. Экономико-географическая характеристика», стр. 262.

ИЗ ИСТОРИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
БУХАРСКОГО ОАЗИСА

Археологическое изучение Бухарского оазиса имеет пока еще небольшую историю. В дореволюционное время здесь было сделано значительно меньше, чем в других областях Средней Азии, более доступных для археологов-любителей, добывавших сведения о тех или иных памятниках часто попутно выполняя служебные поручения. Некоторые данные, преимущественно о бухарских памятниках архитектуры, проникли в научную литературу еще в первой половине XIX в. Отметим русское посольство Негри, бывшее в Бухаре в 1820 г. Описание этого путешествия сохранилось в трудах Эверсмана и Мейендорфа. Собственно археологические сведения об этих районах впервые дал известный агент английского правительства А. Борнс, сообщивший об интересной в археологическом отношении «местности Ходжа-Обон» и найденных там монетах, описанных в приложении к его книге Уилсоном и Принсепом¹. Некоторые сведения о Бухаре сообщили натуралист Леман и востоковед Н. Ханыков, участвовавшие в миссии горных инженеров Бутенева и Богословского (1840 г.)². После 1868 г., когда бухарский эмир был вынужден признать себя вассалом русского царя, страна сделалась более доступной для исследования. Появилось множество описаний Бухары и Бухарского ханства, составленных как русскими, так и иностранными путешественниками. Большинство из них содержит и некоторые, часто неточные и поверхностные, иногда искаженные сведения о памятниках Бухары. Для археологии эти книги ничего существенного не

дают, и имеют только историко-библиографический интерес.

Общий результат всех путешествий до середины 90-х годов XIX в. в археологическом отношении был незначителен. Больших успехов достигла в это время нумизматика. Кроме Уилсона и Принсепса, о монетах из Бухары писал Френ³ (он впервые выделил среди них группу, ставшую известной под названием монет бухар-худатов), их описывал академик Келлер⁴; большую и ценную работу посвятил монетам бухар-худатов П. И. Лерх⁵. Бухарские монеты с арабскими легендами, относящиеся ко времени после арабского завоевания, описывались во многих трудах русских и зарубежных ученых. В числе этих трудов особо следует отметить труд В. Тизенгаузена о монетах Восточного халифата⁶. В нумизматическом отделе Эрмитажа была собрана группа монет, именовавшихся в описях «туранскими неприуроченными» (или, по определению Френа, «монеты тюркских хаканов Афрасибава рода»). Позднейшие исследования, о чем будет сказано ниже, показали, что значительная часть этих монет является также чечаном бухарских правителей доарабского времени⁷.

Немного было сделано по изучению археологии Бухарского оазиса и позднее, вплоть до Октябрьской социалистической революции. Из более или менее значительных трудов можно сослаться только на работы военного топографа Н. Ф. Ситняковского, производившего в Бухаре в 1896 г. топографическую съемку, и Л. А. Зимина, который осмотрел

³ «Novae symbolae ad rem numariam Muhammedanorum ex Museis Pflugiana atque Mantuefeliario Petropoli nec non Neddoliano Casani. Edidit Doct. C. M. Fraehn». Petropoli et Haliis Saxonium, 1819, p. 45—46.

⁴ «О древней медали, вывезенной из Бухары». — «Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасным», ч. I, 1824, стр. 9—18 (о серебряной монете царя Греко-Бактрии Деметрия).

⁵ П. И. Лерх. Монеты бухар-худатов. — ТВОРАО, ч. XVIII, СПб., 1875—1909.

⁶ В. Тизенгаузен. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873.

⁷ См. также работы П. С. Савельева, В. В. Григорьева, В. В. Вельяминова-Зернова.

¹ H. Wilson, J. Prinsep. Observations on Lieut. Burnes' collection of Bactrian and other coins. — В кн.: A. Burnes. Travels into Bokhara, being an account of journey from India to Cabool, Tartary and Persia in the years 1813, 1832 and 1833. London, 1839, vol. II, p. 455—473.

² Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843; A. Lehmann. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841—1842. Beiträge zur Kenntnis des Russisches Reiches, XVII, 1859.

некоторые местности, преимущественно на западной и восточной сторонах оазиса и произвел небольшие раскопки на городище Пайкенд (1914 г.).

Н. Ф. Ситняковский, не будучи ни археологом, ни историком, попутно с картографическими работами заинтересовался памятниками древности, обильно разбросанными по всему оазису. Им был замечен и нанесен на карту вал, представляющий собой остатки стены, окружавшей в древности бухарские районы и служивший защитой от неожиданных набегов кочевников. Этот вал, происхождение которого было совершенно правильно определено Н. Ф. Ситняковским, известен под названием Кампир-дивал или Кампирак⁸. Для исторической топографии оазиса Кампирак имеет первостепенное значение, так как его положение позволяет с точностью определить территорию культурных орошенных земель времени постройки стены. Кроме того, Н. Ф. Ситняковский осмотрел несколько городищ и остатков древних сооружений, пытался производить небольшие раскопки, не давшие, впрочем, результатов ввиду полной неподготовленности его к этой работе. Особенной заслугой Н. Ф. Ситняковского следует считать сделанное им подробное и обстоятельное описание ирригационной системы оазиса. Заслуживает внимания здравый и правильный по тем временам взгляд автора на задачи исследования. Он, по собственным его словам, стремился «составить себе понятие о том, что арабы застали в стране и что было сделано ими потом к усовершенствованию культуры, имея главным образом в виду систему канализации (орошения)» (В. Ш.)⁹.

Большое значение для изучения территории Бухарского оазиса в историческом и археологическом отношении имел уже отмеченный выше перевод «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи, выполненный Н. С. Лыкошиным и изданный под редакцией В. В. Бартольда.

В одном из примечаний к этому переводу В. В. Бартольд указывает на местоположение древнего селения Варахша: «Очень вероятно, что название селения сохранилось в названии колодца Варахшин в песках Кимирек-кум»¹⁰. В. В. Бартольд заимствовал несколько искаженные названия с имевшихся в его распоряжении карт. Колодец Варахшин, вне всякого сомнения, соответствует колодцу Варахша (известному, кажется, и в форме «Варахшин»), расположенному у самого городища того же названия, а местность, где находится это городище, носит также название Кампираккум.

⁸ В рукописях «Истории Наршахи» встречается варианты названия стены: «Дивари-канди-бузург» и «Дивари-кандизак» (см. Х. Мухамедов. Кадимий мудофас деворади. Ташкент, 1961 г. с. 73).

⁹ ПТКАЛ, год III, Ташкент, 1897—1898, стр. 89—94. См. также отзыв о работах Н. Ф. Ситняковского (там же, стр. 135). К цитированной уже нами работе Н. Ф. Ситняковского «Заметки о бухарской части долины Зеравшана» приложен ценный список арыков и населенных пунктов.

¹⁰ Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 26, прим. 1.

В. В. Бартольд, насколько нам известно, первым упомянул о городище Варахша в научной литературе.

В капитальном труде В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»¹¹, не потерявшем своего значения и в наше время, большое место было уделено Бухаре и окружающим ее районам. Его автор тщательно собрал и широко использовал огромное количество арабских и персидских источников. Этот труд русского ученого стоит неизмеримо выше подобных исследований иностранных ориенталистов, появившихся позднее¹².

В начале XX в. в результате раскопок, производивших преимущественно в Самарканде, где работали Н. И. Веселовский, В. А. Вяткин, В. В. Бартольд и др., по археологии Средней Азии накопился уже известный материал. Однако еще недостаточно была разработана методика археологических работ, имевшая в Средней Азии свои специфические особенности. Не существовало археологической периодизации, хотя бы и по формальным признакам. В этом отношении археологические работы, проводившиеся в Средней Азии, значительно отставали от того, что было сделано в других частях Российской империи — в Причерноморье, на Кавказе и т. д. Классификация добывавшихся при раскопках предметов в хронологическом отношении была примитивной: по нескольким большим периодам — «домусульманскому», «домонгольскому», «тимуридскому». Проблемы исторического порядка при археологических работах, в сущности, и не ставились, хотя сведения из письменных источников иногда использовались. Тем не менее, предварительное знакомство с материалами, добытыми на Афрасиабе, на Никифоровских землях около Ташкента, на городище Старого Мерва и в прочих местах, коллекций И. Т. Пославского и других любителей древности, создавали уже известные предпосылки для дальнейшего развития археологической науки.

Работы, проведенные в 1913—1915 гг. А. А. Зиминным, получившим восточноведческое историческое образование, были выполнены на несколько более высоком уровне. Но и на них лежит печать дилетантизма, не говоря уже о типичном буржуазно-идеологическом подходе к историческому материалу; в них нет ни ясной постановки задач исследования, ни знакомства с техникой производства полевых работ. Положительной стороной отчетов А. А. Зимина было то, что он включил в них довольно тщательно подбиравшиеся сведения из письменных источников, преимущественно средневековых.

За время с 1913 по 1915 г. Зимин совершил несколько рекогносцировочных поездок, в результате

¹¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., ч. I, 1898; ч. II, 1900; труд переведен на английский язык («Turkistan down to the Mongol invasion», London, 1928); второе издание под тем же заглавием — London, 1953.

¹² Например, Le Strange. The Lands of the Eastern Khalifat. Cambridge, 1905. См. рецензию В. В. Бартольда (ЗВО, т. XVII, СПб., 1906, стр. 102—107).

которых он заново описал и сфотографировал остатки древней стены между станцией Кызыл-тепе и селением Хазара, первые сведения о которой были сообщены в свое время Н. Ф. Ситняковским. Зимин посетил также несколько городищ и тепе, в том числе городища Пайкенда¹³ и Рамитана. В отчете о поездке 1915 г. Зимин сообщает о местонахождении городища Варахша: «на месте бугра Варахша... по дороге из Бухары в Хиву, на расстоянии, вполне соответствующему 4 фарсахам или 1 дню пути, указываемому арабскими географами», а также о том, что бугор представляет собой обширные развалины, на которых часто находят монеты¹⁴. Сам Зимин, ограничившись осмотром нескольких городищ на самой окраине оазиса, на городище Варахша не был. Описание памятников у Зимина нередко поверхностны, иногда неточны и содержат грубые ошибки. Так, например, за бугор Кампирак, находящийся в действительности за Варахшой, им был принят какой-то другой бугор около самого Рамитана; неверными оказались и его указания на нахождение остатков Кампир-дивала около Кал'-а-и-Маллябек¹⁵ и Кал'-а-и-Симинч.

Весною и летом 1914 г. Зимин произвел по поручению Русского комитета для изучения Восточной и Средней Азии раскопки на городище Пайкенд. Раскопки велись, как и другие археологические работы того времени в Средней Азии, без всякого плана, но сопровождались извлечением обильного археологического материала в виде стекла, керамики, металлических и костяных предметов, относящегося к позднейшим временам существования города. Раскопки производились на территории шахристана; было обнаружено здание, оставленное жителями, по-видимому, в XI в. Никаких выводов исторического характера Зимин не сделал¹⁶.

Указанными работами Ситняковского и Зимина почти исчерпываются археологические исследования, произведенные в Бухарском оазисе до конца существования Бухарского эмирата. В период между свержением эмира (1920 г.) и 1934 г. некоторая работа по изучению и охране памятников архитектуры была проделана Бухарской комиссией по охране памятников старины (Бухкомстарис). Это был период, когда советская археология в Средней Азии делала еще только первые шаги, а археологические раскопки производились в самых скромных размерах. В районе Бухары раскопочные работы вообще не производились. Некоторым событием в

археологическом изучении Бухарского оазиса явились работы гидрогеологической партии М. М. Решеткина. Производя специальные исследования в различных местах оазиса, она собирала встречавшиеся археологические материалы, переданные затем для обработки М. Е. Массоном, который опубликовал их в специальной статье¹⁷. Сборы эти были весьма скромными. В большинстве пунктов, где производились работы, была найдена относительно поздняя средневековая керамика, датированная М. Е. Массоном IX—XVIII вв. Более старая керамика, возраст которой он определял «привизорно» в пределах от 2000 до 1500 лет, была обнаружена в количестве всего двух фрагментов, происходивших из местности «на втором километре к востоку от холма Бураны-тепе», примерно в 15 км от Рамитана¹⁸.

Первой значительной работой советских археологов в Бухарском оазисе была маршрутная разведочная экспедиция Эрмитажа и Узкомстариса, предпринятая по инициативе и под руководством А. Ю. Якубовского в 1934 г.¹⁹ Экспедиция намеревалась пройти по большому караванному пути от Бухарского оазиса до Самарканда. Однако была пройдена только часть этого пути до городища Дабусия включительно, причем особенно подробно обследовалась северо-восточная окраина Бухарского оазиса с остатками древней стены Кампир-дивала. Были сняты планы построенных вдоль стен укреплений, развалины которых известны теперь под названием Кызыл-тепе, Шах-шахидан, Абурусиман, Бури-хана, Ганч-хана, Хазара и Денгак. Особенно интересна идентификация упоминаемого Наршахи и средневековыми географами города Таваиса²⁰ с примыкающими к Кампир-дивалу развалинами Шахри-Вайран («разрушенный город»), неподалеку от кишлака Таваис, сохранившего древнее название города. В западной части Бухарского оазиса были осмотрены только Кудакан-тепе²¹ и небольшое городище с очень интересной старинной мечетью в Баба-Хушарти²². Было замечено несколько крупных холмов и в степи к востоку от оазиса, но степь экспедиция не обследовала²³.

¹⁷ М. Е. Массон. Некоторые результаты разбора археологических материалов, добытых при работах гидрогеологической партии М. М. Решеткина в Бухарском оазисе в 1930 г.—«Материалы по гидрогеологии Узбекистана», вып. 15, Ташкент, 1933, стр. 187—194.

¹⁸ Там же, стр. 190—191.

¹⁹ А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину в 1934 г. (Из дневника начальницы экспедиции).—ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 113—164.

²⁰ «История Наршахи». Каган, ВГА, I, стр. 14—15, 20; Изд. Шефера, стр. 11; Истархи, ВГА, I, стр. 313—314; Макдин, ВГА, III, стр. 281; Табари, ВГА, II, стр. 1230; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 100—101.

²¹ А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция... 1934 г., стр. 118.

²² Там же, стр. 119.

²³ Выказанное А. Ю. Якубовским предположение (там же, стр. 17), что два из них—Киндык-тепе и Баш-тепе—были сторожевыми башнями, маловероятно. Осмотр их в 1952 г. убедил нас, что они представляют собой, по-видимому, большие насыпи могильных курганов.

¹³ А. А. Зимин. Развалины старого Пайкенда в их современном состоянии.—ПТКАА, год XVIII, вып. 2, 1914, стр. 74—80.

¹⁴ А. А. Зимин. Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью.—ПТКАА, год XX, вып. 2, 1917, стр. 131, прим. 4. Зимин заявляет, что он указывает местонахождение древнего селения Варахш «вопреки В. В. Бартольду» (см. цитированное нами место), не заметив, что и Бартольд говорит о той же самой местности, но использует, как мы сказали выше, несколько искаженные названия.

¹⁵ У Зимина неправильно: «Кала-и-Мулла-бек».

¹⁶ А. А. Зимин. Отчет о весенних раскопках в развалинах Старого Пайкенда.—ПТКАА, год XIX, вып. 2, 1915, стр. 63—88; его же. Отчет о летних раскопках в развалинах Старого Пайкенда.—Там же, стр. 89—131.

В отчете об экспедиции А. Ю. Якубовский затрагивает важные исторические проблемы, связанные с Кампир-дивалом и укреплениями на нем, заостряя внимание на вопросе о взаимоотношениях населения оседлых оазисов со степными скотоводы-кочевниками. Однако следует признать, что обследование этих интересных памятников было беглым, не сопровождалось хотя бы разведочными раскопками, и не дало возможности представить достаточно ясную картину истории возникновения стены и ее укреплений, хотя можно было считать установленным²⁴, что если не весь комплекс сооружений, то часть его, восходит к рубежу нашей эры. Упомянем, что одним из результатов этой экспедиции было открытие архитектурного памятника — мечети Дегтаран²⁵, находящейся на небольшом городище Хазара, где сотрудником экспедиции Турды Миргиязовым были произведены небольшие разведочные раскопки, обнаружившие средневековый керамический материал — преимущественно «котелки» — сосуды для варки пищи, изготовленные из огнеупорной глины с большим количеством шамота²⁶.

В том же 1934 г. и в следующем — 1935 г. автором настоящей работы было продолжено исследование древней стены Кампир-дивал (позволило себе несколько более подробно остановиться на описании этих разведок по той причине, что результаты их в свое время не были опубликованы). Был предпринят объезд всех окраин оазиса, обследованы остатки стены, сохранившиеся на его восточной²⁷ и южной окраинах, и попутно — значительное количество городищ, тепе и других памятников, в том числе городища Аксач, Ходжа-Аджуванди, Наумитан, Кош-тепе и многие другие. Неподалику от станции Кую-Мазар были обнаружены группы курганов, составляющие Кую-Мазарский могильник, изученный позднее.

²⁴ А. Ю. Якубовский ввиду неясности в то время теперь уже хорошо известных типов керамики от определенной датировки ее воздержался, ограничившись указанием, что «часто встречаемые здесь прекрасные образцы лощеной красной керамики дают право говорить не только о раннесасанидском, но и более отдаленном времени» (там же, стр. 136—137).

²⁵ Предположение тогда А. Ю. Якубовским («Археологическая экспедиция... 1934 г.», стр. 138) о этой постройке: «не только Исмаил Саманди, а может быть, и старшее его», принята некоторыми авторами (например, Б. Н. Засыпкина. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 34), в свете новейших исследований подвергается пересмотру. Исследовавшие этот памятник В. Л. Воронина («Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана» — «Архитектурное наследство», № 3, 1953, стр. 119) и В. А. Нильсен («Мечеть Дегтаран в селении Хазара. Архитектурно-исторический очерк» — «Труды ИИА АН УзССР», вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 61—75) датировку мечети XI в.

²⁶ Фрагментов «котелков» в шурфе около городища было так много, что создалось определенное впечатление об их изготовлении их здесь на месте, и при том — массово. Не связано ли с этим и название «Дегтаран» («Котельники»)?

²⁷ Первые сведения об этом участке стены были сообщены Е. К. Алексеем, проводившей гидрогеологические работы в 1930 г. (см. М. Е. Ас с о н. Узк. соч., стр. 187).

Менее удачными были поиски остатков стены Кампир-дивал на западной и северной окраинах оазиса. На севере их вообще не удалось обнаружить. Нами было установлено, что значительный район к северо-востоку от селения Ходжи-Ариф (ныне центр Шафракского района) не имеет древних памятников в виде городищ и тепе, столь обычных для всех частей оазиса и, следовательно, надо полагать, был заселен после VI—VIII вв. н. э. Однако впоследствии, уже в 1956 г., Х. Мухаммедов нашел остатки стены значительно севернее современного оазиса²⁸.

На западной стороне оазиса, как сообщал об этом еще Л. А. Зимин, имеется очень большое количество городищ и тепе, разбросанных по огромной территории, большая часть которой покрыта барханными песками. Стена Кампир-дивал, как выяснилось позднее, расположена на весьма значительном расстоянии от современных селений, и при тех средствах передвижения, которыми мы тогда располагали, не могла быть обнаружена²⁹. Однако неудача в этом отношении вполне компенсировалась тем, что на обширной площади земель древней оседлости было осмотрено несколько памятников, в том числе выделявшееся своими размерами городище Варакша, которое сделало в последующие годы основным объектом наших исследований в Бухарском оазисе.

Много интересных памятников, ждущих еще исследователей, было осмотрено на северной и западной окраинах оазиса; среди них Варданзи, Зандани (оба упоминаются в средневековых источниках как древние селения Бухары) и др.

К 1934—1935 гг. относится проведенная нами работа по археологическому исследованию мечети Магаки-аттари в Бухаре, показавшая мощност культурных наслоений этого города и большую его древность, восходящую во всяком случае к началу нашей эры. Окончательного ответа на вопрос о времени возникновения Бухары этот единственный небольшой раскоп, естественно, дать не мог³⁰.

Многое для понимания истории Бухарского оазиса в целом, и в частности его западной окраины, дала археологическая разведка, проведенная нами в 1937 г. Район этой разведки — зона древней оседлости и ирригационного земледелия к западу от современного оазиса — будет описан в особой главе, поэтому сведения о ней мы здесь опускаем, так же как и данные о раскопках на городище Варакша в 1938—1939 гг.

Перечень археологических работ в Бухарском оазисе до начала Отечественной войны должен быть дополнен работами на городище Пайкенд, производившимися Зеравшанской археологической

²⁸ Я. Г. Гулямов. Страницы истории древнего орошения в Средней Азии. — Газета «Правда Востока», 22 мая 1957, № 120.

²⁹ Об описке Л. А. Зимина, указывавшего на наличие остатков древней стены около городищ Кал'а-и Малла-бек и Кал'а-и Симич, см. выше.

³⁰ В. А. Шишкин. Раскопки в мечети Магаки-аттари в Бухаре. — «Труды ИИА АН УзССР», вып. 7, 1955, стр. 29—60.

экспедицией Эрмитажа и ИИМК под руководством А. Ю. Якубовского в 1939 г. Экспедиция занималась изучением топографии городища, выполнены были небольшие раскопки в цитадели и в северо-восточной его части³¹. Работы по изучению Пайкенда продолжил в 1940 г. в небольших размерах В. Н. Кесаев³². Работы в Пайкенде как А. Ю. Якубовского, так и В. Н. Кесаева носили разведочный характер и должны были, по мысли исследователей, подготовить почву для будущего археологического изучения доаравской Бухары.

Великая Отечественная война прервала на несколько лет эти работы. Только в 1944 г. автором этой книги и В. А. Нильсеном была произведена небольшая разведка археологических памятников в Вабкентском и Гиждуванском районах и осмотрена долина канала Хитфар от его головы до разделения на каналы Рамитан и Зандани³³.

В 1947 г. нами, с участием В. А. Нильсена и Л. И. Альбаума, была проведена разведка на городище Варакша, целью которой являлось ознакомление с состоянием городища и объектов, раскопанных в довоенное время³⁴. В более широких размерах работы по изучению городища Варакша были возобновлены начиная с 1949 г. и продолжались без перерыва до 1954 г. Подробные сведения о них даны ниже.

Полутно с работами на городище Варакша, в 1950 г. производились раскопки на относительно небольшом бугре Таали-Гуза, расположенном приблизительно в 3 км на север от Варакши, где были обнаружены наслоения, датируемые временем от начала нашей эры до V—VI вв.³⁵ В верхнем слое, в прослойках обгорелой земли — следах прошедшего здесь пожара — найдена серия своеобразных округлых сосудов (кувшинов) не встречаемого при раскопках Варакши типа.

В послевоенное время производились разведки и раскопки и в других местах. Из этих работ особого внимания заслуживает открытие Я. Г. Гулямовым могильников времени бронзы к юго-западу от современного оазиса у озера Заман-Баба в системе сухих русел Зеравшана — Махан-Дарьи и Гурдуш. Инвентарь обнаруженных здесь ямных и катакомбных погребений включает прекрасно сделанные кремневые листовидные наконечники

стрел, грубую круглодонную керамику, бусы из лазурита, бирюзы и других камней и прочие материалы, представляющие исключительно большой интерес не только для Бухарского оазиса, но и для Узбекистана в целом, где памятники периода бронзы выявлены еще совершенно недостаточно. Там же, в районе упомянутых сухих протоков, Я. Г. Гулямовым были обнаружены и следы культуры неолита в виде микролитических орудий и грубой керамики с елочным орнаментом³⁶. Исследование этой древнейшей для Бухары группы памятников продолжается. Несколько кремневых орудий и отщепов, относящихся к мезолиту или неолиту, было собрано около городища Пайкенд³⁷. Это единственные пока известные здесь остатки культуры с каменными орудиями, если не считать находку нескольких обработанных кремней, определяемых предварительно как орудия верхнего палеолита, найденных неподалеку от городища Варакша.

Большой интерес представляет обнаруженное Я. Г. Гулямовым небольшое городище Кызыл-кыр, где раскопками 1955 и 1957 гг. вскрыто древнее здание с глинобитными стенами, погибшее вследствие какой-то катастрофы, о чем можно судить по наличию следов пожара. К этому зданию, часть которого позднее продолжала использоваться, были пристроены группы помещений, разделавшиеся переулками³⁸.

Новым в археологии Бухарского оазиса были раскопки в 1952—1953 гг. курганного могильника у станции Кую-Мазар, на восточной окраине оазиса, где следы захоронения были обнаружены нами впервые еще в 1934 г., во время разведки остатков Кампир-дивала. Рекогносцировка 1952 г. показала, что курганов, обычно небольшого размера, расположенных отдельными группами без всякого видимого порядка, очень много. Они разбросаны в той части степи, которая примыкает непосредственно к восточной окраине оазиса. Раскопки производились под наблюдением О. В. Обезьченко. Вскрыто было 20 могил с подбоями и небольшими катакомбами. Несмотря на то, что могилы были, по-видимому, еще в древности разграблены, получен значительный инвентарь: длинные прямые с перекрестием мечи, железные кинжалы, трехперые железные наконечники стрел, керамика, среди которой имеются прекрасно

³¹ А. Ю. Якубовский. Краткий полевой отчет о работах Зеравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. — ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 51—64; Н. П. Кипарисова. Иргуща-водеи в Пайкенде. — СА, X, 1948, стр. 310—316; М. М. Дьяконов. Керамика Пайкенда. — КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 89—93.

³² Р. Кесати [В. Н. Кесаев]. Раскопки на Пайкенде в 1940 г. — СТЭ, Л., IV, 1947, стр. 26—29.

³³ В. А. Шиликин. Предварительное сообщение об археологической рекогносцировке в Бухарской области. — Юбилейный АН УзССР, 1945, № 7, стр. 26—27.

³⁴ В. А. Шиликин. Археологические работы в 1947 г. на городище Варакша. — ИАН УзССР, 1948, № 5, стр. 62—70.

³⁵ В. А. Нильсен. Материалы из раскопок на Таали-Гуза. — Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 229, 239.

³⁶ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. — Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, 1956, стр. 149 и сл. О могильнике у Заман-Баба см.: Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-Баба. — СЭ, 1958, № 2, стр. 24—33. Е. Е. Кузьмина датирует его концом III — первыми веками II тыс. до н. э. В 1960—1961 гг. в этом же районе отряд под руководством Я. Г. Гулямова открыл многочисленные места поселений времени неолита и бронзы, а в горах Каратау близ г. Кермине — пункты добычи и обработки кремня.

³⁷ Определение орудий дал А. П. Окладников.
³⁸ В. А. Нильсен. Кызыл-кыр. (Результаты раскопок 1955 г.). — История материальной культуры Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1959, стр. 60—78. Исследование памятника ко времени составления этой работы еще не было закончено.

сделанные покрытые красным ангобом бокалы, чаши и другие предметы. Весь комплекс вещей может быть датирован последним веком до или первыми веками после начала нашей эры; он имеет большое сходство с сарматскими погребениями Восточной Европы, что свидетельствует о каких-то культурных, а может быть и этнических, связях населения древней Бухары и южнорусских степей³⁹. Одновременно с этим производилось исследование остатков Кампир-дивала, находящихся у станции Кую-Мазар: сделаны поперечные разрезы вала и раскопана одна из башен.

В ближайших окрестностях могильника найдены первые на территории Бухарского оазиса глиняные оссуарии. Ранее этот способ погребения здесь не был известен⁴⁰.

В 1954 г. за этой находкой последовало открытие небольшого некрополя с оссуарными погребениями около городища Старый Пайкент. Здесь раскопками, которые производила Г. В. Шишкина⁴¹, было раскрыто почти квадратное сырцовое здание, в одном из его помещений обнаружены сильно разрушенные оссуарии и человеческие кости. Рядом раскопаны сложенные также из сырца платформы, около которых найдены обломки оссуариев; возможно, эти платформы представля-

ли собой, как и квадратное здание, остатки «наусов» — построек для помещения оссуариев. Некрополь в целом может быть датирован VI—VIII вв. н. э.

Проделанная за последние два с небольшим десятилетия работа по археологическому изучению Бухарского оазиса, если принять во внимание его обширность и огромное количество археологических памятников разного времени и разных категорий, еще, конечно, далеко недостаточна. Тем не менее, важные находки и наблюдения, сделанные за это время советскими археологами, дают возможность наметить некоторые вехи в истории оазиса, чего раньше сделать было бы невозможно. Не следует при этом упускать из виду, что благодаря изысканиям больших археологических экспедиций, таких как упоминавшаяся выше Зеравшанская экспедиция Эрмитажа и ИИМК с участием Узкомстариса, Термезская экспедиция Узкомстариса под руководством М. Е. Массона, работы в оазисах низовьев Аму-Дарьи под руководством С. П. Толстова, Таджикистанская археологическая экспедиция и многие другие, уточнившие как технику раскопочных и камеральных работ, так и методы интерпретации полученного раскопками материала, возвели почти неиспользованные прежде археологические данные в число важнейших источников при разрешении больших вопросов древней и раннесредневековой истории, не говоря уже о истории первобытного общества, где археологические источники остаются единственными.

³⁹ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. — «Труды ИИА АН УзССР», вып. VIII, 1956, стр. 205 и сл.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ В работах принимали участие С. Н. Юренев, Д. Г. Эйлер и Х. Дук.

примитивным земледелием, основанным на лиманном орошении с применением простейших сооружений в виде запруд для задержания воды в нужном месте. Низовья Зеравшана с его дельтовыми протоками и разливами были вполне благоприятными для развития здесь самого примитивного орошаемого земледелия.

Других поселений периода бронзы на территории оазиса и его окрестностей мы пока не знаем. Можно назвать всего лишь несколько незначительных случайных находок на городище Варахши в виде наконечников стрел, часть которых может быть отнесена, по-видимому, ко времени бронзы. Бронзовый нож и интересное бронзовое долотообразное орудие, возможно, кельт (рис. 2)³.

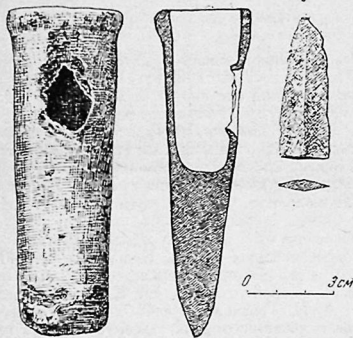

Рис. 2. Бронзовые орудия из окрестностей Варахши

В общем приходится признать, что несмотря на значительные открытия последнего времени, следы первобытных культур в Бухарском оазисе изучены еще очень мало, и какие-либо выводы здесь могут иметь только предварительный характер.

Гораздо более твердой становится почва под ногами исследователя, когда он подходит ко времени около начала нашей эры. По тем данным, которыми располагает уже теперь археология, в это время Бухарский оазис занимал почти все пространство, которое он занимает в наши дни, за исключением северо-восточной окраины, орошенной и заселенной позднее, и отдельного оазиса Каракуль. Вместе с тем оазис распространялся уже в начале нашей эры значительно дальше на запад, на расстояние около 35 км от современной границы в глубь степи до развалин древних поселений группы Баш-тепе. Следовательно, тогда уже существовала огромная и разветвленная сеть оросительных

каналов, которая ни при каких обстоятельствах не могла возникнуть в короткий срок, а была построена трудом многих поколений.

В древнейших из дошедших до нас письменных источников упоминаний о Бухаре как особой области мы не находим. Надо полагать, что территория современного Бухарского оазиса, как в Авесте и надписях Дария и Ксеркса, так и в списке сатрапов у Геродота, входит в состав Согдианы, составляя с нею единое целое в географическом и политическом отношении.

Не упоминают об оазисе Бухары сколько-нибудь ясно и историки походов Александра. Из текста Арриана можно получить только представление о том, что долина Зеравшана, или Политимея, как его называли греки, была достаточно обширна. На ней находилось значительное количество укрепленных селений и городов, для захвата которых и подавления сопротивления жителей Александр отправил пять карательных отрядов, овладевших населенными пунктами где силой, где хитростью⁴. Арриан упоминает располагавшийся, по мнению многих авторов, где-то вниз по Зеравшану город Басилейю, куда удалился борец против греко-македонских захватчиков Спитамен, узнавший о приближении к Мараканде, которую он перед тем осаждал, войск Александра⁵. В последнее время эта точка зрения подвергнута серьезному сомнению. Слово «Басилейя» в тексте Арриана рассматривается только как искажение неизвестного переписчикам названия (у Квинта Курция Базария или Базиря, у Диодора — Басиста). Соответственно и местоположение этого пункта указывается в другой местности, к югу от Самарканда⁶. Вместе с тем тексты Арриана и Квинта Курция не позволяют отрицать существования в древности оазиса в низовьях Зеравшана: они говорят об обширной населенной и орошенной области вдоль реки, до тех пределов, где она исчезает в песках⁷. Неясность географических указаний у обоих авторов объясняется пользованием данными о походах Александра из вторых и третьих рук, они имели весьма смутные представления о географии Средней Азии и, естественно, не могли дать более ясной и правильной картины⁸.

⁴ Арриан. Анабасис (перевод Коренькова), без м. и г., стр. 170.

⁵ Там же, Указ. соч., стр. 158. У В. В. Бартольда («История культурной жизни Туркестана», Ташкент, 1927, стр. 2): «царский город ниже Самарканда по течению реки, название которого не приводится».

⁶ Б. Я. Ставицкий. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины.—Сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 80; Е. А. Мончакская. О «второй столице» Согдианы.—ВДИ, 1959, № 2.

⁷ Арриан. Указ. соч., IV, 5—6; Квинт Курций, VII, 10, 1—2.

⁸ Яля авторов предполагал, что упоминаемый Птолемеем город Трибактра (Птолемей. География, IV, 12) между реками Оксом и Яксартом находился в современном Бухарском оазисе и даже соответствовал Бухаре. Самое название «Бухара» пытались вывести из названия «Трибактра» (др.-перс. Bakhtairi, бактр. Bakhti. См. W. Tomaschek. Centralasiatische Studien, I. Sogdiana.—Sitzungsber. der

³ Орудие было занесено кем-то в один из раскопов в период между двумя рабочими сезонами; поэтому точное место находки не может быть установлено.

На основании этих сведений в сочетании с археологическими данными, едва ли можно теперь сомневаться, что устройство первых каналов Бухарского оазиса, как дальнейший шаг от примитивного лиманного земледелия, должно быть отнесено ко времени, значительно предшествующему походам Александра.

Свидетельством древней жизни оазиса являются около 500 тепе и городищ, разбросанных по его территории. Часть их была покинута жителями в очень отдаленные времена; одни не сохранили следов культуры средневековья, другие были населены и в период раннего средневековья, и расцвет их относится к X—XI вв. На некоторых городищах существовали селения еще в недавнее время, как, например, Курган-Варданзи, оставленный жителями только в 30-х годах нашего столетия. Наконец, последняя немногочисленная группа древних поселений продолжала существовать и поныне в виде городков или крупных селений, таких как Бухара, Гиджуван, Рамитан, Вабкент и др. Остатки древних селений в виде больших и малых бугров покрывают более или менее равномерно всю территорию оазиса, только в отдельных местах они создают скопления или, наоборот, оставляют небольшие незанятые пространства.

Время возникновения различных типов этих тепе и городищ пока еще не установлено, но, несомненно, большинство их или, во всяком случае, весьма значительная часть, существовали как укрепленные поселения или городки уже к началу нашей эры. Это подтверждается сделанными нами многочисленными находками фрагментов древней покрытой ангобом тонкостенной керамики с лощеной поверхностью первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры. Часть заброшенных поселений, превратившихся в холмы — тепе, была сооружена, надо полагать, в более позднее время, но, за редкими исключениями, до прихода арабов. Эти поселения забрасывались и разрушались особенно интенсивно в XI—XII вв., в период борьбы караханидских правителей со старой дехканской земледельческой знатью. Старейший известный нам вакуфный документ, составленный в пользу мазара Сайф-ад-дина Бохари близ Бухары и датированный 1326 г. н. э., сохранивший, в отличие от других вакуфных документов, старую терминологию и архаичность стиля, содержит упоминание о нескольких замках — кушках с эпитетом «хароб» (разрушенный). Видно, в то время они сохраняли еще вид зданий или сохранялась память о существовав-

ших на них постройках. В документах XVI—XVIII вв. подобные места называются уже обычно «таалы» (холм, бугор) или просто «высокое место».

К весьма отдаленному времени, вопреки высказывавшемуся иногда мнению⁹, относится и появление Бухары, если не как центра области, то, во всяком случае, как значительного поселения. Произведенные нами в 1934—1935 гг. раскопки мечети Магоки-аттари¹⁰, а также шурфы, закладывавшиеся в различных частях города, показали чрезвычайно большую мощность накопившихся здесь культурных наслоений, достигающих в районе упомянутой мечети 12 м. При раскопках были встречены фрагменты керамики с красным ангобом и лощением, которые можно вполне отнести к рубежу нашей эры. При этом следует иметь в виду, что по историко-топографическим данным местность, где стоит мечеть Магоки-аттари, не входит в шахристан — древнейшую часть города и была обжита, надо полагать, значительно позднее. Основанием для относительно поздней датировки времени возникновения Бухары послужили слова «Истории Наршахи» о том, что Бухара была основана тюркским правителем Шири-Книшваром¹¹. Здесь, несомненно, такая же хронологическая ошибка, как и в случае с определением времени первоначального заселения оазиса.

Приведенными сведениями, не считая некоторых подробностей, о которых нам придется говорить дальше, ограничивается все, что мы можем почерпнуть из античных источников. Значительно обстоятельнее и обильнее сведения о Бухаре и ее области в исторической и географической литературе IX—XII вв. Так называемыми арабскими географами, описавшими страны, номинально или фактически входившие в состав арабского халифата, и некоторые земли и народы вне его границ, сообщается много сведений как о географическом расположении населенных пунктов, гор, рек и т. п., так и по топографии некоторых городов и экономике отдельных районов. В этих работах имеется немало ценнейших сведений и об интересующей нас области. Много важных данных содержится и в трудах таких историков, как Мухаммад ибн Джарир ат-Табари и др. Но особое значение для нас имеет, несомненно, сочинение Мухаммада ибн Джафара Наршахи, уроженца селения Наршах в окрестностях современного районного центра Вабкент (древняя Вабкана). Его «История», написанная на арабском языке, дошла до нас в таджикском переводе. Рукопись подверглась дважды существенным сокращениям и перестр многочисленными позднейшими вставками. Но и в искаженном, а иногда, впрочем, и в обогащенном виде, она дает такие сведения о Бухаре и Бухарской области, ка-

phil.-hist. Classe der K.-K. Akad. der Wissenschaften, LXXXVII, Wien, 1877, S. 168.) Томашек считал, что Трибактра Птолемея соответствовала скорей Пайкенду, и что название этого города может быть также выведено из «Трибактра» (через Pa-li-yeu — столица юэчжи; см. также Abel-Remusat. Nouveaux recherches asiatiques, I. Paris, 1829, p. 240). Попытки отождествления с Трибактрой Бухары или Пайкенда носят явно искусственный характер. В отношении Пайкенда следует заметить, что и отождествление его с Патиевом — столицей эфталтов или юэчжи — также основано, видимо, просто на очень далеком созвучии и не может быть принято.

⁹ Например, А. Г. Пугаченкова, А. Н. Ремпель, Бухара, М., 1949, стр. 5—6. Опираясь на «Историю Наршахи» (Каган, 1904), авторы относят основание города ко второй половине VI в.

¹⁰ В. А. Шишкин. Археологические работы в мечети Магоки-аттари в Бухаре. — Труды ИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 29—60.

¹¹ «История Наршахи», стр. 8.

ких нет ни об одном другом городе Средней Азии. Бухарский оазис IX—X вв. почти точно соответствовал по площади современной его территории, за исключением исторически обусловленных изменений в его границах, которые мы попытаемся выяснить ниже. Сочинения средневековых географов и историков сообщают нам названия большого количества населенных пунктов с указанием расстояний между ними, что дает возможность выяснить тождественность многих из них с современными селениями. Особенно, пожалуй, ценно в этих работах описание существовавшей в IX—X вв. ирригационной системы, сохранившейся в основных чертах до конца первой четверти XX в.— до капитального переустройства ее уже в советское время.

Единственным источником орошения Бухарского оазиса в ту эпоху, как и в наше время, был Зеравшан, из которого в обе стороны — и с правого, и с левого берега были выведены большие магистральные каналы. Первым из них Наршахи называет канал Шапуркам (в настоящее время его чаще называют Шафрикан, а по нему и район, им орошаемый— Шафриканским). Постройка его приписывалась персидскому царевичу Шапуру, получившему землю от правителя Бухары бухар-худата¹². Шапур, согласно этому рассказу, построил на вновь проведенном им канале селение Вардана (современное название — Варданзи); потомки царевича носили титул вардан-худатов. Одного из них Наршахи называет великим царем. Он не только не подчинялся бухар-худату, но часто воевал с ним¹³. Самостоятельность владетеля Вардана окончилась только после захвата страны арабами, когда эта область была присоединена к Бухаре. Селение существовало до недавнего времени, и опустело в связи с тем, что пески засыпали его сады и поля, и жители были вынуждены переселиться в другие места. Селение Варданзи, окруженное глиняными стенами, остатки которых еще существуют, имело оборонительное значение, так как оно служило укреплением (Курган-Варданзи), защищавшим оазис северной стороны. Одновременно оно являлось важным пунктом торговли с кочевниками и было известно еще в первой четверти нашего столетия как один из крупнейших центров производства расписной глазурованной глиняной посуды.

Следующим каналом у Наршахи назван Хар-

кан-руд, известный и в наше время под несколько измененным названием Калькан-руд. Это один из значительнейших по мощности каналов Бухары¹⁴.

Еще более крупным, по-видимому, был канал Хитфар или Гау-Хитфар, который считался, как об этом упоминалось выше, одним из естественных протоков Зеравшана. В настоящее время этот канал называется обычно именем Вабкент-Дарья по селению Вабкент (Вабкана), мимо которого он протекает, название же «Хитфар» присваивается одному из его двух крупных ответвлений, называемому иначе арыком Зандани. Канал, по сообщениям Якута и Сам'ани¹⁵, доходил некогда до селения Хурмитан (Хурмайтан), связанного с биографией знаменитого ученого врача и энциклопедиста Абу Али Ибн-Сина. Местоположение этого селения должно соответствовать значительному по величине бугру Ходжа-Парсан, находящемуся ныне в пустынной местности к западу от современного оазиса. Около этого бугра существует мазар, в котором, по преданию, погребен Ходжа Авлия Парса, живший в XII—XIII вв. О нем сообщается, что он родился и погребен в «селении Хурман-тахи (Харман-тахи), одном из селений области Бухары, [которое] в настоящее время исчезло и сравнялось [с землей]»¹⁶. Это сообщение относится к XV в. Совпадение имени святого с названием бугра и мазара, при созвучности названий, приводимых цитированными авторами, дает право принять это отождествление, тем более что древнее селение на месте бугра Ходжа-Парсан могло орошаться только из Хитфара (нынешнего арыка Зандани), и что дальше за ним при осмотре нами этой местности не было обнаружено никаких следов селений. Следовательно, оно и было тем крайним пунктом, до которого мог доходить Хитфар.

Вторая магистральная ветвь Хитфара — Вабкент-Дарья носит название канала Рамитан по орошаемому им одноименному селению, которое авторами X в. считалось очень древним, «древнее Бухары»¹⁷. Основание этого селения приписывалось легендарному Афрасиабу. Оно, так же как и находящееся неподалеку селение Рамитш с упоминаемым историками «храмом огнепоклонников», построенное противником Афрасиаба Кай-Хусрау¹⁸, сохра-

¹² «История Наршахи», стр. 39—40. См. также описание селения с упоминанием происходившего там ежедневного оживленного базара (там же, стр. 18—19). Здесь и дальше мы употребляем эту форму титула правителя Бухары, уже вошедшую в научную литературу. Было бы правильное писать худ (из согдийского *hw* и в среднеперсидского *xw*) в значении «господин», «царь», так как форма «худат» (в некоторых рукописях «История Наршахи» — «худадат») — несомненная арабизация местного титула (см. В. А. Липшиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяков и др. О древней согдийской письменности Бухары.— ВДИ, 1954, № 1, стр. 155—156; R. Frey. The History of Bokhara, p. 108, n. 30).

¹³ Так в переводе Н. С. Лыкошина (Наршахи. История Бухары, стр. 44); в «Истории Наршахи» этого места нет. Отсутствует в каганской литографии также фраза: «Местность называется волостями Абган».

¹⁴ У В. В. Бартольда («Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 117) говорится, что «Харканруд, по Истахри, доходил до селения Зуш; последнее, по словам Сам'ани и Якута, находилось около Нура, т. е. приблизительно в 20 фарсах от Бухары». Это сделанное без всяких оговорок замечание В. В. Бартольда явно ошибочно: Нура находилась в противоположной стороне от направления течения Харкан-руда. Кроме Харкан-руда, упоминается еще другой канал под названием Харкана (Харкана ул-Улия, Верхняя Харкана), соответствующий, по всей вероятности, арыку Калькан-Ата, находящемуся к северо-востоку от современного оазиса («История Наршахи», стр. 40), (там же, стр. 117).

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Рашахат мин' айи ал хаят» (литография), Ташкент, 1329 год [хиджры], стр. 31.

¹⁷ «История Наршахи», стр. 19.

¹⁸ Там же.

нило свое древнее название¹⁹. Канал имел второе название — Самиджан. Отождествление этого канала с упоминаемым Наршахи каналом Самиджан (в переводе Лыкошина — Самчан, у Бартольда — Самджан) несколько затруднительно. Дело в том, что, по «Истории Наршахи», если в дошедший до нас вариант не вкралось ошибки, канал иначе назывался Руди-Шарг (или Джарг), а впоследствии — Харамкам²⁰, и на нем были расположены селения Шарг и Искиджет. Относительно последнего известно, что находились они на пути из Бухары в Таванс. Точное место, где были эти селения, не определено, но неподалеку от них были расположены селения Секбиян (в 4 фарсах от Бухары и 1/2 фарсаха от дороги) и Димес (по Сам ани, в 3 фарсах от Бухары)²¹, которые могут быть отождествлены с существующими ныне селениями Сибгон и Демгест, расположенными приблизительно на соответствующем указанном источником расстоянии от Бухары, к северо-западу от железнодорожной станции Кую-Мазар. К Рамитанскому арыку упомянутые селения никакого отношения не имели. В то же время и название Самиджан, как второе название Рамитанского арыка, не подлежит никакому сомнению. Н. Ф. Ситняковский, хорошо изучивший оросительную систему Бухарского оазиса, указывал, что «арык Вабкент-Дарья делится на два арыка: 1) Занданы или Гуффар... и 2) арык Роомитан (Саумиджан)»²². Следовательно, Рамитан и Самиджан, по его данным, представляют собой один и тот же канал. О том, что туман (административная единица, район) Самиджан идентичен туману Рамитан сообщает также и А. А. Семенов²³. В ряде просмотренных нами в свое время документов из так называемого архива бухарского кушбеги²⁴, касающихся водопользования, каналы Хитфар и Самиджан, как правило, упоминаются вместе²⁵. Селения нынешнего Рамитанского района упоминаются как относящиеся к туману Самиджан в одном из документов второй половины XIX в. и васика начала XVII в.²⁶ К этому можно добавить, что совершенно так же обстоит дело с Самиджаном и в XVI в. В опубликованных П. П. Ива-

новым документах джуйбарских шейхов упоминается ряд селений, находящихся в тумане Самиджан. Значительная часть этих селений сохранила до нашего времени свои названия (Тарна, Сайида-Хатун, Зиндависта, Пески и др.)²⁷, наглядно свидетельствующие, что туманом Самиджан в XVI в. назывался тот же самый туман, который носил это имя в начале XX в. Эти данные едва ли могут оставить место сомнениям и относительно отождествления канала Самиджан с тем, который существовал в X в. Перенесение имени канала с одного на другой не представляется нам возможным. В то же время остается неразрешенным и серьезное противоречие: канал Самиджан, на котором находились селения Джарг (Шарг) и Искиджет, явно другой канал, протекавший до Пайкенда и до Баргини-Ферах или озера, называющегося так же, как и канал, — Самиджан²⁸, и именно этот канал, надо полагать, назывался Харамкам.

О. Г. Большаков высказал догадку о тождестве канала Самиджан (Самиджен) с Каракул-Дарьей, как называется нижнее течение Зеравшана, основываясь на том, что этот канал проходил мимо селения Шарг, затем мимо Пайкенда и оканчивался озером Самджен, которое называлось также Каракул, считая при этом, что отождествление канала Самиджан с каналом Рамитан «не соответствует данным, известным о Самиджане»²⁹. Выше мы показали, что это отрицаемое О. Г. Большаковым отождествление основано на большом количестве надежного документального материала, и что мы считаем его вполне доказанным. Решение вопроса следует, возможно, искать в существовании не одного, а двух Самиджанов, на что указывает сообщение Истахри о наличии двух волостей, носивших это название: «Передний Самиджан» и «Задний Самиджан»³⁰. Одним из них мы склонны считать район Рамитана, для определения местоположения второго можно принять в качестве одной из возможных гипотез предположение О. Г. Большакова, требующее, по нашему мнению, дополнительных исследований.

Не непосредственно из Зеравшана, а, несомненно, из того же Хитфара был выведен канал, орошавший округ Варакши, где, по словам Наршахи, было 12 арыков, представлявших собой, по-видимому, отводы из магистрального канала. Более де-

¹⁹ В селении каждую среду собирался большой базар; поэтому это селение в Бухарском оазисе называлось обычно Чаршаба-Рамитан, или Курган-Рамитан. В настоящее время существует тенденция перенесения этого имени на современный центр Рамитанского района, называвшийся Лагака, расположенный приблизительно в 10 км от старого Рамитана.

²⁰ «История Наршахи», стр. 17.

²¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 102.

²² Н. Ф. Ситняковский. Указ. соч., стр. 289—303.

²³ А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и обязанностях посетителей их в средневековой Бухаре.—СВ, V, М.—А., 1948, стр. 146—147.

²⁴ В настоящее время хранятся в Центральном историческом архиве УзССР.

²⁵ Иногда по отношению к этим каналам применяется термин «Хитфары» — арабское действительное число от «Хитфар» — ясное указание, что каналы (и туманы) Хитфар и Самиджан рассматривались как части единого целого.

²⁶ О. Д. Чехович. Документ к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954, стр. 121, 219.

²⁷ П. П. Иванов. Из архива шейхов Джуйбар.— «Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI в.», М.—Л., 1938, стр. 135, 417—439; его же. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.—Л., 1954, стр. 152, 299—357.

²⁸ «История Наршахи», стр. 23. Указание на озеро, которым кончалось течение Зеравшана, есть еще у Ибн-Хаушара («География», VI, 12, 3), который говорит об Оксанском озере или болоте, образуемом рекой, текущей с Согдианских гор. См. R. N. Frye. The History of Bukhara, translated from a Persian Abridgment of the Arabic Original by Narshahi. Cambridge—Massachusetts, 1954, p. 104—105.

²⁹ О. Г. Большаков. Заметки к исторической топографии Зеравшана в IX—X вв.—КСИИМК, 61, стр. 22—23.

³⁰ Истахри, BGA, I, 309—310; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 117—120.

тальному описанию этой местности будет посвящена следующая глава.

Неясным остается вопрос о том, какому каналу из упоминаемых географами и историками X в. соответствует канал Хайрабад — один из магистральных каналов правобережья, расположенный рядом с Самиджаном.

Из магистральных каналов левого берега можно предположительно отождествить с современным каналом Абузмуслим канал Науканда («новью выкопанный»), который, по весьма вероятному предположению В. В. Бартольда³¹, орошал окрестности Таваса. Местоположение этого селения было установлено в 1934 г. Зеравшанской археологической экспедицией на месте развалин Шахри-Вайран к северу от Кызыл-тепе³².

Вряд ли возможно, как это делает Н. Ф. Ситняковский, отождествлять канал Пайкан³³ географов X в. с современным арыком Пайкенд³⁴. Несмотря на явное созвучие этих двух названий, было бы правильное, по нашему мнению, предположить, что канал Пайкан проходил так же, как и канал Абузмуслим, вдоль восточной границы оазиса, так как есть указание на то, что он доходил до селения Варка, «откуда брали камень для бухарских улиц»³⁵, а это селение может быть сопоставлено с селением Ходжа-Барги, к юго-западу от Кагана, в окрестностях которого находится каменоломня, истерти снабжающих Бухару известковым и алебастровым камнем. Это отождествление подкрепляется указанием Сам'ани, что селение Варка находится на пути из Бухары в Несеф (Карши), на расстоянии 2 фарсахов от первого, что точно соответствует действительному расстоянию до Ходжа-Барги.

Канал, орошавший город Бухару, носил название Руди-Зар или Шахар-руд (ныне — Шахруд). Первое название сохранилось до нашего времени в форме Джуи-Зар (равнозначущее с Руди-Зар) в названии одного из ответвлений канала, протекающего к северу и северо-западу от Бухары. Весьма возможно, что это ответвление считалось некогда основным: оно значительно длиннее того канала, который идет непосредственно к Бухаре. Существование современного названия в форме «Руди-шахри Бухоро» известно с XVI в.³⁶

Канал Верхний Фаравиз сохранил свое древнее название. Это сравнительно небольшой канал, орошавший пространство между берегом Зеравшана и верхней частью течения Шахруда.

³¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 118.

³² А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину в 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции). — ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 122—125).

³³ В переводе Лыкошина «Байкан-руд» (Наршахи. История Бухары, стр. 44).

³⁴ Н. Ф. Ситняковский. Заметки о Бухарской части долины Зеравшана. — ИТОРГО, т. II, вып. II, Ташкент, 1900, стр. 138.

³⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 115, 117 (со ссылкой на Якута и Сам'ани).

³⁶ П. П. Иванов. Из архива шейхов Джуйбары, стр. 222 и сл.

Труднее обстоит дело с определением топографии канала Нижний Фаравиз. В одном из вариантов «Истории Наршахи» к нему отнесено другое название — Ками-Даймун³⁷. Именем Даймун называлось селение в 2,5 фарсахах от Бухары по дороге в Пайкенд³⁸. Название этого селения сохранилось и до нашего времени. Таким образом, Нижний Фаравиз должен совпадать с нынешним большим каналом Джайхун (или Джуйхун), выведенным из Шахруда. В другом варианте «Истории Наршахи» название Ками-Даймун отнесено к каналу Ки-Фр (в переводе Лыкошина — Койфур)³⁹. Окончательное решение вопроса в пользу того или иного варианта за неимением недостаточного материала следует оставить открытым. Тем не менее, кажется, можно предпочесть первый из приведенных вариантов, так как канал Джайхун и орошаемая им территория находятся рядом с Верхним Фаравизом и расположены ниже его по течению.

Из каналов, упоминаемых в X в., нам не удалось отождествить с современными каналами Арван, Кушна⁴⁰ и Хама. С другой стороны, мы не знаем, каким древним арыком соответствовали современные каналы Хайрабад, Суатанабад и Пирмаст.

Оросительная система нижнего Зеравшана дает косяк для изучения исторической топографии оазиса. Здесь нам важно констатировать факт, что основные оросительные магистрали, существующие в настоящее время, имелись уже в X в. и представлялись тогда жителям оазиса весьма древними, за исключением разве Шапуррама, о прорытии которого сохранились еще предания, да канала Науканда, на относительно позднее происхождение которого могло бы указать само название.

Несомненно, за истекшее тысячелетие оросительная система подверглась изменениям, которые сводятся, в основном, к следующему:

1. Район, орошаемый большим каналом Хитфар, от которого отходили мощные ветви Зандани и Самиджан, подвергся в низовой части весьма значительному сокращению, когда были заброшены об-

³⁷ Наршахи. История Бухары, стр. 44.

³⁸ О селении Даймун см. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, стр. 37 (из словаря Сам'ани); там же, ч. II, стр. 118. В прим. 3 на той же странице, несомненно ошибочно, к каналу Нижний Фаравиз отнесено селение Тараб, местоположение которого хорошо известно (В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 31—34). Тараб находится на правом берегу Карауль-Дарыи и вода Ками-Даймуна доходит до него ни в коем случае не могла.

³⁹ «История Наршахи», стр. 40.

⁴⁰ В. В. Бартольд («Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ч. II, стр. 119) отождествляет канал Кушна с тем, который был упомянут при описании каналов, находящихся в самом городе Бухаре (там же, стр. 108). Заметим, кстати: высказанное В. В. Бартольдом предположение, что канал, начинавшийся в Бухаре, доходил до селения, расположенного на расстоянии одного перехода от Несефа, совершенно невозможно. Уклон местности здесь бы от Карши к Бухаре, а не обратно, что можно видеть хотя бы по Камшад-Даре, русло которой доходит почти до окраины Бухарского оазиса.

ширные земли в районе Ходжа-Парсан и в окрестностях Варахши.

2. В низовьях Зеравшана или Каракуль-Дарьи (как река начинает называться ниже Дуоба — головного сооружения канала Шахруда) возник значительный Каракульский оазис, о котором в источниках X в. еще нет никаких упоминаний. Археологические наблюдения (следует оговориться — весьма бедные) показали, что во всем этом относительно маленьком районе нет типичных для Бухарского оазиса памятников в виде тепе — развалин древних поселений доарабского времени, что указывает на относительно недавнее освоение этого района.

3. Неизвестно, в какое время, но также после X в. был орошен сравнительно небольшой район в северо-восточной части оазиса, к северу от Гиджувана.

4. Сооружались новые каналы и внутри оазиса, такие, как отмечаемый Н. Ф. Ситняковским Тимур-арык, прокопанный якобы при Тимуре и проходивший к востоку и югу от Кагана к «разрушенному ныне селению Майличан»; Янги-арык или Бехбудамин, построенный неким Бехбудом в 1886 г. «на средства его и других частных лиц». Возникшими в относительно позднее время каналами Ситняковский считает все арыки, носящие название «Янги» («новый»), отмечая при этом, что они «прокладывались не для оживления пустырей, а для исправления недостатков арычной системы»⁴¹.

Бухарская оросительная система в том виде, как она дошла до четверти текущего столетия, отличалась чрезвычайной сложностью. Каждое селение стремилось иметь свой собственный арык, выведенный непосредственно из магистрального канала. Эти арыки тянулись иногда на много километров параллельными пучками, занимая большие пространства земли, удобной для земледелия. Нередко они пересекались, проходя по деревянным желобам. Все ирригационные сооружения — головы арыков, плотины, дамбы и володеатели имели самый примитивный характер. Они сооружались из дерца, камышовых фашин, хвороста и земли, постоянно разрушались, и требовалось много труда для их поддержания и ремонта, о чем свидетельствуют упомянутые документы из архива бухарского кушбеги. Несмотря на то, что эмирская администрация уделала, как это видно из тех же документов, много внимания ирригационному делу, состояние сооружений было совершенно неудовлетворительным, а распределение воды даже по магистральным каналам происходило стихийно и часто находилось в прямой зависимости от произвола ведавших орошением чиновников или самого эмира.

По данным Н. Ф. Ситняковского и документов из архива кушбеги, известно, что селения, расположенные выше по течению реки или магистрального арыка, были обычно лучше обеспечены водой, чем низовья. Согласно документам, особенно страдали от недостатка воды низовые части кана-

лов Хитфар и Самиджан, и еще в большей степени Каракульский оазис, который в некоторые годы вообще не получал воды⁴².

Нечего и говорить, что в условиях феодальных отношений неравномерным было распределение воды и по признаку классовой принадлежности водопользователей. В первую очередь водой обеспечивалась, конечно, верхушка общества. Наблюдательный исследователь Н. Ф. Ситняковский отмечает: «Бросая взгляд на обработанные земли, нельзя не заметить, что на одних полях чудные нивы, тогда как на других посевы во много раз хуже, и это явление замечается не только на площадях, отдаленных одна от другой, но и на смежных. Такое различие обуславливается не одними почвенными качествами и количеством воды для орошения, а главным образом способом владения землей. Все лучшие поля принадлежат счастливым владельцам мюльковых земель»⁴³.

Несомненно, очень многое из того, что наблюдалось в конце XIX и начале XX в., в полной мере относится и к значительно более отдаленным временам и помогает объяснить многие явления в истории оазиса, в частности его западной окраины, которой посвящена наша работа.

На протяжении многих столетий происходили процессы истощения недостаточно удобрявшихся почв оазиса, засоление необеспеченных рациональной промывкой земель, заболачивание отдельных мест при общем недостатке воды для орошения, количество которой, надо полагать, уменьшилось в низовьях Зеравшана в связи с увеличением посевных площадей в районах, расположенных выше по течению реки. Эти неблагоприятные для жизни оазиса факторы усугублялись жестокой эксплуатацией земледельского населения, хищническим хозяйничаньем больших и малых землевладельцев, стремившихся выжать из зависимого крестьянства максимальный доход. Немалую роль играли при этом постоянные набеги, главным образом кочевых народов, и внутренние феодальные междоусобицы.

Орошенная часть Бухарского оазиса, как было сказано в очерке истории археологических исследований, имела защиту в виде длинной стены, известной под названием Кампирак (старушка) уже из «Истории Наршахи». Время ее постройки в точности не известно. Наршахи приписывает строительство этого укрепления Мухтади ибн Хаммаду, арабскому эмиру Бухары (80-е годы VIII в.). Можно предположить, что стена эта возникла не раньше III—IV вв. и не позднее VII в. н. э., так как городища на западной окраине древней орошенной полосы, которые были оставлены жителями около III—IV вв., оказались вне окруженного ею пространства. Таким образом, ко времени Мухтади

⁴² Черновики прошений на имя эмира Музаффера с просьбой о снабжении Каракуля водой имеются также в Институте востоковедения АН УзССР («Собрание восточных рукописей» АН УзССР», т. I, Ташкент, 1952, док. № 389).

⁴³ Н. Ф. Ситняковский. Указ. соч., стр. 154.

ибн Хаммада можно отнести только восстановление или капитальный ремонт древней стены⁴⁴.

Остатки стены, отмеченные, описанные и нанесенные на карту Н. Ф. Ситняковским, хорошо сохранились на восточной стороне оазиса, к северу от Кызыл-тепе⁴⁵. Здесь остатки стены тянутся в виде хорошо прослеживаемого и только местами разрушенного вала от бугра Кызыл-тепе (около железнодорожной станции того же имени), являвшегося, по-видимому, одним из укреплений на ней, к довольно крупному городищу Шахри-Вайран («Разрушенный город»), соответствующему древнему Тавансу. Отсюда вал тянется к укреплению Абу-муслима на берегу Зеравшана, а затем, следуя вдоль обрыва довольно высокого здесь скалистого берега реки, идет до селения Хазара, включая в себя ряд небольших укреплений: Иль-Мирза, Ганч-тепе, Бури-тепе и еще одно укрепление, названное нами условно «крепость Хазара».

Осмотр этого места убедил нас, что несколько странно на первый взгляд расположенная стена, за которой сразу же начинается высокий обрыв берега, построена для защиты очень важного пункта. Здесь, под ее защитой, находится основной узел, откуда берут начало несколько крупных магистральных каналов: Ками-Абу-муслим, Шапуркам, Султанбад, Пирмаст, Харкан-руд и Мазаранган, орошающие всю северную, северо-восточную и восточную части оазиса. Этим же объясняется, как отметил А. Ю. Якубовский⁴⁶, возведение на повороте стены значительного укрепления — теперешнего бугра Абу-муслима. Вероятно, к этому же месту относится и сообщение Ибн-Хаукаля, который говорит о нескольких каналах, выходящих из Зеравшана около Таванса⁴⁷.

Нами, как это отмечено выше, исследовалось также продолжение Кампир-дивала на юг. На небольшом расстоянии он был замечен около станции Кызыл-тепе, но вскоре затерялся в садах, где поиски его не увенчались успехом. В дальнейшем мы убедились, что остатки Кампир-дивала сохранились только в тех местах, где они находятся вне культурной полосы. В тех случаях, когда посевы расширялись в сторону степи, следы вала уничтожены. Относительно хорошая сохранность вала на восточной стороне оазиса объясняется именно тем, что здесь к нему примыкают земли, непригодные для земледелия, такие как записованная галечная степь Чули-Малик.

По топографическим соображениям следует полагать, что стена проходила южнее Кызыл-тепе, через городища Аксач и Ходжа-Аджуванди. Около первого из них на небольшом пространстве сохра-

нились остатки вала, огибающего городище с восточной стороны. Более значительный участок вала был обнаружен нами еще южнее — около станции Кую-Мазар. Вал начинается здесь у небольшого городища-тепе, несомненно, связанного с древней стеной и находящегося у южного конца селения Лавандак. Отсюда, пересекая заболоченную лошину, где он местами исчезает, вал идет в западном направлении, до заболоченной низины, которая узкой полосой тянется вдоль окранный оазиса. Затем он идет на юго-запад, точно следуя по восточному краю этой долины, и прослеживается на протяжении около 19 км, заканчиваясь около кишлака Ябу.

Местами вал повышается и расширяется, образуя холмы — следы укреплений и башен, в полном соответствии с сообщением «Истории Наршахи», что эмир Мухтади приказал «устраивать ворота и через каждые полмили строить крепкую башню»⁴⁸. Следы таких укреплений замечены в $3\frac{1}{4}$ и в $1\frac{1}{2}$ км к северу от станции Кую-Мазар и около селения Илач. Укрепления эти были невелики и значительно уступали тем крепостям, которые находились на участке стены на левом берегу Зеравшана. Башня, расположенная на север от станции, была нами исследована⁴⁹. От нее сохранилось только массивное основание, сложенное из продолговатого сырцового кирпича, типичного для раннего средневековья (VI—VIII вв.).

Дальше на юг остатки вала известны к юго-востоку от станции Каган.

На южной стороне оазиса вал был замечен на двух небольших отрезках, но зато совершенно ясно. Первый из этих участков вала тянется от селения Хазарам (между станциями Мургак и Якка-Тут) на восток, пересекая железную дорогу. На расстоянии 3,5 км от Хазарам вала исчезает. Дальше к востоку разбросаны различной формы валы и возвышения, представляющие, по-видимому, остатки относительно позднего селения, уничтожившего следы древней стены. На этой местности видно много черепков простой хозяйственной посуды, не поддающейся, ввиду ее крайней измешечности, более точному определению. Второй участок вала начинается в 1,5 км к востоку от Бури-тепе (южнее кишлака Талли-Алиния) и направляется ломаной линией к северу, отклоняясь к востоку, и кончается не доходя 0,5 км до кишлака Казы-Сайид. Неисследованным остался район к востоку от кишлака Наумитан.

Долгое время безрезультатными были наши попытки обнаружить остатки вала Кампир-дивала на западной стороне оазиса. В нашем распоряжении есть указание⁵⁰, что стена пересекала хорасанскую дорогу в трех фарсах (около 24 км) от Бухары и, по-видимому, где-то здесь же, около хорасанской дороги переходила через Зеравшан. Естественно, что ни внутри оазиса, ни в пойме Зеравшана достаточно ясных следов стены сохранились не могло.

⁴⁴ «История Наршахи», стр. 42.

⁴⁵ Раскопки башни произведены в 1952 г. О. В. Обельченко.

⁴⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 116.

⁴⁴ Масуди сообщает со слов Салмавейка, что в это время были только восстановлены старые стены, построенные каким-то древним согдийским царем (В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 116).

⁴⁵ ПТКАА, год III, стр. 89—94; А. А. Зимин. Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью — ПТКАА, год XX, вып. 2, стр. 129—146; А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 113—133.

⁴⁶ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 126.

⁴⁷ Ибн-Хаукаль, ВГА, II, 359.

Не обнаружив остатков стены по всем возможным направлениям хорасанской дороги, мы сделали попытку проверить сообщение Л. А. Зимина, якобы обнаружившего вал Кампир-дивала около городища Кал'а-и Маалла-бек и Кал'а-и Симинч, находящихся на западной стороне оазиса. При этом выяснилась явная ошибка Зимина, бегло осмотревшего местность и принявшего за вал Кампир-дивала гряды песков, вытянувшихся вдоль окраины оазиса и действительно похожих издалека на валы. Вид местности к западу от указанных Зиминим пунктов показал, кроме того, что стена и не должна была проходить так близко к современной границе оазиса. Насколько можно было охватить глазом (а как впоследствии выяснилось — и значительно дальше), вся степь была усеяна многочисленными тепе — остатками древних укрепленных поселений, которые, по крайней мере в своей значительной части, должны были входить в территорию, окруженную стеной. В частности по историческим данным, в пределах укрепленного пространства находился город Варакша, развалины которого, указанные местными жителями, можно было рассмотреть далеко на западе. В 1937 г. и позднее нами неоднократно предпринимались дальнейшие попытки обнаружить остатки стены к западу от Варакши, но поиски вала здесь были сильно затруднены: в безводной местности, где нет колодезь с пресной водой, нам не удалось проложить достаточно густой сетки маршрутов. По тем же направлениям, по которым мы проехали иди прошли, ясных остатков стены не обнаружено. На этой местности имеется очень много различной величины, формы и направлений валов, но большая часть их оказалась при ближайшем рассмотрении остатками насыпей оросительных каналов. Кроме того, ни один из этих валов не удалось проследить на значительном расстоянии, так как они постоянно исчезают под мощными грядами барханов песков. Только в 1952 г. в 1 км к западу от бугра Кампир-рак мы обнаружили вал, несомненно, являющийся остатком оборонительной стены. Самое название бугра — «Кампирак» — заставило нас настроиться и предположить возможную связь с древним Кампиром Наршахи. Кроме того, бугор Кампирак стоит как раз на той черте, которая отделяет район, бывший населенным еще в X и XI вв., от того крайнего западного района древних развалин, который был оставлен жителями не позднее III—IV вв. н. э. Сотрудник варакшской экспедиции В. А. Нильсен совершил в 1953 г. рекогносцировочную поездку в западную часть полосы древней оседлости и обнаружил, что вал тянется на север от бугра Кампирак по направлению к Суббук-тепе и далее на северо-восток, к Буран-тепе — крупному бугру на краю древней культурной полосы.

Как упомянуто выше, наблюдения, касающиеся древней стены, значительно расширены работами археологического отряда Я. Г. Гулямова. Сотрудники отряда Х. Мухаммедов установили, что Кампир-дивал «поворачивает на восток, выходит к поиме Зеравшана на левом его побережье. Идя на восток по краю пойменной террасы Зеравшана, пересекает

оазис Кенимехского канала и упирается в скалы горной цепи Каратау против Кермине», охватывая таким образом значительную территорию, не совпадающую на севере ни с современной, ни с древней границей оазиса. Х. Мухаммедову, в полном соответствии с нашим предположением, удалось также установить два периода постройки стены: первый восходит к значительной древности, второй — к ее восстановлению в VIII в. н. э.⁵¹

Исследование Кампир-дивала важно для изучения исторической топографии округа Бухары. Многие дает она, так же как и другие длинные стены, ограждавшие оседлые оазисы в Мерве, Самарканде, области Ташкента и т. д., для разрешения одного из основных вопросов истории Средней Азии — вопроса о взаимоотношении оседлой земледельческой части населения и кочевников-скотоводов. Опасность постоянных столкновений с соседями, особенно кочевыми племенами, принуждала жителей Бухары, как это засвидетельствовано источниками, постоянно носить оружие. Из-за этого же возводились и укрепления в виде длинных стен, потерявшие свое значение только после организации относительно сильной государственной власти при Саманидской династии.⁵² Исследования стены на восточной стороне оазиса показали, что при ее постройке прежде всего предусматривалась защита наиболее солидными и надежными укреплениями жизненно важных мест — водных источников, в частности головных сооружений оросительных каналов. Даже болото, протянувшееся вдоль восточной окраины культурных земель, совершенно ненужное жителям (оно могло использоваться разве только как заросли камыша), было включено в пространство, защищенное стеной, возможно, с тем расчетом, чтобы кочевники, попадавшие на восточную окраину из степи Маалик, не имели бы доступа даже и к этой воде.

Однако отношения с кочевниками не всегда носили воинственный характер. Чаше кочевники и оседлые жители были мирными соседями. Различия в хозяйстве и его продуктах вызвали оживленный обмен. Если исследования в районе Кампир-дивала укрепления говорят об организации защиты оазиса, то эти же укрепления и поселения при них свидетельствуют, на что указывал А. Ю. Якубовский⁵³, и о развитых мирных сношениях. Расположенные на восточной окраине городища, вроде Шах-шахида около Кызыл-тепе, и крепостцы-рабаты, были не только укреплениями, но также и ремесленно-торговыми пунктами. Крупнейшее из городищ этой местности — Шахри-Вайран — развалины значительного селения Таванс, славившегося ежегодной осенней ярмаркой, продолжавшейся 10 дней, на которой продавали «всякие ткани, имен-

⁵¹ Я. Г. Гулямов. Страницы истории древнего орошения в Средней Азии. — «Правда Востока», 22 мая 1957 г., № 120.

⁵² См. рассказ Наршахи об отказе Исмана Самани поддерживать Кампир-дивал: «Пока я жив — я стена Бухары» (На ош ахи. История Бухары, стр. 47).

⁵³ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 147.

но: занавесы, покрывала и др.»⁵⁴. В «Истории Наршахи» сообщается далее, что «на эту ярмарку собралось более десяти тысяч человек, приобретавших товары для торговли, и таких, которые делали запасы для себя лично. Приходили на ярмарку жители Ферганы, Шаха и других местностей». По-видимому, не случайно эта большая торговля происходила на самой границе оазиса со степью. В числе покупателей продукции мастерских оседлых ремесленников, несомненно, было много представителей кочевых племен.

В области, относившейся к Бухаре, географы X в. насчитывают 22 рустака (волости)⁵⁵. Из них 15 находились внутри пространства, окруженного Кампир-дивалом, иными словами, они входили в состав собственно Бухарского оазиса. Остальные, как рустак Кермине (Ясир), Верхняя Харкана и др., находились вне стены. Несомненно, стеной были защищены рустак Таваис, Нижняя Харкана, Хитфар⁵⁶, Кахшитуван⁵⁷, Передний Самиджан, Задний Самиджан, Верхний Фаравиз, Зар (Зер). Трудности в определении местоположения остальных рустак заключаются, как отметил В. В. Бартольд, в том, что названия селений приводятся у географов отдельно от названий волостей, в которых они находились⁵⁸.

Остановимся подробнее на идентификации некоторых волостей с современными местностями. Рустак Зар находился, возможно, на левом берегу реки, в нижней части того канала, который и теперь носит название Джуи-Зар или Рудин-Зар (река Зара), т. е. к западу от города Бухары. Не представляет затруднений определение рустака Таваис; он занимал северо-восточную часть оазиса по течению канала Абузмуслим (соответствующего, по высказанному выше нашему предположению, древнему каналу Науканда). Упомянутый уже выше Таваис, на месте развалин Шахри-Вайран, был центром рустака. Верхнюю Харкану мы смело можем поместить в местности, орошаемой Каalkan-рудом, к северу от Зеравшана. Хитфар, надо полагать, соответствовал позднему туману Хитфар с центром в селении Зандани⁵⁹. Кахшитуван находился в западной части оазиса, где и теперь расположено се-

ление и канала, сохранявшие это имя; возможно, что этот рустак распространялся дальше на запад, на часть древней полосы оседлости, захваченной ныне пустыней.

В отношении одного из двух Самиджанов вопрос, на наш взгляд, также совершенно ясен: это рустак, соответствующий позднему туману Самиджан или Рамитан. Для определения места второго Самиджана достаточных данных нет. Наконец, Верхний Фаравиз может быть указан к северо-востоку от Бухары, по левому берегу Зеравшана, где и теперь течет канал Фаравиз.

Остается не определенным место рустакон Нижний Фаравиз, Фаргидад, Сахар⁶⁰, Бурук, Бума, Андияр-Кендман⁶¹ и Арван, тем более, что названия некоторых из них, возможно, дошли до нас в искаженном виде. Неизвестным остается, как назывался рустак, в который входила Варахша.

На основании карт, расспросов, документальных материалов, и иногда — обследования на месте нам удалось установить точное местонахождение некоторых упоминаемых в источниках X в. населенных пунктов, помимо таких общеизвестных, как Бухара, Гидждуван, Вабкана (на современных картах Вабкент), оставшихся и в настоящее время экономическими и административными центрами⁶². Другие, в свое время иногда значительные пункты, сохранив свои древние названия, превратились в небольшие селения и занимают только часть древних городищ или расположены рядом с ними. Таковы Тараб, откуда вышел Махмуд Тараби, известный вождь противомонгольского восстания XIII в., Рамитан, Рамиз, Зандани, Гишти, Маза-ранган, Ригдаман, Наршах — родина историка, на труд которого нам приходится так часто ссылаться, а также место, связанное с знаменитым восстанием Муканни, и др.

Много старых названий, цитирующихся авторами X в., сохранилось в топонимике современных кишлаков: Кахшитуван, Исфаха, Гагани, Ширван, Рамин, Ваганзи, Зармитан, Караджери (Хараджери), Аргун, Сурган, Сухари, Ширбудиан, Сабидман, Зарманах, Фошун, Сумитан, Наухас, Дагмун⁶³.

Следует обратить внимание на то, что все эти названия, без всякого исключения, не объясняются из современных таджикского и узбекского языков (или других языков современного населения Средней Азии), что свидетельствует о большой древности их возникновения. К этому можно добавить, что среди названий современных селений и местностей есть много имен, также не объясняемых из современных языков и, несомненно, древнего проис-

⁶⁰ Может быть, связано с сохранившимся названием селения Сухар или Сухари (Мирн-Куляль) к востоку от Бухары.

⁶¹ Чтение перечисленных названий рустакон точно не установлено.

⁶² Бухара и Гидждуван — города; Вабкент — районный центр.

⁶³ Зафиксированные средневековыми географами названия селений Бухары подробно перечислены Бартольдом (В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 100—103).

⁵⁴ Наршахи. История Бухары, стр. 20.

⁵⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 119—120.

⁵⁶ У В. В. Бартольда («Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ч. II, стр. 119—120) — Наджар-Хитфар или Бухар-Хитфар.

⁵⁷ У В. В. Бартольда (там же) — Гахшитуван; селение Кахшитуван известно в настоящее время на западной окраине оазиса. Сообщение С. Айни, что «во времена арабских завоеваний» это селение служило резиденцией правителей Бухары (С. Айни. Бухара, т. IV. М., 1957, стр. 119) основано, очевидно, на каком-то местном предании и известными нам источниками не подтверждается.

⁵⁸ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 120.

⁵⁹ Вместо приводимых географами X в. наименований: Наджар-или Бухар-Хитфар (В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 119—120), объясняющихся скорее всего ошибками переписчиков, следует читать, несомненно, Гау-Хитфар.

хождения. Не вдаваясь в вопросы языковой принадлежности и семантики этих названий, заслуживающие специального историко-лингвистического исследования, важного для выяснения древних этнических наслоений в населении Бухарского оазиса до образования таджикской и узбекской народностей, приведем некоторые примеры таких названий.⁶⁴

Бесспорно, древними являются названия населенных пунктов с окончаниями на «зи»: Варданзи, Ваганзи, Палаззи, Истамзи и др.; оканчивающиеся на «дуван» («туван»): Пинджидуван, Бузудуван, Аурдуван, Кашихтуван, Гиджидуван и пр.; с окончаниями на «диз», «диза»⁶⁵ — Карамдиз, Малакдиза — и большая группа названий на «митан»: Рамитан, Армитан, Наумитан, Синджамитан, Сумитан, Зармитан, Хурмитан (или Хурмайтан). Возможности филологического исследования топонимики Бухары не ограничиваются этими примерами, их число можно значительно увеличить. Однако для нас важен здесь один вывод. Все эти селения с древними названиями, по-видимому, появившиеся, во всяком случае, до X в., разбросаны по всей территории оазиса, за исключением тех районов, которые могут считаться заселенными позднее (Каракульские районы, северо-восточная окраина оазиса Бухары), что вполне согласуется и с распространением типичных для древности памятников — тепе (или талль, как они называются чаще в Бухаре).

К числу древних топонимических терминов относятся и многие из оканчивающихся на «кент», такие, например, как Фаразкент, Маркент, Фаразкент и др. Происхождение названий с этим окончанием, несомненно, различно. Во-первых, среди них есть измененные согдийские окончания «кат»

⁶⁴ Автор не ругается за филологическую точность всех приводимых названий, так как некоторая их часть заимствована не из живой речи или документов местного происхождения, а с топографических карт и из списков населенных пунктов (в частности из списка Н. Ф. Ситниковского).

⁶⁵ Окончание «диз», по-видимому, имело значение «крепость», «укрепление». По свидетельству Якута (МИТТ, I, стр. 430). قەندزە значило «старая крепость»; так назывались крепости в больших известных городах. Это же окончание мы встречаем и в названии Кангиза — города, основанного Сиявушем, по позднейшим пехлевийским текстам, в области Бахар, К. В. Тревер (см. «История Узбекской ССР», т. I, ч. I. Ташкент, 1955, стр. 85) высказывает предположение, что область Бахар может быть Бухарой, где, по преданию, находилась могила Сиявуша, основателя этого города.

Интересно отметить, не делая пока из этого далеко идущих выводов, что окончания «disos» и «disus», так же как «dava» или «deva», наличествуют в названиях фракийских населенных пунктов на Балканском полуострове (Н. Е. Державин. История Болгарии, т. I. М.—Л., 1945, стр. 52), что вряд ли могло бы быть объяснено случайным совпадением, тем более, что и там это окончание значило «крепость».

Слово «митан», прибавляемое к значительной части топонимических терминов Бухары (и Средней Азии в целом), может быть сопоставлено с средне-перс. «maethana» — «местожительство, дом, фамилия или племя» (W. Tomaschek. Указ. соч., стр. 171); ср. с ново-перс. ا میهن «родина, семья, родной очаг». Значение «место, местность» имела также и приставка «зи» (ново-перс. زی).

«кад» (ср. «кадхуда» — глава сельской общины, возможно, большой семьи). У географов X—XII вв. чаще كەس — «кас». У Якута «кас» — на языке населения Хорезма «усадьба в степи, ничем не окруженная»⁶⁶. Что же касается слова «кент», то Насафи считает его согдийским⁶⁷, а Махмуд Кашгарский — тюркским. «Кент — селение у гузов и у тех, кто пристал к ним. У большинства тюрков это слово означает округ»⁶⁸. Это слово как в качестве окончания названия населенного пункта, так и в нарицательном смысле — «селение, населенное место», широко распространено в северных, преимущественно тюркоязычных районах Средней Азии (где особенно много названий, оканчивающихся на «кент») и в Восточном Туркестане. Имеется оно в сходном значении («небольшой город») и в турецко-османском языке⁶⁹. Остается неясным, является ли слово «кент» измененным в гузской среде старым согдийско-иранским термином «кад», или оно возникло самостоятельно. Во всяком случае, такие тюркоязычные названия селений Бухары, как Кумышкент, Кумкент и др., а также те, которые основаны на арабских терминах и связаны с исламом, — Миркент, Сайидкент, Исламкент, Казикент — следует отнести к позднейшим образованиям.

Так же ясно выступает относительно позднее происхождение названий, оканчивающихся на «абад», что значит «возделанный, населенный»: Ханабад, Муминабад, Файзабад, Давлаатабад, Азизабад, Зурабад, Фатхабад. Образование имен с «абад» доходит до наших дней: Дехканабад, Пролетарабад, Районабад.

К числу названий, возникших после X в. (списками средневековых географов такие названия не зафиксированы), относятся те, которые основаны на современном таджикском языке. Они отражают особенности местности или местные предметы: Баги-Калян, Сеталан, Ляби-Дарья, Сари-Асния и т. п.; занятия жителей или распространенное в данной местности ремесло: Намадгаран, Заргаран, Тяльпакуз, Дегриз, Туприз, Шамширгаран, Пуштулдуз и др. Сюда же можно отнести названия, происходящие от имен известных лиц, мазаров «святых» и пр.: Джалял-ходжа, Сайид-бек, Ходжа-Ариф, Мирн-Куляль, Джан-Баба и др.

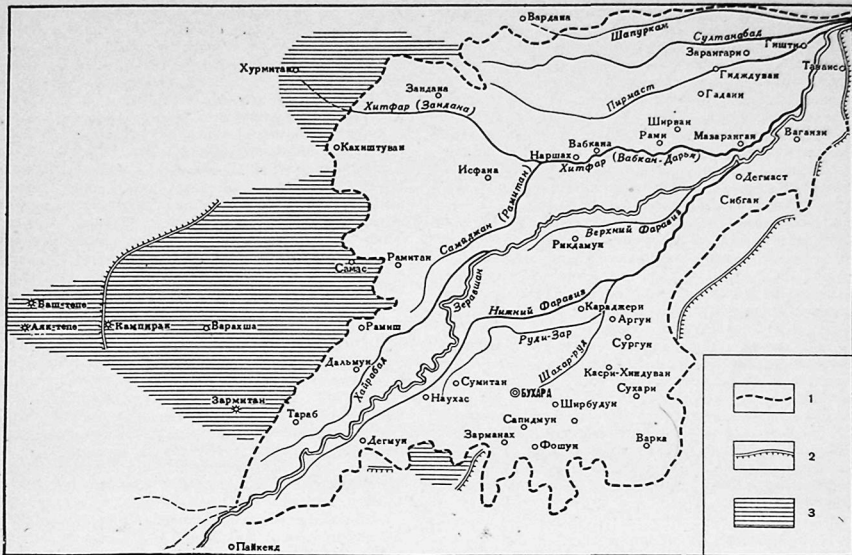
Наряду с этим, возможно, уже в XI—XII вв., в связи с расселением среди таджикского и основной массы населения тюркских групп, появилось значительное число названий с тюркской языковой

⁶⁶ Якут, МИТТ, I, стр. 430.

⁶⁷ كەنت دېۋان سەدد شەھەر داشد, т. е. «кент на языке Согда — город» (В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I, стр. 48).

⁶⁸ Махмуд Кашгарский, МИТТ, I, М.—Л., 1939, стр. 310.

⁶⁹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 125), составивший подробный список селений Бухары по данным средневековых географов, не находит в них тюркских названий. Два названия — Бирмес и Димес (по Макдис), которые «можно принять за тюркские слова», он не решился все же признать за тюркские, так как нет «основания полагать, что в Мавераннахре уже в X веке были тюркские селения».

Схематическая карта Бухарского оазиса:

1 — граница современных орошенных земель; 2 — остатки Кампир-дчала, обследованных до 1952 г.; 3 — заброшенные земли древнего орошения

основой: Курук, Айртам, Тюячи, Ишаки, Беглик. Часть из них могут быть, конечно, и значительно более поздними.

Анализ названий населенных пунктов и местностей, упоминаемых в вакуфных и иных документах, показывает, что тюркоязычные названия (каналы Кара-арык, Кушчи, селения Ямгур, Карабаг. Каракуль, местность Ак-тепе) нередко встречаются в XVI в. В числе этих названий мы не видим, однако, узбекских племенных терминов. В архиве джуйбарских шейхов, где топонимические термины представлены многими сотнями, нам удалось найти только одно такое селение — Катаган, но не в Бухарском оазисе, а в округе Несефа⁷⁰.

В значительной мере иная картина наблюдается в более поздних документах. Тюркских названий появляется там больше, и среди них такие, как Чагатай (1638 г.), Ябгу, Кенегес-кишлак, Кипчак и Курама (1716 г.), Мугулан, Туркан, Узбек-кишлак. Перечисленные названия, заимствованные из документов, опубликованных О. Д. Чехович⁷¹, от-

носились к Самаркандскому и отчасти Кешскому вилайетам. В Бухарском оазисе из них находились только два: Мугулан (в тумане Комот) и Туркан (в тумане Фаравиз).

Наконец, массовое оседание кочевых тюркских племен, происходившее в XVIII и XIX вв., а может быть частично и в XVII в., вызвало появление большого числа селений, названных по племенным узбекским подразделениям, поселившимся в данном месте. Селений с такими названиями на территории Бухарского оазиса можно найти несколько десятков; многие из них повторяются по несколько раз. Это Дурман, Кенегес, Кипчак, Найман, Джаалаир, Кытай или Кытай, Катаган, Кунграт, Минг и Мингаи, Мангыт, Юзай, Каучин, Месит, Буркутан, Кыргыз, Сарай, Калмак; наряду с ними — Узбекан, Тюркан. К этой же группе следует отнести, по-видимому, названия Казак, Адак, Мугулан, Афган⁷².

⁷⁰ Название может происходить как от поселившихся здесь афганцев, так и от той этнической группы, которая называет себя «афган», поговори, как выяснил И. М. Орский, на диалекте индийской языковой группы (см. И. М. Орский. Индоарийская этнографическая группа «афган» в Средней Азии. — СЭ, 1956, № 2, стр. 117 и сл.). Наличие представителей этой группы отмечается И. Маги-

⁷⁰ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 322.

⁷¹ О. Д. Чехович. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954.

Необходимо упомянуть о большом количестве селений, населенных полностью или частично арабами, время переселения которых в область Бухары нельзя считать в точности установленным.⁷³ Эти селения — многочисленные Араб-хана, Арабан, Сайидан и т. п. разбросаны по всем районам оазиса.

Резко отличается по характеру топонимики Каракульский оазис. Здесь, как уже отмечалось выше, совершенно отсутствуют такие названия селений, которые можно было бы причислить к категории древних. Мало здесь и имен, связанных с таджикским языком: Хари-сафид, Чармгар, Загаракаш, Ляби-куль, Бустан, да несколько названий с приставками «бала» и «паян» («верхний» и «нижний»). При этом даже немногие имеющиеся там таджикские названия могут быть объяснены лексическими заимствованиями узбекского языка, так как слова «чармгар», «бустан», «бала» и «паян»

довичем («Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. I. Бухара — Ташкент, 1926, стр. 255 и сл.) в Бахауддине, Бухаре и Сепулане. Афганами называют себя также и среднеазиатские цыгане (И. М. Оранский. Указ. соч., стр. 121).

⁷³ Вопрос об арабах Бухарского оазиса изучен слабо. Мнения относительно времени их переселения в Среднюю Азию см.: Г. В. Церетели. Материалы для изучения арабских диалектов Средней Азии. — ЗИВ, т. VII, М.—Л., 1939, стр. 256—257.

вполне понятны и узбекскому населению. Таким образом, топонимика этого небольшого оазиса указывает на сплошной, по-видимому, тюркоязычный массив его обитателей, а заселение его, как уже говорилось, относится к значительно более позднему времени, чем заселение остальных районов Бухары. Когда это произошло, мы сказать пока не можем. Однако во времена завоевания страны узбеками Шейбани-хана Каракуль был уже довольно большим городом, который оказал упорное сопротивление, прежде чем подчинился новому правителю.⁷⁴

Приведенные соображения только в слабой степени намечают пути использования данных топонимики, заслуживающих внимания историков и филологов, для выяснения многих вопросов, связанных с расселением племен и этнических групп, с проблемами этногенеза народов Средней Азии. Даже беглый обзор названий населенных пунктов только Бухарского оазиса (а работа эта должна быть проделана в отношении всей Средней Азии и многих зарубежных территорий) показывает чрезвычайно сложные процессы формирования населения Средней Азии, в том числе и Бухарского оазиса.

⁷⁴ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, стр. 383; «Шейбаниада. История монголо-тюрков», перевод Березина, Казань, 1949, стр. XXII—XXIII

Часть II

ГОРОДИЩЕ ВАРАХША
И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

ГОРОДИЩЕ ВАРАХША

К западу от орошенных и возделываемых ныне земель Бухарского оазиса раскинулся мощный массив земель древнего орошения, который много столетий тому назад превратился в песчаную пустыню с редкой и скудной растительностью. Степь в современном ее состоянии пригодна, да и то в ограниченной степени, только для скотоводства. Значительная часть ее покрыта подвижными песками, сплошные массы которых занимают по несколько десятков квадратных километров.

Но эта ныне почти безжизненная пустыня сохранила повсюду остатки древней культуры: городища, развалины укрепленных жилищ и замков, следы оросительных каналов, древних стен и дорог. На развалинах и вокруг них встречается такое большое количество черепков, осколков стекла, кусков жженого кирпича и т. п., что даже при беглом осмотре этой территории создается впечатление, что в далеком прошлом это был густонаселенный район и лишь какая-то катастрофа прекратила кипевшую здесь жизнь.

Общая пространственная опустевшей части оазиса определяется приблизительно в 500 кв. км. Учитывая насыщенность его остатками древней культуры и высокую плотность населения, которая свойственна обычно районам с интенсивным земледелием, основанном на искусственном орошении, можно предполагать, что здесь жили многие десятки тысяч людей¹.

Протяжение этой полосы древней оседлости — от расположенного на севере бугра Ходжа-Культе до крайнего на юге маленького Дингиль-тепе равняется приблизительно 45 км. С запада на восток, от наиболее удаленного Баш-тепе до совре-

менной границы оазиса (у кишлака Ромиш) — около 35 км.

Эта обширная площадь распадается как бы на три части, соответственно чему мы выделяем в ней три участка. Северный расположен к западу от Зандани, на естественном продолжении канала Хитфар (Зандани). Небольшим плоским повышением (урочище Дивали-Баянд) он отделяется от среднего участка — самого большого, который тянется широко, сужающимся к западу клином от селений Ромитан и Ромиш до самого дальнего, как указано, бугра Баш-тепе. Третий — южный участок — сравнительно невелик по площади. Он находится к западу от Джандара — районного центра Свердловского района. Как средний, так и южный участки по своему положению относительно ирригационной сети оазиса также, очевидно, связаны с системой Хитфара, точнее с ее ответвлением, носившим название Самиджан. Это позволяет предполагать, что именно Хитфар в древности являлся наиболее мощной оросительной системой Бухары, имевшей протяжение почти в два раза больше современного.

Особо следует выделить западную окраину среднего участка (группа городищ, объединенная нами под названием западного участка). Она характеризуется тем, что, как мы увидим дальше, жизнь здесь прекратилась на несколько столетий раньше, чем на остальной описываемой территории.

Следует оговориться, что эти участки изучены нами не в равной степени. Основные работы экспедиции с 1938 по 1954 г. были сосредоточены на городище Варакша и его ближайших окрестностях. По северному участку автору удалось проехать только однажды, в 1937 г., когда производилась общая рекогносцировка всех земель древнего орошения к западу от Бухарского оазиса². Тогда же были осмотрены и городища южного участка, который был исследован несколько тщательнее,

¹ В настоящее время плотность населения в оазисах Узбекистана более 270 человек на 1 кв. км. («Узбекистан. Экономико-географическая характеристика», Ташкент, 1950, стр. 67). На пустынной ныне территории могло проживать до 100 тыс. человек.

² С 1953 г. изучением этого участка занимается отряд археологической экспедиции Института истории и археологии АН УзССР под руководством Я. Г. Гулямова.

Рис. 3. Разрушающаяся такырная корка

вследствие его небольшой протяженности и малого количества находящихся здесь городищ. Сделанные в 1937 г. наблюдения были несколько пополнены в 1950 г. визуальными наблюдениями с самолета. Мало исследована часть среднего участка, которая непосредственно прилегает к современной границе оазиса. Значительно больше внимания удалось уделить западному участку, наиболее интересному вследствие его «стерильности» от средневековых культурных напластований. Этот участок подвергался исследованиям в 1937, 1939, 1951 и 1952 гг. Здесь автором настоящей работы и В. Д. Жуковым были произведены небольшие раскопки.

Вся древняя культурная площадь представляет собой равнину с очень слабым уклоном в юго-западном направлении, по которому проходят все прослеженные нами остатки оросительных каналов. Большая часть этой территории занята серыми глинистыми, иногда ровными, но чаще бугристыми или слегка всхолмленными площадками. Местами на этих площадках хорошо прослеживается разрушающая работа ветра; иногда это длинные ложбины выдува, образующие неглубокие овражки, похожие на русла высохших потоков. Эти овражки, один из которых, весьма значительный по глубине и протяжению, находится в 2,5—3 км к

западу от Варахши, вытянуты в меридиональном направлении, соответственно с господствующими здесь северными ветрами. Ветры достигают нередко очень большой силы и превращаются в настоящие песчаные бури, когда желтые облака песка и пыли закрывают солнце и делают невидимыми предметы, находящиеся в нескольких десятках шагов. Нам во время работ такие бури приходилось наблюдать неоднократно³. Эти бури, несущие тучи летучего песка, сильно разрушают поверхностные слои почвы. В описываемом районе местами простираются обширные площади, подвергнувшиеся эрозии, покрытые бесчисленными буграми высотой до 1,5 м с обрывистыми северным, восточным и западным краями и более отлогим южным. Иногда эти бугорки разбросаны в полном беспорядке, иногда они образуют цепочки, располагающиеся параллельными рядами. Между ними — серая глинистая поверхность, обычно растрескавшаяся и почти лишенная всякой растительности, но не такая крепкая и ровная, какая бывает на типичных такырах. В отличие от других мест, густо засыпанных черепками и другими остатками, на этих площадях выдува их почти совершенно нет. Очевидно,

³ Внутри оазиса в это время бывает только более или менее сильный ветер.

места этих площадок были расположены несколько поодаль от населенных пунктов. С другой стороны, цепочки хохламинок, чаще всего протянувшиеся по тому же направлению, по которому тянутся оросительные каналы, что особенно хорошо видно с самолета, представляют не что иное, как останцы более твердых участков земли, образовавшихся по краям или дну арька, или валиков, отгораживавших один от другого поливные участки («палы»). Следовательно, эти хохламинки образовались на месте полей вследствие усиленного развевания рыхлого почвенного слоя⁴.

Крайне интересным оказался один котлован выдува неправильной формы площадью около 1 га, находящийся приблизительно в 2,5 км к северу от Варакши. Дно котлована заполнено песком, края его имеют характерную структуру такыра: многочисленные явно водного происхождения тонкие глинистые прослойки собраны в извилистые складки (рис. 3), а под ними — песчаные наслоения. Получается полное впечатление песчаной дюны, перекрытой такырной коркой, впоследствии разрушенной работой ветра.

Собственно такырные поверхности в этой части пустыни встречаются редко, главным образом в низинах, в которых скапливается вода, и они нигде не занимают более или менее значительного пространства.

Больше половины площади занято песками. Иногда они представляют собой отдельные подковообразные сыпучие барханы, как, например, отдельный бархан к северу от восточного угла городища Варакша⁵. Но чаще эти барханы соединяются в гряды, между которыми остаются небольшие участки свободной поверхности. Гряды песчаных бугров достигают иногда большой мощности и занимают огромные пространства. Между Варакшей и бугром Кампирак большая площадь сплошь покрыта мелкими бугорками песка, отчасти закрепленными скудной растительностью, среди которой значительную роль играют редко разбросанные невысокие деревца кандыма.

Ближе к современному оазису имеются песчаные бугры, заросшие типичными для пустыни травами, чаще всего янтаком (*Alhagi camelorum* — «верблюжья колючка»). Местами они образуют длинные гряды, вытянувшиеся параллельно краю оазиса.

Большие скопления песка наблюдаются на подветренных сторонах почти всех городищ и тепе. Эти скопления образуют мощные гряды, вытягивающиеся, подобно шлейфу, в южном направлении, слегка отклоняясь на запад. Особенно мощный песчаный шлейф имеет городище Варакша. Его наибольшая высота равняется почти 10 м. К югу он

круто понижается и тянется дальше узкой полосой на многие сотни метров.

Редкая пустынная растительность не образует нигде чего-либо похожего на дерн. Даже такое сухостойное растение, как янтак, который легко развивается на песчаных буграх, в первые годы нашего знакомства с Варакшей и ее районом попадался редко, занимал незначительные площади и вообще не был характерным для этой местности, встречаясь большими массивами только ближе к современному оазису. За последние годы в результате работ по укреплению песков и посадок саксаула и череза характер растительности около Варакши резко изменился. Вокруг городища разрослись курчавые роши этих деревьев, которые, вопреки распространенному мнению, неоднократно повторявшемуся в печати, дают достаточно хорошую тень, чтобы спрятаться в ней от палящих лучей горячего кызылкумского солнца. Янтак стал здесь обычным растением. На песках южного «шлейфа» городища, где в конце 30-х годов росли два-три куста ковыля, теперь имеются уже целые заросли этого растения.

Все эти подробности мы приводим, для того чтобы показать, как изменяются природные условия пустыни в зависимости от деятельности человека. Наблюдения за изменениями растительного покрова на Варакше и в ближайших окрестностях помогают разрешить вопрос об образовании песчаной пустыни на месте прежнего густонаселенного оазиса. Несомненно, в этом, как уже неоднократно указывалось⁶, сыграло не последнюю роль уничтожение саксаульных зарослей севернее Бухарского оазиса на топливо и на выжигание угля. В безлесной области это могло происходить чрезвычайно быстрыми темпами, особенно в периоды развития ремесленной промышленности, как в IX—X вв., когда металлисты, керамисты, стеклодувы и другие ремесленники должны были потреблять большое количество дров и угля.

Не меньшее значение имело и нерациональное использование степных районов под пастбища: скот не столько поедал, сколько вытравывал растительный покров, что при наличии постоянных и сильных ветров вело к интенсивной эрозии почвенного слоя.

Исчезновение растительности и образование ничем не закрепленных сыпучих песков является, следовательно, фактором, связанным с неумелым хозяйничаньем человека.

Продолжим описание интересующего нас района упоминанием о пухлых солончаках, занимающих местами также довольно значительные площади. Один из таких солончавов в среднем участке приходится проезжать по пути от Калаи-Маалы-бек к колоду Ширин-кудук, другой большой солончак находится к западу от Варакши, несколько южнее линии, соединяющей Варакшу с бугром Кампирак.

⁴ Возможно, некоторые из них — остатки глинистых стенов, ограждавших землевладельческие участки.

⁵ На протяжении 15 лет этот бархан, не изменяя своего специфической подковообразной формы, перемещался к югу. Пройдя расстояние около 700 м, он прилинулся к углу городища и здесь потерял форму, рассыпавшись в выросты к этому времени посадок саксаула.

⁶ Например, В. И. Масальский. Туркестанский край. — «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Под ред. В. П. Семёнова. Тянь-Шанского», т. XIX, СПб., 1913, стр. 27, 222.

Рис. 4. Городище Варахша. Вид с юго-западной стороны

Мелкие же пятна солончаков разбросаны во многих местах.

Варахша — единственный памятник описываемой местности, который может быть назван городом. Все остальные являются остатками укрепленных селений или усадьбами-замками с небольшими поселениями при них. К такому заключению приводят нас прежде всего размеры этих памятников: Варахша резко выделяется своей величиной (рис. 4). Не менее ясно выступают и структурные отличия ее от многочисленных окрестных тепе.

В то же время Варахша — единственное место в полосе древней оседлости, о котором имеются совершенно ясные указания письменных источников. О Варахше и расположенном в ней дворце правителей Бухары наиболее подробно и обстоятельно повествует Наршахи: «Варахша — одно из больших селений, древнее, чем город Бухара. В некоторых сочинениях вместо „Варахша“ пишут „Раджфандун“⁷. Она была местом обитания царей и имела сильные укрепления, так как цари несколько раз возводили ее стены. Рабад ее был подобен [рабаду]

⁷ Правильность передачи этого, по-видимому, более древнего названия, выходящего во времена Наршахи из употребления, сомнительна, так как в различных рукописях средневековых историков и географов имеются варианты: «Рахфандун», «Дахфандун», «Раджфандун». Впрочем, и название «Варахша», которое мы считаем достаточно надежно установленным на основании «Истории Наршахи» (Каган, 1904) и сохранившегося до наших дней в памяти местных жителей имени древнего селения, передается в исторических источниках также в большом количестве вариантов: «Аврахша», «Барахша», «Фарахин» (Истахри, BGA, I, 311; Ибн-Хаукаль, BGA, II, 360; Макидси, BGA, III, 282; Самани цит. по: В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I. СПб., 1898, стр. 53 (тексты).

города Бухары. В Раджфандуне или Варахше было двенадцать оросительных каналов»⁸. Далее Наршахи сообщает: «в этом селении через каждые пятнадцать дней происходит однодневный базар. Базар, который приходится на конец года, продолжается двадцать дней. Его называют базаром нового года земледельцев (نوروز کشاورزان). Люди Бухары от этого дня ведут счет года и почитают его. Новый год магов (نوروز مغان) наступает на пять дней позднее»⁹.

Судя по этому сообщению, Варахша занимала значительное место в экономической и политической жизни Бухарского владения.

В географических сочинениях X в. о Варахше имеются только краткие упоминания. О ней сообщает Макидси: «Барахши (Варахша. — В. Ш.) большое селение, в нем есть цитадель и ров, по которому оттекает селение вода»¹⁰. Ибн Хаукаль упоминает о Варахше при описании пути из Бухары в Хорезм: «...[сначала] выезжают из Бухары в Фарахша — один большой дневной переход — и [затем] идут восемь дневных переходов по безводной пустыне, в которой нет мест остановок, нет раба-тав и нет жителей»¹¹. Сообщение Самани еще более лаконично: «...ал-Афрахша — селение из селений Бухары, называют его [также] Варахша, до него четыре фарахса»¹². В то же время нашими археологическими работами, речь о которых идет

⁸ В переводе Н. С. Лыкошина (Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897) добавлено: «селение находится внутри бухарской стены».

⁹ «История Наршахи», стр. 20—21.

¹⁰ Мукаддиси, BGA, III, 282.

¹¹ Ибн-Хаукаль, BGA, II, 400.

¹² В. В. Бартольд. Указ. соч., ч. I, стр. 53 (тексты).

Рис. 5. План городища Варахша

ниже, выяснилось, что во времена расцвета средневековой географической литературы Варахша представляла собой действительно оживленное и крупное селение. Находки многих тысяч монет, керамики, стекла говорят об интенсивной жизни и развитой торговле. Поэтому представляется несколько странным, что автор книги «Худуд ала-лем», перечисляющий ряд крупных селений Бухары, не упоминает о Варахше¹³.

В источниках более поздних, чем труд Сам'ани (XII в.), упоминаний о Варахше нам не встречается, да вряд ли они и могли быть, так как в это время селение прекратило свое существование.

Основную часть Варахши составляет обширный холм, занимающий пространство около 9 га. Холм этот в плане имеет неправильную форму, приближающуюся к треугольнику. Северный и западный фасы холма более или менее прямые. Они сходятся под тупым углом, приближающимся к прямому. Восточная, юго-восточная и южная стороны очерчиваются по кривой, не образуя нигде ясно выраженных углов (рис. 5).

Общая высота холма, не считая цитадели, развалин дворцового здания и остатков внешних городских стен, около 10 м. Рельеф городища сильно смятен, в чем сказалась интенсивная работа ветра и перекатавшего через городище песка, сгладивших мелкие неровности и совершенно уничтоживших признаки древней планировки этого поселения.

Однако в рельефе Варахши имеется весьма существенная особенность. Центральная часть, высота которой от условного нуля (у подошвы холма с внешней стороны) достигает 10 м, окружена со всех сторон отчетливо прослеживающимся понижением — ложбиной, как бы опоясывающей центральную возвышенную часть. Глубина ее по отношению к наивысшей точке в центре колеблется от 2 м (на восточной стороне) до 5 м (на западной стороне). Центральная возвышенность не имеет в настоящее время четкой формы. В плане она представляет нечто вроде овала; склоны ее отлоги и слажены, как вся поверхность городища.

За кольцевой ложбиной, наиболее широкой и глубокой с западной стороны, рельеф снова со всех сторон плавный, без заметных перегибов и уступов повышается к краям, достигая повсюду той же отметки, что и на центральном холме, т. е. 10 м.)

Эта особенность рельефа, несмотря на его крайнюю затусованность вследствие перекрывающих его позднейших наслоений, дала возможность уже при первом ознакомлении с городищем в 1937 г. предположить, что древняя структура и планировка поселения были совершенно отличны от тех, которые характеризуют позднейший, средневековый город.

К вопросу об изменении структуры поселения в определенную историческую эпоху мы вернемся в дальнейшем изложении.

¹³ «Худуд-а-лем», рукопись Туманского, Л., 1930, лл. 226—23а.

Рис. 6. Башня на западной стороне городища

По краям городища уцелели кое-где остатки оборонительных стен, относящихся к последним периодам существования поселения. Особенно ясно они заметны на западной стороне. Здесь они возвышаются в виде бугорков и валиков, достигающих высоты 2—2,5 м. На этой же стороне хорошо заметны и бурджи — башни, выступающие из стены и расположенные примерно на равных расстояниях (около 30 м) одна от другой (рис. 6).

Следы таких бурджей можно видеть также на северной стороне, на северо-восточном и юго-западном фасах.

Фрагмент стены относительно хорошо сохранился на южной стороне, к западу от описываемого дальше места, где располагались городские ворота. Этот участок стены, возвышающийся в настоящее время на 4 м, является свидетелем того, что город представлял собой ранее весьма внушительную крепость и что его оборонительные сооружения заботливо поддерживались и ремонтировались.

В естественном разрезе, получившемся в результате разрушения, прослеживаются четыре разновременные стены, насланивавшиеся одна на другую. Самой древней из них следует, по-видимому, считать внутреннюю, сложенную из сырцового кирпича (41×25×9 см). Ее толщина внизу достигает 3,5 м,верху — 2 м. С наружной стороны к ней приложена вторая стена из такого же сырцового кирпича. Внизу толщина этой стены около 1 м,верху она утолщается, так как, если более древняя стена имела наклонную внешнюю поверхность, то здесь она была сложена вертикально. Третья стена сооружена из несколько более крупного сырцового кирпича (?×28×10; длину кирпича установить не удалось). Внизу толщина стены 2,5,верху — 1,5 м. Внешней поверхности стены снова придан значительный наклон. Эта третья стена также одета снаружи глинобитной стеной толщиной около 1 м по всей высоте, сложенной слоями пахсы в 62—63 см. Такая же многослойность крепостных сооружений последних

периодов жизни Варахши прослеживается и во многих других местах.

Особенно интересные наблюдения над населяниями укреплений здесь же, на южной стороне цитадели, против дворцового здания. Древнейшим сооружением, видимым в настоящее время с поверхности, является стена, сложенная из сырцового кирпича 41 (40) × 25 × 9 см. С южной стороны к этой стене примыкает прямоугольная башня из этого же материала. Здесь применена своеобразная техника кладки, наблюдавшаяся ватем на Варахше во многих случаях. Кирпич клали на подготовленную для него глиняную постель не сплошь, а с промежутками в 12–13 см. Сверху на уложенный таким образом ряд кирпичей накладывался толстый слой глины, заполнявший и промежутки между кирпичами. На слой глины таким же порядком клали следующий ряд кирпичей с промежутками и т. д. При этом соблюдается строгое чередование: один ряд выкладывается ложком к поверхности стены, другой — тычком¹⁴. При этом способе кладки получалась как бы глинобитная (паховая) стена, прослоенная кирпичом; такие стены отличаются, по заключению В. Л. Ворониной, большой монолитностью и меньше подвержены образованию трещин¹⁵, что вполне подтверждается и нашими наблюдениями на Варахше.

Эта кладка, сделанная обычно довольно тщательно, создает совершенно особый зрительный эффект и выделяется среди других сырцовых кладок городища.

От упомянутой четырехугольной башни уцелел только фрагмент, но он очень интересен. Его поверхность (сохранившаяся только в нижней части на западной стороне) оформлена гофрами — тесно сдвинутыми полуколоннами, между которыми заметны бойницы, может быть, ложные, так как сохранившаяся часть башни представляет собой сплошной массив без следов внутреннего помещения (рис. 7).

Такое оформление стен было широко распространено в Средней Азии. Оно известно по многочисленным памятникам Хорезма, где благодаря климатическим условиям хорошо сохранилось во многих местах¹⁶. Здания из сырцового кирпича, оформленные гофрами, известны в Шахрих-арке и в других местах Старого Мерва¹⁷, в развалинах

городища Чильбурдж¹⁸ в Старом Термезе¹⁹. В Бухарской области этот прием оформления стены Я. Г. Гулямов наблюдал в развалинах Рамитана²⁰. Кроме того, изображение замка с гофрированными стенами имеется на известном Аниковском блюде Эрмитажа. Традиция оформления стен полуколоннами — гофрами, соединенными сверху перспективными арочками, оказалась настолько прочной, что в более позднее время, в IX—XII вв., она была широко распространена как в Средней Азии, так и в Хорасане. Достаточно привести такие известные примеры, как Рабати-Малик²¹, Джар-Курганский минарет²², мавзолей в Радкане (Иран)²³ и даже такой относительно поздний памятник (XIV в.), как мавзолей в Карабагларе (Азербайджан)²⁴. Известен случай применения этого приема декора на вогнутой поверхности ниши михраба в мечети IX в. в развалинах Старого Термеза²⁵. Несомненным можно считать, что распространение этого приема в Средней Азии было значительно шире, чем мы можем проследить по дошедшим до нас памятникам.

Генезис этой архитектурной формы, распространеннейшей на территории Средней Азии около V в. н. э., неясен, как неизвестен и район, где она впервые возникла. Большая сохранность памятников, украшенных гофрами, в Хорезме не дает еще оснований выводить ее из этой области. Одинаково возможным представляется ее возникновение как в Хорезме, так и в Бактрии, Согде или Хорасане. В связи с этим мы не можем согласиться и с приурочением обязательно к Хорезму знаменитого, много раз издававшегося Аниковского блюда²⁶. С меньшим основанием ему мо-

¹⁴ Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости южного Туркменистана. ВДИ, 1952, № 2, стр. 222–224. Памятник отнесен к позднeparфянскому времени (II–III вв. н. э.); см. также: Г. А. Пугаченкова, Л. Я. Елькович. Очерки по истории искусства Туркмени. Ашхабад, 1956, стр. 35–36.

¹⁵ Б. Н. Засыпкина. Памятники архитектуры Термезского района. — «Культура Востока», вып. II, М., 1938, стр. 22–25.

¹⁶ Сообщение Я. Г. Гулямовым.

¹⁷ Б. Н. Засыпкина. Архитектурные памятники Средней Азии. — «Вопросы реставрации», т. II, М., 1928, стр. 212–231; И. И. Умняков о Рабати-Малик. В. В. Бартольд. Туркестанские друзья и почитатели. Ташкент, 1927, стр. 179–192.

¹⁸ Б. Н. Засыпкина. Архитектурные памятники Средней Азии, стр. 274, 278–281; В. А. Шишкин. Минарет в Джар-Кургане. — «Труды ИИА АН УзССР», т. II, Ташкент, 1950, стр. 58–70.

¹⁹ E. Diez. Die Kunst der islamischen Völker. Berlin, 1915, S. 72.

²⁰ «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами», Москва — Баку, 1947, стр. 257–276, табл. 85, 88–96.

²¹ В. А. Шишкин. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза. — «Труды АНУЗССР», серия I, «Термезская археологическая экспедиция», т. II, Ташкент, 1945, стр. 101–103.

²² И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 20. Хорезмское происхождение этого блюда доказывали А. И. Тереножкин («История искусства Хорезма», — «Искусство», 1939, № 9) и С. П. Толстов (указ. соч., стр. 193–194). Г. А. Пугачен-

¹⁴ Этот вид кладки под названием «комбинированной» описывает В. Л. Воронина («Древняя строительная техника Средней Азии», — «Архитектурное наследство», № 3, 1953, стр. 12, рис. 9, 26).

¹⁵ В. Л. Воронина. Указ. соч., стр. 12.

¹⁶ А. И. Тереножкин. Археологические разведки в Хорезме. — СА, VI, 1940, стр. 177, 183, 184; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1947, стр. 125, 139; табл. 39, 58, 61–63, 69. В качестве древнейшего примера здания, оформленного гофрами, С. П. Толстов называет Якке-Парсан, отнесенный им к «кушано-афганскому» времени и датируемый IV–V вв. н. э.

¹⁷ В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. — МАР, вып. 16, СПб., 1894, стр. 119; В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1951, стр. 64, 84–88.

Рис. 7. Остатки «гофрированной» башни

жет быть приписано и согдийское происхождение, так как все архитектурные элементы, изображенные на этом блюде, обнаружены на территории Согда, Шаха и даже Семиречья в фрагментах декора и в изображениях на терракотах²⁷. На наш взгляд, полемика о согдийском или хорезмийском происхождении блюда не имеет под собой достаточного фундамента и лучше ограничиться отношением его к произведениям среднеазиатского искусства без дальнейшего уточнения.

Учитывая материал, из которого возведены рассматриваемые памятники, и значительную толщину стен, оформленных гофрами, вряд ли можно приписать им какое-либо конструктивное значе-

ние, как это делает В. А. Лавров²⁸. Никакой «жесткости конструкции» эти полуколонны создать не могли. Зато совершенно определенным представляется чисто художественно-эстетический эффект такого оформления, когда уничтожается однообразная гладь стены, а всему сооружению, несмотря на его массивность, сообщается стройность и легкость²⁹. Прием разбивки глади массивной стены вертикальными членениями имеет большую историю и уходит корнями в искусство древнего Шумера и Ассирии. Тесно сдвинутыми полуколоннами, совершенно аналогичными нашим гофрам, оформлена стена храма в Уруке, построенного около 3000 г. до н. э.; своеобразное оформление стен, разбитых вертикальными пилястровидными выступами и полуколоннами, а иногда пучками колонн мы встречаем во дворце Гудеа в Телло³⁰; назовем, наконец, дворец в Харсабде,

кова («Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах». — «Труды ИИА АН УзССР», т. II, 1950, стр. 51—54) склонна изображенный на блюде замок считать согдийским. См. также: К. В. Тревер. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках. — СА, т. XVI, стр. 283—284.

²⁷ А. И. Теренижкин. Хоам Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). — «Труды ИИА АН УзССР», т. I, 1948, стр. 119—121 (терракотовые архитектурные детали); Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры... стр. 34; А. Р. Кызласов. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим. — СА, 1958, № 3, стр. 153—155 и сл.

²⁸ В. А. Лавров. Указ. соч., стр. 64.

²⁹ Этого же эффекта среднеазиатские мастера средневековья достигали фигурной фактурой кирпичной стены (мавзолей Исманила Самани в Бухаре) или полихромной изразцовой облицовкой.

³⁰ G. Contenau. L'art de l'Asie occidentale ancienne. Paris et Bruxelles, 1928, p. 10; О. Шуазэи. История архитектуры, т. I, М., 1935, стр. 87—88.

стена которого обработана такими же полуколоннами, приставленными вплотную одна к другой³¹.

Этой древней традицией архитектурного искусства, вызванной стремлением ослабить тяжесть монотонных стен, обогатить их игрой светотени, создать впечатление большей высоты, устремления вверх, нам кажется, и нужно объяснять широкое распространение данного архитектурно-декоративного приема. Поэтому можно вполне согласиться с мнением С. П. Толстова³², что непосредственным предшественником гофрированных стен является украшение стен прямоугольными пилястрами, связанными с бойницами, как это наблюдается в Топрак-кале и Кызыл-кале в Хорезме, наряду с аркадами, известными по согдийским оссуариям. Можно допустить, что памятники, указанные С. П. Толстовым, какими-то неизвестными нам звеньями связаны с древним зодчеством Месопотамии и Ирана. Возможность происхождения гофры из прямоугольных пилястров подтверждается отчасти полуколоннами Большой Кыз-калы в Мерве, имеющими граненую форму³³. Следует сразу же оговориться, что мы не имеем здесь в виду простого механического заимствования месопотамского строительного приема. Сходство в организации общества, однотипность используемых строительных материалов (сырцовый кирпич, глина, терракота) порождают и одинаковые технические и художественные приемы. С другой стороны, претворив и творчески переработав старый архитектурный мотив, мастера-строители Средней Азии создали свой собственный архитектурный тип — кешка, относительно хорошо уже известный по сохранившимся памятникам Хорезма и по Ани-ковскому серебряному блюду.

Основываясь на установленной С. П. Толстовым хронологии хорезмских памятников, можно предположить, что Варакшская башня была возведена, как и стена, к которой она была пристроена, не ранее V в. н. э. Подтверждение этого предположения мы получили, как это будет показано ниже, и при раскопках дворцового здания.

К стене башни с западной стороны была пристроена поздние глинобитная стенка, как бы контрфорс, с сильно наклонной внешней поверхностью. Эта стенка закрывала цоколь и частично самые гофры, которые только потому и дошли до нас. Уже после этого к основной внешней стене города была также пристроена укреплявшая ее стена из голубовато-зеленой глины, резко отличающаяся своим цветом от окружающих стен и кладок. Эта очень прочная и крепкая стена сложена «блоками» высотой 73 см при ширине от 76 до 102 см. Затем эта стена наращивалась вверх кладкой из сырцовых кирпичей $44 \times 27 \times 10$ см,

а с внешней стороны была укреплена еще одной глинобитной стеной. В какой-то момент понадобилось, видимо, новое усиление укреплений, и к крепостной стене с южной стороны была пристроена башня, прямоугольное основание которой хорошо сохранилось.

Башня отличается характерной особенностью: на высоком цоколе-стилобате, представляющем собой глинобитный массив, возведены стены башни. Они имеют толщину около 2 м. Конструкция их весьма своеобразна и свидетельствует, возможно, о поспешности, с которой производились эти фортификационные работы. Вместо обычной сплошной кладки из сырцового кирпича здесь из сырца крупного размера ($44 \times 27 \times 10$ см) выведены только внешняя и внутренняя поверхности стен. При этом кирпичи положены на ребро с наклоном в одну сторону, а в следующем сверху ряду — в другую. Это создает своеобразное впечатление «елочного» узора³⁴. Пространство между сырцовой кладкой заполнено землей с примесью золы и различного мусора, причем эта земля насыпалась строго горизонтальными пластами, соответствующими каждому ряду кирпича, и утрамбовывалась, что очень хорошо видно в разрезе.

Нижние части стен хорошо сохранились на северо-западной и южной сторонах, с восточной они уничтожены глубокой промоиной, проходящей в тесном пространстве между этой башней и башней с гофрами.

О последней попытке усиления оборонительных сооружений Варакши можно судить по остаткам фрагментов стенки из того же сырцового кирпича, с толстыми швами, достигающими 6—7 см, прислоненной к стене описанной башни с южной стороны.

Исследование описанных двух, лучше других сохранившихся, фрагментов укреплений Варакши свидетельствует о значении, которое придавалось этой крепости, защищавшей крайние западные пределы бухарских владений и одну из резиденций владычества.

Укрепления Варакши, конечно, не ограничивались только ее внешними стенами. В настоящее время городище окружает со всех сторон ясно заметная низина с голубоватой такыровидной поверхностью, почти лишенной даже той скудной растительности, которая есть в других местах. Ширина ее на северной стороне городища — около 75 шагов, на южной она расширяется до 100 шагов. Эта низина, как можно предполагать, была некогда более глубокой и затоплялась водой, выполая таким образом роль рва, затруднявшего доступ к крепостным стенам. Для про-

³¹ М. Бенуа. Месопотамская архитектура. — История архитектуры в избранных отрывках. М., 1935, стр. 36; О. Шуазан. Указ. соч., т. 1, стр. 96.

³² С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 139.

³³ В. А. Лавров. Указ. соч., стр. 64, рис. 185.

³⁴ Этот весьма древний прием кладки, зафиксированный еще в ранний период в Библие, Трое и раннезаладской Греции (Г. Чайд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 228), в других местах на Варакши нигде не был встречен. В Средней Азии кладка в «елку» применялась в жилищном строительстве, в особенности в сельских местах, вплоть до нашего времени.

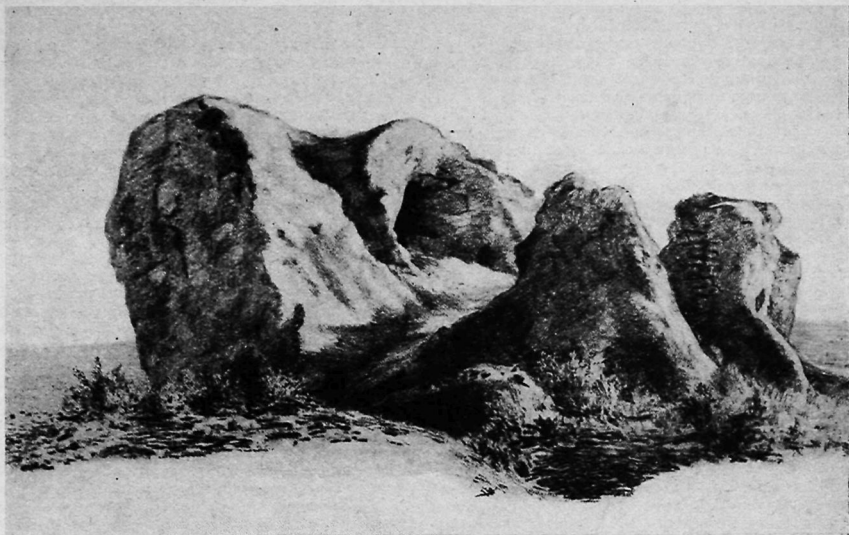

Рис. 8. Башня городских ворот. Рисунок В. Н. Кедрина

верки этого предположения в долине около северо-западного угла был заложен шурф³⁵.

От поверхности до глубины 15 см шла слоистая такырная корка, образование которой вполне естественно, так как в период дождей низина заливается водой, в чем нам лично пришлось убедиться в одну особенно дождливую осень. Ниже, до глубины 30 см, залегал слой лёссовидной земли с вертикальными трещинами; следующий слой — песок (около 2 см), ниже — глина (около 3 см), затем снова песок (5 см). Дальше до глубины 58 см — толстый слой лёссовидной земли с вертикальными трещинами, под которыми залегал слой (98 см), состоящий из бесчисленных тонких песчаных прослоек, перемежающихся корочками отмученной земли. Этот слой можно рассматривать как наслоения, образовавшиеся после высыхания водоема, служившего крепостным рвом. Под песчаными прослойками лежит приблизительно пятисантиметровый слой отмученной глины, несколько тонких прослоек песка, пятнадцатисантиметровый слой комковатой земли со следами

органических остатков, еще ниже — до 1,3 м — тонкие, по-видимому, водного происхождения песчано-глинистые прослойки, под которыми залегает серая земля с вертикальными трещинами и следами органических остатков. Никаких культурных остатков в этом шурфе при раскопках не встречено.

Картина неглубокого, но широкого рва, скорее заболоченной низины, засыпанной после высыхания песком, а затем перекрытой наслоениями такырного типа, кажется достаточно ясной. Те относительно толстые слои, которые лежат над песчаными прослойками в верхней части шурфа, могли образоваться из слившихся и деформированных такырных корочек, таких же, как на поверхности. Возможны, конечно, также некоторые наслоения из продуктов разрушения городских стен. Таким образом, подтверждается приведенное нами выше сообщение Макдис о существовании в Варахше рва, «по которому обтекает селение вода».

Более или менее широкие низины такого же вида, как на Варахше, наблюдались нами у многих городищ Бухарского оазиса. Наиболее наглядным и отчетливо выраженным примером этого может служить городище древнего Тараба, родины знаменитого вождя противомонгольского

³⁵ Наблюдения за шурфом вел В. Д. Жуков (см. В. Д. Жуков. Материалы к изучению пригородов городища Варахша). — «Труды ИИА АН УССР», вып. VIII, 1956, стр. 148).

восстания 1238 г. Махмуда Тараби³⁶. Другое городище, где такая низина также достаточно ясно выражена — бугор Шейх-Дауд около селения Дальмун³⁷. В обоих случаях хорошо прослеживается и система вьездов в эти селения. В Тарабе она состоит из валов-дамб, соединяющих берег низины с низким холмом-поселением, а этот последний — с главным холмом-крепостью. На городище Шейх-Дауд — из двух небольших холмиков, между которыми могли быть переброшены легкие мостики.

Возникновение этих низин объясняется, кроме желания создать водную труднопроходимую преграду перед стенами, еще и тем, что для постройки таких мощных сооружений, какими являются все эти городища с многометровыми их наслоениями, требовалось большое количество земли, которую и брали из этих же низин, непосредственно за стенами селения³⁸.

Ворота города находились непосредственно к западу от дворцового здания на южной стороне. Здесь виден хорошо заметный наклонный въезд от юго-западного угла города. От самих ворот сохранились остатки одной восточной башни в виде массива сырцового кладки (рис. 8).

Место вторых ворот прослеживается примерно в середине северного фаса крепости. В этом месте низину-ров, описанную выше, пересекает широкий плоский вал — возможный след такого же проезда, как на городище Тараба. Против этого вала поверхность самого городища значительно понижена. Впрочем, можно предположить, что в этом месте проходил канал или трубопровод, снабжавший город водой, так как есть основание полагать, что в низине к западу от центральной части городища находился водоем (хауз).

Возможно также, что еще одни ворота имелись к востоку от цитадели, где заметно ясно выраженное понижение, но большие скопления песка в этом месте не дают возможности установить это окончательно. Во всех других местах никаких следов въездов или ворот нет.

Мы упомянули уже о возможности существования на Варахше хауза. Предполагаемая впадина в западной части кольцевой низины, окружающей центральный холм городища, где этот хауз мог бы находиться, в настоящее время выше окружающей местности метра на три³⁹. Для проверки

возможности нахождения в этом месте хауза нами был заложен небольшой шурф⁴⁰.

Нижне тонкого (35 см) поверхностного рыхлого слоя до глубины 110 см шел плотный слой земли, в котором были найдены монеты: 151 года хиджры (768 г.) бухарского чекана и согдийская с квадратным отверстием, а также небольшое количество черепков. Ниже идет комковатый слой с вкраплениями зеленовато-желтого цвета и угольками. Этот слой продолжается до 2,5 м. Здесь также были встречены халифатские монеты: три 143 или 146 (760/61 или 763/64 г.), одна 151 года хиджры. Следовательно, этот слой не старше VIII в. н. э. Ниже залегает большая прослойка золы, под ней снова желтая земля, в которой были найдены зерна ячменя, косточка персика, семя не определенного точно бахчевого растения и много костей животных. На глубине 4 м начался зеленоватый слой с большой примесью органических остатков. Зеленоватые слои шли до глубины 6,25 м, изредка встречались черепки посуды, угольки. На глубине 6,25—7 м обнаружено много осколков крупных сосудов (хумов), перемешанных с грунтом зеленых и желтых оттенков, свидетельствующих об остатках органических веществ. Наконец, на глубине 7 м начинались прослойки, образовавшиеся как бы от оседания ила и грязи зеленовато-желтого цвета. Грунт становится вязким; через полметра грунт, по заключению С. К. Кабанова, стал похож на спрессованный ил. Такие илстые прослойки продолжались до 8,5 м, ниже шел плотный грунт с большим содержанием песка, уже без культурных остатков.

Таким образом, признаки водоема, дно которого было достаточно углублено, имеются налицо. Позднее этот водоем, может быть, вследствие уменьшения количества воды в каналах, снабжавших Варахшу, или вследствие сокращения количества населения в городе был заброшен и стал заполняться всевозможным мусором. Произошло это, по предположению С. К. Кабанова⁴¹, в конце VII в., однако для твердого определения даты материал явно недостаточен. Более вероятным кажется, что водоем был заброшен значительно позднее. Монеты, попадавшие в него вместе с мусором, надежной даты не дают.

Открытым придется оставить и вопрос о существовании здесь «базарной площадки», так как явных признаков ее, по нашему мнению, нет.

На южном крае городища возвышается мощный массив цитадели, представляющей собой крупное здание, от которого сохранился только искусственный холм — основание, облицованное сырцовым кирпичом, выполненное в той же технике, что и упомянутая башня с гофрами. Башня находится почти в непосредственном соседстве с цитаделью. Высшая точка остатков цитадели возвышается над средней частью городища на 9,5 м

³⁶ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 31—34, рис. 15.

³⁷ Там же, стр. 38—39.

³⁸ Ср. Ибн-Хаукаль (BGA, II, стр. 366): «Вокруг шах-ристана [Самарканды] проходит глубокий ров, из которого брали землю для городских стен; величина этого рва находится в соответствии с количеством земли и глины, которые были выкопаны».

³⁹ У С. К. Кабанова («Раскопки жилого квартала в западной части городища Варахша» — «Труды ИИА АН УССР», вып. VIII, 1956, стр. 120) превращение над уровнем окружающей местности определено в 5 м. Разница заключается в том, что он вел отсчет от дна описанной долины-рва.

⁴⁰ Описание шурфа даю по отчету С. К. Кабанова (указ. соч., стр. 120—123), опускаю детали.

⁴¹ С. К. Кабанов. Указ. соч., стр. 123.

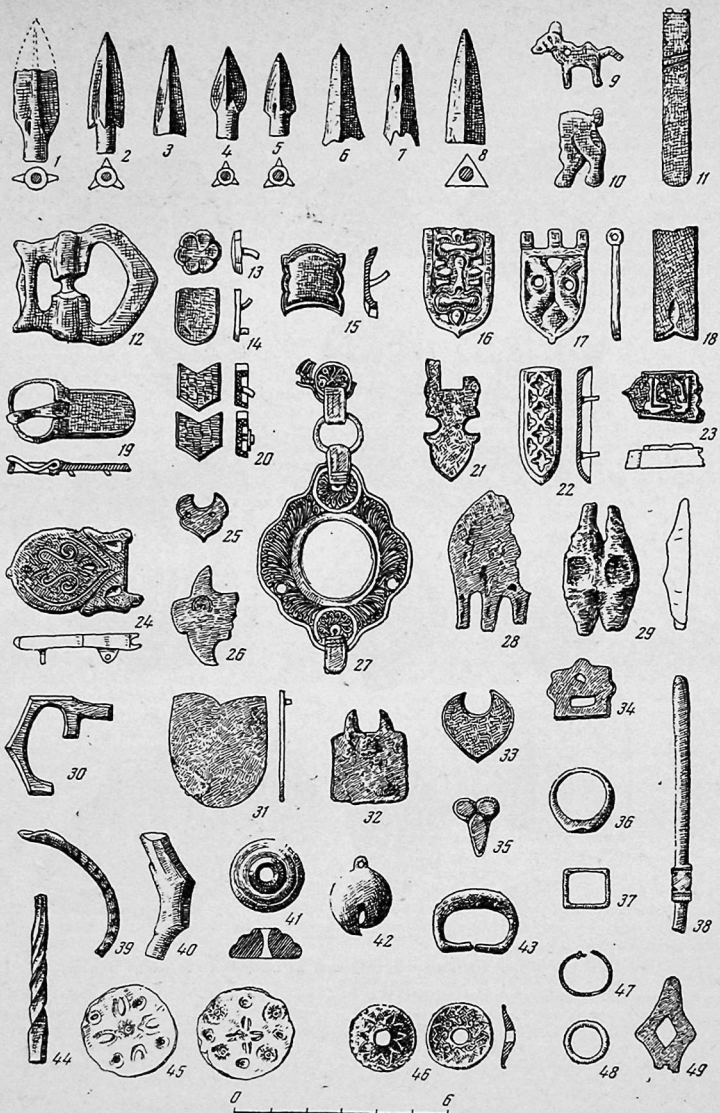

Рис. 9. Предметы из металла, собранные на поверхности городища Ваварша

Рис. 10. Фрагменты керамики, собранной на поверхности городища Варахша

(на 19,5 м по сравнению с окружающей местностью). С восточной стороны к основанию цитадели примыкало также весьма массивное сырцовое здание. Более подробное описание этих сооружений дается ниже, в связи с описанием произведенных в них раскопок.

Кратко укажем здесь, оставив описание также до соответствующего места ниже, что к западу от цитадели, между ней и городскими воротами, до начала наших работ были заметны значительные впадины, представляющие собой, как это выяснилось в дальнейшем, развалины упоминаемого Наршахи дворца бухар-худатов, доарабских правителей Бухары. Холмы были невысокими, сглаженными действием ветра и песка. Местами на их поверхности хорошо прослеживались кладки из сырцового кирпича, стены и даже контуры некоторых помещений, что в дальнейшем значительно облегчало начало раскопочных работ.

Упомянем еще и об остатках здания у северо-западного угла площади, занятой холмами развалин дворца, возвышавшейся в виде отдельного массива из сырцового кирпича.

Поверхность городища покрыта огромным количеством по большей части очень мелких фрагментов керамики, кусков битого кирпича, осколков стеклянных изделий; собрано много монет, бус и мелких изделий из бронзы и меди. Большая часть этого материала могла быть отнесена к IX—X вв., отчасти — к XI—XII вв. Это сразу же дало возможность прийти к заключению, что X—XII вв. были последним периодом жизни городища⁴². Это заключение оказалось впоследствии правильным, но было уточнено: интенсивная жизнь города продолжалась только до XI в. включительно. Значительно реже встречались фрагменты более древней посуды — чашек, бокальчиков, кувшинов — из хорошей розоватого обжига глины с красным ангобом и иногда лощением, типичной для первых веков до и после начала нашей эры. Таким образом, определялись хронологические рамки существования селения (рис. 11—13).

Особенно важным материалом для установления хронологии жизни поселения явились монеты, которые во множестве были найдены на поверхности самого городища и в особенности в его ближайших окрестностях. Самая древняя из них, также найденная не на самом городище, а в его окрестностях, — монета Евтидема (конец III в. до н. э.). Имеется несколько монет типа Ирода. Около двух сотен медных монет относится к большой серии, выпускавшейся местными бухарскими правителями. Эта серия ждет специальной обработки и публикации. Найдено также много монет типа черных дирхемов, фельсов времен аббасидского халифата, чеканившихся в Бухаре. Однако большую часть наших сборов составляют монеты Саманидов, почти исключительно бухарского чекана и монеты ранних Караханидов (XI в.). Нес-

колько более поздних монет, до бухарских «пуль» XIX в. включительно, могли быть занесены случайно поселящимися Варахшу кочевниками или пастухами⁴³.

Таким образом, устанавливается приблизительно тысячелетний период существования селения. За это время на его месте накопились весьма значительные толщи культурных наслоений. Шурф, заложенный нами в 1938 г. для получения предварительных данных в самой высшей точке, в центре городища, показал, что общая мощность этих наслоений достигает приблизительно 11 м.

Площадь, занятая древним поселением в период его наиболее интенсивного развития, не ограничивалась пределами основного бугра. В этом убеждает уже то, что со всех сторон на 1—2 км, а местами и больше, степь вокруг городища усеяна огромным количеством остатков древности: керамики и кусков жженого кирпича, осколков стекла, обломков металлических предметов; почти повсюду мы находили также медные монеты. В своей совокупности весь этот материал в точности соответствует тому, который имеется на самом городище. Исключение составляют находки в двух местах более поздней керамики, которая может быть датирована XV или началом XVI в. Характерными признаками ее являются беловатый рыхлый черепок, так называемый кашин, толстая стекловидная полива, кобальтово-синий, черный или зеленый растительный орнамент по белому фону. Одно место с такой керамикой было обнаружено в полукилометре к западу от холма. Кашинная керамика мелкими обломками вперемежку с более древней разбросана здесь на пространстве примерно одного гектара. На этом же участке было отмечено множество костей (по всей видимости, человека), расквашившихся на мелкие крупинки и чешуйки. Это наводит на мысль, что еще в XV—XVI вв. к западу от городища Варахша существовало кладбище, подвергшееся затем сильной эрозии, настолько сильной, что наши попытки разыскать здесь хоть одно сколько-нибудь уцелевшее погребение не увенчались успехом.

Второе место с такой же керамикой XV—XVI вв. выявлено на расстоянии около полукилометра от городища, с восточной стороны. Здесь находки керамики этого типа довольно редки. Можно предположить, что на этом месте существовало какое-то сооружение, может быть, типа караван-сарая или рабата на караванном пути из Бухары в Хорезм, так как этот путь должен был проходить около Варахши. Возможно также существование какого-нибудь позднее забытого места традиционного паломничества, подобного имеющимся и теперь мазарам — Ходжа-Зафаран, Ходжа-Убан, Ходжа-Парсан и др.

⁴² Некоторые предварительные сведения о части монет, собранных на Варахше и в ее окрестностях, см. в работе: Е. А. Давидович. Непубликованные монетные находки на территории Узбекистана. — «Труды ИИА АН УзССР», вып. 7, 1955, стр. 169—170.

⁴³ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г., стр. 18.

Во всяком случае признаки пребывания в окрестностях Варахши людей в XV—XVI вв. настолько незначительны по сравнению с огромной массой более древних остатков, что предполагать существование селения этого времени около Варахши нет никаких оснований.

настолько однороден, что выделить какие-либо районы более позднего или более раннего обитания их не представляется возможным. Пожалуй, только относительно описанного небольшого участка с прямоугольниками валов можно высказать предположение, что здесь жизнь держалась

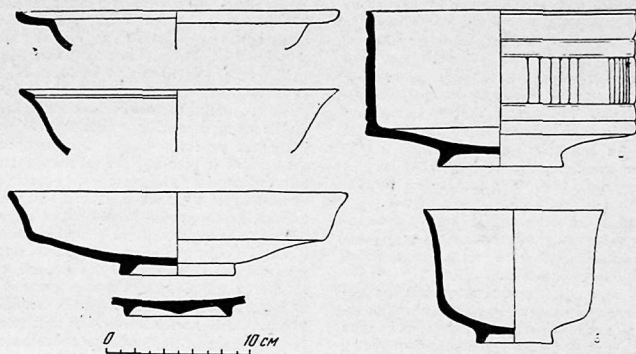

Рис. 11. Керамика с красным ангобом и голубой поливой с городища Варахша

Следы строений близ холма Варахши многочисленны, но представлены они только слабо выраженной плоскими холмиками. Их много с южной стороны, по другую сторону городского равнины. Значительная цепочка их почти по прямой линии тянется от северо-западного угла городища на север, к находящемуся там современному колодцу. Заметны они и во многих других местах.

В полукилометре к востоку, в том месте, где найдены были остатки кашинной посуды, отмечены очень слабо выраженные валы, ограждающие довольно значительные прямоугольные пространства⁴⁴. Размеры одного из них 135×65 м. Пространство между валами представляет собой незначительное плоское понижение. В других местах в силу очень плохой сохранности валов на всем своем протяжении они не были прослежены. Как валы, так и пространства между ними густо усеяны осколками жженого кирпича и глиняной посуды тех же типов, что и повсюду на Варахше, но с некоторой примесью упомянутой кашинной керамики.

Можно сказать, что не считая кашинных черепков, археологический материал на самом городище и в его окрестностях в общей своей массе

несколько дольше (в пределах, однако, тех хронологических рамок, которые мы установили для всей Варахши). Основанием такого предположения служит то, что именно здесь при несколько меньшей измешечности керамических остатков найдено наибольшее количество фрагментов, которые с большой долей уверенности могут быть отнесены к XI в.: характерная посуда с голубой поливой по черепку, покрытому красным ангобом, терракотовые плиты — какие-то архитектурные детали и т. п. Впрочем, это наблюдение весьма относительно, так как материал этого же характера встречается и в других местах.

Вернемся к упомянутым выше сглаженным холмикам, которые, по нашему мнению, являются следами существовавших здесь построек и различных производственных сооружений. Предположение это подкрепляется тем, что в двух-трех местах были ясно заметны остатки половых настилов из плиток жженого кирпича (у восточного угла городища и к югу от него). Предполагать наличие значительных застроенных пространств вокруг Варахши заставляет и сообщение «Истории Наршахи» о ее рабаде, «подобном рабаду Бухары»⁴⁵.

Однако предпринимавшие нами во многих местах попытки исследования холмиков не при-

⁴⁴ Рельеф здесь настолько слабо выражен, что, несмотря на частое посещение этого места сотрудниками экспедиции, относительно правильное расположение валов в меридиональном направлении и перпендикулярно к нему могли быть замечены только с самолета во время воздушной разведки окрестностей Варахши.

⁴⁵ وردی او بدو مثل شهر بخارا (История Наршахи, стр. 21); перевод Н. С. Лыкошина. (Наршахи. История Бухары, стр. 26): «прежние стены селения по размерам равнялись стенам Бухары» не передает смысла приведенного текста.

Рис. 12. Терракотовые фигурки, собранные на городище Варахша и в его окрестностях

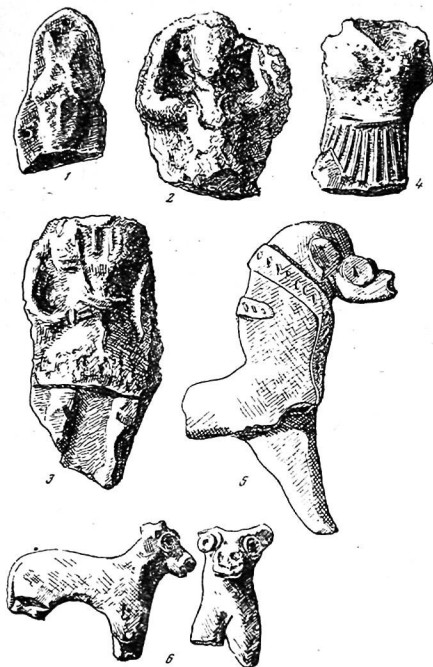

Рис. 13. Терракотовые фигурки, собранные на городище Варакша и в его окрестностях

вели к сколько-нибудь существенным результатам. Повсюду обнаруживались лишь золистые рыбные слои без каких-либо следов стен зданий. Объяснение может быть найдено в том, что эти постройки, относящиеся к позднейшим периодам существования Варакши, были не сырцовыми или глинобитными, а легкими, каркасными, несомненно, распространенными в ту пору, а может быть, и деревянными⁴⁶. Большую роль в разрушении

⁴⁶ Постройки X—XI вв. с каркасными стенами, подобные домам современного таджикского и узбекского населения Средней Азии, известны на Афрасиабе (см.: В. Л. Вяткин и И. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Самарканд, 1927, стр. 17). Следы каркасных построек были обнаружены и на Варакше, при раскопках айлана (см. ниже). Относительно широкого употребления дерева в постройках Бухары высказывались не раз предположения, основывающиеся на сообщении «Истории Бухары» Наршахи (стр. 118) о грандиозных пожарах, опустошавших город. Особенно сильным был пожар 937 г. При дошедшей до нас красно-глиняной застройке городов Средней Азии, несмотря на скудность, подобных пожаров не бывает.

остатков этих зданий, как и в других случаях, сыграли ветры и песчаные бури, возможно также, что они были разрушены людьми ради извлечения из них дерева.

Из попыток раскопок на этих буграх остановлюсь на произведенной в 1951 г. В. Д. Жуковым разведке бугра, находящегося неподалеку от северо-западного угла городища — самого южного из цепочки бугров, тянувшейся отсюда в северном направлении, к колодезю⁴⁷. Размеры бугра: с севера на юг 42 м и с запада на восток около 50 м; высота в пределах 1,5 м. Форма неправильная, оплывшая. На поверхности лежали осколки типичной для всей Варакши керамики и стекла, маленькая железная крица, найдены были монеты IX—X вв. Раскоп на площади около 60 кв. м был углублен до 1,5 м. На глубине около 1 м обнаружено несколько жженных кирпичей (22×22×3 см), представляющих как бы фрагмент кладки; немного выше — донце стеклянного сосуда и черепок с голубой поливой по красному ангобу. Датировать эти находки можно X—XI вв. Ниже кирпичной кладки — очень плотный земляной слой. В раскопе встречались также мелкие черепки от крупных неполновинных сосудов и обломки очень крупного жженого красноватого кирпича, который может быть отнесен к VIII—IX вв.

Таким образом, и на этом бугре остатки здания не сохранились; в то же время сложилось определенное впечатление, что здесь имела небольшая искусственная насыпь, на которой, вероятно в X в., была возведена постройка.

Небольшая разведка была выполнена в 1938 г. на одном холмике, несколько севернее описанного, почти посередине между северо-западным углом городища и колодезем. Сверху этот холмик, также очень отлогий и сглаженный, был густо усеян гончарным и металлургическим шлаком. Раскоп велся на площади 20 кв. м.

В верхней части раскопа, до глубины 40—65 см шел рыхлый завал, состоявший из сильно разложившегося, частью рассыпавшегося в порошок жженого кирпича и сильно прокаленной глины. На глубине 65 см обнаружена ровная площадка, покрытая плотной заселеной глиной, поверх которой лежал тонкий слой угольков и золы. Площадка образует прямоугольник шириной около 3,5 м (длина осталась невыясненной). Край площадки несколько приподняты. Назначение площадки определить не удалось, но представляется несомненным, что на этот раз мы действительно встретились с каким-то сооружением производственного назначения. В верхнем слое, над площадкой, найдено значительное количество керамики — обломки хумов, «котелков», кувшинов и т. п.

Под площадкой на глубину до 1,5 м шел слой очень плотной сбитой глины, в которой были встречены остатки стенки из жженого кирпича, сохранившейся на высоту до восьми рядов. Формат

⁴⁷ В. Д. Жуков. Указ. соч., стр. 145 и сл.

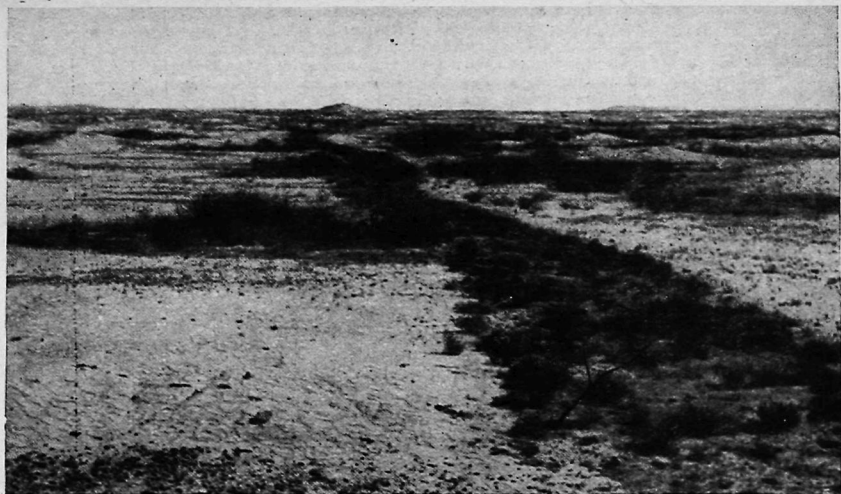

Рис. 14. Древний канал близ Варахши

кирпичей $27 \times 27 \times 4$ см. Кладка лежала на плотной глинистой площадке и была покрыта небольшой прослойкой золы с угольками. Ниже — плотная земля со следами сгнивших органических веществ. В глине изредка встречались небольшие осколки жженого кирпича. Раскоп был доведен до глубины 2,25 м. Внизу — земля без каких бы то ни было культурных остатков.

Материалов старше X в., в крайнем случае начала IX в., в раскопе не встречено. Это вместе с результатами разведки, произведенной В. Д. Жуковым, дает основание вывести заключение, что местность, где находятся исследовавшиеся холмики, была обжита не раньше указанного времени.

К востоку от этих холмов, занимая обширное пространство, расположено старое кладбище. Оно представляет собой крайне интересную и наглядную иллюстрацию того, о чем мы говорили уже неоднократно, — работы ветра и песка. Верхние слои кладбища были развеяны, в результате чего скелеты погребенных оказались на поверхности. Они как бы срезаны по уровню почвы и напоминают специально изготовленные препараты⁴⁸.

⁴⁸ В одном случае обнаружен скелет, по-видимому, молодого еще мужчины (судя по сохранности зубов), рост которого равен 174 см. В другом, возможно женском, погребении, рост скелета достигал всего 154 см. Сохранность костей очень плохая; при прикосновении они рассыпались в порошок.

Местами видны очень четкие и ясные «рисунки» скелетов, иногда полные, иногда сохранившиеся частично. Все костяки лежат на спине, головой на север; лицевые кости черепов обращены на запад. Такое положение скелетов заставляет предположить, что кладбище было мусульманским. Могила, как можно было видеть в некоторых местах, обложена сырцовым кирпичом $46 \times 26 \times 9$ см, что дает возможность отнести их к раннему исламскому.

Никаких следов оборонительной стены, которая окружала бы район, занятый остатками построек, несмотря на тщательный просмотр его с земли и с воздуха обнаружено не было. Можно предположить, что рабад Варахши или вовсе не был окружен стеной, или же что существовавшие некогда, но недостаточно капитальные стены были разрушены при расширении территории пригородов.

Осталось сказать несколько слов о снабжении Варахши водой. «История Наршахи» сообщает о двенадцати арыках в Варахше⁴⁹. По-видимому, здесь имеются в виду арыки, орошающие весь этот район (рис. 14). Нам удалось установить, что на расстоянии около 3 км к северу от городища, не доходя до бугра Талли-Гуза, и за ним, у современного колодца Ширин-кудук⁵⁰,

⁴⁹ «История Наршахи», стр. 21.

⁵⁰ Буквально «сладкий колодец», в данном случае — пресный.

проходит с востока на запад, с отклонением к юго-западу, целый пучок оросительных каналов. От одного из них, вероятно, ближайшего, отходят два канала. Первый к северо-восточному углу городища (следы его не могли быть прослежены на достаточно значительном расстоянии, так как недалеко от Варахши он теряется в песках); второй канал прослежен приблизительно в 2 км к северу от городища. Здесь он следует сначала общему направлению арыков с северо-востока на юго-за-

пад, но, дойдя до меридиана Варахши, круто поворачивает на юг и проходит мимо современного варахшского колодца к северному фасу городища. Возможно, именно из этого канала вода поступала и в самый город, где, как мы уже видели, существовал предполагаемый водоем (хауз).

Таковы те предварительные сведения о городище, которые мы сочли необходимым сообщить до описания проведенных на нем раскопок.

ДВОРЕЦ БУХАР-ХУДАТОВ

Основным объектом археологических работ, проведенных на городище Варахша, стал дворец бухар-худатов (рис. 15)¹.

Раскопки начаты были на южной стороне дворцового здания, в группе помещений, названных нами позднее Южной анфиладой (рис. 16, помещения 1—4). Эта анфилада состояла из четырех соединенных между собой помещений, возведенных в системе южной оборонительной стены города (рис. 17). Еще до раскопок здесь были заметны на поверхности неясные следы стен и прямоугольники помещений между ними, заполненные рыхлым завалом, состоявшим преимущественно из строительного мусора: кусков сырцового кирпича, сероватого и белого алебаstra (в том числе несколько тысяч фрагментов резного декора) осколков жженого кирпича. Все это было перемешано с песком, кусками глины и мелкой землей. Создавалась совершенно ясная картина заполнения раскапываемых помещений материалом разрушенного здания, вероятней всего, не сохранившегося верхнего этажа.

Раскопки показали, что мусором от разрушенных построек заполнены все помещения Южной анфилады.

Только слой земли толщиной 10—15 см, лежащий непосредственно на полу, носит иной характер: он не содержит строительного мусора. В нем найдено некоторое количество мелких черепков неполированной посуды, около трех десятков очень плохо сохранившихся железных наконечников стрел—черешковых, трехперых, длиной от 8,5 до 9 см, железная пластинка, может быть, часть панциря (рис. 17) и останки птиц и животных, среди которых следует отметить кости лапы

и хвоста тигра. По справедливому заключению В. И. Громовой, определившей кости, здесь находилась, вероятно, совершенно истлевшая шкура тигра (или часть шкуры) с хвостом и лапой.

Помещения, составляющие Южную анфиладу, расположены в один ряд и пристроены вплотную к внешней стороне глинобитной городской стены. Таким образом, они были вынесены за стену и в своей совокупности представляли нечто вроде башни. Стены помещений сложены из сырцового кирпича 41×28×10 см. Толщина внешних стен здания-башни не могла быть определена, так как снаружи они сильно разрушены. Помещения имеют приблизительно одинаковую ширину—от 2,1 до 2,3 м, но различаются по длине (длина западного равняется 5,5 м, восточного—7 м). Толщина сырцовых стен, разделяющих помещения,—1,2 м. Между собой эти помещения сообщаются дверными проемами вдоль южной стены. В проходе между вторым и третьим помещениями сохранились остатки арочного перекрытия, для которого характерно следующее: расстояние между пятами арки больше ширины дверного проема, вследствие чего пята арки как бы утоплена в стену². Этот прием постройки арки был вызван, надо полагать, удобством установки деревянных кружал, по которым она выкладывалась, так как в этом случае кружала опирались непосредственно на стену и не требовали специальных подпорок³.

Помещения были перекрыты коробовыми сводами из сырцового кирпича. Кое-где сохранились слабые остатки этих перекрытий. Под пятами

² Подобные арки часто встречаются в древней архитектуре как в Средней Азии, так и за ее пределами. См.: В. А. Воронин. Древняя строительная техника Средней Азии.—«Архитектурное наследство», № 3, 1953, стр. 28 (Мунчак-тепе); см. же. Строительная техника Древнего Хорезма.—ТХЗ, т. I, М., 1953, стр. 103, рис. 15; E. Herzfeld. Archaeological History of Iran. London, 1935, p. 66 ff. (Кузи-Ходжа в Сенстане), 91 (храм огня близ Хира).

³ О. Шуази. История архитектуры, т. I, М., 1935, стр. 88; т. II, 1937, стр. 89.

¹ Раскопки производились под наблюдением автора с участием научных сотрудников В. Д. Жукова, В. А. Нильсена, Л. И. Альбаума, Н. В. Дьяковой, П. А. Гончаровой и других.

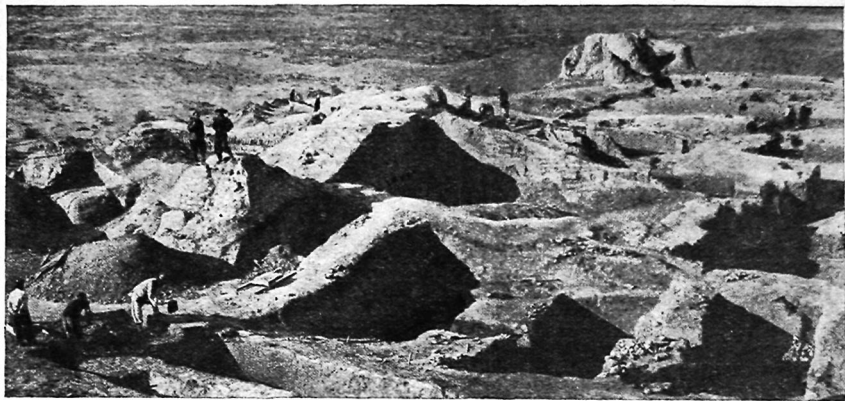

Рис. 15. Общий вид раскопок дворца

сводов заметны расположенные на равных расстояниях гнезда от балок, принятые нами первоначально за следы дополнительного балочного перекрытия под сырцовым сводом. Впоследствии, когда такие же гнезда были найдены и во многих других местах в условиях, исключающих наличие таких перекрытий, от этого предположения пришлось отказаться и прийти к заключению, что эти гнезда остались от балок подмостей, применявшихся при выкладке свода.

Выхода наружу из описываемых помещений не оказалось. Доступ в них был возможен только сверху, с северной стороны. Для входа служила лестница во втором помещении с западной стороны, сложенная из сырцового кирпича. Эта лестница занимает северную треть помещения во всю его ширину. Ступени ее достаточно хорошо сохранились.

Огромное количество фрагментов резного алебастрового декора не могло происходить из раскопанных узких и тесных помещений, особенно если учесть, что некоторые фрагменты имеют очень высокий рельеф. Естественным представляется предположение, что над Южной анфиладой был второй этаж, богато декорированный резным шtukом, и что только при разрушении верхнего этажа фрагменты алебастрового декора вместе с другим мусором попали в нижние помещения, которые, вероятно, служили подвалами, быть может, кладовыми. Это предположение подтверждается, во-первых, тем, что части одних и тех же скульптурных деталей были найдены в разных помещениях, во-вторых, характером инвентаря, собранного на полу.

Для выяснения вопроса, на каком основании были возведены стены Южной анфилады, в юго-

западном углу самого западного помещения был вырыт шурф, доведенный до глубины 5 м от пола. Выяснилось, что кладка стены продолжается во всю глубину шурфа, но стена ниже пола сложена из сырцового кирпича несколько иного формата ($42 \times 25 \times 8$ см). Это позволяет прийти к заключению, что при постройке Южной анфилады и здания, возвышавшегося над ней, были использованы в качестве основания стены более раннего сооружения.

При раскопках Южной анфилады, как в дальнейшем и в других местах городища, нам пришлось встретиться с результатами работы кладонска-телей, действовавших, по-видимому, несколько столетий назад. В первом с запада помещении ими была вырыта целая пещера. Из нее узкий неправильный ход-нора, снижаясь, прошел под всеми оставшимися помещениями.

Вторым пунктом, где были начаты раскопки дворцового здания, был самый высокий из холмиков, примерно в 10 м к северо-востоку от Южной анфилады. В этом месте на выглаженной ветром поверхности еще до раскопок были видны контуры большого, почти квадратного помещения, названного нами после раскопок Красным залом (см. рис. 15, помещение 11).

В южной части этого зала, где он уцелел на наибольшую высоту, могли быть проследены два разновременных слоя, причем верхний сохранился на очень небольшой площади, всего около 20 кв. м.

Расчистка этого слоя показала, что здесь уцелели незначительные остатки стен трех небольших помещений, построенных из сырцового кирпича $45 \times 25 \times 10$ см. Сохранившаяся высота этих стен не превышает 25—26 см. Стены помещений

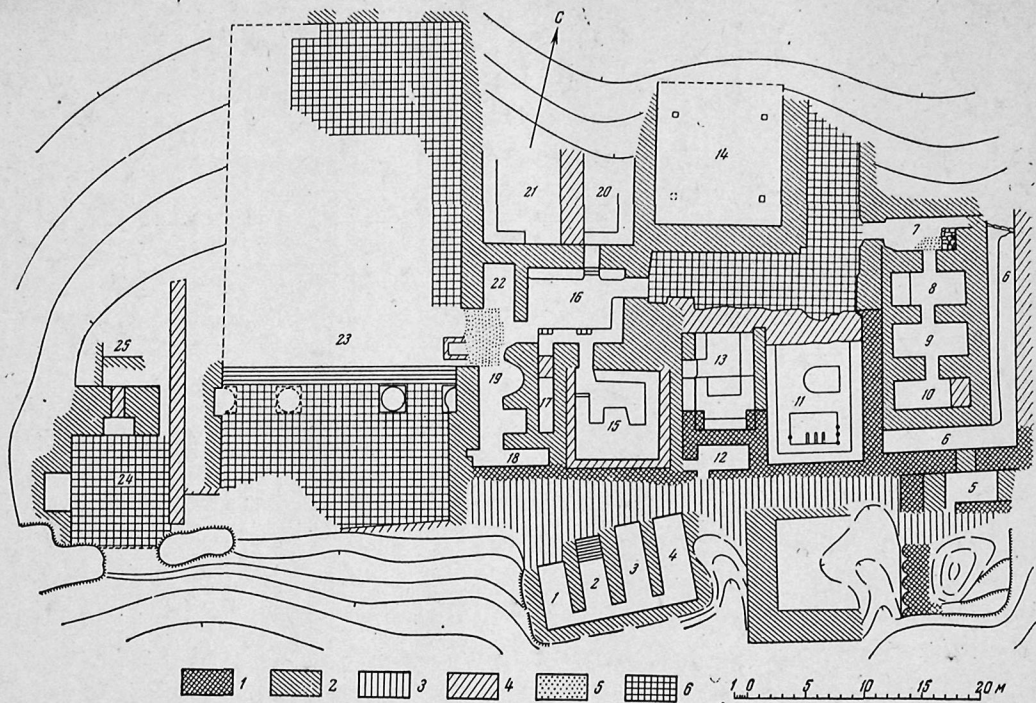

Рис. 16. План раскопок дворцового здания:

1 — древние стены, сложенные техникой «кирпич вразбежку»; 2 — стены последующих периодов; 3 — городские глинобитные и сырцовые стены; 4 — позднейшие стены;
5 — полн. обмазанные алебастром; 6 — настил из жженого кирпича

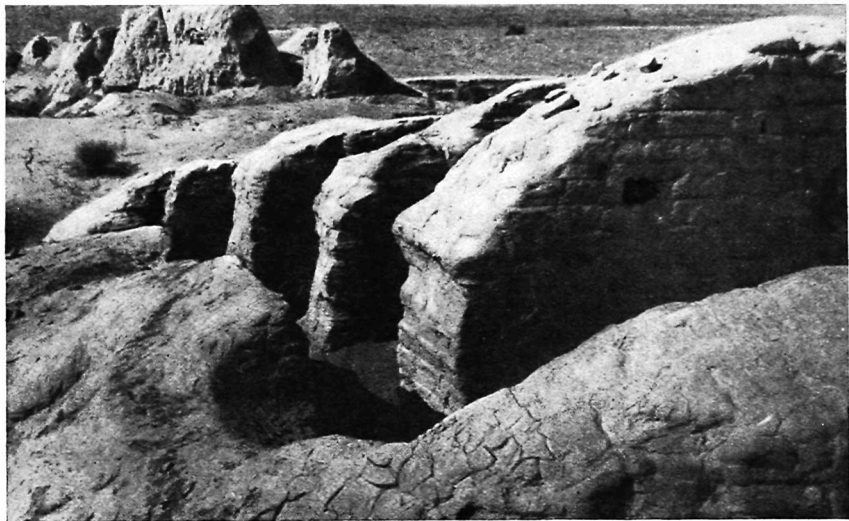

Рис. 17. Южная анфилада (вид с юго-восточной стороны)

имеют толщину от 0,9 до 1 м. Пол глиняный, неровный. Он очень сильно обожжен; земля прокалена на 1—2 см, заметны и следы золы. Около восточной стены этого помещения на полу была найдена очень сильно окислившаяся монета, точно не определенная, но по общему виду и размерам можно предположить, что она, вероятнее всего, относится к халифатскому чекану VIII в. н. э.

По общему впечатлению, верхние, позднейшие постройки, почти совершенно уничтоженные ветром и песком, были значительно менее капитальными, чем те, что были встречены ниже.

Возведены эти позднейшие постройки на забивке, заполнявшей упомянутый уже большой зал (более точные размеры его, выявившиеся позднее: 12×8,5 м). Южная стена его сохранилась на высоту до 4,75 м, северная — на 1,70—1,80 м. На глубину около 3,5 м, считая от высшей точки на южной стене, помещение забито землей с кусками глины и сырцового кирпича. В забивке изредка встречались мелкие черепки крупных сосудов — хумов. Это — явно преднамеренная забивка. Земля насыпалась тонкими правильными слоями около 25 см и утрамбовывалась. Было совершенно очевидно, что здесь мы встретились с явлением, весьма распространенным в строительстве Передней Азии, Ирана и Средней Азии, когда обветшавшую постройку заполняли глиной и

строительным мусором, чтобы создать повышенную платформу для нового здания⁴. Именно на такой платформе было возведено здание верхнего слоя, остатки которого описаны выше.

Забивка сделана не сразу после того, как здание оказалось заброшенным. На полу, в некоторых местах больше чем на 1 м, в других — меньше, к этому времени уже накопился значительный слой с различными обломками, в том числе с фрагментами покрытой росписью штукатурки. К сожалению, данных для определения времени, когда произошло разрушение и запустение зала, этот слой не дал: ничего, кроме нескольких грубых черепков от крупных сосудов, здесь не найдено.

Стены зала оказались разновременными и сильно отличались одна от другой по технике постройки. Южная стена, часть восточной и прилегающий к южной отрезок западной стены сложены в той технике, которая нами названа кладкой «кирпич вразбежку» (рис. 19), совершенно аналогичной кладке описанной выше гофрированной башни. Сырцовые кирпичи положены здесь также с большими промежутками, заполненными глиняным раствором, те же толстые швы, пра-

⁴ См., например, Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 180—181 (о храме в Эриду); стр. 211 (о Сузах) и др.; В. Д. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии, стр. 5.

вильное чередование рядов ложков и тычков. Размеры кирпича $40 \times 24 \times 9,5$ см.

Западная стена, отделяющая описываемый зал от соседнего, сложена обычной кладкой из сырца несколько более крупного формата ($42 \times 25 \times 10$ см). Кирпичи при таком же правильном чередовании ложков и тычков положены вплотную. Швы между ними в среднем не больше 4 см. Это служит ясным указанием на то, что в постройке зала мы имеем два разных строительных периода. Северная стена не сохранилась вообще. Только в северо-восточном углу уцелели некоторые следы, дающие возможность определить первоначальные размеры всего зала. Вместо древней северной стены (если она вообще существовала) уже после разрушения зала возведена стена из сырцового кирпича (толщина около 2 м). Она сложена небрежно, частично на завале, покрывающем пол помещения. Очевидно, это поздняя закладка, произведенная одновременно с забивкой помещения.

Вяснить, существовала ли северная стена вообще или этот зал представлял собой нечто вроде айвана, открытого на север, мы теперь уже не можем, так как сырцовые сооружения, как и сооружения из глинобитных блоков, не знали фундаментов и их стены не углублялись в землю. При этих условиях в случае разрушения или разборки стены от нее не оставалось никаких следов, как это произошло, возможно, и в данном случае.

Стены зала были покрыты толстым слоем штукатурки из глины с примесью соломы и камыша. Поверх этой штукатурки нанесена роспись клеевыми красками. Штукатурка и роспись уцелели только в нижней части стен, на высоту около 1,5 м, кроме, конечно, северной стены-закладки.

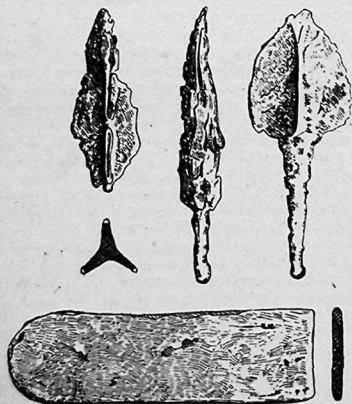

Рис. 18. Наконечники стрел и железная пластинка из Южной анфилады

Рис. 19. Тип кладки «кирпич вразбежку»

на которой росписей не могло быть. Роспись перед забивкой помещения землей подверглась умышленной порче с помощью какого-то рубящего орудия.

Описание росписи будет дано в специальной главе. Здесь же мы отметим только, что изучение стенной живописи Красного зала показало, что зал существовал, по-видимому, продолжительное время и подвергался капитальному ремонту. На стенах были обнаружены два слоя живописи, несколько отличающиеся один от другого по манере и колориту. Остатки первоначальной росписи удалось открыть в местах разрушения штукатурки. При снятии со стен живописи — операции, мастерски проведенной П. И. Костровым и его помощниками Е. Г. Шейниной и И. Б. Бентович, удалось вскрыть и зафиксировать несколько, хотя и небольших, но интересных фрагментов изображений нижнего слоя.

Осмотр стен показал, что в какой-то период, когда существовала первоначальная живопись, произошла значительная деформация стен зала. Вследствие ли неравномерной осадки, или по каким-либо иным причинам, на западной и южной стенах появилась глубокая горизонтальная трещина (на высоте около 1,5 м от пола). Во время ремонта стены были выровнены глиной с камышом, затем вновь покрыты толстым слоем глиносаманной штукатурки, по которой и была сделана новая роспись.

В стенах на высоте 2,6 м от пола, на расстоянии 50—55 см друг от друга, видны гнезда деревянных балок, таких же, как и в Южной анфиладе, имевших, без сомнения, то же самое назначение: они служили для укрепления подмостей, которыми пользовались мастера, штукатурившие и расписывавшие стены.

Вдоль трех стен — восточной, южной и западной — идет суфа-лежанка, гладко оштукатуренная

Рис. 20. Возвышение — суфа в Красном зале

глиной с саманом. Высота ее 50 см при средней ширине несколько больше 1 м. В южной части зала на некотором расстоянии от суфы имеется прямоугольное возвышение примерно такой же высоты, как и суфа, длиной (с запада на восток) 4 м и шириной 2,6 м. У северного края этого возвышения имеются три паза-углубления в виде канавок, перпендикулярных к длинной стороне. С восточной стороны у подножья обнаружены четыре ямки глубиной до 45 см — следы стоявших здесь столбов. С западной стороны, которая вскрыта нами только частично, замечена одна такая ямка.

В северной половине зала имеется второе возвышение (рис. 20). Восточный его конец образован прямыми углами, западный овално закругляется. Восточная половина возвышения обрамлена невысоким бортиком. На тщательно оштукатуренной глиной и саманом поверхности заметны следы огня.

Возвышения имели какое-то специальное значение. Следы столбов около первого из них дают возможность предполагать, что над ним было возведено нечто вроде балдахина. Красный зал, наряду с Восточным, — одно из крупнейших помещений дворца. Едва ли особо смелым будет предположение, что он выполнял роль тронного приемного зала. В этом случае прямоугольная суфа с балдахином, расположенная на южной стороне против входа (он мог быть только в северной стене), служила подножием трона царя.

Если первое возвышение можно принять за основание трона, то второе могло быть местом жертвенника или курильницы, подобной той, которая изображена, как мы увидим дальше, в живописи соседнего Восточного зала. Впрочем, такая реконструкция обстановки зала остается только предположительной. Также вполне можно предположить,

что зал был культовым помещением, и первое из возвышений служило для установки на нем тех или иных священных изображений.

Пол помещения гладко оштукатурен. Поверхность его сохранилась относительно хорошо. Следует отметить, что никаких следов столбов, которые могли бы поддерживать перекрытие зала, нигде обнаружить не удалось. Возможность перекрытия такого большого помещения сводом из сырцового кирпича, особенно если принять во внимание незначительную толщину восточной и западной стен, совершенно исключается. Перекрытие могло быть только балочным.

Однако большая ширина помещения без промежуточных опор требовала бы применения очень длинных балок или сложных строительных ферм с растяжками. Единственно возможной, как нам кажется, была та широко распространенная система перекрытия, называемая «рузан», которая сохранилась в жилых домах и культовых постройках горного Таджикистана⁵. Она заключается в том, что сначала перекрываются углы квадратного или приближающегося к квадратному прямоугольного помещения. Образовавшееся таким образом квадратное или восьмиугольное отверстие уменьшается вторым ярусом балок, перекрывающих углы восьмиугольника. Затем таким же порядком укладываются третий и последующие ярусы (в грузинском дарбази — до 35 ярусов «венцов») ⁶ до тех пор, пока не остается небольшой квадратный или восьмиугольный проем (собственно «рузан»), служащий световым, а также и дымовым отверстием, над которым могла быть еще возведена кровля на

⁵ В. А. Воронина. Жилище Ванча и Язгулема. — «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951, стр. 258 и сл.

⁶ Н. Северов. Крестьянские дарбази в Грузии. — «Архитектура СССР», 1937, № 1, стр. 58—59.

столбиках, предохраняющая от прямого попадания дождя и снега в помещение.

Наличие в прошлом такого вида перекрытия крупных помещений на Варахше остается пока, конечно, только предположением. Но большую вероятность ему придает широкое распространение этого вида кровли от Закавказья⁷ до Индии⁸ и Восточного Туркестана⁹. Несомненной представляется и его большая древность, так как по крайней мере для древней Колхиды оно засвидетельствовано еще Витрувием.

Немаю следов перекрытия типа «рузан» сохранилось и на территории Средней Азии. Кроме упомянутых уже жилищ горных таджиков, оно встречается, правда уже в чисто декоративной форме, в жилых домах и в культовых сооружениях Ферганы, где такой прием постройки деревянного свода носит название «хашт дар хашт», реже — в Ташкенте¹⁰. Прекрасный образец деревянного свода этой системы существовал еще до недавнего времени в ханке селения Модыр в Хорезме¹¹. Наконец, можно сослаться на передачу в камне формы такого перекрытия в пещерах Бамиана¹².

Все данные, которыми мы располагаем, заставляют предположить значительно более широкое распространение деревянных «куполов» этого типа в прошлом. Отсутствие столбов-опор в Красном зале и других больших помещениях варахшского дворца настойчиво указывает на возможность такого типа перекрытия.

Смежно с Красным залом, с его западной стороны, расположен другой, меньший по размерам зал (см. план дворца, рис. 16, помещение 13 и рис. 21), постройка которого одновременно с первым. Размеры его 7,8×4,4 м. Впрочем, надо оговориться, что длина его с севера на юг полностью не могла быть выяснена, так как северная стена отсутствует. Она так же, как и северные оконечности восточной и западной стен, разрушена. Вместо нее, как и в Красном зале, возведена позднейшая стена-закладка, небрежно сложенная.

⁷ Туи, или галкатуи, в Армении, дарбази в Грузии, карадам в Азербайджане. См.: М. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья. М., 1946; Н. Г. Буннятов. Ю. С. Ярагов. Архитектура Армении. М., 1950, стр. 135.

⁸ См., например, крайне любопытное повторение этого приема, происходящее, несомненно, из деревянной архитектуры, но выполненного в камне, у О. Шузан (Указ. соч., т. I, стр. 150). О наличии этого вида кровли в Читае см.: А. Stein. Ruins of desert Cathay. London, 1912, fig. 20; E. Diez. Die Kunst der islamischen Völker. Berlin, 1915, S. 67.

⁹ A. von Le Coq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel Asiens. Berlin, 1925, fig. 233—244. О глубокой традиционности такого перекрытия свидетельствуют многочисленные повторения его форм, выраженных рельефом или даже росписью в потолках скальных храмов. О проникновении его собственно в Китай (Дунхуан), см. A. von Le Coq. Указ. соч., рис. 243.

¹⁰ А. К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX вв. — Среднеазиатский этнографический сборник», т. I, М., 1954, стр. 272—273.

¹¹ Сообщено покойным Б. Н. Засыпкинским.

¹² J. Hackin. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan — MDFA, III, Paris, 1933, tabl. XI, XII (плафон у грота).

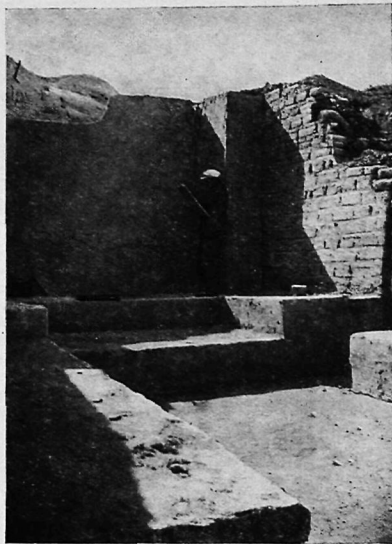

Рис. 21. Помещение № 13 к западу от Красного зала

Южная стена этого помещения, выложенная кладкой «кирпич вразбежку», составляет прямое продолжение южной стены Красного зала. Восточная и западная стены, сооруженные той же системой кладки, отходят от нее только на 1,7 м. Дальше восточная стена (являющаяся одновременно и стеной Красного зала)¹³ переложена, как мы уже видели при описании Красного зала. Такой же перекладке подверглась и западная стена.

Таким образом, в этом помещении мы встречаемся вновь с теми же перестройками, что и в Красном зале.

Особенностью описываемого помещения являются суфы-лежанки, расположенные вдоль западной, южной и восточной стен. Ширина их около 1 м, но на южной стороне суфа повышается двумя ступенями и расширяется больше чем на 2 м.

В юго-восточном и юго-западном углах помещения возведены прямоугольные пилоны, а между ними, вплотную к основной южной стене, сложена стена толщиной около 80 см, соединяющая эти пилоны. И пилоны и стена между ними построены впритык без перевязи и как бы сооружались постепенно, поверх суфы. Кладка та же,

¹³ Толщина ее внизу равняется 1,2 м, вверху, в сохранившейся части — 90 см.

что и древней стены — «кирпич вразбежку», что дает возможность отнести их по времени к раннему периоду существования здания. Назначение этого сооружения совершенно неясно. Разборка части стены между пилонами показала, что находящаяся за ней основная стена сохранилась хорошо и поверхность ее ничем не нарушена¹⁴.

Восточная и западная стены не имеют никаких облицовки. Тщательно выполненная кладка из сырца ничем не прикрыта. Пилоны же и дополнительная стена на южной стороне оштукатурены глиной с саманом. По этой штукатурке просто с помощью палцев нанесен примитивный узор: плоскости стены и пилонов разделены на прямоугольники, внутри которых изображено нечто вроде «елочек» (рис. 22).

В западной стене помещения имеется дверной проем, заложенный сырцовым кирпичом. Заладка настолько небрежна и неровна, что она могла быть сделана только в пустующем помещении при его забивке землей.

Суфы и пол оштукатурены глиной с саманом. В трех местах (на полу и на суфах) заметны следы костров. Находками, как и все другие раскопки на территории дворцового здания, это помещение оказалось бедно. Можно отметить только несколько небольших кусочков стеной росписи, попавших, вероятно, из соседнего Красного зала, да два черепка грубых сосудов, на которых заметны остатки синей краски. Возможно, что это обломки сосудов, в которых живописцы разводили краску¹⁵.

Самой интересной находкой оказалась монета, найденная в одном из сырцовых кирпичей восточного пилона. Это медная вогнутая монета, которая на Варахше встречается очень часто. На выпуклой стороне изображена голова царя, обращенная вправо, в диадеме с полумесяцем. Изображение включено в кружок, намеченный точками. На оборотной, вогнутой стороне — сильно стилизованное изображение жертвенника и легенда, чтение которой, несмотря на многочисленные попытки, окончательно не установлено. Относительно места чеканки этих монет высказывались различные мнения. Френ, первым описавший монеты этого типа, признавал за ними среднеазиатское происхождение и поместил их под рубрикой «монеты тюркских хаканов Афрасиабова рода»¹⁶. Другие исследователи считали их сасанидскими (Принсеп и Уилсон) или находили в них сходство с финкийскими (Штикельс). Но уже П. И. Лерх сопоставил их с монетами бухарудатов и тем самым связал с бухарскими правителями доарабского времени¹⁷. Однако позднее Аллот

де ла Фуи, следуя за Друзоном, считал эти моменты хорезмскими.

В настоящее время бухарское происхождение описываемых монет не может оспариваться. Во-первых, согдийские и хорезмские серии монет рабабами С. П. Толстова и О. И. Смирновой уже достаточно хорошо выявлены. Во-вторых, многочисленные находки этих монет на Варахше и в прилегающем районе указывают на их местное происхождение — широкое распространение медных монет вообще весьма сомнительно, как и массовый завоз их из другого места. На Варахше встречаются монеты и согдийские, и хорезмские, но значительно реже и более или менее случайно.

Точную дату этих монет пока нельзя считать установленной. Аллот де ла Фуи датировал их VII—VIII вв. Эта дата явно неправильна, что доказывается и нашей находкой монеты в более древних слоях. Более правильная дата предложена М. М. Явич. Основываясь на сходстве этих монет с поздними аршакидскими, в частности, на близости диадемы наших монет к диадемам последних Аршакидов, а также на палеографических данных, она датирует эти монеты III—IV в. н. э.¹⁸ Мнение М. М. Явич поддержал С. П. Толстов, который, кстати, решительно отрицает возможность их хорезмского происхождения, так как среди большого числа монет, собранных Хорезмской экспедицией, не обнаружено ни одной монеты этого типа¹⁹.

Следует заметить, однако, что монета, найденная в выветрившемся кирпиче, не датирует сооружения: она могла находиться в земле, которую брали для изготовления кирпича. Но так как приведенная выше датировка М. М. Явич и С. П. Толстова является, по-видимому, предельно ранней, находка монеты дает надежную дату самого раннего возможного периода постройки здания. В дальнейшем мы сделаем попытку уточнить эту дату.

К югу от описываемого помещения имеется еще одно маленькое помещение, отделенное от него стеной. Размер его 4,3 × 1,9 м (см. рис. 15, помещение 12).

Северная, западная и восточная стены этого «каземата», выполненные кладкой «кирпич вразбежку», вертикальны. Южная, являющаяся и городской стеной, имеет значительный наклон, поэтому ширина помещения внизу значительно меньше, чем сверху: всего около 1,7 м. В западной стене около юго-западного угла имеется проем, заложенный сырцовым кирпичом. Определить, куда выводил этот проем, невозможно, так как за ним идет сплошной массив много раз перекладывавшихся стен.

¹⁴ Возможно, пилоны в углах служили основанием для арки, образовавшей нишу, глубина которой была затем уменьшена соединяющей пилоны кладкой.

¹⁵ Анализ красок не был произведен, так как эти черепки погибли в 1940 г. во время пожара.

¹⁶ Ed. M. Fraehn. *Opusculorum postumorum, pars prima*. Editio B. Dorn. Petropoli, vol. MDCCCLV, p. XX, 451.

¹⁷ П. И. Лерх. Монеты бухарудатов. — ТВОРАО, ч. XVIII, СПб., 1875—1909, стр. 17—28.

¹⁸ М. М. Явич. Замечания о неинследованном среднеазиатском алфавите. — ТОВЭ, т. IV, А., 1947, стр. 214—218.

¹⁹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.). — ТХЭ, т. I, 1952, стр. 31, примечание.

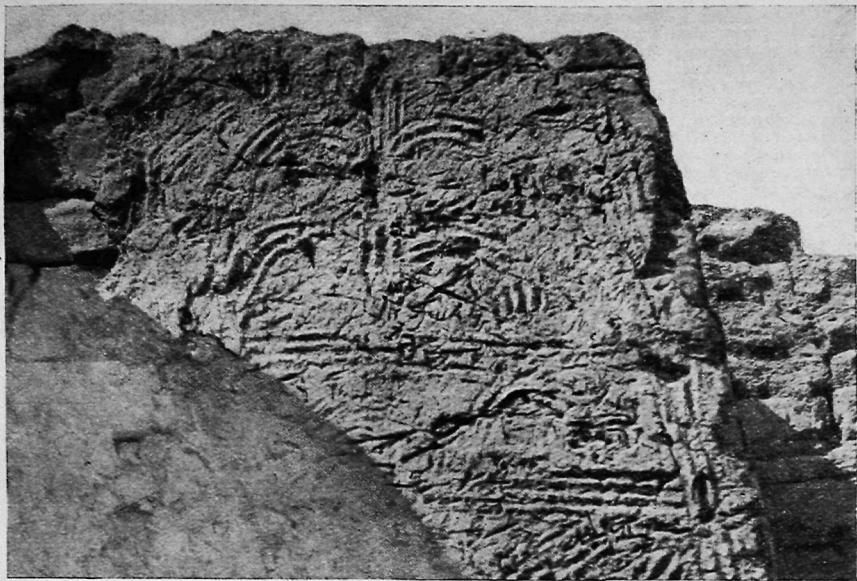

Рис. 22. Верхняя часть пилона в помещении № 13

Помещение оказалось забитым плотным завалом из глины с комками сырца. В верхней части забивки удалось проследить такую же слоистость и применение трамбовки, как в Красном зале и в помещении, примыкающем к нему с запада.

На глубине 1,85 м от современного уровня оказался пол, выстланный крупным сырцовым кирпичом ($44 \times 25 \times 10$ см). На 35 см ниже обнаружен второй пол, выстланный кирпичом тех же размеров. На северной стороне, занимая почти половину всего помещения, находилась низенькая глинобитная суфа.

После снятия суфы и обоев полов обнаружилось, что в северной стене имеются четыре небольшие ниши в виде полукруглых сводиков, углубленных в стену на 20 см. Нишки эти были сделаны, по-видимому, не во время постройки стены, а позднее. Происхождение их следует связать, по всей вероятности, со следующим уровнем пола, находящимся уже на глубине 3,45 м. Этот пол, как и два расположенных выше, выложен сырцовым кирпичом, несколько более мелким ($41 \times 24 \times 10$ см). Далее картина почти повторяется: на 35 см ниже — четвертый пол и суфа у северной стены. Наконец, на глубине 4,4 м от современного горизонта мы дошли до пятого и последнего пола. Этот пол так-

же связан с суфой, пристроенной на этот раз к южной стене. На высоте около полутора метров над суфой в южной стене сделана нишка, подобная описанной выше, но несколько более глубокая. В нишке обнаружены следы раскладывавшегося здесь огня: зола и угольки; стенки ниши обожжены.

Никакого археологического материала при вскрытии помещения найдено не было. Однако раскоп наглядно показал большую длительность использования помещения, связанного с постепенно повышавшимися пятью полами, пока оно не было забито, как и соседние помещения, для подготовки платформы под новую, позднейшую постройку, от которой в этом месте не осталось никаких следов.

Перейдем к описанию раскопок в районе Восточного зала, расположенного смежно с Красным залом, к востоку от него (см. план дворца, рис. 15, помещение 6). Это самое крупное из помещений дворца, остатки которого дошли до нашего времени. Его ширина равняется 11,5 м, длина (с севера на юг) не могла быть выяснена с достаточной определенностью, но она составляла не меньше 17 м. Южная стена этого зала так же, как и в Красном зале, является одновременно стеной города. Она очень массивна и, возможно, в ней находился

ходы и даже помещения (следы такого небольшого помещения сохранились как раз против этого зала). Западная стена — общая с Красным залом, северная уничтожена позднейшими перестройками, восточная сохранилась на очень незначительном протяжении только в юго-восточном углу. В какой-то период времени она разрушилась, а так как для возведения более поздних сооружений здесь, как и над Красным залом, нужно было создать площадку, вместо нее для ограждения от рва (или углубленного прохода), находившегося между Восточным залом и цитаделью, была сложена новая опорная стенка.

В наилучшей сохранности оказались остатки южной стены. Она сложена в той же характерной технике «кирпич вразбежку», которая уже неоднократно отмечалась как признак древнейших частей сооружения. Особенный интерес эта южная стена вызвала росписью, изображавшей сцену торжественного дарского приема, от которой в значительных фрагментах уцелела нижняя часть. Остатки росписи — большой фрагмент композиции, изображавшей коных воинов, — сохранились также и на западной стене. Совсем незначительные остатки ее уцелели на восточной стене, в юго-восточном углу. Краски росписи, как правило, хорошо сохранились, хотя несколько хуже, чем в Красном зале. Однако поверхность стены оказалась во многих местах сильно испорченной корнями растений, норами животных и различными механическими повреждениями. Признаков умышленной порчи росписей здесь не было замечено. В то же время, еще в период жизни в этом помещении здесь произошли значительные обвалы покрытой росписью глиносаманной штукатурки, особенно в юго-западном углу. Стена после этого подверглась грубому ремонту: места выпавшей росписи были оштукатурены вновь глиной с саманом. Новая штукатурка была заглажена рукой, с некоторыми претензиями на очень примитивный узор: на ней нанесены квадраты с диагональными желобками.

Как и в других помещениях, вдоль стен здесь устроены широкие суфы, которые не могли быть полностью проследжены, за исключением суфы на восточной стороне. Эта суфа шириной около 1,1 м и высотой 60 см проходила вдоль всей стены, но восточный край ее, а местами и вся она, были разрушены при обвале восточной стены, по-видимому, упавшей в ров. Суфа покрыта глино-саманной штукатуркой в несколько слоев, свидетельствующих о неоднократных ремонтах. Так же оштукатурен и пол.

Изучение зала затруднялось тем, что внутри него, на уровне старого пола, было построено целое здание, состоявшее из четырех помещений. Это здание, названное нами для удобства описания Восточной анфиладой (см. рис. 15, помещения 7—10), заняло не весь зал. С восточной и южной сторон осталось свободное пространство, которое было забито глиной и кусками сырцового кирпича. Эта постройка и забивка оставшегося пространства, судя по отсутствию характерной порчи живописи,

что имело место в Красном зале, были сделаны, возможно, раньше забивки Красного зала. Следует отметить, что забивка пространств между стенами нового здания и Восточного зала способствовала сохранению ценнейших фрагментов живописи.

Самая забивка носит иной характер: здесь мы не наблюдаем ни слоистости, ни применения трамбовки.

К моменту забивки восточная стена зала была уже разрушена. Возводившаяся вместо нее новая (опорная) стена выкладывалась во время забивки параллельно с ней. Вследствие этого внешняя сторона стены, обращенная к цитадели, была сложена довольно аккуратно. Внутренняя же получилась с неровными уступами, настолько значительными, что без укрепления с этой стороны земель она в некоторых местах вообще не могла бы держаться.

Следы естественно накопившегося мусора обнаружены только на уровне ниже поверхности суфы, местами же непосредственно на ней. Это главным образом мелкие фрагменты той же стеновой росписи.

Восточная анфилада, встроенная в зал, представляет собой прямоугольное здание размерами 9×18,5 м с толстыми стенами, сложенными из сырцового кирпича 43×25×10 см. Все четыре помещения, на которые делится здание, почти одинаковы по площади: 6,2—6,4 м×2,5—3 м; по длинной оси они расположены с запада на восток. Западная стена этого здания построена вплотную к стене, разделяющей Красный и Восточный залы.

Первое (северное) помещение имело вход с западной стороны из двора перед Красным залом, который будет описан ниже. На месте этого помещения была вырыта, надо полагать, кладонскательная, большая яма. Поэтому только около южной стены уцелели остатки пола, выстланного жженым кирпичом и смазанного сверху алебастром. В юго-восточном углу помещения сохранились остатки какой-то кладки из крупных жженных кирпичей. Здесь же обнаружены гончарные трубы, уходящие под восточную стену и выводящие, по-видимому, в ров перед цитаделью, загрязненную воду. Трубы относительно тонкие — внешний диаметр их 10 см; на одном конце раструб диаметром 15 см, в который вставлялся конец другой трубы. Всего обнаружено три звена.

Кроме того, в помещении было найдено несколько жженных кирпичей (23×18×4 см), один из них с выцарапанной неразборчивой арабской надписью²⁰.

Вход во второе помещение находился в середине южной стены первого помещения. У самого дверного проема на полу было обнаружено несколько клочьящих жженных кирпичей, составив которые, мы получили очертания полуциркулярной арки, в точности соответствовавшей дверному проему. Эти-

²⁰ В надписи как будто бы читается слово عَلَام и цифры 141, однако уверенности в правильности чтения нет.

ми кирпичами была облицована арка проема, соединявшего первое и второе помещения.

Западная часть второго помещения была заполнена землей с кусками сырцового кирпича, в которой встречались редкие осколки неполновинной керамики из светлой желтоватой глины — обломки чашек и горлышко кувшина с оттянутым носиком. Восточная часть помещения забита очень плотной глиной. Под ней, почти на полу помещения, были найдены три довольно крупных куса глиняной штукатурки. На двух из них — фрагменты росписи с фигурами всадников — несомненно, части композиции, изображавшей охоту. Происхождение этих фрагментов осталось неясным, скорее всего они были откудато-то занесены. На полу помещения была обнаружена полукруглая терракотовая плита, по-видимому, от архитектурной ornamentации, на которой высоким рельефом изображена растительная розетка (рис. 23). У западной стены была небольшая суфа.

Третье помещение, вход в которое находился так же в середине южной стены второго помещения, было заполнено довольно плотной землей, в которой встречались фрагменты резного алебастрового декора, изображавшие виноградные гроздья, спиральные завитки, ветки с зубчатыми листочками, плетенку и т. п. Фрагменты эти, очевидно, занесены сюда с земли, использованной для засыпки помещения, и не имеют к нему прямого отношения. На полу у входа — толстый слой гнившего камыша, у северной стены — следы ковра: обожженная земля, угольки, зола.

В заполнявшей помещение земле были найдены несколько фрагментов неполновинной керамики (рис. 24): верхняя часть горшка с поверхностью, ornamentированной нарезными ромбами, часть горлышка кувшина, ручка глиняной кружки. В дверном проеме между вторым и третьим помещениями лежало несколько маленьких жженных кирпичей.

Тот же характер заполнения до глубины около 80 см и в четвертом помещении. Ниже этого уровня идут комья глины и кости животных: крупного рогатого скота, козы, верблюда, джайрана (*Gazella subgutturosa*), места составляющие почти сплошную массу. Ближе к входу в третье помещение — обожженная земля, угольки, зола и обожженные кости. Под этим горелым слоем, непосредственно на полу, лежит чистая глина. Восточный конец помещения (на 1 м от восточной стены) заполнен кладкой из сырцового кирпича, причем эта кладка возведена на слое, содержащем золу, угль, перегоревшую землю и обожженные кости. Здесь же встречены куски очень толстого жженного кирпича, черепки неполновинной посуды, мелкие фрагменты стекла, в частности ручки стеклянного сосуда.

Отметим еще большой жженный кирпич $48 \times 48 \times 6$ см, лежащий на полу в проходе между третьим и четвертым помещениями.

Все это служит признаком отсутствия обитания, до какого-то использования помещений в период не ранее X в.

Рис. 23. Терракотовая архитектурная деталь

Описанными здесь помещениями — Красным и Восточным залами и двумя помещениями к западу от Красного зала — исчерпывается древнейшая часть сооружений, относящихся, хотя и в сильно измененном и переделанном виде, к первоначальной застройке двора.

Рассмотрим теперь площадку, расположенную к северу от описанных помещений. К северному фасаду группы помещений, в которой находился Красный зал, примыкал дворик, вымощенный жженным кирпичом $35 \times 35 \times 6$ см. Кирпичный настил сильно разрушен и сохранился не больше чем на половине всей площади. Местами вместе с целым кирпичом при сооружении пола были использованы половинки и обломки. Кирпич лежит на слое перегоревшей земли с угольками и золой. Дворик занимает здесь прямоугольное пространство, протянувшееся с запада на восток, нечто вроде довольно широкого переулка между указанными выше помещениями и большим прямоугольным Северным залом. Дойдя до стены Восточного зала, этот «переулок» поворачивает под прямым углом на север и идет между стенами Восточного и Северного залов. С северной стороны границы дворика остались неизвестными, так как его поверхность и замыкающие его стены выклиниваются здесь на краю кольцевой низины, окружающей центральную часть городища.

До начала раскопок было видно с поверхности, что почти вся северная часть дворика заполнена сырцовыми кирпичами, как бы в виде кладки стены, но кирпичи лежали здесь не плашмя, а на ребро. Исследование показало, что это большие куски сырцового кирпича обрушившейся южной стены, несомненно, той самой, которая составляла как бы облицовку массива-платформы, образовавшейся после засыпки Красного зала. В одном месте, в юго-восточном углу дворика, был расчищен большой кусок этой стены, упавший наклонно на кучу скопившегося здесь песка. Удалось выяснить, что стена была дважды оштукатурена глиной с саманом. По верхнему слою была нанесена, кроме этого, белая обмазка, покрытая грубой росписью красной и синей красками. Характер этой росписи ввиду крайней ее фрагментарности не мог быть установлен.

Большая прослойка мелкого серого, но плотно слежавшегося песка показывает, что между тем временем, когда здание было заброшено, и разрушением стены прошел значительный срок и что к этому моменту на городище уже накопились кучи песка, нанесенного ветром.

Северный зал (рис. 15, помещение 14) — большое, прямоугольное в плане, почти квадратное помещение. Южная и восточная стены его, сохранившиеся на высоту до 1,5 м, сложены из квадратного сырцового кирпича нескольких размеров, от 36×36 до 38×38 см, при толщине 9 см. Нижние ряды кладки южной и частично северной сторон состоят из квадратного жженого кирпича также неустойчивого стандарта — от 35 до 38 см, толщиной от 9 до 6 см.

Таким образом, в дворике и в Северном зале мы встречаемся с новым строительным материалом и новой техникой строительства.

Замощение дворика жженым кирпичом так же, как и постройка стен Северного зала, могли быть выполнены только после уничтожения Красного зала и возведения над ним новых сооружений. Но, по-видимому, эти сооружения по времени отстоят недалеко друг от друга. На это указывает жженный квадратный кирпич, толстый и крупный, плохого обжига. Следовательно, постройку Северного зала и дворика мы должны отнести к тому времени, когда сооружения дворца над Красным залом еще существовали, и во всяком случае не позднее VIII или начала IX вв.

Вернемся к описанию остатков стен Северного зала. Западная стена в отличие от южной и восточной — глинобитная. Это стена соседнего помещения, к которой южная стена Восточного зала

пристроена без перевязки, «впритык». Как западная, так и восточная стены сохранились на сравнительно большую высоту только в южном конце. По направлению к северу остатки стен быстро понижаются и затем почти исчезают. Северная стена вообще не сохранилась, и место ее может быть установлено только по уцелевшим кое-где жженым кирпичам, составлявшим нижний ряд ее кладки.

Пол внутри Северного зала был выстлан кирпичом, но в отличие от дворика — сырцовым. Формат этого кирпича $31 \times 31 \times 9$ или $31 \times 15,5 \times 9$ см. Выстилка из сырцового кирпича показывает, что в противоположность описанному дворiku здесь было закрытое помещение. Сохранился этот настил далеко не на всей его площади. В трех местах ниже пола были обнаружены небрежно сделанные кладки, как бы тумбы из обломков жженого кирпича $35 \times 35 \times 8$ см и сырца, под которыми была плотная глина. Отметим, что жженные кирпичи здесь использованы вторично; на некоторых из них остался алебастровый раствор. Край одного из кирпичей сильно стерт. По-видимому, это были основания, на которых устанавливались столбы, поддерживавшие перекрытия. Несомненно, существовало и четвертое такое же основание, но на месте его была вырыта яма и оно не сохранилось. Столбы должны были в этом случае стоять по углам большого прямоугольника (7×5 м) и поддерживать среднюю часть кровли, вероятно, поднятую над остальной частью помещения и образующую нечто вроде светового фонаря, — тип кровли, возводившийся еще недавно над крытыми дворами некоторых домов в Ташкенте, Самарканде и других местах. Не исключено в этом случае и применение «рузана», описанного выше.

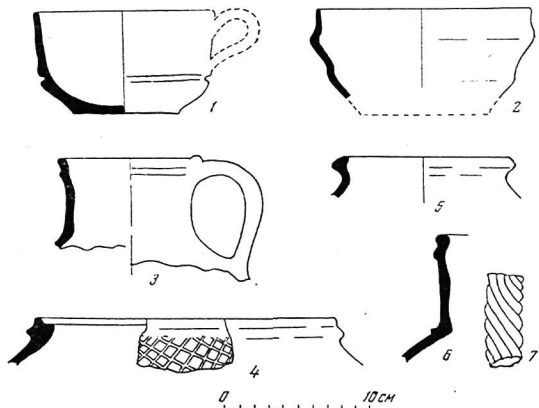

Рис. 24. Керамика из раскопок Восточного зала

В двух тумбах-основаниях вместе с кусками крупного жженого кирпича были заложены обломки больших терракотовых плит с изображением человеческой фигуры. Нам удалось составить несколько фрагментов. На плите оказалось изображение стоящей женщины, по-видимому, с поднятыми вверх руками, представленное высоким рельефом (рис. 25).

В найденных нами фрагментах мы обнаружили части нескольких одинаковых плит, составлявших, по всей видимости, какой-то фриз, служивший архитектурным украшением. Плиты плохо обожжены, они рыхлые, легко крошатся. Поверхность их покрыта тонким слоем белого алебаstra, сохранившегося местами, особенно в углублениях рельефа. Следов окраски замечено не было.

Завал внутри Северного зала состоял из земли с кусками сырцового кирпича. Изредка встречались небольшие черепки неполивной посуды, косточки животных. В нескольких местах найдены маленькие фрагменты глино-саманной штукатурки, окрашенные в синий цвет.

С целью изучения стратиграфии нижележащих слоев в Северном зале был заложен раскоп, занявший все его пространство. Оказалось, что сырцовый настил пола лежит на прослойке относительно мягкой земли, толщиной около 5 см, представляющей собой подстилку под кирпичным настилом. Под ним на большей части площади, но не везде, прослеживается слой красноватой перегревшей земли с небольшими угольками и примесью золы. Толщина этого слоя около 5 см, но на северной стороне он утолщается и доходит местами до 20 см. Под этим горелым слоем залегают прослойки серой земли. Таких прослоек насчитано нами пять. Поверхность каждой из них уплотнена. Прослойки не строго горизонтальны. Иногда они исчезают, сливаются с другими, лежащими ниже. На глубине до 60 см местами встречаются небольшие, но многочисленные линзы серого сыпучего песка волнисто-слоистого строения, характерные для песка, нанесенного ветром в пустыни и углубления. В прослойках встречаются мелкие осколки глиняной посуды, фрагменты глиняной штукатурки с поверхностью, окрашенной в синий или красный цвет.

В северном конце раскопа, около северо-восточного угла Северного зала, на глубине 38 см от пола обнаружен фрагмент глиняной скульптуры с изображением фигуры, покрытой перьями, трактованными так же, как перья алебастровой женщины-птицы из Южной анфилады. Скульптура окрашена в охристо-красный цвет. Там же найдено еще несколько мелких фрагментов такой же глиняной скульптуры с красной окраской. Они лежали горизонтальной прослойкой под слоем сырцового кирпича. Рядом были найдены мелкие фрагменты росписей.

В том же раскопе в двух метрах к северу на глубине от 0,75 до 1,1 м были найдены довольно крупные фрагменты росписей, выполненных в технике уже знакомой нам по Красному и Восточному за-

Рис. 25. Терракотовая плита из Северного зала

лам. Однако ясных изобразительных мотивов эти росписи не дают. Преобладают цвета красный, розовый и черный.

В этом же месте найдены кости верблюда и фрагмент неполивной чаши с волнистыми фестончатыми краями²¹.

Под описанными наслоениями, начиная с глубины 60 см от уровня сырцового пола, встречаются остатки сырцовых и глинобитных стен и кладок, многократно переделывавшихся и наслаивавшихся друг на друга. Здесь нам удалось выявить фрагменты нескольких помещений. Одно из них расположено в юго-западном углу. Размеры его не могли быть установлены, так как южная и западная стены находятся за пределами раскопа. С северной стороны помещение ограничено плохо сохранившейся рыхлой стеной из сырца, сходной

²¹ Подобные чаши известны в Пянджикенте (И. Б. Бенькович. Керамика Пянджикента.— МИА, № 37, 1953, стр. 139, рис. 6) и в соответствующих слоях других памятников в долине Зеравшана.

Рис. 26. Согдийская надпись на черепке

по формату кирпича и характеру кладки («кирпич вразбежку») с древнейшими стенами Восточного и Красного залов. Восточная стена сохранилась еще хуже. Внутри помещение было забито крепким завалом из крупных комьев глины, под которым лежал тоже очень твердый слой светлой земли, слившийся в одну массу с залежавшимися ниже сырцовыми кладками. Уровень пола в этих условиях с достаточной надежностью установить не удалось. У восточной стены найдено пять небольших фрагментов неполивной желтовато-серой посуды с остатками надписей, нанесенных черной краской (рис. 26). По предварительному определению, сделанному О. И. Смирновой, надписи согдийские. На двух черепках, которые удалось составить вместе, надпись сделана, по ее заключению, согдийским буддийским письмом в три строки, близким к письму согдийских документов IV в. Концы строк утрачены. Полностью надпись не разобрана, но в ней прочитано: «110 дариков...» (дарик — мера веса). Надпись может относиться и к более позднему времени, чем указано выше. На остальных черепках сохранились только отдельные буквы.

Описываемые черепки являются первой находкой подобного рода в долине Зеравшана ниже Самарканда. Они дают возможность прийти к заключению, что обычное согдийское письмо было распространено также и в Бухарском оазисе.

Здесь же была сделана и вторая интересная находка: халцедоновая печатка в виде полушария с отверстием для продевания шнурка. Поверхность, на которой вырезано изображение, выпуклая, с несколькими выбоинками²². Диаметр камня около

²² Е. А. Пахомов, опубликовавший две подобные печати («Донисламские печати и резные камни Музея исто-

27 мм, высота 18 мм. Диаметр отверстия около 2 мм (рис. 27).

Изображение вырезано неглубокими бороздками. Оно состоит из трех вертикальных линий, из которых средняя помещена выше боковых. В верхней трети эти вертикали пересекаются поперечной линией, несколько наклонной. Еще две линии расходятся под тупым углом от нижнего конца средней вертикали и доходят до нижних концов боковых вертикальных линий. Эта схема дополняется шестью короткими штрихами у верхнего конца средней вертикали, по три с каждой стороны, образующими рисунок «елочки». Несколько таких же коротких черточек пересекают наклонные линии внизу.

Изображение на этой печати стилизовано до такой степени, что распознать и объяснить его чрезвычайно трудно.

Е. А. Пахомов описывает две печати из собрания Музея истории Азербайджана, почти в точности соответствующие найденной на Варахше. Описание одной из них (№ 8/52) вполне могло бы служить описанием нашей печати. Некоторое уточнение пришлось бы ввести только в размеры камня²³.

Е. А. Пахомов отмечает, что такие камни «с вариантами одного и того же рисунка имеются во многих коллекциях». Не давая своей интерпретации этих изображений, он приводит мнение А. А. Захарова, который пытается объяснить их «как стилизованное изображение держащего в каждой руке по копыто человека, между ногами которого

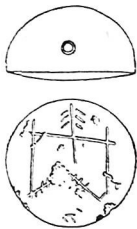

Рис. 27. Печать из «стратиграфического» раскопа

помещен заяц»²⁴. Другой автор, включив печать такого типа в число парфянских, объясняет сюжет, как «изображение человеческой фигуры, держащей посохи»²⁵. Объяснения эти при исключительной схе-

ри Азербайджана» — «Материальная культура Азербайджана», вып. 1, Баку, 1949, стр. 108), считает, что эти выбоины образовались при первоначальной обработке камня обивкой до его шлифовки.

²³ Там же, стр. 108—109. Подобные же печати см.: N. C. Debevoise. Parthian Seals.— SPA, I, p. 423, fig. 126 v.

²⁴ Цитирую по указанной выше статье Е. А. Пахомова.
²⁵ N. C. Debevoise. Указ. соч., стр. 423.

матичности рисунка носят, конечно, совершенно условный характер.

Повторяемость одного и того же изображения на большом количестве камней, разумеется, не случайна. Очевидно, здесь скрывается какой-то канонизированный сюжет, которому придавалось большое значение, скорее всего как оберегу, или, как предполагает Е. А. Пахомов, родовому знаку²⁶.

Во всяком случае, можно вполне согласиться с мнением Е. А. Пахомова, что эти камни собственно печатями не являлись, так как слабый рельеф изображения и неровная поверхность не позволяют делать достаточно отчетливые оттиски. Вернее, они служили амулетами или какими-то особыми знаками. Наиболее вероятно и дата, предложенная Е. А. Пахомовым, относящим эти камни к сасанидскому времени.

Находка этой печати на Варакше, к тому же в определенном археологическом слое, ставит в известной мере под сомнение исключительно кавказское происхождение таких камней. С другой стороны, определенное сходство изображений на них указывает как будто бы на единый центр их распространения. К сожалению, насколько нам известно, все опубликованные камни, находящиеся в различных коллекциях, как и два из Музея истории Азербайджана, приобретались покупкой, и точное место их находки осталось неизвестным.

Варакшский камень служит, во всяком случае, свидетелем древних связей между Закавказьем и Бухарой.

Рядом с камнем была найдена монета, принадлежащая к типу, встречающемуся на Варакше не реже, чем описанная. На одной стороне этой плоской медной монеты (диаметр 1,6—1,7 см) изображен шагающий вправо двугорбый верблюд, заключенный в гладкий выпуклый ободок. Другая сторона сильно стерта, но на подобных монетах на ней изображен жертвеник, сходный по форме с жертвенниками ранних сасанидских монет, датируемых от времени правления Шапура I (241—272 гг.) до Нарсеса включительно (293—303 гг.). После этого времени в пламени жертвенника появляется изображение головы или бюста божества, и форма жертвенника значительно изменяется. На ранних монетах он состоит из ступенчатой базы, на которой стоит колонна с лежащими на ней расширяющимися вверх плитами. На верхней из этих плит горит огонь. Жертвеник варакшской монеты сохраняет все эти основные черты, но он лишен всяких дополнительных украшений и по сторонам его не изображены человеческие фигуры, как на сасанидских монетах.

Монеты этого типа не имеют никакой легенды. Ни дата, ни место их происхождения точно не были определены. В руководствах по нумизматике описываемая монета включается в число неопределенных.

²⁶ Е. А. Пахомов. Об одном загадочном типе кавказских резных камней. — «Известия АзФАН», Баку, 1944, № 5, стр. 108—109.

По тем же соображениям, по которым мы считаем бухарской первую описанную нами монету, к чекану Бухары следует отнести и вторую. По времени, принимая во внимание место находки и указанное сходство с раннесасанидскими монетами, выпуск и обращение этих двух монет также не должны далеко отстоять друг от друга. Определить их точнее мы пока не можем.

В том же помещении найдена крупная граненая сердоликовая бусина.

Все эти предметы обнаружены на глубине около 1,45 м от сырцового пола Северного зала.

Севернее прослеживаются очертания второго помещения, пол которого на глубине 1,83 м от пола Северного зала также выстлан сырцовым кирпичом (34 × 29 см). Над полом лежал чрезвычайно крепкий завал из больших комьев глины, представлявший собой, по-видимому, преднамеренную закладку. Весь пол покрывал тонкий (3—4 см) слой розоватого цвета, состоящий из золы с мелкими угольками. Стены помещения настолько разрушены, что точная граница его могла быть установлена только на южной стороне, где проходит стена, отделяющая его от помещения, описанного выше. Толщина этой стены около 75 см.

К востоку от этого помещения виден обломанный торец стены толщиной около 72 см, уходящей в восточном направлении. Она поворачивает через 2,5 м к югу, образуя таким образом угол еще одного помещения. Эта стена, что важно отметить, как и стена, разделяющая два описанных помещения, по системе кладки и используемому материалу аналогична древнейшей стене Красного зала. Полное сходство строительной техники, не встречавшейся нигде в других явно более поздних строениях, дает возможность установить принадлежность раскопанных здесь помещений к древнейшему периоду строительства, к которому относятся четыре помещения на южной стороне комплекса. Следовательно, помещения дворца строились в своем первоначальном виде на площадке, спускавшейся уступами от южного края города к кольцевому понижению, не раз уже нами упомянутому. Пол этих помещений был почти на 2 м ниже пола Красного зала и других смежных сооружений.

К северу от второго помещения описываемого яруса расположена плохо сохранившаяся стена, а за ней, в пределах раскопа, фрагмент еще одного помещения, пол которого был также покрыт золой с мелкими угольками.

По западному краю раскопа идут на всем его протяжении (свыше 10 м) две, по-видимому, разновременные сырцовые стены, одна над другой. Сохранились они на высоту двух-трех рядов сырцового кирпича каждая. Верхняя из этих стен почти точно повторяет направление нижней. Сделаны они небрежно.

Описанный раскоп был расширен затем в восточном направлении и продолжен широкой четырехметровой траншеей на юг, до северной стены-закладки Красного зала. Таким образом, в общей

сложности раскоп, доведенный до различной глубины в разных частях, занял площадь 224 кв. м.

Начнем описание этой части раскопа с траншеи, пересекавшей дворик, вымощенный кирпичом, в направлении с юга на север (рис. 28). Почти сразу же под сильно разрушенным кирпичным настилом пола лежал небольшой слой (около 5—10 см) перегоревшей земли с угольками и золой. Непосредственно под этим слоем обнаружены две параллельные сырцовые стены, пересекавшие траншею в перпендикулярном направлении. Первая из них — на расстоянии 4,5 м от позднейшей стены Красного зала. Вторая — на 3 м дальше к югу. Пространство между стенами плотно забито глиной и ломаными сырцовым кирпичом. Забивка слоистая, напоминающая забивку Красного зала. Между стенами узкое помещение с плотно утрамбованным глиняным полом, покрытым золой с угольками. К южной стене пристроена небольшая суфа. Для выяснения синхронности различных элементов зданий в раскопе важно отметить, что стены и суфа сложены в типичной кладке «кирпич вразбежку». Уровень пола вновь открытого помещения достаточно точно соответствует уровню помещения, в котором были найдены черепки с согдийскими надписями. Таким образом, здесь под позднейшими наслоениями оказались также фрагментарно сохранившиеся остатки более древнего здания.

Существенных находок для датировки наслоений и в этом раскопе не было; только кое-где сразу под кирпичным настилом было найдено несколько фрагментов глиняной штукатурки, окрашенной в ультрамариновый цвет, и небольшой фрагмент резного алебаstra. Это наводит на мысль о позднем, уже после разрушения зала, украшенного стуком, создании кирпичного настила, или, по крайней мере, о его позднем ремонте; судя по характеру настила, он ремонтировался неоднократно.

Северо-восточная часть раскопа заложена на прямоугольной площадке 7,5×10 см. Кирпичной выстилки дворика здесь уже не было, так как поверхность сильно развезла и размыта и значительно понижается в сторону середины городища. Однако расчеты глубин мы будем вести от этой выстилки. На глубину до 1,3 м идут многочисленными то твердые, то мягкие прослойки земли с линзами серого сыпучего песка. Никаких явных остатков сооружений или построек здесь нет. Исключение составляет фрагмент настила из жженого кирпича в юго-восточном углу раскопа, залегающий на 90 см ниже уровня дворика. Отметим, что на глубине 27 см был найден большой терракотовый орнаментированный полукруг (архитектурное украшение), совершенно такой же, какой был обнаружен во втором с севера помещении Восточной анфилады.

На глубине 1,3 м обнаружена жесткая глиняная площадка, значительно понижающаяся на северной стороне раскопа (до 1,7 м). Под ней выявлено помещение 9,2×6,2 м, вытянутое с запада на

восток и случайно почти точно соответствующее площади раскопа. Глинобитная стена его сохранилась на высоту 30—40 см. Характерной особенностью этого помещения является своеобразный выступ в южной стене около юго-западного угла. Пол помещения был выложен из сырцового кирпича 40×25 см. В этом настиле замечается чередование рядов кирпичей, положенных вдоль и поперек. Кирпич сформован плохо, а сам настил сделан небрежно. Сохранился он только на отдельных участках. В юго-западном углу на полу и на стенах заметны следы сильного огня.

Пространство над полом между стенами было засыпано землей с кусками сырцового кирпича. Местами этот завал был очень плотным, отделявшимся от стен с большим трудом. В завале встречены кости верблюда и других домашних животных и мелкие фрагменты керамики.

Сверху стену помещения нам удалось расчистить только в юго-западном углу, где она примыкает вплотную к стене, сложенной «кирпичом вразбежку» и образующей угол помещения в западной части нашего раскопа. Толщина этой стены оказалась чрезвычайно большой — около 1,75 м. Стена срезана сверху приблизительно на одной высоте при очередной перестройке. Осталось невыясненным, действительно ли мы имеем здесь дело со стеной помещения или это край суфы, сложенной вдоль стен. Настоящей стеной оказалась бы в этом случае упомянутая стена, сложенная «кирпичом вразбежку». Последнее предположение по ряду признаков является наиболее вероятным. Но и в этом, и в другом случае, мы имеем здесь фрагменты одновременного комплекса помещений, синхронных южной стене Красного зала. Стена помещения, или суфа, сохранилась полностью на южной и восточной сторонах и частично на северной. На западной стороне она идет, по-видимому, до какого-то проема, второго края которого и стены дальше на север нет.

Под крепкой коркой пола из сырцовых кирпичей лежала прослойка очень плотной земли. Ниже — относительно рыхлый завал, в котором встречаются куски сырцового кирпича. Керамического и прочего материала очень мало: найдено несколько обломков костей барана и несколько мелких черепков грубой посуды. Керамика датруется временем между V и VIII вв. Встречен один черепок очень тонкой чаши, покрытый красным ангобом, гораздо более раннего времени²⁷, а также обломки мелкого жженого кирпича.

Дальнейшее углубление раскопа показало, что описанные выше остатки стен и пол — вторичный уровень одного и того же помещения. Первоначальный пол находился на 30—40 см ниже. На этом уровне мы снова встречаем такую же стенку, почти точно соответствующую верхней (с отклонениями на более 10 см), и с таким же вы-

²⁷ Этот черепок и упоминаемые далее мелкие фрагменты керамики не датированы слоя, так как они занесены с землей при засыпке помещения.

ступом в юго-западном углу, но несколько иной формы. Создается впечатление, что это не новая постройка по старому плану, а переделка того же самого помещения. Стены здесь сохранились лучше и на всех четырех сторонах. Отчетливо выявился проем в западной стене. Ширина его 66 см. В северной стороне, около северо-западного угла и почти против выступа южной стены, оказался второй проем, более широкий (около 1 м), с закругленными краями.

Против обоих входов в западной части помещения обнаружено почти прямоугольное несколько неправильной формы возвышение, сложенное из сырцового кирпича. Размеры возвышения в плане $1,4 \times 1,8$ м, высота около 40 см. Кладка небрежная. Возвышение оштукатурено глиной, а поверхность его сильно обожжена, по-видимому, долго горевшим на нем огнем, так как характерный красноватый слой прокаленной земли прослеживается на глубину до 15 см.

При расчистке пола, глинобитного и очень неровного, но крепкого, на некотором расстоянии от юго-западного угла этого возвышения обнаружено прямоугольное углубление (размерами 60×52 см при глубине 10 см). Против северо-восточного угла на соответствующем расстоянии сохранился почти такой же прямоугольник кладки из жженого мелкого кирпича ($22,5 \times 17,5 \times 2,5$ см). В плане размеры этого прямоугольника 66×60 см. С северо-восточной стороны — яма, но не прямоугольной, а неправильной овальной формы; с юго-восточной — кучка кирпичей того же размера, что и в кладке у северо-западного угла.

Ямы, кирпичная выкладка и куча кирпича как бы отмечают углы прямоугольника, в середине которого находится возвышение. Аналогий подобному сооружению мы не знаем. Весьма возможным кажется, что над прямоугольным возвышением был возведен какой-то балахин, опиравшийся на четыре столба, основанием для которых служили кладки из мелкого жженого кирпича необычного формата. На самом же возвышении, как сказано, длительное время горел огонь. Очень заманчивым представляется предположение, что все это сооружение имело культовое назначение и что прямоугольное возвышение представляло собой род алтаря. Для окончательного решения вопроса, как нам представляется, материала пока недостаточно, так как все известные в археологии храмовые постройки Средней Азии подобных сооружений не имеют.

Глинобитный пол помещения обладает чрезвычайно большой твердостью: это горизонтально расстилающаяся глина с белыми вкраплениями, особенно многочисленными ближе к юго-западному углу. Толщина этого слоя около 10 см.

Ниже, на глубину до 50 см, шел завал из крупных кусков глины, возможно, остатков рухнувшей стены. В слое изредка встречались мелко раздробленные косточки. Найдено несколько мелких осколков керамики, среди них два фрагмента очень тонких чашек, покрытых красным ангобом.

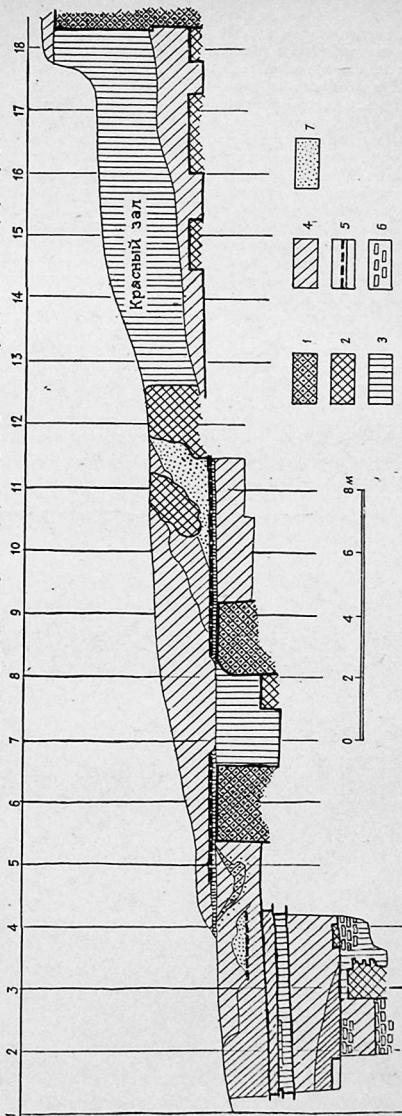

Рис. 28. Разрез по стратиграфическому раскопу в северной части дворового здания:

1 — стены, сложенные в технике «кирпич в кирпич»; 2 — прочие стены из сырцового кирпича; 3 — керамические заготовки с трайбовой; 4 — завалы земли; 5 — жидкий кирпич; 6 — сырцовый кирпич; 7 — песок.

Под этим слоем характер завала меняется: в юго-восточной части раскопа — относительно мягкая земля с кусками сырцового кирпича, на северной и особенно на западной сторонах — плотная глина. Средняя толщина слоя около 30 см.

На этом уровне был обнаружен следующий пол — глинобитный, слоистый и очень твердый, но уступающий по плотности вышележащим наслоениям. На полу были найдены небольшая цилиндрическая сердоликовая бусина и распавшаяся на три части маленькая жемчужина.

В западной части раскопа, в месте, приблизительно соответствующем прямоугольному возвышению лежащего выше слоя, было обнаружено также возвышение из кирпича, но меньших размеров (60×62 см при высоте 30 см). К востоку от него (с отклонением на север) на расстоянии около 2 м — второе такое же возвышение, сохранившееся на высоту 50 см. Сложены эти тумбовидные возвышения из сырцового кирпича и покрыты глиняной штукатуркой, многократно возобновлявшейся (насчитано до 10 слоев). В юго-восточном углу раскопа сохранился фрагмент стенки из сырцового кирпича 43×27×10 см. Длина этой стенки — 2,2 м, ширина — 70 см, сохранилась она на высоту 23—24 см.

Следы какой-то очень бесформенной кладки оказались и в северо-западном углу раскопа на этом же уровне. Она образует угол, пол внутри которого ниже пола около тумб на 20 см. Кроме того, остатки стены, на этот раз глинобитной, сложенной блоками шириной по 82—83 см, длиной около 3 м, сохранились на высоту до 30 см в северо-восточном углу.

Все эти разнообразные по своему характеру остатки построек в пределах раскопанной площадки не производят впечатление единого архитектурного целого, что, надо полагать, объясняется их исключительной фрагментарностью.

Расчистив раскоп на уровне пола с тумбами и остатками трех различных стен, мы вынуждены были по техническим соображениям уменьшить раскопочную площадку, сведя ее к прямоугольнику 4,5×6,5 м, примыкающему к юго-восточному углу раскопа.

Сразу же под слоистым полом были вскрыты остатки еще одного сооружения в виде шести отдельных неправильной формы, приближающейся к квадрату, кладок из сырцового кирпича — 41×27 см (рис. 29). Расположены они в пределах раскопа в два ряда, по три в каждом; сложены небрежно, с широкими пустыми вертикальными шва-

Рис. 29 Раскопки в северной части

ми, в два слоя кирпича с постельным швом между ними из крепко затвердевшей глины.

О назначении этих кладок на основании нашего небольшого раскопа судить трудно. Скорее всего, они производят впечатление оснований под столбами-колоннами, составлявшими часть неизвестного сооружения.

На уровне этих кладок и ниже оказался завал из сырцовых кирпичей и обломков. На многих кирпичах был обнаружен сделанный рукой при формовке знак, напоминающий подкову.

Под кирпичным завалом, на южной стороне, залегал плотный слой зеленоватой глины с явной примесью гумуса, в котором встречались изредка угольки и мелкие обломки костей животных. Слой идет на глубину до 1 м. Северную часть раскопчанной площадки занимает угол помещения, образованный двумя стенами. Одна из них, направленная с востока на запад, имеет толщину до 1,3 м. Другая, отходящая от первой на север, — относительно тонкая (53—55 см). Первая стена имеет характерную особенность: северная поверхность ее, обращенная в сторону помещения, вертикальна, сложена тщательно, южная же — неровная; лежащие выше кирпичи нависают над лежащими ниже. Словом, здесь мы имеем типичную картину подпорной

стены, возводившейся при засыпке. Иными словами, стена эта воздвигалась одновременно с забивкой пространства к югу от нее глиной со следами гумуса.

Остатки стен, подвергавшихся ремонту, следы чего весьма определенно заметны, соответствует глиняный пол, относительно ровный. В земле, заполнявшей помещение, были найдены кости: зуб и обломки крупных костей верблюда, кости крупного рогатого скота и мелкие черепки. Среди них — обломки стенок хумов и мелкие фрагменты тонкостенной керамики, не дающие возможности судить о форме сосудов. Из их числа можно отметить три, относящиеся по характеру черепка и покрытию красным или коричневым ангобом к первым векам до нашей эры и первым векам нашей эры: горлышко кувшина и два фрагмента донцев чашек.

Исследование более глубоких слоев показало, что на 20 см ниже пола последнего помещения находится кладка из нескольких рядов сырцового кирпича разного формата (43×29 см и мельче). Эта кладка проходит под всем полом вскрытой части помещения. Только в северо-западном углу удалось нащупать небольшое пространство, заполненное мелкой землей, откуда был извлечен небольшой фрагмент бокальчика с ясно выраженным черным лощением. Это единственный на Варахсе случай находки керамики такого типа.

Раскоп показал исключительно сложную картину многовековых наслоений различных зданий, сменявшихся одно другим. Оставляя попытку возможных хронологических определений до окончания описания раскопок всего дворцового комплекса, считаем возможным предложить здесь некоторые обобщения стратиграфического порядка. Раскопками в северной части дворцового комплекса выявлены следующие основные наслоения.

1. Верхний слой, образовавшийся в результате разрушения последних по времени строений, к которым относится и Северный зал. Этот слой не может датироваться ранним временем, но все же следует отметить, что в нем не встречено ни одного фрагмента керамики или каких-либо иных предметов, которые могли бы быть отнесены к последним столетиям существования жизни на Варахсе — к IX—XI вв. Этот негативный сам по себе показатель может считаться весьма существенным при насыщенности типичными образцами поливной и неполвной керамики поздних слоев везде, где нам приходилось их раскапывать. Общая площадь раскопа была достаточно большой. Следовательно, этот позднейший слой мог образоваться только до IX в. или, в крайнем случае, в начале этого столетия.

2. Ко второму слою следует отнести Северный зал, с его стенами, сложенными частично из жженого кирпича, а также кирпичный настил пола во двореке.

3. Прослеженный на большом пространстве слой с золой и угольками. Происхождение этого слоя остается неясным: на следы значительного пожара

дворцового здания (а, б)

он не похож. Напрашивается сопоставление его с таким же, чрезвычайно похожим слоем перегоревшей земли на полу позднейших сооружений, возведенных над Красным залом, но достаточных данных для их хронологического сопоставления у нас нет.

4. Слой с линзами песка (до глубины 20—25 см от уровня сырцового пола Северного зала).

5. Слой земли, также с песчаными линзами, залегающий до площадки, выложенной сырцовым кирпичом, в южной части раскопа.

6. Кладка этой площадки, опускающейся ступенями в северном направлении, и продолжающейся в виде плотной глиняной площадки до северного края раскопа.

7. Забивка лежащих ниже остатков строений очень плотной глиной с кусками сырцового кирпича.

8. Остатки строений, стены которых характеризуются описанной выше типичной техникой «кирпич вразбежку». К ним следует отнести фрагменты четырех помещений в западной части раскопа, большое прямоугольное помещение в северо-восточной его части и часть помещения в широкой траншее от восточной части раскопа к северной стене Красного зала. Все наши наблюдения приводят к выводу, что эти остатки стен, полов и т. п. являются частями одного архитектурного комплекса, к которому относились также древнейшие части Восточного зала, Красного зала и некоторых помещений, расположенных западнее их. Если даже допустить, что постройка этих сооружений была не вполне одновременна, то отнесение их к одному периоду строительства и к одному времени бытования кажется несомненным.

9. К следующему слою мы относим те остатки второго прямоугольного помещения в восточной части раскопа, в котором было обнаружено прямоугольное возвышение с фундаментами четырех столбов. Следует, впрочем, оговориться, что, возможно, в этом и предыдущих слоях мы встретили остатки одного и того же помещения, в котором значительно повысился уровень пола. Пример подобного повышения пола помещения путем засыпки его толстым слоем земли мы увидим ниже, в описании так называемого Западного зала.

10. Слой из крупных кусков глины. Это или специально подготовленная площадка под постройку вышележащего здания, или следствие разрушения глинобитных стен.

11. Остатки сырцовых кладок на глиняном полу в виде двух труб, сложенных из сырцового кирпича, и фрагментов сырцовых и глинобитной стен.

12. Шесть отдельных прямоугольников кладки из сырцового кирпича, представляющих собой, по нашему предположению, основания столбов айвана.

13. Слой с сырцовой стеной, углом помещения и забивкой зеленоватой глиной с южной стороны этой стены.

14. Последний слой, до которого был доведен этот раскоп,—массив кладки из крупного продолговатого сырцового кирпича.

Датировка последнего слоя, так же как и лежащих выше, может быть только приблизительной, так как материала, который позволил бы уточнить хронологические границы, мы здесь почти никакого не получили. Однако ясно, что несмотря на большое количество перестроек и последовательно сменявшихся зданий, чрезмерно углублять дату даже последнего слоя нельзя. Продолговатый кирпич, хотя и отличающийся несколько от кирпича верхних наслоений, может относиться только к началу феодального периода. Наши раскопки в центральной части городища, в северо-западном углу его, где была вскрыта древняя башня, а также разведки 1938 г. на Баш-тепе и 1951—1952 гг. на Аяк-тепе № 2 показали, что в первых веках нашей эры здесь, как и в других местах Средней Азии, преобладал крупный квадратный кирпич разных размеров.

Встречавшиеся при раскопах черепки посуды начала нашей эры или несколько более раннего времени могут свидетельствовать о древности поселения на Варакше, но не датируют тех слоев, в которых они были найдены.

Поэтому, на наш взгляд, есть все основания считать, что все разновременные слои, описанные выше, относятся ко времени от V до IX в. н. э.

Приходится сделать вывод, что все зафиксированные нами постройки сменяли одна другую на протяжении относительно короткого отрезка времени. Каждая из них существовала недолго, разрушалась и сменялась другой, что повышало уровень холма.

Нужно учесть, что от самого нижнего слоя описанного раскопа до уровня окружающей местности, а следовательно, и материка осталось еще не менее 3—4 м, заполненных более древними культурными наслоениями.

Перейдем к описанию помещений, расположенных западнее помещения 13 и Северного зала.

В стене, замыкающей западную сторону двора, имеется дверной проем в прямоугольное помещение 16 площадью 8,3×5,7 м. Пол здесь глиняный. Вдоль южной, восточной и северной стен идет низенькая (35 см) суфа шириной около 1 м. Из этого помещения, бывшего, видимо, проходным, можно было через соответствующие дверные проемы попасть в помещение 15 (Западный зал), в узкую комнату 17 и на запад к айвану. В толще северной стены прослеживаются плохо сохранившиеся остатки лестницы, поднимающейся в северном направлении. Эта лестница была построена над завалом, закрывавшим проем, который до постройки вел в помещение 20.

При входе в помещения 15 и 17 отмеченная выше суфа служила как бы ступенькой, укрепленной перед дверями положенными в ряд жемчужными кирпичами. Кирпичи, взятые с какой-то другой постройки, были использованы здесь вторично; среди них имеются клиновидные плитки, предназначенные определению для другой цели.

Помещение 16 было запечатлено землей с значительной примесью мусора.

На юг от проходной комнаты 16 расположено значительное по площади ($6,6 \times 7,25$ м) помещение 15, которому мы для удобства обозначения присвоили название Западного зала. Отличительной особенностью его являлась прослеживавшаяся еще до раскопок, с поверхности, двойная стена. Напомним, что в западной стене смежного помещения 13 имеется дверной проем, заложенный позднее сырцовым кирпичом. Насколько нам удалось проследить, этот дверной проем прорезал только внешнюю из двух стен, да и то не на всю ее толщину: видимо, и здесь было немало разновременных переделок. Можно считать вполне установленным, что Западный зал функционировал уже после засыпки северо-восточной группы помещений, одновременно с позднейшими сооружениями.

Первоначальная стена зала была, как и в Красном зале, покрыта глиняной штукатуркой с росписью. Эта роспись пока не раскрыта, так как приложенная к ней изнутри вторая стена толщиной в 90 см настолько крепко пристала к первой, что краска отходила вместе с сырцовыми кирпичами и глиняным раствором второй стены. Это заставило нас ограничиться вскрытием старой стены только на небольшом участке. При этом мы убедились, что живопись сохранилась плохо. Никаких изображений в отдельных красочных пятнах нам установить не удалось.

Уровень первоначального пола помещения обнаружен на 3 м ниже сохранившейся верхней части стены. К стене была пристроена широкая (около 1,5 м) суфа, возвышавшаяся на 50 см выше глиняного пола. Суфа проходила и по южной стороне. От нее отходил еще более широкий прямоугольный выступ, занимавший центральную часть помещения.

При капитальной перестройке помещения, когда вплотную к старой были пристроены новые стены, пол его был повышен на 64—65 см. Вследствие этого старые суфы оказались погребенными под новым полом. Вдоль стен были вновь сложены суфы высотой 38—40 см при ширине на северной стороне 1,07—1,1 м, на восточной — 1,05 м, на западной — 1,3 м, а на южной — около 2,7 м. В середине южной стороны суфа выступает в виде прямоугольника $1,5 \times 1,6$ м, заполняя центральную часть помещения. В общем, сохранилась тот же план, который был и до перестройки зала. Суфы и глиняный пол оштукатурены глиной с саманом. Суфы прерываются только против входа, находящегося в северо-западном углу. Интересно отметить, что прямо против входа сложена тонкая (около 35 см) стенка, которая должна была закрывать внутренность зала от взглядов людей, проходивших через помещение 16. Такой прием защиты внутренности дома от взоров посторонних применялся до недавнего времени в домах местного населения при входе во двор дома с улицы. Позднейшие стены были оштукатурены глиной с саманом, причем штукатурка многократно возобновлялась. Нами насчитано было до семи слоев общей толщиной 6 см. Это позволяет предпола-

гать, что помещение в уменьшенном и, так сказать, упрощенном виде функционировало продолжительное время.

Пространство между стенами Западного зала было заполнено обычным завалом из земли с кусками сырцового кирпича. В завале встречались обломки жженого кирпича, редкие черепки глиняной посуды и фрагменты резного стука. В общем, завал имеет тот же характер, что и соответствующие наслоения, заполнявшие помещение Восточной анфилады.

Проходы между суфами верхнего яруса были забиты кусками глины, а сверху на уровне суфы находилась уплотненная глинистая площадка. Следовательно, в какой-то период существования помещения пол его был приподнят до уровня суфы.

В слое засыпки между полами обнаружена железная крица и обломок большого глиняного обожженного круга диаметром несколько больше 61 см с отверстием в центре диаметром 17 см при толщине около 8 см. Подобные круги неизвестного назначения, но более тщательно сделанные и меньшей толщины, встречались нам при раскопках в мечети Магаки-аттари в Бухаре. Заслуживает особого упоминания находка двух небольших фрагментов резного алебастрового декора: часть каймы из «сердечек» и завиток стилизованного листа. Фрагменты аналогичны остаткам алебастрового декора, собранным в завале Южной анфилады. Это указывает на то, что описанные переделки Западного зала происходили в относительно позднее время, после разрушения помещений, украшенных стуком.

Западное помещения 15 раскрыто узкое помещение 17. Длина его 7,5 м, ширина 1,25 м. В этом помещении прекрасно сохранились стены, легко отделяющиеся от рыхлого завала земли, в которой встречаются куски сырцового кирпича. В нижнем слое около пола найдено несколько кусков глиносаманной штукатурки с росписью, происходящие, конечно, не из этого тесного помещения, стены которого не сохранили никаких следов штукатурки. Вход в помещение был заложен сырцовым кирпичом. При расчистке этой закладки выяснилось, что здесь имелась лестница, поднимавшаяся по направлению к югу. Ступени лестницы были оштукатурены алебастром. Каково первоначальное назначение этого узкого помещения, предположить трудно, но, по-видимому, позднее, когда оно уже было заполнено землей, его использовали для устройства лестницы на крышу или во второй этаж здания.

Два помещения (20 и 21) находились к северу от проходной комнаты 16. Раскопки показали, что это было некогда одно большое помещение шириной с запада на восток больше 12 м. Размеры его с юга на север неизвестны, так как южная стена и прилегавшие к ней части западной и восточной стен не сохранились. Первоначальный пол находится в среднем на глубине около 1 м от верха сохранившихся остатков южной стены; он глинобитный. Вдоль стены сложены суфы шириной около 1 м и высотой от 45 до 50 см. Они были оштукатурены

алебастром, чего мы не встречали в других помещениях. Пространство внутри помещения до уровня суфы частично засыпано песком, частично же — комковатой землей. На полу около восточной суфы собраны кусочки коричневатого вещества, по-видимому, краски. Там же, около суфы, стоял на полу грубый сосуд из серой глины с двумя маленькими кольцевидными ручками.

На уровне, соответствующем поверхности суфы, находился второй, более поздний пол. Помещение разгорожено на две половины стеной из сырцового кирпича толщиной в 160 см, сложенной на этом позднем полу; стена сохранилась на высоту до 40 см. Оба помещения были заполнены глиной с кусками сырца.

Место входа осталось невыясненным; возможно, до перестройки помещения и его разделения вход был с южной стороны, там, где мы обнаружили остатки лестницы. В позднейший период входы в помещения 20 и 21 могли быть только с севера.

Западнее узкого помещения 17 имелись еще две комнаты. Южная (18) примыкала к городской стене, сложенной «кирпичом вразбежку» и являющейся продолжением стены, проходящей вдоль

южного края всего раскапываемого комплекса, начиная с Восточного зала. Помещение невелико по размерам: 1,5×6,5 м. По-видимому, эта комната — остаток более значительного помещения, размеры которого позднее были уменьшены постройкой стены, отделившей помещение 19. Сохранность помещения 18 оказалась очень плохой: в нем была вырыта большая яма, засыпанная землей с песком. Эта яма разрушила пол и суфу, проходившую вдоль южной стены.

На южной стене, оштукатуренной глиной с саманом, замечены остатки росписи — красная кайма, проходившая над разрушенной суфой, и отдельные пятна белой, красной и желтой краски. Роспись безнадежно погибла, и нам осталось только зафиксировать существование еще одного помещения, стены которого были некогда украшены живописью.

Стены помещения 19, расположенного севернее предыдущего, оказались очень сильно разрушенными, а внутри оно было забито настолько крепкой глиной, что раскопки его представляли большие трудности. Кроме того, переделки и перестройки сильно его искажали; северная стена в зна-

Рис. 30. Кусок упавшей стены с остатками алебастрового декора

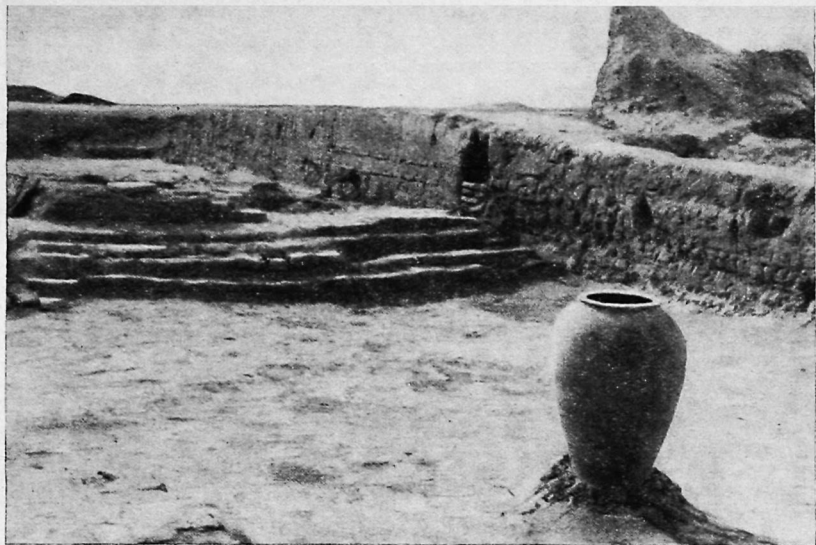

Рис. 31. Раскопки восточной половины айвана

чительной части вырублена; вместо дверного проема в помещении 18 был сделан широкий пролом.

На стене, разделяющей помещения 18 и 17, в проходе между ними сохранились следы очага с трубой, который, надо полагать, был вделан в стену. Впрочем, считать, что этот очаг был сооружен в первоначальном здании, а не появился при одной из его позднейших перестроек, нет оснований. Плохо сохранилась и западная стена, на которой также заметны следы многочисленных переделок.

К северу от помещения 19 расположен проход из помещения 16 во двор айвана, описание которого будет дано ниже, и незначительные остатки прямоугольного помещения 22 размером $2,5 \times 3,5$ м, разрушенные стены которого сохранились на небольшую высоту.

В 1950 г. исследование комплекса разновременных зданий дворца было продолжено в западном направлении на площади приблизительно 20×20 м. Эта площадь до раскопок была занята несколькими бугорками, повышавшимися к востоку. Поверхность их была густо покрыта осколками керамики и жженого кирпича; найдена также сильно окислившаяся медная монета согдийского типа с квадратным отверстием, куски керамического шлака, небольшие обломки железных криц и т. п.

По всей площадке было разбросано много обломков алебастровой штукатурки и фрагментов резного алебаstra.

После очистки площадки от покрывавшего ее мусора выяснилось, что почти вся она изрыта ямами, вырытыми с кладоискательскими целями или для добычи жженого кирпича.

Площадка делится почти пополам сырцовою стеной, пересекающей ее с севера на юг²⁸ и возведенной уже на развалинах того сооружения, которое описывается ниже.

Восточная часть площадки оказалась заполненной сплошным завалом из различного строительного мусора, перемешанного с землей. В завале было найдено много осколков жженого кирпича, кусков алебастровой штукатурки и фрагментов резного алебаstra. Местами, особенно в средней части, завал настолько плотно сцементировался, что разбирался с большим трудом. На северной и южной сторонах он становился более рыхлым и песчаным. Фрагменты стука встречались на всей площадке, но больше всего их было в средней части, где завал плотнее. Это сильно осложняло работу, так как выемка из завала этих фрагментов требовала большого внимания и осторожности.

²⁸ На прилагаемом плане эта стена не показана.

Большое количество фрагментов стука, обнаруженного в завале, заставило предположить, что мы встретили здесь второй объект, который был богато украшен этим видом декора. Подтверждением послужила находка большого куска кирпичной стены, упавшей в момент разрушения здания, у западного края площадки (рис. 30). На поверхности стены сохранились остатки алебастрового рельефа — голова женщины, повернутая в три четверти и окруженная зубчатым нимбом. Уцелела и левая рука, держащая, по-видимому, шарф. Фон заполнен изображением виноградной лозы с листьями и гроздьями. С правой стороны панно было обрамлено широким бордюром растительного орнамента. Важность для нас этого фрагмента заключается в том, что он найден на стене, хотя и упавшей, и дает более ясное представление о некоторых композиционных приемах древних скульпторов-резчиков по алебастру, чем весь материал, обнаруженный ранее.

В завале нашлась и вторая алебастровая голова, аналогичная первой, а также реалистически исполненные головы коней, фрагменты фигур всадников, замечательные фигуры джайрана и горного барана и большое количество фрагментов богатого растительного и геометрического орнамента из того же материала. На самом полу были найдены две большие (74×42 см) терракотовые плиты, некогда покрытые рельефным растительным узором, являвшиеся, вероятно, частями какого-то большого терракотового фриза. Эти плиты были использованы затем вторично. Рельеф на них был сбит (от него остались только следы), а вместо него нанесен слой алебаstra, по которому высоким рельефом выполнена резьба: в одном случае — розетка в центре, с фоном, заполненным своеобразной плетенью, в другом — орнаментальный мотив в виде дерева. Фрагменты подобных терракотовых плит, не покрытые орнаментом, обнаружены в мелких обломках в том же завале. Найден был также кусок терракотовой плиты с изображением ноги фантастического животного.

После снятия наслоений, перекрывавших остатки древних сооружений, выявилась следующая картина.

Южная часть площадки, начиная от обрыва городища, во всю ширину от стен помещений 18 и 19 до поздней стены, перегородившей, как сказано, раскоп, представляла собой невысокую платформу, спускавшуюся к северу четырьмя ступенями, сложенными из жженого кирпича (рис. 31). Платформа также была вымощена жженым кирпичом очень плохого качества, красным, недостаточно обожженным, легко крошившимся. Кирпич положен на слой, содержавший, как и во многих других описанных выше случаях, перегоревшую землю с угольками и золой, а сверху оштукатурен слоем алебаstra.

Длина сохранившейся части платформы с севера на юг равнялась 12,5 м, средняя ширина — 8,5 м. Размеры всей платформы не установлены: на южной стороне были обнаружены небольшие

остатки сырцової стены, но стена эта была возведена уже поверх кирпичного настила и являлась частью какого-то более позднего сооружения, возможно, одновременного со стеной, перегородившей раскопанную площадку. Кирпичный пол продолжался под этой стеной и исчезал, дойдя до обрыва городища.

Широкая лестница (во всю ширину раскопа), сложенная из жженого кирпича и являющаяся северным краем платформы, также была оштукатурена алебастром. Высота ее, а следовательно и всей платформы, приблизительно 70 см.

На северном краю платформы над самими ступенями лестницы сохранился устой в виде неправильного квадрата кирпичной кладки, сторона которого равнялась 2,25 м, высота над полом — около 35 см. На поверхности по следам на алебастровом слое был четко заметен круг диаметром 2 м, выложенный из калек трапециевидного кирпича. Такие же кирпичи были найдены в обломках при разборке завала. Длина кирпича около 45 см, узкая сторона 8 см, широкая, очерченная по кругу, от 30 до 24 см, толщина 6—7 см. Совершенно ясно было, что это основание круглого кирпичного столба.

На 3,12 м восточнее обнаружено аналогичное сооружение, но в виде полукруга, примыкающего к восточной стене площадки. В этом случае кладка полукруга сохранилась на высоту нескольких кирпичей. На восточной полуколонне обнаружен крупный фрагмент резного алебастрового покрытия, что особенно интересно, так как это первый случай, когда этот вид декора сохранился на своем месте, а не в завале строительного мусора. Фрагмент представлял собой проходившую по самому низу полуколонны орнаментальную кайму, состоявшую из круглых розеток, между которыми помещены симметрично развертывающиеся вверх и вниз листочки-пальметты (рис. 32).

Исследование фундамента колонны показало, что сооружение возводилось весьма капитально. Под квадратным устоем ниже пола была заложена квадратная же подушка из жженого кирпича на алебастровом растворе. Она несколько шире устоя и залегает на глубину 30 см. Под ней еще более широкий, выступающий на 25 см фундамент из жженого кирпича на глиняном растворе, углубленный на 80 см, и, наконец, кладка из сырцового кирпича на глиняном растворе на глубину 90 см.

Таким образом, вся глубина фундамента равняется приблизительно 2 м. Добавим к этому, что фундамент лежит на очень плотной забивке из земли с кусками сырцового кирпича. Такое основание под колонной указывает на значительный прогресс в технике строительства к тому времени, когда было возведено это сооружение. При безраздельно господствовавшем до того времени строительстве из сырцового кирпича, как по нашим наблюдениям на Варакше, так и по данным, полученным в других местах, фундаменты в собственном смысле слова, по-видимому, не возводились.

Рис. 32. Восточная полуколонна айвана

Их заменяли плотные забивки глиной в случае, если под строящимся зданием оказывались пустоты, или сооружались специальные платформы²⁹.

К северу от лестницы на протяжении около 17 м тянется не занятая постройками площадь двора, который был вымощен крупным квадратным жженым кирпичом. Поверхность двора слегка понижается к северу. Наслоения над вымосткой — земля, иногда с примесью песка, в которой встречаются куски жженого кирпича и фрагменты стука. Здесь же был обнаружен совершенно целый большой хум высотой 82 см, стоявший на поверхности двора. На плечиках хума нанесены красной краской какие-то непонятные знаки, отдаленно напоминающие арабские буквы, а сверху, на венчике, процарапаны уже явно арабские надписи, в которых читаются слова *هو* и *الله*. Значе-

ние первого слова осталось непонятным³⁰, второе — распространенное у мусульман имя «Мухаммед». Хум вряд ли может быть старше IX в. и поставлен был здесь, когда здание уже было заброшено.

Перейдем к описанию участка, находившегося западнее позднейшей стены, перегородившей раскопную площадку. Западной границей этого участка являлась еще одна плохо сохранившаяся и многократно перестраивавшаяся стена, проходившая в меридиональном направлении. Здесь имеются и следы позднейших построек, которые могут быть на основании найденного материала датированы X—XI вв. Остатки эти — фрагменты стен, полов, хозяйственные ямы и т. п. — не дают цельной картины застройки, тем более что они были разновременными: одни полы нередко перекрываются другими.

Следы относительно крупного помещения обнаружены в северной части раскопа. Здесь сохранились остатки фигурно выложенного пола из кир-

²⁹ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии, стр. 4. Приводимый В. А. Нильсеном («Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв.», Ташкент, 1956, стр. 13) случай возведения фундамента из сырцового кирпича относится к более позднему периоду, чем описываемая колонна.

³⁰ Оно могло бы значить или «дядя» (по отцу) или собственное имя.

пичных обожженных плит 34×34 см и 24×24 см. При этом большие кирпичи положены диагонально, что создает узорчатость настила³¹.

У западного конца сохранившейся части пола обнаружена большая яма обрза³² — поглощающего колодца для сливания грязной воды. Яма была закрыта жерновом, расколовшимся на несколько кусков. Углубление в полу, где она находилась, обложено по кругу половинками кирпичей, поставленными на ребро.

Остатки стены помещения были найдены на западной стороне, в виде основания из обломков кирпичей, от которых осталась только одна ряд. Толщина сохранившейся стены около 25—27 см, что могло быть лишь в случае легкой каркасной постройки типа, имеющего широкое распространение в Средней Азии и до наших дней. Кстати, остатки упавшей каркасной стены, хотя и плохо сохранившейся, так как дерево полностью сгнило, были обнаружены нами на этой же площадке в ее юго-западном углу.

Время возникновения новой строительной техники — возведения стен домов из деревянного каркаса, заполненного сырцовыми кирпичами или специально вылепленными комьями глины («гуваля») точно неизвестно. Существование ее в X—XI вв., однако, не подлежит сомнению. Каркасные стены домов найдены во многих местах на Афрасиабе³³. Всего вероятнее, что широкое распространение этот способ постройки получил именно в X—XI вв., параллельно со строительством из обожженного кирпича, что свидетельствует о значительном прогрессе в строительной технике средневековья.

Прямоугольники оснований стен из обожженного, преимущественно ломаного, кирпича имеются также на западной и особенно восточной сторонах площадки. На западной стороне в северной части площадки прослеживается контур помещения размерами 3×5 м с остатками небольшого очага. Около очага на земляном полу лежал перевернутый вверх дном большой горшок, от которого уцелел только венчик. Внутри сосуда находились кости животных.

³¹ Фигурно выложенные полы были найдены и при раскопках цитадели. Такие полы, выложенные из специальных кирпичных плит, известны и в других местах, например пол небольшого помещения в развалинах Старого Термеа, раскопанный И. А. Сухаревым (И. А. Сухарев, Комната XII в. на площади II приамуринской части городища Термеа. — Труды УИАФАН, серия I, вып. 2, «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.», Ташкент, 1940, стр. 197—199), в развалинах Отра (А. Кларе, Древний Отра и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. — ПТКАА, год IX, Ташкент, 1904, стр. 34). Прекрасный образец пола, выложенного concentрическими кругами, был обнаружен нами при раскопках разрушенного здания у южного фасада мавзолея Самандов в Бухаре (1938 г.). Все известные нам случаи сооружений таких полов относятся, по-видимому, к X—XII вв. н. э.

³² Так это сооружение, типичное для жилых домов, начиная с X—XII вв., называется в Бухаре (по-узбекски — «ташнау»).

³³ В. Л. Вяткин, Афрасиаб — городище былого Самарканда, Самарканд, 1927, стр. 17.

Смежно с этим помещением, южнее, было еще одно, на восточной стороне которого выложены из половинок кирпича три квадратных ящика, по-видимому, нечто вроде закромов для хранения продуктов или топлива. Помещение представляло собой, вероятно, кладовую. Еще дальше к югу — очень плохо сохранившиеся следы помещения с очагом, рядом с которым находилась яма для мусора и отбросов.

Таких ям на описываемой площадке обнаружено значительное количество. В одной из них, в северо-западном углу площадки, был найден разбитый на много частей стеклянный сосуд, край чашечки из синего стекла, фрагмент стекла с рельефным орнаментом (рис. 33), фрагмент горшка из огнеупорной глины, глиняный кувшин, чаша с вертикальными стенками, покрытая голубой поливой с красной ангобированной поверхностью нижней стороны, небольшой светильник, фрагменты остроносовых сфероконических сосудов, фрагмент большой чаши — тагоры, обломки жженных кирпичей.

Во второй яме, неподалеку от первой, оказалось также много стеклянных изделий: ножки рюмок-видных сосудов, обломки ритонов³⁴, фрагмент большой бутылки с коническим горлышком. В этой же яме обнаружены осколки тонкостенных серых кувшинов и сфероконических сосудов.

В других ямах были найдены ромбический щиток от светильника, покрытый зеленой поливой, фрагменты блюд с бирюзово-голубой поливой сверху и красной ангобированной нижней стороной. Во всех ямах обнаружено много костей домашних животных: крупного рогатого скота, барана. Нередко встречаются кости мелких грызунов.

Из находок, сделанных на этой площадке, можно еще упомянуть лежавший в северо-западной части раскопа отличный сохранности мельничный жернов (диаметр 88,5 см), по-видимому, применявшийся в мельнице (харас), приводившей в движение ослом или лошадей.

Весь комплекс находившихся на площадке построек и связанного с ним археологического материала относится к X—XI вв., к тому времени, когда дворцовые здания были уже разрушены, а на их развалинах возводились жилые постройки.

После расчистки всех этих наслоений выяснилось, что платформа, вымощенная жженым кирпичом, которая была открыта в восточной половине площадки, распространяется и на ее западную половину. На всем протяжении площадки прослеживается и кирпичная лестница. Только сохранность их здесь значительно хуже. Нашлись и места, соответствующие колонне и полуколонне

³⁴ Небольшой обломок, который наша находка на Вараше дает возможность определить как часть такого же ритона, имеется в коллекциях Музея культуры узбекского народа в Самарканде (найден на Афрасиабе). Позднее обломки стеклянных ритонов были найдены на городище Кува (Ферганская долина) и в Ташкенте.

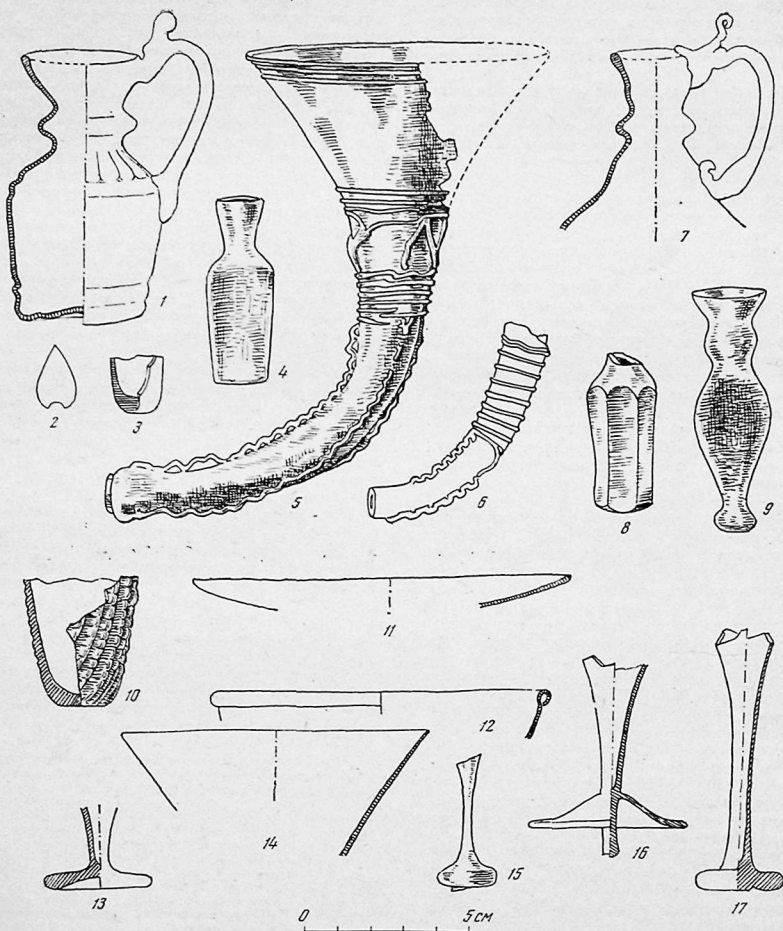

Рис. 33. Изделия из стекла, найденные в айване (2, 3, 5—8, 10—17) и в западном раскопе (1, 4, 9)

восточной половины площадки. От колонны остался фундамент, аналогичный описанному выше фундаменту первой колонны, от полуколонны — всего лишь яма, из которой был выбран кирпич. Но место и контуры этой ямы не оставляют никаких сомнений в том, что здесь была полуколонна западного края сооружения, аналогичная восточной.

Таким образом, получилась ясная картина большого трехпролетного портала с мощными кирпичными колоннами.

Ширина среднего пролета между колоннами равнялась 7,75 м, боковых между колоннами и полуколоннами — 3,25 м.

Ничего подобного этим порталам в архитектуре Средней Азии времени до арабского завоевания или его начала мы не знаем. Однако существуют аналоги с сохранившимися памятниками сасанидского Ирана, с архитектурой Передней Азии этого времени и элементами архитектурных сооружений, изображенных на среднеазиатских изделиях из терракоты. Последнее для нас особенно важно. Изображения колонн с арками встречаются на стенках оссуариев.

Средний пролет нашего айвана был значительно шире и, надо полагать, выше двух боковых. Возвышенная платформа во всю ширину здания, лестница, обширный двор, вымощенный кирпичными плитами, говорят о монументальном сооружении, рассчитанном на торжественные церемонии, подобном айванам Ктесифона, Охейдира и других дворцов. Однако на полу платформы не было замечено никаких следов столбов или устоев, которые могли бы поддерживать перекрытие большого зала, связанного с колоннадой (не менее 12—13 м в глубину и 19,5 м в ширину). Предположить какое-либо обычное для тех времен перекрытие такого большого пространства без промежуточных опор кажется невозможным. Правда, нам известны большие кирпичные своды в сасанидском Иране: во дворце Ктесифона тронный зал-айван перекрыт коробовым сводом, равняющимся, по словам Шаузи, «ширине собора св. Петра в Риме»³⁵. Ширина его пролета 25 м³⁶. Но коробовый или какой-либо иной кирпичный свод, который мог бы перекрывать айван, потребовал бы очень мощных стен из жженого кирпича. Таких стен, однако, не было. Каких-либо следов их, даже при полной разборке здания, не могло бы не сохраниться. Пролет слишком велик также для деревянных балок, причем, если для описанных выше больших помещений мы могли предположительно проектировать своды типа «рузана», то в этом случае понадобились бы слишком длинные балки, прогибание которых было бы неизбежно. Предположение о применении сложных строительных ферм, подобных рим-

ским³⁷, едва ли возможно. Поэтому вопрос о системе перекрытия большого зала айвана приходится оставить открытым. Возможно, здесь было какое-то легкое перекрытие на опорах, не имевших капитально устроенных оснований. В реконструкции, выполненной В. А. Нильсеном (рис. 34) айван представлен без кровли.

С западной стороны территория, занятая айваном и вымощенным двором, замыкалась стенами, от которых почти ничего не сохранилось. Позднее, в то время, когда айван был уже разрушен, здесь возвели новую стену, по-видимому, одновременно со стеной, перегородившей айван и почти параллельной с ней. Стена толщиной около 1 м отличается своеобразной комбинированной кладкой из пачсы, прослоенной рядами сырцового кирпича (35×35×6 см). Начинается эта стена приблизительно в двух метрах от остатков южной стены и продолжается на север на 12 м. Возможно, она некогда смыкалась с южной стеной, являвшейся также и внешней стеной города. Установить это точно нельзя, так как здесь в позднейшее время была вырыта большая яма, разрушившая стену и пол.

Дальше к западу от этой меридиональной стены находится четырехугольное пространство (8×8,5 м), вымощенное жженным кирпичом (представлявшее собой, по-видимому, еще один двор. Юго-западный угол этого двора примыкает вплотную к остаткам восточной башни находившихся здесь городских ворот, а западная сторона — к проходившей от ворот улице.

Пол двора вымощен жженным кирпичом двух форматов: 35×35×6 см, реже — 48×24×6,5 см. Местами использован кирпичный лом. Встречается и лекальный клиновидный кирпич, предназначенный для выкладки свода или круглого столба. На многих кирпичах имеются следы алебастрового раствора, свидетельствующие об их вторичном использовании. Кирпичный настил положен на слой земли с большим количеством размельченной резной алебастровой штукатурки, несколько мелких фрагментов которой найдено под вымосткой, что свидетельствует о позднем происхождении этой вымостки.

³⁷ Изобретение строительных ферм с затяжками и балками является, по-видимому, достижением древнеримских зодчих. Древняя Греция знала только простые балки, на середине которых опирались бруски, поддерживавшие конек кровли, что заставляло делать балки чрезвычайно толстыми (до 0,75 м при пролете до 20 футов, как в пирейском арсенале). По Страбону, до большого храма в Милете не могли найти подходящих балок, и он оставался без перекрытия «по причине своей колоссальной величины». Применение римлянами ферм с затяжкой позволяло перекрывать более значительные пролеты: базилика в Фане, построенная Витрувием, имела ширину 60 футов (приблизительно 17,85 м). Описание этой базилики дано в *Витрувий* (кн. 3, гл. 1, стр. 8—9), см. В. Л. де Юк. *Беседы об архитектуре*, т. I, М., 1935, стр. 139, 148, табл. VII; О. Шуази, *Указ. соч.*, т. I, стр. 205—207, 444—445. Известно применение римлянами и металлических (бронзовых) ферм в перекрытии портика Пантеона (О. Шуази, *Указ. соч.*, т. I, стр. 445; К. О. Гартман. *История архитектуры*, т. I, М., 1936, стр. 73).

³⁵ О. Шуази, *Указ. соч.*, т. I, стр. 131. По Херцфельду (*Указ. соч.*, стр. 95), ширина свода Таки-Хосрова равнялась 70 футах (21,3 м), глубина — 150 футах (45,7 м) и высота — 90 футах (27,4 м).

³⁶ E. Diez, *Указ. соч.*, стр. XIV.

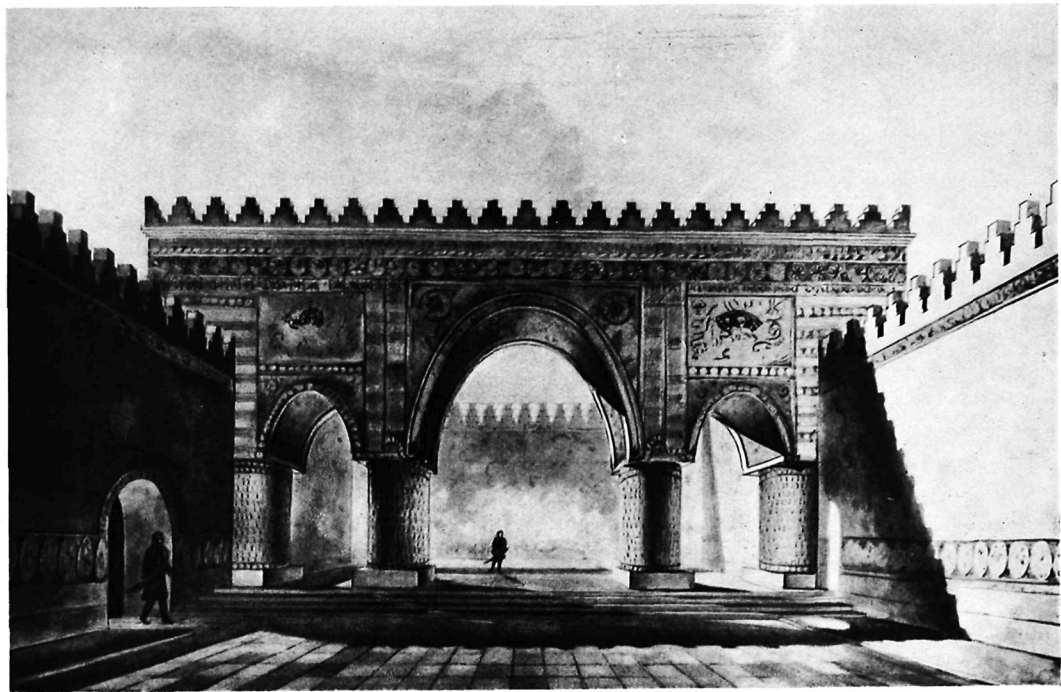

Рис. 34. Опыт реконструкции айвана (архитектор В. А. Нильсен)

Рис. 35. Раскопки в северо-западной части дворцового здания

Стена на западной стороне дворика сохранилась чрезвычайно плохо. Ее направление удалось проследить только по небольшим остаткам. Почти в середине она прерывается прямоугольной площадкой $3,5 \times 2,5$ м, облицованной кирпичом и обмазанной сверху алебастром. Высота этой площадки над полом дворика около 30 см. Назначение ее ясно: это была суфа — ниша в стене. Приблизительно такая же ниша имела и в северной стене. Эта последняя сложена из крупного сырцового кирпича $44 \times 27 \times 8$ см, в ней заметны следы переделок: из ниши северной суфы на север имелся проем, потом заложенный и заштукатуренный. Кроме того, в основание кладки стены в северо-восточном углу заложены, по-видимому при ремонте, обожженные кирпичи $35 \times 35 \times 6$ см, т. е. такие же, как и в вымостке дворика. Северная стена не доходит до восточной стены, вдоль которой оставался узкий проход к северу. По другую сторону северной стены остатки сооружений сохранились плохо: они выклиниваются на отлогом склоне понижения между развалинами дворца и центральной частью городища.

Слой земли над полом, достигавший толщины до 1,5 м, не был однородным: в нем, по-видимому в разное время, вырыто много больших ям, доходивших до пола (кирпичного настила в этих местах нет). Ямы заполнены рыхлой землей, в кото-

рой встречалась поздняя для Варахши керамика: большой фрагмент типичной саманидской чашки, значительное число осколков характерной посуды с бирюзовой поливой и красным ангобом и т. п. Наряду с этим были найдены занесенные сюда каким-то образом фрагменты древней керамики: черепок с краснолаковым покрытием, мелкие осколки с красным ангобом и лощением, обломки сосудов, вылепленных вручную, медная плохо сохранившаяся монета, которую по ее величине и общему виду можно отнести к халифатскому чекану II в. хиджры.

В тех же наслоениях было найдено большое количество мелких фрагментов алебастрового резного декора, происходящего, по всей вероятности, из разрушенного айвана. На высоте 10—25 см от кирпичного пола лежало несколько фрагментов стеной росписи. По технике эта роспись не отличается от той, которая встречалась нам раньше — та же глино-саманная штукатурка, на которую нанесен тонкий слой белой подгрунтовки. Однако фрагменты настолько малы, что никаких определенных изобразительных мотивов не дают. Только на одном из фрагментов можно разобрать хорошо нарисованный палец руки.

В северо-западном углу площади, занятой развалинами дворцового здания, возвышался большой холмик с крутыми склонами, в которых прослежива-

лась кладка из сырцового кирпича. Раскопки, произведенные в 1939 и 1951 гг., показали, что холмик является останком северо-западного угла значительного по площади помещения, на стенах которого, изрытых гnezдами шершней, сохранились признаки росписи. Остатки ее в виде чешуек утратили уже связь со стеной, и не имелось возможности установить хотя бы в какой-то мере, что представляла собой эта роспись.

На западной стороне помещения найден широкий проем с остатками пят перекрывавшей его арки (рис. 35). К западу от арки, куда вел этот проем, «раскрыты остатки стен каких-то помещений. Сохранность их настолько плоха, что установить характер этих помещений и постройки в целом, даже предположительно, не представляется возможным. С южной стороны эта группа помещений ограничивалась толстой сырцовою стеной и отделялась от описанных выше помещений дворца узким проездом.

* * *

На этом мы заканчиваем описание остатков разновременных сооружений на территории бывшего дворца бухар-худатов. Раскопки, потребовавшие много труда и времени, далеко еще не достаточны. Под выявленными нами позднейшими помещениями сохраняются немало фрагментов первоначального здания дворца. При дальнейших работах они могли бы помочь уяснить общую структуру этого крайне интересного архитектурного сооружения и детально разобраться в его позднейших наслоениях. Однако и тот материал, который получен в результате наших раскопок, позволяет в общих чертах представить историю дворца и эволюцию строительных приемов и строительной техники V—XI вв. н. э.

Мухаммад Наршахи сообщает о дворце бухар-худатов в Варахше³⁸: «Был в ней [Варахше] дворец благоустроенный, который возвел бухар-худат³⁹. Больше тысячи лет, как он разрушился и пришел в запустение. Другой бухар-худат⁴⁰ уже много времени тому назад восстановил его, но [дворец] снова разрушился. Буннат, сын Тогшады, внук бухар-худата (?) во [времена] ислама вновь отстроил здание, сделал его местом своего обитания [и жил в нем], до того как был в нем убит. Амир Исмаил Самани позвал людей этого селения и сказал: „Я дам двадцать тысяч дирхемов и лес и приму на себя работы по постройке, — а некоторая часть здания еще стоит, — перестройте этот дворец в соборную мечеть“. Люди селения не пожелали этого и сказали: „Нашему селению это не подобает, так как оно не Миср“⁴¹. Этот

дворец стоял до времен амира Ахмеда ибн Нуха ибн Насра ибн Исмаила Самани, а он перевез [остатки] дворца в город [Бухару] и использовал дерево [деревянные части здания] для постройки своего дворца у ворот Хисара».

Сведения «Истории Наршахи» не обладают достаточной полнотой и определенностью. Первое из ее хронологических определений: «больше тысячи лет как он разрушился», можно принять только условно, как указание на то, что это событие произошло очень давно, в незапамятные времена. Не случайно не указывается и имя бухар-худата, построившего первоначальный дворец. Возможно, оно было в X в. уже забыто, как и имена других бухар-худатов, предшествовавших Бидуну, умершему незадолго до начала наступления арабов.

П. И. Лерх высказал предположение, что в первоначальном труде Мухаммада Наршахи могла быть глава, посвященная бухар-худатам, правившим до прихода арабов, но что последний редактор «Истории Наршахи» выкинул ее⁴². Предположение это кажется маловероятным, так как в тех местах книги, где сведения о древних правителях Бухары сохранились (как в цитированном отрывке, посвященном варахскому дворцу), должны были бы сохраниться имена (хотя бы и искаженные переписчиками) и более точные даты. Вернее предположить, что за два с лишним столетия, прошедших от первых набегов арабских войск на Бухару (674 г.) до времени жизни Наршахи (899—959 гг.), память о временах «до ислама» основательно улетучилась, а исторические хроники, если такие существовали, были утрачены или умышленно уничтожены проповедниками ислама.

Как бы то ни было, но сообщение об основании дворца на Варахше около начала нашей эры, содержащееся в «Истории Наршахи», мы не можем принять на веру. Во всяком случае, как показывают наши раскопки, оно не применимо к тому дворцу, который был возведен на южной стороне города.

Полученные нами археологические данные заставляют считать, что даже самое раннее здание, остатки которого были вскрыты нами на месте дворца, не могут датироваться ранее V в. н. э. Мы здесь имеем в виду кладку из продолговатого сырцового кирпича в нижних слоях раскопа на северной стороне здания.

Между временем, когда появилась эта кладка, и возведением древнейших частей сооружения, которое можно считать руинами дворца бухар-худатов, должен был пройти некоторый срок. В течение этого периода, как мы видели, воздвигались и разрушались другие постройки. Они не производят впечатления достаточно монументальных, чтобы их можно было считать остатками резиденции правителя.

Таким образом, части первоначальных построек, сложенных в технике «кирпич вразбежку», мы

³⁸ «История Наршахи», Каган, 1904, стр. 21.

³⁹ В переводе Н. С. Лыкошина («Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 26): «Там же находился красивый дворец, красота которого вошла в поговорку; он был построен бухар-худатом более тысячи лет тому назад».

⁴⁰ В переводе Лыкошина «Хунук-худат».

⁴¹ Т. е. вообще «не город».

⁴² П. И. Лерх. Указ. соч., стр. 83.

должны отнестись к первому дворцу бухар-худатов, о котором сообщает нам «История Наршахи». Это — южная стена группы помещений от Восточного зала до восточной стены айвана и незначительные фрагменты помещений, обнаруженные в раскопе на северной стороне дворцовых зданий. Датировать эту постройку по аналогии с упоминавшимися выше сырцовыми готфридовыми зданиями можно самым концом V или VI в.

Вторым крупным этапом в судьбе дворцовых сооружений была капитальный ремонт, когда целые стены, как стена между Красным залом и помещением к западу от него, перекалывались заново. Изменился формат кирпича, сделавшийся несколько более крупным (хотя, надо оговориться, очень точного стандарта сырцового кирпича, по-видимому, не существовало); при возведении стен стала применяться другая техника кладки. Заметим, что новые постройки производят впечатление несколько меньшей монументальности, чем первоначальные. К второму строительному периоду, по всем данным, относятся стальные росписи как Восточного, так и Красного залов. Из росписей Красного зала можно отнести к этому времени более старую, фрагменты которой сохранились под позднейшими наслоениями.

Помещения эти использовались продолжительное время: росписи, как показывают наблюдения, главным образом в Красном зале, обветшали и были выполнены вторично по наложенной глиносаманной штукатурке. Об этом же свидетельствует и грубый ремонт штукатурки с росписью в Восточном зале.

Указанная капитальная перестройка является, быть может, тем самым этапом в истории дворца, о котором «История Наршахи» говорит: «Другой бухар-худат (в переводе Н. С. Лыкошина — Хунук-худат. — В. Ш.) уже много времени тому назад восстановил его».

Через некоторое время, по «Истории Наршахи», здание было вновь заброшено и подверглось разрушениям. В Красном зале накопился слой строительного мусора, закрывавший частично суфы и даже нижние части стен с росписями. Большие и малые куски штукатурки с живописью падали вниз. Важно еще раз отметить, что росписи Красного зала в это время или незадолго до того были умышленно испорчены острым орудием, причем уничтожались преимущественно головы и фигуры людей. Это наводит на мысль, что такое разрушение не было случайным, что человек, вырубавший куски росписей, руководствовался определенной целью. Он стремился уничтожить изображения, связанные с древней идеологией, сделавшись к этому времени единозвоним. Невольно возникает предположение о связи этого разрушения с иконоборческими тенденциями ислама, не признававшего не только религиозных изображений, но и вообще изображений живых существ.

К третьему этапу капитальных перестроек дворцовых зданий мы причисляем возникновение здания, украшенного резьбой по алебастровой штука-

турке, которое возвышалось, надо полагать, над узкими помещениями Южной анфилады, и монументальной аркаду айвана, также богато украшенную скульптурой и алебастровой лепкой. Тогда же были возведены какие-то здания на южной стороне над специально засыпанными с применением трамбовки Красным залом и соседними помещениями. К этому же времени, или близкому к нему, можно отнести всю группу помещений к западу от комнаты 7, большое помещение 8 (Северный зал) и вымощенный жженым кирпичом дворик перед Красным залом.

Все эти сооружения, если продолжать сопоставления с сообщениями «Истории Наршахи», мы должны признать теми постройками бухар-худата Буниата, которые были возведены уже «во времена ислама», т. е. после захвата Бухарской области арабскими полководцами.

То, что дворец этого времени, несмотря на иконоборческие тенденции мусульман, был украшен многочисленными изображениями людей, животных и мифических существ, не является необычным. Запрет на изображения животных и людей в первые века ислама не проводился последовательно: во дворцах Омейядов и первых Аббасидов, подражавших пышному укладу жизни царей Персии и императоров Византии, стены покрывались многофигурными росписями, алебастровой скульптурой и т. п. Но это было, конечно, возможно только для представителей высших слоев общества, отгораживавшихся от рядовых мусульман высокими стенами и вооруженной стражей. В народных массах проводилась усиленная агитация за борьбу против всяких, особенно «священных» изображений, против капищ и идолов, враждебных новой религии.

Поскольку сами халифы в своих дворцах не брезговали подобными изображениями, их могли себе позволить и сильные вассалы⁴³.

К тому же нет оснований сомневаться в правдивости сообщений Наршахи о том, что бухар-худаты только внешне сделали сторонниками новой религии, сохранив на самом деле приверженность к старым традиционным воззрениям и обычаям, за что некоторые из них поплатились жизнью.

⁴³ Изображение живых существ и даже человека допускалось в дворцовых сооружениях как в Средней Азии, так и на западе так называемого мусульманского мира. Сохранился из многочисленных примеров на дворцы Омейядов: Кусайр Амра (A. Musil. Kuseir Amra und andere Schlössen östlich von Moab. — «Sitzungsber. der K.-K. Academie der Wissenschaften», phil.-hist. Classe, Bd. CXLIX: Kacp ax-Xaïp ax-Tarbin (D. Schlumberger. Les fouilles de Qasr al-Heir el Gharbi, 1936—1938. — «Syria», t. XX. Paris, 1939, p. 195—238, 324—373; D. Schlumberger. Deux fresques omeyades. — «Syria», t. XXV, 1946—1948, p. 86—102).

В качестве позднего примера изображений живых существ в стенах можно привести дворец термезских правителей (Б. П. Деникее. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, рис. на стр. 46 и сл.; его же. Резная декоративная здания, раскопанного в Термезе. — III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. (Доклады). М.—Л., 1939, табл. XX, XXIII и другие публикации).

Определение времени последней перестройки дворца представляется возможным, хотя хронологические данные нашего основного источника — «Истории Наршахи» — подверглись при многочисленных переделках этого труда большим искажениям. В них много противоречий. Правильной, по-видимому, следует признать дату смерти Бунната: он был убит по приказанию халифа за участие в движении Муканны в 166 (782/83) г.⁴⁴ Продолжительность правления Бунната в качестве вассала арабских правителей «История Наршахи» определяет в семь лет.⁴⁵ Следовательно, если принять за достоверное сообщение о том, что дворец возводил именно Буннат, а не кто-либо другой из бухар-худатов, это событие произошло между 775 и 782 гг.

Затем следует период нового запустения. Постепенно разрушаются помещения как Южной, так и Восточной анфилад. Характерным признаком завалов этого времени является присутствие фрагментов стука, так же, как для более ранних завалов типичны мелкие фрагменты стенных росписей.

Только в одном месте — над помещениями Восточной анфилады, стены которых были срезаны на одном уровне, мы уловили следы более поздних сооружений. Поверх этих уже засыпанных земель помещений был сделан настил из сырцового кирпича того же размера, из которого сложены стены

анфилады, в два слоя. Поверх него — толстый слой как бы утоптанной глины. Ясных следов построек на этой площадке не сохранилось.

Некоторые помещения, например комнаты Восточной анфилады, а возможно, Западного зала, продолжали использоваться для каких-то целей до VIII, и, может быть, IX вв. Производились даже какие-то ремонтные работы, в частности можно указать на фрагменты алебастрового декора, попавшие, видимо, при такого рода работах под кирпичные настилы дворики, а также под позднейшие наслоения пола Западного зала (помещение 15). Но это был уже не пышный дворец, «красота которого вошла в поговорку», а грубо отремонтированные помещения.

Последним этапом в жизни исследуемого памятника явились поздние постройки в западной части айвана, возникшие уже на развалинах и датируемые X—XI вв. Это, несомненно, жилой дом (или дома), являющийся произведением новой культуры периода сложившегося феодализма. Судя по другим жилым домам, раскопанным нами в западной части городища, описание которых будет дано ниже, здесь были, очевидно, жилища представителей состоятельной части населения: об этом говорят заботливо выполненные фигурные полы и характер тех остатков бытового инвентаря, которые обнаружены в мусорных ямах.

Такой, в общих чертах, представляется сложная и запутанная многочисленными переделками история дворцового сооружения.

⁴⁴ «История Наршахи», стр. 12.

⁴⁵ Там же.

ЦИТАДЕЛЬ¹

итадель (рис. 36) возвышается в виде мощного холма на южной стороне городища, к востоку от описанных развалин дворцового здания. Холм ее делится на две части: более высокую западную и относительно низкую восточную.

Западная часть цитадели почти квадратная в плане, со сторонами около 26 м, имеет крутые обрывистые склоны. На склонах, особенно на южной стороне, прослеживались еще до раскопок кладки из сырцового кирпича. В юго-западном углу цитадели выдаются за линию городских стен остатки мощной башни, в которой имелось небольшое прямоугольное помещение. Высота цитадели над поверхностью городища достигает теперь 10—11 м, а над окружающей местностью — несколько больше 20 м. Ее восточная часть — развалины большого здания, пристроенного к древней части цитадели, — занимает почти такую же площадь. Холм, образовавшийся на месте этих развалин, ниже западной части на 1,5—2 м.

Западная часть цитадели представляла собой массивное основание, на котором было возведено монументальное сырцовое здание. Высота основания около 15 м.

Конструкция этого сооружения, насколько нам удалось ее выяснить, была весьма простой: возводились мощные стены из сырцового кирпича, а пространство между ними на площади всего прямоугольника засыпалось одновременно с выкладкой стен землей с кусками сырца и комьями глины. Засыпка относительно рыхлая, сделана слоями по 25—30 см, с утрамбовкой каждого слоя. Суще-

вали ли на этой территории какие-либо сооружения, включенные в массив основания, мы определенно сказать не можем, но нашей шурфовкой, а также расчисткой длинного кладонскальского хода, врезавшегося в толщу основания на глубине около 10 м от верхней площадки, признаков таких сооружений не обнаружено.

Стена-облицовка сверху достигает толщины 5 м. Сложена она наклонно внутрь и поверхность ее имеет вследствие этого небольшие уступы в каждом ряду кирпича, что особенно хорошо было заметно на западной стороне. В кладке стены удалось проследить ту же систему, которая отмечалась нами при описании древнейших частей дворцового здания. Это — прием кладки «кирпичом вразбежку» из сырцового кирпича (38—37 × 25 × 9—10 см) с очень толстыми швами (около 11 см). Так же, как и в южной стене дворцового сооружения, здесь соблюдалось строгое чередование рядов кирпича, положенных ложком и тычком. Это сходство строительных приемов настолько ярко, что заставляет и на этот раз сопоставить хронологически оба сооружения.

Описанная стена, как удалось установить на северной и восточной сторонах, была одета дополнительно толстой глинобитной стеной, доходившей почти до самого верха и постепенно сужавшейся кверху, вследствие чего ее поверхность приобрела довольно сильный наклон. Глина накладывалась пластинами вышиной в 1,55 м, пластины были нарезаны вертикальными желобками (шириной 5—4 см) как бы на отдельные блоки, расположенные в шахматном порядке. Этот прием придавал стене вид сложенной из отдельных массивных блоков.

В юго-восточном углу глинобитная стена выступает в виде круглой башни, назначение которой было, по-видимому, фланкировать подступы к южной и восточной сторон.

На южной стороне цитадели глинобитная стена не сохранилась. Не обнаружена она также и расчисткой части склона на западной стороне. Здесь выявлялись некоторые новые детали. Стена, сложенная приемом «кирпич вразбежку», оказалась

¹ Раскопки цитадели производились в 1950—1952 гг. участниками экспедиции В. А. Нильсен (см. В. А. Нильсен и В. А. Варакшская цитадель. — «Труды ИИА АН УССР», вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 43 и сл.). Здесь мы ограничиваемся необходимым минимумом сведений, отослав интересующихся подробностями к указанной работе В. А. Нильсена.

здесь очень сильно разрушенной. Верхняя часть ее еще в древности обвалилась и вместо нее на обнажившуюся рыхлую засыпку внутреннего пространства стилобата была поставлена новая стена из несколько более крупного сырцового кирпича ($40 \times 25 - 26 \times 10$ см), с очень тонкими швами (1,5—2 см). Кроме того, стена, сложенная «кирпичом вразбежку», не доходит до низа. Она покоится здесь на глинобитной стене, сложенной блоками высотой от 1 м до 85 см. При этом каждый блок, положенный выше, отступает от нижележащего, образуя ступеньку шириной 28—25 см.

Остатки еще одной, на этот раз, несомненно, ремонтной кладки, обнаружены в основании северо-западного угла стилобата. Эта кладка должна относиться к сравнительно позднему периоду. Здесь мы опять встречаемся с разнородностью «комбинированной» сырцово-глинобитной стены. На толстой глиняной постели (17 см) уложен ряд кирпича 42×10 см, но не «вразбежку», как в древней стене, а вплотную один к другому. На нем лежит еще более толстый слой глины (21 см) и новый ряд сырцового кирпича, но уже мелкого квадратного ($31 \times 31 \times 6$ см). Следующий слой глины имеет толщину 28 см, на нем опять лежит ряд мелкого квадратного кирпича. Учитывая размер квадратного сырцового кирпича, мы должны при-

знать этот ремонт приблизительно одновременным со стенами Северного зала дворцовых сооружений.

Раскопом у западной стены стилобата установлены еще некоторые факты. Нижнему обрезу глинобитной стены соответствует ясно заметный горизонтальный слой. На нем сохранились остатки камышовой плетенки в виде белой прослойки, в которой прослеживались сплетенные стебли камыша. Под слоем камыша залегала выстилка из крупного сырцового кирпича ($41 \times 25 \times 9$ см). Сантиметров на 70 выше, при повышении уровня, появилась новая площадка, выложенная осколками жженого кирпича. Начиная с этого уровня, глинобитная стена и отчасти низ сырцовый на высоту около 3 м закрыты плохо сохранившейся глинобитной же стеной толщиной несколько больше 1 м.

Над площадкой, выложенной кирпичом, залегают многочисленные прослойки то из мелких кусков глины, то из крупных глыб, свалившихся со стен. Приблизительно на том же уровне, на котором находится верх поздней глинобитной стены, прослеживается в раскопе еще одна кладка — фрагмент стены из сырцового кирпича с толстыми швами (13—15 см). Кирпич относительно мелкий (длина 38—39 см, толщина — 8,5 см). Ряды его лежат не горизонтально, а наклонно в западном направ-

Рис. 36. Цитадель после раскопок с северной стороны

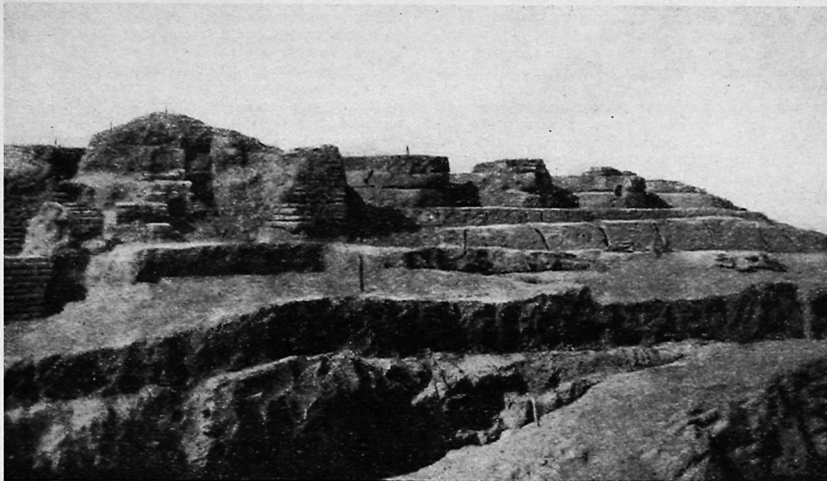

Рис. 37. «Гофры» на стене цитадели

лении. По-видимому, это не поздняя, возникшая во время ремонта стена², а просто большой кусок стены, соскользнувший вниз по откосу. Пространство между этим куском стены и стеной основания засыпано комками глины, причем структура этой засыпки указывает на ее происхождение: направление комков не горизонтальное, как бывает при обычных завалах, а наклонное, близкое к вертикальному, что могло получиться только в том случае, если они постепенно заполняли узкое пространство между стеной основания и свалившимся сверху куском стены. К западу, с наружной стороны его — многочисленные слои осыпи, понижающиеся в западном направлении.

Несколько иную картину показал раскоп у северо-восточного угла, в том месте, где смыкаются западная и восточная половины цитадели. Заложенный на северной стороне раскоп в виде траншеи, подведенной узким концом к стилобату цитадели, показал, что глинобитная стена, нарезанная на блоки, доходит до самого основания стилобата и построена на площадке, под которой лежит плотный слой земли, и в слое под ней были собраны фрагменты сильно измелченной, но весьма характерной керамики. По большей части это осколки тонкостенной посуды, покрытой с обеих сторон красным ангобом; на внешней стороне черепков иногда заметны следы лощения. Есть фрагменты бокалов. Посуда тщательно сделана из хорошо под-

готовленной глины на гончарном круге. Наряду с этим встречен обломок горлышка кувшина, вылепленного без гончарного круга и покрытого коричневым, почти черным ангобом. Обнаружены фрагменты хумов, сильно закопченного каменного котелка и т. п. Керамика в своей массе может быть датирована первыми веками до или после нашей эры.

Первоначальный горизонт, на котором было возведено здание цитадели, представляет собой слой песка, выше которого накопились наслоения земли с обломками сырцового кирпича. Выше, приблизительно на 4,5 м над площадкой с керамикой, к глинобитной стене стилобата примыкает выкладка из мелкого жженого кирпича ($22 \times 22 \times 3$ см), на которой имеется еще одна ремонтная стена из сырцового кирпича, сохранившаяся на высоту до 2,75 м. Толщина ее около 1,4 м. Все это было погребено под слоистыми осыпями, поверхность которых круто понижается в северном направлении.

Исследование основания цитадели показывает, что это сооружение за время своего существования так же, как и дворцовое здание, претерпело значительные разрушения и неоднократно ремонтировалось.

От древнего здания, стоявшего наверху, осталась незначительный фрагмент стены на восточной стороне, около северо-восточного угла. Она сложена из того же кирпича, что и основная стена стилобата, той же техникой кладки «кирпич враз-

² См. В. А. Нильсен. Указ. соч., стр. 73.

бежку». Сохранилась стена на высоту около 80 см. Особенно важным представляется то, что она была оформлена такими же полуколоннами — гофрами, как и описанная выше башня, остатки которой уцелели на южной стороне около дворцового здания. Гофры очень велики: диаметр полуколонны равен 1,6 м. По аналогии с известными нам примерами гофрированных стен такой диаметр должен был соответствовать очень большой высоте самого здания. Гофры поставлены на невысокий, всего около 30 см, вертикальный цоколь. Поверхность стены была тщательно оштукатурена. На гофрах прорезан горизонтальный желобок, делящий их как бы на отдельные блоки (рис. 37).

Несмотря на незначительность этого фрагмента, оформление стены полуколоннами дало возможность достаточно ясно представить себе облик весьма монументального сооружения. В этом помогают нам памятники Хорезма и Мерва и известное Аниковское серебряное блюдо Эрмитажа, воспроизводящее здание, аналогичное замку-цитадели Варахши. Можно представить себе высокое, стройное сооружение, возвышающееся над постройками города и господствовавшее над окружающей местностью. В. А. Нильсеном сделана попытка графической реконструкции варахшского замка-цитадели, которая, несмотря на некоторую произволь-

ность в размещении тех или иных деталей, что неизбежно при всякой подобной реконструкции, дает, на наш взгляд, правильное представление о былом виде этого интересного сооружения.

Судить о внутренней планировке его мы не имеем никакой возможности, так как, кроме упомянутого фрагмента, от древней постройки ничего не осталось.

Цитадель, несомненно, разделила судьбу дворцового здания. Она была основательно разрушена и лежала в развалинах, вероятно, до X в., когда ее холм, возвышавшийся над окрестностями, снова стали использовать для построек. От этих последних сохранилось также немного, но по тем остаткам, которые дошли до нас, можно судить, что новое сооружение занимало всю или почти всю площадь цитадели. Местами сохранились остатки стен из сырцового кирпича $25,5 \times 25,6 \text{—} 26 \times 5 \text{ см}$. Они уцелели на высоту не более 50 см. На южной стороне, где, по-видимому, стены цитадели были особенно сильно разрушены, под стены нового здания были подведены фундаментные опорные стенки из сырцового кирпича. Они воздвигались, надо полагать, в местах промыв, крупных обвалов или других разрушений, толщина их — от 1,8 до 2 м при различной глубине залегания, соответственно существовавшему тогда рельефу. Одна из стенок

Рис. 38. Поглощающий колодец и закрывавший его жернов

Рис. 39. Деталь фигурной выкладки пола

отличается своеобразной кладкой: она была выложена в виде разгрузочной арки, значительная часть которой дошла до нас.

В середине сооружения частично сохранился настил пола из жженого кирпича, интересней своей фигурной кладкой и преднамеренным использованием кирпичных плит двух оттенков: красноватого и более светлого, желтоватого.

В центре здания — круглое углубление, закрытое мельничным жерновом (рис. 38). Диаметр жернова — 90 см, толщина — 12 см. Этот жернов закрывает поглощающий колодец, предназначавшийся для стока воды. Колодец представляет собой круглую в сечении яму около 1 м диаметром и 4,5 м глубиной. Верхняя ее часть перекрыта как бы ложным куполом, образованным напуском из жженных кирпичей с отверстием в замковой части. На этом куполе и покоился жернов. Углубление обложено по кругу чередующимися красными и желтоватыми кирпичиками, поставленными на ребро в радиальном направлении. С внутренней и внешней сторон этот кирпичный круг обрамлен кирпичами, поставленными также на ребро, но по кругу. Вокруг этой выкладки заподлицо с ее верхней поверхностью положены плашмя кирпичики трапециевидной формы с закругленной широкой стороной. Они расположены по радиусам и обра-

зуют семнадцатилепестковую розетку (рис. 39). Лепестки ее сделаны из кирпичей красноватого цвета, между ними вставлены узкие разделяющие их прямоугольные желтоватые плитки. От розетки по четырем осям расходились широкие полосы, из которых лучше всего уцелела та, которая идет в восточном направлении. Полосы были выложены из кирпичных плит размером $33 \times 33 \times 4$ см, желтоватых и красных, чередующихся в шахматном порядке и положенных по диагонали. Остальная часть пола между этими полосами выстлана такими же плитками, преимущественно красного цвета.

Обращает на себя внимание исключительно тщательная подготовка плит, благодаря чему между кирпичами почти нет зазоров. Кирпичи положены на слой алебаstra.

Пол имеет со всех сторон уклон к центру, к поглощающему колодезю. Это могло иметь место только в том случае, если здесь был открытый дворик, а поглощающий колодец был предназначен собирать воду от дождя или таящего снега.

Обнаружено еще одно подобное сооружение, но меньших размеров, в юго-восточном углу, где также уцелел небольшой фрагмент кирпичного пола. В одном из кирпичей этого пола аккуратно и тщательно вырезано отверстие в виде восьмиконечной

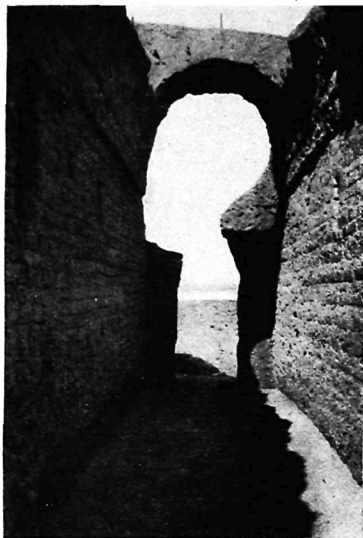

Рис. 40. Помещение в восточной части цитадели

звезды, а в кирпиче, лежащем под ним, сделано небольшое круглое отверстие. Поглощающего колодца под этим типичным образом, служившим, вероятно, для омовений, не оказалось: вода, попадавшая сюда, очевидно, в небольшом количестве, полностью впитывалась лежащими ниже рыхлыми слоями.

Вход в здание находился с восточной стороны, с плоской крыши восточной части цитадели, о чем свидетельствуют остатки лестницы, верхняя ступень которой фигуру выложена из половинок жженого кирпича, поставленных на ребро.

Несомненно, к этому зданию относятся фрагменты архитектурного декора, найденные при расчистке западного склона цитадели: куски алебастровой штукатурки, фрагменты глиняной штукатурки с росписью и, наконец, обломки алебастровых оконных решеток со вставленными в ячейки цветными стеклами.

Все это может быть датировано X или началом XI в., как и незначительные находки, сделанные при раскопках в верхних слоях развалин здания. Они заключались в небольших фрагментах поливной керамики (блюд, чашек и др.), покрытых характерной белой поливой с подглазурным орнаментом, типичным для саманидской керамики. Имеются фрагменты не менее типичной и часто встречающейся на Варахше посуды с бирюзово-

Рис. 41. Помещение в восточной части цитадели

голубой глазурью и красным ангобом на нижней стороне, а также глазурованная посуда с расплывчатыми желтыми и зелеными пятнами. Найдена плохо сохранившаяся саманидская монета конца X в.

Остатки здания, при всей их фрагментарности, позволяют в известной степени реконструировать его план. Посредине находился открытый дворик, ширина которого с запада на восток была около 12 м; протяжение его с севера на юг не установлено, но, по-видимому, оно значительно больше ширины. Дворик со всех сторон был окружен помещениями (или открытыми айванами, как предполагает В. А. Нильсен). О назначении здания судить трудно. Возможно, это была мечеть³. Такое предположение является наиболее вероятным, если учесть, что для постройки здания было выбрано особое место — самая возвышенная точка в городе, и что постройка, судя по фрагменту пола, была выполнена с большой тщательностью. Вполне соответствующей этому назначению здания может считаться и его ориентировка — с входом на восточной стороне. Однако такой признак мечети, как михрабная ниша, здесь не мог быть обнаружен: западная стена слишком разрушена. Поэтому мы

³ В. А. Нильсен (указ. соч., стр. 91—93) настаивает именно на таком назначении этого здания.

считаем не исключенной возможность другого назначения здания.

Перейдем к описанию восточной части цитадели. Она представляет собой, как уже сказано, прямоугольное, почти квадратное в плане здание, пристроенное непосредственно к стилобату западной части цитадели. Уже это доказывает, что восточное здание было возведено позднее.

Здание, как и описанная выше цитадель, возведено на искусственной платформе с подпорными сырцовыми стенами, прослеженными на северной стороне. Только платформа здесь значительно ниже, чем стилобат цитадели.

Построено здание из сырцового кирпича $42-43 \times 26 \times 9-10$ см. Кладка стен с довольно толстыми швами (7-8 см), с чередованием рядов, положенных тычком и ложком. Кирпичи в рядах кладки в отличие от приема «кирпич вразбежку» настолько тесно сдвинуты, что между ними нет глиняного раствора. Толщина стен от 1,15 до 2 м, кроме более мощной южной стены, являющейся одновременно и внешней городской стеной. К этой последней внутренние стены помещений пристроены впритык, без перевязи в рядах кирпича.

Относительно хорошая сохранность этого здания, стены которого большей частью уцелели на всю высоту, а местами даже имеют остатки сводчатых перекрытий (рис. 40-42), позволяет восстановить почти полностью внутренний вид сооружения. Разрушенными оказались лишь северная и восточная стороны, но и здесь остатки стен дают возможность установить конфигурацию помещений, за исключением северо-восточного угла, где остается неясным, как соединялись между собой помещения восточной и северной сторон.

Всего в здании было девять помещений. Все они очень узкие, шириной менее 2 м; длина их различна. Западную половину занимают три длинные помещения типа коридоров, длиной около 14,5 м при ширине 1,95 м. Эти три помещения связаны дверными проемами с северным, также очень длинным коридорообразным помещением, приблизительно такой же ширины, но идущим в поперечном направлении — с запада на восток. Длина его не могла быть установлена, так как восточный конец и большая часть северной стены разрушены.

От крайнего западного помещения в сторону старой цитадели отходят еще три коротких (от 1,6 до 2,35 м) узких коридорчика. Ширина северного и среднего равняется 1,4 м, а южного всего только 97 см. Своими концами эти коридорчики упираются в паховую стену старой цитадели. Западное помещение, кроме двери, соединяющей его с северным коридором, имеет еще два выхода: один ведет в смежное с запада помещение, другой проделан в южной стене. Последний широкий и высокий проем выводил, возможно, на какую-то площадку, с которой открывался, благодаря значительной высоте, вид на южные окрестности города. Третье помещение сообщалось с северным коридором и двумя относительно небольшими по длине (около 4,5 м) поперечными комнатками. Отсюда имеется

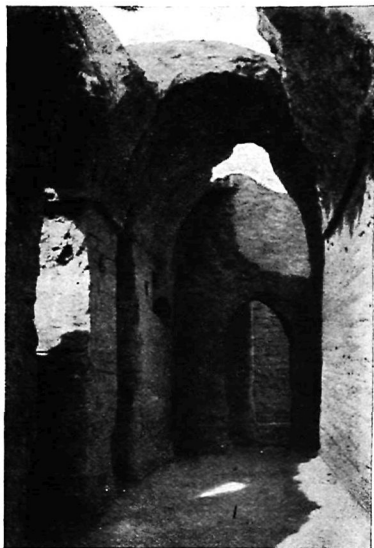

Рис. 42. Помещение в восточной части цитадели

проход еще в одно из двух расположенных рядом относительно небольших помещений, занимающих юго-западный угол. Восточное помещение имеет выход только в восточный коридор, замыкающий здание и сохранившийся только в своей южной части.

Таким образом, все здание состоит из комбинации очень узких помещений. Устройство узких и длинных помещений в сырцовом строительстве не является редкостью. Оно обеспечивает благодаря малому проему удобство возведения сводчатых перекрытий. Мы видим такую планировку во многих древних зданиях, подвергавшихся раскопкам, но обычно такие помещения устраиваются в сочетании с помещениями иного плана и иной конфигурации, с более сложными перекрытиями — сводчатыми или балочными. Единственный известный нам на территории Средней Азии пример соединения только узких помещений — это развалины замка Дивастича на горе Муг в Таджикистане⁴. В Варакше узкие комнаты цитадели можно сравнить с четырьмя узкими параллельными

⁴ А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг. — «Согдийский сборник», Л., 1934, план на стр. 25; с некоторыми дополнениями этот план воспроизведен в «Трудах Согдийско-Таджикской археологической экспедиции», т. I. — МИА, № 15, 1950, табл. 5.

помещениями Южной анфилады. Нельзя при этом не обратить внимания на то обстоятельство, что как в замке на горе Муг, так и в Южной анфиладе, сохранились только нижние этажи построек. Несомненно, и остатки рассматриваемого здания тоже представляют собой нижний этаж. Исходя из этого, можно предположить, что такая планировка была свойственна только нижним этажам подобного рода сооружений и что такие узкие и тесные помещения могли иметь служебное назначение: кладовых и, может быть, жилья для рабов и слуг или казарм для охраняющих замки гарнизонов. Впрочем, никаких следов второго этажа в данном случае мы обнаружить не могли. Возможны два предположения: или он не был построен и здание вообще не было закончено, или этот этаж был разрушен, может быть, умышленно.

Помещения имели сводчатые перекрытия из сырцового кирпича; конструкции сводов довольно обычны: на высоте 2 м от пола находились пять свода, несколько выступающие внутрь помещения. Нижняя часть свода образована шестью рядами, сложенными напуском верхних кирпичей над нижними, что должно было уменьшить величину перекрываемого пролета. На этих кирпичях был возведен собственно свод, сложенный наклонными отрезками⁵. Форма свода приближается к эллиптической. Свод выложен в один кирпич, толщина его равняется, следовательно, длине кирпича — 42—43 см. Общая высота свода над полом помещения различна: от 4 до 3,5 м. Кладка сводов описываемого здания отличается некоторыми особенностями. В качестве одной из них В. А. Нильсен отмечает пересечения сводчатых конструкций. Такие пересечения наблюдаются в крайнем западном помещении, где замки сводов поперечных коридорчиков несколько выше пят свода большого помещения⁶.

Вторая особенность состоит в том, что сложенные наклонными отрезками своды помещений близко к их середине как бы разрезаются арками из кирпичей, положенных плашмя. Эти арки вы-

ступают на несколько сантиметров внутрь помещений, пять их, образованные также напуском кирпича, на 30 см ниже пяти сводов. Роль этих арок в конструкции здания остается неясной. Наиболее вероятным В. А. Нильсен считает предположение, что арки являлись как бы шаблонами, построенными по кружалам и служившими затем для контроля за правильностью выкладки свода наклонными отрезками⁷.

Под пятью арками на высоте 2,5 м от пола также, как в Южной анфиладе и Красном зале, имеются гнезда от балок. Здесь вспомогательное назначение их при постройке особенно ясно: гнезда находились ниже замков арок дверных проемов, а следовательно, вставлявшиеся в них балки никоим образом не могли служить для устройства палат или антресолей, как предполагает С. П. Толстов, говоря об одной из усадеб в Беркут-Калинском оазисе⁸.

В раскопанном здании обнаружено восемь дверных проемов, соединявших внутренние помещения. Все они приблизительно одинаковы. Пролет их арки равняется 95—96 см. Арки арки, как и в сводах, несколько выступают из кладки (около 5 см). Свод образован внизу напуском пяти рядов сырцовых кирпичей, положенных плашмя. Этим кирпичам стесыванием придана кинчатая форма. Верх арки сложен из кирпичей, положенных плашмя по кривой в четыре ряда. Кривая арки приближается к эллиптической⁹.

Иначе построена арка проема в наружной южной стене (рис. 43). Она шире внутренних проемов: ее пролет достигает 1,1 м. Арка довольно сильно разрушена, но по восточной стороне, которая сохранилась несколько лучше, видно, что она сложена, начиная приблизительно с одной трети высоты проема, без перевязи со стеной из стесанных кинчатых кирпичей и только в замке арки кирпичи положены плашмя.

Следует упомянуть еще об оконных проемах, остатки которых сохранились в двух местах в южной стене. Они расположены на большой высоте под самыми сводами. Особенностью их является то, что боковые плоскости и особенно нижняя сильно скошены. Пром расширяется внутрь, снаружи же он представлял собой, по-видимому, узкую щель. Верхние части этих оконных проемов не сохранились, и об их завершении мы судить не можем. Назначение проемов ясно: они предназначались для доступа света и воздуха в помещения, может быть, являясь одновременно и дымовыми

⁵ Там же, стр. 58—59.

⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1947, стр. 145.

⁷ Подобные своды, выложенные кирпичом, положенным плашмя, но не всегда с выступающими пятнами и слабо выраженным напуском кирпича или совсем без него, мы известили в Ак-Тепе (В. А. Воронин и др.). Архитектура замка Ак-Тепе была типична по данным работ 1940 г. — Труды ИИА АН УССР, т. 1, 1948, стр. 154' е же. Древняя строительная техника Средней Азии, стр. 24), а также в здании, раскопанном в 1925 г. на городище Афрасиаб (В. А. Шишк. Из археологических работ на Афрасиабе. — ИУФАН, М. 12, стр. 66).

⁵ Такую форму свода, зафиксированную по многим памятникам, возведенных из сырцового кирпича, описывает В. А. Воронин («Древняя строительная техника Средней Азии» — «Архитектурные наследия», № 3, 1933, стр. 17). Прием напуска кирпича для уменьшения пролета широко практиковался как на древнем Востоке, так и в римской архитектуре (О. Шуази. История архитектуры, т. I, М., 1935, стр. 11; В. А. Воронин и др. Указ. соч.). Не менее широко распространено было возведение свода наклонными отрезками, не требующими кружал и опалубки, что особенно важно в безлесных районах. Примеры таких сводов нам известны в Древнем Египте, в Месопотамии и Иране, а также в Византии (О. Шуази и др. Указ. соч., т. I, стр. 11 и 82; т. II, 1937, стр. 8—9). В Средней Азии этот прием получал исключительное широкое распространение как в древних зданиях, возводившихся из сырцового кирпича, так и в более поздних, средневековых из жженого кирпича (работ Даяхатин и др.). Применение свода, сложенного наклонными отрезками из жженого кирпича, отмечено нами в таком относительно позднем памятнике, как мазар Ша-Абду-Малик в Ташкентской области (В. А. Шишк. Мазар Ша-Абду-Малик. — ИУФАН, Ташкент, 1940, № 8, стр. 57).

⁶ В. А. Нильсен. Указ. соч., стр. 57, рис. 10.

Рис. 43. Выход на южной стороне западной части цитадели

отверстиями для раскладывавшихся внутри костров. Бойницами ввиду очень высокого расположения их над полом они, конечно, служить не могли.

В углу северного помещения, от которого сохранилась только западная часть, обнаружен прямоугольный очаг с большим слоем золы, огражденный невысокой сырцовою стенкой. В очаге найдено несколько необожженных глиняных кругов (три целых и большое количество обломков) диаметром 34—36 см при толщине 9—10 см. На одной стороне каждого круга — несомненно, элемента архитектурного декора — изображена глубокой резьбой четырехлепестковая розетка (рис. 44). Такие же точно глиняные круги, стоявшие прислоненными один к другому, были найдены в небольшом помещении в северо-восточной части здания.

В северо-западном углу здания в сплошном массиве сырцовой кладки был вход на крышу или на второй этаж. Внизу он представлял собой лестницу со ступенями, сложенными из сырцового кирпича, вперевязь с массивом кладки, что свидетельствует об одновременной постройке ее вместе со

зданием. Выше ступени переходят в довольно крутой пандус. Они сильно стертые, что и не удивительно для такого мягкого и легко стирающего материала, как сырцовый кирпич. Для того, чтобы сырцовая лестница могла служить продолжительное время, ступени ее должны были иметь какое-то покрытие: деревянное или из жженных кирпичных плиток, даже в том случае, если она имела над собой какую-то кровлю, тем более, что, как предполагает В. А. Нильсен, лестница могла служить для входа наверх даже в то время, когда на площадке западной части цитадели существовало здание, предположительно мечеть. Надо учесть, что между постройкой сырцового здания и лестницы прошли столетия. Впрочем, вполне возможно, что эта лестница и продолжавший ее пандус были засыпаны и забиты землей и кусками сырца (такая забивка обнаружена при раскопках), а вход устроен где-то в другом месте.

В нашем описании здания мы еще не затронули его южной стены, имеющей некоторые особенности. Как уже упомянуто, внутренние сте-

Рис. 44. Архитектурное украшение из необожженной глины

ны постройки не имеют перевязи с этой стеной. Получается впечатление, что она была возведена несколько раньше самого здания с его перекрытиями, хотя составляет с ним единый архитектурный комплекс. Толщина внешней стены (рис. 45) достигает 1,24 м. Сложена она из того же материала и в той же технике, что и внутренние стены помещений. С южной стороны поверхность стены в верхней части вертикальна. Затем она делает небольшой уступ в виде ступеньки и идет вниз под значительным уклоном, с некоторой «приплюсностью», заканчиваясь небольшой ступенькой наружу, приблизительно на 4,45 м ниже уровня пола помещений. Покоится эта стена на постепенно нарастающих культурных слоях, состоящих из строительного мусора и прослоек разложившихся органических веществ. Ниже основания стилобата прослеживаются также остатки стен из сырцового кирпича и глинобитных. Над наслоениями, закрывшими постепенно нижнюю часть стены стилобата, была возведена другая стена, сильно разрушенная. Между этой стеной и наклонной поверхностью стилобата на высоту 3,6 м была сделана засыпка из комковатой земли. Над засыпкой — горизонтальная площадка, выложенная сырцовым кирпичом.

На площадке была вновь возведена стена, прилегающая вплотную к наклонной стене здания цитадели, из битого и целого сырцового кирпича. Наружная ее поверхность вертикальна, вследствие чего стена имеет внизу толщину 55 см, а сверху — 1,9 м. На оставшейся части площадки около 1 м шириной лежит завал из земли с кирпичами.

Таким образом, стена здания, возводившаяся, очевидно, как внешняя стена цитадели и города, не была последним фортификационным сооружением. Уже после того, как успел накопиться у ее подножия значительный слой культурных остатков, стена наращивалась и укреплялась снова и, видимо, в несколько приемов. В новых оборонительных

сооружениях, от которых уцелели незначительные остатки, были, вероятно, даже помещения. Полом этих помещений являлась упомянутая площадка, выстланная сырцовым кирпичом.

Позднее здание, которое мы назвали восточной частью цитадели, было тщательно забито глиной и сырцовым кирпичом, надо полагать, для возведения какой-то новой постройки. В качестве забивки была использован сырцовый кирпич, целый и в обломках, и комья земли; местами сложены большие массивы сырцовой кладки, доведенные до самых замков сводов. Очевидно, подготовке площадки для новой постройки уделялось большое внимание.

Была ли возведена эта постройка или нет, мы не знаем. От нее не сохранилось никаких следов. Слой земли над зданием, достигающий в западной части 1,3 м, образовался, по-видимому, в результате разрушения западной части цитадели.

Остановимся вкратце на собранном при раскопках небольшом археологическом материале.

На глиняном полу помещений местами были замечены тонкие прослойки зеленой земли — следы находившихся здесь двинков или просто соломы. Во втором с запада помещении обнаружен слой земли с костями домашних животных: крупного рогатого скота, овцы и курицы. Нередко встречалась грубая керамика в мелких фрагментах. Из интересных находок в культурном слое, датирующемся временем обитания здания, можно отметить две: фрагмент чаши с согдийской (еще не

Рис. 45. Раскопки на южной стороне цитадели

прочитанной) надписью и небольшую чашку с кольцевидной низко посаженной ручкой из плотной светло-серой с розовым оттенком глины, высотой 5,5 см и диаметром венчика 11,1 см. Оба эти предмета могут быть датированы VII в., хотя не исключается бытование их в несколько более позднее время. В том же помещении была найдена и монета, дающая вполне точную дату. Это медный фельс, битый в Бухаре в 151 (768) г.¹⁰ Это служит достаточно ясным указанием на то, что запустение здания и забивка его землей с закладкой отдельных мест сырцовым кирпичом происходили не раньше этой даты.

Время забивки здания и подготовки платформ хорошо датируется найденными в забивке осколками керамики и стекла. Наряду с кусками жженого кирпича в слоях забивки иногда под садами сводами встречались обломки типичной для X в. поливной и неполивной посуды, горлышки и донца стеклянных сосудов.

Несомненно, случайно в слоях забивки оказалась медная монета с изображением на одной стороне идущего вправо зверя с поднятым хвостом и стертой обратной стороной. Монеты этого типа точно не датированы. Однако вне всякого сомнения, они находились в обращении за несколько столетий до закладки описываемых помещений.

Сделана была попытка исследовать слои под полом помещений. Здесь пришлось ограничиться возможным минимумом, так как раскопки в узких помещениях под остатками сырцовых сводов не могли быть, естественно, широко развернуты. По средствам шурфов, вырытых в южной части двух не смежных помещений выяснено, что непосредственно под полом находятся остатки стены, являвшейся, по-видимому, древней стеной, ограждавшей с этой стороны город. Особенно важно отметить, что здесь мы снова встречаемся с уже знакомой нам кладкой приемом «кирпич вразбежку», что дает основание считать эту стену одновременной или близкой по времени западной части цитадели. Аналогичен с западной частью цитадели и использованный здесь сырцовый кирпич (37—33 × 24—25 × 9 см).

Гребень сохранившейся части стены отстоит от южной стены здания на 1,4 м. Промежуток, образовавшийся между этой стеной и построенной позднее стеной здания, был плотно забит кусками сырцового кирпича. С другой стороны стены — рыхлая послышная засыпка. Выяснено также, что стена, вскрытая под полом, не доходит до основания западной основной части цитадели, а поворачивает под прямым углом на север. Между углом стены и основанием цитадели обнаружены остатки небрежно сложенной временной стенки, всего в два кирпича толщиной. Возможно, что между зданием со стенами, сложенными «кирпичом вразбежку», и цитаделью существовал проход или ров, позднее уничтоженный.

¹⁰ В. Тизенгаузен. Монеты Восточного халифата СПб., 1873, № 802.

* * *

Раскопки цитадели (рис. 46) являются прекрасным дополнением к тому материалу, который дали исследования остатков дворцовых сооружений. Они позволяют проследить значительные изменения в истории строительства города. К первоначальному ядру — цитадели, возведенному не раньше конца V в. н. э., позднее пристроили большое здание, которое было заброшено не ранее 60-х годов VIII в. Представляется весьма возможным, что возведение этого здания относится к тому же периоду, когда было произведено капитальное восстановление дворцового комплекса и оформлены Восточный и Красный залы с их стеной росписью. Наконец, как и часть развалин дворцового здания, обе части цитадели были вновь использованы в последние периоды существования Варахи — в X—XI вв. н. э. В это время с какой-то целью были забиты глиной и сырцовым кирпичом помещения восточного здания цитадели, а наверху западной части вместо полностью разрушившегося старого здания с гофрированными стенами возведено новое, предположительно мечеть.

Едва ли можно сомневаться в том, что «дворцовое здание» и «цитадель» — названия в данном случае совершенно условные — составляли один бытовой комплекс. В какой мере они представляли собой единый ансамбль в архитектурном отношении, сказать трудно. Вернее всего, это были отдельные здания, так как небольшие раскопки между цитаделью и дворцом показали, что между ними оставалось незастроенное пространство в виде переулка. Надо полагать, что из этого переулка был выход наружу, за стены города, или арочный проем, подобный проему в поздней части цитадели. На мысль об этом наводят остатки обнаруженной здесь сильно разрушенной арки из сырцового кирпича. Несмотря на это, мы не можем рассматривать цитадель отдельно от дворца.

Еще В. В. Бартольд выяснил¹¹, что в жилище-замке князя или представителя землевладельческой аристократии, называвшееся «ках»¹² (чему соответствуют арабские термины «хиси», «хисар» или чаще «каск»), входило какое-то особое строение, называвшееся «кешк»¹³. Он основывался при этом на цитированном уже сообщении «Истории Наршахи» о том, что «бухар-хууд убит в кахе, в своем кешке»¹⁴. Приведя ряд других соображений, В. В. Бартольд склоняется к мысли, что кешк

¹¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Ташкент, 1927, стр. 34—36.

¹² Слово «ках» «История Наршахи» называет дворец в Варахе.

¹³ В бухарском таджикском произношении правилом «кушк». Это слово сохранилось до нашего времени в целом ряде названий селений: Кушки-Боло, Кушки-поля, Кушки-асия, Кушки-Сафид, Кушки-Расуль и др. В. В. Бартольд приводит также некоторые сведения о «кешках» — небольших укреплениях в горах Афганистана и в Мервском районе.

¹⁴ В. В. Бартольд (указ. соч., стр. 35) основывается на тексте, изданном Шефером в Париже («Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy»,

представлял собой какую-то башневидную постройку.

С этим предположением согласился С. П. Толстов, который видит в кешке «внутреннюю жилую башню укрепленной усадьбы», а самая усадьба, в таком случае, является кахом¹⁵. На территории оазисов в низовьях Аму-Дарьи сохранились многие такие кахи с кешками, развалины которых дошли до нас от V—VIII вв. С. П. Толстов сравнивает их с укрепленными жилищами различных, преимущественно горных, стран, где частью жилища является башня: на Северном Кавказе, в Сванетии, Афганистане, Тибете и у южных арабов¹⁶. Возникновение этого типа поселений, судя по материалам Хорезма, связывается с переходом «традиционной гегемонии города» в руки сельского земле-

владельца¹⁷. Полной аналогии с дворцом Варахши здесь нет. Этот дворец — не сельская усадьба, а владение его не только богатый землевладелец, но и правитель небольшого, но отдельного государства. Структура дворца в Варахше также отлична от сельских усадеб Хорезма. Но основа в конечном счете та же: теперь, в результате проведенных работ мы уже не сомневаемся, что возникновение дворца с огромной башней на южной стороне городка, которая напоминает башни хорезмийских сельских усадеб и донжоны западноевропейских рыцарских замков, связано с коренными переменами исторического порядка. Эти перемены в основном следует видеть в распаде общинного землевладения, связанного с рабовладением, и в развитии той системы производственных отношений, которую мы можем определить как феодальную. Политически это связывается с падением мощного государства Кушанов и образованием на территории Средней Азии множества мелких государств, сильнейшими из которых были Согд, Бухара и Хорезм.

Paris, 1892, p. 63). В переводе Н. С. Лыкошина (Наршахи. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин, под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897) и в каганском литографическом издании («История Наршахи», Каган, 1904), которым мы преимущественно пользуемся в нашей работе, этого выражения нет.

¹⁵ С. П. Толстов. Указ соч., стр. 151.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 153.

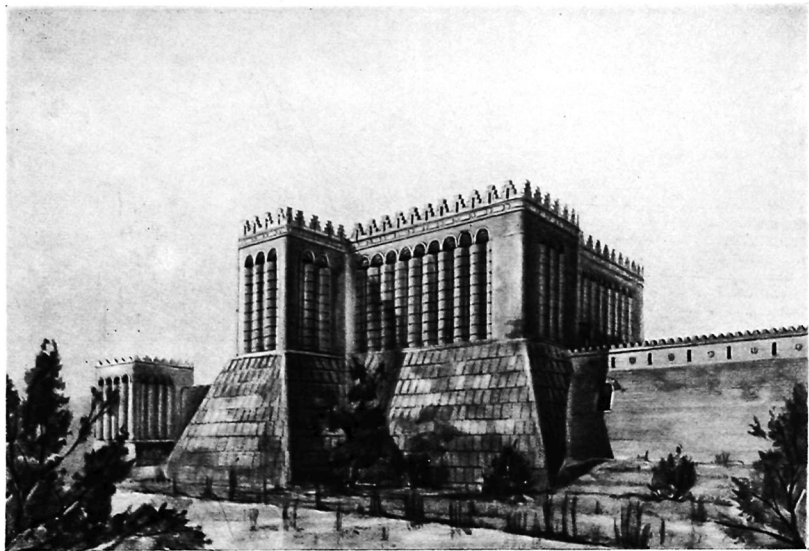

Рис. 46. Реконструкция общего вида цитадели (архитектор В. А. Нильсен)

ЖИЛИЩА ГОРОЖАН¹

С о слоями, которые могут характеризовать последние периоды жизни поселения на городище Варакша, мы встретились уже при описании раскопок айвана и на верхней площадке цитадели. В обоих случаях до нашего времени дошли настолько незначительные остатки существовавших там сооружений, датируемых X—XI вв., что характер их был выявлен недостаточно. Эти раскопки не решили задачи исследования верхних слоев, поставленной нами еще в самом начале работ.

В 1938 г. была сделана попытка раскопать на небольшой площади строения верхнего слоя. Раскопки производились в центре городища, в наиболее возвышенной его части. Площадка, выбранная для раскопа, представляла собой ровный участок, обильно засыпанный, как и все городище, осколками керамики и жженого кирпича. На поверхности лежало значительное количество шлаков, преимущественно керамических, оплавленные от огня куски жженого кирпича и фрагменты посуды, деформировавшейся в процессе обжига. Наряду с этим встречались шлаковидные тяжелые куски, сходные с крицами сыродутного железа, обнаруженными в 1936—1938 гг. в так называемом квартале металлостов Старого Термеза². Найдены также несколько кусков стекловидной массы, дающие возможность предполагать, что где-то на Варакше су-

ществовали и стеклодувные мастерские. Эти находки подавали надежду, что на выбранном для раскопок месте находились сооружения производственного назначения. Однако надежды не оправдались. Под небольшим поверхностным слоем земли с примесью песка были встречены фрагментарные остатки стены из сырца и пола из жженого кирпича. В одном месте раскопа обнаружена торчащая вертикально гончарная трубка, оказавшаяся частью обреза — канализационного сооружения для сливания грязной воды. Под первой трубой в этом сооружении оказалась вторая, также поставленная вертикально и упирившаяся в горшок с пробитым дном, лежавший в свою очередь на другом таком же горшке. Под вторым горшком на глубине 2,25 м от поверхности начинался пологощающий колодец, глубина которого осталась невыясненной.

Верхняя труба обреза обломана. Восстановив мысленно ее высоту и добавив к этому некоторые дополнительные части: кирпич с отверстием, устанавливавшийся над трубой, углубление в полу, где лежал этот кирпич, и самый пол, можно представить, что пол того здания, к которому относился обрис, должен был находиться значительно выше современной поверхности. Следовательно, весь слой с остатками позднейших построек исчез в этом месте совершенно. Он был развеван ветром.

В слое до 50 см глубиной найдено много обломков керамики, преимущественно неполивной. Вся она может быть датирована X в.

В следующем слое до 1 м глубины наслоения стали плотнее и тверже. Местами встречались комья глины, более рыхлые прослойки зеленоватого цвета — продукты гниения органических веществ, небольшие линзы золы с угольками. В этом слое встречены некоторые остатки построек. В середине раскопа обнаружен угол какого-то здания, образованный стенами, сложенными из сыродутого и жженого кирпича размерами 34×16×6 см и 35×25×5 см. Стена сохранилась на высоту всего двух рядов кладки.

Собранная в раскопе в обоих слоях керамика сходна и не дает возможности выделить разнообра-

¹ Исследование верхних слоев городища, заключающих в себе остатки жилых построек X—XI вв., проводил в 1938 г., а затем в 1951—1953 гг. С. К. Кабанов (см. «Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Варакша», — «Труды ИИА АН УзССР», вып. VIII, Ташкент, 1956).

² П. И. Князев. Разведочно-археологические работы в квартале металлостов древнего Термеза. — «Труды АН УзССР», серия I. «Термезская археологическая экспедиция», т. II, Ташкент, 1945, стр. 166—168. П. И. Князев видел один кусок такой крицы, найденный на Варакше в 1937 г., и сделал заключение, что он имеет точно такую же сфероидальную форму, как и крицы Термеза (там же, стр. 168).

менные комплексы. По-видимому, здания, основания которых были вскрыты во время раскопок, сменялись одно другим в течение относительно короткого времени.

Среди найденных образцов керамики (рис. 47) можно отметить небольшие плоскостонные горшки с широким венчиком, слегка отогнутым наружу. Черепок рыхлый, с примесью дресвы. Сделаны они на гончарном круге. Характерны фрагменты корчажи с замысловато профилированным венчиком, украшенным двумя валиками и выкружкой между ними снаружи, снабженными выступом на внутренней стороне, предназначенным для удержания крышки. Наружная поверхность ornamentирована прямыми и зигзагообразными линиями, сделанными с помощью гребенки. Тем же способом ornamentирован фрагмент большой плоской крышки. Мелкие сосуды представлены двумя крышками, нижней частью небольшого кувшина с плоским дном на трех ножках и бороздкой, проходящей по низу сосуда, непосредственно над переходом тулова в дно. Очень своеобразна верхняя часть банковидного сосуда с изогнутым профилем венчика, украшенного треугольными зубцами. Из крупных хозяйственных сосудов найдено несколько фрагментов венчиков хумов с валиками, на которых пальцем сделаны углубления, а также большие лохани — таторы. Вся эта керамика может быть датирована IX—X вв.

Исследования верхних слоев городища удалось продолжить только в 1950 г. На этот раз для раскопа была выбрана площадка на западной стороне городища, смежно с городской стеной.

Поверхность, на которой был намечен раскоп, заметно повышалась к остаткам городской стены и понижалась отлого в восточном направлении, к кольцевой ложине, окружавшей среднюю часть городища. Ложина в этом месте достигает наибольшей ширины и глубины. Поверхность земли была покрыта обломками жженого кирпича и фрагментами керамики, датруемыми в своей массе X—XI вв.

При раскопках выявлен ряд домов (рис. 48), пристроенных непосредственно к городской стене таким образом, что она являлась одновременно и стеной примыкавших к ней домов. Дома занимают полосу шириной от 12 до 14 м. С запада они ограничены улицей, проходившей параллельно городской стене, ширина которой в самом узком месте не больше 3 м. Восточнее также обнаружены остатки домов, но настолько плохо сохранившиеся, что составить представление об их планировке не представлялось возможным. В северном конце улицы расширяется как бы в небольшую площадь, но верхние слои развалин вьветрились настолько сильно, что остатки строений не сохранились.

Дома, как выяснилось, были построены на покатой поверхности, понижавшейся от стен к середине городища, поэтому полы помещений, улица и дома к востоку от улицы оказались не на одном уровне: они спускаются небольшими уступами к востоку.

Стены домов у западной части, где они находились под защитой толстой городской стены, сохранились до высоты 1,5 м, местами несколько больше. Восточнее их остатки резко понижаются, а около упомянутой улицы сходят почти на нет. Местами сохранились только следы стен в виде подкладок из жженого кирпича. В восточном и южном направлениях они полностью вьветрились.

Стены возведены из глины. Толщина их достигает 1 м. Под наружными и внутренними стенами повсюду сделаны подкладки в виде ряда жженого кирпича. Внешние края этих выстилок, сделанных весьма небрежно, выложены из более или менее целого кирпича и половинок, середина же их заполнена мелкими обломками, среди которых встречаются черепки крупных хумов. Кирпичи взяты из каких-то более старых построек. На некоторых из них сохранились остатки алебастрового раствора. Вторичное использование кирпичей особенно наглядно подтверждает, что, среди них встречаются плитки с орнаментально обработанным краем, составлявшие некогда части рельефных орнаментальных украшений значительно более богатых зданий. Упомянем, что рельеф выполнен с помощью пилы, следы которой очень ясно заметны, и путем стесывания на уже обожженном кирпиче.

Мы остановились на этих выстилках из жженого кирпича из-за своеобразия впервые встреченного нами строительного приема и потому, что вторично использованный кирпич (размеры его $24 \times 24 \times 3,4$ см и $22,3 \times 22,3 \times 4$ см) и резные плитки от декоративного убранства более старого здания позволяют установить время постройки домов. Весь использованный материал не может быть старше самого большого второй половины IX в., а учитывая, что здания, из которых они происходят, успели разрушиться ко времени постройки описываемых домов, сами эти дома могли быть возведены не раньше X в., скорее его второй половины.

Для этого строительства характерно также, что смежные дома имели общую разделяющую их стену. К ранее построенному дому соседний пристраивался без возведения особой стены. Это обстоятельство дает возможность установить последовательность постройки группы домов, примыкающих к городской стене.

Самый ранний из них — большой дом, второй с севера. Он занимает прямоугольную площадь, длина которой с севера на юг около 20 м, ширина 14 м. Вход в дом с улицы, на восточной стороне. Сразу за входом расположено небольшое квадратное помещение, из которого ведут две двери. Через дверь в южной стене можно пройти в большое помещение ($12,8 \times 5,5$ м), занимающее всю ширину дома. Впрочем, ряды жженных кирпичей на полу указывают на возможность того, что оно было разгорожено мелкими, быть может, каркасными стенами на три части.

В западном отсеке находились два очага, в среднем — остатки трубопровода, состоявшего из

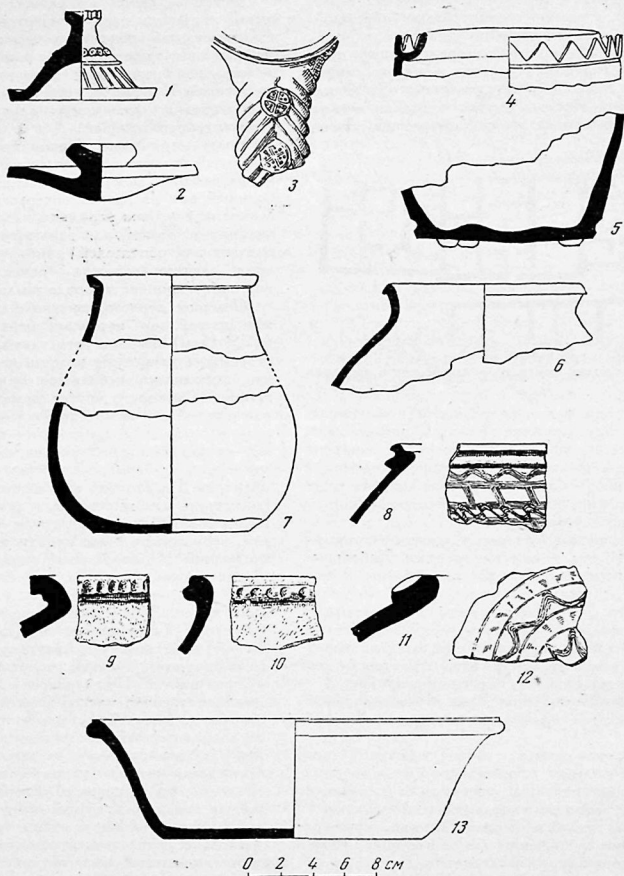

Рис. 47. Керамика из раскопок 1938 г. в середине городища

ной) очень узкое, подобное такому же узкому помещению в первом доме. Дверные проемы, соединявшие их с остальными помещениями дома, не были обнаружены.

Достаточно четко выраженных полов почти нигде найти не удалось, а там, где они были выявлены, поверхность их оказалась очень неровной. Местами в полах были заметны значительные просадки. Особенно ясно выражена осадка пола в большом помещении северной части дома. Причиной ее была находившаяся под полом большая яма, засыпанная рыхлой землей с углем и золой. В краях ямы были видны хумы, составлявшие части двух обрывов, один из которых находился прямо под стеной дома. Ко времени постройки дома они уже были заброшены.

На полу этого помещения лежал толстый (до 10 см) слой золы, а пол был обожжен до красного цвета. Это явные признаки происшедшего здесь пожара, после которого дом, по-видимому, не восстанавливался.

Перейдем к дому, пристроенному к первому из описанных с южной стороны. Он меньше второго дома. Его размеры: 12 м с запада на восток и 8,5 м с севера на юг. Размеры отдельных помещений в нем также меньше, чем в первых двух домах. Вход был устроен не прямо с улицы: юго-восточный угол дома занимает прямоугольное пространство, ограниченное стенами только с трех сторон. Со стороны улицы оно было открыто. Здесь, перед входом в дом, было что-то вроде открытого навеса. Вход находился в северо-западном углу навеса, в его северной стене. За входом открывалось узкое помещение в виде коридора, в восточном конце которого находилась дверь в замкнутое, почти квадратное помещение, занимавшее северо-восточный угол здания. Другой стороной, на западе, коридор выходил в длинное, во всю ширину дома, но не широкое помещение, в восточном конце которого находилась квадратная яма $1,2 \times 1,2$ м глубиной 30 см, облицованная с северной стороны кладкой из кусков жженого кирпича. Яма, несомненно, имела хозяйственное назначение. В противоположном конце обнаружены остатки танура — печи для выпечки лепешек. Танур сохранился на высоту до 20 см, его диаметр — 48 см. Дно выложено обломками жженого кирпича. Рядом с тануром подобие глиняного ящика. Стена, отделяющая это пространство от соседних помещений, не доходит больше чем на одну треть до северной стены, здесь она кончается обломом. По-видимому, эта стена и не перегородивала всего пространства дома; против танура на северной стороне оставался широкий проход на запад, а оттуда — в небольшое прямоугольное помещение, представлявшее собой, может быть, открытый дворик. Возможно, открытым сверху было и помещение с тануром. С южной и северной стороны от него находились очень маленькие помещения со входами с запада. В южном в пол был вделан большой хум, перевернутый вверх дном. Западную часть дома занимали два помещения размерами $2,7 \times 2,4$ м и $4,5 \times 1,87$ м.

Уровень пола в последнем из них выше, чем в помещении с тануром, на 10 см.

В некоторых помещениях этого дома найдены остатки настилов пола, тоже из обломков жженого кирпича. Местами, особенно в юго-западном помещении, заметны следы ремонта.

Четвертый дом, самый южный из раскопанной группы, был самым маленьким по занимаемой площади: ширина его с юга на север равнялась 8 м, длина с востока на запад не выяснена, так как восточная стена не сохранилась. Эта постройка была, по-видимому, менее капитальной, чем описанные ранее три дома.

В этом доме можно говорить об одном помещении, уцелевшем в северо-западном углу. В нем раскопаны остатки танура и вкопанного в землю хума. В юго-западном углу дома — мусорная яма и обр. Кое-где сохранились остатки вымостки из кусков битого кирпича.

К югу и юго-востоку от последнего дома поверхность городища несколько понижается, и стены домов верхнего слоя исчезли.

Отметим, что в домах около самой городской стены были замечены незначительные следы каких-то поздних переделок, относящихся уже ко времени угасания жизни в поселении, когда люди стали уходить с насиженного места и переселяться в пределы современного оазиса.

По другую сторону раскопанной улицы также сохранились остатки стен одного или нескольких домов — определить это трудно. Прослеживаются несколько больших помещений. Стены глинобитные, с прослойками битого кирпича под ними. Ясного плана жилищ здесь выяснить не удалось, так как стены сохранились очень плохо.

С некоторыми остатками жилых сооружений, синхронных описанным, мы встретились также в северо-западном углу городища, где была вскрыта башня древней стены города⁵.

Здесь обнаружены фрагменты глинобитных стен с такой же прослойкой подстилающего их битого кирпича. Сохранность зданий оказалась здесь несравненно худшей. Только в одном месте прослежены контуры помещения размерами $7,8 \times 2,5$ м, с двумя дверными проемами — в северной и южной стенах.

В другом месте, поодаль от угла городища, у северной стены, обнаружено сооружение неизвестного назначения: как бы круглый резервуар, обложенный поставленными на ребро по радиусам жжеными кирпичами и оштукатуренный алебастром. В двух местах севернее выявилась яма, выбитая в толще более старой сырцовой кладки (из сырцового кирпича $41 \times 25 \times 9$ см). В яму поставлен большой хум. В нижней части его сделано круглое отверстие, которое могло затыкаться пробкой. Весьма возможно, что эти сооружения

⁵ С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Вардахизн в 1953–1954 гг. — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 110, 123.

представляют собой остатки какого-то производства⁶.

Интересно отметить, что в незначительных остатках одного помещения обнаружена квадратная яма 46×46 см при глубине 44 см. Стенки ее обложены кусками жженого кирпича; в яме — зола, мелкие угли, обугленные стебли камыша. Не являлась ли эта яма прототипом той системы обогрева зимой, которая безраздельно господствовала в Средней Азии до недавнего времени и держится еще местами в наши дни? Заключается она в том, что в специальное квадратное углубление в полу насыпаются раскаленные угли, а на него ставится низкий столик — «сандали», который закрывается одеялом. Люди садятся вокруг, подсыхивая ноги под одеяло. Эта система обогрева при помощи сандала имеет, несомненно, давнюю традицию⁷.

Жилища X—XI вв. обильно снабжались водосточными канализационными сооружениями — обризами, которые, видимо, быстро приходили в негодность и заменялись новыми. Непременной частью обрiza являлся более или менее глубокий поглощающий колодец, прорезавший расположенные ниже слои. Это обстоятельство доставило нам немало трудностей при попытке исследовать здания, относящиеся к предшествующим периодам. Попытку эту мы сделали, продолжив раскоп у западной стены города в восточном направлении.

Оказалось, что на широкой полосе от северо-восточного угла раскопа к середине городища на постепенно, но довольно круто понижающейся поверхности не сохранилось остатков домов X—XI вв. Исключение составила обнаруженная в одном месте выкладка из битого кирпича, небольшой фрагмент настила пола из мелкого жженого кирпича и большое количество обривов (около 30), трубопроводов из глиняных труб — «кубуров» и какого-то ящика, сложенного из жженого кирпича $41 \times 41 \times 4$ см, скорей производственного, чем хозяйственного назначения.

Эти разбросанные и разрозненные детали позднейших зданий наглядно свидетельствуют, что и здесь существовали дома, но остатки их совершенно уничтожены песком и ветром.

Залегающие ниже на небольшой глубине здания оказались в плохой сохранности. Уцелели остатки стен высотой до 30 см. Только в двух небольших помещениях, расположенных ближе к восточному краю раскопа, стены уцелели почти полностью. Все оказалось сильно испорченным и перерезано ямами бесчисленных обривов.

Стены возводились из сырцового кирпича и из

глины. Сырцовый кирпич имеет различные размеры: самая западная из вскрытых стен сложена из мелкого кирпича ($34 \times 22 \times 7$ см), не встречающегося в других постройках; значительно более крупный кирпич-сырец использован для стены, проходящей в направлении с запада на восток в западной половине раскопа. По обмерам С. К. Кабанова, его размеры $42 \times 16 \times 8$ см и $47 \times 26 \times 8$ см. Различный материал, употребленный для постройки, указывает, по-видимому, на некоторую разновременность сооружений. Несмотря на то, что стены достаточно толсты (стена, перерезающая раскоп с юга на север в его середине, достигает толщин 1,1 м), здания не производят впечатления капитальных.

Нет достаточного материала и для датировки раскопанных фрагментов построек. Однако они находятся непосредственно под сохранившимися кое-где остатками зданий, которые можно уверенно отнести к X в. Следовательно, предполагать значительный разрыв во времени, по-видимому, нельзя. С другой стороны, между верхними и нижними постройками существуют значительные различия. Прежде всего отметим в последних использование другого строительного материала — сырцового кирпича крупных размеров — при полном отсутствии жженого кирпича, находки которого, преимущественно в обломках, типичны для верхнего слоя. Во-вторых, значительно изменилась ориентировка строений по странам света, очень строго выдержанная в верхних строениях и гораздо более небрежная в нижних. Не замечено в более ранних постройках устройств обривов; все они, насколько удалось установить, связаны именно с верхними слоями. Все это заставляет предположить, что в условиях жизни строителей домов успели произойти значительные изменения. В связи с этим можно допустить возможность некоторого перерыва в заселении исследованной территории. На этом вопросе мы остановимся ниже, в связи с общей историей города.

Раскопки группы городских домов X—XI вв. на городище Варакша — один из немногих примеров изучения жилищ горожан этого времени. Как до-революционная, так и советская археология Средней Азии уделяла мало внимания этому вопросу, важному для истории развития феодального города. Мы можем назвать совсем немного таких исследований, нашедших отражение в археологической литературе и пригодных в той или иной мере для сравнения с нашими варакшскими домами.

Наиболее близкими объектами по времени и по территории являются жилые дома, раскопанные Л. А. Зиминим в шахристане Пайкенда⁸. Как по-

⁶ С. К. Кабанов высказал предположение, надо сказать, малоубедительное, что это остатки винодельни. Резервуар слишком мал и вычерпывать из него виноградный сок неудобно.

⁷ В сельских районах мне приходилось неоднократно наблюдать более примитивный вариант. Вместо углей, которые приносились из очага во дворе, в углублении в полу просто раскладывался костер — «гуахан», а сандал ставился над углями после того, как костер погас.

⁸ Л. А. Зимин. Отчет о весенних раскопках в развалинах Старого Пайкенда — ПТКАК, год XIX, вып. 2, Ташкент, 1915, стр. 67—88; с его же. Отчет о летних раскопках в развалинах Старого Пайкенда — Там же, стр. 89—131. Л. А. Зимин принял первоначально раскопанное здание за развалины тюрьмы, о которой упоминают географы X в., но после продолжения работ отказался от этого предположения и пришел к правильному заключению, что эти здания являются остатками жилых домов горожан Пайкен-

левые работы, проведенные Зиминим, не имевшим соответствующей подготовки и навыков, так и его отчеты страдают существенными недостатками. Внимательное чтение приводит к убеждению, что исследователь имел дело не с одним слоем, не с одним этапом постройки, а с несколькими периодами, несколькими слоями, в чем он не смог разобратся.

Недостаточно умело составлен и приложенный к отчетам план раскопок, особенно южной части (раскопанной в весенний период), по которому трудно понять план здания. Северное здание было раскопано значительно тщательнее, и план его в общих чертах хорошо устанавливается, если не считать ряда промахов: не указаны некоторые дверные проемы, хотя о них и говорится в тексте⁹; в частности, осталось невыясненным место входа в дом с улицы, что очень сильно затрудняет и расшифровку плана в целом, и т. п. Все же в северной части раскопа было выявлено довольно большое жилое здание, состоящее из ряда помещений, соединяющихся одно с другим дверными проемами. Стены дома построены из сырцового кирпича, иногда глинобитные. Местами в кладке стен А. А. Зимин отмечает прокладки из жженого кирпича¹⁰. Очень тонкая стенка (5 вершков толщиной) в южном здании, рухнувшая от неосторожного движения рабочего¹¹, была, по всей вероятности, каркасной. В некоторых помещениях А. А. Зимин обнаружил остатки настила пола из жженого кирпича, а в одном из помещений плохо выявленного южного здания — целый пол из кирпичных плит $5\frac{3}{4} \times 4\frac{1}{2} \times 1$ вершков ($25,6 \times 20 \times 4,5$ см), «окаймленный полосой жженных кирпичей, поставленных на ребро»¹². На этом полу возведена, несомненно, более поздняя стена. В помещениях домов отмечено много колодезобразных ям и «печек», являющихся, вне всякого сомнения, хорошо знакомыми нам по раскопкам на Варакше обрзами (ташну), состоящими, как и там, из различного вида сосудов с пробитыми днищами и вставленными в них гончарных труб. Под несколькими такими «печками» Зимин заметил колодезобразные ямы, земля в которых «была какая-то зеленая»¹³. Именно такая зеленая земля находилась и во всех расчищенных нами обрзах¹⁴.

Пользуясь случаем исправить свою ошибку, допущенную в обзоре археологических работ, произведенных в Бухарском оазисе (В. А. Шишкин. Археологическое изучение Бухарского оазиса. — Сборник докладов на сессии АН УзССР», Ташкент, 1947, стр. 405), где было приведено только первое, ошибочное предположение А. А. Зимина и не указано, что он сам от него впоследствии отказался.

⁹ А. А. Зимин. Отчет о летних раскопках..., стр. 93, 105.

¹⁰ Не исключена возможность, что эти «прокладки» как раз и являются указанием на разные уровни полов и что они отмечают основания вновь возводившихся стен, подобно подготовкам из жженого кирпича в варакшских домах.

¹¹ А. А. Зимин. Отчет о летних раскопках..., стр. 106.

¹² Там же, стр. 109.

¹³ Там же, стр. 97, 103 и др.

¹⁴ Вызывает некоторые удивление дважды повторенное А. А. Зиминим «Отчет о весенних раскопках..., стр. 71;

Принцип построения плана дома, как уже сказано, остается неясным. Во-первых, мы не знаем, откуда был вход в дом. Вернее всего предположить, что он находился где-то около середины северной стороны, но это остается только нашей догадкой. Во-вторых, нет уверенности, что на план не нанесены затемняющие его поздние переделки, подобные той сырцовой стене, которая построена на кирпичном настиле пола в южной части раскопа.

Очень немного мы знаем и о домах времени домонгольского нашествия, которые раскапывались на Афрасиабе — древнем городище Самарканда. В. А. Вяткин в своей работе об этом городище ограничивается лишь общими указаниями, не описывая ни одной постройки¹⁵. Он сообщает, что «дома на Афрасиабе строились глинобитные [пахса], из сырцового кирпича и каркасные. Перекрытия в кирпичных и глинобитных постройках иногда делались сводчатые, из сырца. Стены в домах покрывались штукатуркой из глины с мелкой соломой, а иногда алебастровой». Были ли эти дома одностаяными или имели вторые этажи, остается невыясненным. Отмечается также, что признаков отделения женской половины дома от мужской не замечено¹⁶.

Сырцовые и глинобитные постройки X—XI вв. были раскопаны на Мунчак-тепе во время строительства Фархадской ГЭС в 1943—1944 гг.¹⁷ Обнаружен дом, построенный на развалинах древнего замка. Он был возведен на глинобитной платформе, достигающей толщины 1 м. Такие платформы под позднейшими зданиями, сложенными из сырцового кирпича, мы встречали и при раскопках на Варакше: в северо-западном углу городища и в его центральной части. Описание их будет дано ниже. Стены дома толщиной 1,2 м были глинобитными, причем нижний слой пахсы снабжен надрезами, придававшими стене вид сложенной из блоков. Были вскрыты три уровня пола, последовательно повышавшиеся на протяжении X—XII вв. Собственно о доме, его планировке и функциональном назначении отдельных помещений мы в опубликованном предварительном отчете сведений не находим.

Одна комната XII в. размерами 1,2×3,6 м была исследована И. А. Сухаревым в развалинах

«Отчет о летних раскопках...», стр. 93) утверждение, что «подобный же тип печей употреблялся туземцами Туркестана и в настоящее время для печения хлеба». Следует отметить, что распространенный по всей Средней Азии таунур (в северных районах его называют «тандыр») не имеет ничего общего с теми сооружениями, которые описывает Зимин.

¹⁵ В. А. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Самарканд, 1927, стр. 17.

¹⁶ Описанное мною сырцовое здание (В. А. Шишкин. Из археологических работ на Афрасиабе. — ВУЗДАН, Ташкент, 1940, № 12, стр. 63 и сл.), раскопанное в 1925 г., относится к более раннему времени, чем интересующее нас здесь.

¹⁷ В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. — КСИИМК, XIV, 1947, стр. 106—108.

древнего Термеза¹⁸. Выяснено, что стены комнаты были сложены из сырцового кирпича, покрыты саманной штукатуркой и выбелены известью. Пол и низенькая панель-бордюр узорно выложены жжеными кирпичами разной величины и формы.

В отличие от описанных остатков жилых домов, строившихся из сырца, пахсы и с каркасными стенками, дома XI—XII вв. на городище Хиш-тепе в Кулябской области, по данным таджикстанских археологов, строились преимущественно из жженого кирпича, хотя наряду с этим отмечаются и постройки из сырца в комбинации с жженым кирпичом или без него. Стены покрывались иногда алебастровой штукатуркой, полы выстилались фигурным кирпичом. Упоминаются и обриси с хумами, как в постройках Варахши X—XI вв. Небольшие размеры раскопок, результаты которых опубликованы, не дают возможности судить ни о величине, ни о планах жилых домов¹⁹.

Еще меньше мы знаем о городских жилых домах X—XII вв. на территории Хорезма. Описанная Н. Н. Вактурской комната на городище Шемаха-кала относится к более позднему времени (XIII—XIV вв., т. е. уже после монгольского завоевания) и значительно отличается от всех описанных выше хотя бы тем, что стены дома здесь сложены из плиток белого камня в технике, не свойственной другим районам равнинной части Средней Азии²⁰.

Принципиально отлична от домов Варахши по плану также и часть жилого дома на городище Старая Ниса, раскопанная С. А. Ершовым²¹.

Упомянем еще дома, располагавшиеся на шахрестане Краснореченского городища, отождествленного с городом Сарыгом, а также постройки XI—XII вв. в верхнем слое «средневекового кеша в тех же развалинах, и дома того же времени в Сукулук»²². Многие элементы роднят дома Семиречья с домами долины Зеравшана: фигурно выложенный пол из кирпича, кладка сырцовых стен по низкому кирпичному основанию, тануры (тандыры) и т. п. Наличие этих сходных элементов вполне естественно при тесных экономических и культурных связях, которые существовали между Согдом и Семиречьем. Но наряду с сходством имеются и глубокие различия между домами Варахши и теми, которые были раскопаны в Семи-

речье: последние построены менее компактно и сжато. Собственно жилые постройки в шахрестане краснореченских развалин занимают только незначительную часть усадьбы в ее северо-восточном углу²³, вся остальная территория представляет собой обширный двор, что сближает это сооружение скорее с сельскими усадьбами, чем с городским жилищем.

Да и в жилых постройках имеется такой чуждый строительству долины Зеравшана элемент, как кан, идущий вдоль стены одного из помещений.

Вот то немногое, что нам удалось найти в археологической литературе для характеристики среднеазиатского жилого городского дома²⁴. Материал, как видно из изложения, скуден, и четыре варахшских дома, расположенных у городской стены, вносят в изучение этого типа построек весьма существенный вклад.

Одна характерная черта является общей для всех жилых построек Средней Азии как рассматриваемого, так и последующего времени — замкнутость жилища. Впрочем, эта черта не только среднеазиатская: она прослеживается на всем так называемом мусульманском Востоке. Обычно распространение этого вида жилищ объясняется особенностями феодального строя средневекового Востока, неразвитостью в городах общественной жизни, влиянием ислама и затворничеством женщин и, наконец, тем, что богатый человек из опасений за свое богатство «избегает привлекать к своим владениям взоры к внешнему виду своего дома»²⁵. Возможно, что устойчивое бытование окруженного глухими стенами жилища объяснялось и стремлением обезопасить себя в ночное время, и санитарными условиями городов, требовавшими изоляции жилого участка от загрязненных и смрадных улиц. Однако все эти причины, способствовавшие сохранению традиционного типа дома, не решают проблемы его возникновения и распространения. Он известен нам в разных странах на протяжении долгого времени и переживает две социально-экономические формации. Мы находим его и в рабовладельческих обществах Древнего Востока: в Египте Среднего царства²⁶, в Мохенджо-Даро и Хараппе на Инде²⁷, в Передней Азии²⁸, и в античной Греции²⁹, в древних городах Северного При-

²³ Там же, табл. VII, 5.

²⁴ Мы не касаемся здесь сельских жилищ.

²⁵ В. ле Дюк. Беседы об архитектуре, т. I. М., 1937, стр. 151; см. также В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951, стр. 13.

²⁶ О. Шуази. История архитектуры, т. I. М., 1935, стр. 56; И. М. Лурье. История техники Древнего Египта.— «Очерки по истории техники Древнего Востока», М.—Л., 1940, стр. 174—176.

²⁷ Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 44—54.

²⁸ В. Б. Пиотровский, Н. Д. Флиттнер. История техники Древнего Двуречья.— «Очерки по истории техники Древнего Востока», стр. 66—68; Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, т. I. М.—Л., 1937, стр. 151—153, 173, 182—183.

²⁹ М. М. Максимова. Строительная техника.— Сб. «Эллинистическая техника», М.—Л., 1948, стр. 134; Е. И. Леви, А. Н. Карасев. Дома античных городов Се-

¹⁸ И. А. Сухарев. Комната XII в. на площади II примыдринской части городища Термеза.— «Труды УЗФАН», серия I, вып. 2, «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.», Ташкент, 1940, стр. 197 и сл.

¹⁹ Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хутталяского отряда на территории Кулябской области в 1953 г.— «Доклады АН ТаджССР», вып. II, 1954, стр. 40—46.

²⁰ Н. Н. Вактурская. О раскопках 1948 г. на средневековом городе Шемаха-кала Туркменской ССР.— ТХЭ, т. I. М., 1952, стр. 176.

²¹ С. А. Ершов. Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 г.— «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 127—129.

²² «Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. Под ред. А. Н. Бернштама». МИА, № 14, 1955, стр. 37—44, 97.

черноморья³⁰, в Риме³¹ и, наконец, в феодальных государствах Востока.

Та или иная степень развития городской общественной жизни и затворничество женщин не играют здесь существенной роли, так как в этом отношении в перечисленных странах имело место большое разнообразие: рабовладельческая демократия Афин, например, отличалась как раз исключительной оживленностью общественной жизнью, а положение греческой женщины, несмотря на существование в греческих домах деления на андрон и гинекейон и на лишение женщины прав участия в политической жизни, конечно, нисколько не походило на угнетенное состояние гаремной затворницы мусульманского Востока. Еще большей свободой пользовались женщины Италии.

Предположить подобно Виюлле ле Дюку, что распространение этого типа дома произошло в результате простого заимствования³², конечно, нельзя. Несомненно, этот тип жилища возникал у разных народов в разное время, так как отвечал предъявлявшимся требованиям. Вероятно, в значительной мере прав Витрувий, объясняющий архитектурную организацию дома преимущественно климатическими условиями: «Жилые здания будут иметь правильное расположение лишь в том случае, если с самого начала будет учтено с должным вниманием, в каких они создаются странах света и под какими небосклонами. В самом деле, очевидно, что неодинаково надо устраивать расположение разного рода жилых зданий для таких стран, как Египет или Испания, для таких, как Понт или Рим, точно так же как и для всех прочих земель и стран, в зависимости от их специфических особенностей».

«На севере,— продолжает Витрувий,— должны воздвигаться жилые здания с массивным „черепашьим“ покрытием, возможно больше замкнутые, без отверстий и обращенные в сторону теплых стран света. Напротив, под палящим нагревом солнца в южных странах строить следует жилые здания более открытыми и обращенными к северу и северо-востоку для смягчения подавляющего действия жара»³³.

перного Причерноморья.— «Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры», М.—Л., 1955, стр. 216.

³⁰ Е. И. Левин, А. Н. Карасев. Указ. соч., стр. 217—239 и план города Илулата в статье: В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. М., 1935; «Античные города Северного Причерноморья...», стр. 137.

³¹ В. ле Дюк. Указ. соч., т. I, стр. 137; О. Шуазин. Указ. соч., т. I, стр. 491—494 и др.

³² В. ле Дюк (указ. соч., стр. 160) считает, что римляне, передавая свои обычаи и строительные приемы другим народам, передали, особенно на Восток, и этот тип дома: «В иранских и арабских домах мы находим почти точный план римского дома, тогда как в Риме и повсюду в Италии воспоминание о нем давно исчезло». Здесь он упускает из виду, что подобные дома на Востоке появились на несколько тысячелетий раньше, чем в Риме и, уж если предполагать заимствование, то они скорее обратные: с Востока в Рим.

³³ Витрувий. Десять книг об архитектуре, кн. VI, гл. I, стр. 1—2.

Действительно, в странах с продолжительным жарким летом, с большим количеством безоблачных сухих дней в году, к каким принадлежит и Средняя Азия, люди стремятся большую часть своего времени проводить под открытым небом, а не в душных закрытых помещениях. Именно этим, в сочетании с общим бытовым укладом, свойственным как рабовладельческому, так и феодальному обществу, объясняется широкое и в пространстве и во времени, бытование жилищ с центральным двориком то без перекрытия, то с окружающими его галереями, подобно перестилью античного дома, то, наконец, с легкой крышей.

Если правильна наша догадка, что центральные помещения домов, открытых в Варахше, представляют собой открытые дворики, то мы можем видеть в них еще не вполне развитую форму дома, хорошо известного по Бухаре нашего времени. Этот традиционно сложившийся на протяжении многих веков бухарский дом, в отличие от более свободно компанующихся домов северных районов Узбекистана, включая Самарканд, отличается строгой традиционностью плана и основных элементов конструкции. В центре его обязательный прямоугольный двор, ориентированный по возможности с севера на юг по длинной оси. Его южную сторону всегда занимает самое просторное и высокое помещение, обращенное дверями и окнами в сторону двора. Это «хона-и-калон» («большая комната»). Она сделана богаче других помещений, украшена стеной росписью, резьбой по алебастру, резными потолочными балками. Это комната летнего местопребывания семьи³⁴. На противоположной стороне двора возводится другое, более низкое помещение, открытое на юг,— «хона-зимистони» («зимняя комната»). Восточная и западная стороны двора заняты, если это позволяет достаток владельца, добавочными помещениями—жилыми и хозяйственными. Во дворе, под навесом («айваном») или в специальных помещениях, помещается «танур» — печь для выпечки хлеба и очаг для приготовления пищи. Дома могут быть маленькими и бедными, с ограниченным количеством помещений, или богатыми и роскошными, но принцип плана и ориентировки основных помещений остается неукоснительно одним и тем же³⁵.

³⁴ См. у Витрувия (указ. соч., кн. VI, гл. IV, стр. 1): «Летние помещения ориентировать надо на север ввиду того, что эта сторона в период содействия не подвергается такому напалу от палящего жара в той степени, как остальные стороны».

³⁵ Мы не касаемся здесь других особенностей жилища: также весьма традиционных «передних» («дахлаз»), кладовых («мадон»), составляющих почти непрерывную принадлежность каждой «хона», подвальных этажей больших домов, надстроек («боло-хона») и галерей во вторых этажах и т. п. См. А. Писаревич. Жилой дом Бухары и Хивы.— «Архитектура СССР», 1937, № 1, стр. 40—43; Б. Н. Зайчик. Иран. Архитектура. Средней Азии. М., 1948, стр. 146—148; В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 129—133. (Отметим, что в последней работе в планах не показана ориентировка по странам света): В. А. Воронин и др. Народные традиции архитектуры Узбекистана. Стр. 19—21 и др. Размеры домов могут быть несомненно

Пути зарождения и развития этого типа домов в Средней Азии мы проследить не можем. Появился ли он только в IX—X вв. с дальнейшим развитием феодального города, с его скупенной застройкой, сжатой оборонительными внешними стенами, или развивался в городах предшествующего времени? На этот вопрос смогут ответить только развернутые археологические исследования городских территорий и жилищ рядовых горожан Среднеазиатского междуречья.

Раскопанная нами на городище Варахша небольшая группа жилых домов свидетельствует о большой скупенности застройки. Земельной площадью внутри городских стен явно дорожили. Дома примыкали непосредственно к городской стене, составляя с ней неразрывное целое³⁶. Жилища приставались одно к другому с использованием уже существующих стен. В этом можно видеть не только экономно строительных материалов и затраты труда, но и экономно места³⁷. Улицы, как показывает раскопанный переулочек между домами, были узки и пригодны в лучшем случае только для езды верхом и для вьючного транспорта. Впрочем, исключительной теснотой отличались до недавнего времени и улицы Бухары, где две арбы зачистую не могли разехаться и одна из них при встрече

должна была пятиться до ближайшего переулка³⁸.

Полагаю, что застройку небольшого участка, изучавшегося нами на городище, можно признать типичной для средневековой Варахши последних десятилетий ее существования. Конечно, весьма условно, мы можем сделать попытку рассчитать возможную численность населения города. Исходя из того, что вся площадь городища составляет около 9 га, что из этой площади надо исключить пространство, занимаемое двором и цитаделью, улицы и свободные площадки, застроенную домами часть города мы можем принять приблизительно равной 7 га. Средняя площадь одного домовладения (судя по четырем полностью раскопанным) достигает 160 кв. м. Таким образом, на городище могло поместиться свыше 300—400 домов. Раскопанные дома не производят впечатления большесемейных. Это жилища небольших семей, среднюю численность которых, как принято, мы можем считать в 5 человек. Следовательно, в пределах городской стены могли жить полторы-две тысячи человек или несколько меньше, если на городище существовали дома больших размеров. В расчет не входит население пригородов, которые должны были быть весьма значительными, но, как показали наши разведки, они настолько плохо сохранились, что определить даже приблизительно их территорию мы не смогли.

В свете небольших проведенных нами исследований верхних слоев городища, мы получили достаточно ясное подтверждение сообщений «Истории Наршахи» о Варахше, как о хорошо укрепленном большом торговом селении городского типа, с значительным для своего времени населением.

ма различны, в зависимости от классовой принадлежности и богатства владельца. Наряду с многоквартирными, иногда состоящими из двух или трех дворов с постройками, мы встречаем бедные маленькие дома, с одним двором, иногда с единственной маленькой комнатой (они всегда на южной стороне) и очагом под небольшим навесом. Богатые и зажиточные дома строятся на высоких цоколях из жженого кирпича с подвалами, с надстройками в верхнем этаже, но все это в отношении принципов планировки имеет скорее количественное значение.

³⁶ Это явление, общее также для многих городов древности, начиная с древнеегипетского Кахуна и античных городов Причерноморья.

³⁷ Общие стены смежных домов мы видим в Кахуне, Илурате и во многих других древних городах.

³⁸ Как рассказывали автору в Бухаре, в прежние времена там на арбах не ездили. Арбы оставались в караван-сараях перед воротами; движение же в самом городе было только верховым. Исключение допускалось для проезда женщин эмирского гарема и в некоторых особых случаях.

ДРЕВНЯЯ БАШНЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ВАРАХШИ¹

Мы уже упоминали, что в северо-западном углу городища была сделана попытка исследовать жилые дома верхнего слоя. Однако, верхний слой оказался здесь настолько разрушенным и развееванным, что ни одной хоть сколько-нибудь целой жилой усадьбы обнаружить не удалось. Значительно интереснее оказались результаты раскопок нижних горизонтов.

Вяснилось, прежде всего, что поздние постройки во многих местах воздвигались на платформе из сырцового кирпича. Платформа выкладывалась отдельными площадками — отрезками и имела разную толщину: от одного до пяти рядов сырцового кирпича, что вызвано было, надо полагать, необходимостью выравнивания и укрепления поверхности под возводившиеся постройки. Сырцовый кирпич, использованный для этой цели (формат 41—40 × 27—26 × 10 см) можно датировать досаманидским временем. Ниже платформы, на глубину приблизительно около 2 м, встречались фрагменты построек, сложенных из такого же кирпича, как и платформа. Раскопки сопровождалась находками скудного керамического материала, представленного лишь небольшими обломками.

На глубине около 2,4 м от поверхности обнаружен верх сохранившейся части древней угловой башни (рис. 49—51). Башня эта, в отличие от других сооружений на Варакше, описанных выше, сложена из квадратного крупного сырцового кирпича. Размеры его варьируют от 37 до 41 см при толщине 10 см. Формат кирпича и характер кладки позволили сразу же сравнить эту башню с остатками построек, встреченными при исследованиях

Баш-тепе и Аяк-тепе № 2. Было очевидно, что эта башня — остаток значительно более древнего сооружения, чем все изучавшиеся раньше.

В плане башня представляет собой полуовал, примкнувший к скошенному (точнее — закругленному) углу городской стены. Размеры внутреннего помещения башни: по продольной оси (с юго-востока на северо-запад) 4,5 м, поперечник — 4,95 м. Толщина стен 1,8—1,9 м, сохранились они на высоту 2,6 м. Вход в башню находился в ее юго-восточной стене, со стороны города. Стены прорезаны бойницами. Снаружи эти бойницы расположены в шахматном порядке, как бы в два яруса, изнутри они все находятся на одной высоте — приблизительно на уровне груди человека, стоящего на первоначальном полу внутреннего помещения башни. Отверстия для нижних бойниц сделаны с значительным уклоном вниз. Высота их внутри 38—40 см, снаружи — 75—80 см при ширине 20—22 см. Стены бойниц оштукатурены глиной. Их верх образован двумя наклонно поставленными сырцовыми кирпичами. Бойницы прорезаны не по радиусам, а с значительными иногда уклонами, с очевидной целью обеспечить лучший обстрел местности перед башней вдоль подступов к стене города.

По обе стороны от башни, в восточном и южном направлениях, вскрыты небольшие отрезки городских стен, сложенных из такого же сырцового кирпича. Толщина этих стен от 1,9 до 2,05 м. Так же как башня, стены были снабжены стреловидными бойницами.

Такого типа стреловидные бойницы обычны для древнего крепостного строительства Средней Азии и часто встречаются. Они известны в многочисленных памятниках Хорезма², в парфянской архитектуре на юге Туркмении³, наблюдали мы их и в Согде и в Бухарском оазисе. Широкое распро-

¹ Раскопки крепостных сооружений в северо-западном углу городища производил С. К. Кабанов. См.: С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варакша в 1953—1954 гг. — «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 123—153.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1947, стр. 90—91; В. Д. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. — «Архитектурное наследство», № 3, 1953, стр. 13, рис. 10.

³ Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости южного Туркменистана. — ВДИ, 1952, № 2, стр. 216.

странение этого типа бойниц прослеживается и по времени, начиная с древнейших крепостей, известных на территории Средней Азии, до раннего средневековья.

Раскопки внутри башни показали, что время ее использования можно разбить на два периода: первый, когда башня выполняла свое прямое назначение оборонительного сооружения, и второй — когда она была превращена в жилище.

Первоначальный пол находится на глубине около 3 м от сохранившегося верха стен. Он сильно

площадью 78×40 см. Стенки ямы обожжены. В следующий период бойницы были заложены, как и дверной проем в юго-восточной стене, находившийся около южного угла. Закладка проема была сделана, по-видимому, не сразу. Нижний слой ее, начинаясь от второго пола с очагами, сменяется довольно рыхлым земляным слоем. Выше проем заложено сырцовым кирпичом. Время, когда это было сделано, не выяснено. По предположению С. К. Кабанова, эту закладку произвели уже в период обитания башни людьми. В этом случае жилище могло

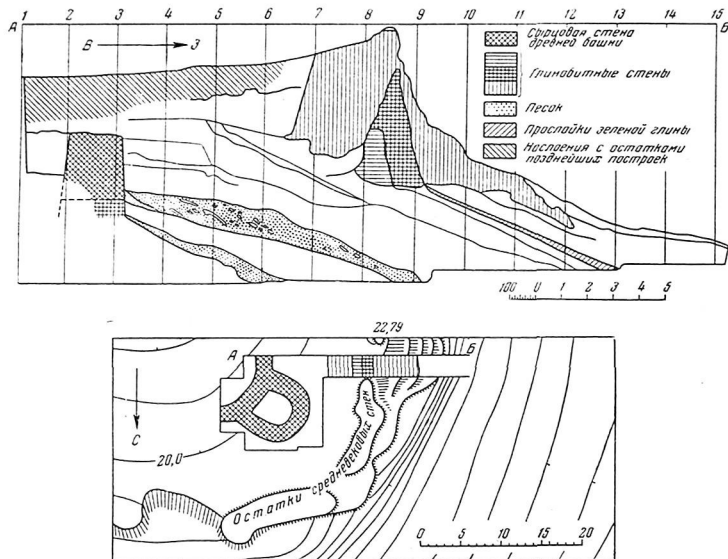

Рис. 49. План раскопок башни в северо-западном углу городища и разрез через раскоп с востока на запад

обожжен, корка прокалившейся земли достигает 6—7 см. После того как башня в результате, по-видимому, какой-то катастрофы была заброшена, над полом накопился слой земли, в котором встречаются редкие черепки глиняной посуды. Поверх этого слоя, на 1 м выше первоначального пола появился пол, относящийся ко второму периоду ее использования. Признаком того, что во втором периоде башня служила жилищем, являются два очага, из которых один сделан в стене башни в виде ниши (ширина 45, высота 41 и глубина 40 см). В ней много золы и угольков. Следы другого очага — у южного угла — выражены обожженным пятном пола, перед которым была сделана яма глубиной в 25 см и

иметь вход только откуда-то сверху, более чем с двухметровой высоты, что представляется маловероятным. Скорее можно допустить, что закладка проема выше второго пола относится к какой-то новой попытке использовать строение; возможно, для создания площадки для новой постройки, основанием которой могли служить сохранившиеся остатки башни. Косвенным подтверждением этого предположения может служить характер наслоений над вторым (жилым) полом: непосредственно на нем лежит слой рыхлой земли, накопившейся после того, как было оставлено жилище, над ним же залегает (до глубины 1,7 м) плотная забивка из комковатой земли.

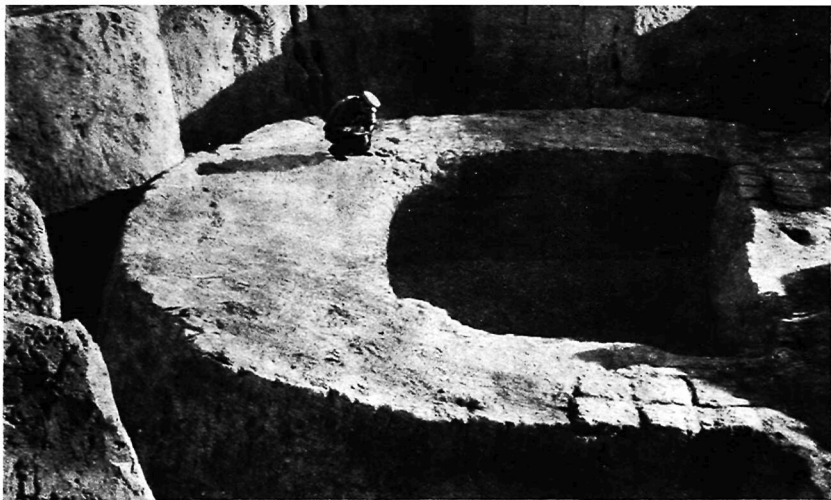

Рис. 50. Раскопки древней башни

Археологический материал, встреченный при раскопках башни, весьма скуден. В нижнем слое найден фрагмент чашки конической формы с вертикальными бортиками, хорошо обожженной и покрытой красным ангобом. Обломки таких же чашек встречены и в засыпке верхнего горизонта. Кроме того, там встречены небольшие черепки от сосудов в виде горшков или кувшинов, с красным или серым ангобом. Найдена часть чаши с профилированным утолщенным венчиком, по верхнему краю которого сделан желобок. На полу на уровне очагов лежали три раздавленных хума.

Керамический материал — остаток скудного инвентаря, вполне соответствующего бедному жилищу в развалинах башни, — не позволяет с достаточной точностью датировать находки. Однако сравнение их с другими, лучше датированными находками, в частности с материалом описываемого ниже раскопа в центре городища, дает возможность отнести этот инвентарь ко времени не позже первых веков нашей эры. К тому же времени, скорее всего к началу нашей эры, с возможными отклонениями в ту или иную сторону, относится и сама башня.

Разрушение крепости и использование остатков башни под жилье свидетельствуют о какой-то крупной катастрофе, постигшей Варахшу. От этой катастрофы селение не могло оправиться в течение длительного периода, продолжавшегося столетия,

так как облик построек и всей материальной культуры верхних слоев резко отличается от древних, в которых найдены остатки башни.

Судить о дальнейшей судьбе Варахши как укрепленного селения дает возможности большая траншея, проведенная нами от места раскопок башни в западном направлении и прорезавшая позднейшие наслоения, закрывшие остатки древней башни и стены (рис. 49 и 52). Наслоения эти весьма мощны и разнообразны по своему происхождению.

Еще в то время, когда башня и древние стены были целы, у их подножия накопился значительный слой песка. Песок мелкозернистый, эолового происхождения. Этот факт свидетельствует о том, что уже в то отдаленное время песчаная пустыня энергично наступала на район Варахши. Пронзойти, однако, это могло только в том случае, если находившиеся в этом районе другие весьма многочисленные селения с посевами и садами подверглись той же участи, что и Варахша: были разрушены и на долгое время покинуты жителями. Катастрофа представляется, таким образом, грандиозной, гибельно отразившейся не только на укреплениях Варахши, но и на окружающем ее обширном заселенном пространстве.

Местами слой песка проникает почти на 70 см под цоколь башни. С. К. Кабанов правильно объясняет это тем, что цоколь в нижней части

Рис. 51. Древняя башня (рисунок Г. Н. Никитина; подготовлен к печати В. Н. Кедриным)

подвергся значительным разрушениям. Вероятно, это было вызвано воздействием почвенной влаги, дождей и ветра, так как это происходит и в наше время с глинобитными дувалами, особенно интенсивное разрушение которых начинается обычно снизу.

Над песком залегает мощный (до 1,5 м) слой плотной земли — результат разрушения верхних частей стены и башни. Над ним снова накапливается песок, в отличие от чистого нижнего песчаного слоя перемешанный с кусками глины, падавшими постепенно сверху. Не описывая многочисленных слоев и прослоек, лежащих выше этого слоя, состоящих из плотной и рыхлой земли и соответствующих различным этапам длительного периода запустения и разрушения здания, отметим только несколько горизонтальных площадок, примыкающих к древней стене и указывающих, что люди здесь жили и пытались как-то приспособить развалины для своих целей.

Наступил, как показали раскопки, и такой этап, когда людям, жившим на территории селения, после того, как остатки древних крепостных сооружений уже были погребены под наслоениями земли, понадобилось поставить ограду в виде глинобитной стены. Возможно, что эта стена окружала селение со всех сторон. Она была тонкой (1,2 м внизу) и

едва ли могла служить достаточной защитой. Через некоторое время стена была усилена: с внешней стороны к ней пристроили более мощную, также глинобитную, стену, достигающую у основания толщины около 2,5 м (вместе с включенной в нее старой стеной) и до 5 м высоты. То, что первая стена достаточно продолжительное время существовала до ее утолщения, подтверждается сохранившимся на ее поверхности красноватым налетом — «пустынным загаром», характерным для старых глиняных стен и сырцовых построек.

Новая стена представляла собой уже солидное сооружение, которое могло играть значительную роль в случае необходимости обороны селения. За время существования этой стены с внутренней стороны ее накапливались небольшие толщи земли и строительного мусора.

В какой-то момент, означавший новый этап в жизни Варахши, старая глинобитная стена была включена в новую, более мощную, также глинобитную, стену. Новая стена имела огромную толщину, равнявшуюся у основания 9—10 м. Высота ее на 2 м превысила старую стену. На этот раз Варахша снова приобрела прочные укрепления.

Превращение плохо укрепленного селения в мощную крепость было связано, возможно, с постройкой дворца правителей Бухары — бухар-худа-

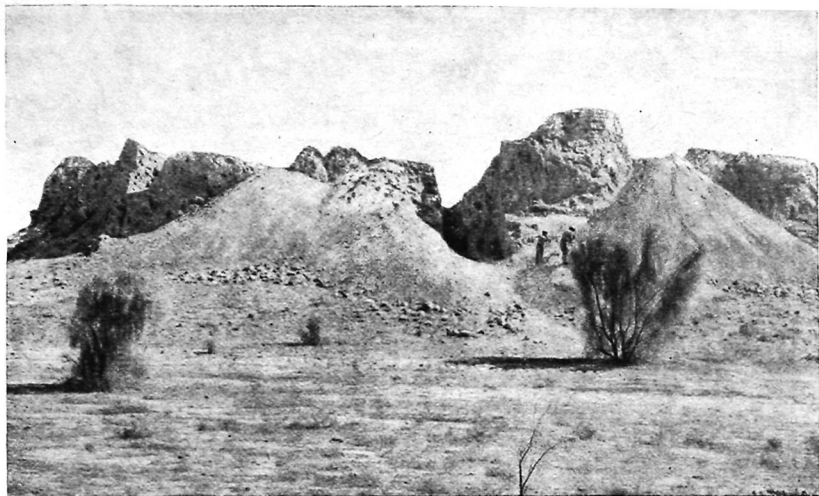

Рис. 52. Вид траншеи, прорезавшей стены городища с западной стороны

тов — и цитадели, когда Варахша сделалась одной из резиденций этих правителей. Такое предположение, несмотря на отсутствие в нашем распоряжении достаточных археологических данных для датировки стен, представляется вполне вероятным.

На территории города в это время производится усиленное строительство зданий из сырцового кирпича — прямоугольного, типичного для строительства в период раннего средневековья. Здания часто перестраивались, вследствие чего уровень земли постепенно повышался. Около городской стены эти наслоения достигли приблизительно толщины 3 м.

Найденный здесь археологический материал может быть датирован VI—VIII вв.

В верхних слоях над упомянутой выше платформой из сырцового кирпича залегал, как уже сказано, тонкий разветвленный слой построек X—XI вв.

История крепостных сооружений Варахши не заканчивается возведением описанной оборонительной стены. Позднее на ней, ближе к ее внешнему краю, была построена стена из сырцового кирпича, незначительные остатки которой сохранились вокруг городища. Эти стены, как показывают наблюдения за их останками на южной стороне, подвергались несколько раз капитальному ремонту; они усиливались пахсовой или сырцово-кладкой, увеличивавшей их толщину и, вероятно, высоту.

Можно сказать, что, начиная с раннего средневековья, с конца V или начала VI в., Варахша представляла собой хорошо укрепленное поселение сначала как резиденция бухар-худатов, а позднее, после арабского завоевания и падения этой династии, как важный экономический и стратегический пункт на западной стороне оазиса, на одном из важнейших путей, связывавших Бухару с Хорезмом.

РАСКОПКИ В ЦЕНТРЕ ГОРОДИЩА

Раскопки дворцового здания и цитадели и исследование части жилой застройки последних периодов существования города позволили разобраться в верхних культурных наслоениях. Исследование древней крепостной башни в северо-западном углу городища и наслоений городских укреплений приоткрыли некоторые черты истории древних периодов. Однако задача изучения стратиграфии накопившихся веками культурных толщ, образовавших огромный холм, господствующий над окружающей местностью, еще не могла считаться решенной.

Своеобразный рельеф городища с кольцевой впадиной, окружавшей центральную часть холма, заставляла, как уже сказано выше, предполагать, что в структуре и планировке поселения происходили какие-то весьма значительные изменения. Это сделалось более очевидным после раскопок цитадели, оказавшейся относительно поздним сооружением, возникшим уже в пору раннего средневековья.

Первая попытка исследования всей толщи культурных наслоений Варахши была сделана еще в 1938 г., в начале наших работ, когда в самом центре городища, на его наиболее возвышенной части, был заложен шурф, доведенный до материка¹.

Материковый слой без культурных остатков залагает в этом месте на весьма значительной глубине: от вершины холма до материка — 11 м. Археологический материал, добытый из шурфа, заключался исключительно в мелких осколках керамических изделий — хумов, кувшинов, горшков, чашек и т. п., по большей части грубой работы. В общем, керамические слои оказались мало пригодными для более или менее детальной, хотя бы относительной, датировки отдельных слоев.

В предлагаемом ниже описании шурфа мы предполагаем обнаруженные материалы по искусственным ярусам по 50 см каждый, а не по культурным горизонтам. Причиной этого являлась отчасти невозможность в тесном пространстве шурфа установить настоящие культурные наслоения, отчасти же гибель значительной части материалов (в частности чертежа, представлявшего собой развертку по стенкам шурфа) в пожаре, вследствие чего они не могли быть использованы. Кроме того, все верхние наслоения до глубины 5,5 м были нарушены большой ямой поглощающего колодца.

В первом ярусе, на глубине около 35 см встречены остатки настила пола из жженого кирпича (размеры 24—23 × 24—23 × 4—3,5 см). Настил, сделанный из битого кирпича, сохранился плохо, на небольшой площади. Ниже его уровня обнаружены крупные сосуды (рис. 53). Один из них специально изготовлен для устройства обрешетки. Он колоколообразный, с широким горлышком, как бы верхняя половина хума². Второй — перевернутый вверх дном горшок высотой 35 см. Дно его пробито. Это верхняя часть сложного канализационного сооружения, вскрытого при дальнейшем углублении шурфа.

Непосредственно над горшком в полу, выстланном жженым кирпичом, имелось небольшое углубление для сливания загрязненной воды. Под горшком находилась установленная вертикально Гончарная труба. С одной стороны, в этой трубе пробито отверстие, в которое сбоку наклонно вставлена другая труба — остаток трубопровода, подводящего сюда грязную воду из другого места. Дальше вода последовательно поступала в три горшка, также с пробитыми днищами, поставленные друг на друга. В верхний из них сбоку в пробитое отверстие входит еще один гончарный трубопровод, от которого сохранилось четыре звена

² Такого рода сосуд был обнаружен нами в раскопках на городище Старый Термез (см. В. А. Шниркин. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза. — Труды АН УзССР, серия I, «Термезская археологическая экспедиция», т. II, Ташкент, 1945, стр. 118 и рис. 23).

¹ Работа производилась под наблюдением А.-С. Какарова.

труб такого же вида, как указанная выше вертикальная труба. Нижний горшок стоял на прокладке из жженого кирпича, под которой находился большой хум высотой 1,08 м, перевешенный пробитым дном вверх. Наконец, под этим хумом был вырыт неправильной формы погашающий колодец глубиной (от хума) около 2,5 м. Стены колодца так же, как и внутренние поверхности сосудов, покрыты зеленоватым налетом, характерным для перепревших органических остатков. Такая же зеленоватая масса толстым слоем лежит на дне погашающего колодца.

Хум, использованный в этом сооружении, представляет собой крупный сосуд, у которого дно и нижние части стенок (до $\frac{1}{4}$ высоты) изготовлены на гончарном круге, выше хум вылеплен вручную, наращиванием лент. Форма его вазообразная: он расширяется плавной линией в верхней трети. Широкая низкая горловина украшена отогнутым наружу венчиком, орнаментированным по краю зубчаткой наклонных вдавлений. Черепок плотный, розовый, хорошего обжига. Наружная поверхность этого сосуда покрыта светлым зеленоватым ангобом, поверх которого на плечи хума была налита буро-коричневая краска, стекавшая полосками-потеками. На одной стороне острием по сырой еще глине вырезан какой-то знак, состоящий из четырех прямых линий.

Из сравнения с большим количеством сосудов, найденных как на Варахше, так и в других частях Средней Азии, описанный хум по форме и орнаментике можно достаточно определенно отнести к предрабскому или раннеарабскому времени.

Описанное сложное канализационное сооружение идет в глубину, как сказано, почти на 5,5 м. Поэтому те слои, которые мы вскрыли, в значительной мере нарушены, а керамические материалы сильно перепутаны, что позволяет дать только общее описание этой части раскопа.

Вверху над кирпичным полом лежит сухая рыхлая земля. Керамика этого слоя значительно отличается от той, которую мы встретили ниже, так как только здесь были обнаружены фрагменты полевой посуды — осколки трех чашек (рис. 54, 1, 2). Черепок этих чашек, желтоватый или розоватый, среднего качества в отношении выделки и обжига. На одном из них характерная зеленая глазурь с желто-коричневыми расплывчатыми пятнами с подглазурным выглавированным по ангобу орнаментом в виде диагональной сетки. Край чаши отогнут внутрь. Вторая чаша сохранила часть дна с плоским поддоном. Глазурь грязновато-белая, со спиральными завитками, нанесенными коричневой краской под глазурь. Между завитками — ярко-зеленые расплывчатые пятна. Небольшой фрагмент третьей чаши сходен со второй.

Неполиванная керамика этого слоя вполне согласуется с полевой. Здесь мы встречаем фрагменты кувшинов, тщательно сделанных на гончарном круге из хорошо вымешанной и обожженной светло-желтой или серой глины. Имеются фрагменты горлышек, украшенных бороздками и валиками, двой-

ных ручек из двух слепленных жгутов круглого сечения (рис. 54, 7, 8), плечики кувшинов с резко выраженным переходом от тулова к горлышку, плоские днища, обнаруживающие способ формовки

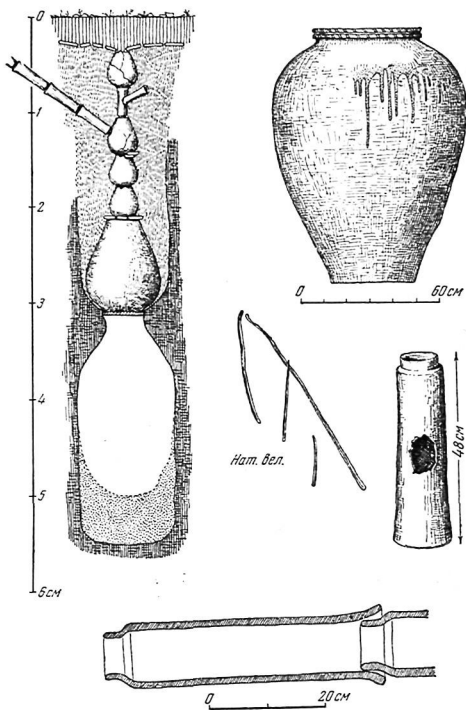

Рис. 53. Обрз из шурфа 1938 г. и его детали

посуды на гончарном круге с подсыпкой мелкого песка.

Характерны также конусообразные полые крышки с простым орнаментом, выдавленным палочкой, и с ручкой в виде рифленой пуговки. Осколки таких крышек (рис. 54, 4) встречаются в большом количестве на городище. Иногда они обильно украшаются сложным штампованным орнаментом.

Характер наслоений, фрагменты керамики, кирпичный пол и обрз с тремя сливами не оставляют никаких сомнений в том, что здесь мы встретили остатки жилого дома X или XI в.

Рис. 54. Керамика из шурфа 1938 г.

Ярус 2-й до глубины 1 м уже не дает поливной керамики, но многие найденные здесь фрагменты неполной посуды должны быть отнесены по форме и орнаментике ко времени не старше IX в. н. э. К таким фрагментам относятся, например, плоская круглая крышка с штампованным орнаментом в виде треугольников (рис. 54, 5), ручка, состоящая из двух витых жгутов (рис. 54, 8), фрагмент горшка, украшенного волнообразными линиями, нанесенными инструментом, напоминающим гребенку (рис. 54, 10) и др. Но наряду с этим встречаются формы, производящие впечатление более архаических, как, например, венчик хума без горлышка, с глубоким желобком, отделяющим венчик от тулова сосуда. Следовательно, здесь мы определенно встречаемся со смещением разновременных форм, что объясняется перепутанностью слоев.

Следующие четыре яруса (от 1 до 3 м глубины) уже не дают фрагментов той керамики, на описании которой мы останавливались выше. Здесь встречены в большом количестве осколки грубой посуды, главным образом хумов. Найденные венчики хумов описанного выше типа — с глубоким желобком, отделяющим венчик от тулова (рис. 54, 20, 21), имеются широкогорлые кувшины с бортиком, отогнутым наружу, различной формы горшки и чаши с бортиком, чаша с маленьким плоским дном и маленькой кольцеобразной ручкой, коническая кувшину, края прямые, несколько отогнутые внутрь (рис. 54, 17). В нижней части этого слоя встречены небольшие фрагменты посуды, покрытой красным ангобом.

Начиная со 2-го яруса, яма для обрза пробита в многочисленных напластованиях одна на другую кладках из сырового кирпича, которая особенно хорошо сохранилась в 3-м ярусе, где удалось выяснить размеры кирпича, варьирующие от $43 \times 25 \times 10$ см до $40 \times 40 \times 7,5$ см. Эти кладки продолжают и ниже, до 7-го яруса включительно. В 5-м ярусе вскрыты остатки очага, заполненного беловатой землей.

В 7-м ярусе сооружение обрза кончается. Характер керамических находок становится в значительной мере иным, хотя отдельные формы, встречавшиеся выше, мы находим и здесь, как, например, низкие венчики хумов с отогнутым наружу краем, с более или менее четко сформованным валиком, с круглым в сечении желобком непосредственно под ним. Очень характерны небольшие чаши с маленьким дном, прямыми конусообразно расширяющимися вверх стенками, с краями, отогнутыми резко вверх до вертикального положения. По внешней стороне отогнутых таким образом бортиков идут более или менее четко выраженные бороздки. Дно обрза при снятии сосуда с гончарного круга, иногда обработано ножом. Черепок светлый, желтоватый. Посуда не ангобирована. Кроме того, найдены осколки тагора — больших чаш грубой выработки, с небольшим плоским дном, обработанным с помощью ножа после формовки на гончарном круге, с раздельно профилированными бортиками (рис. 54, 25). Есть обломки светло-коричневых и

розоватых кувшинов с широкими горлышками и пластичными ручками, выгнутыми в виде желобка: высокая грубо сформованная ножка глиняного сосуда (рис. 54, 23), возможно, светильника.

Керамике присущи черты, характерные для начала нашей эры, но она очень грубая и на ней нет типичного красного ангоба с лощением.

В следующем — 8-м — ярусе идет очень плотный глинистый слой с зелеными прослойками от перепревших органических веществ. Находятся керамики здесь незначительные. Из них отметим два венчика хума, сходные по профилировке с описанными выше.

Ярус 9-й заполняет плотная земля зеленоватого цвета. Венчики хумов подобны встречающимся выше, с желобком под валиком, которым заканчивается венчик. Наряду с этим встречаются венчики с таким же желобком, но с уплощенным профилем. Новую разновидность хума дает венчик с валиком овального сечения, без желобка под ним (рис. 55, 27, 30).

В этом же слое найдены: фрагмент чаши, подобной описанной в 7-м ярусе, кусок от тагара — розоватый, рыхлый, слабого обжига, а также фрагменты мелких сосудов, покрытых красным ангобом.

В ярусах 10—12-м керамикой встречено сравнительно мало. Грунт здесь плотный с светло-зелеными и темно-серыми прослойками, встречаются линзы золы с угольками. В этих слоях найдены черепки, покрытые красным ангобом, толстые и грубые, и несколько фрагментов кувшинов с светло-серым черепком. Их довольно широкие горлышки украшены сверху по наружному краю округлым или треугольным валиком.

Ярус 13-й, прошедший через слой темной глины с тонкими зеленоватыми и красноватыми прослойками, дал нам образцы венчиков хумов с овальным валиком, фрагмент венчика широкогорлого сосуда — горшка или банки — неровного обжига с известковыми вкраплениями в черепке и грузик, сделанный из куска рыхлого светло-серого кирпича и горизонтальными и вертикальными отверстиями для продвигания шнура (рис. 55, 37).

Следующий ярус — 14-й — керамических остатков почти не дал. Грунт — плотная глина светлого зеленоватого цвета.

В ярусе 15-м сверху идет эта же зеленая земля, ниже — сырой очень плотный суглинок. Здесь найдены венчики хумов с уплощением краев в виде валика, черепки с лощением по красному ангобу и ошалаковавшийся кусок глиняной обмазки от какой-то печи, возможно, гончарной.

Ниже (ярусы 16—17-й) идет песчанистый слой со светлыми зеленоватыми прослойками глины. В раскопе собраны фрагменты небольших сосудов с красным ангобом и лощением. Найдены обломки хумов с уплощенным валиком-венчиком, относительно грубо сформованным. Интересен фрагмент большой банки с уплощенным венчиком и желобком под ним.

Значительный интерес представляют встреченные в этом и следующем ярусах фрагменты бокаль-

чиков конической формы на низеньком коническом же поддоне (рис. 55, 41, 42). Отметим еще горлышки небольших кувшинков с пластинчатой ручкой и края горшочков с профилировкой утолщением — валиком, отогнутым в наружную сторону, иногда с очерченным плавной линией желобком под ним, отграниченным снизу также небольшим валиком.

Особо следует отметить форму дна хумов с выпуклами вниз округлым дном (рис. 55, 55, 56).

Подобные же типы керамики дали нам следующие три яруса (18—20-й). Грунт, содержащийся в этих ярусах, сходен с тем, который встречался выше. Сначала шел песчанистый слой светло-зеленого оттенка с примесью золы и мелких угольков с лёссовидными, почти чистыми прослойками. Ниже — плотная светло-каштановая глина, земля с значительной примесью золы и угольков, внизу — чередующиеся прослойки земли темно-пепельного и светло-каштанового оттенков, очень плотные.

Типы керамики близки к тем, что найдены в ярусах 17-м и 18-м, но имеются и некоторые варианты. Здесь мы находим венчики хумов с валиком на наружной стороне. В одном случае валик отделяется от тулова двумя параллельными бороздками, в другом под ним идет желобок-выружка с добавочным валиком под ней, в третьем венчик снабжен добавочным валиком на внутренней стороне, сделанным, очевидно, для более удобной подгонки крышки к сосуду. Найдено два экземпляра выпуклых округлых днш хумов. Встреченные выше бокальчики в этих ярусах не найдены, зато обнаружено большое количество краев чаш (рис. 55, 66, 67) с вертикально стоящими разной ширины бортиками от 2,2 до 4,5 см шириной. Наряду с этим имеются края чаш с закругленными бортиками, слегка отогнутыми внутрь. Иногда эти чаши по краю украшены параллельными желобками. Чаши тщательно сделаны из хорошо промышенной, может быть, отмученной глиняной массы, хорошо ровно обожжены и покрыты красным ангобом различных оттенков.

Отметим еще многочисленные фрагменты горлышек кувшинков, наиболее характерным признаком которых является венчик, украшенный плавной выкружкой под валиком бортика (рис. 55, 68).

Посуда, найденная нами в 16—20-м ярусах, может быть сблизана с керамикой первых веков нашей эры, но, возможно, что наиболее древние образцы ее относятся к предшествующему времени.

Скудный материал дали два следующих яруса — 21-й и 22-й. Здесь в светло-серой, иногда зеленоватой глине с прослойками золы в сером песчанистом слое с ржавыми красноватыми прослойками и пятнами встречены только фрагменты крупных сосудов — хумов и горшков. Эти сосуды сделаны частично на гончарном круге; профилировка венчиков несколько упрощена: бортик утолщен в виде валика, в большей или меньшей степени отогнутого наружу. Черепок этих сосудов желтовато-кирпичные или розоватые, хорошего обжига, дна плоские, обнаруживают формовку на гончарном круге с

подсыпкой песка. Следует отметить еще встречающиеся в этих двух ярусах нередкие фрагменты грубой посуды — плоских круглых жаровен с невысокими бортиками (рис. 55, 65), горшков и котелков ручной лепки, сделанных без гончарного круга. Черепок у них с очень большой примесью дресвы.

Глубже этого слоя идет серый песок с ржавого цвета пятнами и прослойкой черного сыпучего песка. Внизу светло-коричневая очень влажная глина с большим количеством перегнивших растительных остатков, представляющая собой, несомненно, погребенную почву как будто бы болотного происхождения. Никаких культурных остатков в этом слое, пройденном на глубину 12 м ниже поверхности горизонта, нами обнаружено не было.

При малой, как уже сказано, площади раскопа и неизбежной при этом случайности и фрагментарности материала широких выводов сделать невозможно. Однако было установлено, что одиннадцатиметровая толща культурных наслоений в центральной части накапливалась на протяжении длительного времени существования поселения.

Верхние слои шурфа относятся к позднейшим периодам жизни Варахши и могут быть с полной уверенностью датированы X — началом XI в. Значительно менее определено выявлены слои, лежащие ниже. Часть керамики, найденной на глубине первых двух метров, несомненно, относится к IX и VIII вв., но она настолько измельчена и малохарактерна, что выделить какие-либо ясные ее типы оказалось весьма затруднительным. К несколько более раннему времени можно отнести фрагмент кружки с ручкой (VII—VIII вв.), форма которой может быть восстановлена полностью. Аналогии этим чашам-кружкам известны из ряда мест: из Пянджикента³, ташкентского Ак-тепе⁴, Мудинтепе⁵. Встречался этот тип сосудов и на Варахше. Сосуд был найден на глубине около 1,5 м. К этому же времени и к предшествующему VI в. можно отнести фрагменты керамики в 5—9 м ярусах (до глубины 6,5 м). Из восстанавливаемых форм здесь можно отметить только чаши с вертикальным, иногда отклоняющимся внутрь бортиком, покрытые серым или желтоватым ангобом.

Характер керамики ощутительно изменяется, начиная с 13-го яруса (ниже 6,5 м). Здесь встречается более тщательно сделанная посуда из хорошо промышенной глины, покрытая разных оттенков красным или коричневым ангобом, иногда с заощенной поверхностью. К ним относятся кубковидные чаши на низком поддоне, чаши с закругленным или круто поставленным вертикальным венчиком. Точных аналогий с надежно датированными предметами для первых из них мы не нашли. Относительно близкие формы чаш второ-

³ МИА, № 15, 1950, табл. 41.

⁴ А. И. Тереножкин, Холм Ак-Теппе близ Ташкента (раскопки 1940 года). — «Труды ИИА АН УССР», т. I, Ташкент, 1948, стр. 114, рис. 16.

⁵ С. К. Кабанов, Археологические разведки в верхней части долины Кашка-Дары. — «Труды ИИА АН УССР», вып. 7, 1955, стр. 94, рис. 11.

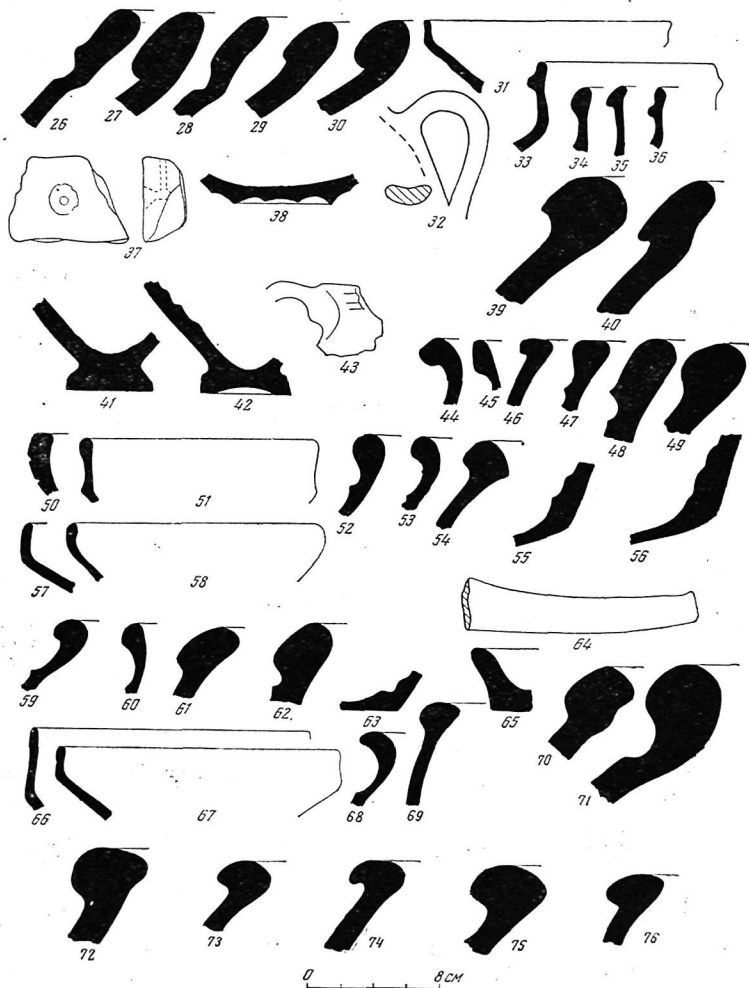

Рис. 55. Керамика из шурфа 1938 г.

го типа обнаружены в группе керамики без лощения в городищах Китаба⁶. С. К. Кабанов по сходству некоторых форм с керамикой Хауз-тепе датирует их III—V вв. Возможно сближение подолов чаш Варахши с одной из форм Кобадияна, отнесенных М. М. Дьяконовым к 5-му слою, который он условно датирует второй половиной III—серединой IV вв.⁷ Дата, предложенная М. М. Дьяконовым, нам кажется наиболее вероятной.

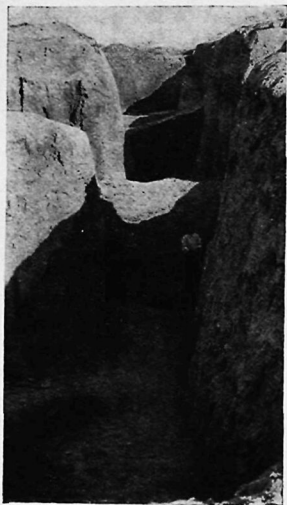

Рис. 56. Раскоп в центре городища (1953 г.)

Чаши из 18-го яруса можно уже с большей уверенностью отнести к кушанскому времени. Эта датировка подтверждается находкой в том же слое венчиков крупных сосудов-хумов, аналогичных по профилю таким же венчикам из Кобадияна III, датируемого I в. до н. э.—I в. н. э.⁸ Более ранними следует признать чаши 19-го и 20-го ярусов. Их можно сблизить с чашами из Катта-Курганского водохранилища, отнесенными Т. Н. Книпович к группе керамики, предшествующей по времени началу нашей эры⁹. Несомненно

сходство их с некоторыми типами чашек из Кобадияна II, определяемых концом II—началом I в. до н. э.¹⁰ Следует указать, однако, что чаша, сходная с найденной в нашем шурфе, была открыта на Мунчак-тепе, где она датируется более поздним временем: I—II вв. н. э.¹¹

Последние два яруса (21-й и 22-й) дали несколько фрагментов венчиков крупных сосудов. Отсутствие аналогий не позволяет с достаточной уверенностью датировать эти фрагменты и слой, в котором они были найдены. Эти венчики несколько отличаются от венчиков хумов, обнаруженных в предшествующих слоях, но преобладающая форма остается несомненной, и по времени они не должны отстоять далеко друг от друга. Таким образом, и последний из слоев шурфа может быть датирован II—I вв. до н. э.—I в. н. э.

В 1953—1954 гг. была предпринята новая попытка исследования центральной части городища. Для этого нами был начат раскоп (рис. 56), названный для удобства обозначения стратиграфическим¹².

Площадка для раскопа была выбрана на западном склоне центрального холма. Это была широкая полоса: 52 м длиной и 10 м шириной, разбитая на квадраты (по 4 кв. м). Вскрыть на требуемую глубину удалось не всю площадь. Мощная платформа из сырцового кирпича в восточной части раскопа заставила отказаться от углубления его в этой части.

В результате раскопок выяснилось, что низина вокруг центрального холма, по-видимому, никогда не застраивалась. В пяти западных рядах квадратов не было обнаружено построек, но зато имелись огромные завалы мусора, земли со следами сгнивших органических веществ, разложившегося жженого кирпича, осколками керамики и т. п. При этом завалы, как можно судить по характеру встречавшихся здесь предметов, образовались в основном в X—XI вв.

Центральная часть города представляла собой в то время, по крайней мере с западной стороны, холм высотой около 8 м с крутыми склонами, укрепленными опорными стенками, многократно возобновлявшимися и ремонтировавшимися. Снизу эти стенки глинобитные. Они возводились по мере повышения уровня холма в результате накопления культурных отложений. Сверху они неоднократно наращивались стенками из квадратного мелкого жженого кирпича, типичного для X в. Местами стены представляют собой комбинированные кладки из жженого кирпича и паласы. На верху холма с укрепленными таким образом обры-

⁶ С. К. Кабанов. Археологические разведки в верхней части долины Кашка-Дарьи.—«Труды ИИА АН УзССР», вып. 7, 1955, стр. 107—108, рис. 22, 23.

⁷ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирганги (Кобадиян) (1950—1951).—МИА, № 37, 1953, стр. 291, рис. 27.

⁸ Там же, стр. 287, рис. 22.

⁹ Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы хронологии среднеазиатской керамики домусульманского периода.—КСИИМК, XXVIII, стр. 76, рис. 17.

¹⁰ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 282—284, рис. 20.

¹¹ В. Ф. Гайдужевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе.—КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 81, рис. 206.

¹² Раскопки велись под наблюдением научных сотрудников М. Х. Урмановой (М. Х. Урманова. Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г.—«Труды ИИА АН УзССР», вып. VIII, 1956, стр. 127 и сл.) и Д. Г. Зиялбер (в 1954 г.).

вами возвышались постройки, по-видимому, жилые дома, от которых сохранились только жалкие остатки: местами выкладки из жженого кирпича, такого же, как и в опорных стенках, и типичные для X—XI вв. многочисленные обрызги.

Таким образом, собственно о культурных напластованиях можно говорить только относительно восточной части раскопа, разрезающей часть центрального холма. Для удобства описания и сравнения с наложениями, вскрытыми в других

ном направлении являются остатки выкладки из сырцового кирпича размерами $43 \times 43 \times 11$ см и $57 \times 37 \times 9$ см. На этом уровне найдены осколки керамики, сердоликовая бусина, куски жженных кирпичей и заостренная костяная палочка с четырьмя зубчиками, сходными с зубьями гребенки, на тупом конце (рис. 58). Подобные предметы находили в различных странах. Их считают то стилями для письма¹³, то проколами¹⁴, шпильками¹⁵ или фибулами для закрепления одежды на

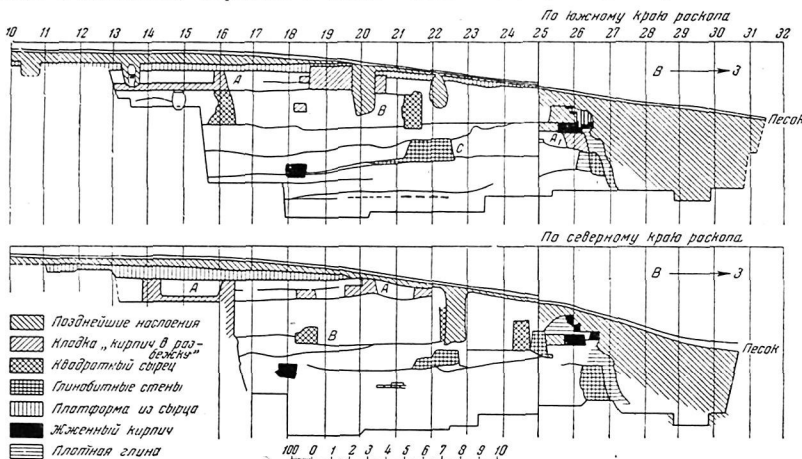

Рис. 57. Разрезы через раскоп в центре городища

частях городища, начнем с нижних слоев. Здесь сделаем оговорку: несмотря на большой объем земляных работ, нижние слои не были пройдены полностью. До материкового слоя мы не дошли. Но сравнивая глубину описываемого раскопа в его средней части с шурфом 1953 г. и учитывая уровень горизонта вокруг городища в настоящее время, можно считать, что материк отстоит от нижней точки раскопа приблизительно на 1 м.

Нижние наложения центрального холма в раскопанной части (рис. 57) не содержат следов каких-либо построек. Они представляют собой плотно слежавшуюся массу земли с значительными линзами обожженной красноватой земли с угольками, зольными прослойками и скоплениями перепревших органических веществ. Никакого материала, достаточно характерного для датировки, в этом нижнем слое не найдено.

На глубине около 9 м от условной отметки (соответствующей высшей точке центрального холма) в восточной части выявлена плотная глинистая площадка, продолжением которой в запад-

плече¹⁶. Принимая во внимание исключительно широкое распространение во времени и в пространстве подобных стержней, в частности украшенных изображением руки, нам кажется более вероятным считать их шпильками или заколками. Они имели распространение в Древней Месопотамии времен первой вавилонской династии и ранее¹⁷

¹³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1941, стр. 111, табл. 27, 1. М. Е. Массон называет стилем подобный жезл с изображением человеческой фигуры; среди таких «стилей» из Мерва есть один, найденный В. А. Жуковским, с изображением руки, сжатой в кулак (Л. И. Ремпель). Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении.— «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1953, стр. 185—186.

¹⁴ С. М. Вайдов. Раннесредневековое городище Сузак-Гылау (Мингечаур).— КСИИМК, 54, 1954, стр. 131, рис. 59.

¹⁵ A. Spycket. La coiffure féminine en Mesopotamie des origines à la première dynastie de Babylon.— Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale, vol. XLIX, № 3, p. 127.

¹⁶ E. Henshel-Simon. The «Toggle-Pins» in the Palestine Archaeological Museum.— QDAP, VI, 1938, p. 169—206 (цит. по работе: A. Spycket. Указ. соч.)

¹⁷ A. Spycket. Указ. соч.

Рис. 58. Костяная заколка

в Закавказье¹⁸, в Южной Туркмении¹⁹, в Хорезме²⁰, на территории Бактрии²¹ и Тохаристана и т. п.

При этом мы перечислили здесь случаи находок шпилек (будем их так называть) только с изображением руки. Привлекая подобные же предметы, но с другими изображениями и более простыми навершиями, мы должны расширить их распространение и на Причерноморье, и на античную Италию. Не считая очень ранних образцов таких шпилек из Месопотамии, все остальные известные нам находки (Хорезм, Беграм, Закавказье, Сурхан-Дарьинская область²²), наиболее близкие к варахской, относятся к рубежу нашей эры и к кушанскому времени, что в полной мере может относиться и к тому слою, в котором найдена варахская шпилька.

Следует особо отметить осколки жженого кирпича, не встречаемого обычно в таких ранних по времени слоях.

На 80—85 см выше описанной глиняной площадки, над наслоениями из плотной земли, органических остатков и золы, выявлена вторая площадка — один из уровней постепенного наращивания холма. На этом уровне также не сохранилось сколько-нибудь ясных следов построек. Только на 0,5 м выше встретились незначительные остатки кладки из сырового кирпича.

На уровне 6—6,5 м от условной отметки вскрыт слой, содержащий уже более определенные остатки сооружений в виде глинобитной стены, перерезавшей раскоп приблизительно с севера на юг, сохранившейся на высоту 1—1,3 м; толщина в верхней части до 2 м, а в нижней — 2,6 м. Примыкающая к основанию стены площадка несколько понижается в западном направлении. Здесь на расстоянии около 7 м от глинобитной стены обнаружены неправильной формы округлые кладки в виде столбов или тумб из обломков жженого кирпича со сторонами 30, 34 и 35 см при толщине от 2,5 до 4 см. Поперечники столбов равняются 80 см, высота их от 75 до 80 см. Между рядами кирпича — песок. В раскопе обнаружены три столба. Назначение их ввиду крайней фрагментарности остатков построек в этом слое

раскопа остается неясным. Предположению, что они являлись фундаментами столбов, поддерживающих какое-то перекрытие, как будто бы противоречит то обстоятельство, что они расположены не по прямой линии и на разных друг от друга расстояниях.

В описанных слоях раскопа встречено довольно большое количество керамики, но в мелких обломках, лишь в нескольких случаях дающих возможность восстановить формы сосудов.

Среди фрагментов посуды (рис. 59, 9—18) имеются тонкостенные, из хорошо приготовленной глины, с равномерно обожженным черепком. Сосуды покрыты ангобом различных оттенков: красного, кремowego и марганцево-коричневого цвета. На двух фрагментах обнаружено лощение: в одном случае сплошное, в другом — вертикальными полосами.

Среди немногих фрагментов, по которым можно судить о форме сосудов, имеются обломки кувшинов с высоким горлышком, оформленным валиком; иногда расширяющиеся кверху конусообразные горлышко имеет горизонтально отогнутый венчик. Наряду с кувшинами имеются банкообразные сосуды с разнообразно профилированными венчиками. Значительное количество фрагментов чашек: с овальноокруглыми стенками и тонким прямым венчиком; конические снизу, с вертикально поставленным бортиком; толстостенные с венчиком, несколько загибающимся внутрь. Дно чашек по большей части прямое, но у некоторых имеется маленький поддон.

Очень типичен найденный в фрагментах кубок на небольшой ножке, с прямо срезанным дном. Туловище кубка коническое, с перегибом стенок, подчеркнутым небольшим валиком и желобком и цилиндрической верхней частью. Как внутри, так и снаружи кубок покрыт розоватым ангобом. Эта находка дополняется несколькими фрагментами ножек кубков такого же типа, иногда с частью стенок.

Из более крупных сосудов были встречены хумы нескольких видов. Они без шеек, с округлыми венчиками, иногда в нижней части с вдавлениями, придающими им фестончатую форму. Наряду с ними встречаются широкогорлые «ямы». Два яма были найдены целыми. Высота одного из них 60 см, диаметр дна 30 и венчика 40 см; другой имеет высоту 76 см, диаметр дна 25 см, венчика — 45 см; дно несколько закругленное. Оба сосуда покрыты красным ангобом.

Кроме посуды, сделанной на гончарном круге, обнаружено несколько фрагментов сосудов, вылепленных вручную из глины с большой примесью шамота, с прямыми венчиками и слегка закругленными донцами.

Вся обнаруженная в этой части раскопа керамика соответствует той, которая была извлечена из нижних слоев шурфа 1938 г., керамике раскопок на Баш-тепе и подземной керамике из западной группы теппе — к западу от Варахши. Кубок

¹⁸ С. М. Вандов. Указ. соч.; Б. Н. Аракелян. Раскопки крепости Гарни. — ВДИ, 1951, № 4, стр. 112, рис. 9.

¹⁹ Л. И. Ремпель. Указ. соч.

²⁰ С. П. Тоство. Указ. соч.

²¹ R. Chirshat. Bagram. — MDFA, XII, Caïre, 1946, p. XXXVII.

²² На городище Хайрабад-теппе в Ангорском районе (результаты работ не опубликованы).

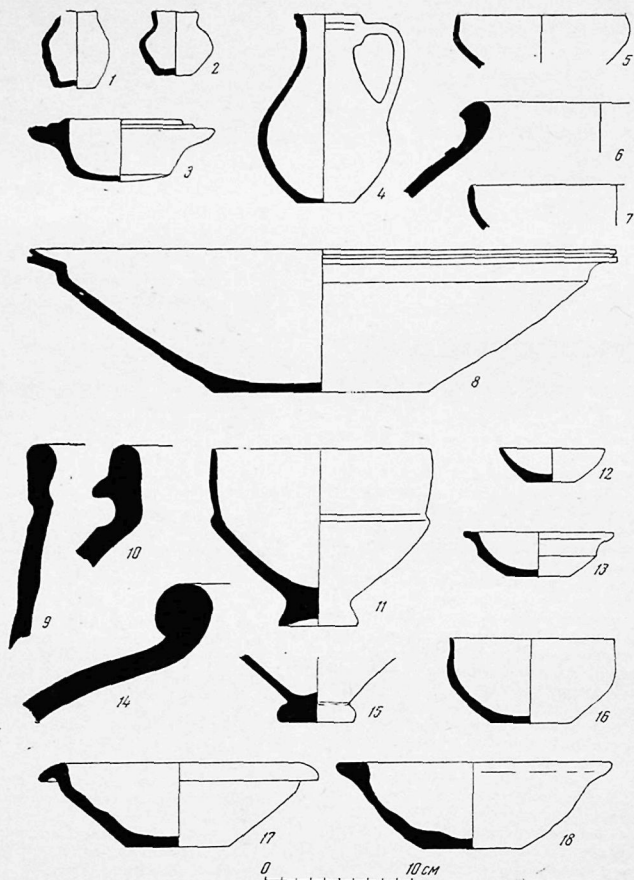

Рис. 59. Керамика из раскопа в центре городища (нижние слои)

Рис. 60. Статуэтка из раскопа в центре городища

имеет близкую аналогию в инвентаре Кую-Мазарского могильника, раскопанного О. В. Обельченко, на западной стороне Бухарского оазиса²³. Большое количество сравнительного материала, помогающего датировать эту керамику, имеется и в других памятниках Средней Азии. Следовательно, нижние слои в центральном раскопе относятся к началу нашей эры с некоторыми отклонениями в ту или другую сторону. Вероятно, эти слои относятся к тому же времени, что и башня, остатки которой описаны выше.

Наслоения на уровне глинобитной стены, как и перекрывающие ее слои, разнообразны по составу и плотности. Здесь есть и линзы зеленоватой земли, и плотные завалы из кусков глины и сырцового кирпича.

Следующий слой, в котором сохранились остатки построек, находился на 5 м ниже условной отметки (или на 1,5 м выше основания глинобитной стены). Здесь обнаружена часть здания, стены которого были сложены из крупного сырцового квадратного кирпича размерами от 38 до 41 см при толщине 9—10 см или продолговатого (44—46×36—38×9—10 см).

По размерам эти кирпичи близки к использованным при постройке башни. Однако они сформованы небрежно, а сама стена резко отличается характером кладки. Кирпичи положены на толстый слой глиняного раствора, значительные промежутки между ними заполнены глиной. В сущности, это одна из разновидностей комбинированной кладки из глины и сырцового кирпича.

В раскопе оказались части трех довольно значительных по размерам помещений, стены которых сохранились на высоту до 2 м.

В плотных наслоениях, заполнявших помещения и похожих на преднамеренную забивку, было собрано много фрагментов глиняной посуды и некоторые другие предметы (рис. 59, 1—8).

Форма отдельных сосудов восстанавливается по фрагментам полностью. Это неглубокие чаши со слегка вогнутыми внутрь стенками, покрытые темно-коричневым ангобом, кувшинчики со слабо выраженными носиками-сливами и пластинчатой ручкой, прикрепленной одним кондом к венчику, а другим к тулову сосуда. Весьма своеобразен небольшой сосуд-чашечка со сложно профилированным бортиком, расширяющимся наружу. Восстановлена также форма большой чаши — тагора с плоским дном, коническим корпусом и профилированным бортиком, отогнутым наружу, по верхней части которого процарапана волнообразная линия. Диаметр чаши в верхней части равен 40 см. Внутри она покрыта светлым ангобом.

Посуда, вылепленная вручную, без применения гончарного круга, представлена двумя миниатюрными сосудами, один из которых имеет форму горшочка, другой — яйцевидной банки. Высота этих сосудов 4,5 и 5,5 см. Оба покрыты ангобом.

Как и в других раскопах, здесь было найдено значительное количество фрагментов хумов с округлым дном. Встречены также так называемые подставки под котлы.

Керамический материал имеет аналогию с сосудами II—IV вв. н. э. из Сурхан-Дарьинской области и Каршинского оазиса. Именно этим временем, вернее кондом его, — III—IV вв. н. э. можно датировать и описываемый слой. В одном из помещений были найдены лежавшие рядом две монеты, из числа тех, которые особенно часто встречаются на Варахше и среди находок, собранных на поверхности; насчитываются многими десятками. Первая из них — медная, вогнутая, диаметром 1,5—1,7 см, с изображением бюста царя на выпуклой стороне и стилизованного жертвенника на обороте. Вторая плоская; на одной стороне изображен верблюд, идущий правую, на другой — ступенчатый жертвенник и на нем пламя. Обе эти монеты, которые следует признать местными, бухарскими, описаны выше в связи с находками их в раскопках дворцового здания.

Неподалеку от монет была найдена терракотовая голова лошади, грубой ручной лепки. Значительно интереснее оказалась найденная в этом же слое на полу одного из помещений терракотовая статуэтка женщины, изготовленная в форме (рис. 60). Лицо, да и вся фигурка, выполнены грубо. Волосы над лбом и пряди, спускающиеся по обе стороны щек, переданы в виде валика, брови сходятся у переносицы; большой прямой нос. Глаза изображены выпуклыми линиями, обозначающими веки. Рот небольшой, подбородок массивный, выступающий вперед. Торс не совсем ясен: в верхней его части ожерелье или воротник с четырьмя крупными подвесками, спускающимися на грудь. Также невыразительно изображена и нижняя часть, трактованная как будто бы мягки-

²³ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. — «Труды ИИА АН УССР», вып. VIII, 1956, стр. 205 и сл.

ми ниспадающими складками одежды. Полусогнутая левая рука положена на живот, правая, также полусогнутая, — на груди. При формовке статуэтки комок глины был взят больший, чем мог поместиться в форме, поэтому со всех сторон получились закраины, расширяющиеся подобно нимбу вокруг головы. В этом нимбе сделано несколько сквозных отверстий.

Этот тип статуэток, дающий, несомненно, иконографически определенный образ, не известен нам ни по публикациям, ни по музейным собраниям. Очень напоминает эту находку терракотовая статуэтка, найденная на поверхности в ближайших окрестностях Варахши (рис. 61). У этой статуэтки, сделанной значительно тщательнее, вокруг головы также имеется нимб со сквозными отверстиями. В правой руке женщина держит на высоте груди шарообразный предмет, по-видимому, плод какого-то дерева. Что-то не совсем понятное изображено и в левой руке, на уровне живота. Обе статуэтки изображают, по всей вероятности, женское божество, может быть, один из вариантов Анахиты — богини вод и плодородия.

Пространство между стенами было заполнено сплошной твердой массой земли с кусками сырового кирпича, иногда с линзами мусора, костями и т. п., что производит впечатление преднамеренной забивки для постройки сверху нового здания.

На площадке, образованной этой забивкой, на глубине 2,5–2,7 м от условной отметки обнаружены остатки еще одного здания. Оно возведено из сырового кирпича 42×26×9 см. Стены его сложены знакомой нам по раскопкам дворцового здания и цитадели кладкой «кирпич вразбежку», с толстыми глиняными швами и большими промежутками между кирпичами, заполнявшимися глиной при накладке очередного постельного шва. Как уже указывалось, этот тип кладки стены настолько характерен и так отличается от других приемов строительства на Варахше, что дает возможность установить в различных раскопах синхронные сооружения, воздвигавшиеся в один и тот же период жизни города.

Стены здания, сложенные «вразбежку», в той его части, которая попала в наш раскоп, ограничивают три помещения и часть четвертого (рис. 62). Толщина их около 90 см. В середине находится большое помещение, представляющее в плане неправильный четырехугольник размерами приблизительно 7×5,5 м. Большую часть помещения занимает возвышение — суфа, идущая вдоль всех стен. В середине, ближе к северо-западному углу, имеется неправильное по форме четырехугольное пространство, не занятое суфой. Ровный пол покрыт тонким слоем песка. Посередине этого пространства — прямоугольное возвышение. Высота его 20 см, стороны 75 и 95 см. По краям, судя по остаткам, оно ограничивалось бортиком, поверхность обожжена.

М. Х. Урманова, производившая раскопки, высказала предположение, что возвышение служило

Рис. 61. Статуэтка, найденная в окрестностях городища

алтарем, на котором зажигался культовый огонь. Допуская возможность такого использования возвышения, считаю в то же время, что данных для окончательного решения этого вопроса недостаточно. Напомним, что суфы и разного рода возвышения наблюдались нами и во многих других местах, где также в порядке рабочей гипотезы можно предположить такого же рода жертвенники: в Красном зале и в тех фрагментарно сохранившихся остатках зданий, которые были вскрыты в раскопе на северной стороне дворцового здания. Возможно, что огонь, раскладывавшийся в виде костра на прямоугольном возвышении, имел и практическое назначение — служил для обогревания помещения, сохраняя в то же время и какой-то традиционный смысл, связанный с культовыми представлениями. Можно предположить, что помещения, подобные этому, как и позднейшие «алов-хана» горной части Таджикистана, служили местом вечерних бесед и трапез у веселого костра, излучавшего свет и тепло. Возвышениям для огня могло в этом случае соответствовать «чалак» у этих «алов-хана»²⁴.

²⁴ М. С. Андреев. По этнографии таджиков. — Сб. «Таджикстан». Ташкент, 1925, стр. 163–165; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахьо-боло. М.—Л., 1936, стр. 116–119. Сообщения об общественных собраниях мужчин у таджиков есть у Арандаренко, Хорошина и других.

Рис. 62. Остатки постройки, возведенной в технике «кирпич вразбежку»

Обычай разведения праздничного огня существовал издавна. В этом отношении интересно сообщение Наршахи о «праздничной ночи», когда сгорел незадолго до этого отстроенный после пожара дворец саманидского эмира Мансура I ибн Нуха: «в одну праздничную ночь (شب سوری) по древнему обычаю (چان کما آنت قدیمست) развели большой огонь; искра от огня попала на крышу дворца, который вторично сгорел дотла»²⁵.

Обычаем раскладывания огня, может быть, объясняется то, что следы костров мы видели много раз на суфах раскапывавшихся помещений.

В соседнем расположенном к югу помещении, которое вошло в раскоп только незначительной частью, обнаружены уплотненные слои слежавшейся золы, что могло иметь прямое отношение к огню, горевшему в большом помещении.

Небольшое прямоугольное помещение (3×2 м) обнаружено к западу от описанного помещения и несколько большее (план полностью не выявлен) — к востоку от него. В последнем вдоль стен, так же как и в большом помещении, были устроены

суфы, причем у восточной стены суфа имела прямоугольный выступ, как в Западном зале дворцового здания. Поверхность этого выступа, представляющего собой площадку 1 м × 80 см, также была обожжена.

Суфы и возвышения в обоих помещениях тщательно оштукатурены глиной и саманом.

Сооружения рассматриваемого слоя были забиты плотной землей до уровня сохранившейся части стен. Здесь найден керамический материал (рис. 63, 8—10): сосуд в виде кувшина с округлым, почти шарообразным туловом, узкой шейкой и расширяющейся кверху горловиной, покрытый светлым ангобом; небольшой горшок с наклепным сосочком-сливом и кружка с ручкой, также покрытая светлым ангобом; тулово украшено узеньким горизонтальным пояском. Кроме того, найдены два сосуда, сделанные без гончарного круга: небольшой горшок и еще меньших размеров округлый сосуд с узким горлышком и отогнутым наружу венчиком.

Инвентарь оказался, таким образом, весьма скудным, но кружка по аналогии с подобными же сосудами, найденными в других местах, позволяет датировать ее сравнительно точно: VI—VII вв. н. э. Эта находка не противоречит высказанному

²⁵ «История Наршахи», Каган, 1904, стр. 32; Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 119.

нами предположению о синхронности сооружений раскапываемого слоя древнейшим остаткам цитадели и дворцового здания. Есть также основания предположить, что в тот период, когда возводились

города. Ответившие и разрушившиеся здания со стенами, сложенными «кирпичом вразбежку», были забиты землей. Но строителям новых зданий такое основание казалось, по-видимому, недостаточным.

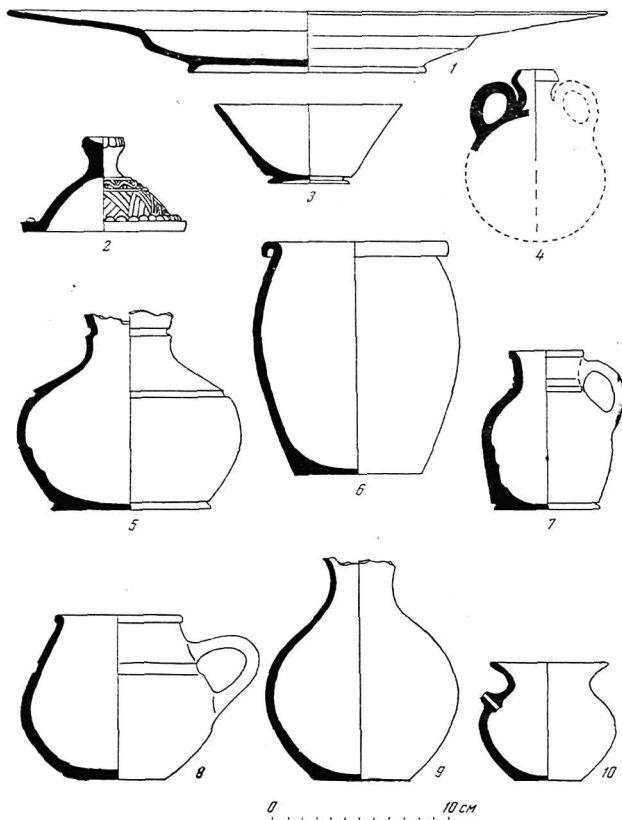

Рис. 63. Керамика из раскопа в центре городища (верхние слои)

сооружения на южной стороне городища и, как мы видим теперь, в его центре, на Варахше велось большое строительство. Именно в этот период происходит превращение селения в значительный населенный пункт.

Поднимаясь выше по слоям раскопа, мы снова встречаемся с каким-то важным этапом в жизни

Поэтому над забутрованными постройками была возведена платформа из сырцового кирпича, толщина которой местами приближается к 1 м. Такую же сырцовую платформу мы видели и при раскопках в северо-западном углу городища. Платформа состоит из отдельных отсеков-площадок, примыкавших один к другому.

Над платформой лежали незначительные остатки позднейших сооружений в виде сохранившихся кое-где выкладок из жженого кирпича, обозначавшие места стен или полов помещений. Все это оказалось настолько разрушенным и разрозненным, что не представлялось возможным установить характер существовавших на этом месте построек. Типичной чертой их, как и на западной стороне городища, являются многочисленные обрызги, укрепленные в верхней части хумами, с гончарными трубами-кавурами и находившимися под ними ямами, прорезавшими не только слой со стенами, сложенными кладкой «кирпич вразбежку», но и тот, в котором находилось здание из квадратного кирпича.

Многочисленные керамические и иные находки в верхнем слое указывают на совершенно новый

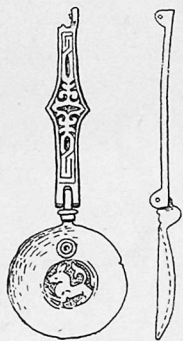

Рис. 64. Бронзовый предмет из раскопа в центре городища

этап культуры, отличающийся от всего, что было найдено в слоях, лежащих ниже. Керамические сосуды — хумы, кувшины, чаши, тарелки и т. п. имеют характерный облик саманидской посуды, вклю-

чая в этот условный термин и более ранние типы, начиная с IX или даже частично VIII в. (рис. 63, 1—7). Имеются также образцы глазурированной посуды с белой поливой и подглазурным желтым, красным и коричневым узором. Фрагменты этой керамики очень мелкие и не дают возможности восстановить ее формы и орнамент.

Найдены были различной формы и величин бусы из сердолика, белого и розового камня, стекловидной черной пасты, костяные и терракотовые пугицы и т. д.

Среди находок встречен интересный медный предмет неизвестного назначения, состоящий из орнаментированного несложным узором стержня и прикрепленного к нему с помощью шарнира круглого выпуклого диска диаметром 3,5 см, на котором выгравировано в двойном круге сильно стилизованное изображение какого-то животного, обращенного головой влево (рис. 64). У него большие длинные уши и длинный загнутый вверх хвост с концом, раздваивающимся в виде полупальметты.

При раскопках в верхнем слое было найдено несколько медных монет, в частности, монета согдийского типа, диаметром 1,5 см, сильно потертая, шесть плохо сохранившихся саманидских монет и другие.

Верхний слой, как мы видели, лежит над платформой из сырцового кирпича. Время, когда была сделана эта платформа, не совсем ясно. Здания IX—XI вв. возведены непосредственно над нею, но считать платформу произведением именно этого времени едва ли возможно: в IX—XI вв. появились и вошли во всеобщее употребление уже иные форматы кирпича — квадратного и более тонкого. Кирпич же, использованный для платформы, соответствует стандартам, которые существовали в более раннее время — с V в. и держались, по-видимому, до VIII в. включительно (с некоторыми вариантами в размерах).

Создается впечатление, что между постройкой платформы и возведением зданий позднейших периодов существовал перерыв во времени и что те здания, для возведения которых предназначалась кирпичная платформа, или не были вовсе построены, или были полностью разобраны при позднейшем строительстве.

СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА ВАРАХШИ

Варахша, как и всякое поселение городского типа, не могла существовать изолированно. В последние столетия перед арабским завоеванием она была одной из резиденций правителей области и играла важную роль в политической жизни. Вместе с тем, как уже отмечалось, Варахша являлась важным торгово-рыночным центром и последней крупной станцией на пути из Хорезма в Бухару. Она была также и центром относившейся к ней земледельческой округи, местом сбыта сельскохозяйственной продукции и обмена ее на ремесленные изделия.

Основные работы по исследованию древних культурных земель и, в частности, сельской округи Варахши были проведены нами еще в 1937 г.¹ В дальнейшем в связи с раскопками, производившимися на городище Варахша, наблюдения 1937 г. были пополнены, особенно относительно западной части полосы древней культуры («западный участок»). Некоторые интересные моменты были установлены во время небольшой проведенной нами воздушной разведки на самолете ПО-2.

К югу от Варахши и к западу от районного центра Свердловского района расположена группа тепе, выделенная нами в особый «южный участок».

Самый южный из памятников этой группы — Дингиль-тепе.

За линией последних деревьев оазиса по направлению к Дингиль-тепе параллельно границе оазиса протянулась неширокая гряда песков, за которой идет ровная площадь шириной около полукилометра, заросшая колючкой. Далее начинаются барханные пески с ровными глинистыми площадками между барханами. Площадки усеяны мелкими осколками поливной и неполивной посуды, кус-

ками жженого кирпича и т. п. Ближе к Дингиль-тепе осколки посуды покрывают поверхность земли почти сплошь.

Бугор Дингиль-тепе небольшой, овальный в плане, сильно оплывший. Длина его с севера на юг равняется 30 м, ширина — 15 м. С южной стороны к нему примыкает второй бугор, более низкий и отлогий, но больший по площади (80×45 м). Оба бугра слиты воедино, отделяясь один от другого слабо выраженной седловинкой. Высокая часть бугра представляет собой развалины здания, которое было возведено из сырцового кирпича 40×26×10 см. По масштабам развалин и по форме бугра можно предположить, что здесь было некое укрепленное жилище типа жилой башни. О характере низкой части холма судить без раскопок трудно. Возможно, здесь находились жилища людей, зависевших от владельца замка — некропного землевладельца, хозяйственные службы и помещения для скота. Данных для точного определения времени возникновения этого поселения, едва ли долго существовавшего, не получено. Что же касается керамики, собранной на бугре и около него, то ее можно датировать временем не ранее VI—VII вв. Отдельные образцы относятся к XI—XII вв., к тому времени, когда Дингиль-тепе было уже оставлено жителями.

Была проведена небольшая рекогносцировка по направлению на запад от Дингиль-тепе. Сначала здесь идет та же глинистая поверхность, покрытая отдельными барханами и их группами, но дальше к западу барханы становятся крупнее, а промежутки между ними реже. В 1,5 км от Дингиль-тепе в прогалинах между барханами было замечено много валов, возвышений и фрагментов стен, представляющих несомненные остатки селения. На поверхности в пределах этого селения рассеяно много черепков посуды, в том числе поливной, типичной для XV—XVI вв. Следы селения тянутся на расстоянии приблизительно полукилометра. Дальше идут ровные площадки, на которых керамика встречается все реже и реже. Затем на расстоянии около 2,5—3 км наш путь пресекли мно-

¹ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940.

гочисленные ложины-промоины или, скорей, выдувы, идущие в меридиональном направлении, за ними — опять ровные площадки, на которых изредка попадаются сильно выветрившиеся черепки неполированной посуды. В 3,5—4 км начинается полоса сплошных очень мощных песчаных барханов, среди которых свободных от песка площадок нет. Таким образом, определить границу, до которой доходят в этом месте древние культурные земли, оказалось невозможным.

Вторым обследованным объектом был большой холм Ялпак-тепе, расположенный на северо-северо-восток от Дингиль-тепе. Местные жители называют его не только «Ялпак» («плоский»), как указано на карте, но и «Зармитан». Это название селения, упоминающегося в X в.², но без указания местонахождения. От идентификации его с Зармитаном, упоминаемым географами, следует воздержаться, так как в Бухарском оазисе, кроме этого, имеется еще два Зармитана: на северо-востоке Куно-Мазар и на юг от Варданзи.

Первый километр пути от границы оазиса к Зармитану проходил так же, как и по направлению к Дингиль-тепе, через мощную гряду песков, заросли колючек и глинистые площадки, на которых встречалось много осколков керамики. На расстоянии 1 км мы пересекли прямую, насколько можно было проследить, канаву шириной более 6 м, идущую в сторону Дингиль-тепе и представляющую собой остатки арыка, снабжавшего, быть может, водой район того селения XV—XVI вв., которое было обнаружено нами к западу от Дингиль-тепе. Еще на 1 км дальше отмечены несколько параллельных, но иногда расходящихся друг от друга валиков, переходящих местами в неглубокие канавки. Небольшой шурф, заложенный на одном из валиков, выявил слоистую земляную массу, по-видимому, илстого происхождения. Это дает возможность прийти к заключению, что валики представляют собой остатки сильно разветвленной сети мелких арыков. Общее направление самых крупных валиков — сначала на запад, прямо на виднеющийся вдали Зармитан, затем они отклоняются к югу, в сторону Дингиль-тепе. Площадь, пересеченная арыками, тянется приблизительно на 1 км.

Зармитан почти засыпан подступающими к нему со всех сторон глубокими барханными песками. Он состоит из двух холмов: основного северного площадью 130 × 140 м, почти квадратного в плане и более низкого южного, вытянутого с запада на восток, площадью 270 × 90 м.

Поверхность первого холма плоская. Никаких ясных следов зданий здесь нет, кроме небольших остатков стен, сложенных из крупного сырцового кирпича, на южной его стороне. Фрагменты внешней стены в обрывах холма прослеживаются на его восточном, северном и западном склонах; стена была сложена из сырцового кирпича (43 × 30 × 10 см) и пахсы. Въезд, очевидно, находился с

южной стороны, но прикрывающие весь южный фас скопления песка не дали возможности точно установить его место.

Конфигурация южного холма, в значительной части засыпанного песком, прослеживается также не полностью. Поверхность его бугристая и усеяна черепками. В двух местах на юго-восточной и юго-западной сторонах холма заметны большие скопления черепков и керамических шлаков. Здесь были, очевидно, места керамического производства, существовавшего, судя по характеру черепков, в X—XI вв. Неподалеку от восточного скопления этих остатков были найдены крупные куски стеклянного сплава, которые, по-видимому, указывают на то, что здесь работали стеклодувы.

Оба холма вместе были окружены широким ровом, следы которого хорошо заметны в местах, свободных от песка, в виде хорошо выраженного понижения.

Бугор Катта-Ходжа-ишан, получивший свое название по находящемуся рядом с ним мазару, по площади меньше Зармитана, но превосходит его высотой. По пути к нему от современных поселений замечено несколько ложинок, по-видимому, древних арыков, которые тянутся с северо-востока на юго-запад. Катта-Ходжа также состоит из двух холмов: прямоугольного в плане северного площадью 100 × 75 м, вытянутого с севера на юг, и второго, более низкого и плоского, расположенного на некотором расстоянии от первого — южного — холма площадью 85 × 150 м, также прямоугольного, но вытянутого с востока на запад.

Первый из холмов очень высок, с крутыми склонами и сохранившимися кое-где остатками стен. Заметны следы угловых башен в северо-восточном и юго-восточном углах и остатки массивного здания против середины южной стороны. Стены его были сложены из сырцового кирпича 45—46 × 34 см; толщина кирпича не была установлена. Остатки здания возвышаются также в юго-западном углу холма. Оно было сложено из более мелкого кирпича (39 × 25 × 9 см). В северо-западной башне сохранились бойницы, расположенные в два яруса в шахматном порядке.

Въезд находится на южной стороне (как и в большей части описываемых городищ), ближе к юго-восточному углу, где имеется хорошо выраженное понижение, почти засыпанное песком.

Южный низкий и плоский холм занят ныне кладбищем. В двух местах стоят шесть тугов. Неподалеку от северо-восточного угла этого холма имеется небольшой мазар «святого» Катта-Ходжа-ишана.

Аналогично Зармитану, оба холма были окружены широким ровом, следы которого ясно заметны.

На обоях буграх много керамики. Поливная встречается в настолько незначительном количестве, что ее можно считать более или менее случайно занесенной. По общему впечатлению, поселение на холме, именуемом ныне Катта-Ходжа-ишан, было заброшено еще до X—XI вв.

² Макдиси, BGA, III, 282.

Между бугром Катта-Ходжа-ишан и оазисом был осмотрен еще один бугор, называемый Сартараш-тепе. Он невелик по размерам: длина около 75 м, средняя ширина — 45 м, высота около 7 м. Бугор имеет неправильную форму. Поверхность холма относительно ровная. На северной и южной сторонах сохранились следы стен из сырцового кирпича размером 37×25 см. Бугор настолько сильно занесен песком, что установить, имеется ли около него другой, более низкий холмик, как у Зарматана и Катта-Ходжа-ишан, оказалось невозможным. Керамика, найденная на бугре Сартараш-тепе, явно доарабская. Более поздних черепков на нем не найдено.

Кроме этих памятников, был осмотрен еще один бугор — Ходжа-Паранда, находящийся уже на окраине оазиса, недалеко от северного конца селения Джинган. Это городище состоит из высокого прямоугольного холма с северной стороны и более низкого с южной. Размеры первого холма 120 шагов с запада на восток и 140 с юга на север; второй холм значительно меньше по площади. Края городища сильно оплыли и сгладились. Вся его поверхность (и южной, и северной частей) занята современным кладбищем. Вокруг холма, у его основания и наверху керамики или других каких-либо археологических материалов обнаружено не было, и только внешний вид памятника заставляет отнести его к тому же типу, что и осмотренные раньше.

Данных относительно времени заселения и земледельческого освоения этой местности получить без раскопок, только поверхностным и беглым осмотром, не удалось. Но характер находок, в том числе и керамики, которая может быть отнесена ко времени не поздние первых веков нашей эры, втульчатого трехгранного медного наконечника стрелы скифского типа и пр., указывает на значительную древность осмотренных памятников. Обилие материала — поливной керамики, стеклянных изделий, халифатских и саманидских монет, найденного на пространстве между холмами (на холмах этих остатков значительно меньше или совсем нет) и характерного для IX—XI вв., заставляет предположить большую интенсивность жизни здесь в то время. В XI или в XII в. жители покинули этот район, за исключением одного пункта к западу от Дингиляте, где сохранились остатки селения в виде керамики XV—XVI вв. Возможно, что здесь имело место вторичное заселение освободившейся от песков площади, которую оказалось возможным оросить. Что же касается древних селений, то большая часть их (как Катта-Ходжа-ишан) опустела ранее X—XI вв. и в то время, надо полагать, уже представляла собой развалины.

К западу и югу от небольшого «южного участка» не видно тепе, которые свидетельствовали бы о культурной жизни в древнее или раннесредневековое время. Южная сторона этого района занята мощными грядами песков, которые тянутся до долины сухого русла Махан-Дарьи, где также нет никаких следов древней оседлости. Это установлено

производившим здесь работы Я. Г. Гулямовым и воздушной разведкой.

Исследование «среднего участка» древней культурной полосы начато было с беглой рекогносцировки, произведенной в 1934—1935 гг. Местность оказалась настолько насыщенной остатками древней культуры, что представлялось необходимым обратиться на нее особое внимание и организовать более основательную и детальную разведку, что нам удалось осуществить в 1937 г.

Первым археологическим объектом, расположенным у самой границы современного оазиса близ кишлака Уба-Дельмунского сельсовета, было интересное городище Ках а-и Малля-бек (рис. 65). Это городище представляет собой холм, который делится на две части: небольшую по площади, но более высокую северную (55×70 м) и более низкую и широкую южную. Обе эти части сливаются в единый массив и не отделены одна от другой. Общая конфигурация городища имеет неправильную форму.

На поверхности городища в северной его части относительно хорошо прослеживаются следы построек. Видно, что здесь была почти сплошная застройка, и только середина оставалась свободной, образуя небольшую площадь. Южная часть занята современным кладбищем с земляными холмиками. Городище сохранило остатки глинобитной внешней стены, достигавшей внизу 2 м толщины. Некоторые участки стен сохранились настолько хорошо, что на них заметна даже боевая ступень (банкет). Кое-где видны и следы башен-бурджей.

Въезд в укрепление находился в юго-восточной части городища, однако никаких следов ворот не сохранилось, а место, где были ворота и въезд на верх поселения, засыпано толстым слоем песка.

К северо-востоку, востоку и югу от бугра довольно значительное пространство было обнесено глинобитной стеной, которая, начинаясь от северо-западного угла цитадели, идет сначала прямо на север. Приблизительно через 500 шагов она поворачивает под прямым углом на восток, образуя прямой северный фас длиной около тысячи шагов. Отсюда стена под острым углом тянется к югу с отклонением на запад и через полторы тысячи шагов исчезает в хлопковом поле. Другой участок этой стены отходит от юго-западного угла холма и направляется по кривой сначала на юго-запад, а затем на юг, также исчезая в песках. С южной стороны, таким образом, стена остается не сомкнутой. Пространство, огражденное стеной, сохранило в северной части (точнее, в северо-западном углу) следы построек. Остальная его часть представляет собой неровную поверхность, засыпанную песком и частично занятую зарослями янтая и тамариска. Стены и остатки построек как наверху холма, так и внизу, в огороженном пространстве, оказались позднего происхождения.

Сопровождавший нас местный житель, верблюдожопый Сайид Рузи из селения Шир-паян, рассказал со слов стариков, что на месте теперешних развалин было укрепление, восстановленное

и отремонтированное неким Малля-беком приблизительно около середины прошлого столетия. При крепости, которая предназначалась для защиты оазиса от набегов хингисских туркмен, существовал большой базар.

Несмотря на отсутствие датирующего археологического материала, можно все же наметить некоторые этапы истории поселения. Форма городища, его деление на две части — высокую северную и более низкую южную из сравнения с целым рядом других заведомо древних памятников этого района заставляют предположить, что здесь было древнее поселение, может быть, еще времени расцвета рабовладельческого общества. Как и в других городищах подобного типа, северная часть представляла собой укрепленное жилище — замок, а южная — жилища рабов и зависимых людей и хозяйственные службы. До какого времени существовало поселение на холме, установить без специальных работ невозможно.

Остатки стен и построек, несомненно, относятся к XIX или самое раннее к XVIII в. Кал'а-и Малля-бек являлась в то время одной из крепостей, защищавших Бухарский оазис с запада, со стороны Хорезма, откуда предпринимались часто повторявшиеся набеги, принимавшие иногда характер ежегодных регулярных вторжений. К числу таких крепостей относились Шахри-ислам, Кал'а-и Синичин, Караул-тепе³ и некоторые другие, так же как Кал'а-и Малля-бек сохранившие остатки глинобитных стен. Возникновение этой оборонительной линии хронологически пока не определено, но весьма возможно, что она относится к XVI—XVIII вв., когда, по историческим данным, набеги на окрестности Бухары были особенно частыми.

Около Кал'а-и Малля-бек по границе современных культурных земель оазиса проходит, как и на юге, мощная гряда барханов. За нею в местах, куда оказалось возможным провести воду, есть небольшие участки покровов. Расположенный здесь колоз пядь за пядью отвоевывает у пустыни захваченные ею участки земли. За те годы, в течение которых нам пришлось наблюдать эту местность, заметно, как пески все больше и больше нарастают янтком и из сыпучих, барханных превращаются в бугристые. За посевами начинается пустыня. Глинистые площадки, засыпанные черепками, чередуются с барханами или буграми песка, закрепленными янтком. Иногда пейзаж резко обрывается довольно обширными площадями интенсивной эрозии, усеянными рядами бугорков. Местами встречаются небольшие пятна солончаков. Очень много следов арыков, имеющих общее направление с северо-востока на юго-запад. Кое-где можно проследить и мелкую оросительную сеть. В 1—2 км от Кал'а-и Малля-бек замечены развалины домов относительно недавнего селения.

Приблизительно на полпути от Кал'а-и Малля-бек до Варакши возвышается мощный бугор Тал-

ли-Пупа⁴ с обрывистыми склонами. К югу от него, как это типично для большей части городищ описываемого района, имеется другой бугор — низкий и распылчатый. На поверхности Талли-Пупа, в особенности на нижнем южном холме, так же как и вокруг в степи, рассеяно большое количество керамики, среди которой особенно бросаются в глаза поливные черепки X—XI вв.

Тот же характер имеет местность и между Талли-Пупа и городищем Варакша, удаленном от современного оазиса на 12 км. Следы оросительных каналов, то в виде неглубоких засыпанных песком канавок, то более или менее заметных валов встречаются часто. Почти сразу же за Талли-Пупа нами был замечен мощный вал, огибающий бугор с западной стороны. Он прослеживается на север на расстояние около 2 км и примерно на столько же на юго-запад. Проникновение этого вала установить не удалось, но, по-видимому, он так же, как и многие другие валы этого типа, связан с оросительной системой.

К югу от линии, соединяющей Кал'а-и Малля-бек и Варакшу, видны четыре крупных холма-городища: Тагальбоз, Ашурак, Лайляхур и Ходжа-Хатын.

Местность в районе этих бугров оказалась густо усеянной остатками древней культуры.

В окрестностях Ашурака были замечены следы мощного ирригационного канала в виде сильно сглаженного вала, идущего от Талли-Пупа и поворачивающего круто на юго-запад в направлении самого отдаленного в этой группе городища Лайляхур.

Сам Ашурак представляет собой средней величины тепе, поверхность которого густо усеяна осколками керамики. Преобладает керамика X—XI вв., но встречаются и черепки посуды, типичной для первых веков нашей эры.

Остатки довольно крупного арыка, имеющего здесь направление с севера на юг, обнаружены также и около бугра Тагальбоз, расположенного восточнее Ашурака. Интересно отметить, что у этого арыка находятся следы селения, по-видимому, значительно более позднего, чем описываемые тепе. Точнее определить время существования этого селения не представляется возможным, так как на его площадке разбросано только большое количество мелких осколков хумов; другой керамики мы здесь не обнаружили.

Главная часть развалин Тагальбоза — мощный, почти квадратный в плане бугор, занимает площадь 100 × 100 шагов при высоте до 12 м. В обрывах его склонов видны остатки внешней стены, сложенной из сырцового кирпича 37 × 25 × 9 см, к которой пристроена вторая, сложенная глинобитными блоками. Наверху холма много обломков керамики, среди которой встречается посуда с красным ангобом, обломки хумов с светло-серым или желтоватым ангобом и черными полосами-потека-

³ Первая из них находится к югу от районного центра Свердловск, о других см. ниже.

⁴ Название происходит, по-видимому, от таджикского названия птицы (пупа — угод).

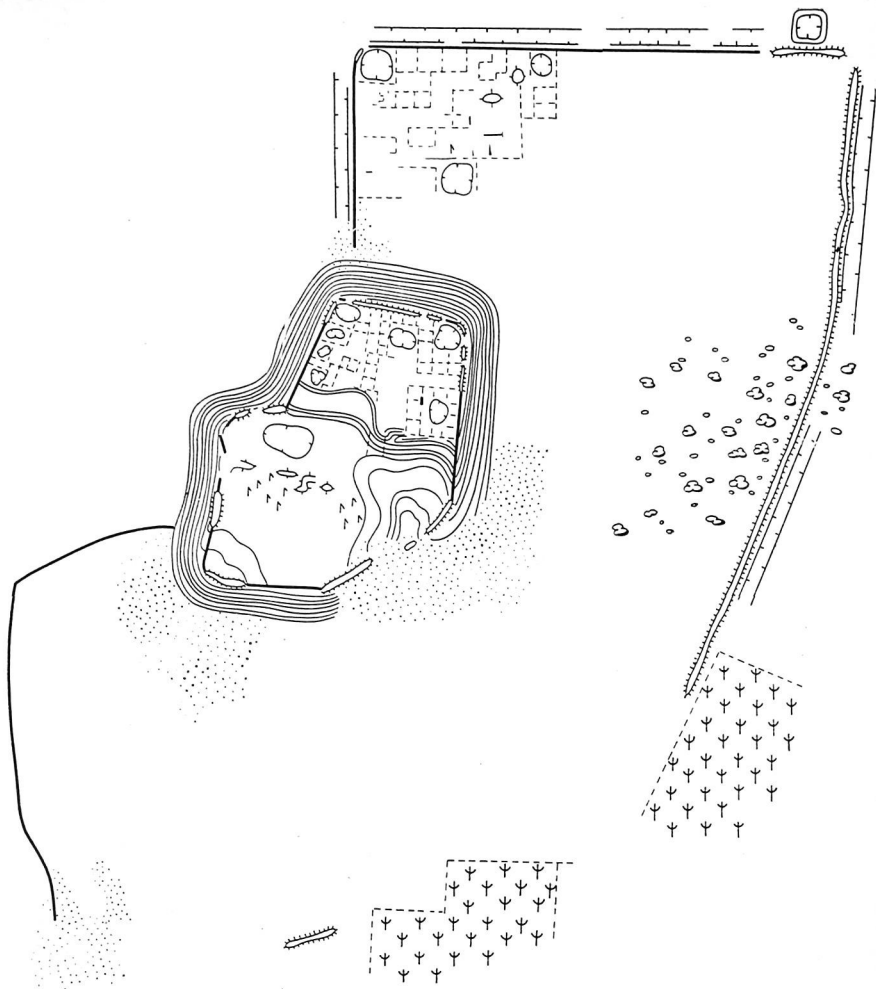

Рис. 65. План Кал'а-и Маалй-бек.

ми, весьма обычная для всех предаравских городищ Бухарского оазиса. Реже встречаются фрагменты сосудов саманидского типа, довольно много черепков характерной посуды с голубой поливой на лицевой стороне (внутри чаш и блюд.) и ярко-красным или коричневым ангобом на другой (X—XI вв.). Обнаружен один фрагмент, который может быть датирован XV в.

С южной стороны городища имеются следы поселения в виде холма неясных очертаний.

Следующим объектом рекогносцировки был бугор Ходжа-Хатын, к юго-западу от Тагальбоза. Поездка туда была совершена от бугра Катта-Ходжа-ишан, описанного выше, через почти сплошные нагромождения песчаных барханов. Судя по редким прогалинам между ними, эта местность относительно слабо насыщена остатками древней культуры. Видны большие пространства солончаков, на которых не встречается никаких черепков. Однако на полпути между Катта-Ходжа-ишаном и Ходжа-Хатыном встречены следы арыков, тянувшихся с северо-востока на юго-запад. Ближе к бугру Ходжа-Хатын сплошное песчаное пространство.

Ходжа-Хатын несколько отличается по форме от других бугров этой местности, но и он состоит из двух ясно выраженных частей: северного более высокого и южного широкого и плоского холмов. Оба холма покрыты осколками жженого кирпича и керамики, очень сходной с керамикой, найденной на Тагальбозе. Городище, по-видимому, сильно разрушено. К северу от него кладбище, на котором сохранилось несколько надгробных камней. На одном из них — параллелограмме из серого мрамора — имеется дата, относящаяся к началу XVIII в.

Последним наиболее выдвинутым на запад археологическим объектом в группе памятников, расположенных к югу от Варахши, является бугор Лайлякхур (рис. 66). Он отличается некоторым своеобразием в форме, планировке и ориентации. Основная и наиболее высокая его часть находится не на северной стороне холма, как у других городищ, а на западной, низкая соответственно на восточной. Тем не менее и здесь прослеживается тот же тип поселения. Главный бугор — высокий, с обрывистыми краями в плане имеет неправильную ромбовидную форму длиной с северо-запада на юго-восток около 115 шагов, с наибольшей шириной до 75 шагов. Ясно заметный въезд находился в юго-восточном углу.

Нижний бугор — развалины поселения при замке — значительно больше по площади (200×130 шагов). Бугры расположены на расстоянии около 60 шагов один от другого и соединяются между собой перешейком, который отходит от главного холма там, где видно место въезда, и соединяется со вторым бугром почти в середине его западного фаса, где также имеется лошника, соответствующая месту въезда. Планировка городища заставляет вспомнить структуру поселения в Тарабе⁵, где ос-

новной бугор городища, так же как и на Лайлякхуре, соединяется со вторым холмом, расположенным восточнее, узким перешейком-дамбой.

Местность вокруг бугра покрыта песками. Только в одном месте, к юго-западу от высшей точки городища замечены остатки продолговатого здания, стены которого были сложены из относительно мелкого сырцового кирпича.

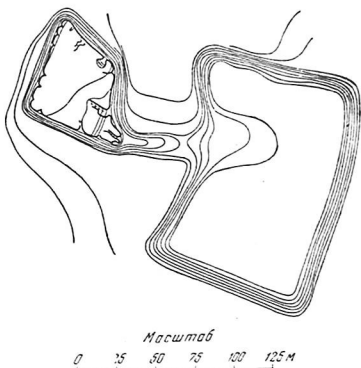

Рис. 66. План городища Лайлякхур

Бугры и пространство вокруг них на расстоянии не меньше 1,5—2 км. покрыты осколками жженого кирпича, стекла и керамики, тех же, в основном, типов, что и на Варахше.

Неподалеку от Лайлякхура были найдены упоминавшиеся выше кремни со следами обработки, датированные ориентировочно временем верхнего палеолита. Они обнаружены были около разрушившейся такырной корки, перекрывавшей древнюю песчаную поверхность.

Между крупными памятниками, имеющими вид более или менее высоких массивных бугров, разбросано немало мелких холмиков, обычно плоских, на поверхности которых наблюдаются скопления культурных остатков. К числу таких памятников относятся несколько небольших городищ и селищ, расположенных к западу от Варахши и осматривенных в 1950—1951 гг.

Первый из них находится к северо-западу от Лайлякхура. Он представляет собой довольно значительный по площади, но сравнительно невысокий бугор. Поверхность его густо усеяна черепками и обломками жженого кирпича. Керамика в основном тех же типов, что и на городище Варахша; часто встречается характерная для Бухарского оазиса посуда с бирюзовой поливой и покрытой красным ангобом нижней стороной (чаши и блюда). Однако нами были обнаружены здесь два

⁵ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г., стр. 31—34.

фрагмента и более поздней керамики, типичной для XV в., с рыхлым кашинным черепком. Один из этих фрагментов голубой с черным рисунком, другой — белый с синим.

Несколько дальше на запад расположен еще один совсем небольшой бугор, на котором найдены стекольные (?) шлаки и клинчатый жженный кирпич толщиной 5 см.

Третий бугор, лежащий западнее предыдущего, также невелик по размерам (около 40 шагов в поперечнике, высота около 5 м). Это — место древнего гончарного производства: на холме найдено много гончарного шлака, гончарный брак, следы гончарной печи. Это производство, судя по характеру бракованной и выброшенной посуды и по другим остаткам керамики и жженого кирпича на поверхности, относится к X—XI вв. Но вместе с тем встречаются и образцы керамики, близкой к началу нашей эры: ножки бокальчиков, покрытых красным ангобом.

Бугры Ходжа-Хатын, Ляйлякхур и несколько более мелких только что описанных объектов являются крайними на южной стороне древнего орошенного района. Дальше за ними к югу, насколько нам удалось проследить в мощных нагромождениях песчаных барханов, закрывающих эту местность, расстилается степь без заметных остатков земледельческой культуры.

Мелкие бугры, незначительные по площади и высоте, обычно очень распыленные, обнаружены в разных местах между Варахшей и городищем Кампирак. Все они усеяны керамикой X—XI вв.

На расстоянии около 8—9 км почти прямо к западу от Варахши возвышается крупный бугор, носящий название «Кампирак», что заставило вспомнить древнюю стену Кампир-дивал «Истории Наршахи», окружавшую Бухарский оазис. Наиболее высокая основная часть городища — как обычно, северная. Обрывистый северный конец бугра значительно выше отлогого южного. В обрывах на восточном и северном склонах хорошо видны остатки мощных глинобитных стен. С юга расположены более низкие холмики. Поверхность как высокого, так и низких холмов усеяна большим количеством осколков керамики тех же типов, что и на городище Варахша. Преобладает керамика X—XI вв., встречаются осколки стекла.

На расстоянии около 1 км западнее этого памятника, о чем сказано выше, обнаружены остатки вала древней стены Кампирак, прослеженной на северо-запад до бугров Суббук-тепе и Буран-тепе В. А. Нильсеном, а дальше к северо-востоку — Х. Мухаммедовым. Почти сразу же за бугром Кампирак и валом характер археологических находок на поверхности резко меняется. Если на всем пространстве от современной границы оазиса до этого места на расстоянии более 20 км мы встречаем повсюду характерную поливную керамику X—XI вв., значительное количество осколков стекла и жженого кирпича, то за Кампирак и между крайними западными буграми западной группы (или группы Баш-тепе) эта керамика уже не встречается.

Ее место занимает другая, более древняя. Иными словами, бугор Кампирак стоит на каком-то весьма существенном рубеже между территорией западного участка, покинутой жителями еще до середины первого тысячелетия нашей эры, и местностью от Кампирака до современного оазиса, где сохранились остатки культуры до XI—XII вв. включительно.

Огромное количество тепе разной формы и величины разбросано без всякого видимого порядка к северу от линии Кал'а-и Малля-бек — Кампирак. Здесь есть бугры и прямоугольные в плане с плоской вершиной, как Чандыр-тепе, и в форме опрокинутой чаши, подобно Талли-Гуза, ближайшему к северу к Варахше. Есть тепе и с более сложными очертаниями, с несколькими вершинками, круглые в плане. Современные названия этих тепе, как правило, не имеют ничего общего с названиями тех селений, которые некогда находились на их месте. Это таджикские или тюркские названия, связанные с внешним обликом памятника (Талли-Сафид, Ак-тепе, Талли-Гуза, Талли-Сурхак), или с какими-то происходившими сравнительно недавно событиями, именами и т. п. (Талли-Музаффар, Ляйлякхур, Тагалъбоз и т. д.). Среди них преобладает тот же тип городищ, которые отмечены выше: тепе состоят из двух частей — более высокой, обычно расположенной на северной стороне, реже — на западной и другой — в виде плоского низенького холма. Иногда холмы стоят отдельно, иногда они соединяются седловинкой или почти сливаются в один массив. Названия тепе, по причине полной безлужности степи, нам не всегда удавалось выяснить. Поэтому вместо систематического описания территории севернее Варахши переходим к описанию тех маршрутов, которые были здесь пройдены.

Один из маршрутов прошел от колодца у городища Варахша по направлению к мазару Ходжа Убан в двадцати с лишним километрах к северу, с небольшим отклонением на запад.

От Варахши было взято направление на небольшой бугор с обрывистыми склонами, расположенный восточнее Чандыр-тепе. Сначала около полутора километров шла слегка бугристая поверхность, частично засыпанная песками, между которыми на свободных площадках лежало много осколков керамики. Встречены следы канала, проходившего в широтном направлении. Поверхность бугра, на который мы держали путь, так же как и другие тепе исследуемого района, засыпана осколками керамики, которую можно датировать в основном X—XI вв. С южной стороны бугра имеются следы построек в виде небольшого слабо заметного холма.

Дальше путь лежал к большому бугру, который назван на имевшейся у нас карте Суббук, что оказалось неверным, так как это имя носит другой бугор, через который мы проехали на обратном пути. По дороге к этому бугру мы заметили следы арыков, протекавших в юго-западном направлении. Сам бугор оказался мощным, с крутыми скло-

нами. По очертаниям он несколько напоминает бугор Тагадбоз, но больше его.

Отсюда прямо на север на расстоянии нескольких километров возвышается бугор Буран-тепе. В 300—600 м за ним — остатки многочисленных гончарных мастерских. Видны следы гончарных печей, обгоревшая глина, шлаки, бракованная посуда. Судя по характеру посуды, среди которой встречаются бокалы, покрытые красным ангобом, эти мастерские функционировали еще в первые века нашей эры. Факт сосредоточения гончарных мастерских времени около начала нашей эры в одном месте сам по себе чрезвычайно интересен и говорит о развитии ремесленного производства в это отдаленное время.

Буран-тепе — крупное городище, приблизительно квадратное в плане, с плоской, довольно ровной поверхностью и отлогими сглаженными склонами. На юго-запад от первого бугра возвышается второй, тоже почти квадратный, больший по площади, но несколько менее высокий, еще больше сглаженный и опавший. Ясно прослеживается седловинка — перешеек между холмами. Беглый осмотр керамического материала, лежащего на поверхности холмов, показал, что здесь преобладают старые типы керамических изделий, датируемые началом нашей эры. Имеется и поливная керамика, которая может быть датирована ранним средневековьем, но количество ее незначительно⁶.

С вершины Буран-тепе хорошо виден мазар Ходжа-Убан. Дорога к мазару идет через большие древние барханы. По редким прогалинам между песками можно проследить, что за Буран-тепе россыпи осколков керамики кончаются. Степь имеет здесь холмистый характер. Никаких признаков древней оседлой культуры обнаружено здесь не было. Поверхность земли покрыта мелкой галькой.

Мазар Ходжа-Убан находится на небольшом холме, происхождение которого осталось для нас неясным. Никаких археологических материалов при осмотре местности мы не нашли, кроме нескольких осколков посуды, которая может быть датирована временем не ранее XV в.⁷

Собственно мазар — развал, как называли эту постройку живущие здесь люди, представляет со-

бою довольно большое каркасное здание с плоским балочным перекрытием, с четырьмя столбами в середине. Прямоугольное пространство между столбами забрано деревянной решеткой, за которой видно большое оштукатуренное алебастром надгробие, закрытое красным покрывалом — «кабр-пушем». Снаружи по всем четырем углам здания стоят высокие, вертикально поставленные шести тугов. С восточной стороны у мазара лежит небольшое мраморное надгробие, надписи на котором стерлись и теперь не могут быть прочтены. Все эти сооружения в их современном виде построены не раньше середины прошлого столетия.

К мазару примыкает комплекс других построек: обширная «михман-хана» с несколькими комнатами (своего рода гостиница для приезжающих), каркасная мечеть и жилые помещения для жившего при мазаре шейха.

В центре всего ансамбля возведено самое капитальное из сооружений — «чашма-хана», представляющая собою единственное здесь здание из жженого кирпича. Постройка делится на две части, каждая из которых перекрыта куполом. С южной стороны имеется небольшой портал. В западной половине здания находится колодец — «чашма» с горьковатой водой. С восточной стороны весь комплекс заканчивается двором с навесами для верховых животных и несколькими кабинками для ритуальных омовений.

Все эти здания возникли в относительно недавнее время. Самая старая постройка — «чашма-хана», сооруженная из кирпича разного размера, не могла быть возведена раньше прошлого столетия.

Впрочем, фундамент мечети сложен из кирпича древнего формата (35 × 35 × 8 см), употреблявшегося не позднее VII—IX вв. н. э. Это заставляет предполагать, что на месте современного мазара с прилегающими к нему постройками, некогда существовали более древние, и что мазар Ходжа-Убан⁸, о котором нам была рассказана легендарная история, является местом, возможно, домусульманского культа, дожившего в исламизированной форме до нашего времени, как это произошло и со многими другими «святынями» Бухарского оазиса.

Направление обратного пути от мазара Ходжа-Убан к Варахше было взято на бугор Кампир-ак, а попутно мы решили осмотреть видневшийся на юг от мазара Ходжа-Убан большой бугор Суб-бук-тепе.

Местность, по которой мы ехали к этому бугру, имела сначала тот же характер, что и около мазара, — засыпанная мелким галечником волнистая поверхность без культурных остатков. Только

⁶ По-видимому, около Буран-тепе разведочной гидрогеологической партии М. М. Решеткина были найдены фрагменты керамики, древность которых определена М. Е. Массоном в пределах от 2000 до 1500 лет (см. М. Е. Массон. Некоторые результаты разбора археологических материалов, добытых при работах гидрогеологической партии М. М. Решеткина в Бухарском оазисе в 1930 г., — «Материалы по гидрогеологии Узбекистана», вып. 15, Ташкент, 1933, стр. 187—214).

⁷ А. А. Семенов, основываясь на сообщении Борнса (A. Burnes. Travels into Bokhara being an account of journey from India to Cabool, Tartary and Persia in the years 1831, 1832 and 1833. vol. II. London, 1839, p. 455—473), писал о древнем городе Ходжа-Убан, откуда на базар Бухары доставлялись монеты, печати и другие предметы (А. А. Семенов. Материальные памятники арийской культуры. — Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 136). В действительности такого древнего города не существовало.

⁸ По существующему поверью, мазар Ходжа-Убан является местом исцеления от проказы и другой не заразной, но смешиваемой с проказой болезнью — псё. Поэтому мазар был «махау» — аспрозориум, где жили заболевшие этой болезнью. Этот мазар — место действия одной из новелл, включенных в «Воспоминания» С. Айни («Еддоштх», ч. II, 1949, стр. 210 и сл.).

не доезжая 2 км до бугра, расположенного несколько севернее Суббук-тепе, мы вновь увидели площадки с осколками керамики. Бугор, к которому мы подъехали, был невелик и слабо заметен издали, но довольно значителен по площади, прямоугольный в плане. На его поверхности обнаружено много раннесредневековой керамики.

Второй маршрут пролегал от городища Варахша в расположенную севернее группу развалин, находящуюся против древнего селения Ромитан.

Для этого нам пришлось проехать сначала на запад, к мазару Хазрет Кыз-биби. Мазар расположен километрах в трех к северу от Кал'а-и Малля-бек.

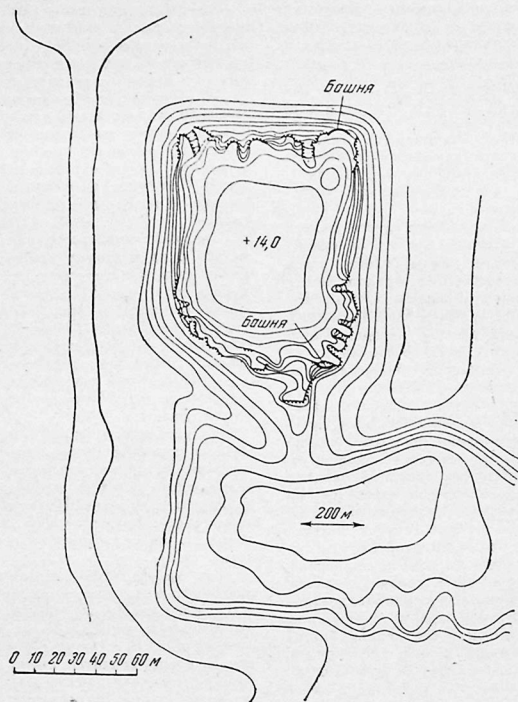

Рис. 67. Суббук-тепе

Суббук-тепе (рис. 67) оказался одним из самых крупных бугров-городищ описываемой местности. Как обычно, он состоит из двух частей — очень высокой и мощной северной и относительно низкой южной, соединенных седловиной. На главном бугре заметны остатки стен, сложенные из сырцового кирпича $38 \times 24 \times 9$ см, с толстыми швами, достигающими 11–12 см, заполненными глиной. На буграх много осколков керамики, больше всего средневековой, X–XI вв.

По пути от Суббука к Кампираку видны в нескольких местах следы небольших арыков.

Постройки мазара относятся так же, как и мазар Ходжа-Убан, по-видимому, к прошлому столетию, но в целом они создают интересный архитектурный ансамбль. Обширный вымощенный жженым кирпичом двор окружен с южной, западной и северной сторон одноэтажными купольными кельями-худжрами со стрельчатыми арками и дверями, открывающимися во двор. Западную часть ансамбля составляет большая кирпичная мечеть, обращенная порталом на восток. Передний фасад здания фланкируется двумя трехчетвертными башнями — «гульдаста». Помещение

мечети перекрыто куполом на шишевидных парусах. С южной стороны к ней пристроен деревянный обычного вида айван. Прямо напротив мечети возведено со всех сторон закрытое здание мазара со своеобразным порталом и с выступающей вперед выдвинутой на консолях верхней частью. Портал выполнен из резного и наборного дерева со вставкой зеркал. Он, по-видимому, датируется вделанной в него надписью на мраморной плите, где, кроме обычных «калима», «аят-ал-курси» и суры «Ихлас», содержится слова:

هذا مقصد الموتور العظيم الآ غای بزرگ
کتبه العبد المد مت نیاز محمد الکتاب سنة ۱۲۶۱

что значит: «Эта могила светозарная, великая Ага-и Бузург. Писал раб кающийся Нияз-Мухаммад катиб в году 1231 (1815/16 — В. Ш.).»

В настоящее время постройки мазара заброшены и быстро разрушаются.

На мысль о большой древности этого мазара (места поклонения) наталкивает то, что он связывается с явно легендарным лицом, якобы здесь погребенным. Есть все основания предположить, что поклонение «Великой госпоже» (Ага-и Бузург), называемой иначе «Девой» («Кыз-биби»), которую местное предание сделало дочерью Соломона («духтари Сулейман»), есть не что иное, как культ богини-матери, занимавшей большое место в среднеазиатском доисламском пантеоне.

Неподалеку от этого мазара на краю оазиса находится селение Рамиш, сохранившее свое древнее название. Посреди селения возвышается небольшая, ничем особо не примечательное тепе, называемое Касри-Рамиш. На северной окраине селения расположено довольно значительное по размерам древнее городище, отличающееся по форме от описанных выше. Оно состоит из трех частей: прямоугольного холма высотой около 12 м с крутыми, но сложенными скалами, занимающего северо-восточную часть городища; большого широкого холма, приблизительно квадратного в плане, примыкающего к первому с западной стороны и отделенного от него седловиной, и низенького холма неправильной формы, расположенного к юго-востоку от первого. Бутры сильно сложенные, солончаковая рыхлая поверхность их заросла ятаком. Никакого археологического материала на поверхности холмов обнаружить не удалось.

Рамиш упоминается в «Истории Наршахи» как одно из очень древних селений Бухары. Основание его связывается с именем легендарного Кай-Хусрау — сына Сиявуша, убитого Афрасиабом. Кай-Хусрау, по легенде, сообщаемой Наршахи, основал это селение как крепость для борьбы со своим врагом Афрасиабом, укрепившимся в Рамитане: «... и против него [Рамитана] построил Кай-Хусрау селение, которое за его благоустроенность было названо Рамиш («удовольствие», «спокойствие» — В. Ш.). Это селение в настоящее время обитаемо»⁹. В одном из вариантов «Исто-

рии Наршахи» к этому добавлено: «В селении Рамиш Кай-Хусрау построил храм огнепоклонников; маги говорят, что этот храм древнее бухарских храмов»¹⁰.

Записанная еще в X в. легенда свидетельствует, что селение уже в то время считалось очень древним.

На расстоянии около 10 км к северу отсюда, против селения Рамитан, в степи на краю оазиса расположен мазар Баба-и Самаси (в местном произношении «Самбуси»). В отличие от описанных выше мазаров, связанных, очевидно, с мифическими именами, этот мазар является могилой исторической личности — Ходжи Мухаммада Баба-и Самаси, одного из виднейших суфийских шейхов. «Рашахат» сообщает, что он родился и похоронен в селении Самас, «которое является одним из селений Рамитана, в одном шариаатском [фарсанге] от него, а отсюда до Бухары три шариаатских фарсангов»¹¹.

Следовательно, место погребения шейха указывает и на местоположение этого селения. Сам мазар ничего интересного собой не представляет: небольшая дахма¹², обложенная плитами серого мраморовидного камня, на которых высечен сложный орнамент. Около мазара стоят несколько высоких тугов. Дахма находится под открытым небом, в небольшом дворике. Вокруг него — ничем не замечательные постройки: мечеть, навесы, жилые помещения. Мазар заброшен, жилые постройки разрушены.

На расстоянии около 1 км к северо-западу от мазара возвышается большой по площади, но невысокий бугор, называющийся Таш-мечеть. На холме много остатков плохо обожженного распадающегося кирпича. Встречается также керамика самых разнообразных типов и времени, начиная от покрытых красным ангобом сосудов рубежа нашей эры.

Тот же характер керамических остатков наблюдается и дальше, в местности по направлению к Кал а-и Симич. Во многих местах заметны следы арыков и дорог. Кое-где сохранились остатки стен зданий. Все говорит о том, что здесь есть в относительно недавнее время густонаселенная возделанная местность¹³. Среди керамики особенно часто встречаются фрагменты посуды

¹⁰ Так в издании Шефера («Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakia», Paris, 1892) и переводе Н. Любошина (Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 25). В каганском издании («История Наршахи», стр. 20) это известие отнесено к храму, построенному Афрасиабом в Рамитане. О храме огня в селении Рамиш (Рамуш) см. также: Бируни. Памятники минувших поколений. — «Избранные произведения». Ташкент, 1957, стр. 254.

¹¹ «Рашахат мин айн-ал-хайат» (автографированное издание). Ташкент, стр. 42.

¹² Могильное прямоугольное сооружение.

¹³ Запустение орошенных земель вследствие недостатка воды и движения песков в недавнее же время — в конце XIX и начале XX в. сообщает ряд авторов (см. Масальский и И. Туркестанский край. — Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. XIX, СПб., 1927, стр. 27).

XI—XII вв., но наряду с ними есть и более поздние образцы.

Кал'а-и Симинч¹⁴ — это большое по размерам древнее городище, использовавшееся, по-видимому, еще в XIX в. как укрепление на границе со степью. Оно относится к числу крепостей той оборонительной линии, о которой мы говорили, описывая Кал'а-и Малля-бек. Высота главного холма городища достигает 12 м. Наверху его уцелели остатки двойной стены, проходившей по периметру. В настоящее время хорошо сохранилась глинобитная внутренняя стена с банкетом, по которому можно свободно ходить. Внешняя стена уцелела частично только на восточной стороне. На севере и западе можно проследить ее слабые остатки, на юге этой стены, по-видимому, не было совсем. Въезд в укрепление был с юга, где к главному холму примыкает второй низкий продолговатый бугор, простирающийся далее на юг на расстояние около 100 шагов. Словом, и здесь, как и в Кал'а-и Малля-бек, для постройки крепости был использован древний холм, представляющий собой остатки замка.

К северо-востоку от Кал'а-и Симинч расположено обширное кладбище, на котором сохранилось около 50 мраморных надгробных камней. Есть и другого вида надгробия — из жженого кирпича и алебаstra. Некоторые из них были украшены изразцами — синими, голубыми, коричнево-желтыми, которые могут быть датированы временем от конца XIV до XVII в.

Даты погребений удалось установить только на трех надгробиях: зуль-хиджа 882 (январь-февраль 1478 г.); 875 (1470/71) г. и 1007 (1598/99) г. Имена умерших прочитаны на четырех памятниках. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все четыре погребения были женскими¹⁵.

С вершины Кал'а-и Симинч видно большое количество тепе, особенно в упомянутом уже выше районе к северу от линии Кампирак — Кал'а-и Малля-бек. Нами была детально обследована только часть этого района. Первые два посещения нами бугра, сравнительно небольшие и неправильной формы, находятся к северо-западу от кишлака Атарф. Несмотря на их незначительные размеры, они представляют собой остатки укрепленных жилищ того же типа, что и большая часть других тепе описываемого района. Подобранная на поверхности керамика наряду с более поздними средневековыми образцами, дает также образцы, датируемые временем около начала нашей эры.

Следующий осмотренный бугор — Талли-Музаффар — расположен километрах в двух от кишлака Атарф на запад. Это средней величины тепе с

плоской вершиной и несколько опавшими краями. Западнее, с отклонением к северу, приблизительно в полутора километрах имеется одно еще небольшое тепе — Талли-Чартак, с крутыми обрывистыми склонами. За ним примерно на таком же расстоянии — Талли-Сурхак, совсем небольшой и сильно опавший холм. К юго-западу от последнего также на расстоянии 1,5—2 км несколько более крупный бугор Талли-Сафид.

Пастух, сообщивший нам приведенные выше названия, назвал еще несколько тепе, которые были хорошо видны от Талли-Сурхака: к западу он указал на бугры Тураки и Кутан-тепе. Небольшой бугор около мазара Хазрет Кыз-биби он назвал просто «тепача» (уменьшительное от слова «тепе»). Большой бугор к северу от Хазрет Кыз-биби был им назван Талли-Падшан; расположенный еще севернее — Кырча. Бугор прямо к югу от Талли-Музаффар называется Талли-Ходжа-Наджат.

В пространствах между осмотренными тепе замечено несколько арыков, направление которых указывает, что они выходили со стороны мазара Баба-и Самаси, иными словами, из современной хвостовой части канала Рамитан. Арыки прослеживаются плохо, так как они то теряются под песчаными барханами, то следы их исчезают в местах, подвергавшихся особенно сильной эрозии.

В полукилометре к северу от Талли-Сурхака, судя по многочисленным холмикам и обильным остаткам керамики, керамического шака и осколков жженого кирпича, существовало селение, период жизни которого можно определить в пределах XV—XVII вв. Следы второго, еще более позднего селения — XVIII, а может быть, и начала XIX в. обнаружены восточнее, ближе к современной границе оазиса, к югу от мазара Баба-и Самаси.

Обследованная часть степи, за исключением полосы, прилегающей к оазису, и того района, где были обнаружены остатки селений XV—XIX вв., носит характер, уже знакомый по ближайшим окрестностям Варахи. Между грядями песка (здесь они по большей части бурстистые, скрепленные янтаком и другими травами) видны ровные глинистые пространства, густо усеянные черепками и осколками жженого кирпича. Керамика разнообразна: встречаются фрагменты посуды разного времени, начиная с первых веков нашей эры. Много поливной посуды X—XI вв., осколков стекла и т. д. Отмечено большое количество черепков, которые могут быть датированы XV и более поздними веками.

Мы выделяем в особую «западную группу» памятники, расположенные к западу от бугра Кампирак. Это вызвано, как уже сказано выше, как ее особым положением (она дальше всего выдается на запад в пустыню), так и тем, что характер найденного там археологического материала резко отличается от материала, типичного для более восточных памятников. Здесь не встречается керамика, типичная для раннего средневековья; нет ни осколков стекла, ни жженого кирпича, ни средне-

¹⁴ В литературе и на картах имеются различные варианты этого названия: Симич, Силиш, Суюнч. Я беру название в той форме, в которой слышал его от местных жителей.

¹⁵ Прочитанные нами надписи, к сожалению, с типографскими опечатками, воспроизведены в работе: В. А. Шилин и И. Археологические работы 1937 г., стр. 24.

вековых монет, обычных на Варахше и на всем протяжении южного и среднего участков. Зато ярче выступает более древняя культура, не перекрытая позднейшими наслоениями, датируемая последними столетиями до и первыми столетиями после начала нашей эры: здания сложены из крупного квадратного кирпича, на поверхности

разведок 1952—1953 гг. выяснилось, что район со следами древней культуры занимает несколько большую территорию. Обнаружены были и новые памятники относительно небольших размеров, оставшиеся прежде незамеченными. В целом же работы 1952—1953 гг. подтвердили наблюдения и выводы 1937—1938 гг.

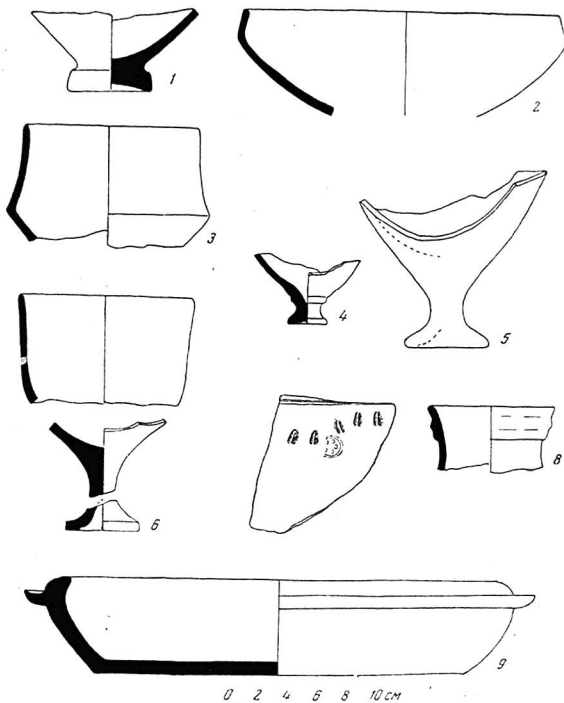

Рис. 68. Керамика, собранная на городищах западного участка

лежат осколки характерной керамики (рис. 68), покрытой красным ангобом, наряду с которой встречаются осколки грубой посуды, формованной вручную. Нередки находки бронзовых наконечников стрел.

Первыми разведками 1937—1938 гг. в этой группе было установлено наличие семи тепе-городищ¹⁶. Позднее в результате археологических

Западная группа развалин занимает площадь, которая тянется около 5—6 км с юга на север и около 7 км с запада на восток. На поверхности было отмечено много следов старых оросительных каналов, из которых ни один не прослеживался на большом протяжении, так как весь участок покрыт песками, среди которых лежат отдельные небольшие прогалины. В нескольких местах между песчаными барханами удалось заметить остатки мелкой оросительной сети с небольшими валиками, делившими возделанные поля на прямо-

¹⁶ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г.... стр. 27—28.

угольные поливные участки. Общее направление наиболее крупных из виденных нами каналов — с запада на восток или с северо-запада на юго-восток. Оросительная система этого участка являлась прямым продолжением тех каналов, которые орошали селения и земли, расположенные восточнее.

На глинистых площадках между барханами много черепков глиняной посуды, как уже сказано, исключительно тех типов, которые могут быть датированы временем не позднее первых веков нашей эры. Значительное пространство занимают площади, подвергшиеся сильной эрозии, усеянные бугорками-останцами, а местами, особенно по южному краю описываемой территории, большие участки солончаков с пухлой поверхностью и белыми выцветами соли. Растительности очень мало. Пейзаж оживляется лишь редко разбросанными деревьями кандыма (*Calligonum*). Местность эту люди посещают очень редко, сюда заходят только охотники за джайранами.

По западному краю описываемой территории тянутся цепочкой четыре тепе. По сообщению наших проводников, они называются Аяк-тепе (южный), Урта-тепе (средний) и Баш-тепе (самый большой, наиболее выдвинувшийся на запад)¹⁷. Расположенный севернее этих тепе небольшой бугор, название которого выяснить не удалось, условно назван нами Безымянный № 1.

Аяк-тепе — сравнительно небольшой бугор, состоящий из сырцового крупного кирпича ($48 \times 42 \times 12$ см и других размеров). Площадь его равна приблизительно 45×40 м. Более возвышенная северо-западная часть имеет крутые обрывистые склоны; к юго-востоку бугор понижается; подоса его с этой стороны закрыта песчаным барханом. К северо-востоку от холма на расстоянии около 150 м. возвышаются остатки какого-то здания, состоящие из прямоугольного глинобитного массива. Возможно, это основание башни или какого-нибудь культового сооружения. Между бугром и глинобитным зданием имеются следы арыков. Остатки арыка, прослеженного на протяжении около 1 км, заметны также к западу от бугра. Поверхность бугра и свободные от песка площадки вокруг него усеяны обломками керамики, есть обломки каменных зернотерок, найдены три наконечника стрел из бронзы или меди втульчатые, трехрепные, со слабо вьюженными жалюзями.

Расположенный севернее Аяк-тепе бугор Урта-тепе несколько меньше предыдущего, но по форме не отличается существенно ни от Аяк-тепе, ни от расположенного к северу от Баш-тепе Безымянного № 1.

Баш-тепе (рис. 69) по размеру несколько больше. Он занимает площадь около 55×55 м. Высота его достигает 6 м. Северные склоны обрывисты и изрыты промоинами, в которых видны

наслоения внешних стен: три последовательно пристраивавшиеся одна к другой, сложенных из сырцового кирпича (размеры его $48 \times 48 \times 12$ см и мельче), и наружная, самая толстая, сложенная частью из сырцового кирпича, частью глинобитная. К югу бугор постепенно понижается, подоса его с этой стороны закрыта песчаным барханом.

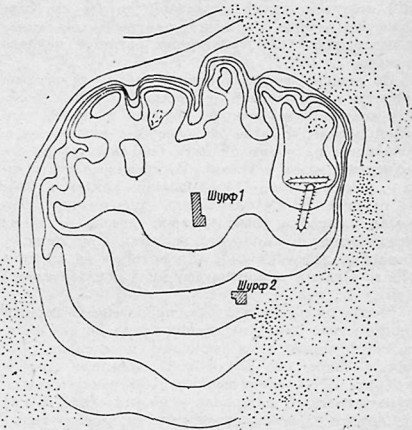

Рис. 69. План холма Баш-тепе.

На Баш-тепе в 1938 г. нами была произведена небольшая археологическая разведка. В двух местах — на вершине бугра и около его южного склона — были вырыты шурфы с целью определить мощность и характер наслоений¹⁸.

Первый из этих шурфов был заложен в одном из прослеживавшихся на поверхности прямоугольников, заполненных относительно рыхлой землей и представлявших собой, как выяснилось, вырытые с какой-то целью ямы. Размеры ямы, в которой был начат раскоп, $3 \times 1,5$ м, глубина 85 см. Стенки обмазаны глиной с саманом, а дно выстлано сильно перепревшим камышом, поверх которого найдены зерна, похожие на просо. Яма эта, несомненно, поздняя. Она была заполнена мягкой землей с мусором, черепками и костями животных.

Нижне пола ямы шурф прорезал ржаво-коричневый слой перепревших остатков органического происхождения, ряд рыхлых и плотных наслоений, под которыми на глубине 2,95 м от поверхности оказался пол из твердо утрамбованной глины с ровной поверхностью, окрашенной в жел-

¹⁷ На карте, которой мы пользовались, первые три бугра названы соответственно Куя-шахар, Йхтан и Башлык. Наши проводники этих названий не знали.

¹⁸ В. А. Шинкин. Археологическая разведка на Баш-тепе. — Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 163 и сл.

товато-охристый цвет. Под полом обнаружена кладка из сильно разрушенного сырцового кирпича, а ниже — плотный и крепкий завал из комков глины и сырца (до глубины 4,95 м). Во всех этих наслоениях были найдены фрагменты крупных и мелких керамических сосудов, косточки и т. п. Ниже до глубины 5,37 м идет плотная земля с песчаными линзами, под которой лежит слой рыхлого сыпучего песка толщиной до 60 см. Еще ниже, на глубине 6 м, лежит плотный слой глины. В последних слоях культурных остатков найдено не было.

Во втором шурфе в южной части бугра был прорезан слой плотной лёссовидной глины с большим количеством черепков крупной и мелкой глиняной посуды. В этом же слое был вскрыт очаг, сложенный из обломков двух больших хумов, заполненный золой и углями. В северной части шурфа — рыхлый слой, заполнявший какую-то яму. На глубине 60 см находилась уплотненная глинистая площадка, ниже которой лежал завал из кусков глины и сырцового кирпича. Еще ниже — прослойка песка (5 см), под которой на глубине 4,15 м — глина с признаками ила (материковый слой).

Несмотря на то, что пол, прорезанный первым шурфом, ясно делит наслоения бугра на два слоя, соответствующие двум периодам поселения, проследить какое-либо различие в характере керамики (рис. 70) — единственного полученного здесь археологического материала — не удалось. И в том и в другом слое встречены одни и те же типы: фрагменты тонкостенных бокальчиков из хорошо вымешанной глины, покрытых красным или коричневым ангобом со следами лощения; тонкостенные чаши с небольшим плоским дном и круто, часто вертикально поставленным бортиком. Встречаются фрагменты кувшинов, покрытых ангобом и без него. Крупные сосуды представлены разной величины и формы хумами и широкогорлыми большими сосудами, известными в Бухаре под названием ямов. Хумы имеют выпуклое дно. Найдены два фрагмента вьючных флагов.

Наряду с этой керамикой явно ремесленного производства, как на поверхности, так и в шурфах найдены фрагменты вылепленной вручную грубой посуды коричневатого, иногда черного цвета из глины с большой примесью дресвы. Фрагменты этой посуды настолько измельчены, что удалось пока восстановить только одну форму: большую плошку или жаровню, состоящую из диска с низенькими бортиками, поставленными наклонно. Возможно, что это тип посуды домашнего производства, но не исключается также, что это ремесленная посуда, но особого назначения. Она отличается огнеупорностью и должна была употребляться в основном для приготовления пищи.

Весь археологический комплекс, установленный разведкой, может быть датирован первыми веками до или после начала нашей эры. Ничего, что могло бы быть датировано более ранним временем, здесь не обнаружено. Только находка упомя-

нутых выше медных или бронзовых наконечников стрел, трехгранных, втульчатых, скифского типа может указывать на несколько более раннюю дату этих предметов. Судя по результатам работ нашей экспедиции в районе станции Куя-Мазар и другим материалам, около начала нашей эры в Бухарском оазисе были распространены стрелы другого типа — с железными трехперными черешковыми наконечниками¹⁹.

Еще одна разведка была произведена В. Д. Жуковым в 1952—1953 гг. на бугре, условно названном нами Аяк-тепе № 2. Этот бугор расположен в 1—1,5 км от Аяк-тепе (рис. 71)²⁰.

Размеры тепа с запада на восток и с юга на север 64 м, высота достигает 6—7 м. Бугор имеет обрывистые восточный и северный склоны, западный — относительно отлогий и сглаженный, с южной стороны холм покрыт песком, доходящим почти до его вершины. К югу от этого бугра среди почти сплошных песчаных барханов прослеживается другой плоский и низкий бугор, форма которого не может быть точно установлена. На поверхности обоих бугров много фрагментов керамики тех же типов, что и на Баш-тепе.

Раскопки на восточной и северной стороне основного бугра выявлен ряд помещений, как бы опоясывающих все сооружение и оказавшихся в плохой сохранности. На западной стороне удалось проследить остатки пандуса, служившего для входа в укрепление.

Толстые наружные стены, сложенные из кирпича и паласы, в верхней части имели отверстия бойниц. Все здание было построено на высокой глиняной платформе. Общую картину планировки помещений затемняют многочисленные ремонтные кладки, позднейшие закладки помещений сырцовым кирпичом и разрушения. Стены сложены из крупного квадратного кирпича со сторонами 47, 41 или 36 см, типичного для сооружений времени около начала нашей эры. Они во многих местах обожжены до красноватого цвета, что свидетельствует о бывшем здесь пожаре. В помещениях найдено много керамики в оскоках, редких случаях возможность восстановить форму сосудов. Это преимущественно большие хумы, часть которых имела выпуклое дно. Из мелкой посуды находили характерные бокалы на ножках (рис. 72), округло-конической формы и островерхие с вертикально стоящими стенками, чаши, горшки и т. п. Весь этот материал может быть датирован временем около начала нашей эры и первыми ее веками. Обнаружено несколько очагов, которые были обложены обломками крупных сосудов.

¹⁹ О. В. Обельченко. Куя-Мазарский могильник. — «Труды ИИА АН УзССР», вып. VIII, стр. 221—222; стр. 38. Кулажные погребения первых веков н. э. и кельтафы Куя-Мазарского могильника. — «Труды САГУ», вып. CXI, Ташкент, 1957, стр. 119.

²⁰ В. Д. Жуков. Материалы к изучению баш-тепичской группы памятников в западной части Бухарского оазиса. — «Труды ИИА АН УзССР», вып. VIII, 1956, стр. 173 и сл.

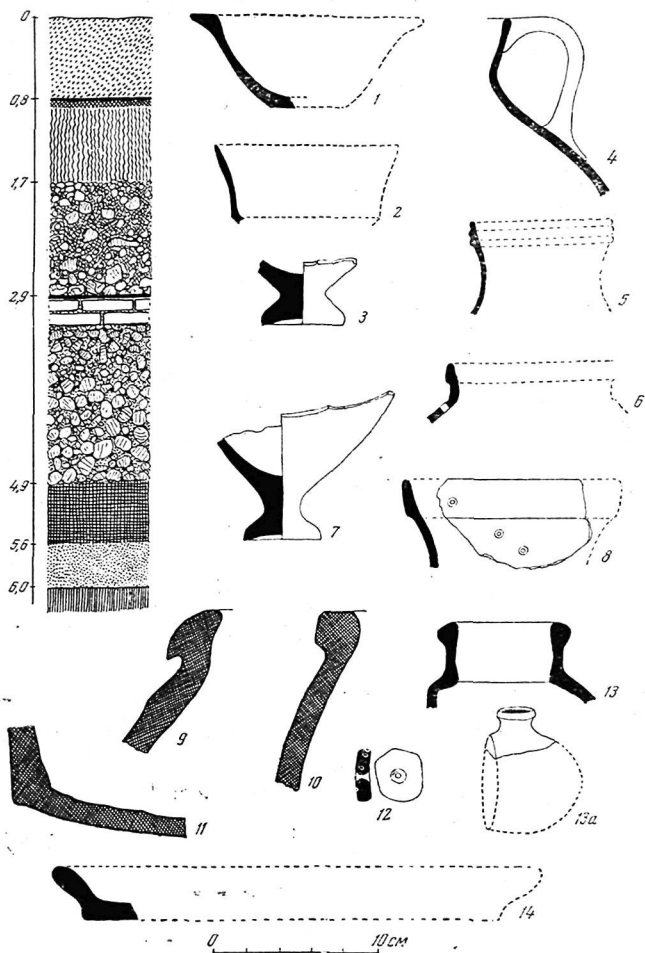

Рис. 70. Стратиграфическая колонка и керамика Баш-тепе

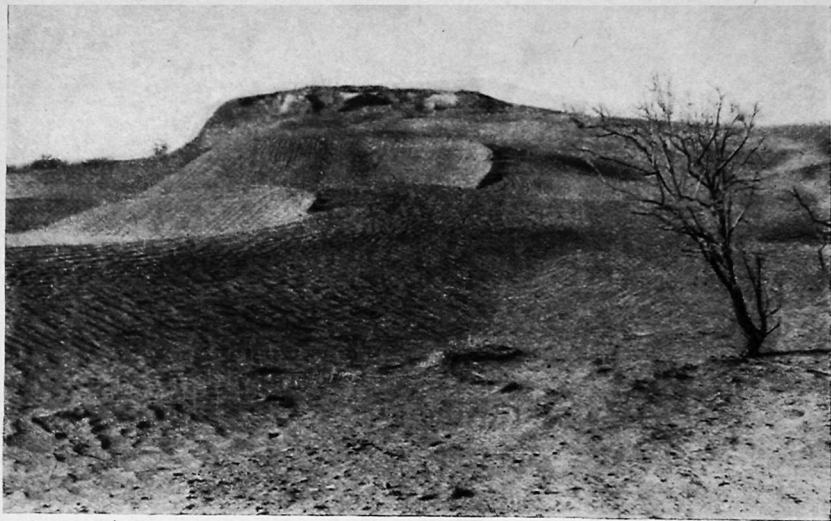

Рис. 71. Аяк-тепе № 2

Никаких следов пребывания человека в более позднее время не найдено. Разведочный раскоп Аяк-тепе № 2 полностью подтвердил те выводы, к которым мы пришли на Баш-тепе.

Рис. 72. Бокал с Аяк-тепе № 2

Из интересных находок на Аяк-тепе № 2 следует отметить каменные зернотерки (вообще нередко встречающиеся на описываемой территории), бронзовые трехгранные наконечники стрел — такие же, какие были найдены у Аяк-тепе № 1,

и пять терракотовых статуэток (рис. 73). Терракоты изображают (они оттиснуты в штампе-матрице) женщину, одетую в длинную одежду. Правая рука ее положена под грудь, левая, опущенная ниже, держит какой-то предмет. Обращают на себя внимание пропорции тела женщины: у нее короткие ноги и торс и непомерно большая голова. Все пять фигурок дают точное повторение одного и того же иконографического типа, вплоть до пропорций тела и мелких деталей, но они разной величины и оттиснуты все в разных штампах. Можно положительно утверждать, что статуэтки, вышедшие, надо полагать, из рук одного и того же мастера, дают традиционно сложившийся иконографический тип и что они имели культовый характер — изображали женское божество.

На расстоянии 1 км от Аяк-тепе № 2 возвышается еще один бугор — Чек-тепе. Он обладает обрывистыми крутыми склонами. На его плоской поверхности, как и на других памятниках, много керамики уже известных типов.

Следующий бугор, расположенный на расстоянии около 2 км к юго-востоку от Аяк-тепе, — Безымянный № 2 — настолько невелик, что при первой разведке 1937—1938 гг. он не был замечен среди окружающих его мощных барханов. Памятник состоит из округлого основного бугра и небольших холмиков на северо-западе и на востоке.

Рис. 73. Терракотовые статуэтки с Аяк-тепе № 2

В одном из них, лежащем на восточной стороне от основного холма, вырыта небольшая прямоугольная пастушеская землянка, перекрытая стволами и ветвями кандыма. В стенах этой землянки видна глинобитная кладка, отдельные сырцовые кирпичи, прослойки угля и черепки, среди которых найдены фрагменты двух тонкостенных чаш с вертикальными бортиками, покрытые красным ангобом.

Керамика на поверхности бугра такая же, как и описанная выше.

Следуя дальше по юго-западному краю древней оседлой полосы, в 1 км западнее были обнаружены развалины глинобитного здания, представляющего собой прямоугольник стен, заполненный внутри землей и мусором. Заметны остатки возвышающегося над эти стенами второго этажа. Это здание, по-видимому, более позднее, чем описанные ранее тепе. Об этом говорит относительно хорошая сохранность стен. Но осколки керамики, собранные около здания, могут датироваться первыми веками нашей эры. Это преимущественно фрагменты тонкостенных чаш, покрытых красным ангобом. Замечены также и обломки каменных зернотерок.

В 800 м далее к востоку есть еще один низкий распылчатый бугор, на поверхности которого собраны керамика таких же типов, как указано выше. На 500—600 м восточнее его — такой же бугор. Здесь были найдены ножки бокалов, покрытых красным ангобом.

Несколько особое положение по археологическим находкам занимает Таали-Сурх (Кызыл-тепе). Это небольшое тепе расположено к северо-востоку от Чек-тепе. Оно имеет несколько своеобразную форму. Юго-западный угол его выступает в виде массивной башни; выдающийся наружу массив виден и в юго-восточном углу. Склоны бугра крутые, обрывистые. На наиболее возвы-

шенной части, ближе к северо-западному углу, заметны с поверхности контуры двух смежных помещений — квадратного и прямоугольного. Наряду с керамикой, встреченной на Баш-тепе и других памятниках: обломками красных ангобированных чаш и бокальчиков и т. п. здесь есть обломки керамики более позднего времени, трудно определимые вследствие их измельченности, и даже куски жженого кирпича, не встречавшегося нигде на других памятниках этого участка. Были найдены совершенно окислившиеся небольшие медные монеты. Но и здесь не встречено ни осколков стекла, ни поливной глиняной посуды, которой усыяны окрестности Кампирака и всех тепе, расположенных к востоку от него.

Очевидно, в этом месте жизнь продолжалась некоторое время и после того, как остальная часть западной группы была оставлена жителями. Возможно, что здесь сыграло роль более удобное положение поселения в отношении водоснабжения, так как оно было расположено выше по каналу, орошавшему местность. Возможно также, что жизнь здесь возродилась после некоторого перебива, но на недолгое время, так как к IX—X вв. селение не имело жителей.

Кроме перечисленных сравнительно крупных памятников, было обнаружено несколько плоских холмиков, покрытых иногда мелкой галькой, иногда — осколками керамики. Несколько таких холмиков лежит к юго-востоку от Урта-тепе, два — между Аяк-тепе и Аяк-тепе № 2. К востоку от Урта-тепе на расстоянии менее 1 км видны остатки здания в виде фрагмента стены, сложенной из сырца. Рядом — холмик с обломками хумов. Покрытый фрагментами керамики небольшой холмик, возможно, могила, замечен в 300 шагах на юго-восток от Урта-тепе. Могила эта позднего происхождения, с небольшой насыпью обожженной кус-

ками жженого кирпича, находится к востоку от Чек-тепе. Здесь же единственное место, где было найдено несколько фрагментов поливной керамики XV—XVI вв.

Северная, западная и южная границы населенной и орошенной в древности территории окончательно не прослежены. Нам удалось углубиться в степь всего лишь на 1,5 км к северу от Безымянного бугра № 1 и приблизительно на такое же расстояние к западу от Урта-тепе. На всем этом протяжении встречались и осколки керамики, и следы оросительных сооружений.

В. А. Нильсен, совершивший в 1953 г. поездку к колодцу Ша-Юсуф, а затем к развалинам сооружения, именуемого Ак-рабат, свидетельствует оседлости в районе колодца Ша-Юсуф не нашел.

Наблюдениями с воздуха установлено, что следы арыков продолжаютсся дальше, за Баш-тепе, но до колодца Ша-Юсуф, насколько удалось заметить, они далеко не доходят. Не обнаружили мы их и дальше по направлению к Ак-рабату²¹. Между колодезем Ша-Юсуф и рабатом видно много промоин естественного происхождения, или ложин выдува, подобных тем, которые имеются неподалеку от Варакши. По наблюдениям Я. Г. Гулямова, проехавшего еще в 1949 г. на верблюдах от колодца Ша-Юсуф в направлении к Ак-рабату, здесь имеются следы культуры: были найдены грубая архаическая керамика и зернотерки.

За Ак-рабатом, поскольку можно было установить, расстилается пустая первобытная степь, доходящая до бугров Уч-Баш — возвышенности естественного происхождения.

Мы не даем здесь детального описания «северного участка», заключающего в себе около двух с половиной десятков крупных тепе и значительного количества более мелких памятников, разобранных между ними. Проведенное нами в 1937 г. обследование этой группы, имело слишком беглый характер. С 1954 г. на этом участке работает археологический отряд под руководством Я. Г. Гулямова. Отряд продолжает раскопки небольшого древнего городища Кызыл-кыр и производит детальную разведку других памятников.

В предлагаемой работе мы считаем поэтому возможным ограничиться некоторыми суммарными сведениями, необходимыми для полноты общей картины, и остановиться лишь на памятниках, представляющих интерес в историко-топографическом отношении.

Северный участок расположен к западу от населенных и в наше время древних селений Кахштуван²² и Зандани²³ и заброшенного жителями вследствие наступления песков селения Вардан-

зи²⁴. От среднего участка он отделен полосой, по-видимому, никогда не возделывавшейся степи, там же находится описанный выше мазар Ходжа-Убан.

Местность эта, по нашим наблюдениям, несколько повышена и служит как бы водоразделом между ветвями оросительной системы Хитфара, снабжавшей водой эти участки. Северный участок орошался, вне всякого сомнения, той ветвью древнего канала, которая и в наше время сохраняет свое старое название «Хитфар» или «Зандани» (второе название — по имени упомянутого селения).

В крайнем северо-западном углу описываемого участка возвышается мощный холм, именуемый по находящемуся около него мазару Ходжа-Парсан (ср. 74). Об этом городище мы уже упоминали в связи с описанием древней оросительной системы Бухарского оазиса. Холм расположен в 16—17 км от селения Кахштуван. Главная часть прямоугольного в плане бугра вытянута с севера на юг. Длина его около 100 м, ширина 75 м. Поверхность холма плоская и ровная, только северо-восточный угол тепе более возвышен и представляет собою как бы дополнительный холм, почти квадратный в плане. К востоку от главного холма имеется группа непосредственно к нему примыкающих возвышенностей. Въезд в основную часть селения находился на восточной стороне. Бугор и окружающая местность густо усеяны черепками посуды.

Здесь встречается как тонкостенная керамика с красным ангобом и лощением, близкая по времени к началу нашей эры, так и более поздние образцы: белополлиная посуда с подглазурной росписью саманидского типа, типичная для X—XI вв. посуда с голубой поливой и красной ангобированной нижней стороной, кашинная «тимуридская» керамика XV—XVI вв. с толстым слоем стекловидной голубой и синей поливы или белая с черным и синим растительным орнаментом. Много обломков хузов. Встречаются сферокинические сосуды, котелки с большой примесью дресвы, каменные котелки, много осколков стекла. Все это указывает на длительность существования селения, хотя окружающая местность, насколько нам это удалось установить, опустела, как и окрестности Варакши, не позднее XI—XII вв.

Это явление можно объяснить наличием здесь места паломничества — мазара Ходжа-Парсан. Мазар этот расположен к северу от тепе и представляет собой небольшую постройку из сырцового кирпича на цоколе из сборного разноформатного жженого кирпича, с балочным перекрытием. Внутри постройки — сагона, оштукатуренная глиной с саманом. Рядом расположена мечеть, похожая на мазар по внешнему виду и по технике постройки. Здания относятся, по-видимому, к XIX в. и при осмотре их в 1937 г. находились в полуразрушенном состоянии. К северу от мечети и мазара кладбище, на котором имеются и совсем недавние могилы.

²¹ Ак-рабат представляет собой прямоугольник стен из пахсы, внутри которого имеются остатки построек. Сооружение это не древнее и служило, по-видимому, караван-сараем на старой дороге в Хиву.

²² Упоминается географами X в. как одно из древних селений Бухары (В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 120).

²³ «История Наршахи», стр. 16.

²⁴ У Наршахи (там же) — Вардана.

Приблизительно в 1 км к северо-западу от Ходжа-Парсан обнаружены остатки небольшого прямоугольного в плане здания с мощными глинобитными стенами. Местность вокруг него усеяна осколками керамики, датируемой временем начала нашей эры. Более поздних следов поселения мы в этом месте не обнаружили. Следовательно, и здесь имеется небольшой район, аналогичный западной

ральное почти квадратное помещение окружено со всех сторон узкими коридорами²⁶.

В окрестностях Кызыл-кыра, по наблюдениям Я. Г. Гулямова, остатков культуры средневековья нет. Дальше к юго-востоку от него, в песках, где происходит разрушение такырной корки, обнаружены развешенные стоянки с микролитическими орудиями и призматическими нуклеусами. Южнее Кы-

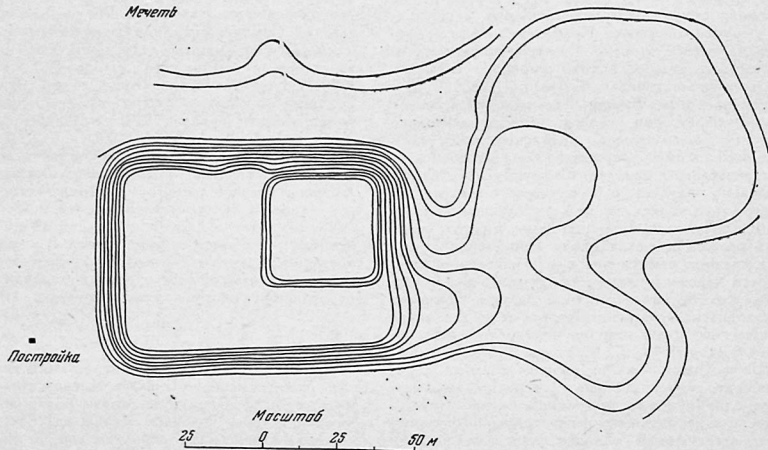

Рис. 74. Городище Ходжа-Парсан (план)

группе, в котором жизнь прекратилась еще до наступления средневековья.

Места с остатками только древней культуры, не дожившей до средневековья, выявлены также Я. Г. Гулямовым в районе Кызыл-кыра, расположенном в двух километрах к югу от бугра Сеталак, находящегося почти в середине северного участка. Он представляет собой невысокий округлый холм диаметром около 80 м²⁵. Раскопками вскрыто древнее здание с позднейшими пристройками.

План этого здания весьма своеобразен: цент-

зыл-кыра замечены очертания глинобитных жилищ с обломками крашеной керамики и мелкими зернотерками. Керамику этого района Я. Г. Гулямов

²⁵ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса.— «Труды ИИА АН УССР», вып. VIII, 1956, стр. 158.

²⁶ В. А. Нильсен. Кызыл-кыр. (Результаты раскопок 1955 г.).— «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 60—78. Назначение здания не вполне ясно. По плану оно близко напоминает зороастрийские храмы Сурх-Кутала в Северном Афганистане (D. Schlumberger, Le temple de Surkh Kotal en Bactriane.— JA, 1954, p. 161—187). Имеется сходство также с «храмом солнца» в Хатре и зороастрийскими храмами в Кала-и Душтаре, Фирузабаде и др. (E. Herzfeld, Archaeological History of Iran, London, 1955, p. 88—93). Однако решение вопроса о назначении здания и его датировке следует отложить до полной обработки материалов и публикации памятника.

связывает с керамикой верхнего горизонта культуры протока Гурдуш в системе Махан-Дарьи и устанавливает генетическую связь с культурами бронзы типа Анау и Чустской стоянки в Фергане²⁷.

Самый южный из памятников северного участка — Караул-тепе находится недалеко от современной границы оазиса, в 4 км к западу от селения Кахшитуван. Подобно тому, что мы видели на Кал-а-и Малля-бек и Кал-а-и Симинч, тепа было использовано в позднейшее время для возведения на нем укрепления, от которого частично сохранились сырцовые и глинобитные стены с круглыми башнями-бурджами по углам. Изнутри стены не выше 2 м, но снаружи благодаря почти отвесным склонам холма они производят весьма внушительное впечатление. Внутри крепости никаких следов построек не замечено. В большом провале — промине, прорезающем в одном месте холм, видна внутренняя стена какого-то помещения, сложенного из сырцового кирпича. Крепостные ворота находились на южной стороне. Во всем остальном это тепа обычного типа. С южной стороны к главному бугру примыкает небольшой плоский холм.

Неподалеку от Караул-тепе находится мазар Ходжа-Зафаран, при котором имеется несколько ничем не примечательных каркасных построек²⁸.

По всей степи обнаружены следы многочисленных оросительных каналов. Остатки трех каналов, параллельно идущих с северо-северо-востока на юго-юго-запад, замечены между селением Кахшитуван и Караул-тепе. Большой канал и следы более мелких арыков имеются около Ярты-тепе.

Из древних памятников производственной деятельности человека удалось обнаружить некоторые пункты изготовления глиняной посуды. Один из них находится к северу от Караул-тепе, где много керамического шлага и видны контуры обжитой печи; второй — в 2,5 км к северо-западу от мазара Баба-Ходжи²⁹ на небольшом холмике с доаравской керамикой. Дальше к северо-западу имеется еще один пункт с многочисленными кусками шлаков, где наряду с отходами гончарного производства встречаются большие куски стекловидной массы. Возможно, здесь была мастерская стеклодувов.

Неподалеку от бугра Ярты-тепе возвышается своеобразное сооружение, называемое местными жителями «гумбаз». Оно представляет собой большую глинобитную башню с толстыми стенами, сохранившуюся на высоту около 6 м. Стены ее внутри почти сплошь разделаны беспорядочно расположенными небольшими нишами — ячейками. Подобная башня, также называемая «гумбаз», есть и к северо-западу от мазара Баба-Ходжи. Постройка эта не может считаться очень древней хотя бы по-

тому, что деревянные связи, заложенные в толщу глинобитных стен, относительно хорошо сохранились, однако, местные жители не знают ни назначения этого сооружения, ни времени его возведения.

В целом северный участок дает ту же картину процветавшего некогда района, изрезанного оросительными каналами, усвоенного укрепленными замками-селениями и покрытого полями и садами. Скопления археологического материала, покрывающего тепа и их окрестности на большом расстоянии, свидетельствуют об интенсивности жизни и многочисленности населения. Здесь можно проследить те же исторически обусловленные, этапы сокращения возделанных поливных земель, что и в окрестностях Варахиш. Окраинные поселения (например, указанный нами пункт к западу от Ходжа-Парсан), а возможно, и некоторые пункты внутри рассматриваемой территории, были оставлены жителями еще в первой половине I тыс. н. э. Все же остальные поселения, свидетельства существования которых являются многочисленными тепе, опустели, судя по характеру керамического материала, не позднее XI—XII в. н. э. Продолжали, быть может, существовать только группы построек при особо почитавшихся мазарах (Ходжа-Парсан, Ходжа-Зафаран).

Ближе к современному оазису есть места, заброшенные значительно позднее: около мазара Баба-Ходжи встречается много осколков керамики, которая должна датироваться временем не старше XV—XVI вв. Следы поздних селений имеются и южнее, но все они находятся ближе к современным орошенным землям и являются свидетельствами относительно недавних отступлений Бухарского оазиса перед надвигавшимися песками пустыни.

* * *

В результате беглого осмотра памятников к западу от современного Бухарского оазиса мы можем уже теперь установить некоторые положения, важные для истории ирригации Зеравшана.

Археологическими работами еще не выявлены те звенья, которые связывают культуру бронзы со сложившимся классовым обществом, обладавшим обширной и хорошо развитой системой орошения — большими каналами, выведенными из Зеравшана.

Изучавшиеся нами памятники большей частью одноступенчатые: все они, за сравнительно немногими исключениями, состоят из высокого укрепленного замка и более или менее развитого низкого холма, представлявшего собой поселение при замке. Насколько мы знаем, этот тип городищ является особенностью Бухарского оазиса, и значительно реже наблюдается, по-видимому, в других местах.

Нами не обнаружено ни одного городища типа «турткулей», широко распространенных в районах по нижней Сыр-Дарье. Нет и городищ того типа, который известен близ Самарканда и на пространстве между Самаркандом и Бухарским оазисом. Мы имеем в виду очень характерные памятники, обычно прямоугольные в плане, состоящие из мощного

²⁷ Я. Г. Гулямов, Указ. соч., стр. 158—159.

²⁸ Кроме описанных памятников, в пределах северного участка были бегло осмотрены бугры Ходжа-Канпис (Чандыр-Аулия), Огуз-тепе, Ярты-тепе и некоторые другие, описание которых мы здесь опускаем.

²⁹ Мазар этот находится около северо-западного угла базиса, у северного края полосы древней культуры.

зала, образовавшегося из оборонительных стен и примыкавших к нему по периферии помещений, и возвышающегося посередине высокого холма, представляющего остатки здания-замка. К этому типу относятся известные самаркандские городища Кафир-кала, Талли-Барзу³⁰. Два таких городища (Кал-а-и Муг около селения Пай³¹ и другое, название которого не удалось выяснить) известны по дороге из Бухары к Катта-Кургану. В Бухарском оазисе нам известно только одно городище этого типа — Шахри-Вайран (древний Таваис)³², расположенное на восточной окраине оазиса, в системе Кампир-дивала. Сюда же, по-видимому, следует отнести и

городище Заххаки-Маран³³ у железнодорожной станции Карши. На территории Хорезма к этим городищам может быть причислен Якка-Парсан, относимый С. П. Толстовым к кушанскому времени³⁴.

В настоящее время трудно приурочить к определенной дате появление того или иного типа. Древность городищ «бухарского типа» подтверждается тем, что к ним относится такой безусловно древний памятник, как Аяк-тепе № 2, раскопанный В. Д. Жуковым. Признаки этого типа, может быть еще не вполне развитые, имеются и в развалинах Баш-тепе и Аяк-тепе.

Мы имеем основания предполагать, что к началу нашей эры поселениями этого типа была занята вся территория Бухарского оазиса, за исключением небольшого района к северу от Ходжа-Ариффа, о котором упоминалось выше.

³³ Памятник был описан И. Кастанье («Археологические разведки в Бухарских владениях». — ПТКАА, год XX. Ташкент, 1917, стр. 27—29). Л. А. Зимин («Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности». — Сб. «В. В. Бартольд. Туркестанские друзья и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 210—212) принял это безусловно древнее городище, восходящее к началу нашей эры, за крепость, построенную при Тимуре.

³⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1947, стр. 125—126.

³⁰ В. Г. Григорьев. Городище Талли-Барзу. — ТОВЭ, т. II, А., 1940, стр. 87 и сл. и другие работы того же автора.

³¹ В. А. Шишкин. Археологические наблюдения на строительстве Катта-Курганского водохранилища. — «ИУЗФАН», Ташкент, 1940, № 10, стр. 19. По имени селения Пай назван один из крупнейших магистральных каналов, выведенных из Зеравшана. — Нахри-Пай (обычно его называют Нарпай).

³² А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину в 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции). — ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 123—124, план на стр. 116.

Часть III

ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЕГО ИСКУССТВА

СТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ

Совсем еще недавно, до конца 30-х годов нашего столетия, древнее искусство Средней Азии оставалось неизвестной для науки областью. Отдельные редкие упоминания письменных источников, терракотовые статуэтки и налеты на оссуариях, небольшие и не оцененные по достоинству фрагменты стенных росписей лишь слегка приоткрывали эту интересную и важную сторону культуры среднеазиатских народов — предков современных таджиков и узбеков. Едва ли не единственным и уникальным памятником высокой художественной культуры древности некоторое время оставался знаменитый Айртамский фриз, известный с 1932 г.

Работы советских археологических экспедиций в корне изменили это положение. Открытие стенных росписей и алебастрового скульптурного декора варахшского дворца и последовавшие за ними замечательные памятники Топрак-калы, Пянджикента и Балалык-тепе, находки в древней парфянской Нисе и т. д. проливают яркий свет на многие стороны культурной жизни Средней Азии времени, предшествовавшего арабскому завоеванию. Благодаря им мы знаем теперь о своеобразной и высоко развитой художественной культуре, об опытных и изощренных в своем искусстве мастерах, о многовековых традициях, наследниками и продолжателями которых были народные художники того времени. Но этим не ограничивается значение открытых памятников искусства. Стенные росписи и скульптуры, выполненные из глины, алебастра и камня, дают достаточно ясное представление о внешнем облике древних обитателей Средней Азии, об обстановке и быте, об окружавших их вещах, наконец, об их идеологии. Правда, все это относится лишь к рабовладельческой, а позднее к феодальной верхушке среднеазиатского общества. В памятниках монументального искусства того времени мы не найдем образов представителей широких масс трудового населения, да не для них и работали художники, выполнявшие заказы своих правителей и господ.

Но нельзя забывать и того, что вся обстановка жизни социальной верхушки создана трудом народа, что руками простых ремесленников строились дворцы, украшенные живописью и скульптурой, делались золотые и серебряные сосуды и украшения, ткались пышные одежды и ковры. Все это творил гений народа, труд талантливых подневольных ремесленников, и лишь в какой-то мере их работы направлялись вкусами и модами господ. В этом и заключается особая ценность изумительных памятников древнего искусства, которые год от года все полнее и полнее открываются перед взорами исследователей.

Стенные росписи варахшского дворца, покрывают, как мы видели, стены трех залов: Восточного, Красного и Западного. Последний еще не раскрыт, и характер живописи в нем остается пока неизвестным. Кроме того, во многих раскопах мы находили иногда достаточно крупные, но чаще мелкие фрагменты живописи, относящиеся к разным помещениям и, насколько можно судить, к разному времени.

В отношении техники весь этот материал кажется однородным. Все росписи Варахши (а также и других памятников этого рода в Средней Азии) выполнены по глиняной штукатурке клеевыми красками, представляющими собой разновидность темперы. Именно этот способ живописи — по сухой штукатурке — широко распространен от Индии (Аджанты) и Афганистана (пещеры Бамиана, Духтари-Нуширван) через Среднюю Азию до Восточного Туркестана и пещер Тысячи Будд близ Дуньхуана. На всем этом пространстве нам не известна фресковая живопись, выполнявшаяся по сырой штукатурке, впитывающей в себя красочный слой¹.

¹ Часто стенные росписи независимо от техники их выполнения совершенно неправильно называются фресками. Фреска — особый вид стеной живописи по сырой штукатурке, когда краски проникают в нее, что придает живописи особую прочность; исследуемая нами живопись ничего общего с фресковой не имеет. Против неправильного употребления этого термина (в частности Кеменицом, Грюнвальдом) возражал еще С. М. Дудин («Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая», — МАЭ, т. V, вып. 1, Пг., 1918, стр. 33).

Какой клеей служил связующим веществом, остается в точности неизвестным. Попытка анализа этого клея в живописи Восточного Туркестана, несомненно, выполнявшейся в основном в той же технике, что и живопись Средней Азии², не дала результатов³. П. И. Костров, производивший в течение нескольких лет тщательное изучение варахшской и пиянджикентской живописи, вынужден был также ограничиться констатацией того, что связующим веществом служил «какой-то растительный клей»⁴. Установить его состав не удалось потому, что клеи за длительное время успели совершенно разложиться. Весьма возможно, что для решения вопроса о характере связующего вещества можно привлечь цитировавшиеся С. М. Дудиным место из уйгурского текста «Сутры Золотого Блеска», рекомендующей художнику, приступающему к изображению Будды и богинь Шри и Сарасвати, «размешать пять различных красок с древесным клеем»⁵. Правда, эта сутра не относится непосредственно к Средней Азии и, кроме того, из дальнейшего текста следует, что речь идет о живописи на ткани, но, кажется, этот прием можно распространить и на стенную живопись, в том числе и в Средней Азии, где вишневым, урюковым и другие клеи были хорошо известны. Впрочем, не исключено, по-видимому, и применение клея, очень распространенного в Средней Азии до нашего времени — шерша, добываемого из корней лилейного растения *Eremerus*, содержащих декстрин⁶.

Краски нанесены на глиняную штукатурку, накладывавшуюся непосредственно на стены из сырцового кирпича. Никаких дополнительных прослоек между кирпичом и стеной вроде плетенок из тальника, обнаруженных С. М. Дудиным в некоторых пещерах Шикшина⁷, нет. Только в одном месте в Красном зале, где вследствие горизонтальной трещины и деформации стены пришлось покрывать живописью неровную поверхность, под штукатурку были подложены пучки камыша.

В штукатурке обнаруживается большое количество примешанной к глине измельченной соломы и мелко изрубленного камыша. Солома и камыш совершенно сгнили, что значительно ослабило прочность штукатурки. Она накладывалась двумя слоями: первый, более толстый, непосредственно на стену; второй поверх него. После наложения штука-

турки она тщательно выглаживалась и затиралась глиной, чем создавалась гладкая ровная поверхность.

На подготовленную таким образом стену наносился очень тонкий слой белой подгрунтовки, по определению В. Н. Кононова, производившего анализы грунта из Пиянджикента, из гилса с возможным добавлением каолина⁸. П. И. Костров сообщил в личной беседе, что техника живописи Пиянджикента и Варахши ничем существенным одна от другой не отличаются.

Краски, применявшиеся в Варахше, вследствие разложения связующего вещества при вскрытии росписи имели бархатисто-матовую поверхность и легко стирались, но сохранили, несмотря на пребывание в земле около тринадцати столетий, яркость и свежесть. Такой сохранностью красок мы обязаны тому, что древние мастера использовали преимущественно местные минеральные красители: различного оттенка охры, от золотисто-желтой до оранжевой и красной, минеральные коричневые краски, синий лазурит, в качестве белил — гилс и каолин. Не меньшей устойчивостью обладали также сажа и толченый уголь, которые использовались, вероятно, в качестве черной краски⁹.

Оставляя специалистам детальное описание красителей варахшской живописи и выявление еще неизвестных, упомянем, что зеленая краска, напоминающая ярь-медянку¹⁰, встречена большими пятнами только в одном месте в живописи Восточного зала. Можно предположить также, что бурая окраска листочков в некоторых деталях росписи образовалась вследствие разложения недостаточно прочной зеленой краски¹¹.

Несмотря на ограниченное число использовавшихся красок, их смешение и соединение с белилами давало художникам возможность создавать большое разнообразие тонов и оттенков, особенно в теплой части цветового спектра. При этом живописцы, несомненно, ставили перед собой определенные колористические задачи. Достаточно сравнить росписи Восточного и Красного залов. Если в первом дана сложная гамма синих, сероватых, розовых, желтых и красных цветов и оттенков, то в Красном зале использованы исключительно тона и нюансы белого, красного, желтого и черного цветов. Нет ни одного пятна, которое было бы покрыто синей, голубой или зеленой красками. Это создает впечатление несколько сурового, но в то же время сочного колорита с преобладанием красного, что и послужило причиной условного названия этого зала.

Порядок работ живописцев устанавливается в общих чертах в следующем виде. После того, как на глиняную штукатурку наносился слой белого грунта, художник с помощью кисти рисовал черной

² Близость техники живописи Восточного Туркестана и Средней Азии отмечает и Н. В. Дьяконова («Культурное наследие национальных меньшинств Синьцзяна», — «Труды Государственного Эрмитажа», т. II, вып. I, М. — Л., 1958, стр. 208).

³ С. М. Дудин. Указ. соч., стр. 54.

⁴ П. И. Костров. Техника живописи и консервация росписей древнего Пиянджикента. — «Живопись древнего Пиянджикента», М., 1954, стр. 162.

⁵ В переводе В. В. Радлова. Цит. по указанной работе С. М. Дудина (стр. 49).

⁶ Этот клей находил применение в самых разнообразных производствах — сапожном, переплетном, столярном, текстильном и т. д. Употреблялся он также в качестве добавки в алебастр, что значительно повышало прочность этого материала.

⁷ С. М. Дудин. Указ. соч., стр. 36.

⁸ П. И. Костров. Указ. соч., стр. 162.

⁹ Там же, стр. 162—163.

¹⁰ Маалит.

¹¹ Подобное же явление нам приходилось наблюдать в лезайских мотивах росписи XVII в. в медресе Абдул-Азиз-хана в Бухаре, где кроны деревьев приняла буро-коричневую окраску.

краской контуры изображаемой сцены. Контуры выписывались очень тщательно, плавной ясной линией с соблюдением нужной ее толщины, подобно тому, как это для росписей Восточного Туркестана установил С. М. Дудин¹². Никаких следов припорохов или каких-либо иных механических способов нанесения рисунка нет. Против возможного предположения о применении припороха или калек говорит и свободная манера рисунка с поправками, которые можно наблюдать во многих случаях. Особенно характерен в этом отношении фрагмент с изображением руки, держащей копье, на западной стене Красного зала. Первоначально эта рука была нарисована слишком маленькой. Заметив ошибку, живописец перерисовал ее, сделав значительно больше. Так как этот фрагмент дошел до нас в несколько поврежденном виде, его обрабатывали закрепляющим раствором. При этом первоначальные контуры выступили достаточно отчетливо.

По окончании контурного рисунка на стену тонким ровным слоем наносились краски. Тона локальны, часто с постепенным переходом более светлого тона к другому — густому. Но этот прием применялся только для того, чтобы показать разную окрашенность изображаемого предмета. Никаких попыток передать объем хотя бы такой условной светотенью, какую мы наблюдаем в живописи Аджанты и некоторых росписях Восточного Туркестана, мы не заметили. Нет также и бликов. Живопись Варахши (а также Пянджикента и Бала-лык-тепе) типично плоскостная, без стремления выделить объем, без линейной и воздушной перспективы.

КРАСНЫЙ ЗАЛ

Как уже было сказано при описании распок, остатки стеной живописи сохранились на трех стенах — восточной, южной и западной. Северная стена представляет собой позднейшую грубую закладку. Размеры зала с севера на юг 12 м, с запада на восток 7,85 м. Вдоль всех трех сохранившихся стен идут суфы.

Над суфами тянется панель шириной от 1,25 до 1,30 м, опоясывающая все три стены. Выше этой панели небольшой выступ-карнизик, над которым уцелели остатки фриза с изображением шествия животных, проходившего некогда вдоль всех стен, но сохранившегося не везде. Выше фриза, там, где стены еще сохранились, штукатурка с росписью обвалилась. Фрагменты живописи сохранились в нижней части стен на высоту до 2 м над суфами.

Композиция нижней панели очень проста: панель представляет собой сплошную ленту, по которой на охристо-красном фоне примерно на равном расстоянии размещены отличающиеся деталями группы слонов, сидящие на слонах люди и нападающие на них хищники. Таких групп на восточной

После наложения красок снова прорисовывались контуры черными или красными (лица, руки, ноги, орнамент на желтых предметах, долженствовавших изображать золото) линиями. Мастер при этом не просто повторяет первоначальный рисунок. Он прорисовывает все как будто бы заново. Новые контуры нередко очень сильно не совпадают с первоначальными.

Несмотря на прекрасную сохранность красочного слоя росписей, они дошли до нас в сильно испорченном состоянии и в высшей степени фрагментарно. Прежде всего, как Восточный, так и Красный залы не сохранили верхних частей стен, а там, где они уцелели еще на достаточную высоту, с них осыпалась штукатурка. В сущности мы имеем дело только с нижними частями композиций, что ограничивает возможность представить себе живописный декор помещений в целом. Кроме того, во многих местах, особенно под влиянием солей, которыми богаты почвы Бухары, живопись отстала чешуйками от стены; кое-где она была покрыта потоками грязной дождевой воды. Верхняя часть росписи Восточного зала испорчена корнями растений и норами грызунов. Но самые досадные утраты были обнаружены в Красном зале. Здесь перед забытойкой помещением, надо думать, в VIII в., были вырублены значительные участки живописи. При этом пострадали главные образы фигуры и головы изображенных людей.

Все же и то, что сохранилось на стенах вскрышавшегося зала, производило незабываемое впечатление красочностью и своеобразием колорита, композиции и уверенно прорисованными контурами.

и западной стенах помещалось по четыре, на южной — три. По самому низу панели, непосредственно над суфой, проходит широкая орнаментальная кайма. В ней изображена несложная цветочная лента из спирально изгибающихся листочков, обращенных попеременно в разные стороны: вверх или вниз. Листочки окрашены в белый, желтый и густо-красный цвета. Фон — черный. Изображенные на панели животные стоят ногами непосредственно на кайме, которая, таким образом, как бы представляет собой землю.

Первая с северной стороны композиционная группа на западной стене сохранилась, как и все другие, весьма фрагментарно (табл. I). В центре ее находился белый, идущий вправо слон, на котором восседал два человека. У слона очень вытянутые пропорции туловища и короткие толстые ноги. Таковы же пропорции всех изображений слонов, описанных ниже. Ухо изображено в виде веерообразных фестончатых складок. Неправильно нарисованы прямые бивни, которые выходят не из верхней челюсти, как должно бы быть, а из нижней. Художник, изображавший слона, не очень хорошо представлял себе это животное и знал его, по-ви-

¹² С. М. Дудин. Указ. соч., стр. 44—45

димому, только по каким-то традиционным образцам, дошедшим до него в искаженном виде. Это становится особенно ясным из сравнения с представленными на той же панели изображениями зверей из семейства кошачьих, где пропорции, общие очертания тела и даже повадки переданы несравненно более точно, с тонким пониманием формы и движения.

Не свойственна обычному снаряжению слона и сбруя: на голове его видна конская уздечка из цепочек. Насколько можно понять по изображению, уздечка снабжена удилами и даже псалями. Неправильно посажен и погонщик. Он сидит на передней части головы, тогда как в действительности погонщик всегда сидит на шее. На некоторых животных, описанных ниже, изображены даже стремена, как известно, не употреблявшиеся при езде на слонах. Более естественными для убранства слона представляются прочие детали: нагрудник, украшенный бляхами, рядами «перлов» и подвешенными к нему бубенчиками, и чепрак, прикрепленный подпругой с простыми «елочным» орнаментом¹³.

Как уже сказано, на голове слона сидит, поджав под себя ноги, погонщик. Торс его обнажен, весь костюм состоит из набедренной повязки и плаща, который развевается за плечами. На обеих руках видны браслеты. Изображение головы не сохранилось. Погонщик вооружен копьём; им он поражает находящегося впереди слона чудовище (табл. I). Вторая фигура — человек, сидящий на слоне, — как и верхняя часть изображения слона почти полностью уничтожена. Осталась только правая рука с двумя браслетами, держащая прямой меч.

С обеих сторон на слона и сидящих на нем людей нападают чудовища. В данном случае это огромные, почти такой же величины, как слон, оранжевые львы. От льва, прыгающего сзади на слона, сохранилась только задняя часть туловища, частично задние ноги и поднятый вверх хвост. Лев, изображенный впереди слона, стоит почти вертикально на задних лапах. Передние лапы у него подняты, и он обращен влево от слона, но голова его, с оскалом белых треугольных зубов, повернута в сторону погонщика, пронзившего его спину копьём. Из раны льется кровь, изображенная пятном ярко-красной краски. Этой же краской показана рана на голове. В битве участвует и слон, схвативший хоботом левую заднюю лапу чудовища.

Несмотря на всю условность изображения чудовища-льва и значительные неточности в рисунке шеи и головы, художнику удалось хорошо схватить позу раненого зверя и придать всей сцене большую динамичность.

Во второй композиционной группе (табл. II), расположенной левее, слон окрашен очень светлой серо-голубой краской с круглыми белыми пятнами — «яблоками». Вся средняя часть рисунка слона утрачена. Сохранилась только голова с частью хобота и фрагмент задней части.

¹³ Примеры подобного убранства слонов можно видеть на многофигурных индийских миниатюрах XVI—XVII вв.

На слоне видна часть нагрудника с бубенчиками; на его голове — уздечка в виде ремешков, обозначенных тонкими красными контурами. На голове слона сидит погонщик с согнутыми ногами. Изображение головы и верхней части туловища погонщика не сохранились — они вырублены из стены. Видна его левая рука с браслетом, в которой он держит натянутый лук со стрелой, приготовившись выстрелить в нападающего на него чудовище. На спине слона сидит другой всадник, от изображения которого сохранилась только правая рука, держащая копьё, направленное на чудовище, нападающее сзади. На руке видны два браслета, а у локтевого сгиба на нее наброшен развевющийся желтый шарф (табл. II). Следует отметить особенность, характерную вообще для древнего искусства Востока: рука всадника дана в значительно более крупном масштабе, чем фигура погонщика. Всадник изображен в 2—3 раза крупнее погонщика. На спине слона сидел основной герой изображенного сюжета, погонщик же — фигура второстепенная; социальная значимость их была разной, что, следуя древней традиции, отобразил по-своему живописец¹⁴.

Если в первом случае фигуры животных, с которыми сражается герой, сидящий на слоне, могли быть названы огромными львами, то здесь они совсем фантастичны. Это белые крылатые грифоны с туловищем, напоминающим собаку, с хищными когтистыми лапами и длинной изогнутой шеей. Головы чудовищ не сохранились; крыло видно только у поднимающегося на задние лапы зверя, находящегося впереди слона. Крыло небольшое, слегка изогнутое кверху. Черной полоской с белыми «перлами» оно делится на две части: шитовидную, прилегающую к плечу, и как бы выступающую из нее перья. Животные окрашены белой краской, но задние части их туловищ, частично лапы и верхний край крыла оттены желтыми полосами. Шерсть изображена в некоторых местах фестончатой линией контура. Своеобразно передана шерсть на груди и животе. Здесь параллельно черному контуру, очерчивающему фигуру, проведена еще красная линия, прерывающаяся на равных расстояниях как бы полупальметками.

Вообще фигуры фантастических белых грифонов имеют характер как бы нарочито условный и даже орнаментальный. Это впечатление усиливается еще больше рисунком хвоста, закручивающегося кверху и заканчивающегося тройной полупальметтой. Напомним, кстати, что такой же орнаментальный хвост у очень похожего фантастического зверя-грифона изображен на известном хранящемся в Эрмитаже блюде, происходящем из деревни Томы бывшего Глазовского уезда (ныне в Кировской области)¹⁵.

¹⁴ Примеры разномастного изображения фигур, когда царь или герой своими размерами во много раз превосходит остальные фигуры, весьма многочисленны в искусстве Древнего Египта и Месопотамии, в буддийском искусстве Индии и т. п.

¹⁵ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 22.

Третья группа (табл. III) сохранилась хуже, чем две предыдущие. Фигуры людей, головы зверей и слона оказались вырубленными из стены полностью. Только в верхней правой части композиции остался фрагмент с частью изображения белого присовокупленного красными контурами разрезающегося шарфа. Отличительной особенностью здесь является окраска слона: он желтый с белыми круглыми пятнами. Хорошо сохранился нижний край круглого чепрака, покрывающего спину слона и укрепленного подругой с таким же «елочным» орнаментом, как у слона первой описанной группы. Чепрак украшен сложным узором, установить характер которого ввиду плохой сохранности живописи не представляется возможным. По краю чепрак обшит широкой каймой, украшенной полукругами и «перлами», внутри которых помещена часть изображения, по-видимому, животного. Кайма, очевидно, представляет собой полосу, вырезанную из ткани, украшенной кругами, с какими-то изображениями внутри. Подробнее о тканях этого весьма распространенного стиля мы скажем ниже. Теперь же отметим, что чепраки, обшитые каймой из таких полос материи, украшенной кругами, когда изображение внутри оказывается разрезанным по горизонтали, мы увидим и при дальнейшем описании живописи Красного зала. Каймой этого типа обрамлены все чепраки на слонах, где это можно видеть при достаточной сохранности живописи. Мало того, они оказываются очень широко распространенными: чепрак с подобной же каймой наброшен на желтого зверя в росписях Пянджикента¹⁶. Похожая кайма изображена в Фундукстане на свисающем из-под колушки полукруглом подолое туники лунного божества¹⁷.

Из-под чепрака видно маленькое желтое стремя. С обеих сторон к слону обращены вздыбившиеся на задние лапы звери из семейства кошачьих. Спины у них желтые, груды и живот белые. Тело покрыто темными, несколько расплывчатыми пятнами в виде обращенных вниз петель своеобразного рисунка, с точками внутри. Головы животных не сохранились.

Четвертая — последняя на западной стене — композиционная группа со слонком (табл. IV) очень интересна, так как она сохранилась лучше, чем роспись на других стенах. Мусульманские иконоборцы поработали и здесь: уничтожили голову правого зверя, голову погонщика, нанесли ряд повреждений в средней части композиции и начали вырубать голову зверя слева, но по какой-то причине не закончили своей работы. Благодаря этому сохранилась полностью вся фигура слона и почти вся — сидящего на нем героя. В лучшей сохранности, чем в других местах, оказалась и широкая полоса каймы, проходившая по низу стены.

Здесь особенно наглядно видны неправильные пропорции слона с его вытянутым толстым туловищем и короткими ногами. Он светло-сиреневого

цвета, с белыми круглыми «яблоками». Бивни у него, как и у слонов первой описанной группы, вырастают из нижней челюсти. Убранство этого слона также сходно с описанным выше. Только уздечка здесь изображена не так отчетливо. Спину его покрывает двойной чепрак: прямоугольный со срезанным углом и круглый, накинутый поверх первого. Нижний из них белый со светло-серым узором в виде каких-то кружков и треугольников и с каймой из маленьких белых кружков. Поле круглого чепрака орнаментировано по черному фону косой желтой сеткой, образующей квадратики, в которых в шахматном порядке размещены желтые кружки с черной серединой или четырехлепестковые фигуры-розетки. Круглая попола обшита каймой с расположенными в шахматном порядке сегментами желтых кругов, обрамленных черной полоской с белыми «перлами». Чепрак укреплен подругой, отчасти с таким же «елочным» орнаментом, как и в других случаях. Желтый с красным узором нагрудный ремень и такой же подхватник украшены свисающими с него попеременно бубенчиками и сердцевидными подвесками, причем последние прикреплены к ремню окруженными «перлами» круглыми бляшками. На подхвостном ремне над этими бляшками укреплены еще добавочные желтые украшения в виде фестончатых фигур.

Всадник, очень большой по сравнению со слонком, сидит в свободной позе на середине спины слона. Левая нога его опущена и вставлена в маленькое желтое стремя, правая согнута и лежит на колене левой ноги. Торс показан в пол-оборота налево, голова повернута на три четверти вправо, в сторону животного, поражаемого копыем. Копье изображенный персонаж держит выше груди обеими руками (правая не сохранилась). У него молодое лицо с слегка раскосыми глазами, черными бровями и маленькими усами над небольшим ртом. Мочка уха оттянута вниз, в ней большое желтое кольцо — деталь, чрезвычайно распространенная в буддийском искусстве Индии и так называемом гандхарском искусстве. На голове у всадника очень сложный головной убор (табл. V). Сохранился он в живописи не полностью. Насколько можно понять, головной убор состоял из украшенной белыми «перлами» диадемы, и каких-то украшений над ней. К передней стороне диадемы, над лбом прикреплена фигура, напоминающая протому животного (видны лоб и ухо). Вероятно, с головным убором связаны большие разрезающиеся шарфы-ленты, изображенные по обеим сторонам всадника. Торс его обнажен. Весь костюм состоит из розовой набедренной повязки, закрепленной на животе узлом, и серых остроносовых сапожек с раструбами, обшитых по краю голенища почти такой же каймой с полукружиями из «перлов», каковая украшает круглую попопу.

На втяжке множество украшений. На груди у него видны три ожерелья, одно над другим. Ожерелья изображены в виде желтых полосок со множеством белых околнуренных красными линиями кружочков, которые располагаются цепочкой по одной линии или составляют в середине груди розет-

¹⁶ «Живопись древнего Пянджикента», табл. XXVI, XXVII.

¹⁷ J. Hackin. Les travaux de la Délégation française en Afghanistan. — RAA, XCI, Mars 1938, № 1, p. 10, fig. 23.

ки-медаллоны. Кружки, несомненно, как и в других случаях, должны изображать драгоценные камни. На сохранившейся левой руке видны три браслета. Два из них, около запястья, расшифровываются как толстые двойные обручи с крупными камнями. Третий браслет, на плечевом суставе, составлен из двух желтых (золотых) изогнутых дисков, соединенных между собой. Такой же браслет, одетый ниже колена, виден на правой ноге. Здесь мы невольно опять должны вспомнить Индию, так как подобные же украшения на руках носят многие персонажи, изображенные в росписях Адджанты¹⁸.

На левом боку всадника висит длинный прямой меч (место, где находилась рукоятка меча, испорчено). Меч подвешен на портупее, украшенной цепочкой «перлов».

На голове слона сидит погонщик. Он поджал под себя левую ногу; правая протянута вперед и свисает с головы слона. Торс погонщика также обнажен, и костюм, подобно костюму главного персонажа, состоит только из набедренной повязки. На каждой руке по два браслета: около запястья и на плечевом суставе. На желтой портупее-поясе висят ножи длинного прямого меча. В правой руке погонщика меч с желтым перекрестием. Он глубоко вонзил его в грудь зверя.

Звери желтые, с белыми грудью и животом, покрыты кольцевидными пятнами, напоминающими отдаленно расцветку шкуры леопарда. Зверь справа, раненный в спину копьем, представлен стоящим на задних лапах; он как бы убегает от поражающего его всадника; передние лапы и все туловище обращены вправо, но голова, насколько можно судить по сохранившимся остаткам, повернута в сторону вилы. Животное слева, тоже поднявшееся на задние лапы, бросается прыжком на слона и сидящего на нем погонщика.

Общий характер композиции живописи южной стены тот же, что и на западной, с тем различием, что слоны здесь изображены идущими вправо.

Первая справа группа (табл. VI) сильно испорчена: вырублена значительная часть фигуры слона, вся фигура погонщика, голова зверя, находящегося справа, верхняя часть туловища и голова главного персонажа. Кроме того, во многих местах сказалась работа воды и солей, выразившаяся в выпадах красного слоя, его шелушении и т. д. Тем не менее, эта группа даже в таком фрагментарном состоянии представляет значительный интерес, особенно чудовища, нападающие на людей и слона. Это снова белые грифоны, как во второй группе западной стены, но отличающиеся значительно более сложным рисунком, более энергичным движением, большей динамичностью линий. Особенно экспрессивной выглядит, даже без утраченной головы, фигура чудовища справа. Мастеру, пожалуй, лучше, чем в других случаях, удалось передать стремительный натиск зверя, стоящего на задних лапах. Впечатление большой силы движения усиливается здесь ри-

сунком крыльев, показанных не в спокойном статическом состоянии, как у грифона западной стены, а с упруго изгибающимися, как будто бы движущимися перьями. Не менее интересно и второе чудовище слева. Художник изобразил его за сломом: ниже живота слона видны только его задние лапы, составленные вместе. Верхняя часть туловища с правым крылом, длинной изогнутой шеей и отчасти уцелевшей головой с остроколючими изогнутыми козлиными рогами показана за крупной слона. Фантастический зверь, изогнувшись, впился когтистой лапой в слона. Фигура чудовища, хотя и не вполне правильно нарисованная, полна движения.

Отметим еще интересную деталь: на перьях крыла чудовища, по одному на каждом перье, изображены какие-то загадочные знаки: **78XΔO**. Разгадать смысл их пока не удалось¹⁹.

По остаткам изображения главной человеческой фигуры можно судить, что торс всадника был также обнажен и украшен ожерельями. На каждой руке, как и в предыдущем случае, по три браслета. В руках на уровне живота человек держит какой-то предмет, изображенный несколько изогнутой линией. Изогнутость линии заставляет думать, что это не копье, а веревка, и что всадник захватил арканом одно из чудовищ, по-видимому, то, которое слева впилось в слона. Изображения аркана как охотничьего оружия в искусстве Древнего Востока встречались и прежде. Напомню одно из эрмитажных серебряных блюдов, на котором выгравирован царь, заарканивший онагра²⁰. На Варахсе среди фрагментов резного стука найдено изображение руки, держащей веревочную петлю, которая также может быть объяснена как аркан, набрасываемый охотником на шею животного.

Добавим к этому, что черз левую руку, а затем черз правое плечо всадника переброшен длинный розоватый шарф, развевающийся сзади пышными складками.

Вторая группа на южной стене (табл. VII), занимающая центральное место, характеризуется тем, что два зверя, бросающиеся на слона и сидящих на нем людей, нарисованы несколько по-разному. Оба они из семейства кошачьих, окрашены в светло-желтый цвет, с белой грудью и животом, но шкура одного из них усена распыляющимися петлевыми пятнами, как у зверей в третьей группе западной стены, а у другого спина и лапы покрыты кольцевидными относительно крупными пятнами, напоминающими четырехлепестковую розетку. Оба зверя показаны в стремительном броске, левый из них вонзил зубы и когти в круп слона.

Фигура слона, окрашенного в белый, чуть розоватый цвет, относительно хорошо сохранилась. На нем нагрудник и подхвостный ремень, подобные описанным выше, и уздечка, прорисованная тонкими

¹⁸ Часть этих знаков близко напоминает буквы легенд афганских монет. Попытки связать их с тюркским «орхонским» алфавитом, что неоднократно советовали автору участники заседаний, на которых демонстрировались копии росписей, явно неудачны.

²⁰ И. А. Орбели, К. В. Травер. Указ. соч., табл. 8.

¹⁸ G. Yazdani. Fine art.—«History of the Deccan», vol. I, pt. VIII. Oxford and Bombay, 1952, pl. XLIII.

красными линиями; заметны псади. На спину слона наброшен двойной чепрак. У нижнего, прямоугольного, видны только углы с элементами непонятного орнамента; верхний — круглый и заполнен также каким-то сложным узором. Этот чепрак обшит каймой, украшенной уже знакомыми нам полукругами с «перлами». Стремени нет, подпруга обозначена только двумя красными линиями.

От фигуры погонщика почти ничего не осталось. Уничтожена и вся верхняя часть фигуры главного персонажа: голова, плечи и рука, кроме предплечья и кисти левой руки с двумя браслетами. Виден обнаженный торс и длинный развешившийся шарф желтоватого цвета. Розоватая набедренная повязка завязана спереди узлом. Имеется еще какая-то часть одежды, вроде передника, украшенного фестончатой каймой. Своеобразна посадка всадника: он сидит лицом к зрителю, скрестив свешенные вниз ноги. На ногах не заметно никакой обуви: они босые и украшены браслетами на шиколоте (языка «перлов») и на середине голени (из двух согнутых дисков, как описано выше).

На левом боку висят желтые с красным линейным рисунком ножны меча, которые всадник придерживает левой рукой. Меч, очевидно, был изображен в правой руке.

От фигуры всадника в третьей группе южной стены (табл. VIII) уцелела только часть торса, повернутого в три четверти вправо, и поднятая вверх рука, согнутая в локте. Видны два браслета. Кисть руки не сохранилась. Узел, которым завязана набедренная повязка, и длинный развешившийся шарф подобны уже описанным. Положение ног не ясно.

От изображения слона сохранилась только нижняя часть. Можно различить двойной чепрак (прямоугольный и круглый с каймой, украшенной полукругами), нагрудный ремешок и подпругу. На слона нападают два зверя. Правый, находящийся перед головой слона, изображен стоящим на задних лапах, с поднятыми и прижатыми к груди передними. Голова сильно испорчена, заметен только правый глаз и ухо. Шкура животного разрисована поперечными темными полосами и, несомненно, имитирует тигровую. Окраска на спине и лапах светло-желтая, на животе и груди белая. От второго животного (слева) сохранились только задние ноги, которые изображены под животом слона. Здесь зверь, подобно белому грифону на той же южной стене, изображен за слоном. Надо полагать, что его поза была похожа на позу левого белого грифона²¹.

Благодаря такому положению, тигрообразный зверь не занял всего пространства стены до юго-восточного угла. По-видимому, чтобы не нарушить ритм живописной композиции, требовавшей более или менее определенных расстояний между составляющими эту композицию отдельными группами, мастер употребил довольно неожиданный прием. Зверь, относящийся к крайней с юга группе на вос-

точной стене, был изображен таким образом, что его задняя часть и левая задняя лапа попали на южную стену, тогда как вся остальная часть фигуры оказалась на восточной; изображение животного оказалось как бы перегнутым.

Слон в центре ближайшей к юго-восточному углу группы на восточной стене (табл. IX), окрашен в очень светлый желтый цвет с белыми «яблоками». Середина и верх композиции уничтожены. На слоне нагрудник и подхвостный ремешок с множеством бляшек и украшений, уздечка с псалями и свободно висящее стремя. Попона украшена каймой с орнаментом из «сердечек».

От главного всадника уцелела только часть изображения ноги с подколennым украшением — браслетом из двух дисков — и передняя часть ступни. Он обут в сандалии, поддерживающиеся ремнем несколько выше пальцев ноги. Виден также кончик ножен меча. От фигуры погонщика сохранилась согнутая в колене нога, без украшений и обуви, часть набедренной повязки из узорчатой ткани и небольшой фрагмент торса. Головы чудовищ из семейства кошачьих, окрашенных в светло-желтый и белый цвет с темноватыми петлевидными пятнами, не сохранились.

Следующая слева композиция на восточной стене (табл. X) включает интенсивно окрашенную в желтый цвет слона с маленькими белыми крапинками и желто-оранжевых зверей. На слоне обычные украшения в виде подхвостного и нагрудного ремешка с бляшками и подвесками. От главной фигуры в росписи остался небольшой фрагмент торса с ожерельями, предплечье и кисть руки с рукояткой меча, на котором видно прямое перекрестие, и складки шарфа или плаща, развешивающегося слева от уцелевших фрагментов фигуры. На голове слона сидит, как обычно, погонщик, скрестивший босые, без всяких украшений, ноги. На нем розоватая набедренная повязка. Видна левая рука с копыем, вонзенным в грудь зверя, изображенного справа от слона. Рана обозначена пятном яркой красной краски.

Головы зверей не сохранились. Тому из них, который находится справа от слона, также нанесена рана, по-видимому, мечом главного персонажа: верхняя часть туловища (вернее шея) также окрашена густой красной краской, изображающей кровь.

Значительный интерес представляет следующая группа, вскрытая не полностью (табл. XI). Слон здесь розоватого цвета, с очень длинными прямыми кляксами. От фигуры погонщика сохранилась рука, вытянутая по направлению к зверю, нападающему спереди. На руке погонщика два браслета. Над головой зверя он занес боевой топорик — секиру (единственное изображение этого вида оружия в наших росписях). На погонщика светлая розоватая набедренная повязка.

Зверь светлый, желтоватый, с когтистыми птичьими лапами, видно крыло из белых, розовых и желтых перьев. Высоко поднятая на тонкой шее голова не сохранилась.

Описанная панель как бы несколько заглублена в стену и отделяется от ее верхней части небольшим

²¹ Именно так представлял себе этого зверя П. И. Костров, который в своей реконструкции части восточной росписи, экспонированной в Эрмитаже, изобразил его сильно повернутым и вписанным в кривую слона.

выступом. По краю выступа проходит узкая кайма. В ней между двумя желтыми полосками изображен на черном фоне несложный орнамент в виде волнисто изгибающейся ленты. Одна сторона этой ленты окрашена в белый цвет, другая — в светло-желтый, коричневатый.

Так же как и на нижней панели, где орнаментальная кайма служит как бы землей, на которой размещены животные и чудовища, по верхней кайме тоже изображено шествие зверей.

Фриз с шествием зверей сохранился очень плохо и только в нижней части: видны ноги, и в редких случаях низ живота. Во многих местах этот фриз исчез совершенно.

На западной стене животные изображены идущими влево, на восточной, где уцелел лишь небольшой фрагмент этого фриза, — вправо. Эти два шествия зверей как бы встречаются на южной стене, причем не в середине ее, а ближе к юго-восточному углу.

Описание начнем снова с западной стены, от ее северо-западного угла. Первое изображение животного, вернее следы этого изображения, сохранились над слоном первой композиционной группы (правее фриз осыпался). Это две передних и одна задняя нога какого-то копытного животного, окрашенные в сиренево-розовый цвет. Левее — три желтые с белым когтистые лапы животного из семейства кошачьих. Одна из передних лап, которая была, вероятно, изображена поднятой вверх, не сохранилась. Еще дальше — слабые следы изображений розовых ног какого-то копытного животного и одна нога другого копытного животного, быть может, типа пятнистого оленя, за которой следует большая лакуна. Несколько лучше сохранилось изображение следующего животного, приходящее над головой слона и белым грифоном второй композиционной группы западной стены. Судя по желтой окраске с характерными темными полосами, это тигр. Одна из его передних лап полусогнута и поднята в воздух. Особенно интересно отметить, что на тигре надетая белая с черным рисунком попона, укрепленная подпругой.

Левее тигра сохранились четыре ноги и живот коричнево-сиреневого животного. На нем также заметна попона с каким-то орнаментом, от которого остались незначительные следы. Со спины около передних ног этого животного свисает желтое стремя, такое же, как и на слонах. Далее влево по фризу уцелели изображения двух задних ног еще одного копытного животного с желтым хвостом, напоминающим хвост коня. За этим фрагментом следует разрушенное место, и только над четвертой композиционной группой нижней панели вновь появляется большой фрагмент каймы и заметны ноги каких-то копытных животных.

На южной стене остатки фриза сохранились несколько лучше, но тоже только в самой нижней его части. От изображенного здесь с правой стороны животного уцелели только не совсем ясные очертания передних ног. Соседнее с ним животное несколько напоминает описанного выше тигра, но судя по

форме пятен на шкуре это скорее гепард. С его спины свисает стремя.

Значительный интерес представляет фигура, расположенная левее первых двух изображений: животное, окрашенное в розоватый цвет. Его задние лапы похожи на кошачьи, а передние — на лапы хищной птицы. Спина покрыта круглой низко свисающей попной. У левой передней лапы заметно стремя.

Вероятнее всего, здесь была изображена одна из мифологических разновидностей грифа с львиным

Рис. 75. Изображение грифа на печати из Суз

телом и орлиной головой. Это очень древний образ — символ солнца, изображение которого на печати из Суз восходит к III тыс. до н. э.²² На печати изображено чудовище, у которого, как и у описываемого животного, передние лапы птичьи, а задние — львиные (рис. 75).

Изображение такого фантастического зверя в росписях Варахши говорит об устойчивости этого образа, впрочем, как и многих других в искусстве стран Востока, и его чрезвычайно широкое географическое распространение.

Далее на южной стене справа налево изображены последовательно идущими влево: желтое с темными пятнами животное из семейства кошачьих и такое же животное, но окрашенное в розовато-сиреневый цвет. Следующее животное, от изображения которого уцелели только фрагменты желтых кошачьих лап, изображено идущим вправо, как бы навстречу только что описанным.

На восточной стене уцелел лишь незначительный фрагмент обращенного вправо животного, с белыми ногами и раздвоенными желтыми копытами. Слева от него видна желтая кошачья лапа.

Стены выше остатков фриза с изображениями зверей и фантастических животных не сохранили никаких следов штукатурки и росписи, безнадежно утраченной. Поэтому большой интерес представляют упавшие с верхних частей стен фрагменты росписи, обнаруженные во время раскопок в завалах земли.

²² J. Orbeli. Sasanian and early Islamic Metalwork.— SPA, I, p. 737, fig. 298. Более поздняя комбинация из элементов различных животных с львиными и птичьими лапами есть и в майолическом фризе из Суз (O. Dalton. The treasure of the Oxus with other objects from ancient Persia and India. London, 1905, p. 8, fig. 4), однако у этого чудовища передние лапы львиные, а задние птичьи.

Среди собранных здесь фрагментов особого внимания заслуживают куски штукатурки с орнаментом, имитирующим рисунки тканей — одежда, попон и, может быть, драпировок, которые были изображены в несохранившихся живописных композициях верхних частей стен. Таков узор с большими красными кругами на фоне, заполненном палевыми кружками по темно-коричневому полю. Фрагмент обрамлен уже знакомой нам каймой из сегментов круга, украшенных цепочкой «перлов». Другой фрагмент представляет собой узор из размещенных в шахматном порядке на коричневом фоне светлых, оттененных сиреневым кружков, которые имеют фестончатые края. Внутри их в желтом кружке вписана четырехлепестковая сиреневая розетка. Пространство между кружками украшено небольшой семилепестковой розеткой и четырьмя симметрично расположенными треугольниками. Следующий фрагмент слишком незначителен по размерам, чтобы можно было представить себе раппорт узора. Это сочетание желтой ромбовидной фигуры с желтыми же фестонами и кружками и белыми «перлами» по розовато-сиреневому фону.

На одном из фрагментов по белому фону проведены темной краской в различных направлениях пучки то прямых, то изогнутых параллельных линий. По аналогии с некоторыми фрагментами описанного ниже алебастрового резного декора можно, кажется, предположить, что этот узор представлял собой условное изображение воды. В росписи верхних частей стен, несомненно, имелись элементы условного пейзажа. Это видно на примере относительно крупного фрагмента штукатурки, где на красном фоне изображен белый цветок, напоминающий хризантему, с длинными lanceолидными листьями как у лилейных растений, окрашенными в желтый цвет с темными продольными жилками.

Еще убедительнее представлены элементы пейзажа на большом расколовшемся на множество кусков фрагменте росписи, найденном в юго-западном углу зала²³. Это часть очень эффектного панно. На красном фоне изображены легко и свободно изогнутые желтые ветви большого дерева с тройными листочками неопределенного светло-серого цвета с коричневатым оттенком и круглыми белыми плодами. На то, что здесь изображены горизонтально расположенные ветви — нижняя часть кроны большого дерева, — указывает сохранившаяся на этом же фрагменте задняя часть головы большого сиренево-

го грифона с ухом и глазом. Возможно, что голова с клювовидной передней частью, изображенная на другом фрагменте, принадлежит второму грифону, который должен был быть по другую сторону от ствола дерева. Это дает возможность предположить воссоздать большую часть композиции, в центре которой находилось дерево, отягощенное множеством плодов, с двумя грифонами, геральдически поставленными по обеим его сторонам. Такая композиция ввиду ее широчайшего распространения в искусстве стран Востока представляется весьма вероятной.

Найденные в завалах фрагменты штукатурки с росписью указывают на то, что не только панель со слонами и фриз с шестем животных, остатки которых сохранились на стенах, но и вся роспись в этом помещении выдержана в строгой гамме тонов. Охристо-красный фон был общим, по-видимому, для всей живописи зала.

Описанные росписи хронологически были не первыми в Красном зале. Под ними обнаруживались остатки более старой росписи, покрытой глино-саманной штукатуркой, причем сильно деформировавшиеся места стены выравнивались с помощью подкладки камыша. Старая роспись во время ремонта сильно пострадала, так как для более прочного сцепления новой штукатурки со стеной было необходимо создать на ней шероховатую поверхность. Этим, видимо, и следует объяснить, что дошедшие до нас остатки старой живописи оказались весьма незначительными. Кроме отдельных красновато-охристых, белых и черных пятен удалось вскрыть фрагмент изображения головы человека (табл. XIII), лицо которого повернуто в три четверти влево. Частично сохранился рисунок правого глаза и носа, обозначенных тонкими красноватыми линиями, очерченная более толстой линией часть подбородка и черная левая бровь. На черных волосах с маленьким локоном, свисающим впереди уха, изображена диадема из белых «перлов». Мочка уха с серьгой в виде желтого кольца оттянута вниз. Позади головы изображена какая-то лента или шарф, обозначенный белыми, черными, красными и желтыми линиями. Судя по светлому розоватому цвету лица и по локону, можно думать, что изображено было женское лицо.

На другом фрагменте росписи сохранилось изображение черных волос и части уха, окрашенного в более темный красноватый цвет.

ВОСТОЧНЫЙ ЗАЛ

Росписи Восточного зала, или зала Желтого Грифона, как мы его называли сначала, были раскрыты в 1949—1950 гг. Выяснилось, что на южной стене зала, длиной около одиннадцати метров, была представлена единая большая композиция со сценой царского приема. Фрагмент другой большой карти-

ны, может быть, занимавшей всю стену (длинной не менее 12—13 м), ушел также и на западной стене. Здесь были изображены конные воины. Наконец, на восточной стене ушел лишь небольшой кусок росписи, о сюжете которой мы скажем ниже. Северная стена зала, как уже было сказано, не сохранилась вообще.

Живописная композиция южной стены дошла до нас в весьма фрагментарном состоянии, только в

²³ На рисунке дается лишь часть найденного панно (табл. XII).

ущевшей нижней части, составляющей не более трети или даже четверти ее первоначальной высоты. Кроме того, в живописи имеется много больших и малых проболов, образовавшихся от разрушения штукатурки, шелушения и осыпания красочного слоя. В западной части южной стены внизу большие разрушения штукатурки произошли еще в то время, когда здание было обитаемым. Места, где штукатурка с росписью осыпалась, замазали глиной с саменом. Эта новая штукатурка тщательно выглажена и даже имеет грубый орнамент из квадратов с диагоналями, проведенных пальцами. Выше этого разрушенного места роспись уцелела только в виде отдельных фрагментов.

Центр композиции южной стены занимала огромная фигура царя на троне. Об этой фигуре можно судить теперь лишь по остаткам изображения ног, одетых в розоватые шаровары, с желтыми, видимо, изображающими золото, украшениями — поножами выше шиколотки с наружной стороны каждой ноги. Поножи украшены чешуйчатым орнаментом и обрамлены красной полоской с белыми «перлами» и синей каймой. Такой же красной полоской с белыми кружками обшит и низ шаровар. Изображение обуви не сохранилось, так как поверхность стены в этом месте разрушена. Между ногами сидящего поставлен наклонно влево прямой меч в желтых ножнах, украшенных тонкими красными линиями.

Орнамент геометрический: ножны разделены на квадратики, в которые поочередно вписаны кружки с крестиками и повернутые на 45° маленькие квадратики, составляющие с основным квадратом восьмиконечную звезду.

Царь был одет в длинную белую одежду, падающую свободными складками с его колен. По плохо сохранившимся остаткам можно судить, что одежда внизу была обшита каймой с полукружиями (синий ободок все с теми же белыми «перлами»), в которых, надо полагать, были какие-то изображения. Впрочем, возможно, что это нижняя одежда, одетая под верхнюю, белую. К белой ткани подвешены какие-то украшения желтого цвета, напоминающие по форме бубенчики.

Значительно лучше сохранились контуры трона, что дает возможность достаточно полно его реконструировать. Часть сиденья, украшенная хорошо нарисованным растительным орнаментом — спирально закручивающимися стеблем и листьями, видна с правой стороны от фигуры царя.

Сиденье опирается на вертикальные прямые стойки, орнаментированные с обеих сторон красными полосками с белыми кружками. С него свешиваются богатые узорные ткани. По краям и снизу эта белая ткань орнаментирована большими кружками, расположенными по квадратной сетке. Ободки кругов заполнены орнаментом из поставленных по радиусу синих и зеленовато-коричневых (вероятно, некогда зеленых) листочков. Круги соединяются один с другим маленькими кружками, обрамленными черными ободками с белыми кружками. В больших кругах помещены изображения птиц, напоми-

нающих силуэтом орлов на эрмитажном кувшинчике из бывшего Осинского уезда²⁴. Птицы стоят на горизонтальной черной полоске с белыми «перлами», крылья их распростерты. Шеи окрашены в синий цвет, горлышки и клювы белые. Крылья, разделенные на две части черной полоской с белыми «перлами», покрыты синими и желтоватыми полосами. Вдоль туловища идет орнаментальная полоска с цепочкой «сердечек», по обе стороны которой перья трактованы синими, розоватыми и серыми «шевронами». На шею птицы — ожерелье из «перлов» с розеткой из семи белых кружков на груди. Фон внутри кругов розоватый.

Промежутки между кругами заполнены изображениями каких-то растений с тремя крестообразно расположенными зубчатыми листьями. Листья синие с белыми кругами-пятнами. Под ними с обеих сторон сидят маленькие серые белогрудые птички, повернутые одна к другой.

Другая, тоже богато орнаментированная ткань видна под ободкой царя и между его ногами. Здесь по черному фону дан узор, построенный на сетке из пересекающихся кругов, образующих как бы входящие друг в друга четырехлепестковые розетки. В их центрах помещены маленькие розетки из семи белых кружков. В промежутках между лепестками больших розеток — четырехлепестковые цветки. Весь этот узор выдержан в белом, синем и желтоватом цветах и на черном фоне выглядит весьма насыщенным и богатым.

Ножки трона украшены изображениями больших желтых грифонов с верблюдьими головами, шеями и ногами. У правого грифона хорошо виден горб, полускрытый тканью, свисающей с сиденья трона. Шея, горб и верхние части его ног покрыты длинной волнистой шерстью. Крылья состоят из прилегающей к плечу щитовидной части, обрамленной красной каймой с белыми «перлами», и выходящего из этой щитовидной части пучка длинных перьев с загibaющимися концами. Щитовидная часть крыла покрыта чешуйками, изображающими мелкие перья.

На голове этого грифона видны уши, частично глаз, но морда сохранилась не вся: передняя часть ее сильно испорчена. Все же можно различить отвислую верблюжьей нижней губу.

От левого грифона осталось очень мало: ноги и отчасти крыло, но эти элементы хорошо дополняют правое изображение, у которого как раз недостает этих частей.

Весьма близкую аналогию нашим изображениям крылатых верблюдов мы находим в памяти тореитики — на кувшине из бывшего Соликамского уезда. На двух сторонах этого кувшина изображены крылатые верблюды, во многом сходные с варашскими²⁵.

Несмотря на условность живописной трактовки трона, есть все основания предположить, что здесь

²⁴ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 39.

²⁵ Там же, табл. 49.

изображен действительно существовавший трон правителей Бухары «в виде верблюда»²⁶.

Влево от трона (по правую руку от царя) сохранились фрагменты фигур пяти персонажей, сидящих в почтительной позе на полу, на согнутых коленях (табл. XIV). От самой крайней левой фигуры осталось очень мало: только колени, покрытые розовой одеждой, на которой не заметно никакого рисунка. Правее была изображена вторая фигура, полускрытая первой. От нее уцелели тоже колени и левая рука, поднятая в условном ритуальном, может быть, молитвенном жесте²⁷. Черная ткань одежды, покрывающей колени, украшена простым узором из небольших расположенных в шахматном порядке крестиков, образованных пятью маленькими белыми кружками.

Обращает на себя внимание, что эти фигуры значительно меньше, чем расположенные справа. Это заставляет предположить, что мы имеем в них изображение детей или подростков.

Почти полностью сохранилась третья слева фигура женщины, одетой в длинную одежду вроде плаща из светлой желтовато-розовой материи, затканной расположенными в шахматном порядке крупными кругами. Круги неопределенного темного тона с белой серединой, в которую вписан меньший круг желтовато-розового цвета с семилучевой розеткой из синих лепестков внутри. По внешнему краю большого круга посажено восемь маленьких трехлепестковых пальметок.

Плащ оставляет открытой грудь, на которой видна нижняя одежда, судя по характеру складок, заметных около ворота, из тонкой, легкой материи. Ворот украшен застежкой и ниткой «перлов», на груди также сложные украшения — ожерелье. По-видимому, их два. Плохая сохранность живописи не дает возможности описать ожерелье достаточно точно. Верхнее состоит, как будто бы, из золотой цепи или золотого обруча — подобия шейной гривны, к которому в середине прикреплены какие-то украшения из камней или жемчуга, обозначенные кружками. Второе ожерелье представляет собой, возможно, нить жемчуга. На уровне пояса заметны следы изображения правой руки.

Лицо, окрашенное светлой розовой краской, повернуто в три четверти. Оно сохранилось слабо, но все же хорошо заметны четкие очерченные черные брови, косой разрез глаз, прямой с легкой горбинкой нос, маленький рот и округлый овал полного лица. В правом ухе серьга, напоминающая большую жемчужину. Характер прически не вполне ясен, но видно, что впереди уха свисает небольшой локон, а длинные пряди волос, доходящие до пояса и перекиннутые через плечи, свисают спереди как с пра-

вой, так и с левой стороны. На голове видна диадема из белых «перлов» с каким-то большим золотым украшением над серединой лба. Голова заключена в оранжево-желтый нимб — нечто вроде огненного кольца.

В левой руке женщина держит широкую желтую чашу на поддоне, украшенную линейным красным узором. Узор этот прослеживается лишь в верхней части чаши, где он представляет собой кайму из «перлов», обрамляющую бортик. Нижне сохранились только неясные очертания орнамента.

Рука изображена в манерном жесте, с оставленным мизинцем. На пальцах видны кольца, запястье украшено браслетом. Через предплечье левой руки перекинута белая лента, конец которой падает на левое колено. Лента украшена часто встречающимся в Красном зале орнаментом — сегментами кругов с синими ободками, с желтыми «перлами».

Описываемый персонаж сидит на черном коврике с простым белым рисунком в виде косой квадратной сетки, образованной белыми точками и овалами. В середине каждого квадрата — белый кружок.

Правее женщины изображена несколько более крупная фигура, явно мужская. Мужчина одет также в длинную одежду типа хаалаты из желтой ткани, оранжированной распыляемыми красными линиями в виде диагонально поставленных квадратов, в каждый из которых вписан небольшой бубенчик (?). Одежда, по-видимому, с короткими рукавами, так как запястья рук покрыты другой тканью — узорной, светлой, с голубым рисунком. Лицо не сохранилось. Видны только безбородый (или выбритый) подбородок и серьга-кольцо.

По сравнению с описанной выше женщиной, мужчина отличается более темным, коричневато-розовым цветом лица и рук. Прическа и головной убор почти полностью исчезли. Можно сказать только, что у мужчины были короткие черные волосы, а на голове — диадема из «перлов», как будто бы несколько сходная с диадемой сидящей рядом с ним женщины.

Такая мужчины стянута золотым узорным поясом, на котором с правой стороны висит кинжал в золотых оранжированных ножнах. Длина кинжала и рисунок его рукоятки не могут быть установлены: живопись здесь испорчена. Кроме пояса, на талии виден ремень, украшенный круглыми бляшками и наконечником, форма которого хорошо известна по многочисленным находкам на огромной территории Азии и Восточной Европы; были найдены они также и на Варахше²⁸. Ремень, надо думать, представляет собой часть портупеи, на которой подвешен на левом боку меч — прямой, относительно узкий и очень длинный. Хорошо видны его золотые ножны, покрытые орнаментом из закручивающихся побегов-листочков, и затейливой формы белая рукоять (возможно, костяная) с золотым на-

²⁶ И. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 272, 282.

²⁷ Изображение сложного жеста, истоков которого как «символический и ритуальный» мы находим в живописи Панджикента (М. М. Дьяконов. Рисунки Панджикента и живопись Средней Азии.—«Живопись древнего Панджикента», стр. 109, 118, табл. XV, XVI, XXXIII).

²⁸ Эти наконечники сделаны из меди или бронзы.

вершнем и золотыми же фестонами-шишечками по одной стороне, сделанными, по-видимому, для того, чтобы было удобнее держать эфес.

Непонятны из-за плохой сохранности изображенные предметы, повешенные к поясу на правом боку. Возможно, это нож и какой-то мешочек.

Мужчина одет в мягкие сапожки, очень напоминающие по покрою махсы (ичиги), которые и ныне носит значительная часть населения Узбекистана. Сидит он на белом коврик. Так же, как и у женщины, его голова окружена нимбом в виде белого диска, окаймленного желтой полосой.

Перед этой фигурой стоит большой жертвенник-курильница, где горит огонь. Левая рука мужчины вытянута по направлению к курильнице. Он держит какую-то палочку, которой поправляет огонь. В правой руке, поднятой несколько выше пояса, золотая чаша; в ней видны белые шарики, служащие, видимо, для поддержания огня. Создается впечатление, что этот персонаж выполняет в изображенной сцене жреческие функции.

По другую сторону жертвенника расположена значительно менее крупная фигура, повернутая в три четверти влево. Это юноша-подросток. Он изображен у самого подножья трона: голова его закрывает часть крыла верблюда-грифона, а ступни ног — низ постамента, на котором стоят ноги грифона.

На юноше узкая одежда, плотно облегающая тело. Она сделана из светлой ткани, орнаментированной большими кругами с вписанными в них розетки. Трудно определить, длинная ли это одежда типа халата, или она состоит из шальвар и куртки. Чрезвычайно узкая талия юноши стянута широким золотым поясом, на котором висит кинжал в золотых ножнах с затейливой рукояткой. Рукоять, ножны и обойницы, посредством которых кинжал подвешен к поясу, обильно унизаны «перлами». Какое-то непонятное украшение, также усыпанное «перлами», видно на груди ниже левого плеча. По-видимому, к этому украшению прикреплен шарф, свисающий сзади за плечом ниже пояса. Шарф заканчивается внизу тремя круглыми подвесками, похожими на бубенчики.

Голова и лицо юноши сохранились плохо, но можно видеть коротко остриженные красноватые волосы, прорисованные черными линиями. Руки протянуты по направлению к жертвеннику.

На него, как и у предыдущего персонажа, мягкие сапожки.

Нижняя часть жертвенника состоит из высокой конической подставки, у которой небольшим выступом выделен цоколь. На подставке укреплен шар. На нем в свою очередь возвышается сложное сооружение, напоминающее абазур настольной лампы в виде выпуклого вверх большого диска. Край диска увешан колокольчиками (?), висющими на коротких цепочках, звеня которых очень ясно прорисованы. Над выпуклым диском укреплена еще одна коническая деталь, расширяющаяся вверх. В разтруб верхнего конуса вставлен сосуд в виде ковша с ручкой, в котором горят пыльным пламенем

бело-розовые шарики, по-видимому, такие же, как изображены в чаше у мужчины, находящегося слева от жертвенника.

Жертвенник держат в светло-желтый цвет, контуры и узоры на нем прорисованы красными линиями. Сочетание желтого с прорисовкой красным здесь, как и в других случаях, несомненно, должно передавать золото.

Жертвенник богато орнаментирован, как можно думать, гравировкой или чеканом. Цоколь украшен двумя поясами растительного орнамента. Несколько суженная по сравнению с цоколем часть подставки делится на три горизонтальных пояса. В нижнем из них, самом широком, изображена фигура человека, который сидит на лежащем верблюде, под аркой, опирающейся на колонны (рис. 76). Рисунок следующего пояса не вполне ясен, он испорчен лакуной. В верхнем поясе тянется горизонтальный ряд кружков с вписанными в них розетками-крестиками.

Изображенная на подставке группа — человек и верблюд — представляет значительный интерес. Напрямую это предположение, что верблюд — один из вариантов трона в форме этого животного. В живописи Пянджикента аналогичный случай можно видеть в фрагменте объекта III, где имеются остатки изображения лежащего животного с сидящим на нем человеком²⁹. Не решая вопроса о том, какое животное изображено в Пянджикенте, мы должны признать очень большое сходство мотивов в обоих случаях. В том, что животное пянджикентских росписей изображает золотой трон, как считал М. М. Дьяконов, едва ли можно сомневаться.

Человек, сидящий на верблюде, изображен со скрещенными ногами и обращен к зрителю. Его голова повернута в три четверти вправо. Одежда, насколько можно судить по сохранившемуся изображению, представляет собой род кафтана с открытым воротом. На голове сложная корона. Правая рука согнута в локте и опирается на бедро. В левой, поднятой до уровня лица, нарисован предмет, похожий на маленький жертвенник, сходный с изображаемыми на раннесасанидских и некоторых медных доарабских бухарских монетах. Подобная монета с изображением верблюда на одной стороне и жертвенника на другой была описана выше. Сочетание верблюда и жертвенника, повторяющееся, хотя и в разных вариантах, на монете и на жертвеннике-курильнице, вероятно, не случайно и должно быть связано с какими-то особыми религиозно-мифологическими представлениями и формами ритуала.

Орнаментированы и остальные части жертвенника. Шар, на который опирается верхняя часть сооружения, описан горизонтальной полоской, заполненной узором, напоминающим рыбью чешую; из центра шара выходят радиальные лучи, образующие многолепестковую розетку. Сложным, с жемчужным, плохо сохранившимся растительным орнаментом покрыт верхний диск; по краю его проходит полоска маленьких «перлов». Колокольчики, подве-

²⁹ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 115—116.

шенные к краю диска, имеют форму усеченных конусов.

Жертвенник стоит на какой-то подстилке серого цвета с изображенным на ней черными линиями длинным ворсом.

Слово «жертвенник» мы употребляем здесь, конечно, условно; быть может, было бы правильнее

красная. По-видимому, подобное изображение имелось также и слева от женской фигуры, на что указывает длинная изгибающаяся розово-красная лента³⁰.

Часть композиции справа от фигуры царя (табл. XV) сохранилась крайне фрагментарно. Как уже было отмечено, значительная часть стены замазана

Рис. 76. Жертвенник-курльница (деталь)

назвать этот предмет, в котором сжигаются какие-то благовонные вещества, курльницей. Однако, даже и в том случае, если этот предмет служил для возжигания благовоний, он, несомненно, имел традиционно-ритуальное значение. Только строго установленным ритуалом можно объяснить полное совпадение соответствующих изображений в живописи Варахши и Пянджикента.

Вся описанная группа, состоящая из пяти человеческих фигур, расположенных около жертвенника, представлена на одноцветном сине-сером фоне, с которым желтые и розовые тона создают приятную и мягкую цветовую гамму. Композиция ограничена сверху черной горизонтальной полоской с белыми «перлами», выше которой сохранились только очень незначительные следы каких-то изображений, по-видимому, на таком же холодном сине-сером фоне.

Между головами мужской и женской фигур помещено бело-желтое небольшое по размеру изображение летящего крылатого коня-пегаса; с шеи которого свисают вниз длинные ленты: розовая и

позднейшей глино-саманной штукатуркой вместо осыпавшейся старой. Выше красочный слой пострадал от птоков воды и сильно разрушен большой норой.

Интересные фрагменты живописи уцелели над троном царя, непосредственно рядом с его фигурой. По-видимому, за спиной царя была изображена какая-то ткань, покрывавшая, быть может, спинку трона, или просто драпировка. Ткань светлая, с преобладанием желтых тонов. Орнаментирована она, подобно ткани с орлами, крутами, расположенными по квадратной сетке. Круги черные, с белыми «перлами», соединены между собой маленькими кружками, тоже черными, с такими же, но более мелкими «перлами». В большом круге на желтом фоне изображена птица, похожая на голубя (табл. XVI). У птицы светло-серые шея, голова и грудь, синее крыло, синие и белые перья хвоста; на груди

³⁰ Маленькие фантастические крылатые животные, парящие над человеческими фигурами, есть и в живописи Пянджикента (см. «Живопись древнего Пянджикента», табл. VII, X, XII, XXXIV, XXXIX).

черная полоска с «перлами». В клюве птица держит ожерелье из «перлов». Это второй пример рисунка тками, орнаментированной большими кругами с фигурами животных, представленный в живописи Варахиши. Этот широко распространенный стиль текстильного орнамента, обозначившийся в Византии термином «circumstata», мы подробно рассмотрим ниже.

Несколько выше трона сохранились остатки изображения одетой в белое человеческой фигуры, сидящей в той же позе, что и юноша около жертвенника, повернувшись влево, в сторону царя. Видны его колени, шаровары, ноги и конец шарфа, свисающего со спины, с подвесками-бубенчиками.

Правее фигуры царя, несколько ниже сиденья трона, почти всю оставшуюся часть стены занимает изображение, напоминающее помост, на который слева ведут ярко-красные ступени, от которых сохранился небольшой фрагмент. Помост желтого цвета, край его украшен растительным орнаментом в виде спирально закручивающихся побегов. Есть и еще какие-то украшения, плохо сохранившиеся и потому неясные.

На помосте лежит нечто вроде тюфяка, покрытого тканью, в кайме которой мы видим полукруги с белыми «перлами» по черному ободку. В полукружиях изображены головы кабанов, повернутые влево. Так как ткань показана разрезанной по центрам кружков, кабаньи головы также срезаны и представлены своей верхней частью. Они окрашены в синий цвет, кроне морды и торчащих вверх клыков, оставленных белыми. Фон внутри кружков светло-желтый; в треугольниках между ними с серовато-сиреневым фоном нарисованы листочки. Справа на помосте видны остатки изображения двух лежащих одна на другой подушек. По сохранившимся красочным пятнам можно судить, что здесь размещались человеческие фигуры. Следы одной из них, сидящей в обычной позе на пятках, с длинным мечом, свидетельствуют, что здесь была изображена фигура мужчины. От других двух фигур, сидевших по обе стороны человека с мечом, уцелели только незначительные фрагменты, в частности изображения рук. В остатках живописи, сохранившейся на этом участке только отдельными пятнами, видны следы каких-то украшений, тканей и т. п.

Над помостом изображено нечто вроде балдахина или киоска, кровля которого поддерживается двумя желтоватыми столбами, в верхней части их выполняющей роль карнидов, подпирающих пятые свода, крылатые юноши и женщины.

Лучше всех сохранилась правая «карнатид» около самого угла зала. Нижняя часть изображения утрачена, но хорошо различается рисунок лица, vyplоненный красными уверенно проведенными линиями. Ясно виден мягкий овал молодого детского или женского лица, поднятые вверх брови, большие глаза, небольшой нос с легкой горбинкой. Волосы короткие, волнистые, на них — диадема. Рисунок уха дан весьма условно. За плечами фигурки изображены крылья. Правая рука поднята вверх, как бы

поддерживает кровлю, быть может, арку. Вокруг головы развевается шарф, перекинутый через правую руку. Левая рука не сохранилась.

Можно сказать, что если бы из всей живописи Варахиши была найдена только эта фигурка, мы получили бы достаточно яркое представление об изощренном искусстве среднеазиатских живописцев раннего средневековья, об их высоком мастерстве и тонком чутье линии.

Нижняя часть «карнатиды» прослеживается в виде каких-то неопределенных линий и пятен. Можно предположить, что здесь была изображена стоящая фигура в своеобразном головном уборе, похожем на светло-серую чалму, обмотанную вокруг красной шапочки, однако полной уверенности в правильности такой трактовки сюжета нет.

От «карнатиды» на левой стороне балдахина осталось значительно меньше, чем от правой фигуры. Видна изогнутая бровь, большой правый глаз (фигура дана повернутой в три четверти вправо), длинные волнистые волосы, верхняя часть крыла и поднятая вверх правая рука.

Таковы остатки огромной композиции, заполнявшей южную стену зала. Не говоря о колоссальной фигуре царя, занимающей центральную часть сцены, второстепенные фигуры, располагавшиеся несколькими ярусами по обе стороны от него, даны больше натуральной величины человека приблизительно в полтора раза. Совершенно очевидно, что композиция была рассчитана на монументальность и торжественность, подобающую приемному залу дворца.

Переходим к описанию живописи на западной стене зала. Здесь, как уже было сказано, изображены скачущие вправо конные воины. Сохранилась более или менее полно только одна фигура, в левой части композиции (табл. XVII) и следы еще трех, расположенных правее. По-видимому, это только незначительная часть большой батальной сцены, занимавшей, возможно, всю стену, как и сцена с восседающим на троне царем на южной стене.

Левый всадник изображен сидящим на светло-сером коне, от которого осталось лишь несколько цветных пятен, да сердцевидная подвеска-украшение, вероятно, на нагрудном ремне. Сохранился фрагмент седла или чепрака, желтого с черными полосками. Однако фигура самого всадника, несмотря на большие пробы, видна почти полностью.

Воин сидит нагнувшись вперед. Правая рука его занесена назад и держит какой-то предмет, форма которого не ясна. Левая рука не видна: на месте ее большая лакуна.

Очень интересно защитное вооружение воина. На голове у него желтый шлем-шинка, сильно напоминающий по форме старинные русские шлемы. Он снабжен наносником в виде пластины, состоящей из шлема единое целое. Щеки закрыты желтыми треугольными нащечниками, прикрепленными к шлему. Сзади и под подбородком — кольчужная бармица, также соединенная с шлемом. В отличие от шлема и нащечников бармица, в которой четко вырисованы составляющие ее кольца, выполнена

синева-стальной краской, что, конечно, должно было показать, что она сделана из железа или стали. Тело воина закрыто панцирем, составленным из продолговатых пластинок. Пластины эти располагаются горизонтальными рядами и окрашены в желтый или тот же синева-стальной цвет: верхний ряд желтый, следующий — синева-стальной, затем снова желтый и т. д. Панцирь доходит до пояса.

Такой же броней с чередованием рядов синева-стальной и желтых пластинок, защищенны ноги и верхняя часть руки до локтя. Нижняя часть руки, от локтя до запястья, закрыта, по-видимому, наложениями.

На голени ноги, стальной в стреме, изображен также желтый панцирь, набранный из мелких горизонтально расположенных пластинок. Вертикальная полоска с зубчатой линией вдоль нее указывает, по-видимому, что половинки этого панциря-поножей соединялись шарниром.

На правом боку всадника висит большой колчан со стрелами. По верхнему краю он украшен черной каймой с белыми кружками, в которые вписаны концентрические красные кружки. Других предметов вооружения на сохранившемся фрагменте живописи нет.

Описанный всадник замыкает кавалькаду воинов и, конечно, не принадлежит к числу главных персонажей батальной сцены. Вероятнее всего, он должен был изображать рядового дехканского ополчения, может быть даже оруженосца.

Правее этого всадника сохранилась верхняя часть фигуры другого воина в таком же шлеме, с бармицей и панцирем. Справа от него — большая лагуна, где, судя по некоторым незначительным остаткам, были изображены две фигуры всадников. От последнего из них сохранились очертания наклоненного вперед торса, окрашенного в серо-голубой цвет, с желтым богато орнаментированным поясом. Рука отнесена назад, о чем можно судить по остаткам изображения плеча. Этот всадник сидел на ярко-красном коне. Сохранились круп коня, его задние ноги в положении «летящего галопа», линия живота. Заметны «сердечки» желтых подвесок, прикрепленных к подхвостному ремню, и часть чепрака — белого с неясным черным узором. Длинный хвост коня, серого цвета заплетен в виде косы. Правее по стене живопись отсутствует.

Всадники изображены на серо-синем фоне, таком же, как на южной стене. В левом верхнем углу этой композиции слабо прослеживается изображение летящих вправо серых птиц. Сверху композиция ограничена черной полосой с неправильными кружками (скорее овалами) белых «перлов».

На восточной стене помещения, в самом юго-восточном углу, сохранился только небольшой фрагмент росписи, покрывавшей стену. В этом куске на том же серо-синем фоне, который являлся, по-видимому, общим для всей росписи Восточного зала, изображены желтые стебли. Они переплетаются один с другим и, вне всякого сомнения, изображают камышовые заросли, что дает возможность с достаточной долей уверенности определить сюжет находившегося здесь панно. Не раз уже отмечалось, что

для раннесредневекового искусства Востока (если исключить чисто религиозные и мифологические сюжеты) характерен довольно ограниченный круг мотивов: это изображение даяра на пиру, принимающего своих приближенных, или на войне, поражающего врагов и, наконец, даяра на охоте, чаще на реальных животных, иногда в борьбе с грифонами и чудовищами³¹. Именно такой подбор сюжетов, прославляющих даяра, можно было бы считать наиболее соответствующим для дворцового помещения. Два из этих мотивов мы уже видели: даяр на троне на южной стене; батаальная сцена, где даяр, несомненно, играл главную роль — на западной. Изображение камыша указывает, что на третьей стене была представлена сцена охоты.

Так же, как и в Красном зале, в завалах земли приблизительно на уровне проходившей вдоль стен суфы, было собрано значительное количество свалившихся со стен относительно мелких фрагментов штукатурки с остатками живописи. На некоторых из них — орнаментальные мотивы; в частности, интересен узор из черных небольших крестиков на коричнево-красном фоне. Относительно большой фрагмент украшен обычным полукругом из белых «перлов» по черному фону; внутри полукруга вписана сложная розетка, на лепестках которой обнаруживаются опять непонятные знаки, сходные со знаками, встреченными в Красном зале. Здесь этих знаков четыре: $\Delta \times \Delta \Sigma$

* * *

Остатки и следы росписей, как уже упоминалось при описании раскопок дворцового здания, были найдены во многих других помещениях. Не считая Западного зала, где попытки расчистить росписи были пока неудачными, следы их были найдены на стенах одного из помещений между Западным залом и айваном, а также в отдельном здании у северо-западного угла дворцового комплекса. Напомним, что какой-то росписью была покрыта и поздняя стена, возведенная при забивке землей Красного зала. Во всех этих случаях сохранность росписи оказалась настолько плохой, что проследить удалось только отдельные красочные пятна, не дававшие никакой возможности установить мотивы и характер изображений.

Отдельные, по большей части небольшие куски штукатурки с росписью мы находили в завалах земли при раскопках в западном дворе, в стратиграфическом разрезе на северной стороне двора, в некоторых помещениях цитадели и т. п. По этим кусочкам иногда удается уловить отдельный орнаментальный мотив или даже небольшие фрагменты изображений, как, например, рисунок полусогнутого

³¹ Е. Э. Бертельс. Придворная касыда в Иране и ее связь с развитием изобразительного искусства. — III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. (Доклады), М. — А., 1939, стр. 27; J. Orbeli. Указ. соч., стр. 717. Ср. с замечаниями Амине Марцелана («История», XXIV, 6, 3) по поводу дачи Матфея: «Вообще у персов живопись и скульптура имеют только один сюжет — убийство и война».

человеческого пальца на одном из обломков, найденных в западном дворике.

Живопись на всех этих фрагментах выполнена той же техникой, что и в описанных залах, теми же красками, с прорисованными четкими красными или черными контурами. Существенных различий в технике и манере росписей нигде установить не удалось, хотя фрагменты, найденные в различных местах, совершенно очевидно, относятся к разному времени. Позднейшими, например, по стратиграфическим соображениям приходится считать те кусочки росписи, которые были найдены в западном дворике. Более поздними, чем росписи Красного и Восточного залов, являются также три больших фрагмента штукатурки, найденные на полу около стены в одном из помещений Восточной анфилады. На двух из них сохранились изображения всадников. На первом уцелела вся фигура человека выше колен и голова коня (табл. XVIII). Всадник изображен едущим вправо; он стреляет из сложного лука, повернувшись назад так, что к зрителю обращена его спина. Голова повернута влево и показана в профиль, верхняя часть головы не сохранилась. Сзади видны две свисающие ленты, и конец развевающегося шарфа. Всадник одет в длинную узкую одежду, наподобие халата, подпоясанную в талии. На правом боку висит колчан. Фигуры всадника и коня окрашены в красновато-коричневый тон. Фон — синий.

Второй фрагмент по общему облику, тонам и масштабу изображений представляет собой часть той же композиции: здесь тоже был изображен всадник. Фигура его сохранилась плохо, но хорошо виден круп коня, показанного в типичном «летающем галопе». Кроме всадника, на этом фрагменте уцелела часть фигуры какого-то животного, по-видимому, козла, с прямым винтообразным рогом. Всадник, повернувшись назад, стреляет в это животное из лука.

На третьем фрагменте сохранились остатки каких-то непонятных частей изображения в тех же красновато-коричневых тонах и с интенсивно окрашенным светло-синим фоном. Фрагменты из Вос-

точной анфилады, несомненно, представляют собой остатки изображений охотничьей сцены.

Отметим, что в противоположность крупным, а иногда колоссальным фигурам Красного и особенно Восточного зала, изображения всадников на обломках штукатурки из Восточной анфилады почти миниатюрны. Размеры первого из фрагментов 21×27 , второго 30×27 см.

Как уже говорилось, живопись на этих обломках датируется более поздним временем, чем панно больших залов. Как и почему попали эти куски на пол одного из помещений Восточной анфилады, остается неясным. То, что эти три куска штукатурки были положены на пол вдоль стены, заставляет предполагать, что они были сюда откуда-то принесены, причем произойти это могло в X или даже в начале XI в., когда помещения Восточной анфилады еще существовали.

Особо отметим несколько мелких фрагментов росписи, найденных на западном склоне цитадели в завале, содержавшем обломки керамики и стекла, а также алебастровых решеток со вставленными в них стеклами. Остатки эти могут быть датированы X в. Техника росписи и в это время, насколько можно судить по собранному небольшому количеству штукатурки, удерживается старая: она выполнялась по глиняной штукатурке и тонкому слою алебастрового белого грунта. Тона росписи яркий ультрамариновый, красно-оранжевый и белый. Контурные прописаны черными линиями.

Незначительная величина фрагментов и здесь не дает возможности судить о характере изображений, но все же по манере штриха и ряду других признаков чувствуется, что здесь мы встречаемся уже с несколько иным стилем, складывающимся в других исторических условиях.

Обилие фрагментов живописи, обнаруженных в разных частях раскапывавшихся зданий, свидетельствует о чрезвычайно широком распространении этого вида декора, что мы видим и на примере Пянджикента, и о несомненном существовании художников — специалистов по росписям, владевших необходимыми приемами и навыками.

АЛЕБАСТРОВЫЙ ДЕКОР

В отличие от стенной росписи, сохранившейся относительно большими площадями на поверхности стен, что дает возможность судить о композиции живописных панно, резной алебастровый декор обнаружен только в обломках, в завалах, образовавшихся при разрушении зданий. Единственное исключение — один фрагмент орнаментальной каймы, уцелевший на восточной полуколонне айвана.

Фрагменты алебастрового декора, как это видно из описания раскопок, были разбросаны в самых разнообразных местах, но основная их масса была сосредоточена в Южной анфиладе, где они заполняли все помещения, и на территории развалин айвана. Из этого можно заключить, что стуком были орнаментированы два больших сооружения: айван и зал, находившиеся, как мы предположили, над Южной анфиладой.

Материалом для изготовления стука служил алебастр (ганч) очень высокого качества, совершенно сходный с тем, который употребляется до сего времени при строительных работах в Бухаре¹. Такого качества сырье для ганча (гипс) известно в настоящее время в окрестностях Касана, в Кашка-Дарьинской области, где и теперь ведется его разработка. Есть хороший гипс и к востоку от Касана, неподалеку от селения Ходжа-Барги, которое отождествляется с упоминаемым Сам'ани селением Варка. Однако ввиду значительной удаленности Варакши от этих пунктов можно допустить, что алебастр добывали где-то ближе, из заброшенных ныне месторождений.

В стенном декоре использовались два сорта материала, получавшиеся в результате различной его обработки: сероватый, более грубый, применявший-

ся обычно для грубой штукатурки, и чисто белый, более тщательно приготовленный².

Алебастровая штукатурка накладывалась на стены, колонны, арки и другие части зданий, возводившиеся из жженого кирпича. На обратной стороне большей части фрагментов заметны четкие отпечатки кирпича. Сохранились и кирпичи с остатками на них алебастрового декора. На некоторых фрагментах замечены отпечатки камыша, употреблявшегося иногда в качестве подкладки под алебастровую штукатурку. Толщина штукатурки в тех местах, где она оставалась плоской и покрывалась орнаментальной резьбой, варьируется в пределах от 1,5 до 3 см. Значительно толще, до 30 см, она становится в налетах, тягах, карнизах и рельефных изображениях деревьев, животных и людей. В этом случае для большей прочности и лучшей связи со стеной употреблялись деревянные приблизительно квадратного сечения штыри, выступавшие из стены на 10—15 см. Следы этих штырей сохранились на некоторых крупных фрагментах.

Техника выполнения алебастрового декора проста. Она заключалась в наложении слоя или нескольких слоев штукатурки и последующей лепке и обработке резцом теми же самыми приемами, которые, пережив больше десяти столетий, употребляются и ныне народными мастерами Узбекистана. Никаких признаков применения отливок в формах шаблонов или припорохов для нанесения рисунка обнаруженные фрагменты не имеют³. Рисунок сходных деталей обычно в точности не совпадает даже в таких орнаментальных мотивах, которые развертываются многократным раппортом. На некоторых

² Первый из этих сортов носит у мастеров Бухары название «тез-ганч», второй — «гуль-ганч». Белизна и чистота последнего, употребляющегося исключительно для отделочных работ, достигается очисткой кусков обожженного камня от копоти, тщательным размельчением в особых ступах и просеиванием через сито.

³ Использование форм для отливки отделочных элементов алебастрового декора, по свидетельству местных мастеров, началось в Бухаре, да и то в очень ограниченных размерах, не раньше конца XIX в. под влиянием русской строительной техники.

¹ Непосредственно вынутые из земли фрагменты были относительно мягкими и рыхлыми, но после нескольких часов пребывания на воздухе они приобретали твердость и эвонковость.

фрагментах можно видеть следы предварительной разметки орнамента в виде тонких черт, процарапанных острым резца.

Отличительной особенностью алебастрового декора Варахши является отсутствие мелочной отделки, некоторая ее эскизность, что делает ее совершенно несравнимой с поздними образцами этого вида архитектурного декора, где именно тщательная, скрупулезная отделка каждой мелочи и каждой детали доведена до виртуозности. Это относится в полной мере даже к таким ответственным частям декора, как человеческие лица. Несколькими взмахами резца намечается рот. Глаза часто изображаются просто миндалевидными выпуклостями без дальнейшей детализации. В большинстве случаев не только не намечены зрачки, но не выделены даже веки и глазное яблоко. Так же скупой и лаконично, несколькими смелыми штрихами, изображались причёски, бороды, одежда, украшения и т. п. В то же время поражает мастерство и изобретательность мастеров в обращении со своим материалом, исключительная выразительность лепки.

Поверхность алебастра повсюду оставлена белой. Следы раскраски, да и то только отдельных небольших строго локальных пятнами (например, глаз птицы, окрашенный в красный цвет) замечены всего на двух-трех фрагментах. Краска сохранила здесь яркость и свежесть.

Плоские орнаментированные поверхности служили фоном для изображений растений и животных, людей и мифических существ. Эти фигуры даны высоким рельефом, иногда они почти статуарны. Декор дополнялся тягами, лопатками, карнизами, колонками, арочками, фрагменты которых найдены в большом количестве.

Богатый алебастровый декор — результат творчества зрелых и опытных художников. Мастера, украшавшие дворцы, широко и умело использовали свойства этого благородного материала, легкого в обработке, позволяющего простыми приемами и средствами создать впечатляющее убранство здания.

* * *

При описании раскопок дворцового здания упоминалось о том, что количество фрагментов алебастрового декора, обнаруженного в узких небольших помещениях Южной анфилады, достигало нескольких тысяч. Приводились соображения, в связи с которыми был сделан вывод, что этот декор должен украшать большой парадный зал, находившийся, скорее всего, над Южной анфиладой.

Мотивы орнамента, заполняющего плоские и изогнутые поверхности стен, весьма разнообразны. Наиболее простыми из них являются сочетания геометрических фигур. Это квадратики, поставленные прямо или по диагонали. Иногда они двойные, вписанные один в другой, иногда растягиваются по одной из диагоналей, принимая форму ромбов. Простейшее сочетание квадратов или ромбов усложняется в некоторых случаях введением кружков,

помещаемых в центрах квадратов или обрамляющих их, подобно тем «перлам», которые знакомы по орнаменту в стенной живописи. В перекрестях этих цепочек «перлов» иногда появляется четырехлепестковый цветок, еще больше оживляющий простой по построению орнамент.

К чисто геометрическим орнаментальным построениям относятся ряды треугольников, осложненных рубчатым рельефом, зигзагообразные бордюры, чешуйчатый орнамент из как бы наложенных друг на друга квадратов, напоминающих шиферную кровлю, но с добавочными маленькими квадратиками в углах.

В узких бордюрах-окаймлениях встречаются орнаменты в виде «елочки», цепочек треугольников. Треугольники создают впечатление как бы наклонно положенных кирпичиков. Этот прием орнаментальной кладки распространен в старой среднеазиатской архитектуре. В бордюрах, составленных из ромбов, введены в качестве обогащающих и разнообразящих элементов крестообразные розетки или попарно составленные «перлы», помещенные между ромбиками.

Переходя к описанию более сложных орнаментальных мотивов, следует отметить, что при всем богатстве и разнообразии алебастрового декора Варахши мы не встретили здесь ничего подобного позднейшим сложным построениям, господствовавшим в архитектурной орнаментике, известной нам начиная с Х в. Эти сложные геометрические построения — герихи⁴ еще чужды искусству Варахши. В основе орнаментальных пропорций здесь всегда лежит простая квадратная или прямоугольная сетка, иногда скошенная, образующая ромбы или круги.

На простой квадратной сетке основан ряд орнаментальных мотивов, представляющих собой дальнейшее развитие геометрических форм, являющихся переходной ступенью к более сложным сочетаниям геометризованного растительного узора. К таким орнаментам можно причислить вариант одного из древнейших мотивов — пересечение одинаковых небольших окружностей, создающих как бы непрерывные ряды четырехлепестковых розеток⁵. Прост и эффектен мотив квадратов с помещенными в них розетками из четырех лепестков, расположенных по диагонали. Орнамент усложняется, когда стороны смежных квадратов превращаются в лепестки, в более развитых вариантах образующие с добавочными диагональными лепестками звездчатое заполнение плоскости.

Звездчатый узор дает орнамент из восьмилепестковых розеток, взаимно соединяющихся удлиненными концами лепестков, между которыми помещены шести-, пяти- или четырехлепестковые чашечки цветов. Этот мотив, судя по большому количеству

⁴ О некоторых построениях герих см.: Н. Б. Бакланов. Герих. — СА, IX, 1947, стр. 101 и сл.

⁵ Варианты этого узора весьма многочисленны в египетском и ассирийском искусстве; образец его, относящийся к вавилонскому времени, есть в алебастровом декоре Кухи-Ходжа в Афганистане.

Рис. 77. Цветочная лента

фрагментов, был особенно широко использован в декоре стен, представляя собой, как об этом можно судить по фрагменту ноги коня, орнаментальный фон, на котором развевалась какая-то большая скульптурная композиция.

Один из излюбленнейших элементов — мотив «сердечка», используемый и в простых (цепочки «сердечек»), расположенные то вертикально, то горизонтально), и в более сложных вариантах, где они усложняются добавочными лепестками. Иногда сердцевина их превращается в розетку-трилистник.

Своеобразны тройные розетки-трилистники, отдаленно напоминающие геральдические трилистники — лилии французских королей, вписанные в ромбы или закругленные сверху чешуйки.

Есть два варианта узоров, образованных переплетающимися в углах квадратами. По первому из них в полях квадратов расположены крупные шестилепестковые чашечки цветков; малые квадраты заполнены вписанными друг в друга уменьшающимися к центру квадратами. По второму варианту узор внутри квадратов помещены цветки из четырех узких лепестков. В этих квадратах можно видеть простейший пример мотива переплетающихся лент, различные варианты которого, как известно, широко распространены в древнем и средневековом искусстве Востока и занимают исключительно большое место в архитектурном декоре XI—XII вв.

В обрамлениях декоративных панно имеются бесконечно разветвляющиеся композиции вырастающих один из другого трилистников⁶, пальмовидные листья, ветки со спиральными листочками, незамысловатый чешуйчатый орнамент, ленты из розеток, одиночные и двойные ряды «перлов» или «пуговок» с крестообразными надрезами и другие.

Дальнейший переход уже к чисто растительному орнаменту мы видим в мотиве выюнка — волнообразно изогнутого стебля с отходящими от него

поочередно в разные стороны листьями — пальметтами. Это один из вариантов распространенного мотива, позднее получившего название «ислими».

Другие примеры заполнения бордюров растительным орнаментом: сочетание лепестков, связанных то вверх, то вниз, что дает своеобразный узор, построенный по двум осям симметрии; комбинация из четырехлепестковых розеток, составленных из зубчатых листочков, с четырехлепестковыми же розетками на углубленном фоне (редкий в варахском декоре случай двухплановой резьбы); чередующиеся, но связанные между собой сложные четырехлепестковые розетки и шестилепестковые чашечки цветков.

Большой интерес представляют орнаментальные полосы, украшавшие карнизы, и широкие орнаментальные каймы. В одной из них — разновидности «цветочной ленты» (рис. 77) — чередуются большие и малые пальметты, соединенные изогнутыми по спирали стеблями. Истоки этого орнамента, исключительно широко распространенного и хорошо известного во множестве разнообразных вариаций и искусстве Древнего Востока и античного Средиземноморья, уходят в глубокую древность. Весьма возможно, что варахский вариант этого мотива связан с эллинистическим искусством, но обладает и специфическими чертами.

Менее «эллинистический» вариант этого же мотива представлен в узеньком бордюре, где чередуются сложные пальметты и какие-то фигуры, напоминающие шишку хвойного дерева.

Во втором бордюре имеется еще одна разновидность выюнка, усложненного цветами, подобными цветку тюльпана. Основу третьего бордюра составляют орнаментальные круги, соединенные плавной изгибающимися побегами с зубчатыми листочками-волунами. Из кругов этого бордюра удалось собрать только один. Он весьма определенно напоминает «колесо закона» («дхарма чакра») — древний символ солнца, фигурирующий в буддийском искусстве как символ Будды (в рельефах Бхархути, Сан-

⁶ Возможно, одна из разновидностей стилизации лотоса.

чи, храма Сурья и других памятниках Индии⁷) и сохранившийся в декоративном искусстве Варахши, возможно, как пережиток, напоминающий о тех временах, когда буддизм проникал на территорию Средней Азии⁸.

В четвертом бордюре орнамент состоит из тесно составленных круглых розеток, причем они не повторяют одна другую, а даются в большом количестве разнообразных вариантов, отличающихся сердцевинкой, числом лепестков, их формой и т. д. Треугольники между розетками заполняются разнообразными пальметтами. Этот орнамент наряду с упомянутым звездчатым был одним из самых распространенных в декоре: он встречен в нескольких разновидностях, отличающихся масштабом, розетками, характером заполнения между ними и т. п.

Сохранились два крупных клинчатых кирпича от архиволта большой арки, покрытые алебастром с резьбой, представляющей собой двойную цветочную ленту, образованную спирально закручиваю-

⁷ См. изображения их у С. И. Тюляева («Архитектура Индии», М., 1939, стр. 30, 36, 64).

⁸ Впрочем, изображение колеса как символа солнца, или «колеса закона», было свойственно не только буддизму. Филострат (II—III вв. н. э.) сообщает, что четыре колеса, называвшиеся «гласом богов», были повешены магами в той комнате парфянского дворца, где царь отправлял правосудие (И. Токастой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III. СПб., 1890, стр. 24).

Рис. 79. Орнаментальный мотив

Рис. 78. Стилизация листьев аканфа

щимися зубчатыми листьями с добавочными усложняющими орнамент листочками-пальметтами.

Отметим еще орнаментальный мотив переплетающегося двойного меандра, имеющий точные аналогии в греческом декоративном искусстве. Меандр прерывается крупными розетками, напоминающими цветок хризантемы.

Особенно интересными для стилистического анализа представляются орнаментальные заполнения больших плоскостей, данные в повторяющемся раппорте в горизонтальном и вертикальном направлениях. Большое количество таких заполнений показывает, что в декоре стен они занимали весьма значительные площади. В первом из растительных мотивов этого рода, наиболее простом, орнаментальное поле делится на ромбические клеточки, вытянутые по горизонтали. В пересечениях двойных валяков, образующих эти ромбы, помещены небольшие четырехлепестковые цветки. В ромбы вписаны сложные пальметты, в основе которых лежит трилистник, моделированный дополнительными листочками, волотами и «сердечком», из которого как бы вырастает эта пальметта.

Во втором мотиве легко распознается своеобразно трактованный бесконечно повторяющийся лист аканфа с отогнутой верхушкой, украшенной сверху усиками-волотами, заполняющими пустые пространства между листьями (рис. 78).

В третьем орнаменте (рис. 79) мы видим крайне интересную стилизацию цветка, состоящего из трилистника, чашечки, украшенной цепочкой «перлов» (в некоторых случаях — зубчиками-фестонами) и радиально расположенными прямыми лепестками, и пестика, моделированного «сердечком» и уменьшающимися вверх треугольниками. Цветки расположены в шахматном порядке; пространство между ними занято изгибающимися мягкой волнистой линией побегом-листьями, перехваченными в местах соединений двойными связками.

Эти мотивы особенно наглядно показывают сложность развития орнаментального искусства Варахши, сформировавшегося ко времени арабского завоевания. Если в мотиве аканфового листа, зародившемся где-то на Древнем Востоке и блестяще разработанном в античной Греции, виден ясный отзвук эллинистического искусства, то рассматриваемый выше орнамент можно было бы скорее вывести из декоративного искусства Древнего Востока. Во всяком случае, оба эти мотива даны в алебастровой резьбе Варахши в переработанном виде, они органически влились в своеобразный стиль, созданный местными мастерами.

Отметим еще несколько орнаментальных композиций, вписанных в большие круги, которые удалось реконструировать по множеству обломков. В двух кругах диаметром 27—28 см вписаны более

или менее сложные розетки; по краю они обрамлены кругом из «перлов». Третий круг, орнаментальное заполнение которого удалось восстановить, имеет диаметр около 90 см (рис. 80). В центре вырезана простая шестнадцатилепестковая розетка, обрамленная кружком из «перлов». Дальше развевается сложный узор из расходящихся и соединяющихся листьев, увенчанных стилизованным плодом, сходным с ананасом. Такие же плоды изображены между листьями. По внешнему краю круг обрамлен полосой, украшенной поставленными в ряд изображениями нераспустившихся бутонов.

Описанными мотивами далеко не исчерпывается богатство и разнообразие орнамента, найденного в помещениях Южной анфилады. Многие обнаруженные здесь разрозненные элементы не связываются в какую-нибудь определенную орнаментальную композицию. Некоторые фрагменты орнамента не обнаруживают признаков симметрии или повторяющейся схемы. К таким мотивам можно отнести, например, очень часто встречающиеся изображения побегов растений, листьев и гроздьев винограда. Из отдельных элементов упомянем различной формы и в различных сочетаниях листья-волуэты, сердцевидные и сложные листья, иногда со стилизованными плодами и т. п. Встречено несколько обломков прорезных ажурных решеток и небольших полуколонн, украшенных полосами орнамента из пальмовидных

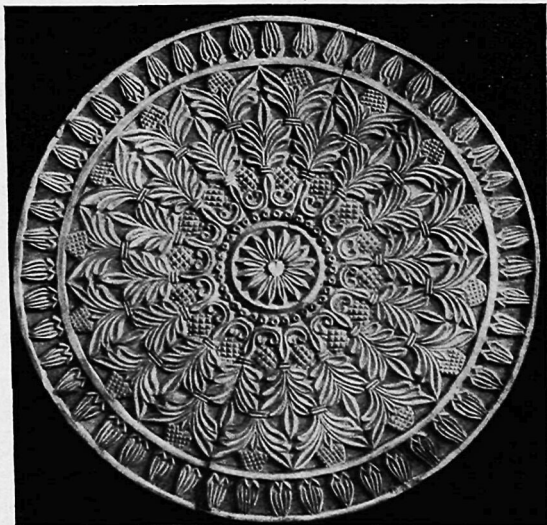

Рис. 80. Большой орнаментальный круг (реконструкция из гипса)

Рис. 81. Изображение водоема с рыбами

листьев с цепочками «перлов», проходящих по середине листа, треугольников и т. п. Орнаментальные полосы идут или вертикально, вдоль колонки, или под углом, что должно было придавать им вид как бы перевитых узорными лентами.

Описанные орнаментальные мотивы декора дают яркое представление о большом искусстве и широкой фантазии мастеров, покрывавших ими сплошь поверхность стен, арок и декоративных колонн. Гладких кусков штукатурки было найдено самое незначительное количество. Несомненно, большое разнообразие и выработанность форм орнамента могли сложиться только в результате длительного процесса его развития, в котором участвовало много поколений мастеров.

Не менее разнообразны и те скульптурные элементы декора, для которых орнамент служил фоном или обрамлением. В них представлен растительный и животный мир, человек и сказочные мифические существа.

К мотивам, взятым из растительного мира, можно причислить уже упомянутые изображения виноградной лозы, различной формы листьев и плодов, представленные обычно плоской одноплановой резьбой. Но наряду с этим были найдены фрагменты изображений деревьев с толстыми стволами и кронами, где в сложных переплетениях даются ветки и листья. Кора деревьев моделирована подробно — с сучками; листья имеют различную форму: зазубренные и с гладкими краями, с четко выделенными жилами. Судя по обломкам с изображениями стволов и листьев, данных высоким рельефом, в стукковые композиции включались деревья, достигавшие 2—3 м высоты.

Пейзажные элементы не исчерпываются изображением растений. Одним из важных элементов пейзажа были водоемы — условно трактованные волны в виде комбинации спиральных вихрящихся линий. Изображения водоемов встречены в двух различных масштабах. В более крупных помещены плавающие рыбы с четко моделированной чешуей, плавниками и глазами (рис. 81). Рыбы плывут одна за другой или навстречу друг другу, изгибаются, иногда сплетаются в причудливый клубок. Наряду с рыбами представлено животное с длинным змеообразным телом, по-видимому, змея.

В водоеме, изображенном в более мелком масштабе, изогнутые по сложным кривым линии волн пересекаются четырехлучевыми звездами-завихрениями, образованными волнистыми линиями. В клетках между лучами этих звезд изображены рыбки, плавающие по одной или группами, иногда сплетающиеся по две или по три вместе. Здесь же мы находим изображения змеек, каких-то, по-видимому, водяных насекомых и водяной птицы, может быть утки. Некоторые клетки заняты чашечками шести- или пятилепестковых цветков, иногда — сложными розетками.

Возможно, к водяной фауне относится изображение, напоминающее крупную лягушку или жабу.

Фрагменты деревьев с рыбами и водоемов дают возможность представить себе большие скульптурные панно, выполненные рельефом, переходящими местами в горельеф, в которых был изображен пейзаж, дополняемый еще изображением скал, обломки которых видны на некоторых фрагментах. Однако пейзаж мог служить только фоном для каких-то сцен, в которых участвовали люди и животные. К сожалению, содержание этих сцен и их композиция не могут быть установлены с достаточной полнотой вследствие недостаточности материала. Мы вынуждены ограничиться простым описанием отдельных элементов, композиционная или тематическая связь которых остается неясной.

Прежде всего следует отметить встреченное на нескольких фрагментах изображение животного из отряда парнокопытных — оленя или лани. Сохранилось несколько фрагментов туловищ этих животных, с шерстью, нависающей в виде бахромы над животом и задней частью туловища с коротким приподнятым хвостом. Имеется плохо сохранившееся изображение головы с заостренной мордой, выпуклыми глазами и рогами (рога обломаны) на длинной легкой шее, над нижней частью которой нависает такая же бахромка шерсти. Сохранилось много фрагментов ног с ясно выраженным раздвоенным копытном. Все эти многочисленные изображения разномасштабны и относятся, надо полагать, к различным скульптурным панно, на которых представлены охотничьи сцены.

Второе животное, фрагменты изображений которого встречены в значительном количестве,—

конь. Он также представлен в вариантах, различных по величине: от маленьких (два крупы коней с загнутыми вверх хвостами) до таких крупных, как нога коня на фоне звездчатого орнамента, достигающая приблизительно трех четвертей натуральной величины.

Особенный интерес представляет большой фрагмент крылатого коня (к которому может относиться и упомянутая выше нога). Сохранилась часть крыла и туловища, покрытого попоной с ромбовидным чешуйчатым орнаментом, окаймленной полоской «перлов», и с подпругой, орнаментированной надрезами «в елку», напоминающей описанные выше подпруги на слонах из живописи Красного

полагать, опоясывал стены где-то в их верхней части¹⁰.

Фрагменты изображения человека были обнаружены на сравнительно небольшом количестве обломков стука, среди них имеется несколько изображений голов. Их можно подразделить на два типа: первый (рис. 83 и 84) выражен плоским рельефом и изображает безбородое юношеское лицо с короткими прямыми волосами, схваченными гладким обручем — диадемой. Повороты лиц этого типа разные: то вправо, то влево. Есть изображение анфас, в три четверти и почти профильные. Для этих лиц характерен невысокий лоб, закрытый нависающими волосами, равно обрезаемыми выше бровей, округлый

Рис. 82. Фриз — вереница куропаток (реконструкция)

зала. Передняя часть торса коня сохранила остатки изображенных на нем украшений в виде кистей или бубенчиков. На крыле детально моделированы перья: широкие в виде чешуек с зазубренными краями на щитовидной части, прилегающей к плечу, и длинными маховыми. Никаких признаков всадника на этом фрагменте не обнаружено.

Кроме этого «пегаса», представленного в крупном масштабе и высоким рельефом, сохранились еще два маленьких фрагмента таких же, по-видимому, фантастических животных. Они значительно меньше по размерам. Эти изображения выполнены более схематично.

Не считая двух голов птиц, по-видимому, хищных, на прочих фрагментах, найденных в количестве свыше семидесяти, изображены одинаковые фигуры куропаток («кекликов»)⁹. Найденны только фрагменты изображений туловищ с головами; ноги обломаны. Ноги кекликов были найдены на других обломках. Это объясняется тем, что при относительно массивном туловище ноги были вырезаны очень тонкими и притом отделены от плоского фона, на котором изображены птицы, сквозным прорезом.

Сопоставление большого числа фигур куропаток привело нас к заключению, что они составляли большой скульптурный фриз, представлявший шествие этих птиц сплошной вереницей, одна за другой (рис. 82). Фриз, несомненно, составлял весьма значительный элемент декора в целом и, можно

овал лица, прямой нос и маленький рот с как бы застывшей полуулыбкой. Глаза имеют вид продолговатых выпуклых миндалин без признаков какой-либо дальнейшей моделировки. Судя по некоторым фрагментам, лицо было вписано в круг в виде нимба. Обнаженная шея украшена ожерельем, переходящим в какой-то орнамент, составными элементами которого были розетки, двойные «перлы», стилизованные листья. Можно полагать, что эти лица являлись лишь маскаронами, входившими в сложную орнаментальную композицию. Не заметно стремление придать им индивидуальный характер: все они изображают как бы один и тот же персонаж.

Вторая группа голов вылеплена высоким рельефом. Несмотря на те же выразительные приемы, в частности такую же примитивную моделировку глаз, здесь очевиден совершенно иной подход мастера к передаче характера лица, каждое из которых имеет свои индивидуальные черты.

Голова бородатого мужчины (рис. 85), повернутая в три четверти вправо, показана с длинными зачесанными назад прямыми волосами. Прямая клинообразная борода изображена несколькими резкими штрихами; на верхней губе намечены небольшие прямые усы. Ухо передано только в основных чертах. Лоб и верхняя часть носа отбиты, но нос был, по-видимому, прямым. Все лицо в целом отличается характерными крупными чертами.

На другой мужской голове волосы вьются локнами. Над лбом они удерживаются двойным

⁹ Кеклик белый (*Alectoris graeca*) или пустынная куро-патка (*Ammoderix griseogularis*). Оба вида встречаются в Кызылкуме (Д. Н. Кашкаров. Животные Туркестана. Ташкент, 1931, стр. 68—69).

¹⁰ Если составить вместе только сохранившиеся фигуры птиц, получится фриз длиной от 18 до 20 м, а сохранились они, конечно, далеко не все.

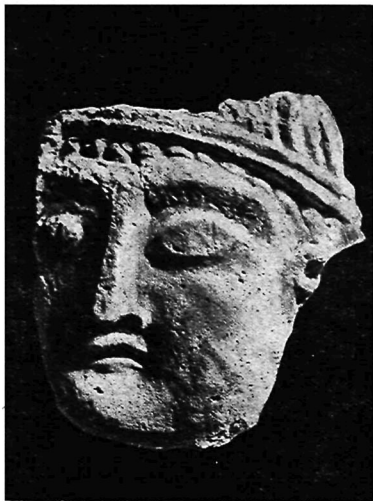

Рис. 83. Голова-маскарон

Рис. 84. Голова-маскарон

Рис. 85. Мужская голова

Рис. 86. Женская голова

обручем диадемы с круглым украшением в середине. Кудрявая короткая борода раздваивается на подбородке. Передняя часть лица испорчена, что не дает возможности судить о форме носа, но лицо более округлое, чем у головы, описанной выше. Глаз имеет ясно намеченные веки, глазное яблоко и даже зрачок. Это единственный пример детального изображения глаза на фрагментах из Южной анфиллады.

Сравнение двух мужских голов позволяет предположить, что мастер сделал попытку передать в них характерные особенности определенных персонажей. Возможно, это портреты определенных лиц.

Так же разнообразны по трактовке и три женские головы. Одна из них (рис. 86) представлена с длинными прямыми, но выходящими на концах волосами, падающими назад. На голове надета низкая круглая шапочка или туго стянутый платок. Лицо сильно испорчено. Голова повернута в три четверти вправо. Интересно отметить, что позади около волос сохранилась часть фона, трактованного так же, как водоемы с рыбами, волнистыми линиями. Слишком маленький фрагмент этого фона не дает нам права говорить об этом достаточно уверенно, но, если женщина действительно была представлена погруженной в воду, она могла изображать или мифическую водяную деву или купальщицу.

Вторая голова, также плохо сохранившаяся (отбита слева нижняя часть лица), изображена анфас, в такой же шапочке, как и предыдущая. Округлое лицо обрамлено пышными локонами.

Третья женская голова сохранилась еще хуже: лицо у нее сбито совершенно, но довольно хорошо видны длинные кудрявые волосы.

Несколько странным кажется, что среди собранных фрагментов сохранилось очень мало торсов человеческих фигур. Их всего четыре. Три из них обнаженные, по-видимому юношеские, показывают не-

Рис. 88. Рука с «жезлом»

которое знание мастером анатомии человека. На всех трех торсах видны украшения в виде ожерелий и в двух случаях — нити бус или жемчужин, перекинутые через одно плечо и спускающиеся до пояса¹¹.

Особый интерес вызывает большой торс мужчины в богатом одеянии — воина или, возможно, царя — изображенный несколько меньше натуральной величины человека. Костюм, судя по изысканным складкам, сделан из какой-то легкой ткани. На груди нашиты сердцевидные бляшки в виде бубенчиков. Поверх нижней одежды одета другая — узкая, обтянутая в талии, оставляющая грудь открытой, обшитая по бортам круглыми бляшками. Пояс охвачен кушаком с застежкой из двух круглых бляшек. Концы его свободны и расходятся наподобие банта. На шею ожерелье из «перлов». На плече одежда собрана пышными складками; такими же складками драпируются широкие шаровары, схваченные на бедре бантом. Положение ног указывает, что перед нами всадник. Его левое плечо высоко поднято вверх, правое опущено, рука (отбитая) находилась впереди груди. В посадке всадника и в положении рук можно усмотреть позу стрелка из лука, стреляющего повернувшись назад.

Среди прочих фрагментов изображений человеческих фигур следует отметить довольно многочисленные обломки рук. Хорошо сохранилась рука с браслетом, держащая веревочную петлю — аркан (рис. 87), и рука с небольшим круглым щитом, рука с жезлом или посохом (рис. 88) и т. п.

Рис. 87. Рука с арканом

¹¹ Подобные украшения, и именно на мужских фигурах, можно видеть в рельефах и стеновых росписях Аджанты (G. Yazdani, Указ. соч., табл. XXXII, XLVII) и доугх индийских скульптурах.

Рис. 89. Фрагмент фигуры птице-женщины

Мифические существа, созданные сочетанием частей различных животных, представлены уже описанными крылатыми конями-пегасами и встречены в нескольких образцах изображением человеко-птицы (рис. 89) — вариантом широко распространенных образов древнего искусства: древнеегипетская бау, сирена и гарпия греков, киннара и гаруда в Индии, хумá в позднейшем среднеазиатском искусстве.

Голова человеко-птицы сохранилась только в одном обломке, да и то с отбитой лицевой частью. Несмотря на это, хорошо видна прическа из многочисленных кос или локонов, часть которых падает на грудь, но основная масса — на спину. Грудь во всех случаях женская, покрытая тонкой, очень короткой одеждой, не доходившей до пояса. Ясно, изображен ворот этой одежды и мелкие фестончато изгибающиеся складки ниже груди. Вся остальная часть фигуры птичьей. Она покрыта крупными рельефно моделированными перьями. У фигур, повернутых вправо, правое плечо покрыто крылом, несколько более длинным, чем туловище. У фигур, повернутых влево, прикрыто левое плечо. Крылья, примыкающие к фону — стене, распущены.

На нескольких фрагментах, изображающих кроны больших деревьев, сохранились обломки крупных птичьих лап. Сравнение фигур человеко-птицы с этими лапами привело нас к заключению, что в обоих случаях это, несомненно, части одного и того же изображения, и что варашская человеко-птица была изображена сидящей на дереве (рис. 90).

Образы коня и человеко-птицы в резном ступе Варашки показывают, что кроме сцен охоты в декоре использовались также мифологические сюжеты.

В 1938 г. среди фрагментов резного алебастрового декора, происходящих из Южной анфилады, было найдено несколько относительно небольших кусков, резко отличающихся от всех остальных стилем и манерой резьбы. Алебастр наложен здесь слоем в 4—6 см с гладкой лицевой поверхностью, на которой вырезан углубленный выемчатый рисунок геометрического и растительного характера. Рисунок крупный, дан главными четкими линиями. Глубина резьбы 2—5 см. Отличаются эти фрагменты еще и тем, что углубления рисунка окрашены черной и охристой красками (рис. 92). Незначительное количество таких фрагментов и их плохая сохранность не позволяют сделать выводов о сюжете орнамента. Можно только отметить один простой по очертаниям трилистник на спиральном стерженьке, врезанный в поверхность алебастровой штукатурки, да остатки геометрического орнамента, образованного углубленными полукругами.

Эти фрагменты относятся к более раннему времени, чем элементы алебастрового декора, описанные выше. Это наглядно доказывается тем, что на некоторые фрагменты с углубленной и подкрашенной резьбой был наложен новый слой алебаstra, по которому произведена резьба в стиле, свойственном основной массе описанных фрагментов. Следовательно, зал, украшенный резным алебастром, отде-

Рис. 90. Фигура птице-женщины (реконструкция)

Рис. 91. Фрагмент крыла

Рис. 92. Фрагмент алебастрового декора раннего периода

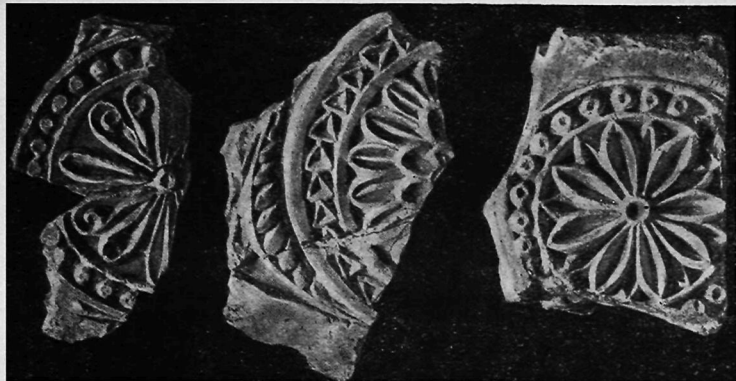

Рис. 93. Орнаментальные мотивы

ывался дважды. При вторичной отделке сохранившиеся куски старого декора были покрыты новым слоем алебастра, наложенным поверх этих остатков.

Наличие двух слоев резьбы свидетельствует о продолжительном существовании здания, украшенного резьбой по алебастру, и о производившихся в нем капитальных ремонтах и переделках. Для определения длительности промежутка времени между возникновением раннего и более позднего алебастрового декора данными мы не располагаем; но так как, по-видимому, стены оставались теми же, этот промежуток не должен быть очень значительным.

* * *

Много фрагментов резного алебастра собрано при раскопках айвана. По технике резьбы и по стилю алебастровый декор айвана не отличается от описанного декора Южной анфилады. Одинаковы многие орнаментальные мотивы, как простейшие, так и более сложные, например композиция с листьями аканфа и многие другие. Сходство иногда настолько полно, что можно предположить не только относительную одновременность сооружения обоих зданий, украшенных стукком, но иногда и руку одного и того же мастера.

В айване был найден уже упомянутый единственный крупный фрагмент декора, сохранившийся не в завале, а на восточной полуколонне, сложенной из жженого кирпича. По низу этой полуколонны проходил бордюр, состоявший из ряда кругов-розеток с разнообразными в каждом случае деталями и растительным орнаментом, заполнявшим треугольные пространства между кругами (см. рис. 32). Это один из вариантов мотива, обильно представленного на фрагментах Южной анфилады. Здесь он также имеется в нескольких разновидностях, в различных

масштабах, с различным заполнением свободных полей между кругами. Особенно разнообразны круги-розетки (рис. 93). Это относительно простые восьми- или шестнадцатилепестковые чашечки цветков, составленные прямыми ланцетовидными лепестками. Иногда эти лепестки более округлой формы накладываются один на другой, как в цветке астры или хризантемы. Есть и значительно более сложные заполнения, где лепестки приобретают форму изогнутых пальметт или полупальметт, крестообразно расположенных зубчатых листочков, между которыми помещаются ланцетовидные листочки и т. п. Обрамлены круги то «перлами», то цепочкой маленьких треугольников. Бордюры из кругов применялись в облицовках колонн или полуколонн, а также на плоских поверхностях.

Весьма разнообразны различного рода бордюры и обрамления. Здесь мы снова встречаемся с изобилием «перлов» (представленных то одинарными, то двойными рядами), треугольников, «сердечек», четырехлепестковых розеток, образованных пересекающимися кругами. Интересен небольшой карнизик, орнамент которого имитирует крепостные зубцы; есть и обрамления с растительным узором.

Сохранилось некоторое количество фрагментов оформления архивольтов относительно небольших арок. Незначительная величина обломков не дает возможности определить с достаточной точностью форму и пролет арок и только приблизительно можно рассчитать, что радиус очерчивающих их кривых равнялся 1 м или был немногим больше. Два из этих фрагментов украшены уже упомянутым орнаментом из четырехлепестковых розеток, образованных пересечением одинаковых окружностей: в одном случае они расположены в один ряд, в другом — в два. Есть обрамления и более сложные.

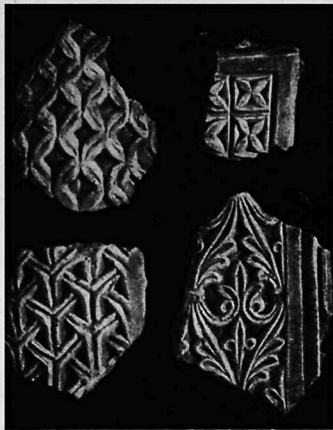

Рис. 94. Орнаментальные мотивы

Еще больше образцов оформления декоративных полуколонн, образованных цилиндрической поверхностью (рис. 94). Диаметр этих полуколонн равнялся 35—40 см. В орнаменте, покрывающем полуколонны, изображены ряды простых квадратов с вписанными в них меньшими подквадратными фигурами, очень своеобразная плетенка, ряды четырехлепестковых розеток или цветочных лент с чередующимися в шахматном порядке тройными пальметтами (рис. 95). В одной такой полуколонне орнамент, образованный чешуйками-подковками, пересечен под углом 45° орнаментальной каймой, в которую вписаны ромб с «перлом» внутри и еще какие-то элементы узора, плохо сохранившиеся.

Много найдено фрагментов заполнения фонов больших плоскостей. Кроме уже упомянутого мотива, представленного на большом количестве обломков, в основу которого положен лист акафа, можно назвать несколько вариантов узора, образованного волнисто изгибающимися побегими с листьями-пальметтами. Пальметты связаны одна с другой и разворачиваются в бесконечном раппорте в вертикальном и горизонтальном направлениях. Интересен мотив крестиков-розеток из четырех зубчатых листочков, похожих на листья дуба. На углубленном фоне между листьями вырезана крестовидная фигура. Большое место в декоре занимал растительный орнамент из побегов со спиральными листьями (рис. 96), плоскость которых украшена дополнительно фестонами, иногда с круглыми углублениями-ямками. Этот вид орнамента разворачивался, по-видимому, на больших поверхностях и, быть может,

не давал раппорта. Во всяком случае, по мелким фрагментам, которые нами были найдены, восстановить этот орнамент и его построение невозможно.

Один из самых распространенных мотивов в декоре айвана — виноградная лоза (рис. 97). Относительно большие фрагменты и мелкие осколки с изображением винограда собраны в большом количестве. В двух случаях этот чрезвычайно эффектный мотив встречен в сочетании с другими элементами: в одном — с большой круглой розеткой сложного рисунка, обрамленной перлами. Здесь лозы винограда с вырезными листьями, плотными гроздьями из небольших круглых ягод и спирально закрученными усиками, заполняют фон с обеих сторон круга. Все вместе составляет, по-видимому, часть большой орнаментальной каймы. Побег лозы изгибается симметрично, но полной зеркальной симметрии они не дают. Мастер, вырезавший узор, более или менее свободно располагал листья, гроздья и усики, обходясь явно без всякого шаблона, при котором симметрия была бы выдержана более строго. Во втором случае, в части алебастрового декора, сохранившегося на обвалившемся куске стены, мотив виноградной лозы заполняет фон, на котором высоким рельефом изображена женская фигура, предположительно танцовщица (о ней см. ниже).

Интересно отметить, что виноград изображен по-разному: гроздья его то большие и плотные, то более редкие. Ягоды — крупные и мелкие, круглые и продолговатые. Создается впечатление, что мастером изображались различные сорта винограда, распространенные в то время.

На полу около восточной полуколонны айвана были найдены две большие терракотовые плиты ($74 \times 45 \times 6,5$ см). Плиты были взяты, очевидно, из какого-то более древнего здания и использованы

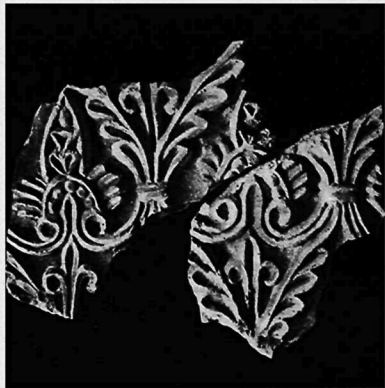

Рис. 95. Орнаментальные мотивы

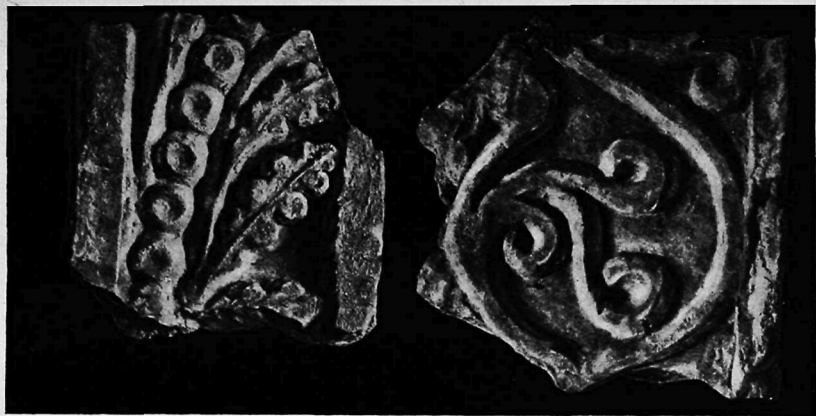

Рис. 96. Орнаментальные мотивы

в качестве материала для облицовки стены айвана. Рельефный узор этих плит был стесан, но по некоторым остаткам его можно реконструировать. Стенная поверхность была покрыта резным алебастром, сохранившимся на одной плите полностью, а на другой всюду, кроме ее нижней трети. На первой из них (рис. 98) изображена в круге из «перлов» сложная розетка; фон заполнен узором весьма своеобразного плетения. На второй плите изображено дерево с ветвями, зубчатыми листьями и каким-то миндалевидной формы плодом. Дерево заполняет весь прямоугольник плиты. Описанный выше фрагмент декора с розеткой и фоном, заполненным изображением винограда, был сделан на такой же терракотовой плите.

Орнамент и в этом зале служил, по-видимому, только обрамлением и дополнением к скульптурным сюжетным рельефам. Элементов пейзажа здесь найдено меньше. Они представлены изображением растений — различных более или менее реалистично трактованных деревьев, наподобие того, которое изображено на терракотовой плите, или сохранившегося большого фрагмента дерева с зубчатыми листьями, вырезанного глубоким рельефом. Небольшой обломок изображения дерева имеется на одном из фрагментов фриза, в котором были представлены бегущие парнокопытные животные.

Есть и остатки изображения водоема в виде спирально изгибающихся линий, передающих, по аналогии с фрагментами Южной анфилады, волны. Но изображения рыб и других водяных животных среди найденных фрагментов не обнаружены.

В декоре айвана ярче, чем в фрагментах Южной анфилады, выступает сцена охоты. До нас дошли обломки большого фриза, на котором были изображены бегущие животные: баран с закругленными вниз большими рогами (*Ovis vignei Bokharensis Nason*)¹² и джейран (*Gazella subgutturata Guld.*)¹³. Фигура первого из них сохранилась полностью, кроме отбитых задних ног (рис. 99). Баран представлен в стремительном прыжке вправо. В правый бок его вонзилась оперенная стрела, пробившая все туловище. Чрезвычайно выразительно и правильно переданы как общий силуэт красивого и сильного животного, так и все детали изображения. Особенно хорошо сделана голова с большим испуганным глазом, небольшим, как бы настороженным ухом и огромным рогом, загнутым спирально вниз, с резко обозначенными поперечными бороздками. Условно трактована шкура барана. Как и на торсах животных из Южной анфилады, шея, живот и задняя часть обрамлены бахромкой шерсти, изображенной резкими и отчетливыми надрезами¹⁴.

От фигуры джейрана сохранилась только передняя часть: голова, шея и передние ноги с раздвоенными копытами, вытянутые вперед в сильном прыжке (рис. 100). Морда сделана несколько примитив-

¹² Д. Н. Кашкаров. Указ. соч., стр. 388.

¹³ Там же, стр. 11—12.

¹⁴ Фигура барана чрезвычайно похожа на такую же на серебряном блюде из деревни Турушево бывшей Вятской губернии (И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 5).

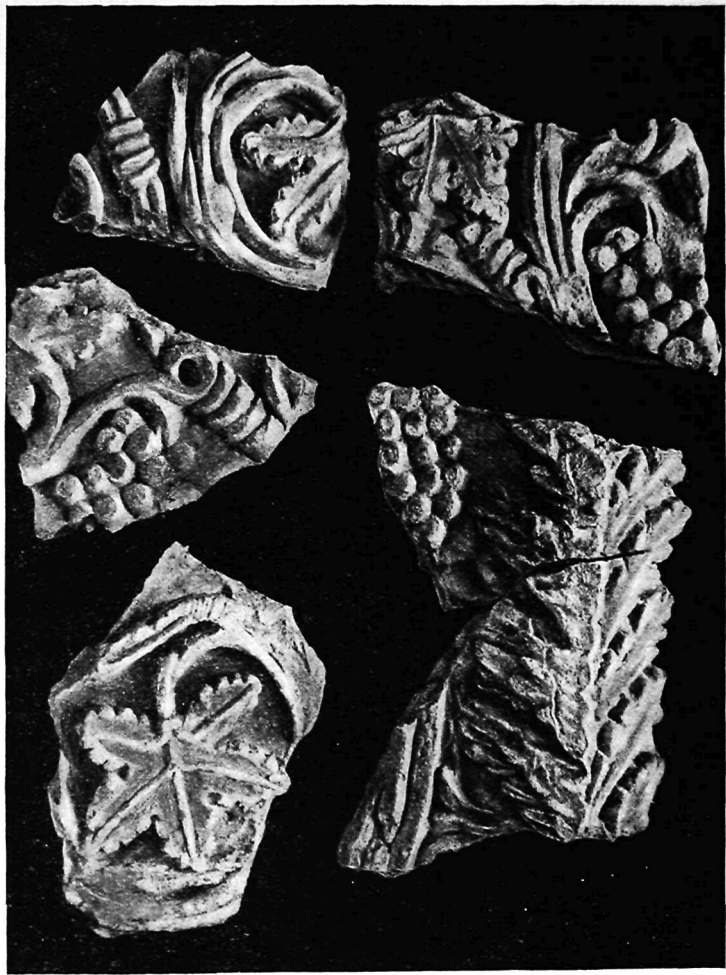

Рис. 97. Изображение винограда

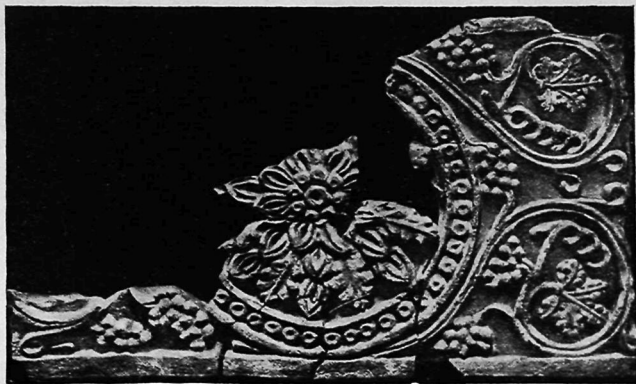

Рис. 98. Панио на терракотовых плитах

Рис. 99. Баран

нее, чем у барана, да и сохранилась она хуже. Однако и здесь видно то же мастерство и понимание форм животного. У джейрана небольшие рожки, торчащие вверх, с загнутыми вперед концами. В шею его воткнута стрела. Следовательно, и эта фигура представляет собой часть, может быть, той же самой сцены охоты. От фриза с этой сценой сохранилось несколько более мелких фрагментов — ноги все с такими же раздвоенными копытами, также принадлежавшие баранам и джейранам, и фрагмент развевающейся ленты. Подобные ленты изображались привязанными к головному убору всадника или же к шее животного, как это можно видеть на некоторых произведениях торевтики¹⁵. На одном из фрагментов фриза уцелела ветка дерева с миндалевидными листочками — признак того, что в сцене охоты имелись и элементы пейзажа. На другом фрагменте замечены остатки изображения фантастического рога и руки, держащей лук.

Несомненно, к таким же охотничьим сценам относятся отдельно найденные головы барана (рис. 101), козла и кабана (рис. 102).

Сами охотники представлены обломками двух фигур всадников, сидящих на конях. В обоих случаях сохранились только нижние части торсов. Один из всадников (рис. 103) одет в шаровары, разграфленные в мелкую косую сетку; верхняя длинная одежда, изображенная четко моделированными складками, не закрывает колена. Она схвачена в талии узким поясом, к которому подвешен на правом боку большой колчан со стрелами. Он несколько расширяется в верхней части. По верхнему краю и внизу он украшен каемкой «перлов». Ясно изображены оперения стрел, вложенных в колчан. Конь, на котором сидит всадник, покрыт чепраком, окаймленным тоже цепочкой «перлов». В виде двойной цепочки «перлов» или «пуговок», пересекаемой на равных расстояниях круглыми бляшками, изображен подхвостный ремень. Всадник скачет вправо.

¹⁵ И. А. Орбели, К. В. Тревер, Указ, соч., табл. 25, 51, 52, 55.

На другом фрагменте, на котором уцелели остатки такого же изображения, всадник показан едущим влево. Кроме того, имеются более мелкие обломки, на которых сохранились изображения крупы коня с верхней частью колчана (совершенно такого же, как описанный выше), головы коня с уздечкой в виде цепочки «перлов» и т. п. Интересен небольшой фрагмент ноги всадника, вставленной в стремя, с опущенным почти вертикально вниз носком, как и на изображениях всадников на некоторых серебряных блюдах Эрмитажа¹⁶.

Следует отметить, что изображения коней даны в различных масштабах — то крупнее, то мельче. Это заставляет предположить, что сцены охоты находились в разных композициях, хотя не исключается и разномасштабность фигур в одной и той же сцене подобно тому, как это мы видим в стеновой живописи или в наскальных рельефах сасанидского Ирана¹⁷. Среди найденных голов коней одна выделяется относительно большой величиной (рис. 104). Голова изображена в три четверти вправо, так что видны не только оба уха, но и оба глаза. На голову одета уздечка из «перлов». В левую щеку коня возмозлась когтистая лапа какого-то чудовища: грифона или дракона. Упомянем, что изображение такой же лапы, скорее птичьей, чем звериной, найдено еще в виде одного отдельного фрагмента.

¹⁶ Там же, табл. 5.

¹⁷ Например, в сцене охоты в Таки-Бустане (E. Diez, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915, S. XXI, Abb. 16a).

Рис. 100. Голова джейрана

Рис. 101. Голова барана

Рис. 102. Голова кабана

Рис. 103. Фрагмент изображения всадника на коне

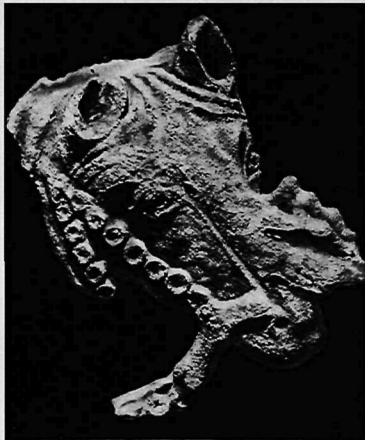

Рис. 104. Голова коня с вцепившейся в него когтистой лапой чудовища

Следовательно, здесь, как и в других случаях, представлена была не только охота на действительно существующих животных. Наряду с вполне реальным бытовым сюжетом в алебастровой резьбе айвана занимал известное место и излюбленный мотив борьбы с чудовищами — воплощениями сил зла. Чудовища представлены двумя фрагментами: изображением головы дракона (рис. 105) и обломком верхней части головы грифона. Первый из них показывает чудовище с разинутой пастью и острыми зубами. На голове у него небольшие загнутые вперед рога. Уши прижаты к длинной изогнутой шее с гривой, обозначенной завитками шерсти. Щека обрамлена треугольной бородкой. Весь облик дракона напоминает белое чудовище, изображенное на южной стороне Красного зала.

Голова грифона (рис. 106) сохранилась плохо. Уцелел почти человеческий глаз, глубоко посаженный под дугообразной бровью, маленькое прижатое ухо и львиная грива. Передняя часть головы, по-видимому клювовидная, не сохранилась.

Несколько изображений человеческих голов сохранилось в виде небольших обломков. От одной из них уцелела часть лба с одним глазом. Волосы были схвачены диадемой с крупной розеткой, изображающей, надо полагать, драгоценный камень, укрепленный на середине лба. Не исключено, что на голове была изображена корона. Несколько лучше сохранилась небольшая головка, по-видимому, женская (рис. 107). Лицо ниже переносицы отбито, однако уцелели большие круглые глаза с обозначенными зрачками и с тяжелыми верхними веками. Глаза

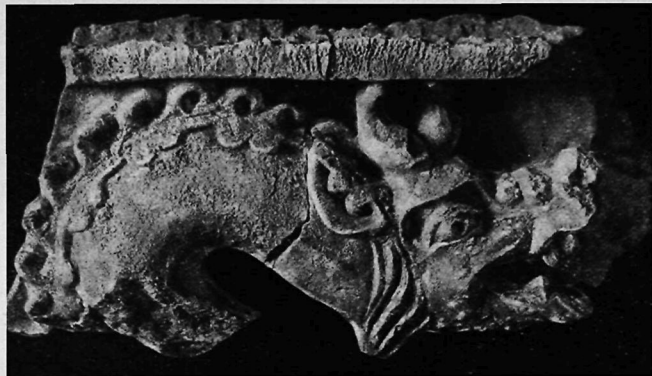

Рис. 105. Голова дракона

поставлены несколько косо: внешние уголки их приподняты. Четко обозначены закругленные надбровные дуги, также приподнятые вверх. Прическа не вполне ясна: похоже, что на голову навернут какой-то шарф или лента, из-под которой свисают вниз короткие пряди волос, подрезанные над бровями в виде челки. От нее в стороны, обрамляя лицо, отходят закрученные локоны. Вдоль правой щеки впереди уха свисает тонкий локон.

Особенно интересным оказался довольно большой фрагмент алебастрового декора, сохранившийся на части свалившейся стены из жженого кирпича (рис. 108). В середине этого фрагмента изображена высоким рельефом женская голова. Она показана почти прямо с легким поворотом влево (от зрителя). Характерны прямой нос, большие глаза с обозначенными зрачками, небольшие губы, округлый

овал лица. На голове у женщины шапочка или туго стянутый платок, из-под которого видны локоны, отходящие от середины лба за уши. Уши показаны схематично, без деталей. Голова окружена нимбом, украшенным по внешней стороне листочками-зубчиками. Частично сохранилась поднятая до уровня лица правая рука, державшая, очевидно, шарф. Фон — орнамент из завитков виноградной лозы с листьями, гроздьями и усиками. Поза фигуры с шарфом в поднятой руке позволяет предположить, что это остатки изображения танцовщицы.

Неподалеку от места этой находки была обнаружена женская голова, аналогичная первой, повернутая в три четверти вправо (рис. 109). Нос этой головы поврежден, но все остальные части лица, вполне сходные с первой, сохранились хорошо.

Остается упомянуть о нескольких фигурах птиц, сходных с кекликами из Южной анфилады (рис. 110), и о фрагментах изображений птице-женщины. Последние отличаются от птице-женщин из Южной анфилады только отдельными деталями. К сожалению, обнаруженные нами фрагменты очень не велики. Голова, крылья, ноги этих изображений не сохранились. Можно только проследить, что верхняя часть крыла покрыта ромбическими чешуйками, как бы находящимися одна на другую. На этих фигурах нет складок ткани под грудью, ясно показанных на аналогичных фрагментах Южной анфилады.

* * *

Декор дворца в разные этапы его существования не исчерпывался стеной живописью и резным алебастром. В какой-то период, вероятно, одновременно со стеной живописью, в архитектурное оформление включались резная терракота и скульптура из необожженной глины.

Рис. 106. Голова грифона

Скульптуры из терракоты представлены обломками нескольких плит, извлеченных из предполагаемого основания столба в Северном зале. Все эти плиты дают один и тот же мотив. Из нескольких кусков удалось сложить значительную часть одной из них. На ней оказалась изображение стоящей женщины. Верхняя часть плиты не была найдена, нет головы и рук, которые, очевидно, были подняты вверх над головой. Остальная часть фигуры сохранилась полностью. Туловище изображено прямо. Составленные вместе ноги развернуты ступнями в разные стороны. На женщине доходящая до щиколоток одежда с открытым воротом. Она драпируется свободными складками, но прилегает к телу, не скрывая его форм (рис. 25).

Поза фигуры несколько схематична, безжизненна; пропорции тела неточны, но характер складок одежды сближает нашу скульптуру с памятниками гандхарского искусства и говорит о живучести античных традиций. Поза женщины, стоящей с поднятыми над головой руками, указывает, по-видимому, что это танцовщица. Может быть, повторением этой фигуры является небольшая терракотовая статуэтка, найденная в окрестностях Варахши. Она сильно выветрилась, нижняя часть ее обломана, но все же хорошо видна прическа с локонами, поднятые к голове руки, одежда с открытым воротом и большим вырезом спереди (рис. 13, 2).

Терракотовая плита отличается рыхлостью и слабым обжигом. Рельеф был некогда покрыт тонким слоем алебаstra, который по большей части осыпался и сохранился только отдельными пятнами. Была ли терракотовая скульптура окрашена, выяснить не удалось. Ничего нельзя сказать и о том, какое место в декоре дворца занимала эта плита и найденные там же другие плиты, обломки которых

Рис. 107. Фрагмент женской головы

повторяют то же самое изображение. В других местах тоже встречались куски терракотовых плит. На одной из них сохранилось изображение лапы фантастического животного, по-видимому, грифона.

При раскопках айвана, как сказано выше, были найдены большие однотипные терракотовые плиты, использованные вторично. Рельеф на них оказался сбитым, а поверх него был наложен слой алебаstra с изображением растительных орнаментальных мотивов. Так как на части одной из этих плит алебастр не сохранился, на ней удалось увидеть остатки

Рис. 108. Фрагмент изображения женщины

Рис. 109. Женская голова

рельефного орнамента. При раскопках было найдено несколько обломков терракотовых плит с тем же орнаментом, что дает возможность реконструировать всю плиту. По обеим ее длинным сторонам проходила кайма в виде небольших завитков. По середине плиты на некотором расстоянии одна от другой были помещены своеобразные четырехлепестковые розетки. Плиты составляли, по-видимому, какой-то орнаментальный фриз.

Наконец, упомянем уже описанные половинки больших терракотовых кругов с розетками. Последние относятся, возможно, к несколько более позднему времени, чем плиты. В отличие от слабо обожженных и рыхлых прямоугольных плит, полукруги хорошо обожжены. Как они использовались, судить трудно, но скорей всего они являлись (как, возможно, и все остальные терракотовые плиты) элементами наружного декора здания.

Скульптура из глины обнаружена всего лишь в нескольких небольших фрагментах в стратиграфическом раскопе на северной стороне здания вместе с кусками стенных росписей и относится, надо полагать, приблизительно к тому же времени, что и росписи. Эти фрагменты очень мелкие и только на некоторых из них можно видеть изображение перьев крыла, очень сходных с такими же изображениями в резном ступе. Поверхность глиняных скульптур была окрашена в яркий красный цвет. Определить, какое место они занимали в здании, невозможно.

Напомним еще о больших кругах — розетках из необожженной глины, найденных в помещениях восточной части цитадели и представлявших собой архитектурные украшения, использовавшиеся, надо полагать, в наружном оформлении здания.

Таким образом, для украшения дворца были привлечены все известные нам виды архитектурного декора того времени, в том числе, несомненно, и резное дерево. Деревянные части дворца, как сообщает «История Наршахи», были вывезены в Бухару одним из саманидских царевичей. Дерево не могло бы сохраниться по климатическим и почвенным условиям, даже если часть его оставалась на месте.

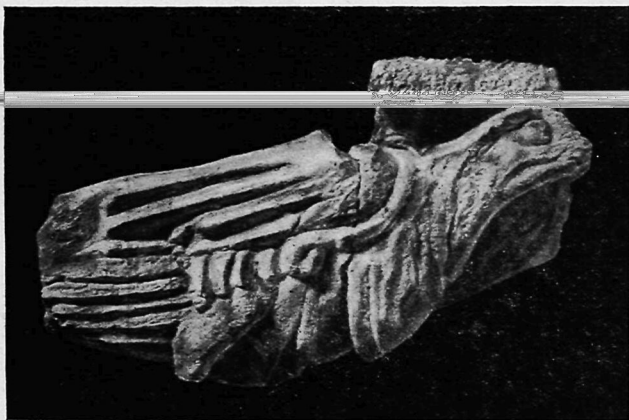

Рис. 110. Изображение птицы

МЕСТО ПАМЯТНИКОВ ВАРАХШИ В ИСТОРИИ ИСКУССТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ

Можно сказать без преувеличения, что памятники искусства, обнаруженные в течение последних двадцати лет в Варахше, Хорезме, Пянджикенте, Бадалык-тепе и в Южной Туркмении, открыли новые страницы в истории культуры народов Средней Азии. Они дали яркое представление о творчестве древних художников. Может быть, те произведения искусства, которыми располагает наука в настоящее время, еще и недостаточны для того, чтобы с нужной полнотой написать историю искусства Средней Азии древности и раннего средневековья, но многие стороны зарождения искусства и его развития представляются теперь уже достаточно ясными.

До открытий 30-х годов нашего века археология Средней Азии располагала по древнему искусству скудным материалом, преимущественно в виде большого количества терракотовых фигурок, орнаментированных костехранилищ-оссуариев¹, налепов и штампованных изображений на оссуариях, изображений на монетах и некоторого количества гемм — печатей, также с различными изображениями. Но предметов этого рода, как и интересным вещам из так называемого Аму-Дарьинского клада², не всегда можно было с достаточной уверенностью приписать собственно среднеазиатское происхождение.

¹ Из оссуариев особенно привлекали внимание найденные Б. Н. Кастальским в бывшем Катта-Курганском уезде (см. Б. Н. Кастальский. Бия-найманские оссуарии. — ПТКАА, год XIII (приложение), Ташкент, 1909). Попытки исторического и искусствоведческого истолкования как терракот, так и оссуариев были сделаны только в 30-х годах (см. С. Trever. Terracottas from Afrasiab. М.—Л., 1934; А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. — ВДИ, 1938, № 2—3, стр. 120 и сл.; А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на бия-найманских оссуариях. — ТОВЭ, А., т. II, 1940, стр. 25 и сл.).
² И. Т. Толстой, Н. К. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II. СПб., 1889, стр. 126 и сл.; О. М. Dalton. The Treasure of the Oxus with other objects from ancient Persia and India. London, 1905.

Это особенно относится к таким шедеврам медальерного искусства, как монеты царей Греко-Бактрии, которые могли быть сделаны греческими мастерами в областях, расположенных где-то к югу от Аму-Дарьи и даже к югу от Гиндукуша.

Пожалуй, единственное, что могло быть сделано в отношении периодизации найденных предметов искусства, это группировка и распределение по времени изготовления терракотовых фигурок. Среди них Н. И. Веселовским, В. Л. Вяткиным и другими было выделено несколько групп на основании типа лица³. В. Л. Вяткин перечисляет типы «несомненно греческие и близкие по типу к греческим», «сасанидские» и «тюркские». Кроме того, он видит в некоторых головках «скифов» с густой бородой, с вислоочечными или остриженными в кружок волосами, с крупными чертами лица⁴. Попытку анализа этих фигурок как предметов искусства по-настоящему не было сделано. Все ограничивалось, как у В. Л. Вяткина, соображениями о том, что терракоты Афрасиаба уступают статуэткам Танаргы, а это привело исследователя к выводу, что «чувство изящного в художественной промышленности Средней Азии никогда не было развито в той мере, как в Греции», и что «в Средней Азии искусство более грубо и более сухо».

Почти незамеченной осталась крайне интересная находка небольшого фрагмента стеной живописи в здании на Афрасиабе, раскапывавшемся в 1913 г.⁵

³ Н. И. Веселовский. Сообщение о раскопках в городище Афрасиаб близ Самарканда в 1885 г. — ЗРАО, т. II, новая серия, СПб., 1887, стр. СII—CIV; И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III. СПб., 1890, стр. 27—29.

⁴ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Самарканда, 1927, стр. 23—25.

⁵ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. — ИРАИМК, т. II, 1922; Б. П. Деникес. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, стр. 199; А. Ю. Якубовский. Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-Согдийской экспедиции 1948—1949 гг. — ИАН СИФ, 1950, т. VII, № 5, стр. 474; М. М. Дьяконов. Рисунки Пянджикента и живопись Средней Азии. — Живопись древнего Пянджикента, М., 1954, стр. 91—92.

Живопись погибла, так как не было принято мер к ее закреплению, но художник Б. Ф. Ромберг сделал с нее акварельную копию, хранящуюся ныне в Эрмитаже.

На акварели изображены две сидящие фигуры и одна стоящая слева. Под ними идет орнаментальная кайма. Живопись плоскостная, в ней преобладают желтые, пурпурно-красные и различных оттенков синие тона. Все фигуры прорисованы черными линиями. Не сохранилось ни одной головы. Одежду сидящих фигур составляет короткий халат с поясом, завязанным спереди узлом.

В. А. Вяткин и В. В. Бартольд отнесли живопись к саманидскому времени, в чем М. М. Дьяков выразил вполне обоснованное сомнение. Он датировал ее VI—VIII вв. Однако, не зная точных обстоятельств находки и характера живописи, которая, несомненно, существовала и в X в., вынести окончательное суждение при отсутствии подлинника считаем затруднительным.

Таковы, в общих чертах, данные по древнему и раннесредневековому искусству Средней Азии, которыми располагала советская археология вплоть до 30-х годов⁶.

Между тем, о существовании и широком развитии изобразительного искусства сообщали письменные источники. Еще в IV в. до н. э. один из спутников и придворных Александра Македонского — Харес Митиленский сообщал о «картинах в святилищах и дворцах, а также и в частных домах», в которых изображались сцены из пересказанной им легенды о чудесной любви Зарнадра, брата мидийского царя Гистаспа, и сакской красавицы Одаиды, увидевших друг друга во сне⁷.

Правдивость сообщения Хареса, видевшего такие картины, надо полагать, где-то в Средней Азии, косвенно подтверждается точностью передачи легенды. Легенда, рассказанная Харесом, с немногими изменениями содержится в поэме Фирдоуси «Шах-Намэ»⁸. Различны лишь имена героев и место действия, перенесенное на Запад. Эта древняя легенда есть не что иное, как пересказ эпизода, включенного также в Авесту⁹. Следовательно, Харес слышал и сообщил действительно существовавшее и распространенное предание.

Сообщение Хареса стоит обособленно. Других известий об изобразительном искусстве не только

александровского времени, но и вообще в рабавладельческий период, нет. Однако известие Хареса ясно указывает, что изобразительное искусство в Средней Азии появилось не в эпоху так называемого эллинизма.

Ко времени похода Александра оно уже имело глубокие корни и сложившиеся традиции, учет которых обязателен для понимания истории древнего искусства Средней Азии.

В течение больше чем тысячелетнего периода, до V—VI вв. н. э., письменные источники, вообще скудные, о памятниках искусства вовсе ничего не сообщают. Зато с середины I тыс. н. э. они становятся довольно обильными. В самых ранних из них говорится о тронах среднеазиатских правителей, украшенных изображениями животных¹⁰.

Византийский посол Земарх видел в 568 г. н. э., по словам Менандра, в ставке тюркского кагана «кумиры, различные видом», «вызолоченное ложе, поддерживаемое четырьмя павлинами» и «многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас (в Византии)»¹¹.

Высокое развитие среднеазиатского златокузнечного искусства подтверждается сообщением Табари, по которому арабский наместник Наср ибн Сейяр, отправляя в 743 г. подарки на запад, приказал изготовить кувшины из золота и серебра, изображения газелей, голов хищных зверей и горных козлов^{12–15}.

Общезвестна большая роль живописи у манихеев, где она являлась одним из действенных элементов пропаганды. Самому Мани, основателю религии, средневековой литературной традиции приписывалась роль неподражаемого и величайшего мастера живописи. С первыми же миссионерами манихейства, направлявшимися в Хорасан и Среднюю Азию, посылались писцы и художники, что засвидетельствовано подлинными манихейскими документами из Восточного Туркестана¹⁶. В правилах постройки манихейского монастыря, в так называемом

¹⁰ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 256—288.

¹¹ И. Толстой, Н. Кондаков. Указ. соч., вып. III, стр. 7.

¹² Табари, BGA, II, 1765; В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос.—ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 379.

¹³ Там же, стр. 315.

¹⁴ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Ташкент, 1927, стр. 19.

¹⁵ К. А. Инostrанцев. «О домусульманской культуре Хивинского оазиса». — ЖМНП, новая серия, ч. XXXI, февраль 1911, стр. 290) приводит параллель: в Кусейр Амра в Сирии, относящемуся к омейядскому времени, изображены Родерик Готский, византийский император, Иезидгер III и абиссинский негус; об этом же здании см.: E. Herzfeld. Die Malereien von Samarra. Berlin, 1927, S. 5; Якут сообщает еще об одном здании у Керманшахана, где изображены царь тюрков, Силда и Византия с Хосроум Парвином (цит. по: E. Herzfeld. Указ. соч., стр. 6).

¹⁶ А. М. Белевский. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пинджикентских храмов.—Живопись древнего Пинджикента», стр. 67.

⁶ К этому можно добавить лишь сообщение В. А. Вяткина об остатках живописи, обнаруженных им на бугре Фарахиши в окрестностях Самарканда (В. А. Вяткин. Самарканская археологическая хроника.—Известия Среднеазиатского музея, т. III, Ташкент, 1928, стр. 279). Незначительные следы росписи были найдены в развалинах здания в Арбинджане во время работ Таджикско-Советской археологической экспедиции.

Об этом здании, отнесенном к «домусульманскому времени», см. работу: А. Ю. Якубовича и др. Археологическая экспедиция в Зарафишскую долину в 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции).—ТОВЗ, т. II, 1940, стр. 157—158.

⁷ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.—ВДИ, 1847, № 3, стр. 252.

⁸ J. Mohl. Le livre des reits, vol. IV. Paris, 1877, p. 238.

⁹ J. Darmsteter. Le Zend-Avesta, vol. III. Paris, 1893, p. LXXXI.

мом фрагменте Пелло, предусматривается сооружение особого зала для книг и картин¹⁷.

Монументальная живопись манихеев нам известна по некоторым образцам, сохранившимся в развалинах монастырей Восточного Туркестана¹⁸. Если учесть, что манихейское учение было достаточно широко распространено также и в Средней Азии¹⁹, то представляется вполне естественным, что эта религия, придававшая большое значение религиозным изображениям, немало содействовала развитию изобразительного искусства, в первую очередь живописи, как стеной, так и в виде книжной миниатюры²⁰.

Старые традиции, крепко вошедшие в быт, не исчезли сразу и после утверждения в стране ислама, враждебного в первую очередь к изображению божеств, а также и живых существ. Однако, следуя оговорить, что запрет изображения одушевленных существ не был безусловным и не всегда строго соблюдался. Во дворцах повелителей продолжали расписывать картинами; иногда соблазнительного содержания, стены покоев и зал, пример чему мы находим во дворцах Омейядов и Аббасидов. Существовала живопись и у египетских Фатимидов (X—XI вв.)²¹, а на территории Средней Азии изображения живых существ, в виде фантастических чудовищ мы находим в таком относительно позднем памятнике, как дворец термезских правителей²². Еще прочнее держались излюбленные мотивы в быту — в украшениях, на посуде, на тканях и т. п. Народные художники донесли до нашего времени излюбленные образы «симура» — женщины-птицы, «симурва» и др. Еще свободно изображались люди и звери в книжной миниатюре, на которую даже в суннитской среде запрет, по-видимому, никогда строго не распространялся. До нас дошли достаточно многочисленные свидетельства об изображениях людей и животных в IX—XII вв. В Самарканде на площадях стояли изображения лошадей, быков, верблюдов и диких коз, вырезанные из дерева и поразившие описавшего их Ибн-Хуакаля своей живостью²³. О зданиях на

Регистане Бухары, «украшенных картинами», сообщает Наршахи²⁴. По его же сообщению, еще в X в. на базаре Мах в Бухаре продавались «бут» (изваяния, идолы)²⁵. Есть сообщение, что для Фирдоуси, работавшего над «Шах-Нам», по приказанию Махмуда Газневи было устроено особое помещение, украшенное изображениями царей и витязей древности, а у сына Махмуда была комната с картинами эротического содержания²⁶. Интересен рассказ в «Чахар-Макала», по которому тот же Махмуд Газневи после бегства знаменитого ученого Ибн-Сины приказал Абу-Насру Ираку нарисовать его портрет, сорок копий которого было разослано наместникам областей с приказанием разыскать Ибн-Сину и прислать его в Газну. По этому портрету Ибн-Сина был узнан Кабусом²⁷. Много раз стеной живописи упоминается в поэме Фирдоуси. Портретами героев был украшен дворец Рудаб; живописью, изображавшей царей, праздники и сцены войны, были покрыты стены приемного зала дворца Сиявуша (Сиявушгирд). Картины и скульптуры упоминаются во дворцах Кауса, Гушташа и в лагере Афрасиаба. Хосров Нуширван, завещает изобразить его двор, приближенных и войско на стенах своей усыпальницы. Упоминания о стеной живописи и картинах нередки у поэтов X—XII вв. Мы находим их у Фаррухи, Низами и других²⁸.

Все эти факты, почерпнутые из исторических источников, были известны и прежде²⁹, но из-за отсутствия подлинных произведений искусства нельзя было сделать соответствующие выводы. Мешали и издавна сложившиеся представления о доминирующих культурных очагах: северо-восточной Индии с ее «гандхарским» искусством, а позднее — сасанидском Иране, памятники искусства которого давно вошли в науку. Поэтому казалось даже естественным, что Средняя Азия, на территории которой не были известны подобные же памятники, не имела своего искусства, своей культуры, а зависела в этом отношении от соседних стран.

²⁴ «История Наршахи», Каган, 1904, стр. 34.

²⁵ Там же, стр. 25. Употребляемые термины «درنگهان» (платники) «تراشیدندی» (вырезали) указывают на то, что издолы делали из дерева. Однако наряду с этим в числе мастеров, изготовлявших их, упоминаются и «سازگان» («сваятели» по переводу Люкшиной, или «живописцы» по Р. Фраю). Поэтому можно допустить, что их делали и из другого материала.

²⁶ J. Mohl. Указ. соч., т. I, стр. XXXI.

²⁷ Ахмед Низами-и Аруди-и Самарканди. Чахар-Макала.—GMS, XI, § 15.

²⁸ Е. Э. Бертальс. Придворная касида в Иране и ее связи с развитием изобразительного искусства.—III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. (Доклады), М.—Л., 1939, стр. 28.

²⁹ См., например, В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 93—94 (об изображениях животных на самаркандских площадях); К. А. Иностранцев. О домусульманской культуре Хивинского оазиса, стр. 290 (о здании в Кушани); В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 19; его же. К истории персидского эпоса.—ЗВО, т. XXII, СПб., 1915, стр. 260; его же. Восточно-иранский вопрос. Л., 1922, стр. 366, 378—380 и др.

¹⁷ E. Chavannes, P. Pelliot. Un traité manichéen retrouvé en Chine. Paris, 1913, p. 110.

¹⁸ Описание этой живописи содержится в многочисленных, частично цитируемых ниже трудах С. Ф. Ольденбурга, А. Стейна, А. Грюнведела, А. Леско и других авторов.

¹⁹ Бирюни. Памятники минувших поколений («Избранные произведения», Ташкент, 1957, стр. 213): «В странах ислама нет почти ни одного места, где бы они были сосредоточены; существует только община в Самарканде, (членов) которой называют сабиями».

²⁰ A. von Le Coq. Die Buddhistischen Spätantiken aus Mittelasien, II. Die manichäische Miniaturen. Berlin, 1928; Б. П. Деник. Живопись Ирана. М., 1938, стр. 24—26, табл. 1—4.

²¹ М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента..., стр. 86 (со ссылкой на Эттинггаузен).

²² Изображения животных нередко помещали на стенах зданий, даже имеющих то или иное отношение к культуре; например усыпальник и медресе; примеры этих изображений многочисленны и общезвестны.

²³ Ибн-Хуакаль. ВГА, II, 365; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. ч. II. СПб., 1900, стр. 93—94.

Открытие советской археологии, как мы уже говорили, доказали полную несостоятельность прежних представлений и начали новую главу истории искусства Востока. Они убедительно показали, что при тесных культурных взаимосвязях Средней Азии с соседними странами ее культура, в первую очередь культура Согда, Бухары и Хорезма, отличается неповторимым своеобразием.

Первым значительным открытием на территории Средней Азии, сделанным в 1932 г. около Термеза, был известный Айртамский фриз из мергелистого известняка с фигурами музыкантов и дароносцев, помещенных между листьями акафа. Там же позднее были найдены обломки алебастровой скульптуры³⁰. Вместе с собранными в разное время на городище и в окрестностях Термеза фрагментами скульптур и архитектурными деталями: базами, капителями, различными профилированными блоками и т. п. из того же мергелистого известняка³¹, они дали представление об искусстве правобережной части Тохаристана около начала нашей эры.

Айртамский фриз произведение настолько зрелого искусства и сложившегося стиля, что он заставляет предположить длительную традицию художественного творчества. Типично греческие листья акафа, между которыми расположены фигуры, и облик самих фигур настойчиво указывают, что в этом произведении мы встречаемся с своеобразным вариантом восточноэллинистического стиля. Этот стиль представлял собой синтез мало пока еще известных нам старых местных традиций с элементами эллинистического, индийского и переднеазиатского искусства.

Мы имеем в виду, конечно, не механическое заимствование. Тот эллинистический стиль, который нашел яркое выражение в Айртамском фризе, явился результатом культурного взаимодействия и совместного творчества многих народов на протяжении существования Греко-Бактрийского царства и государства кушанов, в том числе и народов Средней Азии.

К тому же или несколько более позднему времени относятся остатки стеной живописи в развалинах буддийского монастыря на бугре Кара-тепе в Старом Термезе. Они настолько фрагментарны, что не дают возможности сколько-нибудь широких выводов. Сохранились только «идущий от пола бордюр, окрашенный ярко-красной краской. Выше оас-

положено изображение двух ног, обутых в красную обувь, покрытых низом одежды, ритмично окрашенной яркими пятнами белого, голубого, синего, розового, красного и коричневого тонов. Вше живопись утрачена вместе со стенами»³². Монастырь датируется монетами Канишки.

Еще до раскопок монастыря на Кара-тепе (в 1933 г.) была сделана замечательная находка в замке на горе Муг в Таджикистане, где наряду с исключительно важными и ценными согдийскими документами был обнаружен обклеенный кожей деревянный щит с живописным изображением всадника³³, относящийся к эпохе, непосредственно предшествующей арабскому завоеванию.

Этими весьма немногочисленными и очень фрагментарными находками ограничивалось до открытия памятников живописи и скульптуры Варахши (в 1937—1938 гг.) почти все, что было известно об искусстве доарабского времени³⁴.

Теперь, когда пишутся эти строки, Варахша уже не одинока. Скульптура из глины и алебастра и стенная живопись, несмотря на фрагментарное состояние дающие много для понимания истории культуры и искусства рабовладельческой Средней Азии, открыты Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, работающей под руководством С. П. Толостова³⁵.

Новую страницу в истории искусства и культуры народов Средней Азии открыли замечательные памятники парфянской Нисы, особенно мраморные статуи и ритоны из слоновой кости, опубликованные М. Е. Массоном и Г. А. Пугаченковой.

Древний Пянджикент, раскопки которого были начаты Таджикско-Согдийской археологической экспедицией под руководством А. Ю. Якубовского

³² Е. Г. Челдина. Древнебуддийский монастырь в Кара-тепе (Термез). — «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 4, 1946, стр. 53—54.

³³ А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг. — «Советский сборник», Л., 1934, стр. 27; А. Ю. Якубовский. Культура и искусство Средней Азии, Л., 1940, стр. 25 и 27; М. М. Дьяконов. Респиси Пянджикента..., стр. 29—34.

³⁴ Элементы архитектурного декора и фрагменты глиняных статуй, обнаруженные А. А. Марущенко в развалинах парфянской столицы Нисы в Южной Туркмении, смыкаются рядом черт с памятниками Согда и Хорезма, но все же настолько отличаются от них, что их следует, по-видимому, признать относящимися к иранскому парфянскому искусству, почему мы и не включили их в приведенный выше перечень собственно среднеазиатских памятников (см. А. А. Марущенко. Археологические открытия последних лет в Туркменистане. — «Известия Туркменского государственного научно-исследовательского института», 1935, № 1; А. С. Стрелков. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии. — КСИИМК, II, 1937, стр. 209—210; М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. — «Труды ЮТАКС», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 29—34.

³⁵ С. П. Толостов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 176 и сл., стр. 47—52; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948). — ТХЭ, т. I, М., 1953, стр. 40—41, стр. 28, 30; М. А. Орлов. Реконструкция Зала воинов дворца III в. н. э. Топрак-кала. — Там же, стр. 61 и сл. (о технике живописи).

³⁰ М. Е. Массон. Найдены фрагменты скульптурного карниза первых веков нашей эры. — «Материалы Укомзастарика», вып. II, Ташкент, 1933; его же. Скульптура Айртама. — «Искусство», 1935, № 2, стр. 129—134; К. В. Тревтер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 29 и сл., табл. 45—49; М. И. Вязьмитина. Раскопки на городище Айртма. — «Труды АН УзССР», серия I, «Термезская археологическая экспедиция», т. II, Ташкент, 1945, стр. 23 и сл.

³¹ М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. — «Труды УЗФАН», серия I, вып. 2, «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1935 г.», Ташкент, 1941, стр. 72—74; Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережной Тохаристана. — «Труды АН УзССР», серия I, «Термезская археологическая экспедиция», т. II, стр. 65 и сл.

в 1947 г., оказался исключительно богатым стеной живописью, датируемой VII—VIII вв. н. э., разнообразной как по содержанию, так и по манере выполнения³⁶.

Кроме стенных росписей, Пянджикент дал весьма своеобразную глиняную скульптуру в виде рельефной панели в айване около одного из храмов, изображающую тритона и морских животных, а также и другие скульптурные фрагменты из того же материала³⁷.

Большой интерес вызывают найденные в Пянджикенте крупные детали обгоревшего и потому сохранившегося резного деревянного декора в виде доски с изображением виноградной лозы³⁸ и двух статуй, изображающих танцовщиц.

Остатки стеной живописи и резных потолков и колонн были обнаружены Н. Н. Негматовым в раскопках городища Шахристан II, датируемого VII—VIII вв. н. э.³⁹

В 1953—1954 гг. археологической экспедицией Института истории и археологии АН УзССР был раскопан еще один памятник, содержащий относительно хорошей сохранности стеновую роспись — Балаалык-тепе в Анхорском районе Сурхан-Дарьинской области⁴⁰. Таким образом, остатки живописи раннего средневековья были найдены и на территории правобережного Тохаристана.

Упомянут также о небольших фрагментах стенных росписей и раскрашенной скульптуре, обнаруженных на некоторых городищах Семиречья. Открывший их А. Н. Бернштам склонен наиболее ранними из них считать росписи Сарыга (Красночеченское городище). Он датирует их с большими колебаниями VII—X вв. н. э. Другие росписи и скульптуры — из Чон-Казака и Ак-Пешина (отожествляемого им с городом Баласагуном), относятся к IX—XII вв.⁴¹ 1958 г. ознаменовался открытием еще одного памятника древнего искусства — фрагментов интересной глиняной скульптуры, обна-

руженной на городище Кува в Ферганской области⁴².

Таков в общих чертах тот материал по изобразительному искусству Средней Азии доарабского времени, которым мы располагаем в настоящее время. Он представлен как памятниками монументальной живописи и скульптуры, так и большим количеством мелкой терракотовой скульптуры, обильно встречающейся на всех городищах Согда, Тохаристана и Хорезма. К этому можно прибавить различные изделия из глины, металла, стекла и кости, резные печати-геммы, которые зачастую также являются яркими образцами художественного творчества народных мастеров.

Памятники Топрак-калы, Балаалык-тепе, Пянджикента и Варакши не могут быть поняты без привлечения аналогий из искусства соседних стран. Историческая жизнь народов Средней Азии протекала не изолированно. Связи с соседними странами и народами прослеживаются начиная с первобытного общества⁴³. Позднее они то усиливались, то несколько ослаблялись в различные периоды, но никогда не прекращались совсем.

Средняя Азия входила в состав крупных государственных образований: ахеменидской державы, эфемерного государства Александра, а затем Селевкидов, Греко-Бактрийского и Кушанского царств, тюркского каганата, арабского халифата, а позднее сама была центром больших монархий, таких, как государства Саманидов, хорезмшахов, огромная феодальная империя Тимура. Вовлечение народов Средней Азии в общую политическую жизнь обширных территорий этих государственных образований способствовало более широкому обмену как экономическим, так и культурным ценностями.

Начиная с II в. до н. э. действовал такой важный фактор в развитии экономических и культурных связей, как знаменитый «шелковый путь», связавший Восточную Азию с берегами Средиземного моря, а Среднюю Азию — с Западом и Востоком.

Экономические и культурные связи с соседними, а иногда и удаленными странами играли, несомненно, большую роль в обогащении культуры народов Средней Азии. Однако как бы ни были многочисленны и глубоки иноземные влияния, искусство Средней Азии не теряло своего своеобразия и самостоятельности. Заимствования культурных достижений других народов неизменно перерабатывались местными мастерами в соответствии со сложившимися традициями.

Кроме того, можно привести немало фактов обратных заимствований соседними народами из Средней Азии. Культурные взаимоотношения меж-

³⁶ Живопись Пянджикента посвящен ряд работ А. Ю. Якубовского, М. М. Дзяконова, А. М. Беленицкого. Свод материалов, полученных до 1952 г. включительно, дан в сборнике «Живопись древнего Пянджикента» (М., 1954). См. также: А. М. Беленицкий. Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.). — КСИИМК, 60, 1955, стр. 80 и сл.; его же. Предварительный отчет о работах Пянджикентского отряда в 1954 г. — Труды АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 19 и сл.

³⁷ А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пянджикенте. — КСИИМК, 55, 1954, стр. 42—45; М. М. Дзяконов. У истоков древней культуры Таджикистана. 1956, стр. 100—101.

³⁸ А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пянджикенте, стр. 95—96.

³⁹ Н. Н. Негматов. Доклад на Втором среднеазиатском совещании археологов и этнографов в октябре—ноябре 1956 г. — СА, 1957, № 2, стр. 158—159.

⁴⁰ А. И. Алыбаум. Балаалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.

⁴¹ А. Н. Бернштам. Основные этапы культуры Семиречья и Тянь-Шаня. — СА, XI, 1949, стр. 377 и сл., рис. 18—21; его же. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 95; его же. Чуйская долина. — МИА, № 14, 1950, стр. 131—133, табл. XI, XXI, XXVII.

⁴² Раскопки производятся экспедицией Института истории и археологии АН УзССР под общим руководством Я. Г. Гулямова научными сотрудниками В. А. Булатовой и И. Ахаровым.

⁴³ А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. — ВДИ, 1946, № 3, стр. 182—190 и др.

ду народами, стоящими на близком уровне развития, не бывают, как правило, односторонними. Они обобщают и взаимно обогащают культуры. Это в полной мере относится и к связям Средней Азии с Передней Азией, Индией и т. д. Поэтому при исследовании памятников искусства Варахши, мы неизбежно должны привлекать сравнительный материал не только из Средней Азии, но и из соседних стран: скульптуры так называемого гандхарского искусства и росписи Адджанты в Индии, предметы искусства из Баграма, живопись Кухи-Ходжа и Духтари-Нушйран в Афганистане, наскальные рельефы и стук сасанидской Персии, скульптуры и живопись Дура-Европос, ранних арабских дворцов Передней Азии и многое другое.

Большой интерес для нас представляют стелные росписи и скульптуры Восточного Туркестана, сохранившиеся во множестве в оазисах Кучара, Кара-шара и Турфана, в окрестностях Яркенда, Хотана и Ния, около Лоб-Нора и дальше — в пещерах Тысячи Будд Дуньхуана в самом Китае, а отчасти и в Японии. Следует здесь же указать, что сравнения тех или иных памятников Средней Азии с соответствующими памятниками Ирана, Индии и т. д. затрудняются недостаточно точными датировками, которые приводят описывавшие их авторы. Нередко в этом вопросе царит до сего времени большая путаница и противоречия⁴⁴.

Оставляя в стороне такие древнейшие памятники искусства, как обильно представленные, но, по сути дела, еще совершенно не изученные наскальные изображения⁴⁵, восходящие в отдельных случаях к неолиту или даже к верхнему палеолиту, обратимся к тем осколкам древнего искусства, которые дошли до нас от раннего классового общества.

Впрочем, и об искусстве времени образования классового общества и первых рабовладельческих государств в долине Зеравшана мы еще ничего не знаем. Скуден пока и материал, относящийся к ахеменидскому периоду. Здесь можно говорить только о некоторых предметах из Калалы-гыра и Кой-кырган-калы в Хорезме. При раскопках на первом из этих городищ, в слое, датируемом С. П. Толстовым рубежом V и IV или началом IV в. до н. э.⁴⁶, была найдена форма для отливки гипсовой скульптурной детали архитектурного декора — громадной головы грифона с клювовидной передней частью и круглым выпуклым глазом. Для нашей цели важно отметить, что это, по-видимому,

древнейший известный случай применения алебастрового декора в Средней Азии во внешней отделке здания, и притом в чрезвычайно монументальных формах.

На городище Кой-кырган-кала, которое датируется рубежом IV и III вв. до н. э. значительный интерес представляют терракотовые изделия. Из них особо следует отметить изображение всадника в острокопечной скифской шапке⁴⁷ и маленькую безымянку с детенышем, которая, по мнению С. П. Толстова, «производит впечатление производного произведения искусства» и по своим стилистическим особенностям близка к произведениям искусства Индии⁴⁸. Несомненно, уже в это отдаленное время, которым датируются находки в Кой-кырган-кале, существовали связи Индии с Хорезмом, а следовательно и с расположенными между ними странами: Бухарой, Согдом и Бактрией. Эти связи, судя по материалам Хорезмской экспедиции, усиливаются в позднейшее время, что подтверждается краиологическим материалом Калалы-гыра I, а позднее скульптурами зала Темнокожих Гвардейцев Топрак-калы⁴⁹.

Более конкретны, хотя также недостаточны, наши знания об искусстве Греко-Бактрийского царства. Художественное творчество народов, вошедших в него и вступивших, несомненно, в тесный контакт друг с другом, интенсивно развивалось. Об этом можно судить по нумизматическим шедеврам с портретами греко-бактрийских царей⁵⁰ и по той группе золотых и серебряных сосудов, которые выделены К. В. Тревер как греко-бактрийские на основании их своеобразного стиля, сложившегося на стыке индийского, иранского и среднеазиатского культурных миров под воздействием искусства эллинизма. Не все памятники, привлеченные К. В. Тревер к исследованию, могут быть признаны по времени греко-бактрийскими. В свете новейших исследований кое-что необходимо пересмотреть⁵¹. Но, несмотря на это, труд К. В. Тревер остается ценным тем, что в нем на примере большого числа памятников тюркестанских, терракоты и текстильного производства греко-бактрийские вещи впервые выделяются из общей массы восточноэллинистических.

Нагляднее и ярче всего сложные пути образования этого искусства можно проследить по монетам греко-бактрийских и кушанских царей, на реверсе

⁴⁴ Некоторые примеры несогласованности хронологических определений, приводимых различными исследователями в отношении ступа сасанидского Ирана, даны в нашей статье (В. А. Шниркин. Архитектурная декорация дворца в Варахше... ТОБЭ, т. IV, стр. 127, примечание); число таких примеров может быть значительно увеличено.

⁴⁵ Достаточно сказать, что даже известные наскальные изображения Заратустры описаны только в газетных заметках Г. В. Парфенова и в книге А. Рогинского («Заратустра», М.—Л., 1950), написанной для детей. См. рецензию А. А. Формозова (СЭ, 1951, № 3, стр. 213—216).

⁴⁶ С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г.—ВДИ, 1955, № 3, стр. 198, рис. 6.

⁴⁷ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. Кой-Кырган-кала.—ВДИ, 1953, № 1, стр. 167, рис. 7. 2.

⁴⁸ С. П. Толстов. Итоги работ..., стр. 203, рис. 14.

⁴⁹ Там же, стр. 200.

⁵⁰ К. В. Тревер. Указ. соч.

⁵¹ Так, например, несколько более поздние, относящиеся к раннесаманскому времени, следует считать Айтмакский фриз (там же, табл. 45—49). Несомненно и более позднее происхождение серебряной чаши «с изображением сцены венчания царя и свадебного пира» (там же, стр. 81—87, табл. 18—21). Сюда же костюмов мужчин и женщин, сидящих на ковре, с такими же в росписях Бамана, Балалык-тепе и некоторых памятниках живописи Восточного Туркестана заставляет считать эту чашу произведением

которых представлены божества и герои греческого пантеона: Зевс, Аполлон, Геракл, Афина, Нептун, Диоскуры, изображение широко распространенной азиатской богини вод и плодородия Анахит, священные слоны, зебу и пантеры Индии и синкретический образ Митры в адутом нимбе, но с атрибутами Геракла — палицей и львиной шкурой. Античные образы встречаются нередко и в терракотах. К. В. Тревер приводит в своей книге святилища с изображением Геракла, умерщвляющего Лернейскую гидру⁵², и небольшую глиняную колесницу с изображением на ней популярной в античном мире группы из трех граций⁵³, найденные в долине Зеравшана. Известно много находок голов силенов явно эллинистического типа, налепов на сосудах и т. д.

Пути и время проникновения античных мотивов в Среднюю Азию могли быть различными. Греко-среднеазиатские связи возникли еще до походов Александра. Из сообщения Квинта Курция известно о городе брахидов — уроженцев Милета, поселенных по приказу Ксеркса где-то между Аму-Дарьей и Маракандой. Ко времени прихода Александра, разрушившего их город, они сохраняли свои обычаи, но говорили на двух языках.

Позднее самый непосредственный и прямой путь связей с эллинистическим миром шел через греческие колонии, в которых, вероятно, были и мастера-ремесленники, и художники, обслуживавшие двор и греко-македонскому знать. Наряду с этим благодаря установившимся торговым отношениям сюда проникали и художественные изделия Запада. Возможно, таков и приобретенный в Термезе у местного жителя сосуд с изображением вакхической сцены, представляющей полную аналогию рельефам на римской вазе Боргезе. Опубликовавшая этот сосуд Г. А. Пугаченкова⁵⁴ предполагает возможность его западного происхождения⁵⁵. Связи же и достаточно оживленные, между Греко-Бактрийским, а позднее Кушанским государствами и эллинистическими странами Средиземноморья, в том числе и Римом, не подлежат сомнению. Подтверждением сказанному служат и импортные западные предметы в Беграме⁵⁶, и серебряная монета Нерона, най-

денная сурхан-дарьинским отрядом археологической экспедиции АН УзССР на городище Хайрабад-тепе в Сурхан-Дарьинской области, и другие подобные находки⁵⁷.

Только в раннем периоде это искусство можно назвать, как это делает К. В. Тревер, «гибридным»⁵⁸, понимая этот термин в том смысле, что традиционное искусство местного населения Греко-Бактрии составляло в то время как бы механическую смесь с искусством греко-македонской господствовавшей верхушки. На протяжении одного-двух столетий греческое искусство растворялось в искусстве народов, освободившихся около середины II в. до н. э. от греко-македонского господства, подобно тому, как и сами носители греческой культуры — греко-македонские колонисты — растворялись в окружающей их иноплемennой среде, потеряв с течением времени свою этническую обособленность.

В результате этого слияния на северо-западе Индии, в Бактрии, на правобережье верхней части Аму-Дарьи, в парфянской Нисе и, несомненно, в других частях Средней Азии, сложились и сформировались различающиеся по стилистическим особенностям традиции искусства, представлявшие собой синтез местных и заимствованных элементов. При этом следует иметь в виду, что элементы эллинистического и эллинистического искусства, пришедшие в послеекссандровскую эпоху, не были совсем чужды Востоку, в том числе Индии и Средней Азии. Греки сами многое в своем искусстве восприняли от восточных народов, как в орнаментике, так и в образах изобразительного искусства. К числу таких заимствований, родину которых следует искать на Востоке, относится, например, большая часть всякого рода фантастических крылатых животных — сфинксов, пегасов, грифонов и т. п. Греки только возвращали Востоку то, что заимствовали у него, но возвращали в переработанных формах.

Но самое решающее в этом вопросе — не отдельные заимствования, а готовая к их восприятию почва, благоприятная для усвоения этих заимствований, включая их в свою культуру и переработку в соответствии со своими старыми традициями. Только достигнутый народами Средней Азии и соседних народов достаточно высокий уровень развития экономики и культуры сделал возможным появление искусства, осколки которого дошли до нас в Гандхаре, Беграме, Термезе, Хорезме и Согде.

Несколько особняком стоят по сравнению с указанными произведениями живописи и скульптуры

мастеров Бактрии, Средней Азии или Восточного Туркестана VI—VII вв. н. э., что весьма далеко от предполагаемой К. В. Тревер датой: конец I в. до н. э. — начало I в. н. э. (см. также М. М. Дьяконова. Росписи Панджикента..., стр. 135, 139).

⁵² К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 22, рис. 1.

⁵³ Там же, стр. 33, рис. 2; Г. В. Григорьев. Поселения древнего Согда. — КСИИМК, VI, 1940, рис. 6 в.

⁵⁴ Г. А. Пугаченкова. Сосуд из Термеза с вакхической сценой. — ВДИ, 1951, № 1, стр. 128 и сл.

⁵⁵ Там же, стр. 132.

⁵⁶ J. Hacklin. Les fouilles de Bégram (1939). — «Салнам-и Кабул», 1318 [год хиджры]. (1939—1940), р. 1 (особа пагинация). Автор причисляет к такого рода вещам гипсовые медальоны, на одном из которых имеется изображение Ганимеда с орлом (д. 1), бронзовые статуэтки Сераписа-Геракла (д. 4), Гарпократа (д. 5) и др.; Р. Гиришан («Раскопки французской археологической делегации в Беграме (Афганистан)», — КСИИМК, XIII, 1946, стр. 11, 13) также сообщает о таких предметах, отнесенных им к нижнему слою Беграма (II в. до н. э. — вторая половина I в. н. э.).

⁵⁷ Произведения греческих мастеров, сделанные в Парфии или завезенные из эллинистических государств западной части Азии, являются, по-видимому, изысканные, сложные терракоты и мраморные статуи и статуэтки, связанные с бытом эллинизированной верхушки парфянского рабовладельческого общества (М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Мраморные статуи парфянского времени из Старой Нисы. — «Ежегодник Института истории искусства», 1956, М., 1957, стр. 460 и сл.). Статуи датируются III—II вв. до н. э. — отчасти I в. н. э. там же, стр. 488).

⁵⁸ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 44.

памятники Южной Туркмении, открытые Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией. Если памятники Древней Маргианы указывают на большую близость к культуре Согда и Тохаристана⁵⁹, то весь облик культуры и искусства Нисы, особенно прекрасные статуи из мрамора, говорят об эллинизации искусства господствующей верхушки парфянского общества⁶⁰. Статуи из Нисы могли бы быть признаны произведениями мастеров Передней Азии или даже просто импортом из эллинистических городов Сирии или Месопотамии, тем более, что глиняные статуи из той же Нисы, обломки которых были найдены А. А. Марущенко еще в 30-х годах нашего столетия, по заключению Л. И. Ремпель, имеют черты, характерные для стлп буддийских мастеров, представителей местной «варварской» культуры⁶¹.

Невозможно, конечно, согласиться с суровым приговором Херцфельда, почти отказывающего парфянскому Ирану в существовании там самостоятельного творчества в течение около половины тысячелетия и настаивающего на том, что имела разрыв традиций в развитии иранского искусства⁶². Если даже материальная культура «филэллинической» верхушки парфянского общества была действительно эллинической или, вернее, эллинистической по преимуществу⁶³, то, как показывают хотя бы изображения на монетах⁶⁴ или печатах⁶⁵ народа с эллинистическими богами и заимствованными из греческого изобразительного искусства образами здесь налицо и те мотивы, которые знакомы нам как по искусству допарфянской Передней Азии, так и по сасанидским рельефам на камне и металле. Народные традиции и здесь пережили увлечение правящих кругов блестящей, но чуждой культурой греков, а многие заимствования из греческой культуры, переработанные в соответствии с потребностями и вкусами феодального общества сасанидского Ирана, вошли позднее в качестве одного из компонентов в сасанидское иранское искусство.

Искусство Бактрии и Тохаристана было тесно связано с так называемым греко-буддийским или гандхарским искусством. «Гандхарское искусство» — термин условный, но достаточно широко распространенный для определения того искусства, которое сложилось в северо-западной Индии в период господства кушанских царей — в I—

III вв. н. э.⁶⁶ В основе этого стиля, несомненно, лежат старые индийские художественные традиции. Основные черты индийского искусства с его сложными многофигурными композициями, стремительным движением, подчеркнуто рельефными изображениями формы женского тела сложились еще за два, два с половиной столетия до «гандхарского периода»⁶⁷. Влияние искусства западных эллинистических стран в скульптуре и орнаментальных элементах декора несомненно, но, по-видимому, оно значительно преувеличивалось, когда некоторые исследователи, говоря о произведениях гандхарского искусства, заявляли: «почти не верится, что это не произведения чисто греческого искусства»⁶⁸. В действительности это совсем не так. Греческие заимствования облекли в какой-то мере в новые формы сюжеты и типы, сложившиеся в предыдущие столетия, большей частью религиозного содержания, выражающего буддийскую идеологию, резко отличную от мирозерования греков и не получившую никакого распространения на Западе, куда добиралась буддийские проповедники.

Греко-буддийское искусство — широко распространенное явление, не ограничивающееся территориально северо-западной частью Индии. Оно охватило и южный Афганистан (древняя Сакастана), и Бактрию, и правобережный Тохаристан (на правом берегу Аму-Дарьи). Все эти страны находились в постоянной и тесной связи друг с другом. Это и естественно, так как современные южный Таджикистан и Сурхан-Дарьинская область Узбекистана составляли в древности известное единство с Бактрией не только в политическом отношении, но и по составу населения, и по историческим судьбам на протяжении многих столетий.

Интересными памятниками культуры этого времени на территории Бактрии явились раскопанные французской экспедицией храмы в Сурх-Кутале, относящиеся, по определению исследователей, к зороастрийскому культу. Найдены остатки декоративного оформления зданий из камня и глины и скульптуры из известняка⁶⁹. В декоре есть и листья акафа, между которыми помещен маленький бюст, и фриз с изображением гирлянд, поддерживаемых

⁶⁶ К. В. Тревер считает, что возникновение гандхарской скульптуры должно датироваться временем около середины II в. до н. э. и «нет никаких оснований полагать, что это искусство возникло позднее, при новых властителях Индии — Кушанах».

⁶⁷ От III—I вв. до н. э. сохранились чудесные рельефы и скульптуры Баххата, Санчи, Амаравати и ряда других памятников, а также стеновые росписи ранних пещер Аджанты (см. С. И. Тюляев, *Архитектура Индии*. М., 1939, стр. 3 и сл., табл. 1—21).

⁶⁸ С. Ф. Ольденбург (рецензия на работу А. Фуче), *ЗВО*, т. XIII, 1960, стр. 262. Впрочем, позднее С. Ф. Ольденбург явно отказался от этой крайней точки зрения и считал, что при всех несомненных ирано-эллинистических влияниях эти памятники принадлежат сложной индийской городской культуре (С. Ф. Ольденбург, *Современная постановка изучения изобразительных искусств и их техники в Индии*. — *ИГАИМК*, т. VIII, вып. 1, 1931, стр. 7).

⁶⁹ D. Schlumberger. *Le temple de Surkh-Kotal en Bactriane*. — *JA*, 1954, p. 433—435; 1954, p. 161—187.

⁵⁹ Л. И. Ремпель, *Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы*. — *Труды ЮТАКЭ*, т. I, 1949, стр. 363; *Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении*. — *Труды ЮТАКЭ*, т. II, 1954, стр. 169 и сл.

⁶⁰ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. *Мраморные статуи...*, стр. 460 и сл.

⁶¹ Л. И. Ремпель, *Указ. соч.*, стр. 365—366.

⁶² E. Herzfeld. *Iran in the ancient East*. London — New York, 1941, p. 297.

⁶³ Р. Фрай, *К вопросу о падении Парфянского царства*. — *ВДИ*, 1956, № 4, стр. 117.

⁶⁴ Особо ценны изображения на реверсах монет, где наряду с греческими Зевсом, Афиной, Никой, Диоклудом и Гераклом имеются изображения местных божеств, чудные греческому искусству сцены инвентуры и т. п.

⁶⁵ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. *Оттиски парфянских печатей из Нисы*. — *ВДИ*, 1954, № 4, стр. 168.

эротами, и скульптура, близкая к гандхарской, но не настолько, чтобы ее можно было признать производением непосредственно гандхарского стиля. Время функционирования святилища датируется кушанскими монетами «Безымянного царя», Канишки и Хувишки.

Второй памятник «бактрийско-эллинистического» стиля — уже упомянутый Айратский фриз из мергелитового известняка. Несколько скульптурных и архитектурных фрагментов найдено в развалинах Старого Термеза, как предполагает В. Тарн, — древней Дармамитры, основанной греко-бактрийским царем Деметрием⁷⁰. Кроме уже опубликованных обломков статуй и многочисленных архитектурных деталей⁷¹, большой интерес представляет плита с изображением крылатого льва, найденного в 1940 г. на Чингис-тепе⁷².

Между памятниками Термеза и Сурх-Кутала существуют ясные различия, объясняемые, быть может, тем, что первые относятся к буддизму, а вторые к маэистскому культу. Однако не менее определенно выступают и элементы сходства, настолько значительные, что есть возможность, как нам кажется, говорить о бактрийско-тохаристанской художественной школе, близкой к гандхарской, но не тождественной ей.

Объединяют эти две школы прежде всего те эллинистические элементы, которые вошли в состав изобразительных средств и той и другой школы. В качестве примера можно привлечь такой явно эллинистический декоративный мотив, как лист аканфа. Этот мотив в форме, близкой к греческой, представлен в Айратском фризе, в капиталах колонн из Термеза и южного Таджикистана⁷³. Капители коринфского стиля с двумя рядами аканфов имеются и в Сурх-Кутале, где между листьями верхнего ряда помещен небольшой бюст, как и на одной из термезских капителей⁷⁴. Этот же мотив — маленький бюст между листьями аканфа — есть и в памятниках Гандхары⁷⁵. Листья аканфа составляют в гандхарском искусстве весьма существенный элемент архитектурного декора вообще⁷⁶.

То же самое можно сказать и о типичных волютах, пусть даже отличающихся от античных классических, но идущих, надо полагать, также из греческого искусства, о термезских и южно-таджикстанских каменных базах, повторяющих в основных чертах тип аттической базы и т. п.

⁷⁰ W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, p. 118.

⁷¹ М. Е. Массон. Городища Старого Термеза..., стр. 71—80; Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры..., стр. 65.

⁷² Г. А. Пугаченкова. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии.—СА, 1959, № 2, стр. 77—79.

⁷³ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирганин (Кобандан).—МИА, № 37, 1953, стр. 267.

⁷⁴ D. Schlumberger. Le temple de Surkh-Kotal..., p. 163.

⁷⁵ F. Foucher. L'art greco-bouddhique de Gandhara. I. Paris, 1905, fig. 113.

⁷⁶ Там же, рис. 111—115 и сл.

Однако, говоря об античных элементах в искусстве кушанской Бактрии и Термеза, нельзя не отметить, что фигуры людей, их лица, одежда и украшения никоим образом не греческие, что особенно ясно видно на примере Айратского фриза. Это изображения местных персонажей. Даже фигура арфистки и ее прекрасный античный профиль не напоминают лица классических статуй Эллады⁷⁷.

Если нам теперь уже известна по ряду образцов скульптура периода рубежа и первых веков нашей эры, то живописи того же времени в Средней Азии и в соседних странах мы пока еще не знаем. Известна и живопись Гандхары. Фрагмент росписи здания буддийского монастыря на Кара-тепе в Термезе, описание которого дано Е. Г. Пчелиной и цитировано выше, дает возможность судить всего лишь о технике, и отчасти о решении колористических задач.

К несколько более раннему времени (II—I вв. до н. э.) относится живопись двух древнейших пещер Аджанти⁷⁸. Здесь мы снова встречаемся с той же темперной техникой, с прочными, преимущественно минеральными красителями⁷⁹ и с той же плоскостностью живописи, в отличие от более поздних росписей в других пещерах Аджанти. Но несмотря на такое существенное отличие от поздних росписей общей для них остается многоплановость композиции, ее насыщенность человеческими фигурами, свобода в их позах и движениях. Темперамент и пылкая фантазия индийских художников, не находящие аналогий в современном им искусстве других стран Азии и Европы, сказываются здесь уже в полной мере.

На территории современной советской Средней Азии, не считая южной Туркмении, нам известен пока только один достаточно хорошо изученный памятник позднекушанского времени — трехбашенный замок Топрак-кала, исследованный Хорезмской экспедицией.

Своеобразна его архитектура, напоминающая многими чертами дворцы Ассирии и Вавилонии и предвосхищающая вертикальным членением стен позднейшие «гофрированные» сооружения. Собственно, в архитектуре этого большого здания мало элементов, которые напоминали бы об эллинизме, о западных влияниях, подобных тем, на которые указывают такие памятники, как храм в Таксиле⁸⁰ или «аттические» базы Термеза и его окрестностей.

Весь облик здания говорит о старых коренных восточных традициях и о связях, как считает С. П. Толастов, с Передней Азией⁸¹. Иными словами, здесь мы встречаемся с прочно сложившимся

⁷⁷ «Третий международный конгресс» по иранскому искусству и археологии (Доклады), табл. LIV—LV.

⁷⁸ J. Griffiths. The Painting of the Buddhist Cave-temples of Ajanta. London, 1896, p. 5.

⁷⁹ Красная и желтая охра, желтая земля, лапковая копоть, известковые белки, род киновари (J. Griffiths. Указ. соч.).

⁸⁰ J. H. Marshall. A Guide to Taxila. Delhi, 1936, p. 99; К. В. Тренер. Указ. соч., стр. 28—29.

⁸¹ С. П. Толастов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 189.

местным строительным среднеазиатским искусством. Географическое положение и особенности хозяйственного развития Хорезма обусловили те специфические черты в развитии материальной культуры, которые можно проследить хотя бы по керамике, характерной для Хорезма, рабовладельческого и раннефеодалного времени, отличающейся от керамики других районов Средней Азии. Впрочем, учитывая территориальную и историко-культурную близость Хорезма к Согду и Бухаре, можно полагать, что различия не могли быть глубокими.

В связи с нашей темой особенно интересен архитектурный декор дворца Топрак-кала. С. П. Толстов вывел предположительное заключение, что скульптурой из алебаstra здание было украшено снаружи.⁸² Найденная там алебастровая голова мужчины в «скифском» головном уборе прекрасно моделирована. В широко раскрытых глазах обозначены зрачки. Лепка весьма реалистична и, возможно, как и статуи из внутреннего убранства дворца, имеет портретный характер.

Исключительно богатым было внутреннее убранство дворца, стены многих помещений которого были покрыты росписью или глиняными рельефами. В залах находилось много глиняных статуй разнообразного содержания. Живопись была выполнена по тонкому слою белой алебастровой подгрунтовки, наложенной на глиняную штукатурку. Изображения оконтуривались черной линией.⁸³ Словом, мы и здесь встречаем ту же технику живописи, которая известна нам по Варахше и Панджикенту и которая остается в общих чертах неизменной на протяжении ряда столетий.⁸⁴

Сходство между живописью Топрак-калы и более поздних памятников заключается и в том, что эта живопись плоскостная. Здесь также повсюду применяется локальный тон без попыток обозначить тени и выявить тем или иным способом объем. Все контуры людей, животных и предметов обведены четкими черными линиями. Различие между живописью Варахши и Топрак-калы заключается в том, что хорезмийский художник, насколько можно судить по дошедшим до нас фрагментам, значительно свободнее располагал человеческие фигуры, придавая им более свободные позы и разнообразия повороты. В отличие от варахшских росписей, где мы не видели ни одной головы, изображенной иначе, чем в полупрофиль,⁸⁵ здесь есть лица, повернутые лицом к зрителю и в профиль.⁸⁶ Линия значительно размашистее и свободнее, чем на Варахше, не

отличается характерной для последней изысканной каллиграфичностью.

Вообще можно сказать, что несмотря на указание сходство в технике и общий плоскостный характер, живопись Топрак-калы с одной стороны, и живопись Балахык-тепе, Панджикента и Варахши с другой не похожи одна на другую. Это может быть объяснено тем, что росписи Топрак-калы, относящиеся на три-четыре столетия от более поздних, относятся к иной исторической эпохе. Между ними лежит много перемен как в политической, так и в социальной жизни страны: распад Кушанского государства и глубокая депрессия хозяйственной жизни, разрушение больших старых городов, приток новых этнических элементов и, наконец, новый подъем страны на рубеже V—VI вв. н. э.

Росписи дворца Топрак-калы при всем их своеобразии сохраняют много черт, связывающих их с эллинистическим искусством Греко-Бактрии и Кушанского царства. Эти связи можно усмотреть в фигуре арфистки, которую С. П. Толстов сближает с музыкантами Айртанского фризса⁸⁷, в профилях «червоных дам» и «валетов», живо напоминающих головы некоторых персонажей в живописи Кухи-Ходжа, и, наконец, в орнаменте, в котором есть сходные элементы с росписями керченских катакомб.⁸⁸

Так же наглядно выступают черты эллинизма и в раскрашенной скульптуре из сырой глины, которой был обильно украшен дворец. Складки одежды статуи «жреца»⁸⁹ весьма близко напоминают одежды статуй Гандхары. Дух эллинизма чувствуется и в лицах, отличающихся реалистичностью, индивидуальными для каждого чертами, что приводит к мыслям об их портретности. Яркое представление о портретных изображениях лиц в искусстве «эллинистического» Хорезма дают и «красная голова»⁹⁰, и «голова супруги Вазама»⁹¹, и голова «замаскированной фигуры» с звериными ушами.⁹²

Остатки росписей, мужская скульптурная голова в острокопечной шапке и прекрасно профилированные каменные базы найдены также на другом городище позднекушанского времени (II—III вв. н. э.) — Гяур-кала в Хорезме.⁹³

Однако, назвав искусство Хорезма этого времени эллинистическим, мы должны еще раз оговориться, что все данные свидетельствуют о существовании самостоятельного хорезмийского художественного центра и что корни хорезмийского искусства лежат

⁸² С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, 1950.—СА, XVIII, 1953, стр. 311.

⁸³ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 176—177.

⁸⁴ Там же, стр. 177.

⁸⁵ Мы имеем здесь в виду живопись Красного и Восточного залов. Исключение составляют изображения охотников на фрагментах из Восточной афилады, датируемые нами более поздним временем.

⁸⁶ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 127. Особенно типичны изображения «червоных валетов» и «червоных дам» (С. П. Толстов.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), рис. 25 и 28).

⁸⁷ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 117.

⁸⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 181.

⁸⁹ Там же, рис. 55.

⁹⁰ Там же, рис. 58.

⁹¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 59.

⁹² С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1950 г., рис. 10.

⁹³ С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г.—ВДИ, 1953, № 2, стр. 157—158.

отною не в эллинистических заимствованиях, как бы значительны они ни были, а в старых местных традициях, идущих из глубокой среднеазиатской древности⁹⁴.

Ценный памятник изобразительного искусства, который может быть привлечен здесь для сравнения — развалины Кухи-Ходжа в Сеистане⁹⁵, в области, имевшей непосредственную и тесную связь с Греко-Бактрией и Кушанским государством.

Открывший этот памятник А. Стейн датировал обнаруженную там живопись позднесасанидским периодом, завершающимся VII в. н. э.⁹⁶ Е. Херцфельд, давший более подробное описание развалин в Кухи-Ходжа, предполагает два периода постройки: первый — в I в. н. э., второй — в III в. н. э. Живопись относится им к первому строительному периоду. Датировки, по словам самого Херцфельда, основаны, впрочем, только на анализе архитектурных форм и орнаментальных мотивов⁹⁷. Критерием для него служило большее или меньшее участие в декоре эллинистических элементов. При таком подходе к разрешению вопроса даже такой опытный исследователь, каким был покойный Херцфельд, далеко не гарантирован от весьма существенных ошибок. Особенно ненадежно сопоставление некоторых орнаментальных мотивов с деталями орнаментации аршакидского периода из построек в Вавилонии и Ассирии, так как многие из этих мотивов повторяются в резном ступе Варахши, поздняя дата которого установлена теперь совершенно твердо. Поэтому, нам кажется, живопись Кухи-Ходжа следует датировать более осторожно кушанским или даже раннесасанидским временем, без дальнейших уточнений, пока в нашем распоряжении не будет более надежных данных⁹⁸.

Херцфельд в декоре дворца Кухи-Ходжа усматривает ряд античных мотивов: эрос на леопарде, эрос на коне, два всадника. Наряду с этим — «традиционные для ахеменидского (еще ранее — ассирийского) искусства» пальметты, многолистные розетки, четырехугольники с своеобразным ступенчатым заполнением и т. п.⁹⁹.

⁹⁴ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1950 г., стр. 306—307.
⁹⁵ A. Stein. Innermost Asia, vol. II. Oxford, 1928, p. 909; ерo же. On ancient Central-Asian Tracks. London, 1933, p. 66 ff. E. Herzfeld. Archaeological History of Iran. London, 1935, p. 66 ff.; ерo же. Iran in the ancient East, p. 291 ff.

⁹⁶ A. Stein. On ancient Central-Asian Tracks, p. 67.
⁹⁷ E. Herzfeld. Iran in the ancient East, p. 293.

⁹⁸ Сомнение в датировке Херцфельда выразил также Тари (W. W. Tarn. Указ. соч., стр. 127), указавший на то, что Херцфельд привлекает для сравнения портреты на кушанских монетах, которые не могут быть старше 50 г. н. э. и продолжали выбиваться во II в. н. э. В фантастичность Херцфельд, пытаясь отождествить Гондарапу, провозглашенного строителем дворца, с миксидским царем Индии в «Деяниях св. Фомы» («Iran in the ancient East», p. 29); Л. Моргенштерн (L. Morgenstern. La peinture murale dans l'art iranien. — III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, стр. 139) относит живопись Кухи-Ходжа к сасанидскому искусству.

⁹⁹ E. Herzfeld. Iran in the ancient East, p. 294.

В изображении царя и царицы на стене галереи Херцфельд видит греческие влияния, что выражается, в частности, в полупрофильном изображении голов, неизвестном, по его мнению, Древнему Востоку¹⁰⁰. Греческое влияние усматривается также в свободных позах царя и царицы, в противоположность изображениям царей в ахеменидском искусстве. В то же время в целом композиция и стиль не западные. Эклектичность живописи Кухи-Ходжа особенно ясно выступает в изображениях божеств, в которых по их атрибутам можно узнать и Гермеса, и Нептуна, и Шиву и лунное божество Мах¹⁰¹. О некоторых фигурах Херцфельд говорит, что они и не греческие и не греко-бактрийские, и свидетельствуют о пережитках ахеменидского стиля^{102—103}.

Памятником, который может быть привлечен в качестве аналога для характеристики среднеазиатского эллинизированного искусства, могут служить здания Мирана в Восточном Туркестане, около Лоб-Нора.

Теснейшие связи Восточного Туркестана с Индией и Средней Азии хорошо известны. Достаточно вспомнить о существовании согдийских торговых колоний около Лоб-Нора, а также о широком распространении в Восточном Туркестане буддизма, центром которого было Кушанское царство. Общность религии содействовала укреплению связей. В течение непродолжительного, по-видимому, времени, при Канишке, оазисы Восточного Туркестана были объединены с северо-западной Индией и Средней Азией и политически: они входили тогда в состав Кушанского государства.

Поэтому представляется вполне естественным, что эллинистическое искусство в те времена проникло в долину Тарима двумя путями: из Индии и из Средней Азии.

Росписи Мирана, покинутого обитателями, по мнению Стейна, около конца III в. н. э.¹⁰⁴, могут считаться наиболее ярким примером этого искусства. Бюсты крылатых «ангелов» живо напоминают эроты, хорошо известных и гандхарской скульптуре в виде «gandharvas»¹⁰⁵. Классической композицией является фриз с гирляндой, в изгибах которой сверху и снизу помещены бюсты различных персонажей¹⁰⁶ находящей весьма близкую аналогию в такой же гирлянде с эротами в гандхарском искусстве¹⁰⁷. Значительный интерес для нас по сюжету изображения представляет сцена борьбы стоящего, по-видимому, обнаженного юноши с чудовищем в виде крылатого льва¹⁰⁸ — мотив, который в иной

¹⁰⁰ E. Herzfeld. Archaeological History of Iran, p. 70.

¹⁰¹ E. Herzfeld. Iran in the ancient East, p. 296. Автор указывает, что идентификация основана на фигурах богов на кушанских монетах.

^{102—103} Там же.
¹⁰⁴ A. Stein. On ancient Central-Asian Tracks, p. 119; ерo же. Serindia, I. Oxford, 1921, p. 492 ff.

¹⁰⁵ A. Stein. Serindia, I, p. 497.

¹⁰⁶ Там же, табл. XLI.

¹⁰⁷ A. Foucher. L'art gréco-bouddhique..., I, y. 237, fig. 115.

¹⁰⁸ A. Stein. Serindia, I, p. 514—515, fig. 133.

композиционной схеме и с участием слонов мы видели в Красном зале варахшского дворца. Для сравнения фигуры слона из Мирана с такими же изображениями в варахшской живописи можно назвать сложную многофигурную композицию — сцену из буддийской легенды о принце Vessanta¹⁰⁹. Не касаясь всей композиции, остановимся кратко на изображении входящего в нее слона. Он белый, в богатом убранстве — в попоне с подвесками, на голове нечто вроде уздечки из кружков, также с подвесками. От слонов, изображенных в Варахше, он отличается большей стройностью и правильными пропорциями, что указывает, видимо, на то, что художник лучше представлял себе это животное или знал его индийские изображения.

Техника росписи близка к варахшской. Здесь та же самая живопись типа темперы, выполненная на штукатурке из глин с примесью мелкой соломки или рубленого камыша¹¹⁰.

Существенное отличие живописи Мирана от стенных росписей Панджикента, Варахши и других современных им памятников заключается в стремлении выявить объем посредством условной светотени. Этот прием выявления объема изображаемых предметов заключается в том, что наиболее выдающиеся выпуклые части окрашиваются светлее, а к краям тон сгущается. При умелом использовании такой светотени, когда свет падает как бы перпендикулярно к плоскости картины, получается впечатление рельефа, не уничтожающего, однако, плоскости стены и не создающего глубины изображения.

Условная светотень на стенах храма в Миране, в более поздней живописи Адджанты¹¹¹, в некоторых росписях Дура-Европоса¹¹² и т. д. принципиально отличается от приема выявления объемности светотенью, который можно видеть в мозаиках и стенных росписях Рима и Помпеи, прославленных Фаумских портретах¹¹³ и др. Использование светотени не свойственно живописи восточных стран.

Эллинистическое искусство в своем продвижении на восток не остановилось в области Лоб-Нора. Ясные следы его видны не только в китайском пещерном монастыре Тысячи Будд в Дуньхуане, на западной границе Китая. Они прослеживаются и в буддийских скульптурах и стенной живописи далекой Японии^{114—115}.

На территории собственно Ирана, в его современных политических границах, не сохранилось, по-видимому, образов ни парфянской, ни раннесасанидской живописи. Об иранском искусстве, не считая стоящих оснований уже упомянутых скульптур и ритонов из Нисы, можно судить лишь по наскальным изображениям сасанидского времени и по некоторым образцам стенной живописи и граффити на стенах храмов и домов в Дура-Европосе в Месопотамии на Евфрате. Первоначально селевкидская крепость, затем парфянский и, наконец, римский пограничный пункт¹¹⁶, этот город сохранил элементы иранской, семитической и греко-римской культур, подвергшихся эллинистической переработке, но органически не слившихся. Наряду с западноэллинистическими мотивами, в живописи и граффити Дура-Европоса большое место занимают чисто иранские сюжеты раннесасанидского времени. К ним относятся сцены охоты, войны и пиршества. Одежда и вооружение персонажей, участвующих в этих сценах, также иранские. М. И. Ростовцев, изучавший живопись и граффити Дура-Европоса, пришел к заключению, что вопреки мнению Е. Херфельда, отрицавшего какую бы то ни было преемственность между искусством ахеменидского и парфянского времени, многое из ахеменидского искусства сохранилось и в парфянской, и в сасанидской периоды. Памятники Дура-Европоса не представляют собой шедевров иранского эллинистического искусства. Это всего лишь его «упрощение, стандартизация и варваризация». Месопотамские художники, по мнению М. И. Ростовцева, наследовали это искусство от своих бактрийских и, возможно, среднеазиатских предшественников¹¹⁷.

Значительный интерес для нас представляет изображение пиршества и охотничьей сцены в живописи и фигуры тяжеловооруженных всадников в граффити на штукатурке внутри домов¹¹⁸, а особенно сцена битвы (как предполагают, изображающая победу Шапура над Валерианом), относящаяся к раннесасанидскому времени¹¹⁹.

Раскопки в Дура-Европосе подтверждают то обстоятельство, что сходные явления в искусстве, несмотря на определенные и очень ярко выраженные местные особенности каждой культурной области, могут быть прослежены на обширной территории от Месопотамии до Лоб-Нора и Центральной Индии. Объяснение этому может быть найдено только в интенсивных взаимных связях, в кото-

ру к северо-западу от Индии и с эллинистическим искусством в разных его проявлениях».

¹¹⁶ M. Rostovtzeff. *Dura-Europos and its art*. Oxford, 1938, p. 9—10. Основание города приписывается Селевкку Никатору (около 300 г. до н. э.). Погиб город вскоре после 256 г. н. э. (там же, стр. 99).

¹¹⁷ Там же, стр. 97 и сл.

¹¹⁸ M. Rostovtzeff. *Griffiti showing Parthian warriors*. «The Excavations at Dura-Europos. Second season of work». New Haven—London, 1933, p. 194—200.

¹¹⁹ A. Mc. N. G. Little. *The Sasanian fresco*. «The Excavations at Dura-Europos. Fourth season». New Haven—London, 1933, p. 182, ff. XVII—XVIII; M. Rostovtzeff. *Dura-Europos and its art*, p. 93.

¹⁰⁹ Там же, рис. 134—138.

¹¹⁰ Там же, стр. 496.

¹¹¹ G. Yazdani. *Fine art*. «History of the Deccan», vol. I, p. 48.

¹¹² Изображение богини победы (фронтиспис) и др. (P. V. C. Bair, M. J. Rostovtzeff. *The Excavations at Dura-Europos. Preliminary report of second season of work*, October 1928—April 1929. New Haven—London, 1933).

¹¹³ А. С. Стрелов. Фаумский портрет, М., 1936.
^{114—115} С. Ф. Ольденбург. Пещеры Тысячи Будд («Восток», № 1, 1922, стр. 63): «Мы уже и теперь знаем, что много произведений китайского и японского искусства восходят к среднеазиатским оригиналам, которые в свою очередь связаны с Индией, а здесь частично через Гандху-

рых народам Средней Азии в силу ее географического положения принадлежала важная и активная роль.

Мы сделали попытку нарисовать краткую и далеко, конечно, не полную картину эллинистического искусства рабовладельческого времени, на основе которого развилось искусство раннего феодализма. Для последующего периода, с IV до VI—VII вв. н. э., мы не располагаем вообще никакими памятниками. Это время очень слабо освещено историческими источниками. Мы знаем только на основании косвенных данных, что в эти столетия происходили крупные сдвиги в хозяйстве, социальных отношениях и культуре народов Средней Азии, о значительном упадке, а зачастую и разрушении городов.

Однако было бы преждевременным утверждать, что в это время не возводились здания, украшенные живописью и скульптурой, как ранее в Топрак-кале или позднее в Варахше, тем более что преемственность старых традиций, прослеживаемых в памятниках искусства VI—VIII вв. представляется несомненной. Однако, можно допустить и некоторое понижение уровня художественного творчества.

Вполне надежно установлен период такого упадка раскопки на Варахше. В какой-то отрезок времени между III и концом V в. н. э. город или сильно опустел, или был совсем заброшен. Только с течением времени он постепенно стал вновь заселяться, сделавшись в конце V или в начале VI в. одной из резиденций бухар-худатов.

Абсолютные даты кризиса городской жизни, ремесла и строительства, устанавливаемые разными авторами, не всегда точно совпадают. Это происходит или оттого, что основания для датировок не всегда достоверны, или потому, что в различных областях кризис протекал по-разному. Резкий упадок городской жизни был не местным явлением, а распространялся на обширную территорию. Едва ли его можно объяснить только набегами кочевых народов. Причины были глубже и коренились в факторах социальной истории среднеазиатского общества.

Как не раз отмечалось в специальной литературе, облик материальной культуры V—VIII вв. сильно изменился, сохранив некоторые традиционные формы. Иными становятся планировка городов и селений, ирригационная техника, строительные приемы, бытовая утварь. Претерпевает значительные изменения и архитектурно-декоративное искусство, в котором эллинистические черты становятся все более приглушенными и полностью сливаются с местной традиционной основой.

Росписи Балаалык-тепе, Пянджикента и Варахши, несмотря на различия композиционного, колористического и сюжетного характера, частично отмеченные уже выше, вполне могут быть отнесены к одной группе произведений искусства раннего средневековья.

Балаалык-тепе, расположенный в Ангорском районе Сурхан-Дарьинской области¹²⁰, представляет

собой развалины здания, возведенного из продолговатого крупного сырцового кирпича, в свое время перестроенного. Роспись покрывает стены центрального помещения, квадратного в плане (4,80 × 4,95 м). Вдоль всех стен этого помещения, имевшего, судя по ряду признаков, значение культового, проходила единая композиция в виде широкой полосы непосредственно над суфой, опоясывавшей стены.

Живопись испорчена лакунами, покрыта копотью, но она сохранилась на значительной площади, что позволяет представить себе полностью всю композицию. В живописи представлены сидящие парно на ковриках мужчины и женщины в богатых одеждах (рис. 111 и 112). Фигуры сидящих обращены к зрителю, лица повернуты в три четверти. Мужчины, обутые в мягкие сапожки, сидят скрестив ноги, повернутые пятками вверх. Ноги женщин прикрыты одеждами. Мужчины одеты в длинные кафтаны с характерными треугольными отворотами правой полы, хорошо известными по некоторым образцам росписи Восточного Туркестана, Бамиана и, как это выяснил Л. И. Альбаум, по «каменным бадам» Семиречья. На талии — узкий пояс, к которому подвешен кинжал и еще какие-то непонятные предметы. Прическа гладкая с узкой прядью, свисающей впереди уха. На пальцах рук видны перстни с большими камнями.

Женщины поверх нижней одежды, покроя которой не видно, одеты в широкие плащи без рукавов с такими же треугольными отворотами правой полы, как и у мужских кафтанов. Пониже отворота у некоторых персонажей видна розетка, к которой прикреплена спускающаяся двумя концами расширяющаяся вниз лента. Такие же розетки с лентами видны и на левой доле плаща. На шее одеты широкие ленты или гривны с подвесками над серединой груди. В ушах — серьги. Прически спереди гладкие, с длинными тонкими локонами впереди ушей, но сзади видно что-то вроде овального узла, возможно, завязанного лентой. На руках браслеты и перстни, такие же, как у мужчин. В руках у сидящих различной формы кубки: то в виде высокого и узкого бокала, то более или менее широкой чаши на ножке, напоминающей в некоторых вариантах кубки из персепольского каада, хранящегося в Эрмитаже¹²¹. В руках у женщин, кроме того, какие-то круглые предметы на длинных ручках; назначение этих предметов остается неясным.

Обращает на себя внимание, что ни одна из сидящих фигур особо не выделена, ни одной из них не придано особого значения. Сцена производит впечатление собрания людей приблизительно равных по положению, но, несомненно, представителей господствующей феодальной группы. Этим сцена пириштва в Балаалык-тепе резко отличается от композиции на южной стене Восточного зала Варахши.

логических памятников за 1953—1954 гг., стр. 72—74; его же. Балаалык-тепе. Ташкент, 1960.

¹²¹ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 60.

¹²⁰ Предварительное сообщение: Л. А. Альбаум. Некоторые результаты изучения Ангорской группы архео-

Позади описанных сидящих фигур стоят персонажи, изображенные в значительно меньшем масштабе. Здесь, конечно, не может быть речи о перспективном сокращении, совершенно чуждом искусству того времени. Так же, как и в росписях Варакши¹²², Пянджикента¹²³ и других известных нам памятниках искусства раннего средневековья, относительной величиной изображаемых лиц показывается их большая или меньшая социальная значимость. Стоят, несомненно, слуги, прислуживающие ищущим господам. В руках у некоторых из них опахала.

Все это изображено на темно-синем фоне. Между головами сидящих персонажей видны какие-то круги с подвешенными к ним лентами или гирляндами.

Как в Пянджикенте и Варакше, все окрашено локальными тонами с четкой обводкой контуров строго прорисованной линией¹²⁴. Никаких попыток передачи светотени, объема, хотя бы самыми условными приемами, мы в этой росписи не обнаруживаем.

Позы сидящих персонажей даны довольно свободно. Иногда перекрещиваются руки сидящих рядом фигур. Интересна группа, где мужчина, наклонившийся в сторону сидящей слева женщины, подносит к ее губам кубок. Женщина также наклонилась слегка в сторону своего компаньона и положила руку на его грудь жестом, видимо, выражающим отказ от предлагаемого напитка. Положение зрачков в углах глаз показывает, что они в этот момент смотрят один на другого. Заслуживает особо быть отмеченным манерное изображение рук, держащих бокалы как бы легким прикосновением снизу двух пальцев — большого и указательного, с отставленным мизинцем.

Неподалеку от Балалык-тепе, в том же Ангорском районе, в развалинах другого здания, называемых Джумалак-тепе, Л. М. Альбаумом были найдены в 1953 г. интересные фрагменты резного дерева, сохранившиеся, как и в Пянджикенте, благодаря тому, что они обуглились во время пожара. В остатках резьбы по дереву различаются изображения человеческих голов и богатый растительный орнамент.

Архитектурный декор Пянджикента достаточно хорошо известен по публикациям А. Ю. Якубовского, М. М. Дьяконова, А. М. Белевникова, П. И. Кострова и других участников экспедиции. На стенах дворов и жилищ этого города открыто чрезвычайно большое количество самых разнообразных живописных композиций. Часть из них дошла до нас в прекрасном состоянии, позволяющем судить о колорите, художественной манере и т. п.

Кроме живописи, не менее важны также открытые в Пянджикенте образцы резьбы по дереву, в которых представлен как орнамент, так и статуарные женские фигуры, по-видимому, танцовщиц. Крупным вкладом в историю среднеазиатского искусства перед арабским завоеванием следует признать и глиняный рельеф, изображающий какую-то мифологическую сцену в волнах с участием Тритона и морских животных.

Сюжетный репертуар живописных композиций Пянджикента чрезвычайно богат и разнообразен. Значение большей части представленных здесь сцен еще не разгадано. Однако совершенно ясно, что среди них есть и чисто ритуальные изображения, в том числе изображения божеств, помещенные на стенах раскопанных храмов. Есть здесь иллюстрации к легендам и мифам¹²⁵ и сцены, которые также, вероятно, связаны с преданиями или легендами, но производят впечатление бытовых. К ним могут быть отнесены фрагменты сцен с царем на троне, с жертвенниками-курильницами, аналогичными варакшскому жертвеннику, сцена битвы, изображение юноши в острокономном колпаке с кувшином в руках, мужчина и женщина, едущие верхом¹²⁶ и др.

Сюжетные мотивы живописи Варакши более ограничены. Восточный зал содержит в основном три большие композиции: сцену с царем на троне, сцену битвы и сцену охоты. Аналогии всем этим сюжетам в искусстве древнего и средневекового Востока чрезвычайно многочисленны. Из ближайших по времени и трактовке сюжетов можно привлечь известные сасанидские рельефы на скалах, живопись в Духтари-Нуширване (Афганистан), изображения на так называемых сасанидских серебряных сосудах и т. п. Все это предназначалось для восхваления и возвеличения царя и весьма характерно как для древних рабовладельческих, так и для феодальных восточных монархий.

Мы уже говорили о тронах владетелей Средней Азии и Восточного Туркестана, упоминаемых в источниках. Живопись южной стены Восточного зала Варакши служит прекрасным подтверждением правдивости этих сообщений, так как в живописи, сомневаться в этом невозможно, — действительно изображен традиционный трон бухарского владетеля.

Изображения тронов, поддерживаемых различными реальными или фантастическими животными, были, впрочем, известны и раньше, например на серебряном с позолотой блюде из бывшего Кунгурского уезда. Ножи трона представлены здесь в виде крылатых животных¹²⁷. Сходны с этим изображением царей на троне на блюдах Национальной библиотеки в Париже и Британского музея в Лон-

¹²² Особенно наглядный пример — всадник на слоне и погонщики.

¹²³ «Живопись древнего Пянджикента», табл. VIII, XVII и др.

¹²⁴ По наблюдениям Л. Н. Альбаума, контуры, в отличие от живописи Варакши, проведены не везде. Ими прорисованы преимущественно лица и руки изображенных персонажей.

¹²⁵ См., например: М. М. Дьяконов. Образ Сиявула в среднеазиатской мифологии. — КСИИМК. X. 1951. Стр. 34; 36 же. Роспись Пянджикента..., стр. 117 и др.

¹²⁶ «Живопись древнего Пянджикента», табл. XXV. XXXIX, XXXIII—XXXV и др.

¹²⁷ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч. табл. 13.

доне¹²⁸. Серебряное блюдо с изображением Хосрова II на троне, украшенном фигурами львов, найденное в области Казвина, хранится в Тегеранском музее¹²⁹. Есть и памятники монументальной живописи, в которых мы находим тот же самый сюжет. Царь на троне, поддерживаемом фигурами двух обращенных один к другому крупными животными

при раскопках храма в Сурх-Кутале, был найден рельеф, на котором представлен царь на троне, поддерживаемом двумя львами¹³¹. Примеры подобного рода есть и в Индии: трон с изображением львов в скульптуре из Матуры¹³², рельеф с изображением Будды, сидящего на троне, поддерживаемом львами, в пещерах Аджанты (пещерный храм XXVI)¹³³

Рис. 111. Живопись Балалык-тепе

животных, представлен в живописи на стене грота в Духтари-Нуширван близ Бамиана в Северном Афганистане¹³⁰. Там же, в Северном Афганистане,

¹²⁸ J. Orbeli. Sasanian and early Islamic Metalwork.—SPA, I, p. 719.

¹²⁹ «Bulletin of the Iranian Institute», VI—VII, 1946, p. 74—75, fig. 3—6; M. Bahrami. A Gold Medal in the Freer Gallery of Art.—«Archaeologica Orientalia. In Memoriam E. Herzfeld», New York, 1952.

¹³⁰ A. Godard, Y. Godard, J. Hackin. Les antiquités bouddhiques du Bamiyan—MDFA, II, Paris, 1928, p. 65. Авторы называют поддерживающих трон животных лошадьми.

и т. п. Большой интерес для нас представляет фрагмент росписи Пянджикента¹³⁴, где сохранилась часть изображения лежащего зверя, покрытого попоной, и ступни сидящего на нем человека. Рядом с животным стоит курильница (или жертвенник),

¹³¹ D. Schlumberger. Le temple de Sourkh-Kotal., p. 186—187.

¹³² Там же, стр.

¹³³ G. Yazdani. Указ. соч., табл. IX.

¹³⁴ М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента..., стр. 115—116, табл. XXVI.

совершенно аналогичная такой же в живописи Варахши, а около нее сидит на согнутых коленях человек (юноша), также почти точно повторяющий персонаж перед тронном варахского царя. Все это убеждает нас в том, что и в Пянджикенте мы встречаемся с изображением трона, на котором восседает

времени, ножки которого опираются на двух идущих львов. Напомним также об урартской бронзовой фигурке-сфинксе из Топрак-калы близ Вана, представляющей часть трона¹³⁵, о хранящемся в Лувре скульптурном римском кресле, украшенном двумя грифонами, поддерживающими сиденье¹³⁶.

Рис. 112. Живопись Балаалык-тепе

либо царь, либо легендарный герой, может быть, божество.

Вообще же традиция украшать трон правителя или даже почетное кресло изображением того или иного животного уходит в древние времена, что может быть показано на большом количестве примеров. Мы ограничимся здесь лишь несколькими. Не говоря о ножках многочисленных тронов, кресел и кроватей, сделанных в виде ног и лап различных животных, чаще всего львов, мы встречаем уже в Древнем Египте времен Нового царства в гробнице родителей царицы Тии кресло, украшенное изображением козла. Известен египетский трон позднего

К этой же категории вещей относится, по-видимому, и описанный Лиутпрандом, епископом кремонским, трон императора Византии, охраняемый позолоченными львами необычной величины¹³⁷.

Такое широкое распространение тронов владельцев и почетных кресел в виде животных или укра-

¹³⁵ Б. Б. Пиотровский. Урарту.—Сб. «По следам древних культур». М., 1951, стр. 89.

¹³⁶ М. В. Аппатов. Всеобщая история искусства, т. I. М.—Л., 1948, табл. 117.

¹³⁷ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1954, стр. 19.

шенных изображениями животных, конечно, не случайно. Корни этого явления можно искать в каких-то древних религиозных представлениях, связанных с зоолатрией — почитанием животных. Первоначально почитались реальные животные (в Египте, например, священные кошки, шакалы, ястребы, быки, ибисы и др.). Позднее они становятся символами тех или иных божеств (орел — Зевса, сова — Афины). В этой связи важны для нас изображения божеств у хеттов и у вавилонян, где в рельефах представлены шестия богов, стоящих на различных животных, в частности богиня Иштар на идущем льве¹³⁸.

Поэтому и царь, чтобы подчеркнуть свое сверхчеловеческое, божественное происхождение, восседал на престоле, изображающем священных животных. В дальнейшей эволюции такое кресло или сидалище превращалось в знак верховной власти или просто почетного положения.

Приведенные выше соображения позволяют, как нам кажется, вполне удовлетворительно объяснить возникновение зооморфных престолов у среднеазиатских владетелей¹³⁹.

Образ верблюда в мифологии и искусстве Востока, наравне с конем, львом и некоторыми другими животными, встречается достаточно часто. Он представлен в искусстве Египта, где одно из древнейших изображений этого «корабля пустыни», игравшего огромную роль в жизни засушливых районов Азии и Северной Африки, высечено вместе с ведущим его человеком на скале близ Асуана. Оно относится к временам VI династии (около середины III тыс. до н. э.)¹⁴⁰.

Чрезвычайно интересно для нас изображение верблюда на подножье каменного кресла сидящей египетской статуи, относящейся к более позднему времени¹⁴¹.

Естественно, что в таких странах, как Месопотамия, Аравийский полуостров, Пальмира, где верблюд — незаменимое транспортное животное и друг человека — играет важную хозяйственную роль, его изображения встречаются особенно часто^{142—143}.

¹³⁸ На льве стоит и хеттская богиня-мать, кормящая ребенка. Эти изображения и рельефы, представляющие шествия хеттских и вавилонских богов см.: A. Jernstedt, *Handbuch der altorientalischen Geisteskultur*. Berlin und Leipzig, 1929, Abb. 103, 173, 203—207, 218.

¹³⁹ Мнение о происхождении «звериных тронов» от животных, которые первоначально были тотемами, а потом изображались поддерживавшими богов, высказал И. А. Орбели (J. Orbeli. Указ. соч., стр. 719).

¹⁴⁰ И. М. Лурье. История техники Древнего Египта. — «Очерки по истории техники Древнего Востока», М.—Л., 1940, стр. 161, стр. 28.

¹⁴¹ К. С. Ляпунова, М. Э. Матвеев. История техники эллинистического, римского и коптского Египта. — «Очерки по истории техники Древнего Востока», М.—Л., 1940, стр. 274, стр. 22.

¹⁴² Д. Н. Хейне. О древнеаравийской культуре и религии. — ВДИ. 1938, № 3, стр. 47; E. Michel, *Die Assur-Texte Salmanassares III (858—824)*. — *Die Welt des Orients*, Göttingen, 1955, S. 137, Taf. 6—7. Это же изображение см.: «Das Altertum in Bildern», Berlin, 1955, Taf. 68; T. Zeugner, *The Identity of the Camel on the Khurah*

Точно так же и в Средней Азии, где верблюд является обычным и необходимым домашним животным, его образ должен был отразиться и в народном устном творчестве, и в изобразительном искусстве. Фигуру верблюда мы, действительно, видим в наскальных изображениях, на гемах, на орнаментированной керамике, в виде бронзовой подвески, на предметах торевтики, найденных в Приуралье¹⁴⁴. Укажем еще на интересную находку, сделанную в 1954 г. Л. И. Альбаумом на Балаык-тепе в Сурхан-Дарьинской области. Здесь в помещении предполагаемого храма было обнаружено примитивно высеченное из розовой каменной соли изображение лежащего верблюда.

Особого внимания заслуживает найденная в окрестностях Самарканда огромная верблюжья нога, отлитая из бронзы. Как правильно, по-видимому, предположил Л. И. Ремпель, сделавший на эту тему доклад в Институте истории и археологии АН УзССР, эта нога, считавшаяся некоторыми за ногу большого когла, в действительности является предметом иного назначения — или фрагментом большого, близкого к натуральной величине, скульптурного изображения верблюда.

В связи с этим необходимо упомянуть описанные выше часто встречающиеся в Бухарской области небольшие медные монетки, которые могут быть, по-видимому, датированы V—VI вв. Монетки не имеют надписей. На одной стороне их изображен ступенчатый атарф огня, на другой — идущий верблюд. Ввиду массовости находок этих монет на Варахше есть все основания считать их монетами бухарских правителей.

Как уже отмечалось, в различных областях Средней Азии троны владетелей изображали разных животных. Таким образом, мы видим у каждого владетеля своих животных, превратившихся в геральдические символы. В Бухаре таким символом, вероятно, являлся верблюд. Иногда его изображали реалистически, иногда — в виде крылатого верблюда-грифона.

Несомненная связь образа верблюда с распространенной в то время мифологией. В этом отношении большой интерес представляет образ верблюда в Авесте. Здесь он выступает наряду с ветром, быком, лошастью, кабаном, юношей, диким бараном и козлом в качестве одного из воплощений Веретрагны — гения войны и победы¹⁴⁵.

Pick.—«Iraq», VII, pt. II, Autumn, 1955, p. 162—163; K. R. Maxwell-Hyslop. Note of a Schaft-hole axe-pick from Khurab, Makran.—Там же, стр. 161.

¹⁴³ В. В. Радолов. Сибирские древности, т. I, вып. 3. СПб., 1894, приложение, стр. 133.

¹⁴⁴ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Оттиски парящих печатей из Нисы, стр. 167; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1947, табл. 83, 14; это же. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., вклейка перед стр. 204; И. А. Орбели, К. В. Терснер. Указ. соч., табл. 11, 12 (Бахрам Гур верхом на верблюде), табл. 55 (двухрогий верблюд в одном из медальонов турушеского сосуда) и пр.

¹⁴⁵ «Khorda Avesta», XVI, «Bahram Yasht», 10—12.

В мифологии Среднего Востока, как это установил И. А. Орбели, верблюд в легендарном крылатом варианте представляется как опасное существо, живущее в пустыне.

Следы почитания верблюда сохранились в узбекском эпосе. Так, герой одной из распространеннейших поэм этого эпоса Алпамыш делается богатырем после того, как пьет молоко верблудицы. По предположению, высказанному знатоком этого эпоса Х. Т. Зарифовым, этот эпизод, сохранившийся в дошедшем до нас средневековом варианте поэмы, может считаться свидетельством того, что в более ранних версиях Алпамыш был сыном верблудицы. Недаром он сам себя называет в поэме «нар» — верблюдом, а свою возлюбленную Барчин — верблудицей.

Участие верблюда в узбекском эпосе не ограничивается слиянием его с образом Алпамыша. Когда герой другой поэмы — «Гор-Оглы» — отправляется в путь в поисках красавицы, на него нападают поднявшиеся в воздух черные верблуды, подхватывают его и уносят с собой. В той же поэме молодой витязь Авез едет на поиски погибшего в битве отца. Здесь также выступает на сцену черный верблюд, который бежит впереди Авеза, показывая ему дорогу, и исчезает, добрав до тела его отца ¹⁴⁶.

Верблуды, украшающие трон, очень живо напоминают чудесное животное с птичьими крыльями, представленное на великолепном эрмитажном кувшине, найденном в Прикамье ¹⁴⁷, что дополнительно подтверждает распространенность и, может быть, каноничность этого образа. Место изготовления кувшина, включаемого, по установившейся традиции, в число «сасанидских» сосудов, пока не может быть установлено. То, что на нем изображен мотив, как устанавливается теперь, свойственный искусству Средней Азии, не имеет решающего значения. На примере большого материала можно показать, что целый ряд сюжетов и образов и даже орнаментальных деталей были общими для искусства многих народов. Однако и возможность среднеазиатского происхождения этого кувшина представляется вполне допустимой.

Остановимся вкратце на сравнении жертвенника-курильницы в варахской живописи с аналогичными предметами в росписях Пянджикента. Форма их совершенно одинакова. В Пянджикенте, как и на Варахше, мы видим коническую подставку, увенчанную широким диском, к краям которого подвешены «колокольчики» ¹⁴⁸. На возвышающейся над диском конусообразной или цилиндрической детали (форма в рисунке выражена недостаточно ясно) стоит сосуд, представляющий собой, в отличие от кувшеобразного сосуда Варахши, довольно плоскую

чашу с двумя висящими ручками. В чаше, как и на Варахше, горят длинным пламенем какие-то шарики, подбрасываемые сидящим вправо юношей с помощью предмета, имеющего вид ложки. Фигура этого персонажа, несмотря на некоторые отличия в костюме, поразительно напоминает тонкой тахией фигуру юноши, изображенного сидящим вправо от жертвенника на стене Восточного зала Варахши. Сходство дополняется кинжалом, висящим на поясе ¹⁴⁹.

Единство сюжета подчеркивается и тем, что жертвенник в живописи Пянджикента стоит непосредственно перед упомянутым животным, изображающим, очевидно, трон.

Такое почти буквальное сходство мотивов живописи приводит к неизбежному заключению, что оно не случайно, что здесь мы имеем дело с распространенным в Средней Азии установившимся ритуалом, связанным с религиозным обрядом. Интересно отметить, что похожий жертвенник, но без широкого диска, найден при раскопках Балалык-тепе. Он сделан из глины и поэтому более прост по форме. Он состоит из конической подставки с прорезанными сквозными отверстиями, украшенной с одной стороны небольшим наелепом в виде головы маскарона. Над подставкой конический растреп с шишечками по бортику, со следами нагара и копоти — в нем зажигался огонь. По-видимому, это упрощенный тип жертвенника, известного по росписям. Еще более простые варианты такого глиняного жертвенника (или курильницы) найдены при раскопках на Хайрабад-тепе в Сурхан-Дарьинской области, неподалеку от Балалык-тепе и при исследовании памятников Кашка-Дарьинской области.

Нам кажется уместным поставить здесь вопрос о связи этих жертвенников с некоторыми жертвенниками Семиречья, характерной чертой которых является также коническая, чаще ажурная, подставка, на которой прикреплен диск ¹⁵⁰. Несмотря на известные отличия в форме и на сравнительно большую древность предметов, найденных на Иссык-куле и у поселка Иссык, функциональное назначение их могло быть одним и тем же. Не исключена возможность и то, в древнем Согде существовал тип жертвенника, сходный с семиреченскими, и что он послужил прототипом для жертвенников Варахши и Пянджикента.

Каково бы ни было назначение рассматриваемых предметов — курильницы ли это для благоволия или жертвенники для возжигания священного огня, ритуальный характер их, связанный, надо полагать, с жреческими функциями или обожествлением царя, кажется очевидным.

Сложнее решить вопрос о семантике изображений в Красном зале. Подобно еще не опубликован-

¹⁴⁶ Сообщение Х. Т. Зарифовым.

¹⁴⁷ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 49.

¹⁴⁸ А. М. Беляцкий («Вопросы идеологии и культа в Согде», стр. 32) эту часть жертвенника неточно описывает как «цилиндр» или «барабан». Рисунок жертвенника в Пянджикенте менее ясен, чем на Варахше, но и здесь отчетливо видны прикрепленные к диску чепочки, к которым подвешены колокольчики или напоминающие их подвески.

¹⁴⁹ «Живопись древнего Пянджикента», табл. VII. XXVI, XXVII.

¹⁵⁰ Б. М. Зимина. Иссык-кульские жертвенники. Фрунзе, 1941, стр. 1; Г. С. Мартынов. Иссыкская находка. КСИИМК, 59, 1955, стр. 65, 67; А. Н. Вершинин. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. — МИА, № 26, 1952, стр. 41, 45.

ному фризу из раскопок в Пянджикенте, который демонстрировался А. М. Белезницким на Втором Среднеазиатском совещании археологов в Таджикистане, живописная композиция, опоясывающая стены Красного зала, должна изображать определенный мифический сюжет. Это древний мотив борьбы мифических героев с чудовищами, олицетворяющими злое начало. То различие, что герои пянджикентской росписи сидят на конях, а варакшские на слонах, существенного значения не имеет.

Сюжет борьбы мифического героя или реально-го царя с чудовищем в искусстве Востока уходит в глубочайшую древность. Звеньями развития этого сюжета можно считать борьбу Гильгамеша с чудовищами на шумерских цилиндропечатах¹⁵¹ и на хеттском барельефе из Кархемиша¹⁵². Далее следует битва героя с фантастическим животным на блюде из Нимруда¹⁵³ и изображения ахеменидского Ирана: битва царя с крылатым чудовищем-львом в рельефах Персеполя¹⁵⁴ и др. Этот сюжет, несомненно, связан с религиозной дуалистической концепцией борьбы двух начал — зла и добра, что особенно ясно выступает в ассирийском рельефе, на котором изображен Мардук, поражающий Тиамат — первобытный хаос, представленный в виде крылатого зверя с львиным туловищем, орлиными задними лапами и коротким оперенным хвостом¹⁵⁵. Вполне естественно, что в Средней Азии, где маизмизм составлял если не господствующую, как в Иране, то, по-видимому, одну из наиболее распространенных религиозных систем, такого рода изображения должны были получить большое распространение. Ведь в маизмизме, так же как и в манихействе, дуалистическое мировоззрение представлено в наиболее ясной форме¹⁵⁶.

Сюжет борьбы юности с крылатым чудовищем, обладающим телом и лапами льва, мы встречаем и в росписи Мирана¹⁵⁷, в чем можно видеть проникновение элементов маизмистской иконографии в буддийскую гандхарскую живопись этого памятника. Можно предположить, что источником этого заимствования была Средняя Азия или в крайнем случае Бактрия, культурно связанная с правобережным Тохаристаном и Согдом.

Определяет конкретно, кого изображают витязи, сидящие на слонах, — божество ли маизмистского или местного культа (например Веретрагну или Митру) или эпитического героя (Сияхуша, Рустама или другой персонаж), мы не беремся. Для этого имеющийся в нашем распоряжении материал слиш-

ком недостаточен. Вопрос требует специального исследования.

Ряд существенных деталей связывает эту композицию с эллинистическим, возможно, буддийским искусством древности. Оттянутые огромные мочки ушей у наездника в крайней слева группе западной стены (единственный случай, где сохранилась голова), с большими круглыми кольцами-серьгами в них, идут, несомненно, из среднеазиатско-бактрийского искусства начала нашей эры. Одежда и украшения как самих витязей, так и погонщиков слонов не свойственны Средней Азии и не соответствуют местному климату. Одежда, которую носили на Сурхан-Дарье и на Зеравшане, нам теперь хорошо известна по живописи Балаалык-тепе, Пянджикента и Восточному залу варакшского дворца. Верховое животное — слон — также чуждо Средней Азии, да и мало знакомо художнику, что, как уже сказано выше, с полной очевидностью выветствует из его неправильных пропорций¹⁵⁸ и такой сбури, которая была бы уместна только на коне (узdeckа, стремя и т. п.). Многими чертами эти персонажи напоминают фигуры в живописи Аджанты: одеждой, украшениями — наплечными и ножными браслетами, ожерельями, находящимися в росписях Аджанты полную аналогию¹⁵⁹.

Чем можно объяснить совпадения в деталях, встречаемых в таких далеких друг от друга памятниках? Предположить прямое заимствование из Индии художниками Варакши VII в. невозможно, да и характер росписей сильно отличается. Как бы роспись Варакши ни походила в деталях на росписи Аджанты, она принадлежит все же другой культуре, другой среде и другой идеологии. Прежде всего, роспись Варакши никоим образом не может быть буддийской. Ни в Варакше, ни в Пянджикенте, ни в Балаалык-тепе нет и намеков на хорошо известную буддийскую иконографию.

Отличаются эти росписи от синхронных росписей Индии и по стилю. Живопись Средней Азии дает человеческие фигуры в статичном, спокойном состоянии. Даже там, где должно бы быть показано сильное движение, как в сценах борьбы с чудовищами, оно дано весьма условно. Витязи на слонах, колющие зверей копьями, рубящие их мечами или ловящие их арканом, не проявляют при этом как будто бы никакого усилия. Они сидят на спинах слонов скрестив ноги, в небрежных свободных позах. Да и самая композиция с ритмично расставленными уравновешенными группами не создает впечатления движения ни по фронту, ни тем более

¹⁵¹ G. Contenau. Manuel d'archéologie orientale, vol. II. Paris, 1931, p. 606 et suiv.

¹⁵² Там же, стр. 996, рис. 690.

¹⁵³ G. Contenau. Указ. соч., т. III, стр. 1341.

¹⁵⁴ Там же, стр. 1340 и сл., рис. 869, 870, стр. 1453.

¹⁵⁵ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. I. Л., 1935, стр. 124; И. А. Снегирев. Древний Восток (атлас). Л., 1937, табл. 168, 1.

¹⁵⁶ Элементы дуализма достаточно ярко представлены и в христианстве — одной из религий, имевшей в Средней Азии некоторое распространение (в виде исторического толка).

¹⁵⁷ A. Stein. Serindia, III, p. 514, fig. 133.

¹⁵⁸ Ср. с прекрасным изображением группы слонов под баньяновым деревом в пещере X Аджанты (G. Yazdani. Указ. соч., табл. XIV) или с рельефом на ступе из Санчи.

¹⁵⁹ J. Griffiths. Указ. соч. Обычная одежда персонажей, изображенных в Аджанте, — набедренная повязка. Одетые фигуры мужчин и женщин встречаются редко и не во всех росписях. Исключения составляют слуги (G. Yazdani. Указ. соч., табл. XLIX) и мужчина с женщиной в росписи потока пещеры X, где, по мнению Гриффиса, изображена «Persian domestic scene». Здесь фигуры одеты в длинные одежды от шеи до пят (J. Griffiths. Указ. соч., табл. 94, 95).

в глубину. Живопись Аджанты, Бадами, Сигирии (Дейлон) представляет с этим резкий контраст. В ней многоплановые сложные композиции настолько заполнены человеческими телами, что почти не остается места для фона или элементов пейзажа. Изгибающиеся в сложных движениях тела людей, как в сцене искушения Будды или в сценах придворной жизни¹⁶⁰ показаны в сложных ракурсах, заслоняют одна другую. Все в несопоставимом бурном движении.

Не менее важно и другое отличие: живопись памятников Средней Азии, как уже сказано, типично плоскостная, без объемов тел, без каких бы то ни было намеков на глубину, на перспективу. Росписи Индии в памятниках, современных Балалайку, Пянджикенту и Варахше, характерны условной светлотой, которая часто, как сказано выше, производит впечатление барельефа. Еще дальше пошел неизвестный автор изображения Парвати в Бадами, памятник VI в. н. э., моделировавший лицо богини тонко наложенными легкими тенями¹⁶¹.

В некоторых сценах индийской живописи, где показаны элементы архитектуры (напомин ворота, из которых выезжает царь на слоне), есть и так называемая обратная перспектива, сходная с перспективой китайской и японской живописи более позднего времени.

Тем не менее элементы сходства и даже прямых совпадений в ряде признаков и деталей между примерно одновременными памятниками Индии и Средней Азии не могут быть случайными и требуют объяснения. Нам кажется, здесь можно прийти к единственно возможному выводу: мотив, изображенный в Красном зале варахшского дворца, сложился не только в основном, но и в деталях, где-то в Бактрии или Тохаристане, проник оттуда в долину Зеравшана и традиционно удерживался там в течение многих столетий в репертуаре декоративно-изобразительного искусства. Он подвергся только небольшой модернизации: в соответствии с привычными представлениями художника изменилось убранство слона, сбруя, оружие, появилась, надо полагать, отсутствовавшая первоначально такая деталь, как сапожки и т. д.

Переживание старинных традиционных иконографических образов, подобных вятиям Варахши, мы можем видеть и на примере некоторых скульптур Пянджикента. Прежде всего мы имеем в виду глиняную панель с изображением тритона в волнах, в котором ясно распознается эллинистический образец. У тритона человеческое мускулистое тело, вместо ног изогнутые спирально рыбы хвосты; голова не сохранилась¹⁶². Изображение подобных же тритонов с извивающимися наподобие змей ногами, которые заканчиваются рыбьими плавниками, есть и в развалинах буддийского монастыря в Шу-

турале (к северу от Кабула), расцвет которого датируется II в. н. э.¹⁶³

Если эта скульптурная панель указывает на эллинистические традиции, то пянджикентские деревянные скульптуры, изображающие танцующих, свидетельствуют о связях с Индией, так как сходство их с некоторыми «гандхарскими» памятниками Северной Индии очень велико¹⁶⁴.

Не менее глубоки традиции и двух других сюжетов, обнаруженных на стенах Красного зала: шествия зверей, остатки которого сохранились над сценой борьбы с чудовищами, и фрагмент изображения дерева, найденный в завале. Тема шествия вереницы животных или птиц, идущих или бегущих в одну сторону, повторяется постоянно, начиная с керамики Суз и протоэламских цилиндров-печатей¹⁶⁵. Встречается она в глиптике Шумера, на блоках из Нируда¹⁶⁶, в ассирийском и ахеменидском архитектурном декоре. На территории Средней Азии изображения верениц животных известны на керамике типа Анау III в Южной Туркмении¹⁶⁷. Не чужд этот мотив и архаической Греции, где он встречается в росписях на вазах «геометрического» и «коврового» стиля, особенно на сосудах родосского происхождения, откуда он, надо полагать, распространился и в собственно Грецию, в Лаконию и Атику¹⁶⁸. Поясок с вереницей грифонов, львов, барсов и собак имеется и на изготовленном западнее, в Италии (в Кумах), прекрасной *Regina vasum* Эрмитажа. Этот мотив можно отметить в памятниках горного Алтая, на Кавказе и в античных колониях Причерноморья. Ареал его распространения указывает, скорее всего, на среднеазиатское или среднеазиатское происхождение.

Надо полагать, этот мотив, так же как и образ грифона, тесно связан с «звериным стилем» скифо-массагетских и иных среднеазиатских, сибирских и восточноевропейских племен.

От зверей в живописи Красного зала сохранились только ноги и лишь в некоторых случаях нижние части туловищ. Это не дает нам возможности реконструировать полностью весь живописный фриз, но изображенные животные легко узнаются по копытам и когтистым лапам, принадлежащим животным копытным и из семейства кошачьих. При этом, здесь не были изображены просто дикие животные. В некоторых случаях даже на звере, представляющем собой, по-видимому, тигра, сохранились остатки полой и стремя. Фантастичность сцен подчеркивается фигурой грифона с птичьими и львиными лапами.

¹⁶³ J. Meunier. Shotarak.—MDFA. X. 1942, pl. XXXVII.

¹⁶⁴ Это сходство отмечено А. М. Беленицким («О работах Таджикской археологической экспедиции в 1954 г.», «Труды АН ТаджССР», т. XXXVII, 1956, стр. 30—32, рис. 6, 7).

¹⁶⁵ C. Contreau. Указ. соч., т. II, стр. 633 и сл.

¹⁶⁶ Там же, т. III, стр. 1340.

¹⁶⁷ В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе.—СА, 1957, № 1, стр. 151, 156.

¹⁶⁸ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 98, 101, 115 и др.

¹⁶⁰ I. Griffiths. Указ. соч.

¹⁶¹ P. Rombach. V. de Golish. The gold age of Indian art, Vth—XIIIth Century, London, 1955, pl. I.

¹⁶² М. М. Дьяконов. У истоков древней культуры Таджикистана, стр. 100—102.

Фрагмент росписи, обнаруженный в завале земли, как уже отмечалось, является элементом пейзажа. Но пейзаж этот совершенно условный: под деревом был изображен грифон, от которого сохранилась только голова. Фрагмент другой такой же головы был найден отдельно. Положение головы под деревом дает возможность предположить, что здесь мы имеем дело с остатками геральдического изображения двух грифонов, расположенных симметрично по обе стороны дерева. Если это так, то в панно, помещавшемся где-то в верхней части стены, нашел себе место еще один древний мотив изобразительного искусства Востока, известный уже по памятникам Передней Азии¹⁶⁹.

Эллинистические влияния на искусство Средней Азии той поры, когда создавались памятники живописи Балалык-тепе, Пянджикент и Варахши, чувствуются, несомненно, в ряде деталей: поворотах головы, позах некоторых персонажей и т. д. Однако не они определяют общий характер и стиль живописи. Истоки всех без исключения сюжетов росписей Варахши, самое понимание и трактовку представленных в ней образов мы должны искать в искусстве и идеологии стран Востока.

Не меньшее значение для возникновения традиционных образов, нашедших отражение в живописи и, как мы увидим далее, в алебастровой скульптуре Варахши, имели и северные связи — с Сибирью и Восточной Европой, областями «звериного стиля». Культурные и этнические контакты с ними населения Средней Азии изучены еще недостаточно, но они, несомненно, существовали.

Представляется очевидным, что такие мотивы живописи и скульптуры, как грифон, вереница идущих животных, борьба благого божества или героя с воплощением зла в виде того или иного чудовища и многие другие, не придумана художниками только ради украшения стен. Все эти образы по своему происхождению имели религиозно-магическое значение. Как для художника, так и для зрителя, они были полны смысла. Это или устрашающий оберег, который должен отпугнуть, отогнать злые силы, или символ, привлекающий охраняющие жилище и его обитателей благие силы небесных покровителей.

Другие изображения предназначались для прославления божества, героя или дая — земного воплощения божественного начала, или посвящались образам и сценам любимых эпических сказаний и мифов. О подобных сценах из истории Зариада и Одатиды, существовавших еще во времена Александра, сообщает, как мы видели выше, Харес Митилеский. Вероятно, именно к числу таких сюжетов относятся панно Красного зала, причем все эти образы остаются глубоко традиционными и живут на

протяжении столетий, а иногда, невзирая на смену господствующей идеологии и социальных условий, доживая почти до наших дней¹⁷⁰.

В памятниках искусства Варахши мы не нашли таких изображений, которые можно было бы безоговорочно признать культовыми, относящимися к одной из религий, распространенных в то время в Средней Азии.

Тем не менее, учитывая, что в жизни феодального общества религиозная идеология играла, несомненно, огромную роль, что и искусство в той или иной мере было пронизано религиозным мировоззрением, мы не можем не остановиться, хотя бы вкратце, и на вопросе о религии варахшинцев, поскольку она нашла отражение в живописи и скульптуре.

Известно, что в Средней Азии до арабского завоевания и до внедрения ислама, сделавшегося с течением времени единственной господствующей и государственной религией, существовало несколько различных религиозных систем. Известную роль играли буддизм, манихейство и христианство несторианского толка. Но наибольшее значение, надо полагать, принадлежало местному культу, судя по некоторым данным, маздеистскому в своей основе, но отличающемуся рядом черт от сасанидского зороастризма¹⁷¹. Буддизм переживал в VII в., по сообщениям китайского буддиста-паломника Сюань Цзяна, глубокий упадок. У христиан и манихеев¹⁷² были в Самарканде, Бухаре, Мерве и других пунктах религиозные общины и храмы, но влияние их оставалось, по-видимому, местным и ограниченным.

Характер местного культа остается невыясненным. Он содержал в себе, как и зороастризм сасанидской Персии, дуалистические представления о борьбе доброго и злого начал. Существовал, по-видимому, и культ огня. Но археологические данные — открытия костехранилищ-оссуариев и «наузов», возводившихся для их хранения, многочисленные указания на существование идолов, сообщения о культе умирающего и воскресающего божества, культе предков, говорят о значительных отличиях от персидского зороастризма.

В Средней Азии, как это не раз отмечалось, не было, по-видимому, достаточно сплоченной и силь-

¹⁷⁰ Автор сделал попытку показать это в статье: В. А. Штирлин. К вопросу о древних традициях в народном искусстве Узбекистана. — «Ученые записки Ташкентского педагогического института им. Н.И.Измайлова», вып. I, Ташкент, 1947, стр. 33—37.

¹⁷¹ Прекрасную сводку сведений письменных источников о религиях Средней Азии дал А. М. Беляницкий («Вопросы идеологии и культов Согда», стр. 27 и сл.), однако далеко не во всеми выводами автора можно согласиться, на что указал А. Ю. Якубовский («Вопросы изучения пянджикентской живописи», стр. 23).

¹⁷² А. М. Беляницкий («О пянджикентских храмах» — КСИИМК. XLV, стр. 121) считал манихейскими храмы Пянджикента. Между тем, полная аналогия ряда сюжетов искусства, в особенности сцена с жертвенником, несомненно, ритуальная, заставляла бы и жителей Варахши также считать манихейми, а за ними последовали бы и строители Балалык-тепе. Такого широкого распространения манихейства в Средней Азии мы предположить не можем.

¹⁶⁹ Родина этого геральдического стиля — сумерийская Вавилония. См. М. И. Ростовцев. Древняя Средняя Азия, Россия, Китай и верхний стиль. — *Seminarium Kondakovianum* (СКВКА. т. I), Прага, 1920, стр. 13. В дальнейшем он получил распространение в искусстве сасанидского Ирана и Средней Азии. Позднейшие образцы встречаются на порталах медресе XVI—XVII вв. Этот мотив широко распространен под названием «фын-хуан» в Восточной Азии.

ной жреческой организации, не было и государственных религий. Поэтому позволительно предположить, что и единой, строго разработанной догматики здесь также не существовало. Весьма вероятно, что наряду с общими чертами в верованиях и обрядах, в отдельных местах существовали значительные различия, зависевшие от местных культов, степени влияния языческих шаманских представлений и пр., что усложняет в целом задачу изучения доисламской религии народов Средней Азии.¹⁷³ Задача становится еще более сложной, если мы учтем влияние имевшего значительное распространение мадакистского учения.

Принадлежность росписей Варахши, равно как и Балаалык-тепе и Пянджикента, буддистам или христианам исключается. В них нет никаких следов хорошо известной буддийской или христианской иконографии.¹⁷⁴ То, что изображено на стенах дворца, чуждо этим религиям. Более чем сомнительно по тем же причинам была бы и связь живописи Варахши с манихейством. Во всяком случае, ни в Пянджикенте, ни в Балаалык-тепе, ни на Варахше — нигде нет типичных манихейских монахов в их характерных костюмах и головных уборах; нет сходства и в других фигурах и сценах.¹⁷⁵

Следовательно, росписи всех этих трех памятников можно, по-видимому, связать с местной согдийской религией, маддейской и дуалистической, преобладавшей в долине Зеравшана, одним из культовых атрибутов которой являлись курьяницы-жертвенники, изображенные в живописи Варахши и Пянджикента. Их упрощенной разновидностью можно считать глиняные курьяницы из Балаалык-тепе и из долины Кашка-Дарьи.

* * *

Дальнейшую эволюцию искусства феодальной эпохи Средней Азии мы можем проследить по остаткам резного алебастрового декора, относящегося уже ко времени арабского завоевания.

¹⁷³ Отголоски местных культов в виде поклонения и жертвоприношений духам вод, источникам, камням, деревьям сохранялись еще на нашей памяти. Интересно отметить, что обряд приношения в жертву петуха в день науруза в Бухаре («История Наршахи», стр. 28) сохранился в виде речитки в обычаях приготавливать в этот день блюдо с мясом петуха. Н. А. Кисляков («Сочинение Абу Бекра Мухаммада Наршахи „История Бухары“ как этнографический источник» — «Труды АН ТаджССР», т. XXVII, 1954, стр. 66) сообщает, что в Самарканде в этот день пищу готовили из всякой птицы: петухов, кур, куропадок, перепелов.

¹⁷⁴ Буддийская живопись близкого времени известна не только по росписям Аджанти и других мест Индии, Цейлона, Китая, Японии и т. п., но и по большому числу образцов из Восточного Туркестана и из Бамиана (A. Godard. Указ. соч. и другие публикации Французской археологической миссии в Афганистане). Стенные росписи христианского храма, правда, не особенно выразительные в смысле их христианской атрибуции, также имеются в Восточном Туркестане (A. von Le Coq. Chotscho. Berlin, 1913. Таф. 7).

¹⁷⁵ Манихейская живопись известна по некоторым росписям Восточного Туркестана и по найденным там же, в Илли-шари, миниатюрам из манихейских рукописей. См. A. Grünwedel. Alt-Kutscha. Berlin, 1920, abb. 67—72; E. Waldschmidt. Gandhara Kutscha, Turfan. Leipzig, 1925, S. 44 ff.; Б. П. Денике. Живопись Ирана, стр. 23 и сл., табл. 1—4.

Алебастровый декор остается еще связанным с искусством предшествующего периода. Ни в сюжетах, ни в художественном стиле алебастрового декора нет принципиальных отличий от стеной живописи. Поскольку можно судить по фрагментарным остаткам, здесь были представлены те же сцены охоты, те же фантастические животные-чудовища. Голова грифона на длинной шее, найденная в раскопках айвана, является точным повторением головы белого грифона из росписей Красного зала. Словом, в ступе мы встречаем тот же освещенный традицией мир образов. Не новым было и использование алебаstra в архитектурном декоре. Мы знаем о применении его в Средней Азии в весьма отдаленные времена по находкам Хорезмской экспедиции. Напомним голову грифона с городища Каалай-гыр, датируемую, по-видимому, IV в. до н. э. Остатки алебастровой скульптуры, близкие по времени к началу нашей эры, были найдены в раскопках Айртама: части пафьево, ухо с оттянутой длинной мочкой, фрагмент темени с окрашенными черной краской волосами, фрагмент одежды, алебастровые архитектурные детали (фрагменты аканфа)¹⁷⁶. Вне Средней Азии, но в областях, культурно-исторически с нею связанных, использование стукowego декора можно обнаружить почти повсюду. Алебастровый стук использовался в Индии, в Гандхаре и на территории Афганистана, например в Хадде, где были найдены статуи из алебаstra, по величине близкие к натуральной.¹⁷⁷ Большой интерес для нас представляет алебастровая резьба Кухи-Ходжа, время изготовления которой не может считаться еще установленным. По тем же соображениям, которые высказывались относительно живописи Кухи-Ходжи, датировка алебастрового декора, предложенная Херцфельдом¹⁷⁸, должна считаться слишком ранней. Сходство некоторых элементов этого декора с соответствующими памятниками сасанидского Ирана и стуком Варахши заставляет отнести к определениям Херцфельда весьма критически.

Возможно, ближе к истине дата, которую предложил еще до работ Херцфельда открывший этот памятник А. Стейн¹⁷⁹. На территории Бактрии стуковой декор известен также в нескольких местах: в Сурх-Кутале¹⁸⁰, Шутраке¹⁸¹, Бамиане и др.

На территории парфянского Ирана важно отметить стуковой декор дворцового здания в Ашуре, с плоской орнаментальной резьбой¹⁸², окрашенной некогда в яркие цвета. Очень интересен опубликованный Ф. Сарре фриз из Хатры¹⁸³, изображаю-

¹⁷⁶ М. И. Вязьмин. Указ. соч., стр. 25.
¹⁷⁷ J. Baroucq. Les fouilles de Hadda. — MDFA, III, 1930, (альбом фотографий).

¹⁷⁸ E. Herzfeld. Archaeological History of Iran, p. 66.
¹⁷⁹ A. Stein. Innermost Asia, vol. II, p. 912. Автор осторожно определяет памятник как «домухаммеданский».

¹⁸⁰ D. Schlumberger. Le temple de Sourh-Kotal..., p. 183.

¹⁸¹ J. de Meunié. Указ. соч., стр. 66—69.
¹⁸² O. Reuther. Parthian Architecture. A History. — SPA, I, p. 411—444.

¹⁸³ F. Sarre. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1923, S. 28—29, Таф. 62.

щий солнечное божество, животных и человеческие маски. Возможно, к парфянскому же времени относятся найденные где-то в Месопотамии ориентализированные коринфские капители с схематично трактованным человеческим бюстом на одной из них¹⁸⁴.

Многочисленные остатки резьбы по алебастру или по глине также и в буддийском искусстве Восточного Туркестана. Некоторые элементы сходства со стуком Варахши показывают фрагменты резного алебастра из окрестностей Хотана¹⁸⁵⁻¹⁸⁶. Остальные образцы стук, поскольку они известны по цитированным трудам С. Ф. Ольденбурга, Стейна, Грюнведела и Лекока, обнаруживают мало сходства с рассматриваемым стуком.

Близке к Варахше стоят рельефы из алебастра и глины в знаменитых пещерах Бамана, исследованных Французской археологической миссией¹⁸⁷.

Часть перечисленных образцов стук — фрагменты статуи Айртама и почти вся алебастровая лепка Восточного Туркестана — резко отличаются от варахшского резного алебастра техникой: они лепные, иногда отлитые в формах. Варахшскому стук, техника которого развилась, возможно, из обработки дерева, как лепка (без реза), так и отливка совершенно чужды.

Больше материала для сравнения с варахшским стуком дает этот вид декора из сасанидских памятников Ирана и Месопотамии. Здесь значительно больше сходства в использованных мотивах, в их трактовке и в технике изготовления¹⁸⁸. Сюда относятся прежде всего архитектурный декор нескольких построек в Ктесифоне, на левом берегу Тигра, в 40 км от Багдада, раскопанных в 1928—1932 гг. Мы встречаемся здесь в резном алебастре, как и в стук Варахши, с разнообразными мотивами орнаментального характера, начиная с простейших геометрических построений (зигзагообразные линии, квадратики, «перлы» и т. п.) и кончая более или менее сложными сочетаниями растительных пальметт, розеток, вьюна, плода граната, меандра и т. п. Наряду с этим имеются изображения животных: льва, куропатки, кабана, лошади, птиц. Есть и фрагмент крылатого коня-пегаса. Изображения человека представлены мужскими и женскими головами¹⁸⁹. Фоном для фигур кабана и медведя в архивольте айвана служит примитивно изображенный пейзаж, в котором вода показана спиральными завитками, горы — нагромождением больших треугольников, дерево — в виде кустика с ланцетовид-

ными листочками. За кабаном виден стилизованный тростник¹⁹⁰.

Интересный материал этого же рода обнаружен в 1931 г. американской экспедицией в Тепе-Гисар близ Дамгана. Из орнаментов его алебастрового декора отметим обрамление архивольта пальметтами с сердцевидной фигурой между ними. Орнамент составлен из мотивов, встречающихся в стук Варахши. Животный мир представлен здесь оленем, плывущим воду из условно и наивно изображенного ручья, и головой кабана в квадратной раме. В подобной же квадратной раме изображен женский бюст. Прическа женщины сходна с прическами голов-масок в стук из Южной ассирии, но характер лица и его моделировка значительно отличаются¹⁹¹.

В 1930—1931 гг. англо-американской экспедицией были раскопаны три дворца сасанидского времени в Кише. Найденные в них остатки позволяют частично реконструировать стуковой декор. В первом дворце реконструируется облицовка большой арки с архивольтом, состоящим из чешуйчатого валика, оканчивающегося развешивающимися лентами. Софит арки украшен как бы каскетами, в которых помещены женские бюсты¹⁹². Во втором дворце найдено 14 колонн и 14 царских бюстов: бюст царя был расположен в каждом междуколонном пространстве. Бюст этот определяется как изображение Шапура II (309—379 гг.). Кроме описанных элементов декора, встречены фрагменты орнаментальных мотивов, рельефы с изображением животных, в том числе льва, терзающего зебу. На рельефе сохранились остатки раскраски желтой, красной и голубой красками¹⁹³.

Фрагменты резного стук, поступившие из разных мест Ирана, находятся во многих европейских и американских музеях. К ним относятся опубликованные Ф. Сарре обломки рельефа, изображающего царя на охоте, на скачущей лошади, и голова царя в короне, а также фигуры птицы и барана¹⁹⁴. В Берлине хранятся происходящие из Месопотамии капители, изображающие голову в уборе, напоминающем чалму, между листьями акафа, и «колесо закона», помещенное между такими же листьями. Сарре относит их условно к парфянскому времени¹⁹⁵. Большой интерес для сравнения с подобными же деталями декора Варахши представляют фрагменты головы коня и конского торса с остатками шеи и ног, находящиеся также в Берлинском музее¹⁹⁶. Остатки рельефа с изображением царя верхом на коне есть в Пенсильванском музее. Царь поражает на этом рельефе копьём одного из двух

¹⁸⁴ Sarre. Die Kunst des alten Persien, табл. 63.
¹⁸⁵⁻¹⁸⁶ A. Stein. Serindia, vol. IV, pl. VII—X, табл. XXXVI—XXXVII.

¹⁸⁷ A. Hackin. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan, BdFA, III, 1933.

¹⁸⁸ J. Baltrušaitis. Sasanian Stucco. A. Ornamentale—SPA, I, p. 601—630; A. U. Pope. Sasanian Stucco. B. Figure—SPA, I, p. 631—640.

¹⁸⁹ O. Reuther. Die Ausgrabungen der Deutschen Ktesiphon-Expedition im Winter 1928—1929. Berlin: E. Kuhnle. Baudekor, Kleinfunde. Die Ausgrabungen der Zweiten Ktesiphon-Expedition. 1931—1932, Berlin, S. 16—25.—SPA, IV, 171, 178.

¹⁹⁰ Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, рис. 17.

¹⁹¹ F. Kimball. The Sasanian Building at Damghan.—SPA, I, p. 579 ff; SPA, IV, pl. 166—178.

¹⁹² L. S. Watelin. The Sasanian Buildings near Kish.—SPA, I, p. 588; fig. 17.

¹⁹³ Там же, стр. 584 и с. а.

¹⁹⁴ F. Sarre. Die Kunst des alten Persien, Taf. 103, 152; ер же. Figürliche persische Stückplastik. Amtliche Berichte aus K. Kunstsammlungen, Berlin, 1913, S. 181.

¹⁹⁵ F. Sarre. Die Kunst des alten Persien., Taf. 63.
¹⁹⁶ SPA, I, pl. 175.

находящихся перед ним кабанов. На голове царя сложная большая корона, грудь украшена ожерельем из «перлов». Сзади развешены типичные сасанидские ленты. Позади кабанов изображены стилизованные стебли камыша, сходные с подобными же изображениями на наскальных рельефах¹⁹⁷. Два интересных фрагмента имеются в Музее искусств в Чикаго: типичный сасанидский сенмурв в круге из «перлов» и голова мужчины в короне, определяемая как изображение Кавада (488—531 гг.)¹⁹⁸. Фрагменты резного алебастрового декора были найдены также в окрестностях Рея: группа бегущих вправо кабанов и бюст мужчины, расположенный между крыльями¹⁹⁹. Из развалин дворца в Низамабаде (между Реем и Верамином) происходят изображения двух женских голов в коронах²⁰⁰. Упомянем еще плитку из Музея искусств в Вустере, на которой изображен стоящий козел с большими рогами²⁰¹. Эта плитка подобна фрагменту, хранящемуся в Лувре, но на этом последнем изображение сохранилось хуже²⁰².

Наконец, интересный материал для сравнения дает дворец омейядских халифов Каср ал-Хайр ал-Гарби, расположенный на пути из Дамаска в Пальмиру. Этот дворец, близкий по времени к резному алебастровому декору Варахиш, был обильно украшен мозаикой, резным деревом, живописью и стуком²⁰³. Первые два вида декора сохранились лишь незначительными кусками. Живопись представлена в виде раскраски под мрамор или широких монохромных полос; иногда на стене нарисованы большие розетки и только в одном случае изображен в круге из белых «перлов» типичный сасанидский сенмурв²⁰⁴. Более содержательная живопись, изображающая музыкантов под арками, типично «сасанидскую» сцену конной охоты и др., обнаружена на фресках, которыми был украшен пол двух помещений²⁰⁵. Если одна из этих фресок, по заключению Д. Шламберже, навеяна мотивами иранского искусства, то вторая, где изображены кентавры и персонаж с змеей и фруктами, относится к греко-римским сюжетам²⁰⁶. В этом памятнике, как и в более ранних зданиях Дура-Европоса, мы снова встречаем то же соприкосновение культур иранской и греко-римской.

Стук во дворце Каср ал-Хайр использовался как для внутреннего, так и для наружного декора. Сходство с Варахшей заключается здесь прежде всего в сочетании плоской орнаментальной резьбы

декоративных панно, карнизов, бандажей, фонов с фигурами, изображенными высоким рельефом. В орнаментике Варахиш и Каср ал-Хайра есть также немало общего: фризы из листьев аканфа, меандры с розетками, ряды пальметок, сасанидские «перлы». Однако переплетение двух различных культур сказывается в алебастровом декоре Каср ал-Хайра не менее, чем во фресках. Среди человеческих фигур наряду с такими, которым можно приписать иранское происхождение²⁰⁷, есть и такие, в которых усматривается пальмирское влияние, а некоторые из них тонко моделированными складками одежды напоминают античные греко-римские образцы.

Как бы ни были велики различия между дворцом Варахиш и Каср ал-Хайра, элементы сходства между ними указывают на связи между достаточно отдаленными странами. Однако очень важно отметить, что ни в Иране, ни в Месопотамии парфянского или сасанидского времени в алебастровом декоре мы не найдем такого обилия орнаментальных мотивов и такой тонкости в их выполнении, как это наблюдается на Варахше. Хердфельд в одной из своих работ отмечает, что декор Кухи-Ходжа по качеству лучше аршакидской орнаментации в Месопотамии. Отсюда он делает вывод, что родину алебастрового декора следует искать в восточных странах²⁰⁸. Изумительные по узорам декоративные панно и своеобразная скульптура Варахиш прибавляют, на наш взгляд, еще один веский аргумент в пользу этой точки зрения. С мнением Хердфельда не согласился Д. Шламберже, считающий, что проблема возникновения техники резьбы по алебастру еще не решена и что искать ее в странах Восточного Ирана (т. е. Афганистана и Средней Азии) нет достаточных оснований. Он противопоставляет стуквому декору кирпичный, в виде фигурных выкладок, наиболее ранний образец которых сохранился в мавзолее Исманила Самани в Бухаре. Д. Шламберже видит в этом «восстановление и развитие очень древних местных традиций страны Оксуса»²⁰⁹. Его точка зрения основана на умозрительном построении: стуквое покрытие предназначается для того, чтобы закрыть, замаскировать структуру стены, что Д. Шламберже считает свойственным «западной половине иранского мира», в противоположность распространившемуся в «Восточном Иране» «греческому духу», выразившемуся в стремлении посредством орнамента яснее выразить конструкцию²¹⁰. В действительности возможны самые разнообразные сочетания обоих видов декора, что мы видим на том же мавзолее Исманила Самани, где наряду с высокохудожественной, исключительной по эффективности кирпичной фактурой стен есть и вставки стука: в каймах на порта-

¹⁹⁷ SPA, I, pl. 175.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же, табл. 176, 178.

²⁰⁰ Там же, табл. 178 А. 178 С.

²⁰¹ B. Perry Cott. A sasanian stucco plaque in the Worcester Art Museum.—AJA, V, 6, pt. 2, p. 166.

²⁰² G. Salles. Bas-reliefs en stuc acquis par le Musée de Louvre.—RAA, VIII, p. 107, pl. XXXIII.

²⁰³ D. Schlumberger. Les fouilles de Qasr el-Heir-el-Gharbi (1926—1938).—«Syria», t. XX, Paris, 1939, p. 195, 238, 324—373.

²⁰⁴ Там же, рис. 26.

²⁰⁵ D. Schlumberger. Deux fresques omeyyades.—«Syria», t. XXV, 1946—1948, p. 86 et suiv.

²⁰⁶ Там же, стр. 96—102.

²⁰⁷ D. Schlumberger. Deux fresques omeyyades, fig. 25 (голова женщины с гранатой в руке).

²⁰⁸ E. Herzfeld. Iran in the ancient East, p. 293—294. Того же мнения держится Дебуах (N. C. Debevoise. The Origin of Decorative Stucco.—AJA, 1941, p. 45—61).

²⁰⁹ D. Schlumberger. Le temple de Sourkh-Kotal... p. 183.

²¹⁰ Там же.

лах и в архивальтах тропов внутри. И тот, и другой приемы декора, без сомнения, связаны на территории Средней Азии с глубокой традицией²¹¹.

Вопрос о месте происхождения и развития алебастрового резного декора, конечно, нельзя еще считать решенным: требуется дальнейшее изучение и накопление фактического материала. Подчеркнем только, что мастерство резчиков по алебастру, украсивших варакшских дворцов, говорит о блестящей вполне сложившейся художественной школе, впитавшей древние местные традиции.

Возвратимся к некоторым сюжетам, изображенным в резном ступе Варахши, но не встречающимся в живописи.

Вереница куропаток, составлявшая, по-видимому, фриз, опоясывавший стены, так же как и шествие зверей, изображенных в живописи, восходит к чрезвычайно древним образам искусства Востока. Мы встречаем вереницы идущих или летящих птиц — символ неба и облаков — на множестве разнообразных предметов, от керамики и цилиндрических печатей из древних Суз²¹² до ритона и золотого диска ахеменидского времени из Кавказа²¹³. В более близкое к нам время этот сюжет встречается в живописи Бамнана²¹⁴ и Восточного Туркестана²¹⁵.

К чрезвычайно древним образам относится и изображение крылатого коня, встречающееся в классической форме еще в искусстве Древнего Шумера. Заимствованный, вероятно, с Востока мотив крылатого коня — Пегаса получил большое распространение в Греции и был включен в эпос в виде чудесного коня, вышедшего из тела Медузы и украшенного Беллерофонтом. Крылатыми были и кони, запряженные в колесницу Гелиоса — солнца²¹⁶. Изображения Пегаса в камне и в росписи греческих ваз весьма многочисленны. Вероятно, и на Востоке — родине образа Пегаса — он был связан с представлением о солнце²¹⁷. В кругу памятников, более близких к Варахше, мы находим изображение крылатых коней в росписях Бамнана, где они везут лунное божество и помещены над головой большого

колосса²¹⁸, а также на тканях из Астана²¹⁹, на тканях в музее Гиме в Париже²²⁰ и т. д. Интересные серебряные фигурки Пегасов, происходящие из Сибири, есть в собрании Эрмитажа²²¹. Протома фантастических крылатых коней помещены над головами сидящих людей в живописи Панджикента²²² и Варахши. Можно привлечь сюда также фигуры или протома крылатых коней на достаточно многочисленных нумизматических памятниках, начиная с монет ахеменидских сатрапов, Карфагена и целого ряда парфянских царей, чтобы получить достаточно яркое представление о распространенности этого мотива. Проник этот мотив и в живопись Дуьнухуана, где крылатые кони в кругах даны в несколько своеобразной трактовке.

Образ, также несомненно связанный с древними культово-космическими представлениями, встречающийся нами в нескольких образцах в резном алебастровом декоре Варахши — птица с женской головой. Самое древнее изображение этого сюжета мы нашли в искусстве Египта времени Древнего царства. Это сказочная бенну — душа Осириса, изображавшаяся в виде птицы с человеческой головой, иногда мужской, но чаще женской. Так же изображалась и бау — душа человека, летевшая, по представлениям, зафиксированным в Текстах пирамид, после смерти на небо, и становившаяся «хуу» — блестящей²²³.

У греков, заимствовавших с Востока наряду с множеством других и этот образ, он сделался одним из распространеннейших и часто повторяемых. Здесь он предстает в качестве таинственного существа, враждебного человеку. Это или сладкогласные сирены, заманивающие неосторожного морехода и губящие его²²⁴, или гарпии, похищающие души людей²²⁵. И сирены, и гарпии известны по памятникам искусства в большом количестве вариантов, в общих чертах сходных между собой: они изображают птицу с женской верхней частью туловища и головой, иногда с руками, иногда без них.

Широко распространен этот мотив и в странах эллинистического и послееллинистического Востока. Трудно сказать, пришел ли сюда этот мотив в греческой обработке и трактовке, или же, сохранившийся по традиции от более раннего времени, он только приобрел в некоторых случаях черты гре-

²¹¹ Примеры узорной фактуры кирпичной стены, не покрытой облицовкой, известны нам и в строительстве из сырцового кирпича времени до арабского завоевания. Стукловый декор, как показали находки Хорезмской экспедиции, восходит на территории Средней Азии к очень глубокой древности.

²¹² G. Contepas. Указ. соч., т. II, стр. 633; SPA, IV, pl. 4, 7.

²¹³ Там же, стр. 110, 118.

²¹⁴ A. Hackin. Nouvelles recherches archéologiques à Bamian, pl. XXIX.

²¹⁵ Изображение летящих уток в Тоюк-Мазаре (С. Ф. Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция. СПб., 1914, стр. 53).

²¹⁶ Беллерофонт также должен считаться божеством (Н. А. Куи. Легенды и мифы древней Греции. М., 1955, стр. 112, примечание).

²¹⁷ Бесом показано это в этом смысле изображение крылатого коня вместе с полумесяцем и звездами на одной из сумерских печатей (M. Riemschneider. Der Wettergott. Leipzig, 1956, S. 159, Abb. 11). Вообще образ крылатого коня известен у разных народов. Это восьмикрылый конь германского Водана. трехкрылый конь индийской Кали и т. п. (там же, стр. 149).

²¹⁸ A. Godard. Указ. соч., стр. 21—23, табл. XXI—XXII.

²¹⁹ A. Stein. Innermost Asia, vol. I, pl. XXX.

²²⁰ SPA, IV, pl. 202.

²²¹ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 59.

²²² «Живопись древнего Панджикента», табл. IX, XII.

²²³ Изображение души (бау) также в Книгах мертвых (см.: C. Bezold. Die Kulturwelt des alten Orients. — «Weltgeschichte, herausg. von Pflugk-Hartung», Bd. 3, Berlin, 1910, S. 73; М. Э. Матье. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956, табл. XXIV).

²²⁴ «Одиссея», перевод В. А. Жуковского, М.—Л., 1935, XII, 37—70.

²²⁵ Там же, I, 236—238; F. Justi. Geschichte des alten Persiens. Berlin, 1879, S. 26—27 (изображение гарпии, уносящей душу). В мифе о фракийском царе Финее гарпии, посланные в наказание ему богами, пожирают и оскверняют его плу.

Рис. 113. Деталь медного блюда из Ферганы (Ферганский областной музей)

ческого образа. Птицу-человека в эллинистическом варианте мы встречаем в Древней Индии (киннара, женск. род. — киннари). Ей, по словам С. Ф. Ольденбурга, приписывается функция небесного музыканта. Нередко птицы-люди изображаются парами: мужская и женская фигуры рядом²²⁶. Они выбиты на золотых и серебряных монетах династии Гупта, их же мы встречаем и на медной печати Кумара-Гупта (414—452 гг. н. э.). Интересный вариант этого сюжета, сильно китанизированный, но все же сохраняющий традиционный облик, имеется в росписях буддийских пещер в Куче, опубликованных А. Грюнведелем. Есть этот образ и в сибирских древностях в виде золотого изображения птицы с женской головой и распущенными крыльями²²⁷.

Образ птицы-женщины, слившийся с образом птицы хума, приносящей счастье²²⁸, долгое время жила в Средней Азии и Иране, что нашло отражение в появлении многочисленных вариантов его, помещавшихся на металлической посуде и других предметах не только в XI—XII вв. (рис. 113), но вплоть до нашего времени, например на самаркандских табакерках насадку (рис. 114). В народном искусстве сохранилась память о связи этого образа с древними космическими представлениями и древней магией. Недаром в изображениях на насадку птица хума сопровождается изображениями солнца, звезд, коня и всадника. По свидетельству Х. Т. Зарифова, чудесная птица «симург» или «хумо», тень от которой, падая на человека, делает его «хумоуном» — счастливым — и дает ему царскую власть.

²²⁶ С. Ф. Ольденбург. Гандхарские скульптурные памятники Государственного Эрмитажа. Записки Коллегии востоковедов, т. V, Л., 1930, стр. 147; изображения киннари см. у Г. Кириандко («Хотанские древности из собрания Н. Ф. Петровского»). ЗВО, т. IX, стр. 169, 190.

²²⁷ В. В. Радлов. Указ. соч., т. I, вып. 3, стр. 127.

²²⁸ С. Казвини. Аджал-у-аху махлуат (XIII в.). Лук-нов, 1874.

живет наравне с крылатым конем в узбекском фольклоре²²⁹.

Таким образом, в трех сюжетах, представленных резным стуком: шестив птиц, крылатом коне и птице-женщине, мы сталкиваемся с древними образами, распространенными на обширных территориях и жившими на протяжении тысячелетий. Они — свидетели сложных путей, пройденных искусством среднеазиатских народов.

Несколько иное положение занимает сюжет, на котором необходимо особо остановиться: изображение конного охотника, представленное в относительно поздних, как мы определили, фрагментах живописи, найденных в Восточной анфиладе, и на алебастровом торсе воина из Южной анфилады. В этом сюжете прослеживаются несколько иные связи: старинные традиции, восходящие к сако-массагетским племенам Средней Азии, и какие-то контакты с киммеро-скифо-сарматской средой Восточной Европы.

Всадник в фрагментах живописи Восточной анфилады, как это видно из приведенного выше описания, стрелет, обернувшись назад. Такую же позу можно угадать в повороте туловища и положении плеч алебастрового торса.

Среди большого количества изображений всадников в искусстве Востока и Запада можно выделить достаточно многочисленную группу, характеризующуюся той же особенностью.

Для времени, более близкого к живописи и стуку Варахши, мы можем назвать прежде всего три варианта этого мотива на серебряных блюдах Эрмитажа. На первом из них²³⁰, относительно которого сделана попытка определить его среднеазиатское, точнее — согдийское происхождение²³¹, изображен скачущий влево всадник, стреляющий в поднявшегося на задние лапы льва. Лошадь показана в «летящем галопе», который сам по себе является яркой особенностью восточного искусства. Всадник одет в короткий камзол. Он стрелет, повернувшись назад, к зверю, отгибая тетиву к правому плечу. На голове его надета только повязка-диадема, поддерживающая волосы; на ногах — высокие сапоги. Ноги вставлены в стрелы; на поясе висит длинный прямой меч с несколько согнутой рукояткой и коротким прямым перекрестьем. В той же композиционной схеме и в точности в той же позе изображен всадник на втором блюде²³², но здесь он одет в сасанидский царский костюм с ха-

²²⁹ Интересно отметить, что образ вещей птицы с женской головой вошел и в русское искусство. Здесь он встречается во фресках храмов, в скульптурах, украшающих соборы Владимира-Суздальской Руси, и на множестве предметов бытового искусства: на сувенирах, прялках, в набойках и т. д. Днякое имя этого образа указывает на его греко-византийское происхождение («Симург» от греч. *simurg*), то на заимствование с Востока («Гаммаюн» от перс. *gāmāyūn*).

²³⁰ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XXXIII, 61; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 3.

²³¹ Н. И. Забелина, А. И. Ремпель. Согдийский всадник. Ташкент, 1948.

²³² Я. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 6.

Рис. 114. Самаркандская насадка

рактерным «апезаком». На голове у всадника царская корона, по которой он признается Шапуром II (309—379 гг.). Сложный лук и прямой меч сходны с вооружением первого всадника. Третий всадник этого типа, охотящийся на баранов, изображен в нижнем сегменте блюда, на котором представлен царь на троне, окруженный свитой. Как предполагается, на троне изображен Хосров I Ануширван (531—579 гг.). И здесь мы видим коня в «летащем галопе» и всадника, стреляющего назад, вооруженного, как и первые два, сложным луком и прямым мечом. В отличие от первого, два последних всадника изображены без стремя. Носки ног их опущены вниз.

На территории Ирана всадник-стрелок, оборотившийся назад, представлен на фрагменте стукového декора, опубликованном Ф. Сарре²³⁴. Подобный же всадник есть и в росписях Дура-Европоса, где он включен в живописную композицию явно иранского происхождения²³⁵.

Насколько нам известно, таких изображений стрелков, оборотившихся назад, на Западе нет²³⁶. Зато севернее мы находим их в Сибири. Примером могут служить бронзовые бляхи из курганов Копен-

ского чаатаса в Хакассии²³⁷, где всадник на коренном крепком коне, скачущем тем же самым «летающим галопом», стреляет назад из сложного лука. Подобную же манеру стрельбы мы можем видеть в рисунках на скале около улууса Сулек в Хакассии, относящихся к культуре енисейских кыргызов²³⁸.

Можно отметить в этой связи также изображение скачущего всадника в росписях танского времени в пещере № 130 в Дуньхуане. Всадник, одетый в легкую одежду, стреляет, также повернувшись назад.

О еще более далеких территориально и по времени связях свидетельствует изображение предполагаемого киммерийца на этрусской вазе VI в. до н. э., представляющей собой копию с более старого изображения греческой вазовой живописи²³⁹. Всадник в острокопечном колпаке, напоминающем войлочные шапки саков тиграхауд, сидя на высоком стройном коне, стреляет назад из сложного лука. В изображении киммерийца или представителя другой народности из евразийских степей нашла отражение та манера верховой езды и конной стрельбы из лука, которая сложилась в глубокой древности, надо полагать, в евразийских степях.

О племенах, населявших эти степи, в частности о саках, а затем о парфянах, античные греческие и римские источники в один голос говорят как о несравненных наездниках и не имеющих себе равных стрелках из лука. Недаром по Геродоту (I, 73), именно сакам было поручено Киакаром Мидийским обучение мальчиков стрельбе из лука.

Древние авторы не раз отмечали и характерную особенность стрельбы из лука «по-скифски». Климента Александрийский («Ковры», IV, VIII, 62) говорит о савроматских и сакских женщинах, которые наравне с мужчинами стреляют из луков, обернувшись назад и притворяясь бегущими. Следует привлечь также свидетельство Плутарха («Марк Красс», 18) о парфянах, которые убежали при столкновении с более сильным противником, не переставая пускать стрелы. «В этом они после скифов искуснее всех».

Возможность стрелять, оборотившись назад, обеспечивалась манерой натягивать тетиву лука не к груди, а к плечу²⁴⁰. Легко себе представить, что, оттягивая тетиву к груди, всадник в лучшем случае мог бы выстрелить только в сторону, но не мог бы стрелять назад. В этом отношении интересно сообщение Порфирия («Гомеровские во-

²³⁷ Л. Евтюхова, С. Киселев. Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 167; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 605, 620 и сл.

²³⁸ С. В. Киселев. Указ. соч., табл. XV.

²³⁹ Прорисовку этого изображения см.: «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 529.

²⁴⁰ Мы не касемся здесь вопроса о «восточном» или «монгольском» приеме натягивания лука согнутым большим пальцем, о котором говорит К. А. Иностранцев («Саянские этюды», СПб., 1909, стр. 71), так как положение пальцев у нашего всадника проследить нельзя. См. об этом также: Н. Н. Забелина, Л. И. Ремпель. Указ. соч., стр. 4—5.

²³⁴ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 13.
²³⁵ F. Sarre. Figurliche persische Stückplastik, S. 181; его же. Die Kunst des alten Persien, Taf. 152.

²³⁶ M. Rostovtzeff. Dura-Europos and its art, pl. XVII.

²³⁷ Известное нам исключение — всадник, стреляющий «по-скифски», на византийском лагиде из слоновой кости, появившийся, несомненно, под иранским влиянием (D. T. Gibson. Iranian Elements in Byzantine Art. — «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии», табл. XXXVII).

просы» К II, VIII, 323), где на «вопрос о Тевкре, в которую руку он ранен и тянет ли он тетиву к плечу, подобно скифам?» следует замечание: «Ибо так думал Неотел, написавший целую книгу о стрельбе из луков в героический период и свидетельствующий, что критяне тянут тетиву к груди и делают натягивание кругообразным, тогда как скифы тянут не к груди, а к плечу».

Несомненно связь этой манеры стрельбы из лука с тактикой конного боя, что особенно наглядно выступает в истории парфяно-римских войн, когда легкая конница парфян, осыпая противника дождем стрел, притворно отступала, завлекая его в глубь своего боевого порядка, под удары тяжелой конницы. Особенно типичным было сражение при Каррах (53 г. до н. э.), окончившееся полным поражением римлян и гибелью их полководца Красса. Скифская тактика боя и стратегия ведения войны, заключающаяся в завлечении противника, была, по-видимому, присуща вообще народам евразийских степей. В сочинениях Элия Аристиды²⁴¹ (II в. н. э.), комментируя слова Аристиды «не говорю о скифах, как они победили бегством», схоласт замечает: «автор нашел у скифов неожиданный пример того, как убегающие побеждают, то есть что бегство является способом победы».

От всадников неотделимы их коренные крепкие лошади. Они должны были быть отлично выезженными и обученными, так как при стрельбе на скакующем коне обе руки всадника заняты и повода он вынужден бросить. Высоко должно быть при этом и искусство наездника. Недаром саки, «стрелами бьющиеся, из всех стрелков самые искусные, не пускающие стрел наудачу», пользовались в древнем мире, по отзыву Дионисия Перигетя, особой славой.

Приведенные нами примеры изображают конных охотников, вооруженных луком, колчаном со стрелами и в некоторых случаях мечом. Но в живописи Варахши на западной стене Восточного зала изображены всадники иного облика — законная в броню конница. Это катафракты — тяжеловооруженные воины, известные нам в парфянском войске, те самые катафракты, которые нанесли тяжелое поражение войскам Красса, разгромившим тучей стрел легких кавалеристов. Согласно сообщению Плутарха («Марк Красс», 21), тяжелая кавалерия составляла лишь относительно небольшую часть парфянского войска и комплектовалась исключительно из представителей аристократии. Большинство же конного войска состояло из легковооруженных сагиттариев, «рабов немногих парфянских нобилей»²⁴². Конница катафрактов, как это показал в своем этюде, посвященном битве при Каррах, С. П. Толстов²⁴³, решила исход битвы²⁴⁴.

О том, как выглядели парфянские катафракты и сагиттары, мы можем судить по граффити, продававшимся на стенах домов в Дуре-Европосе. Катафракты одеты в конический шлем с бармицами и маской, закрывающей лицо. Все его тело, включая руки и ноги, заковано в броню. Чешуйчатым панцирем покрыта также и лошадь. Вооружен воин копьем²⁴⁵. Сагиттары, вооруженный сложным луком, форма которого, по заключению М. Ростовцева, типична для иранского искусства в целом и известна по сарматским могилам на Волге; он не имеет защитного вооружения²⁴⁶.

Изображения тяжеловооруженных конных воинов, называемых то катафрактами, то клибанариями²⁴⁷, равно как и описания их достаточно многочисленны и относятся к различному времени и к разным народам.

Тяжеловооруженные всадники были еще у Ахеменидов (Ксенофонт. Киропедия, VI, 4, 1; VII, 1, 2); они известны в войсках Александра Македонского. Термин «катафракты» (Полибий, XXXI, 3, 9) впервые появляется, по-видимому, в войске Селевкидов. Известна кавалерия этого типа также и в южнорусских степях²⁴⁸, в частности у сарматов (Тацит. История, I, 79). Значительно и упоминание Геродотом (I, 215) медных нагрудных панцирей для лошадей у массагетов.

Из более поздних вестественных памятников, близких по времени к варахшской живописи, могут быть привлечены два серебряных блюда Эрмитажа. Первое из них — уже упоминавшееся Анниковское блюдо, изображающее осаду замка конными воинами. Числившееся раньше в составе так называемого сасанидского серебра, это блюдо рядом советских исследователей было определено

но места легковооруженным конным стрелкам парфян, которые «бегали (перед превосходящим их силой противником), не переставая пускать стрелы» (Плутарх. Марк Красс, 18). Отсюда происходит и слишком резкое противопоставление тактики парфянского полководца Сурыни «скифской тактике». Может быть, правильно здесь было бы видеть сочетание старинной «скифской» тактики сако-массагетских племен с новой тактикой плотных масс тяжеловооруженной конницы, что и явилось роковой неожиданностью для римлян.

²⁴⁵ М. Ростовцев. Graffiti..., p. 215—217, pl. XXII, 2. См. также описание парфянской кавалерии у Юлиана и Аммиана Марцелина (там же, стр. 217).

²⁴⁶ Там же, стр. 215, табл. XXI, 1.

²⁴⁷ Нередко эти два термина употребляются один вместо другого, как в «Истории Августа» (56, 5): «catafractos quos illi (Persae) clibanarii vocant». (P.—W., III, Sp. 1783). Возможно, слово «клибанарий» и есть искаженное парфянское (или взятое из другого восточного языка) название катафрактов (P.—W., VII, Sp. 21—22). Все же можно установить, что термин «клибанарий» появился позднее. Так назывались вооруженные броней всадники Поздней Римской империи. По мнению Ростовцева, они «отвратили тип более ранних катафрактов Сурыни, но с некоторыми усовершенствованиями в экипировке» (M. Ростовцев. Graffiti..., p. 221).

²⁴⁸ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. XXIX, XXXI, XXXIV, XXXVIII. Цифр. 3, 309, pl. 78—79.

²⁴¹ В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 298—299.

²⁴² M. Rostovtzeff. Graffiti..., p. 96.

²⁴³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 211 и сл.

²⁴⁴ С. П. Толстов, на наш взгляд, преувеличил роль тяжеловооруженных катафрактов, не уделив достаточ-

как произведение семесла Средней Азии. Второе — серебряное блюдо, найденное в селении Кулагши в Прикамье, изображает поединки двух витязей в пластинчатых панцирях²⁴⁹.

На первом из этих блюд, несмотря на небольшой масштаб изображенных фигур, отчетливо видно вооружение всадников, во многом похожее на то, которое представлено в живописи Варахши. Чрезвычайно сходны шлемы с шишаками и, кажется, такими же наносниками. Шея закрыта, очевидно, кольчужной бармицей. Всадники одеты в пластинчатые панцири, покрывающие все тело, руки и ноги. Ноги вставлены в стремена. К защитному вооружению относятся также небольшие круглые щиты, подобные такому же щиту, сохранившемуся на одном из фрагментов стука из Южной анфилады. На одном из коней (справа внизу) ясно заметен также пластинчатый панцирь, покрывающий переднюю часть туловища и круп коня. Сходны отчасти с варахскими и прямые мечи с перекрестием. На Варахше мы видим такие рукоятки меча у витязя и погонщика слона в Красном зале; сохранилось одно такое перекрестие и в фрагментах стука. Отличается от варахских изображений колчан, расширяющийся книзу. Колчаны в живописи и в стуке варахского дворца несколько расширены вверх. Ясно изображены оперенные концы стрел.

Следовательно, тип вооружения в целом очень близок к варахскому, но последняя деталь — форма колчана — напоминает значительно ближе восточнотуркестанские колчаны из росписей пещеры Майя в Кызыле²⁵⁰. Вообще надо сказать, эти всадники из Кызыла, отличаясь некоторыми особенностями²⁵¹, очень близки к всадникам как Аниковского блюда, так и Варахши.

На втором блюде (с изображением поединка витязей) защитное вооружение значительно отличается от варахского. На головах их одеты странные шлемы с тремя коническими острями. Кольчужная бармица показана сплошной, закрывающей не только шею, но и грудь. Тело защищают длинные, спускающиеся до колен пластинчатые панцири. Пластинчатой броней одеты, по-видимому, и ноги. Несмотря на своеобразный шлем, не имеющий пока аналогий в других произведениях изобразительного искусства, вооружение этих витязей необходимо отнести также к среднеазиатскому кругу, что доказывается сходством его с вооружением воинов в росписях Пянджикента²⁵².

Многие элементы этого вооружения: бармицы, панцири, круглые маленькие щиты, кинжал, перекрестия мечей (мечи изображены сломаанными) и боевые топоры — табарзин или табар-загул — ходят параллель и в оружии, изображенном в памятниках Варахша. Тяжелое защитное вооружение воинов указывает, что это не пехотинцы, а сошедшие с коней после долгой борьбы всадники (на длительность и упорство поединка указывает множество поломанных предметов вооружения), заканчивающие свой героический бой пешими. Следовательно, это те же «катафрактарины» или «клибанарины» — представители знатной, привилегированной части войска.

К интересующей нас теме следует отнести также изображение всадника, несомненно, знатного дехкана, на щите, найденном в замке на горе Муг в Таджикистане²⁵³. Всадник одет в длинную одежду, представляющую собой, судя по горизонтальным полосам, подобным полосам на панцире варахских всадников, также пластинчатый панцирь. К сожалению, голова и ноги всадника на щите не сохранились, что не дает возможности судить о его шлеме и обуви. Близки к соответствующим предметам, изображенным в Варахше, прямой меч и кинжал, прикрепленные к поясу посредством характерных обойниц.

Живопись Варахши и данные других памятников дают возможность достаточно отчетливо представить себе вооружение среднеазиатской дехканской кавалерии. Позволю себе остановиться на его отдельных элементах.

Основным наступательным оружием был лук со стрелами. Изображения лука мы находим в Красном зале, где им вооружен один из погонщиков слона, и в руках конного охотника на фрагменте из Восточной анфилады. Небольшой фрагмент с изображением части лука есть в резном стуке. Если в первом случае лук не имеет характерного З-образного изгиба и может быть простым²⁵⁴, то в двух других, вне всякого сомнения, показан именно сложный лук. Этот сложный лук, отличающийся большей прочностью и упругостью, представлен на многих известных нам памятниках. Его мы видим в руке пешего воина в росписях Пянджикента²⁵⁵, на серебряных блюдах Эрмитажа, в частности на тех, которые могут претендовать на среднеазиатское происхождение²⁵⁶, на предметах, отнесенных К. В. Тревер к греко-бактрийским²⁵⁷ и т. п. Сложный лук весьма широко представлен в наскальных изображениях

²⁴⁹ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 21.

²⁵⁰ A. Grünwedel. Alt-Kutscha, Taf. XLVI—XLIX.

²⁵¹ Например, шлемы здесь не имеют бармиц, вместо этого панцирный камзол снабжен высоким воротником, закрывающим шею. Отличается и посадка, как отметил М. М. Дзяконов («Росписи Пянджикента...», стр. 152): без стремли, с носками ног, опущенными вниз, тогда как всадники Варахши, Аниковского блюда и Пянджикента («Живопись древнего Пянджикента», табл. XXXIII) опираются на стремена.

²⁵² «Живопись древнего Пянджикента», табл. XXV. XXXV.

²⁵³ «Живопись древнего Пянджикента», табл. V.

²⁵⁴ Впрочем, согнутые в обратную сторону концы лука могли бы указывать здесь и на сложный лук, но очень сильно натянутый, до выпрямления изогнутой середины. В Средней Азии до середины XIX в. употреблялись, по-видимому, оба вида лука. И тот, и другой представляли, в частности, в коллесах Бухарского областного музея.

²⁵⁵ «Живопись древнего Пянджикента», т. XXXV.

²⁵⁶ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 3, 6, 11, 12, 14, 15, 20, 21. Изображение простого лука на предметах этого рода мы нигде не обнаруживали.

²⁵⁷ К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 22—24.

ях енисейских кыргызов около Суека в Хакасии²⁵⁸, в бронзовых рельефах из Копенского чаатаса²⁵⁹, в живописи Восточного Туркестана²⁶⁰ и Дуньхуана.

Этот тип составного лука распространен от Кавказа до Китая, а некоторые разновидности его — до Японии. Сложный или составной лук был известен в более простой форме в древнем Египте. Его делали из дерева и рогов антилопы еще в период Древнего царства, а более сложный и совершенный — из дерева, рога, жил и растительного лыка найден в одной из гробниц XXVI династии²⁶¹.

Сложный лук, судя по клинописным текстам, употреблялся также и в древней Ассирии²⁶². Однако при наличии составных луков как в Египте, так и в Ассирии, основным видом лука оставался, по-видимому, простой деревянный. Именно его мы видим на большей части ассирийских рельефов, изображающих царя и его воинов. Древнеперсидский лук связан с луком Ассирии. Судя по изображению царских гвардейцев на известном майоличном фризе из Суз, этот лук не имел изгиба в середине и похож на простой, но он был сложен, вероятно, спирально изогнутыми надставками на концах²⁶³. Поэтому можно вполне согласиться с А. фон Лекком, который отвергает мнение А. Грюневелда, называющего подобные нашим луки, изображенные в росписях Восточного Туркестана, персидскими²⁶⁴.

Лук, изображающийся в росписях Варахши, Пянджикента, Восточного Туркестана и Дуньхуана, на большей части предметов «восточного серебра» и т. п., представляет собой тип, который Э. Ленц называет среднеазиатским и турецким и противопоставляет его персидскому, отличающемуся меньшей кривизной, и еще менее согнутому длинному индийскому²⁶⁵.

В Средней Азии наряду с простым луком был издавна известен и сложный, составной²⁶⁶. Обладки сложного лука неоднократно находили при раскопках. Назовем хотя бы находку такой обкладки в комплексе Джеты-Асар, датируемой второй половиной I тыс. до н. э., а также в могилнике у

станции Кую-Мазар (II—I вв. н. э.)²⁶⁷. Остатки сложного лука, склеенного из многих слоев дерева и снабженного костяными обкладками, были найдены в одном из помещений дворца Топрак-кала²⁶⁸.

Есть все основания считать, что именно сложный лук и являлся основным для Средней Азии типом этого вида оружия²⁶⁹. Кстати, и лук, концы которого высвываются из налучья в изображении всадника с горы Муг, судя по характерному крутому изгибу этих концов, может быть также отнесен к числу сложных²⁷⁰.

Налучье в росписях и стук Варахши нигде не представлено. Что же касается колчана, то и живопись, и стук дают один и тот же тип: несколько суживающийся книзу с орнаментированным плечевой «перелом» верхним краем. Из колчанов торчат оперения стрел.

С. П. Толстов считает колчан, суживающийся вниз, персидским и противопоставляет его расширяющимся вниз колчанам, изображенным на Аниковском блюде и серебряной чаше, которая определяется им как хорезмийская²⁷¹. Этот тип колчана характерен для многочисленных памятников Алтая и Минусинского края²⁷², кыргызских писаниц на Енисее²⁷³, живописи Восточного Туркестана²⁷⁴.

Вместе с тем, колчаны с расширенной верхней частью встречаются в изображениях на многих серебряных блюдах Эрмитажа²⁷⁵. К этой же категории может быть причислен колчан, изображенный на правом боку всадника в Пянджикентской живописи²⁷⁶. Найдем мы его и в стеновых росписях

²⁶⁷ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник, стр. 215, рис. 13.

²⁶⁸ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948), стр. 34—35.

²⁶⁹ Возможно, этот тип лука, как считает А. Лекко (A. von Le Coq. *Bilderatlas*, S. 19), сложился на севере Азии, где он и был широко распространен. См. интересное описание сложного лука, состоящего из безротового дерева, рога, кости и сухожилий, и обмотанного берестой, у Б. Э. Петри («Орнамент Кудинских бурят», — *Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Российской Академии наук*, т. V, вып. 1, Пг., 1918). Изображение лука, обмотанного берестой, обнаружено Лекком в живописи ceilings храма IX в. в Везеклае (A. von Le Coq. *Cholsai*, Taf. 33).

²⁷⁰ Сказанное, по-видимому, в полной мере относится как к налучьям в живописи Пянджикента («Живопись древнего Пянджикента», табл. XXXV), так и в Восточном Туркестане, в росписи пещеры Майя в Кызыле (A. Grünwedel. *Alt-Kutscha*, Taf. XLVI, XLVII). И те и другие достаточно ясно повторяют своими очертаниями контур сложного лука со спущенной тетивой.

²⁷¹ «Живопись древнего Пянджикента», стр. 216, табл. 87.

²⁷² Л. Евтюхова, С. Киселев. Указ. соч., стр. 147.

²⁷³ С. В. Киселев. Указ. соч., табл. X.

²⁷⁴ A. von Le Coq. *Bilderatlas*, Abb. 33, 34, 95, 98. Лекко приводит изображения подобного же колчана с расширенной нижней частью из гробницы танского императора Тайцзуня (626—649 гг.) (там же, рис. 99).

²⁷⁵ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 5, 10, 12, 14, 15.

²⁷⁶ «Живопись древнего Пянджикента», табл. XXXV.

²⁵⁸ С. В. Киселев. Указ. соч., табл. LX.

²⁵⁹ Там же, табл. LVII.

²⁶⁰ A. von Le Coq. *Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittel Asiens*. Berlin, 1925, S. 19—20. Taf. 32, 101, 103.

²⁶¹ И. М. Лурье. История техники Древнего Египта, стр. 235—237.

²⁶² Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флитнер. История техники Древнего Двуречья.— «Очерки по истории техники Древнего Востока», М.—Л., 1940, стр. 118.

²⁶³ Примеры изображений древнеперсидского лука см. SPA, IV, табл. 134, 140.

²⁶⁴ A. von Le Coq. *Bilderatlas*, S. 19—20.

²⁶⁵ Э. Ленц. *Собрание оружия*.— «Указатель Отдела средних веков и эпохи Возрождения», т. 1. «Государственный Эрмитаж», СПб., 1908, стр. 50—51.

²⁶⁶ Это обстоятельство было уже отмечено К. Г. Рудо («К вопросу о вооружении Согда».— «Сообщения Республиканского краеведческого музея ТаджССР», вып. 1, 1952, стр. 61—63).

Восточного Туркестана²⁷⁷. Нам кажется возможным предположить, что оба эти типа колчанов существовали в Средней Азии. Барахский колчан, возможно, связан с южными районами и объяснен своим возникновением колчанам Ассирии и древнего Ирана, второй же тип (расширяющийся вниз) возник в более северных районах, теснее связанных с Центральной и Северной Азией. В отличие от колчанов, которые на древнем Востоке носили за спиной, и скифских горитов, носимых на левом боку, и тот, и другой типы колчанов в Средней Азии привешивались на ремнях к поясу справа.

О стрелах, судя по нашим изображениям, мы можем сказать только, что они имели оперение. Ни числа перьев, ни характера наконечников установить по ним нельзя. Зато в результате археологических работ, проведенных в основном в послевоенное время, мы получили значительное количество наконечников стрел в натуре. Древнейшими из них являются бронзовые. Все они втульчатые, но различной величины и формы. Среди них есть листовидные двухлопастные, которые, по аналогии со скифскими стрелами, могут быть датированы временем до VI—V вв. до н. э.²⁷⁸

Значительно большим количеством находок представлены более поздние «скифо-сарматские» наконечники стрел, литые из бронзы — втульчатые, трехгранные и трехперые. Они различны по форме, но невелики по размерам: от 2,5 до 3,2 см. Датируются они временем с V по II вв. до н. э.²⁷⁹, но не исключается возможность, что в качестве пережитка этот тип наконечников сохранился еще в течение одного-двух столетий, на что как будто бы

²⁷⁷ В. «Stadthölle» Сорчука (A von Le Coq. Bilder-atlas, Abb. 65).

²⁷⁸ По Б. Н. Гракову («Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов», —Сб. «Техника обработки камня и металла», М., 1930, стр. 72), такие стрелы появляются в Восточной Европе в VII в. до н. э., а с половины VI в. до н. э. сменяются трехгранными. Того же мнения придерживается А. В. Арциховский («Введение в археологию», М., 1954, стр. 113). В Средней Азии аналоги нашей находке довольно многочисленны. Такого типа наконечники стрел известны в Хорезме, с Кой-Крылаш-калы, относящийся к С. П. Толстовым к каппадокскому времени («Древний Хорезм», стр. 88, рис. 24), в Кобадане (Кобадан-1), в слое, датируемом VII—VI вв. до н. э. (М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафрингана, стр. 280, рис. 19), в Туркмении (Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кале в Старом Мерве. — «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 36, рис. 1; В. М. Массон. Памятники культуры арханского Дахстана в юго-западной Туркмении. — «Труды ЮТАКЭ», т. VIII, 1956, стр. 399 и 420; Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке, СПб., 1912, стр. 138), в Семиречье (А. Н. Бершпаш. Чуйская долина, стр. 108, табл. XL1), на Восточном Памире (А. Н. Бершпаш. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алау, рис. 135, 117—120) и др.

²⁷⁹ Находки этого типа наконечников стрел на территории Средней Азии весьма нередки. Сошлемся на наличие таких наконечников во многих местах Хорезма, по большей части собранных на поверхности, как и у нас на Варахше: на Кюзелы-гире, Джанбас-кале, Аяз-кале, Топрак-кале и др. (С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 79, 89, 110, 121, 122, 129, 130).

указывает находка их в верхних слоях раскапывавшегося В. Д. Жуковым городища Аяз-тепе № 2²⁸⁰. Железные черешковые наконечники стрел, по-видимому, не сразу вытеснили старый тип и на протяжении некоторого времени сосуществовали с ним. Железные трехлопастные наконечники стрел в различных вариантах, отличающихся размерами и формой лопастей, обнаружены на территории Средней Азии во многих местах: на Чуйском канале и в Семиречье, в Каунчи-тепе, в Ферганских Мугхонах, в Тешик-кале, в Пянджикенте, в погребениях Туп-хона на Кафринганах, на юге Туркменистана и др.²⁸¹ Эти наконечники датируются в весьма широких пределах. Вне всякого сомнения, древнейшие образцы их восходят к первым векам до нашей эры. На территории Бухарского оазиса такие стрелы известны из погребений Куо-Мазаарского могильника, раскапывавшегося археологической экспедицией Института истории и археологии АН УзССР в 1952 и 1953 гг. Эти наконечники различной величины — от 3,5 и почти до 10 см длиной (с черешком). Все они могут быть датированы рубежом начала нашей эры с некоторым отклонением в ту и другую сторону²⁸².

На Варахше железные черешковые наконечники стрел мы обнаружили непосредственно на полу одного из помещений Южной афилады (см. рис. 18). По месту находки под слоем земли со строительным мусором и большим количеством фрагментов резного стука их нельзя отнести к времени старше VIII в. н. э. Они сильно проржавели и большая часть их дошла до нас в таком плохом состоянии, что форма наконечника разгадывается с большим трудом. Лучше других сохранившийся наконечник имеет длину 8,5 см, из которых 4,25 см приходится на черешок. Лопастей широкие, с округлым внешним краем. У второго наконечника

²⁸⁰ В. Д. Жуков. Материалы к изучению баш-тепн-ской группы памятников в западной части Бухарского оазиса. — «Труды ИИА АН УзССР», вып. VIII, 1956, стр. 202. Вряд ли можно согласиться с автором, что эти наконечники характерны для кушанского времени, так как, по-видимому, еще до начала нашей эры распространяются железные черешковые наконечники, о которых мы говорим ниже. С. П. Толстов («Древний Хорезм», стр. 32—33), относя трехгранные бронзовые наконечники с выступающей тупой к «культуре городищ с жилыми стенками», кушанскими считает наконечники со скрытой тупой.

²⁸¹ А. Н. Бершпаш. Чуйская долина, стр. 109; Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 11, рис. 7; его же. Краткий отчет о работе Янгилонской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, стр. 25, рис. 29; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 142; Б. Я. Ставицкий. Раскопки жилой башни в кушанские пянджикентского владетеля. — МИА, № 15, 1950, стр. 97; А. М. Беляевский. Раскопки здания № 1 на шахрестане Пянджикента (1947). — Там же, табл. 51, 4; М. М. Дьяконов. Работы Кафринганского отряда. — Там же, стр. 155, табл. 84, 5, 6. А. Давидович. Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы. — «Труды ЮТАКЭ», т. II, 1953, стр. 126; А. И. Терсеновский. Археологическая разведка на городище Афраснаб в 1945 г. — КСИИМК, XIV, 1947, стр. 117, 118 и др.

²⁸² О. В. Обельченко. Куо-Мазаарский могильник, стр. 221—222.

ка, сохранившегося хуже, со сломанным черешком, лопасти, возможно, были с прямым краем. Наконец, третий наконечник относится, по-видимому, к числу гвоздевидных, без лопастей.

Кроме луков и стрел, в живописи Варахши у всадников на слонах (в Красном зале) изображены длинные копья, наконечники которых не видны ни в одном случае. В том же зале в композиционной группе на южной стене, где всадник борется с белым длинношеем грифоном, мы видим в руках наездника аркан.

Следует упомянуть еще об изображении на западной стене Красного зала боевого топора, форма которого не вполне ясна. По-видимому, он был близок по виду к тем топорикам, которые изображены под ногами сражающихся пеших воинов на упавшемся уже блюде из деревни Кулагыш Кунгурского уезда²⁸³. Близок, по-видимому, по форме к варашскому, топорик, изображенный в левой руке бородатого мужчины в живописи объекта VI в Пянджикенте²⁸⁴.

Несколько подробнее необходимо остановиться на мечах. В нашей живописи, как мы видели, меч изображен на южной стене Восточного зала у пояса сидящего мужчины. Фрагментарно сохранившееся изображение меча есть между ногами царя, сидящего на троне. В живописной композиции Красного зала ножи мечей видны у коронованного всадника и погонщика слона в южной части западной стены. Все эти мечи, вернее их ножины, так как о мечах судить по этим изображениям нельзя, показаны очень длинными и узкими. Ширина их одинакова как вверху, так и внизу, этим они существенно отличаются от мечей пянджикентской живописи, тоже длинных и узких, но сильно сужающихся к нижнему концу²⁸⁵. Следует ли это различие отнести за счет фактически существовавшего различия между мечами Согды и Бухары или за счет изобразительных приемов авторов живописи, сказать трудно. Ножины мечей окрашены в светло-желтый цвет с тонким контурным узором, нанесенным красной краской, что должно было, по всей вероятности, передавать золото. В желтый цвет окрашены и некоторые ножины мечей в росписях Пянджикента, тогда как другие представлены темными, надо думать, кожаными. Мечи, изображенные в Пянджикенте, Варахше и на серебряных блюдах Эрмитажа, подвешивались не непосредственно к поясу, стягивавшему талию, а к специальной ремненной портуpee, свешивавшейся ниже пояса. При

этом можно проследить два способа их подвески. В первом случае меч висит на двух ремнях, из которых один прикреплен к верхней части ножен, другой — приблизительно на одну треть ниже верхнего конца. Этот способ подвески придает мечу наклонное положение и, несомненно, более удобен при ходьбе. Его мы видим особенно ясно в изображении всадника на горе Муг и на некоторых серебряных блюдах²⁸⁶.

Другой способ подвески меча, прикрепленного к портуpee только в одном месте, в верхней части ножен, можно наблюдать в фигуре всадника на слоне в Красном зале Варахши и также на серебряных блюдах²⁸⁷.

Интересна еще одна особенность, замечаемая почти во всех случаях. Мечи, как правило, имеют прямое короткое перекрестье, но рукоятка обычно согнута, а иногда имеет сложную форму, как, например, рукоятка меча, изображенного в Восточном зале Варахши. Она усажена по одному краю шишечками, которые должны были прикрываться между пальцами руки для того, чтобы уменьшить возможность скольжения руки по рукоятке. Еще более сложную рукоять, согнутую в виде клочки и украшенную головкой какого-то животного, можно видеть в живописи помещения № 1 объекта VI Пянджикента. На нее мы уже ссылались выше²⁸⁸. Рукоятка меча с прямым коротким перекрестьем была встречена нами и среди фрагментов резного стука; она изображена также слегка согнутой.

Эта особенность приводит к мысли, что мечи были однолезвийными, так как при тех формах рукояток, которые мы находим почти на всех наших изображениях, можно было действовать только одной стороной меча; второе лезвие было бы бесполезным. По-видимому, мы имеем здесь тип палаша — прямого однолезвийного колющего и рубящего оружия, переходного от меча к сабле, но еще не имеющего кривизны, отличающей последнюю.

Сабля — оружие восточного происхождения. Многие исследователи, считают, что впервые она появилась у степных племен Азии и Восточной Европы. Э. Ленц предполагает, что в Европу она была занесена гуннами и аарами на исходе IV в. и дальнейшее распространение получила через мадыров²⁸⁹. Однако в интересующее нас время этот вид рубящего оружия ни в оседлой Средней Азии, ни в степных районах повсеместно распространен еще не был. Все известные нам изображения показывают только прямые мечи. Оружием кыргызов также служили обоюдоострые длинные мечи, хотя наряду с ними имеется и однолезвийный палаш,

²⁸³ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 21.

²⁸⁴ «Живопись древнего Пянджикента», табл. XXXIX. Небольшая часть всего однолезвийного топорика с богато украшенными рукоятками (табазны) держали в качестве знака достоинства командиры армии бухарского эмира — самого позднего времени.

²⁸⁵ «Живопись древнего Пянджикента», табл. IX, X, XXXVII, XXXIX. Некоторые из этих мечей (например, на табл. XXXIX) показаны настолько узкими, что напоминают позднейшие европейские шпаги. Более широкий, но также заметно суживающийся вниз меч изображен на шите с горы Муг (там же, табл. V).

²⁸⁶ «Живопись древнего Пянджикента», табл. V; И. А. Орбели, К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 3. По-видимому, так же подвешены мечи и на Аниковском блюде (там же, табл. 20).

²⁸⁷ Там же, табл. 6 и др.
²⁸⁸ «Живопись древнего Пянджикента», табл. XXXIX.
²⁸⁹ Э. Ленц. Собрание оружия, стр. 41—42; А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. — «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 4, 1946, стр. 6—7; его же. Оружие. — «История культуры Древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 422.

хранящийся в Минусинском музее²⁹⁰. В Восточном Туркестане, судя по изображениям «жертвователей» в Кумтюре и Шорчуре, мечи были длинными, прямыми, с длинными эфесами, предназначенными для захватывания их обеими руками²⁹¹. Отличался от согдийского и персидский меч, более широкий, как это было отмечено А. Ю. Якубовским²⁹². История возникновения сабли остается невыясненной, но представляется вполне возможным, что прототипом ее явился согдийский однолезвийный меч-палаш, изображение которого мы встречаем на многочисленных памятниках искусства. Предполагаемая нами эволюция от двухлезвийного тяжелого меча к более легкому однолезвийному палашу, а затем к сабле, неизбежно связана с усовершенствованием конной езды и введением стреман, так как только стреман давало достаточный упор, необходимый для нанесения рубящего удара. Оружие становится при этом преимущественно рубящим.

Стрема, как известно, появились приблизительно в VI в. н. э. также на степных пространствах Азии и Европы. В варахской живописи стремана представлены много раз, так же как в Пянджикенте и на тех серебряных сосудах, относительно которых можно предположить их среднеазиатское происхождение²⁹³. Отметим, что сасанидские всадники на известных наскальных рельефах, а также и на некоторых серебряных блюдах²⁹⁴ изображаются без стреман, с опущенными вниз носками ног.

Возможно, наличие или отсутствие стреман, а следовательно, различие в посадке и в технике верховой езды, может в некоторых случаях служить критерием для определения района изготовления серебряных блюд Эрмитажа и является серьезным аргументом для приурочения к Средней Азии таких блюд, как известное Аниковское и блюдо с всадником, стреляющим в льва, которое может считаться согдийским и по другим признакам.

Наряду с мечом, еще более, по-видимому, обязательным для повседневного ношения мужчинами господствующей прослойки общества — феодалов и, вероятно, их дружинников, является кинжал. В живописи Пянджикента кинжалы вооружены за редкими исключениями все изображенные в ней мужские персонажи, кроме, должно быть, слуг и представителей низших общественных слоев²⁹⁵. Не находим мы кинжалов на поясе только у

персонажей ритуальных и мифологических сцен, к которым можно отнести «сцену оплакивания», стоящих воинов с мечами в живописи храма и некоторые другие. Кинжалом вооружен и персонаж, изображенный перед жертвенником, возможно юноша, еще не носивший меча.

Кинжалы прямые, подвешены горизонтально к поясу с помощью двух полукруглых или прямоугольных обоймиц. Обычны прямые рукоятки, иногда с перекрестием. Рукоятка кинжала одного из персонажей украшена изображением головы животного, таким же как на его мече²⁹⁶.

Кинжалы имеются и в изображениях сидящих мужчин в росписях Балаалык-тепе. В отличие от пянджикентских, они представлены иногда кривыми. Они также висят горизонтально, на двух обоймицах. Кинжал, сходный с балаалык-тепскими, изображен в Бамнине, в нише 53-мерного Будды²⁹⁷. Есть очень похожие прямые кинжалы в росписях Восточного Туркестана²⁹⁸, на некоторых «каменных бабах» Семиречья, а также на поясе персонажа на упоминавшейся нами серебряной чаше со сценой свадьбы²⁹⁹.

Все эти изображения, встречающиеся на достаточно обширной территории, вполне соответствуют кругу областей со многими другими обобщенными элементами культуры, которую можно было бы назвать бактрийско-согдийской.

В живописи Варахи есть только одно изображение кинжала. Им вооружен юноша, сидящий перед жертвенником в сцене дарского приема на южной стене Восточного зала. Кинжал этот прямой, широкий и подвешен к поясу на двух квадратных обоймицах. Он, пожалуй, ближе всего к кинжалу согдийского всадника на шите с горы Муг, но изображен необычайно богато украшенным. Его ножны, по-видимому, покрыты гравированным или чеканным узором. Как ножны, так и вычурной формы рукоятка, украшены «перлами».

Не случайно, конечно, все мужские персонажи, по крайней мере те, которые могут рассматриваться как представители господствующей верхушки, изображены вооруженными. Известно, что политическая жизнь страны, разделенной на множество феодальных владений, была неспокойной. Постоянная вражда феодальных царьков (которая использована была в VII—VIII вв. арабами для распространения своей власти), а также постоянная опасность сокрушительных набегов степных кочевых племен заставляли население Средней Азии быть всегда на чеку, в состоянии боевой готовности. Еще в большей степени, надо полагать, нуждалась дехканская знать в оружии для удержания в повиновении кедивов — земледельцев, для подавления движений свободных общинников

²⁹⁰ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 577.

²⁹¹ A. von Le Coq. Bilderatlas..., S. 15—16. Наряду с этим в живописи Восточного Туркестана представлены мечи индийского типа и «аллинистические» короткие, которыми вооружены демоны.

²⁹² В сб.: «По следам древних культур», М., 1951, стр. 218.

²⁹³ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 3, 20.

²⁹⁴ Там же, табл. 5, 6, 9—14. Лишь в некоторых случаях можно видеть нечто вроде ромбoidal петан, охватывающей ступицу (там же, табл. 15, 17).

²⁹⁵ К ним можно отнести, например, изображенные в более мелком масштабе фигурки с кушанами и чашами в руках, открытые на стенах помещения 10 объекта I («Живопись древнего Пянджикента», табл. VII, VIII).

²⁹⁶ «Живопись древнего Пянджикента», табл. XXXIX.

²⁹⁷ J. Hackin. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiana, pl. XXVII.

²⁹⁸ A. von Le Coq. Bilderatlas..., S. 17. Abb. 5, 7; A. Grünwedel. Altbuddhistische Kultstätten..., Abb. 338; «го же», Alt-Kutscha, S. 27, Abb. 11 и т. д.

²⁹⁹ К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 19.

и рабов. Немудрено поэтому, что каждый феодал постоянно имел оружие при себе. Вооружены были даже подростки, как это можно видеть по фигуре юноши, сидящего перед жертвенником.

О большом количестве оружия в Средней Азии, и притом оружия высокого качества, свидетельствует рассказ Табари о завоевании Кутейбой Пайкенда. В состав богатой добычи, захваченной в этом городе, входило много хорошего вооружения. Это оружие, вопреки установившемуся обычаю отсылки всей добычи ко двору халифа, Кутейба, с разрешения Хаджаджа, роздал своим воинам, которые хвастались друг перед другом качеством и красотой полученного вооружения, превосходящего оружие арабов.

Живопись Пянджикента, Варахиши и Балалык-тепе дает, как мы видели, достаточно ясное представление об этом вооружении, связанном генетически с вооружением древневосточного воина, но имеющим свои яркие отличительные черты.

То же самое можно сказать и относительно многих других реалий, изображенных в памятниках живописи. К ним относятся предметы бытовой обстановки (к сожалению, только верхушки феодального общества), одежда, украшения, ткани. Все это требует еще дальнейшего детального и основательного исследования.

Предметов бытовой обстановки в живописи Варахиши мы находим не много. Это чаши в руках некоторых персонажей, коврики, на которых они сидят, круглые подушки.

Значительно богаче в этом отношении живопись Пянджикента, где, кроме чаш, изображены кувшины, арфа, предмет в виде цветка в руке одного из сидящих мужчин, баладины — навесы над их головами, своеобразной формы стул и какая-то игра, напоминающая дошедший до нашего времени нард. Большое количество различных по форме чаш и кубков, часть которых близко напоминает кубки Перещепинского клада, изображено в живописи Балалык-тепе.

Подлинных предметов древней торевтики, подобных серебряным и золотым блюдам, чашам и кувшинам, хранящимся в Государственном Эрмитаже, часть которых происходит, несомненно, из Средней Азии, на территории среднеазиатских республик обнаружено не было³⁰⁰. Между тем исторические данные заставляют предполагать, что такого рода изделия в быту среднеазиатских феодалов были весьма распространены. Здесь снова можно вспомнить известные сообщения Табари об огромном количестве золотых и серебряных вещей, взятых арабами в виде добычи в Пайкенде, Самарканде и других местах. Вес их исчислялся многими сотнями килограммов. У Табари мы находим сообщение и об искусных мастерах, которым наместник Хорасана Наср ибн Сайяр заказал в 734 г. кув-

шины из золота и серебра, изображения газелей, головы хищных зверей и горных козлов, предназначенные в подарок халифу³⁰¹. Припомним еще и рассказ о мазандеранском феодале, который, пригласив на пир тысячу гостей, вынужден был занять у соседнего феодала пятьсот золотых приборов, так как у него этой посуды было только на пятьсот человек. В рассказе есть, несомненно, значительные преувеличения, но, надо полагать, в какой-то степени он отражал действительное положение.

Сосуды из золота и серебра, так же как и другие изделия из этих металлов, в связи с изменением бытовой обстановки, а затем и падением могущества и богатства дехканской знати, пошли в перековку и переливку³⁰². Значительная часть их, надо полагать, была обращена с течением времени в монету, нужда в которой увеличивалась с развитием торговых сношений. Тем интереснее и важнее изображения сосудов, которые описаны были выше. Любопытным образом искусства среднеазиатских торговцев являются троны царей в живописи Варахиши, Пянджикента и Духтари-Нуширван в Афганистане, а также жертвенники-курильницы, особенно пышный вариант которых мы находим в варахской живописной композиции.

Нельзя преувеличить также значение на нас изображений многочисленных и разнообразных тканей: в одеждах, занавесах, ковриках и т. д. Росписи не дают, правда, возможности судить ни о фактуре тканей, ни о материале, из которого они изготовлялись, но зато орнамент, украшающий их, представлен здесь полно и разнообразно³⁰³.

Ткани могли быть вышитыми, набивными или вытканными в сложной гобеленой технике, меры чему нам известны для интересующего нас времени в «сасанидских», византийских и персидских тканях. Из небольшого числа тканей, найденных на территории Узбекистана, большой интерес представляет фрагмент шершавой ткани из раскопок на Балалык-тепе в Сурхан-Дарьинской области, датируемый V—VI вв. н. э. Ткань эта шелковая, сложного рисового переплетения, дающая узор шеврона. Тонкость и тщательность выделки свидетельствует о большом мастерстве изготовившего ее ткача. Эта ткань показывает, что мастера Средней Азии могли разрешать сложные технические задачи текстильного производства.

Орнаментация тканей передана в большом количестве образцов, показывающих исключительное

³⁰¹ Табари, II, 1765.

³⁰² И. А. Орбелли, К. В. Тревер. Указ. соч., стр. XIII.

³⁰³ В условиях Средней Азии предметы из дерева, кожи, ткани и т. п. сохраняются очень плохо. Поэтому находки подлинных фрагментов тканей исключительно редки. Можно назвать лишь кусок грубой хлопчатобумажной ткани из раскопок замка на горе Муг (В. С. Ианова-Онаходка в замке на горе Муг.— ИОАН АН ТаджССР, № 2, 1952), незначительные обрывки ткани и фрагмент тонкого белого войлока из одного из «африндских» замков Хорезма (С. П. Токастов. Древний Хорезм, стр. 150, табл. 57) и небольшие фрагменты тканей, открытые сурхан-дарьинским отрядом Узбекской археологической экспедиции в слоях VI в. на Балалык-тепе и на Джумалак-тепе.

³⁰⁰ Исключение составляет, пожалуй, находка серебряных сосудов в курганах в районе гор. Фанне (см.: В. Г. Городицкий. Серебряные сосуды села Покровского Пинского уезда.— «Известия Среднеазиатского музея», т. I, 1926, стр. 77 и сл.), отдельные мелкие предметы и их части.

разнообразие мотивов и вариантов узоров, от самых простых — ромбических клеток, розеток, фигур в виде карточных «пик» и «червей» — до сложных комбинаций из кругов, обрамленных «перлами», с помещенными в них изображениями животных, птиц и даже людей. Последняя разновидность текстильного орнамента особенно обильно представлена в росписях Балаалык-тепе, датирующихся V—VI вв., и Варахиш (VII—начало VIII в.). Отметим из них ткань с изображениями голов животных с высокими стоячими ушами (собаки?) и профильных голов бородатых мужчин с «асириондами» носами в росписях Балаалык-тепе. На Варахше к этому типу текстильной орнаментации относятся изображения птицы с распростертыми крыльями, голубя (?) с ожерельем в клюве и развешивающей лентой и головы кабана. Менее отчетливо выявляется этот мотив в опубликованных стеновых росписях Пянджикента. Здесь имеются полукруги с розетками в кайме попоны на желтом животном, изображающем, по-видимому, трон владетеля³⁰⁴. С некоторой натяжкой к этому мотиву можно причислить изображение птицы в кайме под группой сидящих людей на восточной стене помещения 6 объекта III, вкомпонованное в полуoval, обрамленный цепочкой «перлов».

Можно допустить, что в живописи Балаалык-тепе и Варахиш были представлены частично и импортные ткани, которые могли проникнуть из западных стран, преимущественно из Ирана. Но основная часть их была местного происхождения. Как для времени до арабского завоевания, к которому относится живопись Варахиш, так и для последующих столетий мы располагаем весьма определенными данными, свидетельствующими о большом развитии текстильного ремесла в Средней Азии. Можно привести рассказ Наршахи о «байт-ут-тираз» — мастерской в Бухаре, возможно, дворцового характера, в которой ткали ковры и занавеси, отличавшиеся настолько высоким качеством, что арабские сборщики подати выменивали собранные налоги на ткани этой мастерской. «Так, иногда бывало, что за одну занавесу, предназначавшуюся для халифа, расходовали весь херадж Бухары»³⁰⁵. Бухарский историк, патриот своего города, допускает здесь, возможно, некоторое преувеличение, но все же его сообщение говорит о том, что бухарские ткани заслужили громкую славу своим высоким качеством. Тем же источником сообщается и о тканях из бухарского селения Зандаия, которые вывозились на запад вплоть до Сирии и Египта³⁰⁶. В списке товаров, вывозившихся из городов Средней Азии в X в., сообщенном Макидис, называется несколько пунктов, славившихся текстильными изделиями. Различные ткани вывозились из Бухары. «Серебристыми тканями» (парчой и изделиями из

шелка) был известен Самарканд; особенно ценились ведарийские ткани, изготовлявшиеся в самаркандском селении Ведар и в гор. Дабуси³⁰⁷.

Вернемся к мотиву оформления тканей большими кругами, располагающимися или в шахматном порядке или (чаще) по прямой квадратной сетке. Это исключительно широко распространенный мотив. Круги, украшенные цепочкой «перлов» или каким-либо другим простым орнаментом, внутри которых изображались розетки, животные, фантастические существа, а иногда и сложные композиции с участием фигурок людей³⁰⁸, служили излюбленным орнаментом богатых тканей, преимущественно шелковых, получивших широкое распространение. Эти ткани относятся обычно к сасанидскому времени, но, претерпевая некоторые изменения, они продолжали еще изготавливаться и в раннесламское время в мастерских Египта, Передней Азии, Ирана и других мест³⁰⁹. Удерживался этот стиль оформления тканей в Византии, проник он и в Древнюю Русь, как это видно на фресках Киевской Софии и Спаса на Нередице в Новгороде в одеждах дочерей княгини Ирины и князя Ярослава Всеволодовича. Отголоски этой традиции, возможно, отразились даже в поздних бухарских «сузани», где мотив круга с розеткой внутри является весьма характерным.

Мы видим этот орнамент на множестве образцов тканей из Византии (где он назывался специальным термином «circumstata»), коптского Египта, Сирии, Ирана³¹⁰. Образцы тканей этого же типа обнаружены в раскопках (обрывки), их изображения имеются в стеновых росписях Восточного Туркестана³¹¹. Отзвуки этого мотива в виде явных подражаний, иногда почти воспроизведенных западных образцов, имеются в Китае³¹² и даже в Японии.

По вопросу о месте зарождения этого мотива, распространившегося на тысячи километров и вошедшего в обиход многих народов, высказывались различные мнения. И. Стриговский считал областью его появления центральные районы Азии³¹³.

³⁰⁷ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 245—246; «История Узбекской ССР», I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 197.

³⁰⁸ Особенно сложными были эти композиции в Византии и Египте, где в круг вкомпоновывались многофигурные сцены из Библии и Евангелия (например, коптские ткани Эрмитажа с вытканными в них сценами из жизни Иисуса).

³⁰⁹ Образцы таких тканей см.: SPA, VI, pl. 981 ff. Элементы старого стиля, вкомпонованные в позднейшие орнаментальные композиции, нередки в мастерских Дамаска, Фустата и Туниса (см. статьи: F. E. Day. The tiraz silk of Merwan и E. Kuhnel. Four remarkable tiraz textiles in сб. «In Memoriam E. Herzfeld»).

³¹⁰ G. Migeon. Les arts du tissu. Paris, 1909; O. von Falken. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1913 и др. ³¹¹ A. Stein. In ancient Central-Asian Tracks, p. 268, 269, fig. 124; A. Grünwedel. Altbuddhistische Kulturstätten, S. 78, Abb. 172; С. Ф. Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. СПб., 1914, стр. 68, рис. 57.

³¹² A. Stein. Serindia, vol. IV, pl. CV—CVI, CXI, CXVI; O. Dalton. East Christian Art. Oxford, 1925, p. 352.

³¹³ J. Strizgovskij. Altaï-Iran und Völkerwanderung. Leipzig, 1921, S. 79 ff.

³⁰⁴ «Живопись древнего Пянджикента», табл. XXVII, 304 Наршахи. История Бухары, Ташкент, 1897, стр. 29—30. Сведения о том, что ткани этой мастерской вставлялись в податъ Бухары, сообщает также Белязурин (перев. F. G. Morgotten, II, New York, 1924, p. 167).

³⁰⁵ Они назывались «зандаичи» по имени селения.

Другие авторы высказывали мнение, что первенство в данном случае принадлежало Египту³¹⁴. Аргументом в пользу египетского происхождения текстильного орнамента считалось, что так называемые сасанидские ткани датируются концом VI в. н. э., коптские же образцы восходят к более раннему времени³¹⁵. Эллинистическим и византийским считается и типичное как для византийских, так и для сасанидских тканей сложное переплетение нитей, не свойственное Китаю³¹⁶. Нам кажется, что реповое переплетение упомянутой выше ткани из Баальштепе может в значительной степени поколебать мнение о западном происхождении интересующего нас мотива, хотя окончательное суждение может оказать несколько преждевременным. Во всяком случае, в свете наших находок приведенное выше мнение Стржиговского кажется вполне вероятным. В силу географического положения Средней Азии³¹⁷ шелководство и шелкоткачество могли развиваться здесь раньше, чем в западных странах. Однако следует иметь в виду, что этот орнаментальный мотив мог первоначально появиться на тканях не из шелка, а из льна, шерсти или хлопка.

При решении вопроса о происхождении манеры украшения тканей большими кругами из «перлов» с изображениями внутри этих кругов необходимо учесть и более ранний материал, чем коптские, византийские и иранские ткани. Кругами с розетками украшались костюмы на ассирийских рельефах; цепочки «перлов» в виде белых кружков обрамляли кафтаны воинов на известном майоличном фризе из Суз ахеменидского времени, а одежда сака на плакетке из Аму-Дарьинского клада украшена изображением птиц³¹⁸. Следовательно, отдельные элементы этого стиля мы встречаем в Передней и Средней Азии уже в весьма отдаленные времена.

Нам известно относительно большее количество тканей этого типа, считающихся сасанидскими, иногда с оговоркой, что они могут происходить также и из соседних стран³¹⁹. Прекрасный образец такой ткани хранится в Историческом музее в Москве³²⁰. Внутри кругов в этих тканях изобра-

жаются то сложные сцены со скачущими всадниками, симметрично помещенными по обе стороны «священного дерева», то различные звери, сенмурвы, гипокампы, крылатые львы, птицы и т. п. Большое родство этих тканей «сигмистата» с теми, которые изображены в живописи Средней Азии, не подлежит никакому сомнению. Следует только отметить, что в тканях, изображенных на стенных росписях, нет многофигурных композиций, что дает возможность поставить вопрос: не является ли именно это одним из признаков тканей среднеазиатского происхождения?

Интересные аналогии изображениям тканей из Варакши мы находим в Восточном Туркестане. Это прежде всего фрагмент шелковой ткани, найденной А. Стейном на кладбище Астана в Турфане³²¹. На ней в круге из белых «перлов» помещена голова кабана. Очень близкое к этому изображение кабана есть и в росписях Восточного зала Варакши, в бордюре, окаймляющем завесу или драпировку. Не менее интересно сопоставление изображения ткани в Варакши, где представлена птица, похожая на голубя, с ожерельем в клюве, с таким же изображением в росписях Кызыла, где тоже в кружках из «перлов» помещены утки, которые держат в клювах гирлянды из драгоценностей (рис. 115)³²². Большое сходство между этими образцами из Средней Азии и из Восточного Туркестана не может быть случайным. Оно объясняется, возможно, тем, что как ткани Восточного Туркестана, так и росписи Варакши, создавались среднеазиатскими мастерами или под влиянием среднеазиатских образцов. Основанием для такого предположения служит факт существования в бассейне Лоб-Нора согдийских колоний, поддерживавших связи с Согдом. Надо полагать, что через посредство среднеазиатских мастеров и торговцев ткани с узорами «в кругах» могли проникать и в китайское текстильное искусство.

Ткани, украшенные кругами, с розетками или изображениями в них, не исчерпывают, как уже сказано, всего разнообразия узоров тканей на стенных росписях Средней Азии. Не весь материал к тому же мог быть нами использован, но даже и то, чем мы располагаем в настоящее время, свидетельствует об орнаменте богатстве живой фантазии и высоким мастерстве среднеазиатских тканей и художников.

Подобно предметам из серебра, считавшимся безоговорочно сасанидскими, некоторая часть сасанидских тканей европейских музеев может быть также при дальнейшем накоплении материала приписана к тканям из Средней Азии. Такой именно среднеазиатской тканью мы считаем фрагмент с головой кабана с кладбища Астана.

В заключение нашего обзора реалий, изображенных в росписях и стуке Варакши, остановимся

³¹⁴ O. Dalton. East Christian Art, p. 350 (со ссылкой на статью Lethaby «Burlington Magazine», XXIV, p. 185 ff.).

³¹⁵ В богатейшей коллекции коптских тканей Эрмитажа представлены образцы, датируемые IV—VI вв. н. э.

³¹⁶ O. Dalton. East Christian Art, p. 351—352.

³¹⁷ С. И. Руденко. Кувалта населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 357—358, табл. XVIII.

³¹⁸ O. Dalton. The treasure of Oxus..., pl. XV. О параллели между этими изображениями и птицами на одежде Хосрова II в рельефах Таки-Бустана см.: R. Pfister. Etudes textiles.—RAA, XIII, № 2, p. 77 ff.

³¹⁹ Эти ткани имеются в Лондоне, Париже, Риме, Берлине, Брюсселе, Нюрнберге, Кельне и др. Издания их весьма многочисленны (см. цитированные работы О. фон Фальке, Мижона и др.).

³²⁰ А. И. Насиба. Древняя иранская ткань из собрания Государственного исторического музея.—ВДИ, 1938, № 1, стр. 104—107. Недавно ткань этого типа, найденная на Кубани и поступившая в Эрмитаж, опубликована Н. Минтиной («Фрагмент шелковой ткани из Мошовой балки».—СЭ, т. X, 1956, стр. 41—43).

³²¹ A. Stein. On ancient Central-Asian Tracks, fig. 124; A. Grünwedel. Altindische Kultstätten... S. 331.

³²² С. Ф. Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 гг., стр. 68, рис. 57.

на одежде. Здесь необходимо снова подчеркнуть, что по этим изображениям мы можем судить только о дорогих одеяниях господствующих дехканских кругов. Весьма вероятно, что художник в угоду заказчикам мог даже преувеличить роскошь их обстановки и одежды. Тем не менее, персонажи из

та³²⁵. Здесь изображены четыре сидящие фигуры с обнаженными торсами, увешанные ожерельями и браслетами. Браслет на плечевом суставе фигуры справа близко напоминает браслеты на витязях Красного зала и на персонажах живописи Ад-жанты.

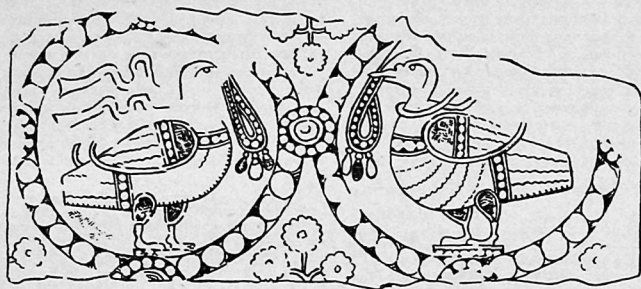

Рис. 115. Изображение ткани в стенной росписи Кызыла (Восточный Туркестан)

росписей Восточного зала дают ценнейший этнографический материал. О роскошных одеяниях «дехканов и царевичей», являвшихся ежедневно на выходы бухарской царицы, можно судить по сообщению Наршахи³²³. В том же источнике в рассказе о походе Убайдуллы ибн Зияда в Бухару и бегстве царицы после сражения бухарцев и тюрков с арабами говорится, что арабы нашли утерянный ею золотой сапог («муза») вместе с чулком; сапог был украшен жемчугом и был оценен будто бы в 200 тыс. дирхемов³²⁴.

Костюм витязей, изображенных сидящими на слонах в Красном зале, едва ли бытовал когда-либо в Бухаре. Это одежды иконографически установившихся образов с их обязательными атрибутами, сформировавшимися еще в эллинистическое время. Возможно, только отдельные детали, например, узорчатые сапожки одного из персонажей, срисованы с натуры. Вероятно, к числу таких же деталей можно причислить и пышный головной убор, напоминающий крылатую корону сасанидских царей, чуждую эллинистическому искусству.

Как уже указывалось, одежда этих витязей близка к костюмам многих персонажей живописи и скульптуры Индии и некоторых изображений в росписях Восточного Туркестана, связанных с буддийской мифологией, появление которых там можно объяснить прямым заимствованием из Индии. К этой же группе изображений можно, по-видимому, отнести одно из панно в живописи Пианджикен-

Иначе выглядят описанные выше изображения трех персонажей в группе с жертвенником на стене Восточного зала. Здесь, несомненно, изображены подлинные одежды, которые носили бухарские феодалы.

Полных аналогий костюмам из росписей Восточного зала найти не удалось. Наиболее близкими к ним, что вполне естественно, оказываются костюмы Согда, известные из пианджикентской живописи, но и они существенно отличаются от варахшских покроем и общим видом. Мужской костюм, судя по живописи Пианджикента, состоял, как правило, из длинной туники, мягких сапог с длинными заостренными носками, пояса с кинжалом и разнообразных, иногда очень сложных, головных уборов. Здесь изображены туники двух типов: застегивающиеся спереди с неглубоким вырезом ворота и с застегивающимися на плечах. Одежды с глубоким вырезом, открывающим шею и верхнюю часть груди, как у мужчин в живописи Восточного зала Варахши, в росписях Пианджикента нет.

Однако различия в мужских костюмах Варахши и Пианджикента невелики. Их можно объяснить локальными особенностями, подобно тому, как еще в недавнее время при общей форме костюма жителей всего Узбекистана по покрою и расцветке халата, тюбетейки и т. п. различались уроженцы отдельных областей.

Для сравнения женского костюма в варахшской живописи с подобными же изображениями из других мест мы не располагаем достаточным материалом. Плащ, накинутый на плечи женщины, изоб-

³²³ «История Наршахи», стр. 10.

³²⁴ Изложено по тексту «Истории Наршахи» (стр. 47). Перевод этого места у Лыкошина кажется недостаточно точным.

³²⁵ «Живопись древнего Пианджикента», табл. XXIV.

раженной в группе слева от жертвенника, находит, правда, аналогю в плащах из живописи Балаальктепе и Пияджикента³²⁶, но у него нет характерного треугольного отворота правой полы, который виден на женских плащах в росписях этих двух памятников.

Своеобразная особенность костюма, как мужского, так и женского — отвороты полы, чаще треугольные, но иногда принимающие форму, близкую к четырехугольной, распространена в памятниках искусства очень широко: от Бамиана³²⁷ до Восточного Туркестана³²⁸ включительно. Она наблюдается на некоторых серебряных сосудах Эрмитажа, в частности на упоминавшейся уже чаше со сценной свадьбы, на чаше, отнесенной С. П. Толстовым к числу вещей хорезмийского происхождения³²⁹, наконец, на некоторых семиреченских бал-

балах, где изображены камзолы с такими же отворотами³³⁰.

Заканчивая описание реалий: вооружения, тканей, костюма и др., изображения которых встречаются в живописи Варахши, отметим еще раз, что все сказанное о них носит предварительный характер и требует дальнейшего углубленного исследования с привлечением памятников искусства Средней Азии, Ирана, Афганистана, Восточного Туркестана и других более далеких областей и стран. Мы ставили себе задачу только наметить некоторые пути этого исследования и показать, что живопись и стук описываемого памятника имеют не только искусствоведческий интерес, но могут оказать большую помощь и при изучении материальной культуры, культурных и этнических отношений на обширных территориях Евразии.

³²⁶ «Скульптура и живопись древнего Пияджикента», М., 1959, табл. IX.

³²⁷ A. Godard..., Указ. соч., табл. XXIII, XXIV; J. Hackin. Les travaux de la Délégation française en Afghanistan, p. 10, fig. 23.

³²⁸ A. von Le Coq. Bilderatlas..., S. 9—11.

³²⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 193, табл. 87.

³³⁰ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 годах.— «Записки Академии наук по историко-филологическому отделению», т. I. № 4, СПб., 1897, табл. VII, рис. 1: т. VIII, рис. 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древнейшие известные нам следы культуры на территории Бухарского оазиса относятся, как мы видели, к точно еще не установленному этапу верхнего палеолита. Несмотря на незначительное количество кремней, найденных близ Варакши, они свидетельствуют, что низовья Зеравшана были местом обитания палеолитического человека или посещались им. Разливы реки и ее протоков, обширные камышовые заросли и тугайные леса образовывали богатейшие охотничьи угодья. Первобытные рыболовы и охотники находили здесь прекрасные условия для своих промыслов.

Исследование памятников первобытной культуры в границах Бухарского оазиса и в его ближайших окрестностях, включая прилегающие участки пустыни, позволит, несомненно, значительно расширить наши представления относительно ранней истории заселения этой местности.

Не менее заманчивы перспективы изучения культур времени неолита и бронзы в низовьях Зеравшана. Замечательные открытия Я. Г. Гулямова в районе Махан-Дарьи и Гурдуша не оставляют теперь в этом никаких сомнений. Обнаруженные им остатки поселений и могильников дают уже теперь материал весьма определенный и важный. Большую ценность представляют наблюдения Я. Г. Гулямова о ранних этапах земледелия в низовьях Зеравшана, основанного на примитивной каирной системе орошения, для которой разливы дельты Зеравшана создавали здесь такие же благоприятные условия, как разливы Аму-Дарьи в Хорезме.

В засушливых зонах с малым количеством осадков, к числу которых относится и современная советская Средняя Азия, каирное или лиманное орошение было повсюду первой ступенью, предшествующей собственно ирригационному земледелию.

На первых порах использования природных источников — рек, ручьев, мест, заливаемых водой в

период интенсивных дождей, носило самый примитивный характер: зерна высевались непосредственно в ил или в еще непросохшую почву без ее предварительной обработки.

Этот способ земледелия устанавливается почти во всех странах древнейших культур Востока: в Египте, Месопотамии и др.¹ Временем культуры могильника Заман-Баба, надо полагать, следует датировать начало орошаемого земледелия, а следовательно и начало образования земледельческого оазиса.

В ареал древнейших культур Востока с началами примитивного орошаемого земледелия может быть включена, по мнению ряда исследователей, южная окраина территории советской Средней Азии — северные склоны Копет-Дага в Южной Туркмении². Здесь еще в начале 20-х годов нашего столетия Д. Д. Букниным — инженером-ирригатором и археологом — было установлено наличие древнейшей ирригации лиманного типа³. В дальнейшем это было подтверждено трудами других советских исследователей.

Позднее, уже в 30-х годах, следы этого же способа орошения были обнаружены Б. А. Латыни-

¹ Г. Чайлд («Древнейший Восток в свете новых раскопок», М., 1956, стр. 67 и сл.) относит начало примитивного земледелия в Египте ко времени тасийских поселений. По этому поводу он говорит: «До сих пор не удалось определить, как орошались тогда почвы — естественными или разливами. Нила, паводками стекавших некогда с восточного плоскогорья вод или дождей водой». Это, в сущности, и не меняет дела, так как во всех трех случаях, надо полагать, практиковалось именно каирное орошение (см. также И. М. Лурье. История техники Древнего Египта. М.—Л., 1940, стр. 141).

² Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.—«Труды ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 284—285; В. М. Массон. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении.— Там же, стр. 233 и сл.; его же. Изучение неолита и бронзового века в Средней Азии.— СА, 1957, № 4, стр. 46 и сл.

³ Д. Д. Букнин и др. История первобытного орошаемого земледелия в Туркменской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства.—«Хлопковое дело», 1924, № 3—4, стр. 108 и сл.

ным в Фергане⁴ и еще позднее — работами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С. П. Толстова в Хорезме⁵.

Я. Г. Гулямовым установлена большая распространенность этого вида земледелия на большом количестве саев, стекающих по северному склону Нуратинских гор⁶.

Постараемся, насколько это возможно при современном уровне наших знаний, определить время возникновения земледелия в низовьях Зеравшана. Мы уже отмечали древность примитивного земледелия в Южном Туркменистане. Иначе обстоит дело в других районах. В Хорезме, Фергане и других частях Средней Азии земледелие, по археологическим данным, развилось несколько позже.

Тазабэгская культура Хорезма, которую можно считать самой ранней из земледельческих культур этой области, датируется временем около середины II тыс. до нашей эры⁷. Близкую дату для начала первобытного земледелия в Ферганской долине дает Б. А. Латынин⁸.

У нас нет никаких оснований датировать зарождение первобытного земледелия в нижней части долины Зеравшана временем более ранним или более поздним, чем это было в Хорезме и Фергане. Поэтому мы считаем возможным предположить, что ранние этапы земледелия на территории Бухарского оазиса могут быть датированы ориентировочно II тыс. до н. э.

Начало земледелия влечет за собой далеко идущие последствия. Оно приводит к изживанию родовых отношений и возникновению классового общества, основанного на захвате земель и водных источников для орошения, и на использовании труда пленных рабов. На основе накапливающегося земледельческого опыта осуществляются сложные работы в виде обнесения валами затопляемых полей, сооружения простейших защитных дамб и водохранилищ. С течением времени начинается строительство грандиозных ирригационных каналов, требующее иногда кооперации огромного количества рабочей силы, и посильного только классовому обществу при наличии хотя бы примитивной государственной организации.

Изучение истории орошаемого земледелия, всегда составлявшего основу хозяйственной жизни народов Средней Азии, имеет первостепенное значение. Еще В. В. Бартольд писал о желательности

«исследовать условия земледелия и землеустройства в Средней Азии и изменения этих условий в качестве основы для понимания совершившегося здесь исторического процесса»⁹.

Однако в отношении Бухарского оазиса задача изучения истории ирригации разрешена еще далеко не достаточно. До сих пор не изучены самые основные этапы развития ирригационной сети. Объясняется это отчасти трудностью исследования. Следы древнейших каналов уничтожены позднейшими их перестройками и реконструкциями. Это относится, в первую очередь, к внутренним частям оазиса, где никаких остатков древних каналов обнаружить уже невозможно. Это же наблюдается и в заброшенных ныне районах оазиса. Наши исследования, особенно наблюдения с воздуха, показали, что запустение этих земель не было ни одновременным, ни последовательным. Границы оазиса на западной стороне, где они подвергались, по условиям рельефа, наибольшим изменениям, то отодвигались на восток, то вновь захватывали заброшенные перед этим земли. При этом ирригационная сеть не только восстанавливалась, но на основе возросшего опыта и усовершенствования техники полива иногда изменялась в корне. Старые каналы нередко пересекались новыми, имеющими иное, почти перпендикулярное к прежним направление. Следы каналов вообще плохо сохранились: каналы были неглубокими и часто их русла находились на уровне окружающей местности или даже выше его. Берега ирригационных сооружений образовывались в таком случае дамбами, подвергавшимися в течение столетий интенсивной дефляции. Если учесть также, что значительные площади земель древнего орошения покрыты сыпучими песками, становится понятным, что разобраться в сложном переплетении иногда едва заметных остатков каналов и выделить среди них более древние является делом весьма трудным.

Ввиду неузученности истории ирригации Бухарского оазиса для определения основных этапов развития ирригационной сети этого района нам придется прибегать к аналогиям и сравнениям с подобными же явлениями в других местах Средней Азии.

В отношении западного, теперь пустынного, района, центром которого является Варакша, можно считать точно установленным, что на рубеже нашей эры весь этот район был уже орошен разветвленной сетью каналов, составлявших продолжение Хитфара. В этом нас убеждают те холмы-тепе, которые находятся на западной границе полосы древней оседлости — группы Баш-тепе и район близ Кызыла-кыра.

Следовательно, в это время, надо полагать, около начала нашей эры, система магистральных арыков достигла наибольшего развития. Однако эту датировку нельзя считать окончательной: те же

⁹ В. В. Бартольд. Об одном историческом вопросе. — «Среднеазиатский вестник», ноябрь 1896; его же. Будущее Туркестана и следы его прошлого. — «Известия Среднеазиатского восточного общества», т. I. Ташкент. 1926, стр. 66—69.

⁴ Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане (Гидроэлектропроект). — ИГАНМК, вып. 110, М.—Л., 1935.

⁵ Первоначальная мысль о наличии в Хорезме аллювиального орошения была высказана в форме предположения в работе: С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 77. Позднее это положение было развито С. П. Толстовым в его статьях и выступлениях, например в докладе, сделанном на совещании археологов и этнографов Средней Азии в 1955 г. (см. СЭ, 1955, № 4, стр. 117—118); Я. Г. Гулямов о. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 49—63.

⁶ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 56—58.

⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1954, стр. 68.

⁸ Б. А. Латынин. Вопросы изучения истории ирригации древней Ферганы. — КСИИМК, 64, 1956, стр. 17.

о которых мы здесь говорили, изучены еще далеко не достаточно и, вероятно, будущие исследования уточнят ее.

Огромная и разветвленная сеть больших магистральных каналов, таких как Хитфар, Шахруд и др., не могла быть построена в короткое время. Несомненно, она возникала по частям. Каналы, построенные раньше, углублялись, удлинялись, орошая новые земли. Поэтому мы считаем, что датировка сооружения всей основной ирригационной сети Бухары должна быть дана в достаточно широких рамках нескольких столетий.

Обратимся для сравнения к истории возникновения больших ирригационных каналов в других районах Средней Азии, поскольку она нашла отражение в существующей археологической литературе. Начало освоения крупных рек в Средней Азии устанавливается исследователями в Южной Туркмении. Постройка системы больших каналов на р. Мургабе датируется началом I тыс. до н. э.¹⁰ С. П. Толстов относит начало сооружения крупных каналов Хорезма к VIII—VI вв. до н. э.¹¹ Работа по созданию веера крупных ирригационных каналов правобережья и левобережья Хорезма была, по мнению Я. Г. Гулямова, завершена к началу нашей эры.¹² К более позднему времени, к V—VIII вв. н. э. относится возникновение веерных оросительных каналов Ферганы.¹³

Различия в датировках возникновения магистральных оросительных систем Средней Азии зависят отчасти от индивидуальных взглядов авторов, от различных, быть может, критериев того, что можно считать магистральными оросительными каналами. Однако эти различия отражают также неравномерность в темпах хозяйственного и социального развития племен и народностей различных областей, в зависимости от местных природных и исторических условий.

Если верна наша догадка, основанная, как мы видели, на преданиях и некоторых данных топографии, что некоторые из каналов Бухары представляли собой ответвления древней дельты Зеравшана, то здесь, как и в Хорезме, древнейшие каналы следовали по руслам этих ответвлений. Русла определяли наиболее целесообразное направление стока воды и облегчали работу по сооружению каналов.¹⁴ Правда, условия местности Бухары отличаются от хорезмских. В Бухарском оазисе значительно больше уклоны поверхности,

не глубоко и ложе реки, не такой мощной, к тому же, как Аму-Дарья. Поэтому следование руслам древних потоков имело, по-видимому, только местное значение и не объясняет всего процесса даже ранних стадий ирригации. Здесь значительно легче было, чем в Хорезме, вести канал по «целине» с самым примитивным головным сооружением, захватывавшим сначала паводковые воды, а затем, по мере совершенствования этих сооружений, действующим постоянно. Это требовало большого опыта и искусства строителей, однако позволяло зато использовать не только полосы земель вдоль каналов, но и орошать сплошные земельные массивы.

Сложившаяся к началу нашей эры ирригационная сеть Бухары подвергалась затем значительным изменениям, но ее основа — крупнейшие магистральные каналы — в общих чертах сохранилась до нашего времени.

В советской исторической науке начиная с конца 30-х годов утвердилось положение, что ранние среднеазиатские государственные организации были государствами рабовладельческого типа, подобными тем рабовладельческим деспотиям, которые сложились на несколько десятков столетий раньше в странах так называемого классического Древнего Востока. К мысли о существовании рабовладельческого способа производства на территории Средней Азии привело изучение ее археологических памятников, главным образом открытие грандиозных ирригационных систем древности в Хорезме. Бухаре и некоторых других местах, массивных оборонительных сооружений и построек, предметов утвари и искусства, свидетельствовавших о высоко развитой культуре.

Изученные до сего времени памятники показывают чрезвычайно большой рост производительных сил, особенно в последние столетия до начала нашей эры, прежде всего в сфере земледелия, основанного на мощной сети ирригационных каналов. В это время возникали крупные города с развитым ремесленным производством. Об обширном торговом обмене не только местном, но и международном, свидетельствует значительное количество греко-бактрийских, кушанских и иных монет, найденных на древних городищах.

Данные, которыми мы располагаем, достаточны для того, чтобы признать, что в истории народов Средней Азии был период, когда характер производственных отношений определялся использованием труда рабов, — период рабовладельческий, но следует подчеркнуть, что в деталях классовая структура общества остается пока невыясненной. Не ясны соотношения между рабовладельцами и рабами, удельный вес рабовладельческих хозяйств по отношению к свободным земледельческим общинам, в существовании которых не приходится сомневаться. Все эти вопросы в дальнейшем могут быть разрешены только расширенными и углубленными археологическими исследованиями, так как письменные источники скудные, лаконичны и дают мало полезного материала.

¹⁰ В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века в Средней Азии, стр. 51.

¹¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 101.

¹² Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 98.

¹³ Б. А. Латынин. Вопросы изучения истории ирригации древней Ферганы, стр. 17—18. Автор делает оговорку, что некоторые из этих систем могли возникнуть и несколько раньше.

¹⁴ Об использовании русел естественных паводковых водосток в условиях предгорий говорит также Б. А. Латынин («Вопросы изучения истории ирригации древней Ферганы», стр. 19—22).

Судя по всему облику культуры и основываясь на аналогиях со странами Древнего Востока, культура которых развивалась в сходных условиях, предполагать в Средней Азии развитое рабовладение античного типа, как в некоторых странах Средиземноморья, у нас нет оснований. Скорее следует предположить, что здесь существовала та разновидность рабовладельческого общества, при которой у оседлого земледельческого населения и особенно у скотоводов-кочевников большое место в производстве принадлежало общинам свободных производителей, сохранявшим патриархальный характер.

Нижняя часть долины Зеравшана упоминается в письменных источниках относительно поздно. Авеста и дарские надписи Ахеменидов знают только Согд, под которыми надо, видимо, понимать всю долину Зеравшана¹⁵, а может быть и некоторые области к северу и к югу от нее. Геродот упоминает согдов вместе с хорасмскими, парфиянами и ариями в составе шестнадцатой сатрапии ахеменидской державы (Геродот, III, 89—94).

Скучные сведения дают и историки походов Александра. Арриан («Анабасис», IV, 5—6) в рассказе о преследовании Спитамена сообщает только, что Александр прошел «всю область, орошаемую рекой Политиметом», до того места, где река «исчезает в песке». О реке Политимете упоминает и Квинт Курций («О деяниях Александра», VII, 10). Ни о каких городах или селениях, которые были расположены вниз по реке, ни тот ни другой автор не сообщают, кроме упоминания об «укрепленных местах» («*gymnata*») без указания на их характер и местоположение. Все же и эти отрывочные данные дают представление об оседлой жизни. Из сообщений историков Александра можно сделать некоторые заключения и о структуре общества. Вельможи Арриана и Квинта Курция — владельцы укрепленных замков (*petra*) — выглядят как князья, а отнюдь не родовые вожди. Они составляли слой аристократии, перешедшей в конце концов на сторону завоевателей и оказавшей им помощь в подавлении народного движения против греко-македонской военищины. Наряду с этим существовали, по-видимому, и родовые селения, подобные городку рода Мамакинов, который упоминают историки.

Нет никаких конкретных данных о долине Зеравшана и в послеекзандровское время, в период кратковременного господства Селевкидов и существования могущественного Греко-Бактрийского царства.

В. В. Бартольд опровергал обычное толкование слов Аполлодора Артамидского (цитата в «Географии» Страбона) о распространении Греко-

Бактрийского царства «до серов и фаунов», т. е. что власть этих царей распространялась будто бы до Тарима и Китая. Так далеко пределы этого царства, по его, по-видимому, совершенно справедливому мнению, не распространялись¹⁶. Однако, так как Согдиана была тесно связана с Бактрией, можно предполагать, что в это царство входила или находилась в какой-то зависимости от него долина Зеравшана, в том числе и область Бухары. Косвенным указанием на это являются встречающиеся в долине Зеравшана греко-бактрийские монеты, в том числе две монеты Евтидема, найденные в окрестностях Варахи.

Две монеты, представляющие собой «варварские подражания» греко-бактрийским, были найдены при раскопках городища Кызыл-кыр. О том, что греко-бактрийские монеты не были в Бухаре большой редкостью, свидетельствует находка клада серебряных тетрадрахм, сделанная в 1938 г. на бугре Таали-Мурдапартоу, в 3—4 км к востоку от Бухары. Об этом кладе, из которого удалось собрать 78 монет, сообщает М. Е. Массон¹⁷.

После падения Греко-Бактрийского царства сложились мощные союзы, возглавлявшиеся кочевыми или полукочевыми народами.

О значительном развитии экономической жизни и торгового обмена в области Бухары могут свидетельствовать монеты типа Иркода (с изображением на реверсе стоящей фигуры с копьем), обнаруженные на поверхности Варахи и в ее окрестностях в достаточно большом количестве. Они могут быть датированы II—I вв. до н. э. и имеют, по-видимому, местное бухарское происхождение¹⁸.

Следующий период — кушанский — всеми исследователями единодушно признается временем расцвета производительных сил и культуры. Это время наиболее развитых в древности ирригационных систем, охватывавших в большинстве случаев не только территории оазисов, орошающихся в средневековые, но местами далеко выходящих за их пределы. Это время интенсивного строительства городов, крепостей, укрепленных замков-жилищ, разбросанных в сельских местностях. Остатками этих укрепленных жилищ является, поскольку нам удалось проследить, большая часть бухарских тепе.

Кушанские (или предкушанские) слои залегают и в нижних горизонтах Варахи¹⁹. К этому времени относятся же древние укрепления, часть кото-

¹⁶ В. В. Бартольд. К вопросу о границах Греко-Бактрийского государства.—ЗВО, т. XXIV, Пг., 1917, стр. XV и сл.

¹⁷ М. Е. Массон. Из прошлого Бухары.—Газета «Пионер Востока», 1940, № 38 (название памятника приводится в форме Тал-и Мурда). См. также: В. М. Массон. Из истории древнего Согда.—Сборник студенческих работ САГУ, вып. III, Ташкент, 1945, стр. 68.

¹⁸ К району Бухары относится эти монеты М. Е. Массон (см. В. М. Массон. Из истории древнего Согда, стр. 68).

¹⁹ Здесь еще раз необходимо оговориться, что при исключительной трудности исследования нижних слоев, лежащих под огромной толщей позднейших наслоений, результаты наших работ не могут считаться в этом отношении окончательными.

¹⁵ Страбон («География», XI, II, 2) определяет территорию Согдианы как «закрывающую выше Бактрию, к востоку, между рекой Оксом, отделяющей Бактриану от Согдианы, и Яксартом; последний служит границей между согдийцами и кочевниками». Впрочем, при сличении и неясности географических представлений о Средней Азии у античных писателей большой точности в их указаниях ожидать нельзя.

рых (угловая башня и прилегающие к ней участки стен) вскрыта в раскопе С. К. Кабанова.

За падением, имевшим место в кушанское время, последовал упадок, о чем свидетельствуют археологические данные. Он выразился прежде всего в сокращении ирригационной сети и уменьшении числа городов или их значительном ослаблении. Начало определенного кризиса, происшедшего между III и V вв. н. э. и охватившего большую территорию, не подлежит в настоящее время никакому сомнению. Он зафиксирован и в Хорезме, где прослеживается запустение обширных районов, когда были заброшены мощные магистральные каналы, сократилось в 4—6 раз число городов правобережного Хорезма, ухудшилось качество керамических изделий, пришла в упадок строительная техника и т. п.²⁰

Древний Самарканд, которому соответствует городище Афрасиаб, по словам М. Е. Массона, в этот период «если не замер окончательно, то во всяком случае захирела, а внешние стены его пришли в запущенное состояние»²¹.

Работами Термезской археологической экспедиции 1936—1938 г. установлено, что такой же упадок городской жизни происходил в Древнем Термезе, что, кстати, отмечено было и очевидцем — китайским путешественником Сюань Цзяном, собиравшим о Тохаристане, что даже в его время (в первой половине VII в.) «все города там разрушены и поросли травой»²². Эти сведения в отношении правобережного Тохаристана подтверждались раскопками в долине Кафирингана, где после эпохи Кобадиян V, датируемой второй половиной III — серединой IV в., прекратилась жизнь на крупном городище Кайкобад-шах²³. Эти данные дополнены также наблюдениями Л. И. Альбаума на городище Хайрабад-тепе в Ангорском районе Сурхандарьинской области²⁴.

Явления, связанные с кризисом рабовладельческого общества, прослеживаются и к югу от Аму-Дарьи, где большой город Беграм был также брошен жителями в IV в. н. э.²⁵

Весьма убедительный пример этого кризиса дает Варахша и ее окрестности. Древние оборонительные сооружения города, относящиеся к кушанскому времени, как показали раскопки северо-за-

падной башни, были заброшены. Башня в течение какого-то времени служила кое-как приспособленным жилищем. Затем и это временное жилище было перекрыто наслоениями осыпей и оплывов.

Одновременно произошло резкое нарушение ирригации, охватившее не только район Варахши. Надо полагать, что запустение орошаемых ранее земель распространилось значительно дальше на восток, захватив и пределы современного оазиса. На Варахше это видно из того, что у самого подножия древней башни накопился значительный слой золотого песка, который мог быть нанесен сюда только в том случае, если окрестности города потеряли свои древесные насаждения, а орошение бездействовало.

Исторические события, связанные с кризисом и вызвавшие распад Кушанского государства, не известны. По-видимому, в III—IV вв. происходили какие-то сдвиги в экономической и политической жизни страны, в результате которых обострились внутренние противоречия и разгорелась ожесточенная борьба. Можно предположить, что при этом большую роль играли движения угнетенного населения, в том числе рабов. Происходила и процесс разложения сельских общин. Из них выделялись влиятельные и сильные семьи дехканов, стремившихся к захвату земель и подчинению экономически слабых общинников, которых они превращали в «слуг и кедиверов», как говорит об этом «История Наршахи» в связи с подавлением восстания Аврута²⁶.

Есть еще один важный фактор, который нельзя забывать при рассмотрении этого вопроса. Закладывается он в постоянном сосуществовании в Средней Азии живущих бок-о-бок земледельческих и скотоводческих племен и народов, в угрозе нападения с севера и северо-востока воинственных кочевников. Эффективность обороны земледельческих оазисов прямо зависела от организации общества, от способности правительства обеспечить защиту страны. В условиях же обостренной классовой борьбы, упадка хозяйственной и политической жизни и ослабления центральной власти оседлые районы, как правило, оказывались легкой добычей стремительно нападавших кочевников.

Хорошо известные для других времен факты истории Средней Азии показывают, что в период консолидации оседлых обществ, расцвета их хозяйственной и политической жизни, эти общества или успешно противостоят нападениям, или быстро оправляются от их последствий, переходя в свою очередь к наступательной политике и подчиняя окрестные степи.

Распад Кушанского государства происходил в неспокойное время больших передвижений племен не только в Азии, но и в Европе. Раздробленное и ослабленное внутренними противоречиями и враждой с сасанидским Ираном Кушанское цар-

²⁰ С. П. Толстов. Периодизация древней истории Средней Азии.— КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 27.

²¹ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, стр. 160.

²² М. Е. Массон. Города Старого Термеза и их изучение.— «Труды УзФАН», серия I, вып. 2, «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1953 г.», Ташкент, 1941 г., стр. 91, 103.

²³ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафиринган (Кобадиян) (1950—1951).— МИА, № 37, 1953, стр. 292.

²⁴ Л. И. Альбаум. Некоторые результаты изучения Ангорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг.— «ИАН УССР», Ташкент, 1955, № 7, стр. 70.

²⁵ Р. Гиршман. Раскопки французской археологической делегации в Беграме (Афганистан).— КСИИМК, XIII, 1946, стр. 15.

²⁶ А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.).— КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 32.

ство оказалось неспособным противостоять ударам со стороны племен, объединяемых общим названием «белые гунны», и окончательно прекратило свое существование.

После упадка и запустения, продолжавшегося в течение длительного времени, точную хронологию которого установить трудно, наступает период оживления. В Варахше появляются, как мы видели, новые стены города. Сначала они имеют вид весьма скромных и не приспособленных к обороне глинобитных дувалов, затем нарастают вверх и в толщину, а около конца V или в VI в. превращаются уже в настоящую мощную городскую стену с башнями. На южной стороне в это время возводятся массивные сооружения цитадели и дворца. Самое поселение изменяет существенно свою планировочную структуру. Если раньше, в рабовладельческую эпоху, оно представляло собой пространство, обнесенное мощной стеной, в середине которого возвышался массив каких-то монументальных зданий (структура этого центрального массива нашими раскопками не могла быть в достаточной степени раскрыта), то теперь застраивается вся площадь внутри стен. Город начинает новую жизнь в качестве феодальной резиденции правителей Бухары бухар-худатов.

За это время в политической жизни страны произошли важные изменения.

Кушанская империя распалась на множество мелких владений, каждое из которых заключало в себе область — оазис. Иногда в одном крупном оазисе, как в Согде и Бухаре, образовывалось несколько враждовавших между собой княжеств, претендовавших на первенствующее место и подчинение других. В Бухарском оазисе кроме бухар-худата, правителя Бухары, самого влиятельного и сильного, особые владетели были в Вардане и Харкане.

Бируни приписывает царям Хорезма происхождение от легендарного божественного героя Сиявуша.

Надо полагать, что не только правители Хорезма претендовали на божественное происхождение своей династии. Культ Сиявуша, как известно, был, может быть, в большей степени, чем в Хорезме, распространен в Бухаре. По бухарским сказаниям, зафиксированным в «Истории Наршахи»²⁷, именно на территории Бухарского оазиса произошло убийство Сиявуша Афрасиабом, жившим в Рамитане, и борьба Афрасиаба с Кай-Хусрау, мстителем за смерть отца, построившим селение Рамиш, известное и теперь на западной окраине оазиса. Напомним также, что в Бухаре еще до самого недавнего времени показывали могилу Сиявуша в арке, и что бухарцы сложили на смерть

Сиявуша, как сообщает «История Наршахи», особые песни, называвшиеся «кини-Сиявуш»²⁸.

С Бухарой связывает культ Сиявуша также и Махмуд Кашгарский: около Бухары, где, как он предполагает, был убит Сиявуш, каждый год происходит жертвоприношение огню. Люди плачут, приносят жертвы и льют кровь на могилу²⁹.

Весьма возможно, что это только бухарский вариант легенды, и что наряду с этим существовали другие версии широко распространенного мифа.

Едва ли можно сомневаться, что к культу Сиявуша — варианту широко распространенных культов умирающего и воскресающего бога (Осирис, Адонис, Таммуз, Христос), относится обычай, наблюдавшийся в VII в. в Самарканде китайским путешественником Вэй Цзе. Во главе с «служителями бога» в черных одеждах жители, мужчины и женщины, в течение семи дней «расходятся, чтобы искать тело умершего божественного ребенка»³⁰. Есть основания предполагать, что некоторые из мотивов пяджикентских росписей также связаны с мифом о Сиявуше³¹.

В свете приведенных фактов «сиявушидами» следует, по-видимому, считать не только шахов Хорезма, но и другие династии мелких государств, на которые распалось Кушанское царство.

Относительно времени образования государств, возникших в Средней Азии на развалинах Кушанской державы, точных сведений нет.

Сообщение «Истории Наршахи» о постройке бухар-худатом, неизвестным по имени, дворца в Варахше «более тысячи лет тому назад», не может быть принято. Оно свидетельствует только, что в представлении Наршахи (или одного из редактов

²⁸ «История Наршахи», Каган, 1904, стр. 19—20.

²⁹ Цит. по: R. Frye. The History of Bokhara, translated from a Persian Abridgment of the Arabic Original by Narchakhi. Cambridge — Massachusetts, 1954, p. 110, b. 122.

³⁰ E. Chavannes. Documents sur les lou-kiue (Turcs) occidentaux. «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. VI, СПб., 1903, стр. 133; С. П. Токаев. Древний Хорезм, стр. 203 и сл.; М. М. Дьяконов. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. — КСИИМК, XL, стр. 37; А. М. Беленский. Вопросы идеологии и культов по материалам пяджикентских храмов. — «Известия древнего Пяджикента», М., 1954, стр. 77 и сл.

³¹ М. М. Дьяконов. Археологические данные к изучению течения реки Кафирган. — стр. 34 и сл. Есть все основания предполагать, что культ умирающего бога Сиявуша оказал немалое воздействие и на возникновение тех обрядов, которыми шиты отмечают гибель Хасана и Хусейна, внуков Мухаммеда (известный «шахсе-хасей» — испорченное «ша-Хусейн ва Хусейн»). Любопытное отражение этого культа сохранилось до нашего времени в детской игре узбекских ребят. Сделав из глины фигуру — подобие человека, они пританцовывают вокруг нее, напевая песенку: «Тутта чикиб тут еган, хий. Курвон-жон! Икки кузани курт еган, хий. Курвон-жон!» («Возбавшись на тут, сл. тутовые ягоди. Эй, Курбан-джон! Оба его глаза съели черни, Эй, Курбан-джон!»). Об этой игре, существовавшей в Ташкенте и Фергане, нам сообщил Т. Миргиязов; Я. Г. Гулямов записал текст приведенной песни. Следы древних культов, впрочем, сохранившиеся в виде детских игр, достаточно известны. По Э. Тейлору, «так же как игры наших детей сохраняют воспоминания о первобытных военных приемах, они воспроизводят иногда древние этапы культуры, относящиеся к детству человечества» («Первобытная культура», М., 1939, стр. 45).

²⁷ С этим оселением, где находился большой храм огня, развалины которого, можно полагать, представлены в настоящее время еще не исследованным большим холмом на северной стороне селения, был связан праздник магов Бухары, называвшийся Рамуш-Агам (Бируни и. Памятники минувших поколений. — «Избранные произведения», т. I, Ташкент, 1950, стр. 254).

ров его труда), дворец был построен в древние, незапамятные времена.

Несколько раньше, чем в Бухаре и Согде, возникло, вероятно, самостоятельное, отделившееся от Кушанской империи царство в Хорезме. По исследованиям С. П. Толстова, уже на рубеже II—III вв. н. э. Хорезм начинает чеканить собственную монету³², что говорит если не о полной самостоятельности, то, во всяком случае, о значительном ослаблении его зависимости от власти кушанских царей. Можно предположить также, что завоевание Хорезмом полной независимости совпадает с утверждением новой династии Афригидов, основатель которой Африт построил себе, как сообщает Бируни, дворец в Фире в 660 г. эры Александра Македонского, что должно соответствовать IV в. н. э.³³

Длительность существования Бухарского владения подтверждается также серией разнообразных медных монет. Медные монеты, в отличие от золотых и серебряных, имели, как правило, местное обращение и только в виде исключения вывозились за пределы страны, где они были выпущены. В частности, это особенно хорошо можно проследить по поздним монетам — времен халифата и Саманидского государства. Эти монеты найдены на Варахше и в ее окрестностях в количестве многих сотен экземпляров и во всех случаях, когда удавалось установить место их выпуска, они оказывались, за редкими исключениями, бухарскими. Только на нескольких тахиридских фельсах было прочитано «Мадина-ул-Балх», на нескольких экземплярах саманидских фельсов — «Самарканд» и на ранних караханидских монетах местом чекана назван Согд.

К числу несомненно бухарских монет, чеканившихся бухар-худатами, следует прежде всего отнести уже описанные выше вогнутые медные монетки с изображением на выпуклой стороне обращенной вправо головы царя, а на оборотной — стилизованного жертвенника, похожего на тамгу. Так же часто встречается небольшая плоская монетка — анизиграф, упоминавшаяся при описании раскопок. На одной ее стороне — изображение животного (верблюда, иногда некоторые подобие льва), на другой — ступенчатого жертвенника с зажженным на нем огнем. Обе монеты, как по типу, так и по месту находки на Варахше, не могут быть датированы временем позднее V — начала VI вв.

Встречаются и более редкие типы монет, по большей части плохо сохранившиеся³⁴. Характер-

ная их особенность — своеобразная тамга: X , являвшаяся, несомненно, тамгой бухарских правителей. Подробное описание монетных находок, сделанных на Варахше и в ее окрестностях, мы оставляем до специального исследования. Здесь же мы дадим только их краткую характеристику.

На одной из монет изображено анфас мужское безбородое лицо, другая сторона этой монеты занята крупным изображением упомянутой выше тамги в виде упрощенного жертвенника, как на скифатных монетах.

На другой монете на лицевой стороне в точном кружке изображен бюст, голова которого повернута в три четверти влево. Перед лицом помещена уже знакомая нам тамга, по правому краю монеты заметны остатки легенды. На оборотной стороне — изображение бегущего коня в точном кружке.

Несомненно, к этой серии следует отнести две неодинаковые очень плохо сохранившиеся монеты с изображением лица анфас. Оборотная сторона их стерта; никакой тамги или остатков легенд не сохранилось, но общий стиль изображений заставляет включить эти монеты в ту же группу бухарских денежных знаков.

Упомянем, наконец, серебряные монеты, давно известные под названием «монет бухар-худатов», битые по образцу сасанидских монет Варахрана V. В «Истории Наршахи» время, когда в Бухаре впервые стали чеканить серебряную монету, относится к годам правления первого преемника Мухаммеда — Абу Бекра (632—634 гг.)³⁵. Однако то, что бухарская монета весьма точно повторяет монету Варахрана V (421—438 гг.), а не монеты позднейших Сасанидов, более близких к времени Абу Бекра, заставляет предполагать, что они были выпущены значительно раньше VII в.

Выявленная нами серия монет бухар-худатов, конечно, еще далеко не полна. Кроме того, монеты не только не могут быть достаточно точно датированы, но не могут быть распределены хотя бы примерно и в порядке времени их выпуска. Для того, чтобы они сделались надежным и точным помощником в историко-археологических работах, требуется их дальнейшее углубленное исследование, а в особенности находка их в датированных культурных слоях. Правители, выпускавшие большое количество монет сменявшихся типов, должны были возглавлять достаточно устойчивую государственную организацию, а большое количество этих монет, как в наших находках, так и в музеевских коллекциях, свидетельствует о значительном денежном хозяйстве и развитом товарообмене.

Сложность политической обстановки в Средней Азии после распада Кушанского царства не ограничивалась образованием враждовавших между собою маленьких царств и внутренней классовой

в его окрестностях, поэтому мы пока не можем связать их с теми или иными археологическими слоями.

³⁵ Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 48.

³² С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 179 и сл.; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 160.

³³ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 190. В переводе «Памятников минувших поколений», выпущенном М. А. Салье, Фир построен в 616 г. эры Александра (стр. 48). Датой отделения Хорезма от Кушанского царства в «Истории Убейсской ССР» (т. I, кн. 2, Ташкент, 1955, стр. 96) называется III в. н. э. Эта же дата повторена во «Всемирной истории» (т. I, М., 1955, стр. 750).

³⁴ Все эти монеты собраны на поверхности городища и

борьбой. В это время происходили, как сказано выше, мощные передвижения кочевых племен, образовывавших иногда огромные племенные союзы и подчинявших своей власти целые страны и народы. Большую роль в Средней Азии в этот период сыграли племена «белых гунов». Это группа различных, по-видимому, племен, самое происхождение которых остается еще вопросом дискуссии, хотя им и посвящена уже большая литература.

Под названием «белые гуны» объединяются разные племена или союзы племен. Одним из них были хиониты, упоминающиеся впервые в 356 г., когда их предводитель Грumbата участвовал в союзе с Шануром II в осаде города Амиды, принадлежавшего Византии. Известно, что хиониты вели затем упорную борьбу с сасанидскими шахами Варахшаном V (421—438 гг.) и Иездигердом II (438—457 гг.). Дальнейшая судьба их неизвестна. Ареной действий хионитов были, по-видимому, южные области Средней Азии и, возможно, северная часть современного Афганистана.

Другим народом, причислявшимся к «белым гунам», были кидариты, именовавшиеся, вероятно, по имени их царя Кидара. Кидариты заняли Тохаристан. Их центром, по некоторым известиям, был город Боло, по Приску Паннийскому — Балаам. Существует несколько попыток определить местонахождение этого города. Нельдеке и Гутсмиц отождествляли Боло — Балаам с Бахом; Маркварт помещал его у Балхана на берегу Каспийского моря. В. В. Бартольд считал, что поскольку кидариты после своего пребывания в Боло перешли через Гиндукуш и завоевали часть Индии, местонахождение Боло — Балаама у Балхана маловероятно.³⁶ К отождествлению Боло — Балаама с Бахом присоединились де Гье, Шавани и Пельо.³⁷

Сравнительно недавно С. К. Кабанов высказал весьма основательное, на наш взгляд, мнение, что Боло относится к долине Кашка-Дарьи, где находилось владение Ношеболо, владельцем которого «имеет пребывание в городе Боло, от Нюми (Бухара) на юге». Ношеболо отождествляется таким образом с древним названием средней части долины Кашка-Дарьи, именовавшейся в древности Нхшебо.³⁸ Позднее, оставив Боло, кидариты перешли через Гиндукуш в долину Инда и основали там царство, существовавшее 75 лет.

Были ли подчинены кидаритам долина Зеравшана и северные области Средней Азии, остается неизвестным. Во всяком случае, если даже они на некоторое время и установили свое господство в области Бухары, то оно не могло долго продолжаться.

К «белым гунам» причислялись также собственно эфталиты, хотя этим именем назывались

также хиониты и кидариты. По данным западных источников, эфталиты завладели областями Средней Азии, а в 457 г. их царь Вахшунвар покорил Чаганиан, Тохаристан и Бадахшан. В результате войны с сасанидским шахом Перозом (459—484 гг.), погибшим в этой войне, эфталиты захватили Мерв, а затем заняли Кабул и Пенджаб, завоевали Восточный Туркестан, создав таким образом большую державу, существовавшую до второй половины VI в., в которую вошла, вне всякого сомнения, и долина Зеравшана.³⁹

Можно допустить, что не все эфталиты были кочевниками, что часть их жила оседло и занималась земледелием и что после переселения в области земледельческой культуры среди них начался процесс оседания на землю. Но, надо полагать, на первых порах эфталитский союз был типичной кочевой империей, подчинившей земледельческие оазисы, подобной позднейшим империям тюрков, монголов. Владелец Бухары и другие царьки Средней Азии находились в этой империи, вероятно, на положении данников-вассалов. Мы не знаем, в какой мере предводители эфталитов контролировали внутреннее дела подчиненных им оседлых государств. Неизвестно также, были ли поставлены рядом с «царями» правители из самих эфталитов или эфталиты не вмешивались в их внутреннюю политику. Скорей представляется, что местные владельцы сохраняли значительную долю самостоятельности.

Как бы ни обстояло дело с отношениями между эфталитами и местными правителями, остается несомненным, что внутренний процесс развития, экономического и социального, продолжался в оазисах Средней Азии своим порядком, независимо от эфталитских правителей. Этот процесс заключался в дальнейшем укреплении феодальных отношений: в захвате земель и подчинении населения дехканам, во главе которых в Бухарском оазисе стояли бухар-худаты.

Выше мы отметили, что в результате по большей части не известных нам событий, сопровождавших распад империи Кушанов, Варахша подверглась катастрофическому опустошению, которое коснулось не только ее окрестностей, но распространялось и на другие районы оазиса.

В центральном (стратиграфическом) раскопе на Варахше был выявлен слой, который мы условно датировали IV в. Здесь найдены остатки строения из плохо сформированного кирпича, то продолговатого, то квадратного. Стены этого здания, по сравнению с более ранними сооружениями первых веков нашей эры и более поздними постройками, обнаруживали большой упадок строительной техники и еще не оформившийся, но уже намекающий переход к строительным приемам раннего средневековья.⁴⁰

Однако процесс восстановления и начала новой

³⁶ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. — ИТОГО, т. IV, вып. II. Ташкент, 1902, стр. 27—28.

³⁷ R. Chirshman. Les Hionites-Heftalites, p. 76. К мнению этих ученых присоединились и сам Р. Гиршман.

³⁸ С. К. Кабанов. К вопросу о столице кидаритов. — ВДИ, 1953, № 2, стр. 201.

³⁹ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 268—269.

⁴⁰ Об упадке строительной техники в «кушано-эфталитский период» говорит также С. П. Толстов («Периодизация древней истории Средней Азии», стр. 27).

жизни на Варахше может быть датирован скорее всего эфталтским временем. Признаки возрождения поселения прослеживаются в раскопе в северо-западном углу городища, где была построена сначала тонкая глинобитная стена, через некоторое время надстроенная и сделавшаяся более солидной и прочной. К эфталтскому же времени относится и оживление ряда других поселений, разбросанных вокруг Варахши, что должно в первую очередь обозначать восстановление разрушенной перед тем ирригационной системы. Однако оно, как мы видели, не было полным. Крайний запад оазиса так и остался пустынным.

К концу V или, что более вероятно, к первой половине VI в. относятся крупные реставрационные работы на Варахше. Вокруг селения возводятся мощные оборонительные стены с башнями, а на южной стороне появляется массив цитадели, под защитой которой строится дворец. Селение превращается в феодальный город — одну из столиц местного правителя.

Положение в Средней Азии, по всей видимости, существенно не изменилось и в результате смены в 563—567 гг. господства эфталтов властью тюркского каганата. Сложившееся в середине VI в. тюркское государство включило в свой состав огромные территории Центральной и Средней Азии, где обитали народы, отличные по этническим, расовым, языковым и иным признакам, с различной степенью развития социально-экономических отношений и различным хозяйством. Подчинив старые культурные области Средней Азии, сами тюркские каганы и их окружение остались кочевниками. Тюркские племена продолжали жить в степях, и их иммиграция в оседлые районы была, по-видимому, еще весьма небольшой. Если выше мы говорили о значительной самостоятельности местных среднеазиатских царей при эфталтах в достаточной мере предположительно, то в период господства тюркского каганата эта черта выступает особенно ясно. Местные «цари» были всего лишь данниками западнотюркского кагана. Нет сомнения, что господство тюркских каганов и проникновение в страну, хотя и в ограниченном числе, тюркского элемента наложили отпечаток на жизнь населения оседлых областей. Но существенного влияния на дальнейшее развитие хозяйства и социально-экономических отношений во владениях бухар-худатов тюрки, по-видимому, не оказали.

Для Бухары нет такого списка царей, какой сообщил Бируни для династии хорезм-шахов. Основным источником по истории Бухары доарабского времени — неоднократно редактировавшийся и сокращавшийся труд Мухаммада Наршахи дает очень неполные и нередко противоречивые сведения. В нем мы находим большое количество имен, но все они могут быть поставлены в определенную последовательность и определены более или менее точно хронологически.

Неизвестно время правления бухар-худата Кана, который приказал «чеканить монету из чистого серебра и поместить (на ней) свое изображение

в короне»⁴¹. Считая, как сказано выше, что выпуск серебряных монет в Бухаре следует приблизить ко времени правления Варахшана V (421—483 гг.), к этой очень ориентировочной дате можно отнести и сведения о Кане⁴².

О значительных средствах и власти, которыми располагали бухарские владетели, свидетельствует возведение, вероятно, кем-то из предшественников Шехидина и Алигини, грандиозных массивов цитадели и дворца в Варахше: для этих построек бухар-худаты должны были располагать большим числом рабочих рук подчиненного им населения.

Варахша была второй резиденцией правителей, так как основным местопребыванием бухар-худатов следует считать Бухару. Желание иметь вторую резиденцию с дворцом можно рассматривать как тенденцию правителей к возвышению своего престижа: в этом они подражали могущественным царям Древнего Востока и шахам Сасанидам.

Вследствие каких-то событий дворец подвергся разрушению. И это не было, конечно, случайным явлением. Можно предположить, что разрушение дворца было одним из проявлений той классовой борьбы, которая сопровождала установление феодальных порядков.

Мы знаем не много фактов, свидетельствующих об этой борьбе, но и то, что дошло до нас в скудных исторических источниках, позволяет говорить о большой напряженности сдвигов, происходивших в феодализирующемся обществе Средней Азии. Вернувшись несколько назад, ко времени распада Кушанского царства, мы должны отметить распространение в Средней Азии манихейства (с III в. н. э.), которое может рассматриваться как ослепленный в религиозную оболочку протест против устанавливающихся феодальных порядков. Еще более ясно выражен социальный протест в движении сторонников учения Маздака (конец V—VI вв.), требовавшего всеобщего имущественного равенства и возврата к старинным общинным порядкам землевладения.

«История Наршахи»⁴³ сообщает о значительном народном движении, арене действия которого был Бухарский оазис — восстание во главе с Абурием⁴⁴. По данным «Истории Наршахи», это

⁴¹ Наршахи. История Бухары, стр. 48; П. И. Лерх считает «Кан» не личным именем, а именем династии («Монеты бухар-худатов» — ТВОРАО, ч. XVIII, СПб., 1875—1909, стр. 82).

⁴² П. И. Лерх замечает по этому поводу, что указание «Истории Наршахи» на время Абу Бекра «может быть, имеет лишь то значение, что введена в Бухаре чеканка серебряной монеты вообще до походов арабов-мусульман за Оксус». Однако далее он склоняется к мысли о правдоподобности отнесения этого чекана ко времени Абу Бекра.

⁴³ «История Наршахи», стр. 7—8.

⁴⁴ Чтение этого имени усложнено. В каганском литографированном издании «Истории Наршахи» поставлена огласовка, по которой оно должно читаться «Абравай». Р. Фрай (R. Frey, Указ. соч., стр. 105, прим. 18) приводит также возможные варианты: «Абраве» или «Абравау»; Вамберг (A. Vamberger, «Geschichte Buchara», Bd. I, S. 1) — «Аберз». Последняя форма, не подтвержденная ни одним известным нам изданием или рукописью, принимается Марквартом, который возводит это имя к эфталтскому племени

событие имело место в Пайкенде, в 25—30 км от Варахши. Жители выбрали из своей среды Абура в качестве правителя⁴⁵. Источник изображает его тираном и притеснителем и сообщает, что его жестокость заставила жителей покинуть Бухарский оазис и переселиться «в сторону Туркестана». Но «жестокость» Абура выглядит таковой только с точки зрения правящих кругов; из той же «Истории Наршахи» следует, что, ушли из области не жители вообще, а только «богатые купцы» и дехканы, среди которых был и «великий дехкан». Особенно наглядно выступает демократический, народный характер движения в конце рассказа о движении Абура, где говорится о подавлении восстания с помощью тюрокского кагана. Богачи и знатные дехканы возвратились, а оставшиеся в Бухаре бедные люди сделали из слугами (хизматкаран). «Великого дехкана,— говорится в «Истории Наршахи,— называли бухар-худат, потому что он происходил из древнего дехканского рода; возделанные земли принадлежали ему, а большая часть тех людей были его кедиварми и слугами».

В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса об идентификации тюрокского правителя Кара-Чурина и его сына Шири-Кишвара с лицами, известными по некоторым источникам, и об отождествлении Абура с последним эфталтским правителем, как предположил И. Маркварт⁴⁶, или о выдвинутом С. П. Толстовым отождествлении его с тюрокским царевичем Або-Далобаном⁴⁷. Нас интересует здесь только факт народного восстания против дехканов и богачей, происшедшего, надо полагать, в VI или VII в. н. э.⁴⁸ У нас нет достаточных оснований, чтобы считать синхронными событиями восстание Абура и разрушение дворца, но предположить, что дворец оказался заброшенным и пришел в состояние разрушения вследствие каких-то подобных же событий, вполне допустимо.

yar/Avar (см. С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 250). Это сопоставление подкрепляется необоснованным, на наш взгляд, отождествлением стоицы эфталтов Баднан с Пайкендом.

⁴⁵ «История Наршахи», стр. 7 كيدند و امير كردند و ابا او الكيدي بود.

⁴⁶ J. Marquart. Eranšahr nach der Geographie des P. Moses Chorenaci. Berlin, 1901, S. 309. К тому же зрения И. Маркварта присоединился позднее Гибб (H. A. R. Gibb. The Arab conquest in Central Asia, London, 1923, p. 4).

⁴⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 248 и сл. (экскурс «Тирания Абура»). С нашим мнением о движении, возглавляемом Абуром, как о народном восстании, вполне согласуется характеристика его как «классового конфликта в его внутреннем бухарском аспекте», данная С. П. Толстовым (там же, стр. 276).

⁴⁸ С. П. Толстов («Древний Хорезм», стр. 255) датирует это событие 80-ми годами VI в. Содержащиеся в рассказе о восстании Абура неясности привели некоторых исследователей к отрицанию его историчности. Э. Захав рассматривал этот рассказ как миф, а Абура был принят им за персонализацию реки Зеравшан (см. там же, стр. 249); точку зрения Э. Захав поддержал К. И. Иностранцев («О домусульманской культуре Хивинского оазиса».— ЖМНП, СПб., февраль 1911, стр. 303). Мы не сомневаемся в том, что рассказ «История Наршахи», основанный на народном предании (чем и объясняются смещения хронологического порядка), отражает историческое событие.

К более позднему времени (быть может, к реставрации власти бухар-худатов с помощью тюрокских войск) следует отнести восстановление дворца бухар-худатом, которого «История Наршахи» называет Хунук-худат. Со строительной деятельностью этого правителя мы связываем капитальный ремонт здания, когда были частично заново переложены стены Красного зала и появилась стенная роспись. Если это так, то и время его жизни мы должны отнести к концу VII в.

Единственным бухар-худатом, правившим до проникновения в Среднюю Азию арабов, о котором сохранились несколько более полные сведения, был Бидун⁴⁹ (имя приводит также в форме Б-н-дун). Время начала его правления неизвестно, смерть же его последовала, видимо, не позднее 674 г., когда на Бухару напали арабы, так как в это время областью управлял его вдова.

Бидуна в «Истории Наршахи» приписывается восстановление пришедшей в упадок крепости Бухары и постройка дворца, несколько раз разрушавшегося, пока по совету мудрецов не построили «по плану Большой Медведицы». На воротах дворца была укреплена железная плита, на которой строитель начертал свое имя. Действительность и здесь переплетается с вымыслом и ясно обнаруживает источник сведений авторов цитируемого труда. Это было, конечно, народное предание. История доаравских царей Бухары сделалась уже достоянием легенды. Впрочем, сообщение о надписи на железной плите представляется реальным, так как надпись эта сохранилась до X в., до времени составления труда Наршахи⁵⁰.

После смерти Бидуна, как рассказывает «История Наршахи», остался его грудной сын по имени Тогшади. Правительницей сделалась мать Тогшади, которая управляла областью в течение 15 лет⁵¹. Имя этой женщины «История Наршахи» не указывает. К X в. оно, видимо, уже не сохранилось в народной памяти, и она упоминается только под своим титулом — «хатун»⁵².

Красивой, хитрой и дипломатичной царице пришлось управлять Бухарой в сложной обстановке начинающегося наступления арабов, произ-

⁴⁹ Наршахи. История Бухары, стр. 15, 33—34, 62.
⁵⁰ Там же, стр. 33—34.

⁵¹ Хронологические данные «Истории Наршахи» вообще не точны и не всегда надежны. По-видимому, при редактировании этого труда кое-что было перепутано. Есть, несомненно, искажения, внесенные переписчиками. Можно допустить, что и в распоряжении самого Мухаммада Наршахи не всегда были достаточно надежные сведения.

⁵² Относительно происхождения этого титула высказывалось немало различных мнений. Некоторые авторы (Банг) считали его тюрокским, другие утверждали, что он заимствован тюрками у ираноязычных народов и в качестве титула жены кагана, так как он был найден в хотанском сакском в форме «hatalpa». Меис предпологает, что этот титул введен парфиянами, как параллель греческого «autocratos». Наконец, ряд авторов (Гершенц) полагают, что «хатун» — согдийское слово, обозначающее «царица», «hwatani» жен. род от «hwatana» (см. R. Frye. Указ. соч., стр. 110).

Табари (II, 169—170) приводит имя бухарской царицы, но без огласовки: «Q-b-h».

водивших набеги на богатые области Мавераннах-ра с целью захвата добычи и пленных. История сохранила данные о таких набегах. В 674 г. на Бухару напал арабский полководец Убейдулла ибн Зияд⁵³; через два года (в 676 г.) нападение на Бухару совершил Саид ибн Осман, а в начале 80-х годов — Сальм⁵⁴ ибн Зияд. Все попытки Хатун отразить их набеги с помощью войск согдийцев и тюрков оканчивались неудачей. Сплоченные и более дисциплинированные войска арабов неизменно разбивали наскоро сколоченные коалиции войск политически раздробленных среднеазиатских областей. Дело заканчивалось каждый раз уплатой крупных контрибуций. Получив большой выкуп и подарки, увозя с собою награбленное имущество и пленных, арабы уходили в Хорасан. Походы арабов в этот период носили характер грабительских набегов. Наместник Хорасана, упомянутый Сальм ибн Зияд, первым из арабов провел зиму в Мавераннахре.

Положение изменилось во время царствования Тогтады, сына Хатун. Арабы, особенно после назначения наместником Хорасана энергичного полководца Кутейбы ибн Муслима, приступили к более прочному завоеванию Мавераннах-ра с целью присоединения его к арабскому халифату. Пользуясь политической раздробленностью страны и взаимным соперничеством мелких среднеазиатских владетелей, привлекая на свою сторону одних против других, арабы одерживали победы. Попытки местных правителей создавать союзы против арабов не имели успеха. Эти союзы быстро распались. И все же арабам приходилось преодолевать упорное сопротивление местного населения, постоянно встававшего против новых поработителей. Временами, как известно, почти вся страна освобождалась от арабов, которые восстанавливали свою власть с большим трудом. В это тяжелое и смутное время неизбежно страдало хозяйство, ухудшалась жизнь населения.

«Тогтада достиг возраста», — сообщает «История Наршахи», — «когда он сам мог царствовать». Время начала его правления определяет довольно трудно, так как показания нашего главного источника — «Истории Наршахи» — противоречивы. Продолжительность правления Тогтады указана в 32 года, там же говорится, что после гибели Кутейбы ибн Муслима (715 г.) он правил еще 10 лет⁵⁵. Следовательно, начало его правления приходится на 693 г., а конец — на 725 г. С другой стороны, тот же источник утверждает, что Тогтада правил в качестве вассала при наместнике Хорасана Асаде ибн Абдаллахе (735—738 гг.)⁵⁶ и был убит уже во время наместничества

ва Насра ибн Сейяра⁵⁷. по-видимому, в начале деятельности последнего в качестве наместника.

Однако дата этого события, указанного в «Истории Наршахи», 156 (772—773) г.⁵⁸ (в каганском литографированном издании) и 166 (782—783) г. (в издании Шефера и переводе Лыкошина⁵⁹, должна быть отвергнута как явно неверная, так как Наср сделался наместником Хорасана в 738 г. и оставался в этой должности только до 748 г. Есть о Тогтаде одно упоминание в китайских источниках: в 726 г. он (имя приводится в форме «Дусоботи») присылал посольство в Китай⁶⁰.

Наиболее надежной датой смерти Тогтады можно было бы признать 738—739 гг. — годы начала наместничества Насра. Тогда начало правления Тогтады приходится на 706 или 707 гг.⁶¹ Но и в этом случае получается большое несоответствие с датами правления царицы — его матери, которая, по словам «Истории Наршахи», правила 15 лет, а начало ее правления, как мы видели, должно быть отнесено ко времени до 674 г. Невыяска в датах достигает, таким образом, приблизительно двадцати лет.

Мы должны при этом допустить, что между правлением царицы и правлением Тогтады был значительный промежуток времени, когда власть захватывал кто-то не названный по имени, или это время было заполнено внутренними смутами и борьбой за престол между претендентами⁶². А борьба эта была, по-видимому, крайне ожесточенной. Еще во времена правления Хатун часть войска отказывалась признать законность передачи трона Тогтаде, который считался в народе сыном не Бидуна, а слуги. Царица избавилась тогда от части дехканов, находившихся в оппозиции, отдав их в заложники Саиду ибн Осма-

⁵⁷ Там же, стр. 79—81.

⁵⁸ «История Наршахи», стр. 76.

⁵⁹ Наршахи. История Бухары, стр. 79.

⁶⁰ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 312. В «Тан-шу» (там же, стр. 311) упоминается еще другой Дусоботи, правитель Самарканда (696—698 гг.), имя которого в согдийском произношении — Тукаслак (О. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 363—364).

⁶¹ Такую дату: 707 (или 706) — рамазан 739 г. дает Притсак (Р. Pritsak) в письме от 10 апреля 1953 г., на которое ссылается Р. Фрай (указ. соч., стр. 109—110, прим. 36).

⁶² Хронологическая путаница и фактические ошибки в дошедшей до нас версии «Истории Наршахи» не ограничиваются приведенными примерами. На стр. 9 содержится, например, утверждение, что Кутейба завоевал Бухару «в царствование Муавин», который умер в действительности на четверть столетия раньше. Там же говорится, что Кутейба, а после его смерти и Тогтада, убиты Абу-муслимом, деятельность которого относится к 40-ым годам VIII в. Возможно, что в последнем случае имеется в виду не Кутейба, сын Тогтады, а другой Тогтада, может быть, сын первого. Искажения, внесенные одним из редакторов или переписчиков, связаны это по тексту с Кутейбой ибн Муслимом и Тогтадой, правившим в его время, что противоречит, как мы видели, сказанному ниже в том же источнике. На помощь против Сальма ибн Зияда (681—683 гг.) царица, мать Тогтады, призывает «Тархуна, царя Согды». В действительности Тархун начал править не раньше 698 г.

⁵³ По Табари (II, 169—170), он был первым арабским полководцем, переправившимся через Аму-Дарью; в 54 (674) г. он разбил войско тюркского царя и его жены К-б-х Хатун. Его рассказ повторяет Ибн-ал-Асир (III, 414). Однако, по Якубу, Хатун была царицей Бухары.

⁵⁴ По Наршахи — Муслим.

⁵⁵ Наршахи. История Бухары, стр. 14, 80. Последнее указание, несомненно, ошибочно.

⁵⁶ Там же, стр. 78.

ну⁶³. При воцарении Тогшады борьба за престол разгорелась с новой силой. «Каждый жаждал захватить царство. Притязал на него и один вазир, пришедший из Туркестана. Имя его было Яздан-худат⁶⁴. Ему принадлежали окрестности Варданзи. Кутейбе пришлось много воевать с ним. Кутейба изгнал его из области, он бежал и ушел в Туркестан»⁶⁵. В начале деятельности Кутейбы в Средней Азии Тогшад, видимо, еще не овладел царством. Утвердиться на престоле ему удалось только с помощью Кутейбы, который «очистил для него царство и у всех врагов Тогшад отнял силу». Тогшад принял ислам, а родившегося у него сына назвал Кутейбой.

Это интересное сообщение Наршахи проливает свет на обстановку, существовавшую в то время в Бухарском владении. Не только вся Средняя Азия была поделена на маленькие, иногда крохотные «царства», но и внутри этих «царств» не было единства вследствие соперничества крупных дехканов. Из того же сообщения Наршахи видно, как представители господствующего слоя, преследуя свои личные цели, принимали покровительство завоевателей, облегчая тем покорение страны арабами.

Впрочем, переход Тогшад на сторону арабов и принятие им ислама были мерами дипломатическими. «В душе он остался неверным», сообщает Наршахи. Он же говорит о вражде Тогшад к проповеднику ислама и о жестоких репрессиях против людей, принявших ислам. Тогшад ложно обвинил их в том, что они из корысти признали новую религию, чтобы не платить хараджа; четыреста человек он перебил, многих отправил к эмиру Хорасана Асаду⁶⁶.

Вероятно, «отступничество» Тогшад проявилось и в способе его погребения, после того как он был убит двумя дехканами, у которых он отнял принадлежавшие им деревни: «Слуги его вошли, отделили мясо, а кости его перенесли в Бухару».

Из этого же рассказа мы узнаем, что наряду с бухар-худатом был еще и «эмир Бухары» Василь ибн Амр — арабский наместник. Дехканы, убившие Тогшад, убили также и Василь⁶⁷.

Преемником Тогшад стал его сын Кутейба, который правил между 739 и 750 гг.⁶⁸ Одновременно с его воцарением в Бухару был назначен арабский эмир Халид ибн Джунайд. Арабы явно не доверяли своим среднеазиатским вассалам, даже принявшим ислам. Страна была еще не покорена, против арабских завоевателей в Средней Азии вспыхивали одно за другим крупные народные восстания.

Оснований для недовольства масс было более чем достаточно. К притязаниям феодалов-дехкан, стремившихся закабалить трудовое население, прибавились новые тяготы, принесенные арабами. Длительная война, продолжавшаяся уже несколько десятилетий, приносила разрушения и подрывала нормальную хозяйственную жизнь. Кроме поборов прежних властителей, которые еще оставались на своих местах, население должно было платить харадж и джизию, нести различные натуральные повинности. Оскорбляло достоинство свободолюбивого среднеазиатского населения введенное арабами «опечатывание» налогоплательщиков свинцовыми пломбами, навешивавшимися на шею. Всеми возможными способами арабы вели борьбу со старинной местной культурой, разрушали и грабили дворцы и храмы, внедряя, иногда крупными мерами, новую религию — ислам.

Когда в конце 40-х годов VIII в. происходило возглавленное Абумуслимом аббасидское движение, народ примкнул к нему, надеясь, что воцарение новой династии принесет облегчение. Вскоре выяснилось, что эти надежды не оправдались. Это вызвало в Бухаре большое восстание, во главе которого стоял араб Шарик ибн Шейх ал-Махри, агитировавший против Аббасидов, за передачу власти потомкам Али. Агитация имела в Бухаре большой успех. Когда Абумуслим и его полководец Зияд ибн Сааих с войском подошли к Бухаре, к Шарик, по словам «Истории Наршахи», присоединились все жители этого города. Борьба была жестокой и упорной. Арабским войскам, на стороне которых был и бухар-худат Кутейба со своим войском, пришлось применить различные тактические приемы и военные хитрости, чтобы справиться с восставшими. Это восстание было не только шиитским, направленным против Аббасидов. Тот факт, что бухар-худат оказался, отнюдь не из преданности исламу, на стороне завоевателей и то, что Кутейба обратился за поддержкой к богатым купцам кушчушанам, обитателям замков в окрестностях города, показывает, что это было прежде всего народное движение, направленное против арабских завоеваний и своих феодальных правителей. Именно поэтому против восставших объединились представители господствующего класса и завоевателей, и побежденных. Этот же объясняется и исключительная жестокость, с которой восстание было подавлено⁶⁹.

Однако, несмотря на помощь, оказанную арабам при разгроме восстания, Кутейба был убит по распоряжению Абумуслима как отступник от ислама. Предательство по отношению к своим подданным не спасло его.

⁶³ Подробный рассказ об этом событии см.: Наршахи. История Бухары, стр. 81—84.

⁶⁴ Наршахи. История Бухары, стр. 52.

⁶⁵ В переводе Лыкошина (там же, стр. 16) — Вардан-худат.

⁶⁶ «История Наршахи», стр. 11. В переводе Лыкошина (Наршахи. История Бухары, стр. 16): «Вардан-худат умер, а Кутейба овладел Бухарой».

⁶⁷ Наршахи. История Бухары, стр. 78.
⁶⁸ Наршахи. История Бухары, стр. 79—81. Известие об отделении костей от мяса после смерти Тогшад есть и у Табари (см. об этом: К. А. Иностранцев. К истории домусульманской культуры Средней Азии.—ЗВО, XXIV, 1917, стр. 139).

⁶⁹ В переводе Н. С. Лыкошина (Наршахи. История Бухары, стр. 81) сын Тогшад назван Ваширом, тогда как в других местах того же источника (стр. 16—17) непосредственным преемником Тогшад является Кутейба. Возможно даже, что это просто ошибка одного из переписчиков, так как в соответствующем месте каганского автографированного издания стоит «Кутейба».

Следующим бухар-худатом «История Наршахи» называет Тогшаду II, который правил десять лет и был убит так же, как и Кутейба, сын Тогшады I, по распоряжению Абумуслима. После него семь лет царствовал его брат Сукан, сын Тогшады, убитый в своем дворце в Варакше, где он и был погребен. За ним последовал Буниат, четвертый сын Тогшады⁷⁰.

Здесь мы снова встречаемся с хронологической неуязкой: Тогшада II не мог быть убит Абумуслимом, так как последний погиб в Багдаде в 755 г., т. е. приблизительно за пять лет до этого события. Поэтому только условно можно принять, что Тогшада II занимал престол бухар-худатов в 750/751—760 гг., Сукан — в 760—767 гг., а Буниат, сделавшись правителем в 767 г., погиб в 782—784 гг. в связи с подавлением восстания Мукан-ны⁷¹.

В отношении Тогшады II источники не дают никаких сведений. Из событий, происходивших в предполагаемое время его правления, можно назвать только имевшую место в 757—758 гг. казнь арабского эмира Бухары Муджиди ибн Хурайса ал-Ансари за поддержку шиитского движения, направленного против Аббасидов, в чем можно усматривать продолжение той антиаббасидской пропаганды, под лозунгами которой поднялось восстание Шарика.

Нет данных и о преемнике Тогшады II—Сукане, кроме того, что, по рассказу Наршахи, в его правление возникали смуты.

Для нашей темы интересно отметить, что Сукан, подобно его предшественникам, был убит по распоряжению халифа, очевидно, за поддержку, оказанную движению против арабов. Произошло это в его варакшском дворце: «Он в это время держал перед собой тетрадь и читал Коран; в таком положении его убили и похоронили в том же дворце»⁷². Следовательно, дворец в это время, около 767 г. (по приблизительным расчетам), в какой-то своей части существовал. Возможно, что Сукан приступил к его восстановлению, хотя «История Наршахи» приписывает это преемнику Сукана Буниату⁷³.

К строительным мероприятиям Буниата, а, возможно, частично и его предшественника, следует отнести большие работы, в результате которых дворец был не только восстановлен, но, в

сущности, построен заново на старом месте. Строительство должно было занять продолжительное время. К постройкам этого периода следует отнести возведение Восточной афилады, а также каких-то помещений над специально затбитым Красным залом и помещением к западу от него, сооружение здания, украшенного стуком, на южной стороне и пышного, богато украшенного айвана. К числу сооружений, возникших в этот период, следует присоединить и восточную часть цитадели—большое здание, предназначавшееся, надо полагать, для размещения гарнизона. Можно допустить, что обширная строительная программа не была выполнена полностью. Второй этаж восточной части цитадели, надо думать, никогда не был возведен.

Значительный объем работ по постройке дворца, обилие и тщательность замечательной резьбы по алебастру говорят о том, что правитель Бухары, несмотря на продолжавшуюся почти целое столетие борьбу с арабскими завоевателями, был еще достаточно влиятелен и богат, и что в его распоряжении было много людей, привлекавшихся к строительству. Несмотря на то, что рядом с ним стоял ограничивающий его действия арабский эмир и что область входила, во всяком случае, формально, в состав арабского халифата, бухар-худат считался еще «царем», владевшим по традиции областью и распоряжавшимся ее населением.

Восстание «людей в белых одеждах», начавшееся около 760 г. и охватившее основные части Мавераннахара, показывая, насколько неустойчивой была власть халифа и его наместников. То обстоятельство, что бухар-худат Буниат, который «некоторое время исповедовал мусульманскую религию», что означало в те времена лояльность по отношению к халифату, оказал затем помощь восставшим, свидетельствует, конечно, не о симпатии его к лозунгам уравнивания имущества, а о его сепаратистских стремлениях. С помощью «людей в белых одеждах» была сделана попытка изгнать арабов и восстановить древнее Бухарское царство. Это не удалось. Арабские войска оказались сильнее героически сопротивлявшихся сторонников Муканни, и восстание, продолжавшееся, как пишет Бируни⁷⁴, целых четырнадцать лет, с большим трудом, но все же было подавлено⁷⁵. Сам Буниат погиб.

«История Наршахи» сообщает, что он «сидел в это время в Варакше, в своем дворце, и пил с гостями вино. С высоты он издалека завидел быстро двигающуюся по направлению к ним конницу. Он понял, что это были воины халифа. Он хотел принять меры, но в это время конница приблизилась, и воины, ни слова не говоря, бросились на него с обнаженными саблями и обезглавили его... весь его отряд разбе-

⁷⁰ Там же, стр. 14—15.

⁷¹ О. Притаск считает преемниками Тогшады трех сыновей: Кутейбу (739—750 гг.), Сукана (750—757 гг.) и Буниата (757—781 гг.) (из письма от 10 апреля 1953 г. П. Фраю, *См. Р. г. у. е. Указ. соч.*, стр. 109—110, п. 36). Таким образом, он вообще опускает имя Тогшады, считая соответствующее место «Истории Наршахи» не заслуживающим доверия. Разделяя в известной мере сомнения указанного ученого, так как сообщение об этом правителе слишком бедно и не связано с какими-либо конкретными фактами и событиями, кроме явно неверных указаний об убийстве его Абумуслимом через десять лет после смерти Кутейбы, считаем возможным все же оставить его условно в списке династии.

⁷² Наршахи, стр. 14.

⁷³ Там же, стр. 26.

⁷⁴ О восстании Муканни см. исследование А. Ю. Якубовского «Восстание Муканни — движение „людей в белых одеждах“», — *СВ. В.* 1948, стр. 35 и сл.

⁷⁵ Наршахи, История Бухары, стр. 17.

жался». Таковы критические подробности события, свидетельство о которых сохранил для нас Наршахи⁷⁶.

С этого времени даже ограниченная арабами самостоятельность бухар-худатов и роль их в политической жизни области сошла на нет. В «Истории Наршахи» упоминаются еще несколько лиц, представителей рода бухар-худатов. Все они носят уже мусульманские имена. Хотя об одном из них, Абу Мухаммаде, сообщается, что он был «эмиром Бухары»⁷⁷, они уже не имели политической власти, но оставались крупными землевладельцами, так как все поместья и возделанные земли (*ومستغلات ضياعات*)⁷⁸ находились в руках потомков Бунната. Последним владельцем этих земель назван Абу Исхак, сын Ибрагима, внук Халида, правнук Бунната. Исмаил Самани (892—907 гг.) отнял у него земли, возместив утрату ежегодной выплатой 20 тыс. дирхемов. Умер Абу Исхак в 301 (913—914) г., а его потомки, отпрыски окончательно захиревшего рода, продолжали жить в селениях Суфна и Сиванч⁷⁹.

* * *

Что представляла собою область Бухары, находившаяся под управлением бухар-худатов? Отрывочные и случайные указания письменных источников не дают возможности представить картину социально-экономического развития страны с достаточной полнотой и ясностью.

Многие авторы отмечали, что разложение рабовладельческих отношений в Средней Азии сопровождалось прежде всего упадком городов. Вместо городских центров экономическая жизнь сосредотачивалась в сельских местностях, где возникли многочисленные «замки». Наиболее определенно этот процесс прослежен в Хорезме, где при резко уменьшившемся числе городов возникает особый тип укрепленного сельского поселения.

Эти поселения, по мнению С. П. Толстова, были заняты большесемейной патриархальной общиной-кедом, во главе которой стоял старейшина — кедхуда. В общину входили члены его семьи, зависимые от него «кедиверы» — земледельцы, а также рабы⁸⁰.

Исторические условия Хорезма отличались, вне сомнения, своей спецификой. Однако основные черты этого процесса могут быть прослежены и в других частях Средней Азии. Наряду с захирением таких центров, как Термез и Самарканд, мы можем заметить в Мавераннахре (как позднее страна была названа арабами) и в Тохаристане появление множества усадеб-замков. Иногда они строятся на местах укреплений рабовладельческо-

го времени, но часто возводятся на новых местах. Подобные «замки», возникшие в V—VII вв. или в несколько более позднее время, исследованные археологической экспедицией Академии наук Узбекской ССР в Сурхан-Дарьинской области⁸¹, в долине Кашка-Дарьи⁸², на берегу Даргома, в окрестностях Самарканда⁸³. Сюда же может быть отнесен и Ак-тепе под Ташкентом, раскопанный А. И. Тереножкиным⁸⁴.

В окрестностях Варакши разбросано много десятков таких «замков», которые были населены в прадарабское время. Они мало исследованы, поэтому мы не можем выделить из них те, которые возникли в V—VII вв. Немногие те, которые удалось исследовать, содержат и более старые слои, но не позднее первых веков нашей эры⁸⁵. «Замки» V—VII вв. возводились уже на обжитых в древности местах, что создавало значительную экономно, так как для сооружения укрепления можно было использовать старые постройки как основание. Этим не исключается, что многие из тепе этой местности возникли заново в период оживления района после кризиса III—IV вв.

При этом почти все бухарские тепе, как они сложились к указанному времени, имеют «шлейф», либо примыкающий к нему, либо отделенный седловинкой. «Шлейф» заключал в себе службы и жилища. При небольших тепе он обычно незначителен по площади. При более крупных, таких как Катта-Ходжа-пашан или Зармитаан, «шлейф» разрастается в лесение, занимающее площадь иногда в два-три раза превышающую площадь самого тепе. Что же могла означать такая структура поселения в смысле социальных отношений его обитателей?

А. Ю. Якубовский полагал, что основная масса земледельческого населения в рассматриваемое время была свободна и не знала внеэкономического принуждения. Земледельцы входили в сельскую общину, которая, как правило, совпадала топографически с укрепленным селением⁸⁶. Приняв это положение, мы должны допустить, что тепе представляли собой остатки жилищ сельскохозяйственных общин — кедов. Обитателями же «шлейфов» в этом случае могли быть слуги кедхуда, зависимые от него земледельцы-кедиверы и рабы. Община, по заключению С. П. Толстова и А. Ю. Якубовского, отличалась чертами глубокой архаичности. Но эту «архаичность» и «патриархальность», кажется, не следует преувеличивать.

⁸¹ Балаалым-тепе и Юмалак-тепе, раскопанные А. И. Альбаузом, и др.

⁸² Исследованные С. К. Кабановым и В. Д. Жуковым Шор-тепе и Шулюк-тепе, а также Бурн-тепе и ряд других.

⁸³ «Усадыба» в окрестностях Кафир-кала (раскопки Г. В. Шинниковой).

⁸⁴ А. И. Тереножкин. Хоам Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.), — «Труды ИИА АН УССР», вып. I, Ташкент, 1948, стр. 71 и сл.

⁸⁵ К числу таких памятников относится Таалин-Гуза в окрестностях Варакши (см. В. А. Нильсен. Материалы из раскопок на Таалин-гуза, — «Труды ИИА АН УССР», вып. VIII, 1956, стр. 229 и сл.).

⁸⁶ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 31.

⁷⁶ Наршахи. История Бухары, стр. 17.

⁷⁷ Там же, стр. 103.

⁷⁸ Там же, стр. 17: «поместья и арендные земли» (см. также «Историю Наршахи», стр. 12).

⁷⁹ Наршахи. История Бухары, стр. 17—19.

⁸⁰ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 194—197.

Не совсем ясно, кто такие были дехканы. Были ли кедхуда чем-то отличным от них или эти термины в какой-то мере совпадали? Не исключена возможность, что название «дехкан» присваивалось наиболее значительным из владельцев «замков». В «Истории Наршахи» говорится, что на службу к царице Хатун ежедневно являлось двести молодых людей из «царевичей и дехканов». Они сменялись по очереди, причем каждому из них приходилось служить всего только четыре дня в году. Следовательно, число таких молодых людей должно было доходить до 18 тыс. человек. Цифра эта, конечно, в несколько раз преувеличена, но все же она свидетельствует о большой численности той категории лиц, к которым прилагалось наименование «царевичей и дехканов», составлявших высший слой общества.

Однако дехканский слой был далеко не однородным по экономическому положению и по политическому весу своих членов. На это указывает большое различие между «замками». Наряду с грандиозными сооружениями, подобными Вардане, Катта-Ходже и другим, такие теле, как, например, Денгак, могли содержать в себе лишь очень скромные жилища с незначительным числом обитателей. Средняя Азия не знала, по-видимому, такой сложной и дробной иерархии правящего класса, какая наблюдалась в сасанидском Иране. Источники называют «дехканами» всех представителей господствующего класса Бухары, начиная с самого бухар-худата. Но в какой-то степени иерархия, несомненно, существовала. Близко к бухар-худату стояли иногда соперничавшие с ним владельцы Барданы, Харканы и, может быть, других особенно крупных поместий. Они-то, по настоящему, и составляли господствующую прослойку. Что же касается простых дехканов, то они, кроме «службы» во время царских приемов, должны были составлять привилегированную часть войска, возможно, тех самых «катафрактариев», которые изображены на стене Восточного зала. «История Наршахи» рисует нам этих людей в золотых поясах, отличавших их от простолюдинов, как свободолюбивых и гордых носителей дехканского звания. Характерен рассказ о том, как группа дехканов, отданных царицей в заложники Саиду ибн Осману, была вероломно уведена им в Медину, где с них сняли сабли и пояса, одели в грубую одежду и заставили выполнять земледельческие работы. Заложники не стерпели такого обращения, убили Саида, а сами покончили жизнь самоубийством.⁸⁷

Кроме дехканов, источники сообщают о купцах, которые, по мнению В. В. Бартольда, «жили в замках и по своему положению мало отличались от дехканов».⁸⁸ Наличие в бухарском владении лиц, занимавшихся торговлей международного значения, обуславливалось ее положением на «великом шелковом пути», соединявшем Китай со

странами Средиземноморья. Однако положение купцов среди господствующей прослойки общества, к которой они принадлежали, остается неясным. «Городом купцов», как известно, назывался Пайкент. В этой связи представляет значительный интерес рассказ о кушкшанах⁸⁹, богатых торговцах «иноземного происхождения». После выселения их из города арабами эти купцы-муги возвели 700 замков, при которых были устроены сады и построены дома для чакиров и подчиненных людей.⁹⁰

Под чакирами⁹¹ следует подразумевать дружину, которую содержали дехканы, или, как в данном случае, купцы-кушкшаны. В число подчиненных людей входили сауги и рабы, обслуживавшие хозяйство и торговлю.

Наименее ясным остается положение крестьянства: какая часть земледельцев оставалась свободной, какая входила в число «кедиверов» и в чем выражалась зависимость этих последних от их хозяев.

Рабовладение в Средней Азии не исчезло с крушением рабовладельческой империи Кушанов. В ту эпоху, которой посвящены эти строки, рабов было, видимо, много. Из них, как и позднее, при Саманидах, формировалась, возможно, и часть гвардии — чакиров.

В отличие от сасанидского Ирана, жречество в истории доаравской Средней Азии не играло сколько-нибудь значительной роли. Это можно объяснить тем, что здесь отсутствовала единая государственная религия, такая, каким был персидский зороастризм с его могущественными мобедами. В стране жили адепты многих соперничавших религий — култов местных божеств, связанных в какой-то мере с маэизмом, несторианского христианства, манихейства и, возможно, некоторых остатков буддизма.

Основная масса населения, как можно себе представить, придерживалась древних местных култов и легко воспринимала учения имевших религиозную окраску социальных движений, таких, как маэдаизм, из которого выросло движение «людей в белых одеждах».

⁸⁹ Чтение совершенно условное: в переводе Лыкошина (Наршахи. История Бухары, стр. 42) — «кякшашан», в каганской литографии (стр. 37) — كيكشاشان («какшашан»). Последняя форма этого слова, возможно, дана по аналогии с названием современного нам селения в 2—3 км к северу от Бухары. Значение: «вознички соловьев (или сеня)». Этим же словом обозначается Меленный путь.

⁹⁰ «История Наршахи»: كوشك خود دوستان و خانهاي جاكوران و اتباع خویش پنا كودند بر در (стр. 37). В переводе Лыкошина упоминается еще «поле» (т. е. пастбище), что, по-видимому, маловероятно (Наршахи. История Бухары, стр. 42).

⁹¹ Термин удерживался в форме «чухра» до недавнего времени. Так назывались военные дружины при дворах ханов и местных правителей, нечто вроде гвардии. Начальники их назывались «чухра-акасы». По данным, которые нам любезно сообщила Р. Г. Мукминова, отряды ханских чухра упоминаются нередко в XVI в.: отряд из чухра около тысячи человек сопровождал Шейбани-хана (Мухаммад-Салих Шейбани-Намэ СПб., 1908. стр. 138).

⁸⁷ Наршахи. История Бухары, стр. 54—55.

⁸⁸ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 183.

Внутри небольшого государства-области не было полного политического единства. Еще в большей мере это относится ко всей Средней Азии в целом. Мелкие царьки соперничали и враждовали друг с другом. Существовало ли какое-либо подобие конфедерации этих государств, в сущности, не известно. Табари⁹² сообщает, что правители государств-областей собирались в одном из городов по соседству с Хорезмом. Собрания происходили ежегодно. Правители давали взаимные обещания не воевать друг с другом и общими усилиями бороться с арабами. Остается неясным, являлись ли такие совещания учреждением постоянным или это была только попытка организовать противорабскую военную коалицию. Во всяком случае, как отмечает В. В. Бартольд, из истории арабского завоевания видно, что такая коалиция успеха не имела.⁹³

Материалы раскопок Варакши и других памятников времени, предшествующего арабскому завоеванию,—Пянджикента и др. дают возможность говорить об оживлении хозяйственной и культурной жизни в долине Зеравшана. Мы видим здесь блестящее развитие изобразительного искусства, яркими примерами чего являются стенные росписи, скульптура из глины, резьба по дереву. Строительное искусство после отменного нами временного упадка вырабатывает свои приемы, свою новую технику, резко отличающуюся от бытовавшей в рабовладельческий период. По-видимому, немало нового было внесено в приемы возведения сырцовых и балочных перекрытий. Керамические изделия этого времени грубее керамики первых веков нашей эры, но и здесь идет выработка новых типов и даже новых приемов декора, как это можно видеть на примере осыпанной слюдой керамики Кафир-калы близ Самарканда.⁹⁴ К этому же приблизительно времени относится и такой исключительный образец терракоты, как бия-найманские оссуарии. Упомянем, наконец, прекрасные изделия из серебра, преимущественно блюда, часть которых можно уверенно считать среднеазиатскими.

Отмеченный выше упадок городской жизни преодолелся вместе с оживлением хозяйственной деятельности. Временем, предшествующим арабскому завоеванию, следует, по-видимому, датировать сложение феодального города, обычно на той же территории, где находился старый рабовладельческий центр администрации, ремесла и торговли.

Нормальный ход развития Средней Азии был нарушен начиная с последней четверти VII в. вторжением арабских войск. Арабское завоевание,

как отметил А. Ю. Якубовский⁹⁵, «затронуло все стороны социально-политической, экономической и культурной жизни». Грaбеж населения, захват пленных, тяжелые повинности, херадж и джизия, «опечатавшие» налогодателей, карательные экспедиции и т. п. резко ухудшили положение главным образом трудовых масс. Правящая прослойка через некоторое время отказалась от борьбы и вступила в соглашение с завоевателями. Одно из важнейших последствий арабского завоевания А. Ю. Якубовский видит в увеличении удельного веса рабовладельческого уклада в феодальном обществе Средней Азии⁹⁶.

Отрицательная роль арабского завоевания сказалась и в области культуры. «Затем, после того, как Кутейба ибн Муслим аль-Бахли погубил хорезмийских писцов, убил священнослужителей и сжег их книги и свитки,—говорит Бирунни,—хорезмийцы остались неграмотными и полагались в том, что им нужно, на свою память»⁹⁷. Этот яркий пример наглядно показывает, какой остроты достигала борьба арабской военщины с чуждой им древней культурой среднеазиатских народов.

Не случайным был и разгром дворца бухарудов в Варакше—последнего дворца, который построил Буннат. Фрагменты прекрасного стукového декора очень сильно разбросаны. Возникает предположение, что здесь произошло не естественное запустение, а был учинен настоящий погром, хотя некоторые части здания использовались до X в. Во всяком случае, дворец после убийства Бунната воинами халифа больше как дворец уже не возобновлялся.

Насколько пострадал при этом город Варакша, с достаточной определенностью установить не удалось. Видимо, и здесь были значительные разрушения, так как для постройки позднейших домов понадобилось выкадывать предвительно мощные платформы из сырцового кирпича. Нельзя не отметить и того, что на Варакше и в ее окрестностях найдено значительное число монет времени арабского завоевания до Саманидов, как «черных дирхемов», битых по образцу «монет бухарудов», но с надписью «ал-Махди» позади головы царя, так и медных монет халифского чекана с арабскими легендами, битых в Бухаре⁹⁸. Собранные на поверхности земли находки дают возможность составить почти полную коллекцию этих монет. Находили их и при раскопках. Вместе с другими остатками культуры—керамикой и т. п.—они воссоздают картину оживленного торгового пункта, обязанного своим существованием в первую очередь тому, что он расположен на кратчайшем караванном пути в Хорезм.

⁹² Табари. ВГА. II, 394.

⁹³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 186.

⁹⁴ Эта характерная керамика обнаружена в большом количестве при исследовании гончарных печей около городища Кафир-кала (исследовалось в 1938 г. Н. Н. Забелиной и И. А. Сукаревым; материалы хранятся в Самаркандском музее).

⁹⁵ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 33.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Бирунни. Памятники минувших поколений.—Избранные произведения. Ташкент, 1950, стр. 63.

⁹⁸ Есть также и несколько тахиридских монет, чеканенных в Балхе.

Настоящий расцвет торгового поселения Варахии начинается все же позднее — в X в. К этому времени и относится рассказ «Истории Наршахи» о базаре, происходившем каждые пятнадцать дней, и ежегодной двадцатидневной ярмарке. Варахша не называется в источниках городом. Городом в оазисе, кроме Бухары, считали только Пайкент. Когда Исмаил Самани предложил построить в Варахше соборную мечеть, жители ее отказались от этого, сославшись на то, что Варахша не город и ей не подобает иметь такую мечеть. Впрочем, этот ответ мог быть продиктован и тем, что исламизация окраины оазиса, где находилась Варахша, проходила несколько медленнее, и жители не испытывали потребности в соборной мечети. Тем не менее можно сказать, что Варахша превращалась в феодальный город. Она вырастала за пределы древних стен; вокруг нее образовались рабады, которые, по словам Наршахи, «были подобны рабадам Бухары». Рабады эти существовали недолго: следы их ясно заметны на южной, юго-восточной и юго-западной сторонах, но достаточно мощного культурного слоя здесь не образовалось.

Оживленная жизнь Варахии в саманидское и раннекараханидское время подтверждается массой остатков культуры этого времени: керамики, стекла и т. п. В частности, на Варахше и в ближайших окрестностях собрано на поверхности и при раскопках верхних слоев паразитично большое количество саманидских и раннекараханидских медных монет, почти исключительно бухарского чекана.

Расцвет Варахии как большого торгового поселения, превращающегося в типичный феодальный город, не стоит, как известно, обособлять. В это же время происходит процесс оформления больших феодальных городов, таких как Бухара, Самарканд, Термез, Мерв, Нишапур и др. Города увеличиваются по площади за счет разрастающихся рабадов, в которых сосредоточивается, как правило, ремесленная и торговая деятельность. Возводятся новые стены, окружающие рабады, административные здания, мечети, медресе и т. п. Расцвет хозяйственной жизни сопровождался и небывалым расцветом культуры. В Средней Азии создается блестящая поэзия на таджикском языке, составляются мирового значения труды по философии, математике, астрономии, естествознанию, медицине. Достаточно назвать таких титанов мысли своего времени, как Фараби, Хорезми, Ибн-Сина, Бируни. Ремесленники создают великолепные по технике и художественной отделке изделия из глины и металла. Далеко за пределами Средней Азии славилась изготовленные здесь великолепные ткани. Мастера-строители оставили нам такие шедевры строительной техники и архитектурного искусства, как мавзолеев Саманидов в Бухаре, Рабати-Малик, мечеть в Деггаране (Хазара) и др.

Старое дехканство еще существовало. В руках некоторых представителей дехканской знати при Саманидах сосредоточивались огромные земельные

владения, что позволяло им соперничать с самими эмирами, содержать свои войска, иногда более многочисленные и сильные, чем войска Саманидов. Но рядом с ними выдвигались и новые такие же могущественные феодалы из выслужившихся тюрокских военачальников. И те и другие не желали подчиняться центральной власти, часто выступали против нее, составляя иногда большие антиправительственные коалиции. Строгая, казалось бы, организация государства Саманидов с ее диванами, правительственной почтой и контролем оказывалась совершенно беспомощной в борьбе против сепаратистских настроений могущественных вассалов, оставшихся полными хозяевами в своих владениях. Самая централизованность государства становится при этом только кажущейся: в действительности держава Саманидов уже при первых премьерах Исмаила Самани представляла собой раздробленное государство, история которого была полна феодальных неурядиц. Феодальные войны расшатывали государство, которое в конце X в. сделалось легкой добычей новых владык — караханидских ханов, газневидских эмиров и сельджукских султанов.

Средняя Азия — «сад повелителя правозерных», как называли Мавераннахр арабы, была в X в. одной из богатейших стран своего времени по уровню развития сельского хозяйства и разнообразной ремесленной промышленности в городах. Недаром географ-путешественник Истахри с таким восторгом описывает цветущее состояние оазиса Бухары: «...если ты поднимешься на крепость (Бухары), то взор твой во всех окрестностях упадет только на зелень, и эта зелень сливается с цветом неба; небо там как будто голубая крыша, опрокинутая на зеленый ковер, на котором видны замки»⁹⁹. Тем не менее предполагать значительное улучшение положения народных масс в этот период едва ли возможно, даже по сравнению с тяжелыми временами арабского завоевания. Разве только, что на первых порах после установления власти Саманидов, когда основоположник могущества этой династии Исмаил гордо заявлял, что он — «стена Бухары», освобождение от постоянного страха перед нападением извне дало возможность свободнее вздохнуть и земледельцу, и ремесленнику.

При Саманидах происходит дальнейшее развитие феодальных методов эксплуатации. К крупным поместьям, заключавшим целые районы и области, которыми владели дехканы и выдвинувшиеся представители гвардии и чиновничества, прибавились значительные владения мусульманского духовенства — вакфы. Мы не знаем, развивался ли уже в это время институт икта — условного земельного пожалования военным и чиновникам, как это было в то время в Иране и западных областях халифата, но о распространении издольной аренды, относительно которой А. Ю. Якубовский предпо-

⁹⁹ Перевод С. Волгина.

ложил, что она существовала еще во времена бухар-хуатов, об арендаторах-издольщиках, называвшихся барзигарами, можно говорить с полной определенностью. Следовательно, в это время было много крестьян, или совсем не владевших землей, или имевших такие незначительные участки, которые не обеспечивали их насущных потребностей.

О нелегком существовании трудовых масс свидетельствуют частые в этот период народные движения. Еще в начале правления Исмаила Самани в окрестностях Рамитана и Баркада собралось до 4 тыс. повстанцев («аубошон ва дуздон», т. е. «развратников и воров», как назвал их Наршахи)¹⁰⁰. В борьбе с ними Исмаилу помогли «знатные и высокопоставленные жители Бухары». До нас дошли сведения о восстании против Насра (914—943 гг.), о возмущении 961 г., когда был сожжен и разграблен дворец саманидского эмира. Наконец, в тот особенно критический для саманидской династии момент, когда ее представители вынуждены были в борьбе за власть с Караханидами обратиться за поддержкой к своему народу, эта поддержка не была им оказана.

При Караханидах икта сделалась одним из основных видов эксплуатации земель и сидевшего на землях крестьянства. Еще больше выросли земельные фонды, находившиеся в распоряжении духовенства. Несмотря на юридические ограничения, о которых говорит Низам-ал-Мульк¹⁰¹, иктадар (держатель икта) был, конечно, хозяином отданных ему в кормление земель.

Основную массу иктадаров составляли кочевники — представители караханидской аристократии и воины. Не имея отношения к земледелию и необходимых навыков для его развития, эти иктадары были заинтересованы только в получении дохода. Они вряд ли интересовались вопросами воспроизводства и улучшения земледелия, в частности наблюдением за правильным функционированием ирригационных систем, без которых в Бухарском оазисе вообще невозможна оседлая жизнь.

Кроме того, кочевники занимали под свои пастбища возделанные культурные земли, вследствие чего, по словам А. Ю. Якубовского, «в Мавераннахре, особенно в долине Зеравшана, погибло немало полей, багчей и садов»¹⁰².

Старая земледельческая знать постепенно сходилась со сцены. Исчезали дехканские владения, разрушались их замки. (Самое слово «дехкан» потеряло прежнее социальное значение и стало применяться к земледельцу-крестьянину.)

Все это не могло не отозваться на состоянии сельского хозяйства. Отголосок кризиса земледелия сохранился в «Истории Наршахи». Сам Наршахи в своей книге сообщал о чрезвычайно высо-

ких ценах на землю в Кушки-Муган, когда участок, обрабатываемый одной парой волов («джуфт»), стоил до четырех тысяч дирхемов. Переводчик книги Абу Нарс Ахмад Кубави в 522 (1128) г. сообщал, что в его время эти земли были настолько дешевы, что их отдавали даром, и никто не хотел брать. Он же дает и объяснение этого явления: «Кто и купил землю, она у него оставалась пустою, вследствие насилий и жестокостей, какие приходилось переносить подданным»¹⁰³.

В связи с этим можно предположить, что кризис земледелия, а следовательно и земледелия, на который указывает приведенное сообщение, должен был в первую очередь отозваться на низовых частях ирригационных систем. Поддержание в порядке оросительных каналов здесь было делом особенно трудным. Уклоны этих каналов были невелики, что вызывало необходимость регулярной очистки их от ила и песка, заполнявших русло. Значительная часть каналов проходила в искусственно созданных берегах-дамбах, требовавших также постоянного ремонта. Кроме того, окраины оазиса, далеко врезавшиеся в пустыню, страдали от постоянных набегов кочевых племен, которые в неспокойное время феодальных войн были обычным явлением.

При этих условиях достаточно было одной опустошительной войны или карательной экспедиции против недовольного крестьянства, чтобы оросительной системе, а следовательно и земледельческому хозяйству, был нанесен непоправимый удар. Происходило постепенное запустение больших территорий, а затем и движение песков, не сдерживаемых больше обрабатываемыми полями и древесными насаждениями.

Варахша и окрестности этого селения дают весьма веские доказательства постепенно углублявшегося кризиса. Если мы можем говорить о большой населенности описываемого района в X в. и в начале XI в., то более поздние остатки культуры становятся значительно реже, грубее и, наконец, совсем исчезают.

В XII в. если даже и держалась еще какая-то жизнь в этом районе, она не могла идти ни в какое сравнение с расцветом, переживаемым в предыдущий период.

Аналогичное явление наблюдается в истории Пайкенда. Богатый «город купцов» во времена правления Арслан-хана (1102—1130 гг.) оказался настолько опустевшим, что хану пришлось дать приказ о его восстановлении. Попытка оживления Пайкенда не имела успеха¹⁰⁴. Город запустел так же, как Варахша.

Этим и заканчивается история Варахши как крупного торгового селения, важной станции на пути в Хорезм.

Предметы, которые можно было бы отнести к монгольскому периоду, ни на Варахше, ни на окру-

¹⁰⁰ «История Наршахи», стр. 102.

¹⁰¹ «Сисат-Намэ». Перевод Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949, стр. 34 и сл.

¹⁰² «История народов Узбекистана», т. I, стр. 292.

¹⁰³ «История Наршахи», стр. 38—39; А. Ю. Якубовский и др., Указ. соч., стр. 289.

¹⁰⁴ «История Наршахи», стр. 22—23.

жающих ее буграх мы не находили. По-видимому, в это время весь район был заброшен и выпал из состава орошенных земель.

Какое-то неполное, и, вероятно, кратковременное оживление некоторых частей района Варахши имело место в тимуридское время: в XV и, может быть, в начале XVI в. Об этом свидетельствует типичная тимуридская, так называемая кашинная, керамика, обломки которой были найдены в нескольких местах. Мы уже упоминали, что керамика этого типа встречалась несколько раз в окрестностях Варахши.

Однако эти места находок остатков культуры XV в. всегда ограничены по площади и разбросаны одно от другого на довольно большие расстояния, что не идет ни в какое сравнение со сплошными на огромном пространстве россыпями керамики IX — начала XI в.

Надо полагать, что это не остатки земледельческой жизни. Скорее всего здесь были лишь какие-то временные поселения, связанные со станциями-рабатами на караванной дороге, крепостями против набегов со стороны Хорезма или, наконец, с издревле почитавшимися местами культа — мазарами.

Позднее, начиная с XVI в., и эти поселения или часто посещавшиеся окрестными жителями места совсем опустели. Только на расстоянии одного-двух километров от современного оазиса еще были какие-то незначительные селения в XVIII—XIX вв., да несколько разбросанных мазаров — Ходжа-Убан, Ходжа-Зафаран, Ходжа-Парсан, Хазрет Кыз-биби.

Оживленный район древней культуры превратился в безжизненную пустыню с редкой и скудной растительностью и мощными песчаными барханами.

ТАБЛИЦЫ

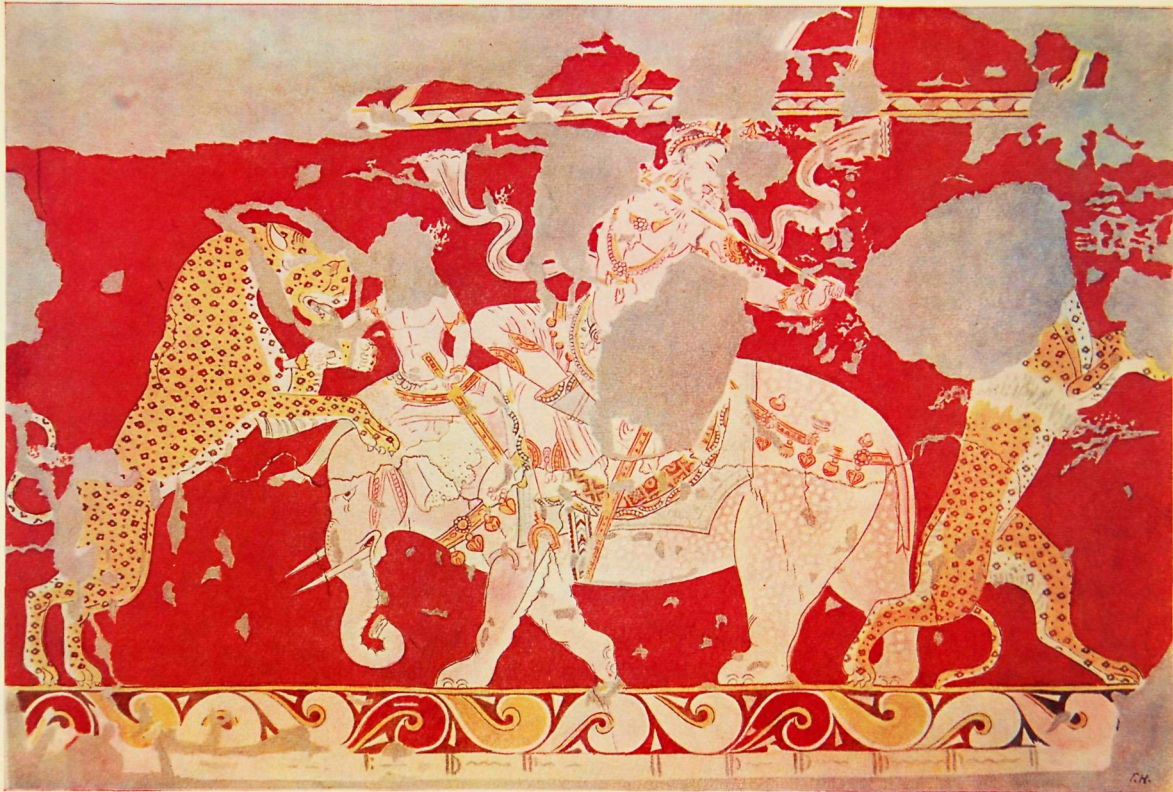
Первая композиционная группа на западной стене Красного зала (фрагмент)

Вторая группа на западной стене Красного зала

Третья группа на западной стене Красного зала

Четвертая группа на западной стене Красного зала

Голова всадника из четвертой группы на западной стене Красного зала

Первая группа на южной стене Красного зала

Вторая группа на южной стене Красного зала

— Третья группа на южной стене Красного зала

Первая группа на восточной стене Красного зала

Вторая группа на восточной стене Красного зала

Третья группа на восточной стене Красного зала

Панно, найденное в завале Красного зала (фрагмент)

Фрагмент первоначальной росписи Красного зала

Композиция в левой части южной стены Восточного зала

Композиция в правой части южной стены Восточного зала

Детали живописи на южной стене Восточного зала

Фрагмент композиции на западной стене Восточного зала

Всадник из росписи Восточной анфилады

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — «Вестник древней истории»
 ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
 ЗВО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества»
 ЗИВ — «Записки Института востоковедения АН СССР»
 ЗРАО — «Записки Русского археологического общества»
 ИАН СИФ — «Известия Академии наук СССР, серия истории и философии»
 ИАН УзССР — «Известия Академии наук Узбекской ССР»
 ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры»
 ИИА АН УзССР — Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
 ИРАИМК — «Известия Российской Академии истории материальной культуры»
 ИООН АН ТаджССР — «Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР»
 ИСАГО — «Известия Среднеазиатского географического общества»
 ИТОРГО — «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества»
 ИУзФАН — «Известия филиала Академии наук Узбекской ССР»
 КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР»
 МАР — «Материалы по археологии России»
 МАЭ — «Материалы по археологии и этнографии»
 МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
 МИТТ — «Материалы по истории туркмен и Туркменин»
 ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии»
 СА — «Советская археология»
 САГУ — «Среднеазиатский государственный университет»
 СВ — «Советское востоковедение»
 СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа»
 СОНАТ — «Социалистическая наука и техника»
 Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по охране памятников старины и искусства
 СЭ — «Советская этнография»
 ТВОРАО — «Труды Восточного отделения Русского археологического общества»
 ТОВЭ — «Труды отдела Востока. Государственный Эрмитаж»
 ТХЭ — «Труды Хорезмской экспедиции»
 Узкомстарис — Узбекистанский комитет по охране памятников материальной культуры
 ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
 AJ — «Asiatic Journal»
 AJA — «The American Journal of Archaeology»
 BGA — «Bibliotheca geographorum arabicorum»
 GMS — «Gibb memorial series»
 JA — «Journal asiatique»
 MDFA — «Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan»
 P.-W. — «Pauli-Wissowa, Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft»
 RAA — «Revue des Arts asiatiques»
 SPA — «A Survey of Persian Art»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Часть I

БУХАРСКИЙ ОАЗИС

Глава I. Некоторые географические особенности	8
Глава II. Из истории археологического изучения Бухарского оазиса	13
Глава III. Предварительные историко-топографические данные	19

Часть II

ГОРОДИЩЕ ВАРАХША И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Глава I. Городище Варахша	34
Глава II. Дворец бухар-худатов	53
Глава III. Цитадель	85
Глава IV. Жилища горожан	97
Глава V. Древняя башня и укрепления Варахши	107
Глава VI. Раскопки в центре городища	112
Глава VII. Сельская округа Варахши	128

Часть III

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕГО ИСКУССТВА

Глава I. Стенная живопись	150
Глава II. Алябастровый декор	166
Глава III. Место памятников Варахши в истории искусства Средней Азии	187
Заключение	225
Таблицы	247
Список сокращений	249

Василий Афанасьевич Шишкин

ВАРАХША

Утверждено к печати Институтом истории и археологии АН УССР

Редактор издательства А. М. Алексеева. Художник Н. А. Седельников

Технический редактор Г. Н. Шевченко. Корректоры А. И. Дедов, Г. А. Повар

Сдано в набор 4/1 1963 г. Подписано к печати 20/VI 1963 г. Формат 60 × 90¹/₄. Печ. л. 31¹/₄ + 20 вкл.
(3,5 печ. л.) 33,4 уч.-изд. л. Тираж 2000 экз. Т. 07930. Изд. № 1128. Тип. зак. № 1569

Цена 2 р. 80 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-62, Подосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

